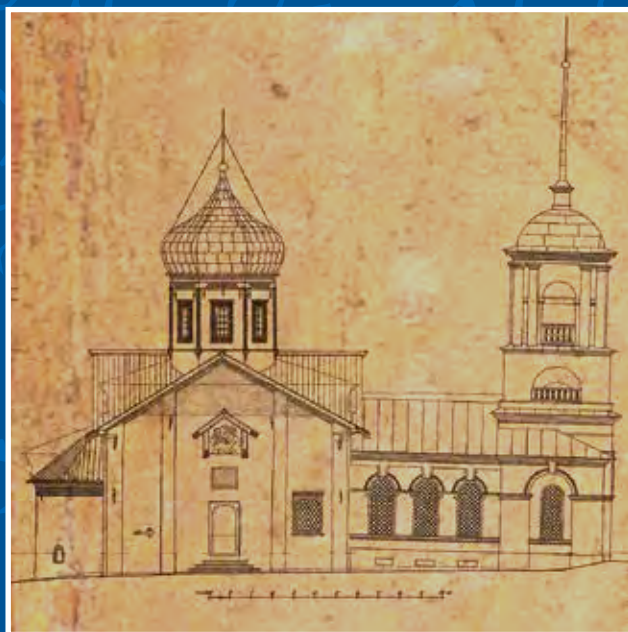

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ВЫПУСК VIII

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА РОССИИ: «ЮГРА – ВОЛОСТЬ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО В XI–XV ВВ.»

(СВОД ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ)

ЧАСТЬ II

ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
DEPARTMENT OF PUBLIC AND EXTERNAL AFFAIRS OF THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA

ФОНД-ОПЕРАТОР ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ ПО РАЗВИТИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
OPERATOR FUND OF THE PRESIDENTIAL GRANTS FOR THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
INSTITUTE FOR THE MATERIAL CULTURE HISTORY OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. ЮГОРСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
SURGUT STATE UNIVERSITY YUGRA. LABORATORY FOR ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
THE INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY, URAL BRANCH OF RUSSIAN SCIENTIFIC ACADEMY

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА
URAL FEDERAL UNIVERSITY NAMED AFTER FIRST PRESIDENT OF RUSSIA B. N. YELTSIN

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»
«SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION «NORTHERN ARCHAEOLOGY-1» LTD

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»
ANO «INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH»

DEPARTMENT OF PUBLIC AND EXTERNAL AFFAIRS OF THE KHANTY-MANSI
AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA

OPERATOR FUND OF THE PRESIDENTIAL GRANTS FOR THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

INSTITUTE FOR THE MATERIAL CULTURE HISTORY OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

SURGUT STATE UNIVERSITY YUGRA.
LABORATORY FOR ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

THE INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY,
URAL BRANCH OF RUSSIAN SCIENTIFIC ACADEMY

URAL FEDERAL UNIVERSITY
NAMED AFTER FIRST PRESIDENT OF RUSSIA B. N. YELTSIN

«SCIENTIFIC PRODUCTION ASSOCIATION «NORTHERN ARCHAEOLOGY-1» LTD

ANO «INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY OF THE NORTH»

Research materials on the history of the North of Western Siberia
Issue VIII

ARCHEOLOGY OF THE NORTH OF RUSSIA:
«UGRA – THE COUNTY OF NOVGOROD
THE GREAT IN THE XI–XV CENTURIES»

(A COLLECTION OF SOURCES AND STUDIES)

PART II

COLLECTION OF PAPERS OF
RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE WITH
SURGUT, OCTOBER 1-5, 2018

Surgut – Nefteyugansk – Ekaterinburg
2019

ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

ФОНД-ОПЕРАТОР ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ ПО РАЗВИТИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ.
ЮГОРСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири
Выпуск VIII

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА РОССИИ: «ЮГРА – ВОЛОСТЬ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО В XI–XV ВВ.»

(свод источников и исследований)

ЧАСТЬ II

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. СУРГУТ, 1-5 ОКТЯБРЯ 2018 Г.

Сургут – Нефтеюганск – Екатеринбург
2019

УДК 930.85 (=161.1):902
ББК 63.3(2)-7:63.4
А 87

Серия основана в 2002 году

Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры РАН от 30 мая 2018 г.

Редакционная коллегия

д-р ист. наук Е. А. Рыбина, д-р ист. наук Н. В. Хвоцинская, д-р ист. наук А. И. Сакса,
д-р ист. наук А. В. Курбатов, канд. ист. наук Б. Б. Овчинникова

Ответственный редактор

д-р ист. наук В. А. Лапшин

Рецензенты

д-р ист. наук Н. М. Чаиркина, д-р ист. наук И. В. Побережников

Издательская группа

канд. ист. наук О. В. Кардаш, канд. ист. наук Б. Б. Овчинникова, З. Г. Гайдакова, В. В. Гаевская

Техническое редактирование иллюстративного ряда: Е. В. Шилинг

Издание выполнено по результатам Всероссийской научной конференции «Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв.» (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года), которая осуществлялась на средства Фонда президентских грантов по проекту № 18-1-002471 «Археологические древности Югры», на средства субсидии Департамента общественных и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и собственные средства БУ ВО «Сургутский государственный университет».

Сборник подготовлен к печати на собственные средства АНО «Институт археологии Севера», ООО «НПО «Северная археология-1».

А 87 Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований : сборник материалов Всероссийской научной конференции (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года) : в 2 частях / отв. ред. В. А. Лапшин. – Сургут ; Нефтеюганск ; Екатеринбург : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2019. – Часть II. – 492 с. : ил. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири ; вып. VIII). – Выходные сведения, огл. парал. рус., англ.

ISBN 978-5-6040401-2-6

Данный сборник является результатом совместной работы югорских и российских историков в рамках второй конференции «Археология Севера России» (г. Сургут 1–5.10.2018 г.). В нем представлены актуальные исследования о Югре прежних лет и результаты новейших археологических и исторических работ. Материалы локализованы в рамках хронологического периода XI–XV веков, когда Югра именовалась в составе земель Новгорода Великого. В настоящем сборнике впервые публикуются итоговые материалы последних лет археологического изучения городища Бухта Находка, Надымского городка и Тазовской мастерской, давшие подтверждение присутствия выходцев Северо-Восточной Европы на территории Западной Сибири и непосредственных контактов с аборигенными жителями – летописной югорой. Издание является сводом источников и исследований необходимых для составления одного из разделов «История Ханты-Мансийского автономного округа-Югры».

Издание рассчитано на научных работников в области археологии, этнографии, истории, культурологии, на специалистов в сфере междисциплинарных исследований, а также преподавателей вузов и студентов.

УДК 930.85(=161.1):902
ББК 63.3(2)-7:63.4

ISBN 978-5-6040401-2-6

© АНО «Институт археологии Севера», 2019
© ООО «НПО «Северная археология-1»», 2019
© БУ ВО «Сургутский государственный университет», 2019
© Авторы опубликованных материалов, 2019
© Оформление. Издательская группа
АНО «Институт археологии Севера», 2019

ЮГРА В СФЕРЕ ВЛИЯНИЯ
НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Тексты Сказания «О человецех незнаемых в Восточной стране»*

I Редакция

Сказания «О человецех незнаемых в Восточной стране»

Публикуется по рукописи:

ГБЛ, Музейное 3271, л.16–17 М

Разночтения:

БАН, 4.3.15, л.40 об.-41 Б

[1] (л. 16) На Восточной стране за Югорскою землею над морем живут люди самоедь, зовомы малгонзеи¹. А ядят мясо оление да рыбу, да межи собою друг друга ядят. А гость к ним придет, и они дети свои² залают на гостей, да тем кормят. А которой у них умрет, и они снедают. А в землю не хоронят.

А люди резвы, не велики възрастом, плосковиды, носы малы, аездят на оленях. А³ платье носят соболье и оление. А торг у них соболи.

[3] В той же стране за теми, над морем же, есть иная самоедь: по пуп мохнаты до долу, а от пупа вверх как и прочии человеци. А ядь их рыба да мясо. А торг их соболи да песци^{4а}, да оление кожи.

[4] В той же стране за теми людьми, над тем же морем, иная самоедь таковы. Вверху рты, рот на темяни, а видение в пошлину человекье. А коли едят, и они крошат мясо или рыбу, да кладут под киверь или под шапку. И как почнет ясти, и он плечима движет вверх и вниз. А немь, не говорят.

[5] В той же стране за теми иная самоедь такова. Как и прочии человеци, но зиме умирают на два месяца. Имарают тако: как которого где застанет в те месяци, той тут и сядет. А у него из носа вода изойдет, как от потока, да вмерзнет к земли. И кто человек иные земли неведением потом той отразит у него, и он умрет. Той ужь не оживет, а иные оживают, как солнце ся (л.16об.) на лето вернет. Так на всякий год^{5б} оживают и умирают.

[6] В той же стране, вверх Оби реки великиа есть такова земля, Баид зовома. Леса на ней нет, а люди на ней как и прочии человеци, но живут в земле. А ядят мясо соболие. А иногo у них не-которого зверя нет, опричь соболи. А носят платие все соболие, и рукавици и ногавици, а иногo никоторого платья, ни товара у них нет. А соболи же у них таковы: черны велми и великы, шерсть

* Публикуем текст сказания «О незнаемых человецех», основываясь на предварительных суждениях о его текстологии, предложенных в статье 1987 г.: Плигузов А. И. Первые русские описания. С. 42–23. Текст публикуется по правилам РФА, см.: РФА. М., 1986. 4.1. С. 42–43. Н. А. Кобяк сверила с оригиналами списки ГПБ, Соколов.844/954 и ГБЛ, Муз.4305. Список ЦТАДА, ф.196, № 898 сверен по фотокопии, переданной мне И. А. Тихонюком.

¹ молгонзеи Б.

² своя Б.

³ отсюда в Б текст утрачен

^{4а} в М да песцици написано дважды

^{5б} в М первоначально было написано году, затем последняя буква зачеркнута

живого соболя по земли ся волочит.

[7] В той же стране есть такова самоедь: в пошлину аки человеци, без голов, рты у них меж плечми, а очи в грудех. А ядь их головы олении сырые. И коли яст, и он голову олению вьскинет на плечи, и на другой день кости вымечет туда же. А не говорят. А стрельба их такова: трубка железна в руке, а вь другой стрелка железна. Да вложит стрелку ту в трубку, да бьет молотком в стрелку ту. А товару у них нет некоторого.

[8] Вверх тоя же реки Оби, в той же стране есть иная самоедь. Ходят по подземелью иною рекою, день на ночь, а ходят с огни и выходят на озеро. Оно, деи, свет как и у нас над тем озером. И стоит, деи, град велик над ним, а посада нет. И коли пойдут к граду тому, ино, деи, шум велик слышети в граде том, как и в прочих градех. (л.17) И как приидут в него, ино людей в нем нет, ни шуму никоторого, ни иного чего животна. Толико в всяких дворех сти и пити много всего, и товару всякого, како и кому надобе. И что кому надобе, и он положит цену противу того, да возмет, и прочь отходят. А кто что без цены возмет, и как прочь отъидет, и товар изгинет у него, и обрящется паки в своем месте. И как⁶ прочь отходят к себе, и шум паки слышети, как и прочих градех.

[9] В В[ъ]сточной⁷ же стране есть иная самоедь, зовома каменская. Облежит около Югорьския⁸ земли, а живут по горам по высоким. А ездят на оленях. А платие носят оление и соболие. А ядят мясо оление, да и собачанину, и бобровину сыру⁹ ядят. А кровь пьют всякую, и человечю. Да есть у них таков люди лекари. У которого человека внутри не здорово, и они брохо¹⁰ режут, да нутро¹¹ выимают и очищают, и паки заживляют.

Да та же самоедь, скажут, видали з горы подле море мертвых своих: идут, плачи¹² а за ними идет велик человек, пганяа их палицею железною.

2 редакция

Сказания «О человецех незнаемых в Восточней стране»

Публикуется по рукописи:

ГПБ, Соловецкое собр. 844/954, л.303–307 об С

Разночтения:

ГПБ, Софийское собр. 1462, л.84–86 Соф

ГПБ, собр. Погодина 1572, л.112–114 об Пог

ГИМ, Синодальное собр. 272, л. 340–343 Син

ЦГАДА, ф.181, №591, л.692–696 Ц

ГБЛ, собр. Попова 59, л.73–75 об П

ГБЛ, собр. Беляева 43, л.66–68 Л

ГБЛ, собр. Овчинникова 802, л.337–339 О

ГБЛ, собр. Ундольского 761, л.85–88 У

ГБЛ, собр. Попова 62, л.85–88 об В

ГБЛ, собр. Иузейное собр. 4305, л.186–188 Муз

Собр. Царского 245/собр. Уварова, временный № 312 (список утрачен: в разночтениях используется публикация Д. Н. Анучина Ув

⁶ с этих слов и до конца сохранился текст Б.

⁷ Вьсточной Б.

⁸ Югорские Б.

⁹ сыро Б.

¹⁰ брюхо Б.

¹¹ нутрь Б.

¹² плачуци Б.

О человецех незнаемых в¹³ Восточней стране¹⁴.

[1] (л.303) На¹⁵ Восточней стране¹⁶ за Югорьскою землею¹⁷ над морем¹⁸ живут люди¹⁹ самоедь, зовомы молгонзеи²⁰. А²¹ ядь²² их²³ мясо оленье да рыба, да²⁴ межю²⁵ собою друг друга ядят²⁶. А гость (л.303об.) к ним откуда приидет, и они дети свои залают на гостей, да тем²⁷ кормят. А которой гость у них²⁸ умрет, и они²⁹ того снедают³⁰, а³¹ в землю³² не хоронят, а³³ своих тако же.

Сия³⁴ же люди невелики възрастом³⁵, плосковицы, носы³⁶ малы, но резвы велми и³⁷ стрелцы скоры и горазди³⁸. А³⁹ яздыт на оленех и га собаках⁴⁰. А платие носят соболие и оленье⁴¹. А товар их⁴² соболи⁴³.

[2] В той же стране⁴⁴ иная самоедь такова же⁴⁵, линная⁴⁶ словет⁴⁷. Лете⁴⁸ месяц⁴⁹ живут в мори, (л.304) а сусе⁵⁰ не живут⁵¹ того ради⁵², занеже⁵³ тело на них трескается. И⁵⁴ они тот месяц в воде лежат⁵⁵, а⁵⁶ на берег не смеют⁵⁷ вылести⁵⁸.

¹³ на П ПОГ Син Ц Муз; к У.

¹⁴ Слово о человецех незнаемых Л; нет О; доб. о языцех разных и иновидных Соф; доб. языцех розных Пог П Син Ц В Ув; доб. первое У.

¹⁵ в Л.

¹⁶ На Восточней стране нет Муз.

¹⁷ странюю Син Ц; на Югурскую землю У.

¹⁸ доб. окянном П Син Ц

¹⁹ доб. над морем Л.

²⁰ малгонзеи Соф Пог О Муз; молгонъзеи П Син Ц; молгозии Л; монгазеи У.

²¹ Нет Пог О В.

²² ества Соф О; а ядят они У

²³ нет У.

²⁴ а П Син Ц.

²⁵ доб. ими зачеркнуто О.

²⁶ ядь Муз.

²⁷ нет Пог В Л.

²⁸ у них гость Соф Пог П Син Ц В.

²⁹ и они нет Муз

³⁰ и съядят Л

³¹ и Л

³² доб. его П Син Ц

³³ и Л

³⁴ се Соф О П Син Ц; сии Пог Л

³⁵ доб. и Син Ц

³⁶ не Л

³⁷ нет У

³⁸ доб нас У

³⁹ нет У

⁴⁰ а яздыт на оленех и на собаках нет Соф О

⁴¹ доб. а ездыт на оленех и на собаках Соф О

⁴² у них П Син Ц

⁴³ доб. второе У

⁴⁴ доб. за теми людьми за тем же морем живут люди Соф; за теми же людьми над морем же живут П Син Ц; за теми людьми над морем же живут Л; за теми людьми над морем живут Пог В Ув

⁴⁵ нет Пог В Л

⁴⁶ а ина Л

⁴⁷ вместо в той же стране иная самоедь такова же, линная словет: о стране зе теми людми, за тем же морем живут люди О; доб. в О У В

⁴⁸ нет Л; летом Муз

⁴⁹ доб. июнь П Син Ц

⁵⁰ сухе Пог У

⁵¹ не жут О

⁵² того деля того месяца Соф Пог О В Ув; месяца П Син Ц

⁵³ понеже Пог; доб. тогды Соф О; нет В

⁵⁴ а Л

⁵⁵ живут Л

⁵⁶ и Син Ц

⁵⁷ могут Пог Л В Ув

⁵⁸ вместо смеют вылести: вылазят Соф О; изходят П Син Ц; доб. третя У

[3] В той же стране⁵⁹ есть иная самоедь⁶⁰: по пуп⁶¹ люди мохнаты до долу⁶², а от пупа вверх яко же⁶³ и ⁶⁴ прочие человеци. А ⁶⁵ ядь их⁶⁶ рыбы и⁶⁷ мясо. А торг⁶⁸ их⁶⁹ соболи⁷⁰ и⁷¹ песцы, и⁷² пыжи, и⁷³ олени кожи⁷⁴.

[4] В той же стране⁷⁵ мная самоедь⁷⁶: вверху⁷⁷ рты⁷⁸ на темени⁷⁹, а не говорят. А образ в пошлину человек⁸⁰. А ⁸¹ коли ядят, и они крошают мясо или⁸² (л.304об.) рыбу, да кладут под колпак⁸³ или⁸⁴ под шапку⁸⁵. И⁸⁶ как почнут⁸⁷ ясти, и они плечима движют⁸⁸ вверх вниз⁸⁹.

[5] В той же стране⁹⁰ есть иная самоедь⁹¹: яко же ⁹² и ⁹³ прочие человеци, но зими⁹⁴ умирают на два месяца. Умирают же⁹⁵ тако: как⁹⁶ где⁹⁷ которого⁹⁸ застанет⁹⁹ в те месяци, тот ту¹⁰⁰ и ¹⁰¹ сядет, а у него из носа вода изойдет¹⁰², как от потока¹⁰³, да примерзнет к земли¹⁰⁴. И кто

⁵⁹ [в] той же стране за теми людьми над тем же морем Соф; о стране за теми людьми над тем же морем О; за теми людьми над морем живут Ув; доб. за теми же людьми над морем же П Син Ц; доб. за теми л.д.ми над морем П Л В

⁶⁰ иная самоедь есть В

⁶¹ до пупа Л; пуд О; пупу В

⁶² до долу нет Л

⁶³ как Соф Пог О Л П Син В Ув

⁶⁴ нет В

⁶⁵ нет В

⁶⁶ едят они У

⁶⁷ да Соф О Л П Син Ц

⁶⁸ товар О Л

⁶⁹ нет В

⁷⁰ доб. да лисицы Л

⁷¹ да Соф Пог О Л П Син Ц В

⁷² да Соф Пог Син П Ц В

⁷³ да Соф Пог О П Син Ц В

⁷⁴ доб. а платье носят, в том же шьют Соф; а платье носят то же О; доб. четвертая У

⁷⁵ за теми людьми над тем же морем П Син Ц В; за теми людьми над морем живут Л; в той же стране за теми людьми над тем же морем Соф; о стране за теми людьми над тем же морем есть О

⁷⁶ доб. такова Соф Пог О Л П Син Ц В

⁷⁷ словут П Син Ц

⁷⁸ доб. рот Соф Пог Л П Син Ц В; доб. зовомы рот О

⁷⁹ на темени имеют Соф; над теменем имеют О; на теме У

⁸⁰ человек У; а видение в пошлину человек Соф О П Син Ц; а видение в пошлину человеци Пог Л В Ув

⁸¹ нет Л; и Соф О

⁸² и Л

⁸³ колпаки Пог; колпаки Л В; шапки

⁸⁴ под колпак или нет Соф О

⁸⁵ шапки Соф; шапки Л

⁸⁶ а О Л; нет П Син Ц

⁸⁷ учнут О

⁸⁸ доб. ся Муз; доб. и Соф О

⁸⁹ доб. пятая У

⁹⁰ вместо в той же стране: о стране за теми людьми О; доб. за теми людьми Соф Пог Л П Син Ц В

⁹¹ доб. такова Соф Пог О Л П Син Ц В

⁹² как Соф Пог О Л П Син Ц; како В

⁹³ нет Л

⁹⁴ по зиме Пог; зиме Соф Л П Син Ц Муз В; но в зиме О; на зиме У

⁹⁵ нет Л

⁹⁶ нет У

⁹⁷ нет Соф

⁹⁸ вместо где которого: которого где О У П Син Ц

⁹⁹ доб. зима Син Ц; вместо которого застанет: застанет котораго Пог Л В

¹⁰⁰ той тут В; то тут Пог; тут Л У Муз; той тут Соф П Син Ц; то той О

¹⁰¹ нет О

¹⁰² изыдет П Син Ц; вместо из носа изойдет: вода идет из носа Л

¹⁰³ доб. сопля П Син Ц

¹⁰⁴ вместо да примерзнет к земли: да вмерзнет в землю Соф О; да вымерзнет к земли пог Л В; да возмерзнет к земли П Син Ц

человек иные земли невидением¹⁰⁵ поток той¹⁰⁶ отразит у него, и¹⁰⁷ сопхнет¹⁰⁸ с места, и он¹⁰⁹ умрет¹¹⁰, то уже не оживет. А не¹¹¹ сопхнет с места¹¹², той¹¹³ (л.305) оживет. И познает и¹¹⁴ речет ему¹¹⁵: О чем¹¹⁶ мя еси¹¹⁷, друже¹¹⁸, поуродовал? А иные¹¹⁹ оживают¹²⁰, как солнце на лето вернется¹²¹. Тако¹²² на всякий год¹²³ оживают и умирают¹²⁴.

[6] В той же¹²⁵ стране вверху¹²⁶ Оби¹²⁷ реки великия¹²⁸ есть¹²⁹ земля, Баид¹³⁰ именуется¹³¹. Леса на ней нет¹³², а люди¹³³ – как и¹³⁴ прочие человеци, живут в земли. А¹³⁵ едят¹³⁶ мясо соболие. А иногo у них некоторого¹³⁷ зверя¹³⁸ нет¹³⁹, опроче соболи. А носят платье все¹⁴⁰ соболие, и¹⁴¹ рукавицы и ногавицы. А иногo платья у них¹⁴² нет¹⁴³, ни товару некоторого¹⁴⁴. А соболи же¹⁴⁵ у них (л.305об.) черны велми и великы¹⁴⁶: шерсть¹⁴⁷ живого¹⁴⁸ соболи¹⁴⁹ по земли ся волочит¹⁵⁰.

¹⁰⁵ неведением Соф У; неведанием Пог О Л Син Ц Муз В Ув

¹⁰⁶ то толко Пог; то толке В; толке Л

¹⁰⁷ нет Пог

¹⁰⁸ спехнет его Соф О В; вместо отразит у него, и сопхнет: отразит и вспрянет Л

¹⁰⁹ ин Пог В

¹¹⁰ вместо он умрет: оне умрет Л

¹¹¹ аще ли не П; аще ли кто не Син Ц

¹¹² доб. то Пог В; и он умрет, то уже не выживет. А не сопхнет сместа нет Соф; вместо и он умрет, то уже не оживет. А сопхнет с места: то О Ув

¹¹³ тот Л и он У

¹¹⁴ нет В

¹¹⁵ нет Соф О; с нему В

¹¹⁶ сем Муз

¹¹⁷ нет У

¹¹⁸ брате Пог; нет л Син В

¹¹⁹ и паки Соф О; нет Пог; оне Л; они В Ув

¹²⁰ оживляют Л

¹²¹ поворотится Пог О П Син Ц В; возвратится Л

¹²² доб. же Пог; той Л

¹²³ на всякой зиме Л; доб. каждо В

¹²⁴ доб. шестая У

¹²⁵ нет Л; вместо той же : о О

¹²⁶ верху В

¹²⁷ Обе Муз

¹²⁸ доб. поперег ея ехати день летний П Син Ц; вместо Оби реки великия: реки Оби великия В

¹²⁹ доб. такова Соф Пог О Л П Син Ц В

¹³⁰ Балд Пог; Бад У; Блид В; Саид Ув

¹³¹ именуема Л

¹³² на нету Л; несть Муз

¹³³ доб. на ней Соф Пог О Л П Син В

¹³⁴ нет Л

¹³⁵ нет п Син Ц

¹³⁶ едь их Соф; ядь их Л; яд их О

¹³⁷ нет В

¹³⁸ вместо некоторого зверя: зверя некоторого Пог П Син Ц; нет О

¹³⁹ нету Л; несть Муз В

¹⁴⁰ нет Пог О Л В

¹⁴¹ нет В

¹⁴² доб. некоторого Л; вместо платья у них: платья О В

¹⁴³ вместо у них нет: нет у них П Син Ц

¹⁴⁴ нет Л

¹⁴⁵ нет О Л

¹⁴⁶ доб. и Л; и великы нет Муз

¹⁴⁷ шерстью Син; доб. у П Син Ц

¹⁴⁸ живая а Л; жива Пог В

¹⁴⁹ соболя Соф О У П Син Ц Муз

¹⁵⁰ волочат Л В; вместо ся волочит: волочится Муз

[7] В той же стране¹⁵¹ – иная¹⁵² самоедь¹⁵³: по обычаю¹⁵⁴ человеци¹⁵⁵, но без глав. Рты у них межы¹⁵⁶ плечми, а очи¹⁵⁷ в грудех. А ядь их¹⁵⁸ головы олении сырые¹⁵⁹. И¹⁶⁰ коли им ясти, и они головы олении¹⁶¹ возметывают¹⁶² себе в рот¹⁶³ на плечи, и¹⁶⁴ на другой день кости¹⁶⁵ измещуть¹⁶⁶ из себя туда же¹⁶⁷. А не¹⁶⁸ говорят. А¹⁶⁹ стрелба же¹⁷⁰ их¹⁷¹ – трубка железна в руке, а в¹⁷² другой руке¹⁷³ стрелка железна. (л.30б) Да стрелку ту^{174а} въкладывает в трубку, да бьет молотком в стрелку¹⁷⁵. А товару у них никоторого нет¹⁷⁶.

[8] Вверхь¹⁷⁷ тоя же реки великия¹⁷⁸ Оби¹⁷⁹ есть¹⁸⁰ люди¹⁸¹, ходят по¹⁸² под землею¹⁸³ иною рекою, день да¹⁸⁴ ночь с огни¹⁸⁵. И¹⁸⁶ выходят на¹⁸⁷ озеро, и над тем озером¹⁸⁸ свет пречюден и град велик¹⁸⁹, а посаду нет¹⁹⁰ у него¹⁹¹. И кто поедет¹⁹² к граду тому, и тогда¹⁹³ слышити шум велик¹⁹⁴ в граде

¹⁵¹ доб. за теми людьми Л; доб. есть У вместо в той же стране: о стране О

¹⁵² есть такова Соф Пог О П Син Ц в

¹⁵³ иная самоедь нет Л

¹⁵⁴ вместо по обычаю: в пошлину как Соф; в пошлину аки Пог О Л П Син Ц В

¹⁵⁵ человеческому У

¹⁵⁶ межь Соф О Л Муз В; межю П Син Ц

¹⁵⁷ доб. у них Л

¹⁵⁸ вместо а ядь их: ядят У

¹⁵⁹ вместо олении сырые: сырые олени пог; нет П Син Ц

¹⁶⁰ а Л

¹⁶¹ доб. сырые Соф; нет О Л

¹⁶² возметывает П

¹⁶³ нет Л

¹⁶⁴ а Соф О Л Муз

¹⁶⁵ нет Пог

¹⁶⁶ вместо кости измещуть: костей ищут Л

¹⁶⁷ туда же нет Л

¹⁶⁸ нет Л

¹⁶⁹ нет Л

¹⁷⁰ нет О

¹⁷¹ доб. такова Соф О П Син Ц Ув; у них такова Пог Л В

¹⁷² на Л

¹⁷³ нет П Син Ц

¹⁷⁴ а написано основным почерком над строкой

¹⁷⁵ вместо в стрелку: в стрелку ту Соф О; вместо да стрелку ту въкладывает в трубку, да бьет молотком в стрелку: да стрелку ту в трубку вкладывают, да бьют молотком Л; да стрелку в трубку вкладывает, да бьет молотком в трубку ту В

¹⁷⁶ вместо никоторого нет: нет никоторого Л; доб. восмая У

¹⁷⁷ вверху Соф; а вверх Л; а верх В; нет О

¹⁷⁸ вместо реки великия: великие реки У

¹⁷⁹ вместо великия Оби: Оби великия Соф Пог О Л П Син Ц В; доб. в той же стране Соф Пог О П Син Ц В

¹⁸⁰ нет Муз

¹⁸¹ иная самоедь Соф Пог О Л П Син Ц В

¹⁸² нет О Муз

¹⁸³ вместо под землею: по подземелью Соф Пог П Син Ц В; под землю Л

¹⁸⁴ и У В

¹⁸⁵ огнем Соф О; вместо иною рекою, день да ночь с огни: и ночь, и день со огни Л

¹⁸⁶ а Л

¹⁸⁷ и выходят на нет Муз

¹⁸⁸ вместо над тем озером: на том озере Л

¹⁸⁹ доб. стоит над ним Соф О; стоит над тем же озером Пог Л П Син Ц В Ув

¹⁹⁰ несть Муз

¹⁹¹ вместо нет у него: у него нет П Син Ц

¹⁹² нет О; вместо кто поедет: коли поедет кто Соф Пог П Син Ц Ув; коли приидет кто Л; коли поидет В; въедет Муз

¹⁹³ вместо и тогда:ино В

¹⁹⁴ вместо слышити шум велик: шум велик слышати Соф Пог О П Син Ц В; шум велик Л

том¹⁹⁵, как и¹⁹⁶ в прочих градах¹⁹⁷. И¹⁹⁸ как приидут в него¹⁹⁹, и²⁰⁰ людей в нем²⁰¹ нет²⁰², и²⁰³ шюму не²⁰⁴ слышити никоторого (л.30боб.) ни иного чего²⁰⁵ животна. Но²⁰⁶ в всяких дворех²⁰⁷ ясти и пити всего много²⁰⁸, и товару всякого, кому что надобе. И он, положив цену противу того²⁰⁹, да возмет что кому надобет²¹⁰, и прочь отходят. А кто что²¹¹ бес цены возмет и²¹² прочь отъидет, и товар у него погыбнет²¹³ и²¹⁴ обряцется паки в своем месте. И как прочь отходят²¹⁵ от града²¹⁶ того²¹⁷ и шюм паки²¹⁸ слышити, как и²¹⁹ в прочих²²⁰ градах²²¹.

[9] В восточней же²²² стране есть²²³ (л.307) иная самоедь²²⁴ – каменская. Облежит около Югорские земли, а живут по горам²²⁵ высоким. А ездят на оленях и на собаках. А платье носят соболие²²⁶ и оление²²⁷. А ядят²²⁸ мясо оленье да и²²⁹ собачину, и бобровину сыру²³⁰ ядят²³¹. А²³² кровь пьют человекю и всякую. Да есть у них²³³ лекари: у которого человека внутри не здраво, и они брюхо режут, да нутр²³⁴ вынимают²³⁵ и очищают²³⁶, и паки заживляют²³⁷.

¹⁹⁵ и тогда слышити шюм велик в граде том нет Муз

¹⁹⁶ нет В

¹⁹⁷ доб. живущих Соф О

¹⁹⁸ а Л В

¹⁹⁹ доб. люди Л; вместо него: к нему В

²⁰⁰ ино Соф Пог О П Син Ц В Ув

²⁰¹ вместо в нем: в ней В

²⁰² несть Муз

²⁰³ ни Соф Пог О П Син Ц

²⁰⁴ нет Син Ц О

²⁰⁵ ничего В; нет Муз

²⁰⁶ толико Соф Пог О П Ув; толко Син; только Ц В

²⁰⁷ здесь кончается текст Муз, общий с другими списками 2 редакции; заключительная часть Муз опубликовала ниже

²⁰⁸ вместо всего много: много всего Соф Пог О П Син Ц В Ув; вместо и людей в нем нет, и шюму не слышити никоторого, ни иного чего животна. Но в всяких дворех ясти и пити всего много: ино люди в нем шумят, а людей не ведают. А во дворех у них пити и ясти много всего Л

²⁰⁹ тому Соф

²¹⁰ и он, положив цену противу того, да возмет что кому надобет нет Пог Л Ув; взяв В

²¹¹ нет Пог Л В; вместо кто что: что хто У

²¹² вместо бес цены возмет и: возмет без цены Син Ц; доб. как Соф Пог О П Син Ц В; как Л

²¹³ изгинет Пог О; вместо погыбнет: изгинет у него Соф П Син Ц; изгибнет у него Л В

²¹⁴ нет Пог В; а Л

²¹⁵ поедут Соф; поидут О

²¹⁶ доб. да У

²¹⁷ вместо от града того: от того места Л

²¹⁸ доб. опять Л

²¹⁹ яко Л; нет У В

²²⁰ доб. стра... зачеркнуто П

²²¹ доб. слышати зачеркнуто О; доб. живущих Соф О; доб. девятая У

²²² вместо в Восточней же: в той же Л

²²³ нет Л

²²⁴ доб. зовомаа Соф; зовома О Л; зовома Пог П Син Ц В

²²⁵ доб. по Пог О (вписано над строкой) Л П Син Ц В

²²⁶ да В

²²⁷ вместо соболие и оление: оление и соболие Л

²²⁸ ядь их Соф Пог О Л П Син Ц В

²²⁹ нет Пог У В

²³⁰ сырую Соф О У В

²³¹ вместо да и собачину, и бобровину сыру ядят: и собачье, и бобровина Л

²³² и Л

²³³ доб. таковы люди Соф Пог О Л П Син Ц В ув

²³⁴ нутро О; нутрь Соф Пог Л П Син Ц В

²³⁵ вымают Пог У; выимают В; вымывают Л

²³⁶ и очищают нет У

²³⁷ и очищают, и паки заживляют нет Пог; опять заживляют Л; доб. десятая У

Да в той же²³⁸ самоеди видали²³⁹, скажут²⁴⁰, самоедь же²⁴¹ старые люди²⁴², (л.307об.) з горы подле море мертвых своих: идуть²⁴³, плачущи²⁴⁴, множество их, а²⁴⁵ за ними²⁴⁶ идет²⁴⁷ велик человек, погоняя их палицею железною²⁴⁸.

**Музейный извод 2 редакции
Сказания «О человецех незнаемых в Восточней стране»**

Публикуется по рукописи:

ГПЛ, Муз. 4305, л. 187об.-188М

(л.187об.) ...Злата и сребра и камня множество, а людей никого нет. И буде кто того злата или сребра, или камня возмет, а против того товару своего не положи и ис того града, а еще и обременен тяжко, вон изнесет, – и будет все земля и грязь. А кто товар положит, и тот богатство себе велико получит, изыдет без вреда.

И в том граде паки шум и говор людской явится мног, аки волна морская з бури. И аще кто к тому граду приблизится и в него внидет, и шуму того не станет, и товару, за которой злато или сребро или каме (л.188) нье драгоценное возмут. А за один товар двух на кон взять дастся. А товару всякому цену напиши на нем, не думав, много или мало. толко тебе не думав в том граде и богатства взять не думав же, дастся. А с мыслию хотя и тяжко возьмешь, да понесешь, и как вон из града выдешь, и у тебя будет все земля. И потом найдет на тебя страх, и к тому в тот град идти не дерзнешь.

А без огня идти и вытти не мочно, и во граде ночевать не сметь же. Но пришед и свой товар положи не считая, а против взяв, что тебе годно поглянется, скоро и вон выходи. И тот путь велми труден. Смелу человеку быти надобно и скороходану, и бодру. Сутки, двои больше бес[с]на и без ядения могл бы пробыти таковой.

²³⁸ вместо той же: в сей же Сой О

²³⁹ нет Л

²⁴⁰ кажут Пог; сказывают У

²⁴¹ нет В

²⁴² доб. идут О

²⁴³ нет О; несут, а идут У

²⁴⁴ плачущих О П Син Ц

²⁴⁵ и Пог Л В

²⁴⁶ нами П

²⁴⁷ доб. после их Соф О

²⁴⁸ вместо погоняя их палицею железною: палицею железною погоняя их Пог Л В; доб. а сказывают, здешная де Югра Ближняя словет О

**Архивный извод 2 редакции
Сказания «О человецех незнаемых»**

Публикуется по рукописи:

ЦГАДА, ф.196, № 898, л.34-37А

(л.34) О человецех незнаемых языцех

[1] На Восточной стране живут за Югорской землею над морем люди на месте, зовомом Молгозоня. А ядят мясо оленья да рыбы, да меж собою друг друга ядят. А когда которой умрет, в землю его не хоронят. И гость к ним откуда не будет приедет, и оне для гостя детей своих заколют, и тем гостей кормят. Да которой гость у них умрет, и оне его едят. А в землю не хоронят, да и своих такожде.

Те же люди невелики ростом, да плодовицы, малы, а резвы вельми, стрельцы скоры и горазны. А ездят на оленех и на собаках. А носят платье соболье и оленья. А товар у них соболи. (л.34об.)

[2] В той же стране за теми людьми над морем же живут иная самоять такова, железная словет. В лето месяц живут в мори, а на суши не живут того для, что в том месяцы зажигают их, а тело на них трескает. И оне в тот месяц в воде лежат, а на берег не смеет вьстать.

[3] В той же стране за теми людьми над морем же живут, есть иная самоеть: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх как и прочий человецы. А ядят они рыбу, да мясо. А товар у них соболи, да песцы, да пыжи, да оленьи кожи.

[4] В той же стране за теми людьми над морем же тем иная самоеть таковы люди: вверху рты на тимени, а не говорят. В грудех очи, а видением в пошину²⁴⁹ (л.35) аки человецы. А коли едят, и они крошат мясо или рыбу, да кладут под колпак или под шапку. И как начнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз.

[5] В той же стране за теми людьми есть иная самоеть – такова, как и прочий человецы, но в зиме они умирают на два месяца. Умирают тако: как котораго где застанет в те месяцы, тот тута и сядет, а у него пойдет из носа вода, и запрудит как от потока сопля до земли, и замерзнет сопля к земли. И кто человек иныи земли туда приидет и неведением тот потоп-соплю отразит у него у мертват о и соткнет его с места, то он умрет. И паки к тому не оживет. А не соткнет с места, и он оживет и познает его, и речет ему: О чем мя еси, друже, (л.35об.) поуродовал? А иныи оживают, как солныце на лето поворотит. Тако на всякой год оживают и умирают те людие.

[6] В той же стране вверху Оки реки великия есть такова земля, именуется Байд. Лесу на ней нет, а люди на ней как и прочий человецы, а живут в земли. А едят мясо соболье. А иного у них никоторого зверя нет, опроче соболя. А носят платье соболье, и рукавицы и нагавицы. Иного у них платья нет, ни товару никакова нет, опроче соболя. А соболи у них вельми велики, шерсть у живаго соболя по земли волочитца.

[7] В той же стране есть самоеть: в пошину²⁵⁰ (л.36) аки человецы, но без голов. Рты у них межь плечь, а очи у них в грудех. А едят они головы оленги сырыя. А когда ясти им, и они головы оленги взметывают себе в рот на плеча, и на другой день кости мечут из собя вон туда ж. А сами оне не говорят. А стрельба у них такова: трубка железная в руке, а в другой руке стрелка железная. Да в стрелку ту вкладывают в трубку, да бьет молотом в стрелку. А стреляют улучно. А товаров у них никоторого нет.

²⁴⁹ исправлено, в рукописи: полишину

²⁵⁰ исправлено, в рукописи: полишину

Английский перевод фрагмента 2 редакции
Сказания «О человецех незнаемых»
из отчета Ричарда Джонсона

Публикуется по книге:

Hakluyt, Richard. The Principall Navigations, Voiages and Discoveries of the English Nation. London, 1589, p. 389

Here follow certaine countreys of the Samoeds which dwell upon the river Ob, and upon the sea coasts beyond the same, taken out of the Russe tonque word by word, and travelled by a Russe borne in Colmogro, whose name was Pheother Towntigin, who, by report, was slaine in his second voyage in one of the sayd countreys.

[1] *Upon the East part beyond the countrey of Ugori, the river Ob is the most westermost part there of- Upon the sea coast dwell Samoeds, and their countrey is called Molgomsey, whose meate is flesh of olens, or harts, and fish, and doe eate one another sometimes among themselves. And if any marchants come unto them, then they kill one of their children for their sakes to feast them withall. And if a marchant chance to die with them, they burie him not, but eate him, and so doe they eate them of their owne countrey likewise.*

They be evill of sight, and have small noses, but they be swift and shoote very well, and they travaile on harts and on dogges, and their apparell is sables and harts skinnes. They have no marchandise but sables onely.

[2] *Item, on the same coast or quarter beyond those people, and by the sea side also doth dwell another kinde of Samoeds in like maner, having another language. One moneth in the yeere they live in the sea, and doe not come or dwell on the dry land for that moneth.*

[3] *Item beyond these people, on the sea coast, there is another kinde of Samoeds, their meate is flesh and fish, and their merchandise are sables, white and black foxes (which the Russes call pselts) and harts skinnes, and fawnes skinnes.*

А. А. Гиппиус

Институт славяноведения РАН
Ленинский пр-т, д. 32а, г. Москва, 119991, Россия
Высшая школа экономики
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000, Россия
E-mail: agippius@mail.ru

К текстологии летописных известий о Югре (Повесть временных лет и Новгородская первая летопись)

Аннотация. Статья содержит текстологический комментарий к древнейшим летописным известиям о Югре. С рядом поправок принимается точка зрения А. А. Шахматова, согласно которой упоминания Югры в «Повести временных лет» восходят к разным этапам сложения текста: в то время как список народов-потомков Иафета, в котором фигурирует Югра, присутствовал уже в первоначальном виде памятника, «югорские» пассажи статей 1096 и 1114 гг. представляют собой вставки, сделанные при составлении редакции 1117 г. В рассказе Новгородской первой летописи младшего извода о походе новгородцев в Югру 1193 г. выделяется вставка, происхождение которой связывается с именем архиепископа Антония (Добрыни Ядрейковича).

Ключевые слова: Югра, Великий Новгород, Повесть временных лет, Новгородская первая летопись.

1. Общие сведения об используемых источниках

Скудность сведений о Югре, сообщаемых древнерусскими летописями, особенно относящимися к домонгольской эпохе, заставляет искать способы повысить их информационную отдачу. Сделать это невозможно без учета данных текстологии, рассматривая отдельные известия вне связи с историей текста содержащих их летописей. Текстологической проработки требует анализ любого летописного сообщения, но в данном случае потребность в ней особенно велика: важнейшие из ранних упоминаний Югры относятся к числу наиболее сложных, узловых для истории текста фрагментов соответствующих памятников, и эффективность их содержательного анализа напрямую зависит от того, насколько эта сложность принимается во внимание.

Приступая к этим заметкам, кратко охарактеризуем основные летописные источники. Главными из них являются «Повесть временных лет» и Новгородская первая летопись.

Текст ПВЛ сохранился в пяти полных списках XIV–XVI вв.: пергаменном Лаврентьевском 1377 г. (Лавр., **Л**), Радзивиловском (**Р**), Московско-Академическом (**А**), Ипатьевском (Ипат., **И**) и Хлебниковском (**Х**) [*ПСРЛ*, Т. 1, 2, 39; *Ostrowski, 2003*]. Сгоревший в московском пожаре 1812 г. пергаменный Троицкий список (**Т**) частично реконструируется на основе сохранившихся выписок и разночтений [*Приселков, 2002*]. Списки **ЛТРА** имеют общий протограф – посредством владимирских летописных сводов второй половины XII в. они восходят к рукописи игумена Сильвестра 1116 г. В этих списках текст ПВЛ заканчивается статьей 6618 (1110) г., за которой следует запись Сильвестра. Списки **И** и **Х** представляют киевскую традицию, текст ПВЛ доходит в них до 6625 (1117) г. и продолжается Киевской

летописью XII в. и Галицко-Волынской летописью XIII в. В пределах группы ЛТРА противопоставлены списки ЛТ и РА; это позволяет говорить о трех основных версиях ПВЛ – Лаврентьевской (ЛТ), Радзивиловской (РА) и Ипатьевской (ИХ). Принципиальное значение для критики текста ПВЛ имеет контаминированный (смешанный) характер протографа РА, который наряду с источником «лаврентьевского» типа использовал также источник «ипатьевского» типа¹.

Новгородская первая летопись (НПЛ) сохранилась в двух изводах. Старший извод представлен пергаменным Синодальным списком XIII–XIV вв. (НПЛ Син.), содержащим текст с 6524 (1016) по 6860 (1352) г. Младший извод (НПЛ мл.) сохранился в двух главных списках 40-х гг. XV в. – Комиссионном и Академическом. Оба извода независимо друг от друга воспроизводят общий протограф – Новгородскую владычную (архиепископскую) летопись, из года в год ведшуюся при кафедральном Софийском соборе. В основу этой летописи лег летописный свод князя Мстислава Владимировича, составленный не позднее 1115 г. и продолженный погодными записями [см. Гиппиус, 1997; Гимон, 2006; Гимон, 2014]. В части до 6524 (1016) г., сохранившейся в НПЛ мл., этот свод заключал в себе текст Киевского Начального свода 1090-х гг. – предшественника «Повести временных лет»².

Летописи «Новгородско-Софийской» группы (Новгородская четвертая, Софийская первая и Новгородская Карамзинская) [ПСРЛ, Т. 4, 6, 42] представляют результат соединения текста Владимиро-Суздальской летописи, доведенной до 1185 г. и близкой (если не тождественной) общему протографу ЛТРА, с текстом Новгородской владычной летописи, доведенной до 1411 г. Из летописей этой группы вид ее протографа – Новгородско-Софийского свода – лучше других передает Новгородская Карамзинская летопись [Бобров, 2011; Шибачев, 2015, с указанием литературы].

Независимо от НПЛ и летописей Новгородско-Софийской группы текст Новгородской владычной летописи использовал составитель Тверского сборника [ПСРЛ, Т. 15], а ее продолжение до 1469 г. вошло в Летопись Аврамки [ПСРЛ, Т. 16]. Летописные своды XVI в. не имеют самостоятельного значения как свидетельства раннего древнерусского летописания, и привлечение их в этом качестве нецелесообразно³.

2. Югра в «Повести временных лет»

В ПВЛ югра упоминается трижды – в лишенном дат этногеографическом Введении и в статьях 6604 (1096) и 6622 (1114) гг. Первое упоминание фиксируется в перечне народов – потомков Иафета, населяющих Восточную Европу:

Л: В Афетовѣ же части сѣдять русь, чюдъ и вси языци, мера, мурома, весь, морѣдва, заволочская чюдъ, **пермь, печера, ямь, угра**, литва, зимѣгола, корсь, сѣтъгола, любь [ПСРЛ, Т. 1. С. 4].

Т: В Афетовѣ же части сѣдять русь, чюдъ и вси языци: мера, мурома, весь, морѣдва, заволочкая чюдъ, **югра, печера, емь, угра**, литва, зимѣгола, лѣтъгола, корсь, тепьра, пермь, любь [Приселков, 2002. С. 52].

РА: Въ Афетовѣ же части сѣди^т русь, и чю^н и вси языци: мера, мурома, ве^с, мор^ндва, заволочкая чю^н, **пермь, печера, ямь**, литва, зимѣгова (А: зимѣгола), корсь, сѣ^тгола, либь [ПСРЛ, Т. 39. С. 11].

ИХ: Въ Афетовѣ же части сѣдить русь, чюдъ и вси языцѣ: меря, мурома, всь, мордва, заволочская чюдъ, **пермь, печера, ямь, югра**, литва, зимигола, корсь, сѣтъгола, либь [ПСРЛ, Т. 2. С. 4].

¹ См. обсуждение данной проблематики в работах: Ostrowski, 1999; Müller, 2001; Гиппиус, 2002; Вилкул, 2004; Ostrowski, 2005; Мюллер, 2006; Ostrowski, 2007; Мухеев, 2011; Гиппиус, 2014.

² Гипотеза А. А. Шахматова об отражении в НПЛ мл. Киевского Начального свода остается предметом дискуссии, которая, то затихая, то разгораясь вновь, ведется уже более ста лет. В своей основе эта гипотеза представляется нам доказанной. Формально последнее слово в дискуссии остается в настоящий момент за оппонентами Шахматова [см.: Вилкул, 2015], но это, безусловно, лишь временное положение дел.

³ По этой причине приходится признать неудачным выбор Никоновской летописи [ПСРЛ, Т. IX] в качестве одного из главных источников сводки сведений русских и иностранных источников о Югре в XI–XV вв. [Кардаш, Гайдакова, 2018]. Специфические чтения этой летописи, в которой аутентичный раннедревнерусский материал был подвергнут основательной литературной переработке, исторического интереса не представляют. Излишне, например, строить предположения о том, что представляла собой «храмина», в которую «югричи» в 1193 г. завели заманенных ими в город новгородцев. В названных выше аутентичных источниках упоминание «храмины» отсутствует; нет в них и «югричей» – подлинные древнерусские тексты используют в качестве этнонима только собирательное *югра*.

Совпадение между **Л** и **ИХ** однозначно показывает, что в оригинале ПВЛ состав перечня в выделенной части был именно такой, каков он в этих летописях. Невозможно, однако, уверенно определить, какой из двух вариантов – *угра* или *югра* – текстологически первичен: то, что с этимологической точки зрения исходным является вариант *югра* [см. *Напольских, 2018. – С. 86–87*], не означает, что составитель Введения знал этноним именно в этой форме, а не в виде, вторично сближенном со славянским обозначением венгров – *угре*. Замечательно далее прямо противоположное обращение со списком в **Т** и **РА**: если в первом к «угре» добавлена «югра», явно понимаемая как другой народ, то во втором это название опущено. Спровоцировать эти действия могло положение названия в списке – пограничное между финнами и балтами [см. *Петрухин, 2011. – С. 223*]. Составитель **Т** не опознал в народе, помещенном в Прибалтике между емью и литвой, известную ему в Зауралье югру и вставил ее на более подходящее место по соседству с заволочской чюдью и печерой (правда, вытесненная отсюда пермь оказалась при этом сдвинута в другую часть перечня); составитель **РА**, движимый тем же недоумением, просто пропустил это название. Положение же югры в первоначальном тексте выглядит как своего рода географический «компромисс» между обской югрой и центральноевропейскими уграми.

Второй и третий фрагменты разделены почти двадцатью годами, причем третий читается только в **ИХ**, так как в **ЛРА** текст ПВЛ обрывается в статье 6618 (1110) г. Несмотря на это, между двумя фрагментами существует тесная связь. В обоих случаях мы имеем дело с очень характерной и нигде более не встречающейся в ПВЛ композиционной формой: говоря от первого лица, летописец приводит рассказы своих информантов дословно, как их прямую речь. В обоих случаях рассказывается о необыкновенных явлениях, наблюдавшихся на северном краю ойкумены. В обоих случаях летописец ссылается на литературные авторитеты – Откровение Мефодия Патарского и Хронограф. Наконец, в обоих случаях вместе с югрой упоминается самоедь, то есть самодийцы. Последний признак не только объединяет два фрагмента, но противопоставляет их перечню народов во Введении: в нем, как мы видели, самоедь отсутствует, хотя эта часть перечня отличается большой полнотой. Создается впечатление, что перечень создавал человек, имевший лишь приблизительное представление о локализации югры, тогда как второй автор опирался уже на вполне достоверную в географическом отношении информацию, полученную из первых рук.

Такое соотношение фрагментов находит объяснение в рамках схемы развития начального летописания, предложенной А. А. Шахматовым [*Шахматов, 1916/2000. – С. 528–554*]. Согласно этой схеме беседа с Гюрятой Роговичем, состоявшаяся в 1114 г., во время поездки летописца в Ладогу, вошла в ПВЛ в ее «третьей редакции» в 1118 г. – отсюда упоминание о том, что рассказ этот был услышан «прежде сихъ 4 лѣтъ», то есть «четыре года назад». Той же редакции принадлежит и статья 6622 г., тогда как перечень народов во Введении присутствовал уже в исходном тексте ПВЛ.

Как и схема Шахматова в целом, гипотеза о «третьей редакции» ПВЛ неоднократно критиковалась его оппонентами. К началу XXI в., после работ В. М. Истрина (1923–1924), Л. Мюллера [*Müller, 1967*], О. В. Творогова [1997] и А. Тимберлейка [2000], она казалась даже окончательно отвергнутой текстологией начального летописания. Установившийся было негативный консенсус нарушила наша работа [*Гиннуис, 2007*], в которой было показано, что:

1) критика шахматовской гипотезы исходила из упрощенного понимания устройства рукописной традиции ПВЛ, не учитывавшего контаминированного характера текста памятника в Радзивиловской летописи;

2) идея «постсильвестровской» редакции 1117 г., адаптированная к современной трактовке соотношения ПВЛ и Киевского Начального свода 1090-х гг.⁴, освобождается от противоречий, присущих гипотезе Шахматова в ее оригинальном виде, и сохраняет объяснительную силу.

⁴ Под современной трактовкой этой проблемы понимаем восходящую к М. Х. Алешковскому и развитую нами и А. Тимберлейком идею, согласно которой в основу составленной между 1013 и 1016 гг. ПВЛ лег Киево-Печерский свод начала 1090-х гг. вместе с продолжившей его погодной летописью [см.: *Алешковский, 1971; Гиннуис, 1997; Timberlake, 2000*]. Эти первоначальные анналы, как мы считаем, доходили до 1115 г. (А. А. Шахматов полагал, что весь текст за 1111–1117 гг. появился впервые в «третьей редакции»). Еще одно важное отличие нашего понимания редакции 1118 г. от шахматовского состоит в ином объяснении того, каким образом отдельные дополнения этой редакции оказались в Лаврентьевском списке. Сам А. А. Шахматов объяснял это довольно сложным взаимодействием ветвей традиции, в котором центральную роль играл реконструированный им «Владимирский полихрон» XIV в. Мы же предполагаем, что после создания на основе списка Сильвестра редакции 1117 г. наиболее важные дополнения этой редакции были самим Сильвестром перенесены в его манускрипт путем замены отдельных листов и тетрадей.

Представленная в нашей работе аргументация не встретила системных возражений и заставила одного из наиболее последовательных критиков А. А. Шахматова, Л. Мюллера, изменить свою точку зрения. В своей последней прижизненно опубликованной работе Л. Мюллер согласился с тем, что редакция ПВЛ 1117 г. существовала [Müller, 2008]. В это же время новую попытку опровержения А. А. Шахматова предпринял И. Н. Данилевский [2009]. Раскритиковав гипотезу «третьей редакции» в ее исходном виде, он противопоставил ей символично-эсхатологическое прочтение эпизода с Гюрятой, лишаящее его какого-либо значения в плане истории текста ПВЛ. В своем отклике на эту публикацию [Гиппиус, 2015] я указал на противоречия и ошибки, делающие позицию автора неприемлемой. Это не помешало Т. Вилкул [2017] солидаризироваться с данной точкой зрения, охарактеризовав ее как «значительный прорыв в полемике». Настаивая на символическом понимании записей 6604 (1096) г., исследовательница делает акцент на эсхатологическом значении круглой даты – 6600 г., от которой рассказ Гюряты отделяют сакраментальные «четыре лета». Одновременно эти «четыре лета» оказываются в трактовке Т. Вилкул «микрозаимствованием» из Хроники Георгия Амартола, отсылающим к фрагменту памятника, никак содержательно не связанному с летописным контекстом. Вопрос же о том, когда на самом деле состоялась беседа летописца с Гюрятой и когда она была записана, снимается характеристикой фразы как «псевдо-автобиографического указания». Спорить с такой позицией, окончательно размывающей конкретный смысл летописного текста в его абстрактно-символической интерпретации, мы находим излишним⁵.

Изложим теперь кратко наше понимание того, каким образом «югорские» фрагменты ПВЛ распределяются между основными этапами истории начального летописания. В повествовании ПВЛ за вторую половину 1090-х – первую половину 1110-х гг. мы выделяем три пласта. Первый пласт образует погодная летопись – анналы Киево-Печерского монастыря, которыми был продолжен созданный в начале 1090-х гг. «Начальный свод». Второй пласт – это собственно «Повесть временных лет», составленная на основе Начального свода между 1113 и 1116 гг. и переписанная игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром в 1116 г. Наконец, третий пласт образуют добавления редакции 1117 г.

Ладожские известия в статье 6622 (1114) г. мы относим к числу добавлений редакции 1117 г. Думать так заставляет следующее обстоятельство. Предваряющая эти известия запись о строительстве Мстиславом крепости в Новгороде («*Въ се же лѣто Мъстиславъ заложи Новъгородъ болии перваго*») явно принадлежит к тому же потоку сообщений, что и аналогичное по форме и содержанию известие статьи 6621 (1113) г.: «*В се же лѣто Мъстиславъ заложи церковь камяну святаго Николы на княжѣ дворѣ, у торговища Новѣгородѣ*» [ПСРЛ, Т. 2. – С. 276, 277]. Между тем, как было показано еще А. Г. Кузьминым [Кузьмин, 1979. – С. 75], это последнее представляет собой вставку, причем второго порядка, разбившую группу записей, которых не было в первоначальном тексте. Это означает, что известия о строительных акциях Мстислава в Новгороде и Ладоге относятся к третьему пласту, то есть к редакции 1117 г., созданной в окружении Мстислава Владимировича.

⁵ Нашу работу 2015 г. Т. Вилкул оценивает очень критически. «Под видом собственных и новых аргументов Гиппиус на самом деле предложил нам пересказ аргументации Шахматова и, естественно, не смог не прийти к тем же выводам» [Вилкул, 2017. – С. 236]. Однако задача нашей статьи заключалась не в предъявлении новых аргументов, а в демонстрации неудовлетворительности аргументации И. Н. Данилевского. С другой стороны, предпочитая видеть в нашей позиции простое повторение выводов Шахматова, Т. Вилкул не замечает, что ее критика бьет мимо цели. Главный довод, выставленный против нашей трактовки редакции 1117 г., состоит в том, что поздняя датировка контаминации в РА «исключает возможность того, что фрагменты "слоя 1117 (= 1118) г." могли попасть в Л, созданный в конце XIV в.». Сделанное Т. Вилкул уточнение параметров контаминации, безусловно, важно, и оно учтено в работе [Гиппиус, 2014]. Однако предполагаемый механизм перенесения отдельных дополнений редакции 1117 г. в архетип Лаврентьевской группы (см. выше прим. 4) не имеет к этой контаминации никакого отношения. Т. Вилкул не устраивают также приведенные мной новые свидетельства использования Откровения Мефодия Патарского в статьях 6601 и 6604 гг. В частности, она пишет: «Весьма сомнительно возведение к Мефодию Патарскому фразы "Се на ны Богъ пусти поганья, не милуя их, но насъ казня, да быхом ся востягнули от злыхъ дѣлъ", которая в И встречается неоднократно. <...> Очевидно, что ничего общего с предложенной Гиппиусом параллелью из Мефодия Патарского ("Також(д)е и сномъ Измаиелевомъ ре(ч): не любя бо ихъ да(с) имь силж, да прѣимжѣт кр(с)тианскъж землж, нж грѣ(х) ради и безаконеи многихъ") эта фраза не имеет» [Там же]. Может быть, все-таки имеет? Ведь речь идет о заимствовании не самой фразы и не отдельных формулировок (для некоторых из них Т. Вилкул указывает более близкие соответствия в библейских и гомилетических текстах), а самой мысли, что Господь позволяет язычникам побеждать не из благоволения к ним, но наказывая таким образом христиан за их прегрешения. Сосредоточившись на деталях, Т. Вилкул не обращает внимания на главное.

Центральная часть статьи 6604 г. содержит рассказ о набеге половцев на Киево-Печерский монастырь и комментарии к нему. В ней четко выделяются три фрагмента: **А**) собственно рассказ о нападении на монастырь (до слов: «безбожнии сынове Измаилеви пущени на казнь хрестьяномъ»); **В**) этногенеалогический экскурс о происхождении половцев (до слов: «И по сихъ 8 колень к кончине вѣка изидуть заклепени в горе Александром Макидонским нечистыя челоуѣкы»); **С**) изложение беседы летописца с Гюрятой Роговичем о заточенном в горе «на полунощных странах» диком народе⁶.

Распределение этих фрагментов по трем пластам представляется следующим: фрагмент **А** принадлежит погодной Киево-Печерской летописи; фрагмент **В** написан составителем основной редакции ПВЛ; фрагмент **С** является добавлением редакции 1117 г. К такой стратификации подталкивает не только литературная разнородность трех фрагментов, но и стилевые и содержательные связи каждого из них с другими текстами в составе ПВЛ. Фрагмент **А** неотделим от описания половецкого нашествия 1093 г. и, как и он, явно написан по горячим следам событий. Экскурс о происхождении половцев (фрагмент **В**) находит ближайшие соответствия в этногеографическом введении, которое в его известном нам виде есть все основания считать появившимся на этапе составления ПВЛ. Особенно примечательно упоминание в этом фрагменте «хвалисов и болгар», выступающих в том же сочетании в описании пути из Варяг в Греки. Аналогичным образом «югра и самоядь» в рассказе Гюряты еще раз появляются в рассказах ладожан под 1114 г., также включенных в редакцию ПВЛ 1117 г.

Небезынтересной для стратификации текста представляется и личность Гюряты Роговича. Информант летописца давно и с полным основанием отождествляется с посадником Гюрятой, известным по летописным спискам новгородских магистратов. Имя Гюряты стоит в этих списках десятым и принадлежит к группе имен, лишенной точных хронологических привязок и ограниченной именами Остромира, погибшего в 1057 г., и Добрыни, умершего в 1117 г. В эту группу входят восемь имен: Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула [НПЛ. – С. 164]. В литературе обсуждались два варианта распределения сроков посадничества этих лиц в указанном хронологическом интервале. Согласно первому Завид занял свой пост вскоре после Остромира, его сменил Петрята и т. д. [Молчанов, 1974]. Согласно второй гипотезе, обоснованной В. Л. Яниным, Завид был посадником при юном Мстиславе Владимировиче в конце 1080-х – начале 1090-х гг. [Янин, 2003. – С. 84–87]. В таком случае он и его преемники до Добрыни включительно находились на посадничестве в общей сложности около тридцати лет, а не около шестидесяти, что предполагает первая гипотеза.

Большинство исследователей сейчас отдают предпочтение второй возможности [см.: Дубровин, 2007]. Выбор же ее автоматически означает, что Гюрята, седьмой в списке после Завида, не мог быть посадником в начале 1090-х гг.; посадничество же его в начале 1110-х гг. оказывается, напротив, вполне вероятным. Датировка беседы летописца с Гюрятой 1114 г. получает таким образом дополнительное подтверждение⁷.

3. Югорский поход 1193 г. в Новгородской первой летописи

Происхождение летописного рассказа о военной экспедиции в Югру, состоявшейся в 1193 г. и закончившейся почти полным истреблением новгородского войска, не вызывает сомнений: он был впервые записан на страницах Новгородской владычной летописи и практически синхронен описываемым событиям. Исторический контекст этого повествования, раскрывающий подоплеку череды пожаров, охвативших Новгород в следующем, 1194 г., обстоятельно рассмотрен в статье А. Н. Сорокина [2018. –

⁶ В связи с такой композицией статьи не может не удивлять пояснение Т. Вилкул к упоминанию К. Н. Бестужевым-Рюминым «известного рассказа Гюряты Роговича»: «[В] статье ПВЛ 6604/1096 г. после рассказа о битве Мстислава, сына Володимира Мономаха, с Олегом Святославичем, помещена примечательная серия зловещих чудес из „Откровения“ Мефодия Патарского, подкрепляемая „отечественными“ северными чудесами, о которых летописцу сообщает новгородец Гюрята Рогович» [Вилкул, 2017. – С. 230]. Похоже, что Т. Вилкул читала какую-то другую летопись: в ПВЛ рассказ Гюряты находится на другом месте и предшествуют ему не «зловещие чудеса», а экскурс о происхождении половцев.

⁷ С Гюрятой Роговичем с высокой вероятностью отождествляется также адресат берестяной грамоты № 907, найденной на Троицком раскопе и представляющей собой донесение администратору высокого ранга результатов расследования дела о краже. Стратиграфически грамота датируется концом XI – началом XII в., а внестратиграфически – предпочтительно первым 20-летием XII в. [НГБ, Т. 11. – С. 99–100; Зализняк, 2004. – С. 255].

С. 151–161]⁸. Однако данный сюжет включает в себе и определенную текстологическую интригу. Она заключается в том, что в НПЛ Син. рассказ существенно короче, чем в НПЛ мл., Тверском сборнике и летописях Новгородско-Софийской группы. А именно: в старшем изводе НПЛ отсутствует кульминационный эпизод убийства воеводы Якова Прокшинича, выданного югорскому князю изменником Савкой (Савицей). Ниже текст рассказа приводится по Синодальному списку, а отсутствующий в последнем эпизод – по Комиссионному списку НПЛ мл.:

«Въ то же лѣто идоша из Новагорода въ Югру ратью съ воеводою Ядреємъ; и придоша въ Югру и възяша городъ, и придоша къ другому граду, и затворишася въ градъ, и стояша подь городомъ 5 недѣль; и высылаху къ нимъ Югра, льстьбою рекуще тако, яко «копимъ сребро и соболи и ина узорчья, а не губите своихъ смърдь и своеи дани», а льстяще ими, а вое копяче. И яко скопиша вое и выслаша из города къ воеводѣ: «поиди въ городъ, поемъ съ собою 12 муж вячьшихъ»; и иде въ городъ воевода, пойма съ собою попа Иванка Легена и инѣхъ вячьшихъ, исѣкоша я на канунъ святыя Варвары; и выслаша паки, и пояша ихъ 30 муж вячьшихъ, и тѣхъ исѣкоша и потомъ 50. [Потомъ рече Савка князю югорьскому: «аще, княже, не убиешъ еще Яковца Прокшиница, а живого пустиши в Новгород, то тому ти, княже, опять привести вои стѣмо, и землю твою пусту сътворит». И призвавши князь Яковца Прокшиница, и повелъ его убити. И рече Яковецъ Савици: «брате, судит ти богъ и святая Софья, аще еси подумалъ на кровь братъи своеи; и станеши с нами пред богомъ и отвѣщаеши за кровь нашу». И то ему рекъшию, убиенъ бысть. Тъ бо Савица перевѣтъ держаше отаи съ княземъ югорьскимъ. И [потом], И яко изнемогоша голодомъ, стояли бо бяху 6 недѣль, слушающе льстьбѣ ихъ, и на праздыникъ святого Николы выльзъше из города, исѣкоша вся; и бѣ туга и беда останку живыхъ; бѣ бо осталось ихъ 80 муж. И не бяхе вести чересъ всю зиму въ Новгородъ на не, ни на живы, ни на мъртвы; и печяловахуся въ Новгородъ князь и владыка и вѣсь Новгородъ» [НПЛ. – С. 40–41, 233].

Это не единственное крупное расхождение между изводами НПЛ в статье 6701 (1193) г.: в НПЛ Син. отсутствуют также подробности избрания архиепископом Мартирия, о которых сообщают другие летописи. Один из первых исследователей НПЛ Д. И. Прозоровский видел в отсутствующих в НПЛ Син. фрагментах дополнения, сделанные в НПЛ мл. на основе какого-то древнего источника [Прозоровский, 1880. – С. 85]. Из современных исследователей его поддержал А. С. Хорошев, предположив, что «сохранившийся в Комиссионном варианте рассказ мог попасть в летопись из какого-то неизвестного нам источника, более морализованного по характеру, чем Синодальная рукопись» [Хорошев, 1998. – С. 7–8]. А. А. Шахматов, напротив, считал текст младшего извода первоначальным, предполагая пропуск в Синодальном списке [Шахматов, 1947. – С. 129]; с ним солидаризировался В. Л. Янин, увидев за этим сокращением определенную политическую тенденцию [Янин, 1981. – С. 173–174].

Предпринятый нами специальный анализ соотношения двух изводов НПЛ на данном участке текста подтвердил правоту догадки Прозоровского⁹. Согласно нашим выводам, оба отсутствующих в Синодальном списке фрагмента представляют собой вставки, сделанные во владычную летопись при ее редактировании на рубеже XII–XIII вв. Добавление подробностей об избрании Мартирия мы связали с прославлением архиепископа после его кончины в 1199 (6707) г., а вставку эпизода убийства Яковца Прокшинича – с фактом закладки в том же году каменной церкви Сорока мучеников, основанной при участии Прокши Малышевича («с Прокшей Малышевичем»), в котором уверенно опознается отец убитого в 1193 г. Яковца Прокшинича [см.: Гиппиус, 1997. – С. 24–27]. Трактовка этих фрагментов как вставок младшего извода была поддержана другими исследователями и в настоящее время является предметом научного консенсуса [см.: Timberlake, 2000. – Р. 15–17; Гимон, 2017. – С. 178].

⁸ А. Н. Сорокин указал, в частности, на важный факт, до него не отмечавшийся исследователями, – заголовок «Вотолкин пожар», сопровождающий сообщение о пожарах 1194 г. в Новгородской четвертой летописи и Летописи Аврамки (С. 155). Учитывая, что пожары начались от «Савкина двора», он предполагает, что *Вотолка* было прозвищем обвиненного в предательстве Саввы. Это предположение остроумно и убедительно показывает, как ценная историческая информация может сохраняться в виде маргиналий к летописному тексту. Невозможно согласиться, однако, с тем, что название улицы, с которой начался второй пожар, – *Чеглова* (в НПЛ Син. «въ Чыглове улки») – есть искажение исходного *Углова*. Этот топоним имеет параллель в виде названия дер. *Чеглово* и уверенно этимологизируется от прозвища *Чыг(в)ля*, соотносимого с прилагательным *чеглыи* «исконный, подлинный» и названием птицы *чеглок* [см.: Васильев, 2012. – С. 302].

⁹ См.: Гиппиус А. А. К истории сложения текста... – С. 24–27.

Идеологически и литературно редакторские вставки в статье 6701 г. сближаются со статьями НВЛ за период архиепископства Антония [6719 (1209) – 6734 (1226)]¹⁰. Признаками, объединяющими эти тексты, являются детализация повествования, появление крупного плана и – особенно – исполненные героического пафоса речи персонажей. В предсмертных словах Яковца Прокшинича «брате, судить ти Богъ и святая София» впервые в НПЛ звучит тема патроната над Новгородом св. Софии, которая становится определяющей в статьях летописца архиепископа Антония. Причастность Антония (в миру – Добрыни Ядрейковича) к редакции летописных статей 6701–6706 гг. находит объяснение в его происхождении и родовых связях. Еще В. О. Ключевский опознал в возглавлявшем югорский поход воеводе Ядрее отца Добрыни. Крайняя редкость имени делает эту родственную связь практически гарантированной [Ключевский, 1871. – С. 61]. Косвенно ее подтверждает и факт основания Антонием в 1218 г. церкви св. Варвары в одноименном монастыре: Варварин день был для архиепископа днем памяти отца, убитого «на канунъ святыхъ Варвары» [Прозоровский, 1880. – С. 86]. В память о жертвах югорского похода возводилась, согласно нашему предположению, и заложенная в 1199 г. «с Прокшей Малышевичем» церковь Сорока мучеников [Гиппиус, 1997. – С. 27]. Растянувшееся на десять лет строительство храма явно неслучайно завершается в том же 1211 г., в котором Антоний становится архиепископом; роспись же его фресками в 1227 (6735) г. приходится на короткий период второго пребывания Антония на кафедре (1225–1228). И хотя заслугу попечительства об этом храме летопись целиком приписывает Вячеславу Прокшиничу (оба сообщения заключаются молитвенными благопожеланиями ктитору), причастность к его судьбе самого Антония представляется более чем вероятной, свидетельствуя об особой близости Добрыни Ядрейковича к роду Малышевичей.

Д. И. Прозоровский в статье о происхождении архиепископа Антония, на которую мы уже ссылались, предположил, что Добрыня Ядрейкович был не просто связан с родом Малышевичей, но и сам принадлежал к нему. Отца Добрыни – воеводу Ядрея – исследователь с полной уверенностью отождествил с Яковцем Прокшиничем, выданным югорцам предателем Савкой [Прозоровский, 1880. – С. 85–86]. Рецепция этой гипотезы оказалась весьма контрастной: некоторые исследователи принимают отождествление Прозоровского как данность [Лопарев, 1899. – С. 131; Старостина, 2003. – С. 90], но большинство полностью его игнорирует. Такую позицию легко понять: слишком явными кажутся препятствия к отождествлению Ядрея с Яковцем. Главным из них является прямое указание Комиссионного списка на то, что Яковец был убит уже после того, как погиб Ядрей («*Потомъ* рече Савка князю югорьскому: аще княже, не убиешъ *еще* Яковца Прокшинича...»). Препятствие это, однако, слишком уж очевидно и не могло не быть ясным самому Прозоровскому. Вопрос сложнее, чем кажется на первый взгляд. Если эпизод убийства Яковца отсутствовал в первоначальном тексте статьи (а именно это справедливо предполагал Прозоровский), то рассматривать текст младшего извода как представляющий события в их реальной последовательности нет оснований: вставленный эпизод, в котором из ниоткуда возникает предатель Савица, а югорский князь, убив почти сотню новгородцев, дополнительно призывает к себе одного Яковца Прокшинича, вполне мог на самом деле излагать другую, «героическую» версию гибели того же воеводы Ядрея, названного однако его христианским именем. Ведь Яковец, о котором сказано, что он может вновь «привести воев» в Югру, и есть не кто иной, как воевода.

В отличие от Прозоровского и Хорошева, мы считаем, что эпизод убийства Яковца не был заимствован из отдельного древнего источника (трудно вообразить, что мог бы представлять собой такой источник), но был написан специально для внесения в летопись. Однако первоначальный летописный рассказ имел законченную композицию, отнюдь не предполагавшую возможности такого «расширения». Его можно было или переписать целиком или интерполировать механически, придав результату видимость сюжетной последовательности. Для писца, располагавшего текстом вставки и не являвшегося ее автором, естественно было предпочесть второй вариант. Эту нарративную иллюзию и могут создавать наречия *потом* и *еще*, производящие впечатление включенности эпизода в цепь событий, описанных в исходном рассказе¹¹.

¹⁰ Далее воспроизводится, с сокращениями, текст работы: Гиппиус, 2010. – С. 190–192.

¹¹ Заметим, что слово *еще* отсутствует в Академическом списке (где читается «Аще, княже, не убиеши Яковца Прокшинича»), а в Комиссионном и летописях Новгородско-Софийской группы стоит на разных местах (ср.: «Аще, княже, не убиеши *еще* Яковца

Хотя настаивать на таком объяснении не приходится, выдвинутую Прозоровским версию происхождения Добрыни Ядрейковича не следует сбрасывать со счетов. Она наилучшим образом объясняет как появление во владычной летописи эпизода убийства Яковца Прокшинича, так и корреляцию между биографией Антония и основными вехами строительства церкви Сорока мучеников. Если Прокша Малышевич был дедом Добрыни Ядрейковича, а Вячеслав Прокшинич – его родным дядей, то попечение владыки об этом храме оказывается абсолютно закономерным.

Так или иначе, вставное происхождение рассказа об убийстве Яковца Прокшинича стоит учитывать, анализируя статью НПЛ 6701 г. как ранний источник сведений о Югре. Фигурирующий лишь в этом эпизоде «князь югорский» отсутствовал в первоначальном тексте рассказа, в котором противником новгородцев выступала лишь имперсональная «югра». Это, впрочем, совсем не означает, что князя не было: дело лишь в разных масштабах повествования, разной «оптике», сквозь которую два новгородских летописца смотрят на далекий, притягивающий своими богатствами и полный опасностей северный край.

Список литературы

- Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. – М., 1971.
- Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. – СПб., 2000.
- Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. – М., 2012.
- Вилкул Т. Л. Текстология и Textkritik. Идеальный проект... // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2004. [Vol.] XII. No. 1. P. 171–203.
- Вилкул Т. Л. Об источниках статьи 6428 года Новгородской первой летописи младшего извода о походе Руси на Константинополь // *Русская литература*. – 2015. – № 2. – С. 114–132.
- Вилкул Т. Л. «Преже сихъ 4 лѣтъ» 1096 г., Бестужева-Рюмина, Шахматова и составителя *Повести временных лет* // *Palaeoslavica*. Vol. 25. No. 2. 2017. С. 229–247.
- Гимон Т. В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: Разночтения между списками Новгородской 1 летописи // *Труды Отдела древнерусской литературы*. – СПб., 2006. – Т. 57. – С. 112–125.
- Гимон Т. В. Рубеж XII–XIII вв. в новгородском летописании // *Slověne*. 2017. № 2. P. 163–187.
- Гимон Т. В. Новгородское летописание XI – сер. XIV в. как социокультурное явление // Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2014.
- Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // *Новгородский исторический сборник*. – СПб., 1997. – Вып. 6[16]. – С. 3–72.
- Гиппиус А. А. К проблеме редакций «Повести временных лет» // *Славяноведение*. – 2007. – № 5. – С. 20–44; 2008. – № 2. – С. 3–24.
- Данилевский И. Н. «Сии 4 лѣта»: когда они наступили? // *Ruthenica*. – 2010. – № 9. – С. 7–17.
- Дубровин Г. Е. Петрятин двор и проблема раннего посадничества в Новгороде // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. – 2007. – № 1. – С. 45–59.
- Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания: (по поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи) // *Изв. Отд. рус. яз. и слов. РАН*. Т. 26. С. 45–102. Т. 27. Пг.; Л., 1923–1924. С. 207–251.
- Кардаш О. В., Гайдакова З. Г. Сведения русских и иностранных источников о Югре в XI–XV вв. // *Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: в 2 ч.* – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 7). – Ч. 1. – С. 46–67.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова]. – М.; Л., 1950.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1871.
- Лопарев Х. М. Книга Паломник: Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 г. // *Православный палестинский сборник*. – 1899. – Вып. 51.

Прокшинича» в НПЛ Ком. и «Оже и еще, княже, не убиеша Яковца Прокшинича» в Софийской 1 летописи, Новгородской Карамзинской летописи, части списков Новгородской четвертой летописи, а также в Тверском сборнике) [*ПСРЛ*. Т. 4. – С. 175; Т. 6. Вып. 1. – С. 249; Т. 15. – С. 282; Т. 42. – С. 79]. Похоже, что слово отсутствовало в первоначальном варианте редакции и независимо добавлялось последующими переписчиками.

Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? – М., 2011.

Молчанов А. А. Новгородские события 1054–1064 гг. и возникновение посадничества нового типа // Вестник МГУ. История. – 1974. – № 6. – С. 81–87.

Напольских В. В. «Угро-самодийцы» в Восточной Европе и проблема летописной Югры // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 7). – Ч. 1. – С. 68–101.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова]. – М.; Л., 1950.

Петрухин В. Я. Русь и все языки. Аспекты исторических взаимосвязей. Историко-археологические исследования. – М., 2011.

Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е / [Под ред. Е. Ф. Карского]. Вып. 1–2. Л., 1926–1927. (Репринтные издания: М., 1997; М., 2001).

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е / [Пригот. к печати А. А. Шахматовым]. СПб., 1908. (Репринтные издания: М., 1998; М., 2001).

Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. – М., 2000.

Полное собрание русских летописей. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. – СПб., 1863.

Полное собрание русских летописей. Т. 39: Радзивилловская летопись. – Л., 1989.

Полное собрание русских летописей. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. – СПб., 2002.

Прозоровский Д. И. О родословии св. Антония, архиепископа Новгородского // Известия Императорского Русского Археологического общества. – 1880. – Т. 9.

Сорокин А. Н. Новгород и Югра в XI–XII вв. // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 7). – Ч. 1. – С. 146–169.

С[таростина] И. П. Хождение Добрыни Ядрейковича в Константинополь // Письменные памятники истории Древней Руси. – М., 2003. – С. 89–92.

Творогов О. В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. – СПб., 1997. – С. 203–209.

Хорошев А. С. Новгородская Святая София и Псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Київ, 1998. Т. V. С. 5–25.

Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 года // А. А. Шахматов. 1864–1920: сборник статей и материалов. – М.; Л., 1947. – С. 129.

Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской 1 летописи в русском летописании XV века // Летописи и хроники. 1980. – М., 1981. – С. 153–181.

Янин В. Л. Новгородские посадники. – М., 2003.

Müller L. (Hgg.). Die Nestorchronik: die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademičeskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja, ins Deutsche übersetzt von Ludolf Müller (=Forum Slavicum, Bd. 56). München, 2001.

Müller L. К критике текста, к тексту и переводу *Повести временных лет* // Russian Linguistics. 2006. Vol. 30. № 3. P. 401–436.

Müller L. Die Herkunft des Textes der Erzählung über Boris und Gleb im Chronikartikel über das Jahr 6523 (1015) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). S. 86–99.

Ostrowski D. Principles of editing the Povest' vremennykh let: Some Theoretical Considerations // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 5(1). 1999. P.11–31.

Ostrowski D. The Načal'nyj svod theory and the Povest' vremennykh let // Russian Linguistics. 2007. Vol. 31. № 3. P. 269–308.

Ostrowski D. (ed.). The Povest' vremennykh lět: An Interlinear Collation and Paradosis / Compiled and Ed. by D. Ostrowski, Associate Editor D. J. Birnbaum, Senior Consultant H. G. Lunt. [Cambridge (Mass.), 2003]. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts. Vol. X.) Parts 1–3.

Timberlake A. Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. 2000. №1. С.219–238.

Timberlake A. Older and Younger Recensions of the First Novgorod Chronicle // Oxford Slavonic Papers. New Series, 33. 2000. P. 1–35.

Е. А. Рыбина

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
пр. Ломоносовский, д. 27, корп. 4, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: ear42@list.ru*

Топонимы севера в берестяных грамотах¹

Об освоении новгородцами северных территорий кроме летописных сообщений свидетельствуют и берестяные грамоты с топонимами. Всего таких грамот из 1089 берестяных документов, найденных к концу сезона 2016 г., известно более 90 экземпляров. В 19 из них упоминаются древнерусские города, с которыми в XI–XII вв. Новгород поддерживал активные торговые контакты. В остальных 74 текстах находятся топонимы Новгородской земли, из которых в ряде грамот (около 20) содержатся северные топонимы или производные от них термины.

В тексте некоторых грамот говорится о торговле и о сборе новгородцами дани в северных территориях. Ключевым документом в этом отношении стала сохранившаяся целиком грамота № 724, найденная в 1990 г. на Михаилоархангельском раскопе (Софийская сторона) и датированная 1160–1190 гг. Грамота представляет собой специально подготовленный лист бересты длиной 16 см, шириной 8 см. Текст находится на обеих сторонах бересты: 13 строк на одной стороне и 4 – на другой.

Процесс чтения и комментирования этой грамоты был длительным и сложным из-за потертости букв, лаконичности текста и незнакомых терминов. По объему и содержанию текст грамоты равнозначен летописному. Документ № 724 привлек к себе внимание разных исследователей, высказывавших прямо противоположные толкования текста².

Перевод грамоты³ с учетом последней трактовки текста: «От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: „Не давайте Савве ни единого песка с них собрать: он действует самовольно (не имея официальных полномочий. – Прим. авт.)“. А со мною по этому поводу сразу же не объяснился и не побывал ни у вас, ни здесь. И так я остался. Потом пришли смерды, взяли [с собой] Андреева мужа, и [его] люди отобрали дань. А восемь [человек], что под началом Тудора, выступили [против]. Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его».

Далее на обороте: «А сельчанам своим князь сам от Волока и от Меты (т. е. примыкающие к ним (?)) – Прим. авт.) участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью послал бы грамоту».

¹ Статья печатается по: Рыбина Е. А. Топонимы Севера в берестяных грамотах // Путь на Север: истоки. – М.: Арт Волхонка, 2017. – С. 62–75. – Ред.

² См.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов). – М., 2000. – С. 24–25; Петрухин П. В. К изучению Новгородской берестяной грамоты № 724 // Русский язык в научном освещении. – 2009. – № 1 (17). – С. 109–126; Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 годов). – М., 2015. – Т. XII. – С. 258–265.

³ Перевод А. А. Зализняка и А. А. Гиппиуса.

Несмотря на отмеченную разницу в трактовке описанных событий, основное содержание грамоты остается неизменным. Речь в ней идет о сборе новгородцами дани, о чем и сообщает автор письма Савва: «...а надлежало им остаток дани собрать до осени». Упоминание песцов (полярных лис), которые водились в тундровой зоне, указывает на место сбора дани.

Северные дани в Двинской земле неоднократно были предметом спора между Новгородом и Суздалем, и неслучайно в грамоте упомянуты исторические персонажи: новгородский посадник Захария и суздальский князь Андрей Боголюбский.

В свою очередь сопоставление дат пребывания этих правителей у власти позволяет уточнить хронологический контекст грамоты № 724 в рамках 1161–1167 гг.

В большинстве грамот XII–XIII вв. упомянуто Заволочье или производные от него термины: волочане (жители), заволочская белка (беличья пушнина). Заволочьем, т. е. районом, находящимся за волоками, называлась принадлежащая Новгороду территория в бассейне Северной Двины.

Свидетельствует о сборе пошлин в Заволочье и грамота № 739 (1120–1150), в которой ее автор Глебка предписывает волочанам выдать пошлину в размере пяти гривен и церковную (гривну). Возможно, что Глебка был братом новгородского князя Святослава Ольговича, который в 1137 г. призвал его (Глебку) на помощь в походе против псковичей⁴. Эти же волочане названы и на обороте грамоты № 724, в которой сказано, что князь выделил «сельчанам своим» участки от Волока и до Меты.

В трех грамотах XII в. речь идет о торговле заволочской белкой. Одна из этих грамот, № 1045 (1125–1150), представляет особый интерес. Авторы Лука и Микула сообщают своему компаньону Сновиду, что они не купили ничего, поскольку заволочская белка стоит 8 гривен. Видимо, эта была слишком высокая цена. Несомненно, что дело происходит в Заволочье, куда отправились за пушниной новгородские купцы, поскольку в грамоте сказано, что «мы бы уже были дома, да распутица». Трудно сказать, о каком количестве беличьих шкурок идет речь, так как одна шкурка не могла стоить 8 гривен. Это становится очевидным из грамоты № 1021 (60–90-е гг. XII в.), в которой зафиксирована покупка большой партии белок. Как сказано в тексте, всего за 3100 шкурок было заплачено более 89 гривен, из чего следует, что одна беличья шкурка стоила 0,72 куны (одна гривна в то время равнялась 25 кунам)⁵.

В грамотах № 685, 683, 647, 721 (1160–1190), судя по сохранившемуся тексту, говорится о поездке за Волок по торговым делам. Скорее всего, целью поездки была покупка беличьих шкурок.

Сбор податей в виде беличьих шкурок зафиксирован в грамоте № 52 (1260–1270). Пунктами сбора названы находящиеся в Заволочье реки Пуя и Кокшеньга, впадающие в Северную Двину. В слоях 1240–1270 гг. была найдена полоска бересты (№ 143) с надписью «5 заволочкое». Это ярлычок, который был прикреплен к группе предметов или документов. Цифра 5 указывает, что таких групп было не меньше пяти. Как предположил исследователь А. В. Арциховский, возможно, «землевладелец разделил по пачкам документы о своих пяти владениях. На пятом месте было тогда заволочкое имение»⁶.

Грамота № 141 (XIII в.) представляет собой расписку о сданных на хранение вещах в связи с отъездом на Мовозеро. На современных картах это озеро не обозначено, но очевидно, что речь шла о дальнейшей поездке на север.

Последний раз Заволочье упоминается в целой грамоте № 417, которая обнаружена на усадьбе двинского наместника Феликса (Торговая сторона) в слое первой трети XIV в. Текст грамоты представляет собой отчет о доставке дани в виде серебра из Заволочья: «Приехавши из Заволочья, носили серебро Климец и его родичи на другой день после Петрова дня – носили Фодорку Слепеткову с братьями. А за серебром [букв.: с серебром] ходили Григорий Фларев, Давыд Попов, Матвейко Нищ (Нищий. – Прим. авт.), Лука Онишков, Софрон М-шкин» (пер. А. А. Зализняка)⁷.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950. – С. 25, 210.

⁵ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гишпиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 годов). – М., 2015. – С. 119.

⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 года). – М., 1958. – С. 22.

⁷ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. – М., 2004. – С. 544.

Это сообщение служит, с одной стороны, прекрасной иллюстрацией к статьям договорных грамот Новгорода с князьями: «А се княже, волости новгородския: Волок со всеми волостыми... А судье слати тебе свое на Петров день, тако пошло... А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца: а тебе серебро емати...»⁸ С другой стороны, и сам текст грамоты становится более понятным при сравнении с договорной статьёй.

Во-первых, из него следует, что собирать дань в Заволочье могли только сами новгородцы, которые контролировали все доходы со своих земель; во-вторых, князю полагалась часть заволочской (двинской) дани. Наконец, в-третьих, разъяснилось упоминание Петрова дня в грамоте. Именно в этот день собиралась дань и затем передавалась княжескому уполномоченному.

В остальных грамотах XIV в. (10 экз.) топоним Заволочье больше не упоминается. Большинство топонимов в грамотах этого столетия связано с Карелией. Наибольший интерес представляет комплекс грамот из пяти документов, которые датируются 1350–1380 гг. Автором трех из них был некий Григорий, два документа, не имеющие адресной формулы, написаны тем же почерком, что и письма Григория, – следовательно, все пять документов были написаны рукой Григория.

Исключительна по содержанию практически неповрежденная грамота № 286: «От Григория к Дмитру. У нас все в порядке. А ты ходи (т. е. совершай свои обходы. – Прим. авт.), не бойся – заключили мир по старой границе князя Юрия. А меня послали к карелам на Каяно море. А ты смотри не помешай, не напакости каянцам и себе не заплучи худой славы. Если ты уже собрал прошлогдную дань, собери и за меня. А узнаешь, [что] я не пойду к Носу (или: к Ное. – Прим. авт.), тогда ты иди. А дома все в порядке. А ко мне кое-что из вестей переправляй. Если сможешь, помогай мне чем-нибудь»⁹.

Совершенно очевидно, что автор и адресат грамоты – новгородские данники. Не исключено, что они братья, так как Григорий сообщает Дмитру, что «дома все в порядке». Место сбора дани обозначено в самом тексте, поскольку Григорий пишет, что его послали к карелам на Каяно море. Так в средневековье назывался Ботнический залив, самый северный залив Балтийского моря, омывающий западный берег современной Финляндии, где до сих пор существует городок Каяни. Обозначенная территория находилась в зоне интересов Новгорода и Швеции, поэтому собирать дань в этих местах было небезопасно. Однако Григорий успокаивает своего напарника, сообщая, что обходить места сбора дани уже можно без опаски («ты ходи, не бойся»), потому что заключили мир по старой границе князя Юрия.

Это лаконичное сообщение позволяют расшифровать письменные источники. В 1323 г. новгородский князь Юрий Данилович заключил со Швецией Ореховецкий договор, получивший название по месту его подписания. В этом договоре подробно описывалась граница (межа) между новгородскими и шведскими владениями. Она начиналась от впадения реки Сестра в Финский залив и заканчивалась на северо-восточном побережье Ботнического залива¹⁰. Однако отношения между новгородцами и шведами время от времени обострялись, и Ореховецкий договор еще дважды подтверждался обеими сторонами. Последний раз это случилось в 1351 г., когда «старая межа князя Юрия» вновь была подтверждена, и новгородские данники могли спокойно собирать дань на своей территории. Очевидно, к этому времени и относится письмо Григория.

О сборе дани в карельских землях свидетельствуют и безадресные записи Григория (грамоты № 278, 130), представляющие собой списки податей. В них перечислены карельские географические названия (Лайдикола, Курола, Кюлолакша, Ной) и карельские имена (Икагала, Леннуй, Муномел, Игалин брат, Валит, Вигарь, Ваивас, Мелит и др.). В одном случае (№ 278) подати исчислялись в денежных единицах – рубль, бела, куница; в другом (№ 130) это было серое домотканое сукно, обозначенное терминами серь и водмол.

В письме Григория (№ 281) топонимы не указаны, но, судя по контексту, речь в нем также идет о сборе дани: «Поклон от Наума и от Григория даннику новгородскому и новгородцам, кто окажется

⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.; Л., 1949.

⁹ Зализняк А. Древненовгородский диалект. – С. 596.

¹⁰ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... – 3-е изд. – М., 1998. – С. 72–79.

там. Я послал своих людей, трех человек...» Очевидно, местом сбора также была Карелия, коль скоро в остальных текстах Григорий фигурирует как карельский данник, т. е. человек, собирающий дань с подвластной Новгороду карельской территории. Замечу, что все рассмотренные выше грамоты были найдены на Неревском раскопе на территории одной усадьбы, обозначенной буквой Е.

С этой же усадьбы Е происходят еще две «карельские» грамоты (№ 248 и 249), где они были обнаружены в слое 1380–1390 гг. Грамоты были найдены вместе и, судя по содержанию, были частями одного письма. Это коллективная жалоба карел из подвластных Новгороду земель: «Бьют челом карелы Кюлолакшского и Кюрьяжского погостов господину Новгороду. Нам нанесен ущерб из немецкой (т. е. шведской. – Прим. авт.) половины». В оригинале последняя фраза звучит очень образно: «Приобижены есмь с нимечкою половине». Далее на двух листах бересты подробно излагается ущерб, понесенный карелами новгородской части. Названные в грамоте погосты находились на границе со шведскими владениями, которая была обусловлена Ореховецким договором и подтверждалась еще дважды. Тем не менее конфликты между карелами обеих половин происходили и позже. В чем же заключалась «обида» новгородских карел? В течение нескольких лет карелы со шведской половины грабили землю и рыболовные участки, забирали кречетов и пойманную рыбу, а также товары на большую сумму. В конце концов жители приграничных погостов не выдержали разбойных нападений и обратились за помощью к Новгороду. Сбор дани в Карелии зафиксирован и в грамоте № 403, датированной приблизительно тем же временем (1360–1380), что и письма Григория. Она найдена при земляных работах вблизи Неревского раскопа. Грамота не имеет адресной формулы и состоит из двух частей. В первой находится долговой список, в котором вновь упомянуты карельские топонимы (Сандалакша, Погия) и имена (Гымуев брат, Мунданахт). Повинности указаны в деньгах и коробьях зерна. Особый интерес представляет собой вторая часть, расположенная ниже основного текста. В ней попарно записаны отдельные слова на русском и прибалтийско-финском языках, т. е. это – маленький словарик, в котором для русских слов дан их перевод. Предполагается, что сборщик податей мог объясняться с карелами, но записал трудные слова, необходимые ему для общения с местным населением при сборе повинностей¹¹.

Связь с совсем другой территорией – Обонежьем – продемонстрирована в ряде грамот, найденных на **усадьбе Б** Неревского раскопа в слоях 1350–1420 гг. Сразу несколько топонимов, находящихся как в восточном (Пудога и река Оять), так и в западном Обонежье (Сямозеро и река Шуя), упомянуто в грамоте № 131. В ней содержится подробный отчет автора своему господину о сборе дани в указанных пунктах. Сбор пушного оброка в виде росомахи, куниц и белок в Водлозерском погосте, который также находится в восточном Обонежье, зафиксирован в грамоте № 2. Наконец, автор грамоты № 19 (1420 г.) упоминает реку Водлу, протекающую в том же регионе.

В крошечном обрывке № 324 (первая треть XIV в.) названо село на Княжеострове, находящемся в дельте Северной Двины. Сам факт упоминания населенного пункта в столь отдаленном северном районе заслуживает внимания. Несмотря на отсутствие контекста, с уверенностью можно сказать, что интересы новгородцев и их владения простирались вплоть до Белого моря.

Несмотря на малочисленность берестяных грамот с северными топонимами, они содержат весьма разнообразную информацию и обозначают тенденцию в освоении новгородцами северных территорий.

Показательна топография топонимических грамот, найденных на Неревском раскопе, где на площади около 9000 м² было вскрыто несколько целых усадеб, в том числе **усадьбы Б и Е**, принадлежавшие богатым боярским семьям. Оказалось, что на **усадьбе Е** концентрируются грамоты с топонимами, находящимися на Карельском перешейке и в западной части Карелии. Очевидно, боярская семья, жившая в течение нескольких поколений на этой усадьбе, владела землями и собирала подати на обозначенной в грамотах территории Карелии. Не исключено, что владелец усадьбы или член его семьи в последние десятилетия XIV в. занимали высокий пост в административной системе Новгорода, коль скоро челобитье карел господину Новгороду (грамота № 248) оказалось на **усадьбе Е**.

¹¹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. – С. 598.

Напротив, жители **усадьбы Б** в течение XIV – начала XV в. были связаны с территорией Обонежья, собирая здесь пушной и рыбный оброки. Следовательно, каждый боярский род владел определенными участками на обширной территории Новгородской земли.

Любопытно и хронологическое распределение берестяных грамот с северными топонимами. В грамотах XII – начала XIV в. обнаруживаются топонимы, находящиеся только в Заволочье. Начиная со второй четверти XIV в. заволоцкие топонимы в документах отсутствуют, уступая место карельским. Видимо, такое разграничение неслучайно, оно отражает процесс и характер освоения новгородцами северных территорий.

В документах со второй четверти XIV и в течение XV в. заволоцкие топонимы отсутствуют, уступая место карельским.

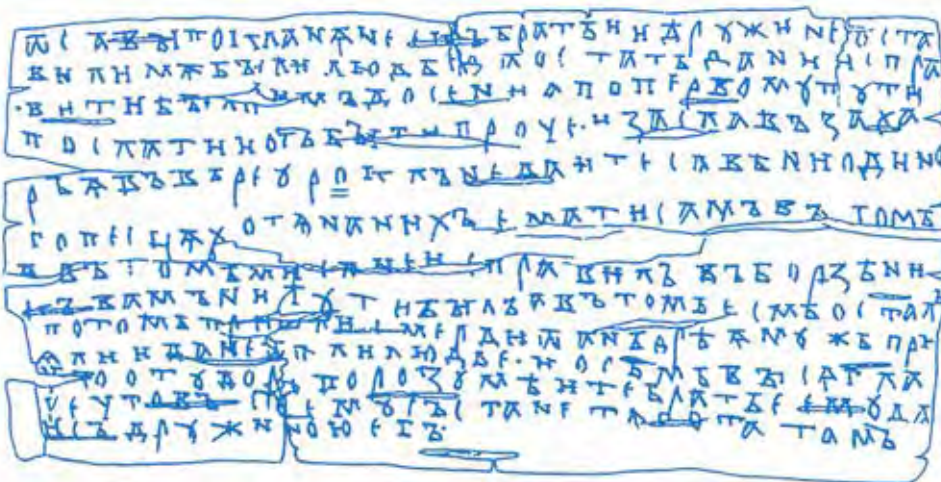
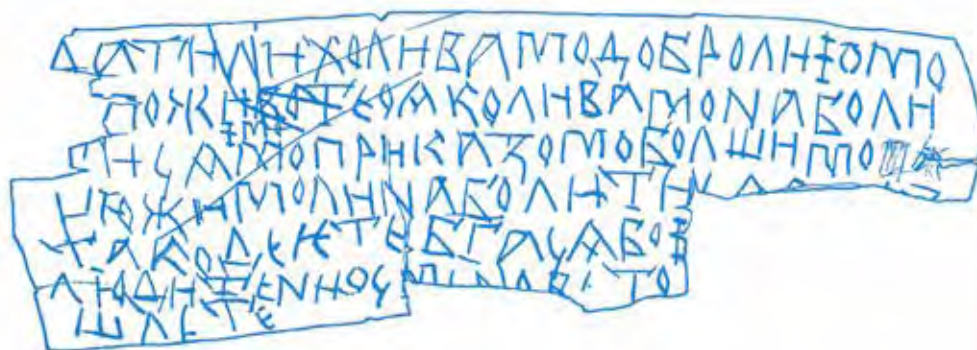
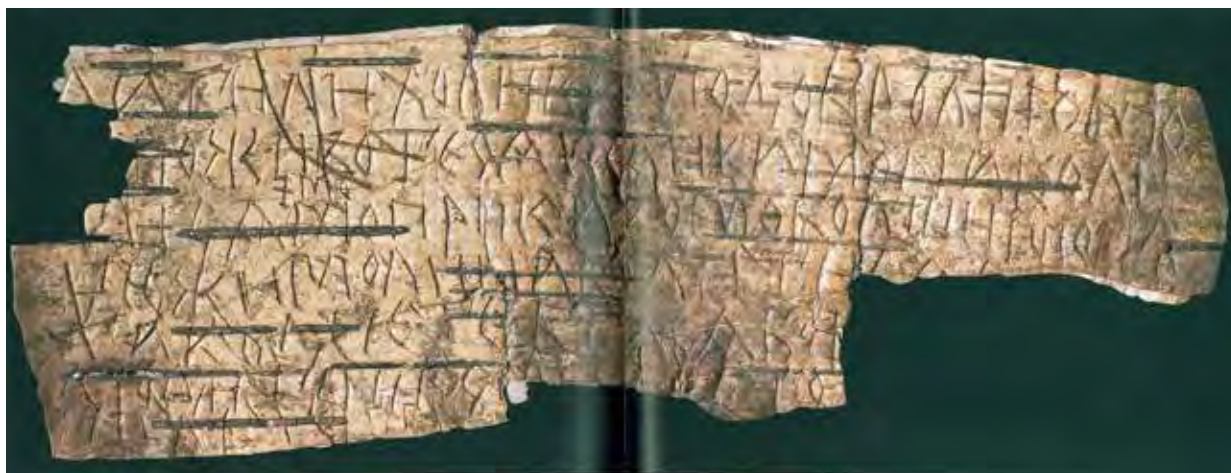
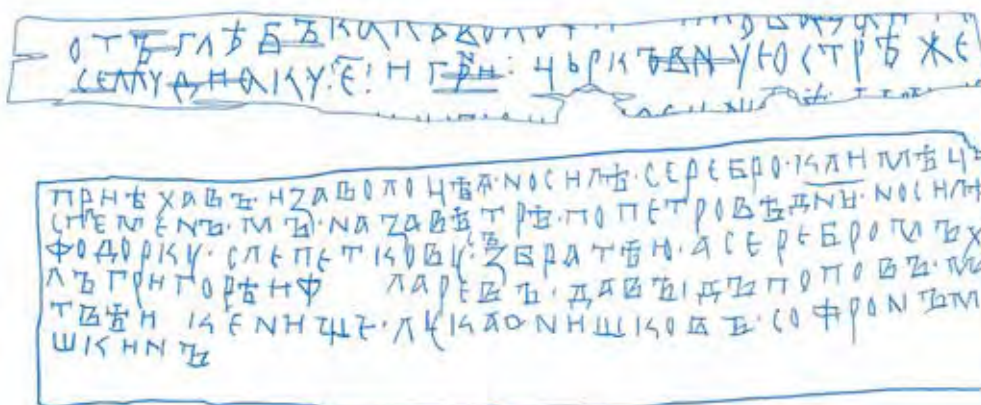
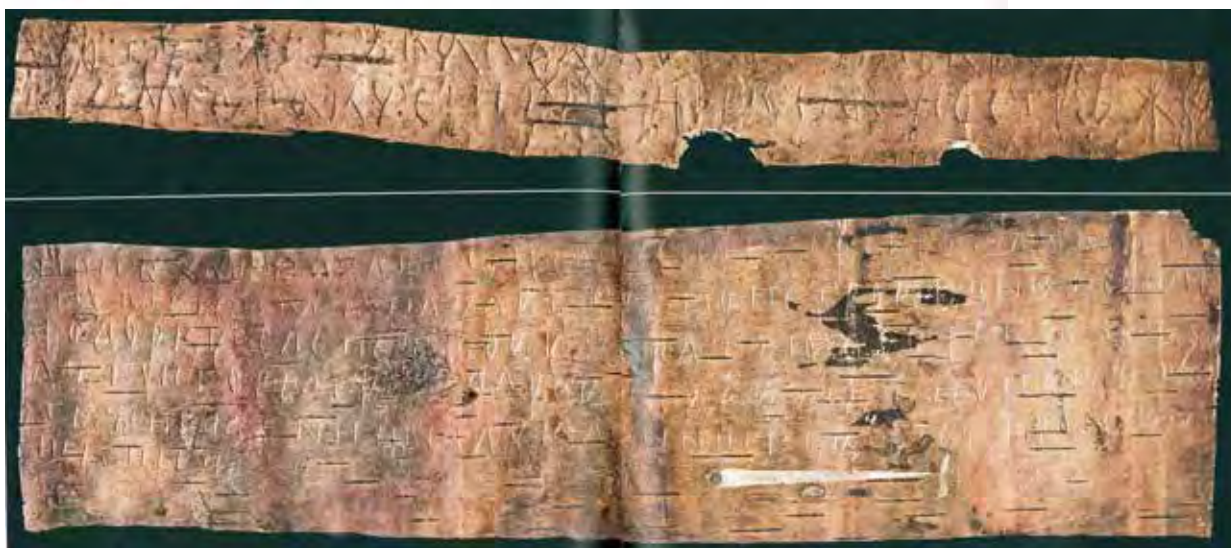

Рис. 1. Берестяная грамота № 724¹¹⁶¹⁻¹¹⁶⁷. Михайловский раскоп

0 1 CM

Рис. 2. Берестяная грамота
№ 622^{1360–1380}.
Троицкий раскоп

0 1 CM

Рис. 3. Берестяная грамота
№ 739^{1120–1140}.
Троицкий раскоп

Рис. 4. Берестяная грамота
№ 417^{1320–1340}.
Ильинский раскоп

А. Н. Сорокин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
пр. Ломоносовский, д. 27, корп. 4, г. Москва, 119991, Россия
E-mail: alsorokin2110@gmail.ru

Европейская Югра на географических картах XVI–XVIII веков¹

Аннотация. В настоящее время Югра (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра) располагается к востоку от Уральского хребта. Однако в пределах своей современной территории историческая область древней Югры упоминается только со второй половины XIV в. Поэтому об ее изначальном местоположении ведется нескончаемая дискуссия, в ходе которой сложилось несколько историографических воззрений на локализацию летописной Югры. Причина этих споров объясняется недостаточной информативностью и противоречивостью сведений о локализации Югры в XI – первой половины XIV вв., содержащихся в сравнительно немногочисленных письменных источниках. Между тем, недостаточно полно изученные картографические материалы открывают новые возможности в исследованиях по установлению местоположения древней Югры. Несмотря на то, что в своем большинстве они имеют западноевропейское происхождение, информаторами картографов были не только путешествовавшие по России иностранцы, но также русские люди, в том числе посещавшие ее северные области. На основании исследования географических карт Восточной Европы XVI–XVIII вв. невозможно игнорировать факт нахождения Югры к западу от Уральских гор. При этом в локализации древней Югры выделяется несколько независимых историографических традиций, возможно, отражающих реальное изменение ее территории во времени.

Ключевые слова: Югра, географическое положение, Уральские горы, картографические материалы, картографы, издатели, Агнезе, Вид, Мюнстер, Гастальди, Меркатор, Гондиус, Масса, Сансон, Кантелли, Молл, Ремезов, Делиль, Жорж-Луи Ле Руж.

Современная Югра – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, входящий в Тюменскую область, – занимает центральную часть Западно-Сибирской равнины к востоку от Уральского хребта. Однако по данным отечественных письменных источников историческая область «Югра» фиксируется в пределах этой территории только со второй половины XIV в. [ПСРЛ IV, 1848. С. 64–65; ПСРЛ IV, 1915. С. 291; ПСРЛ IV, 1929. С. 603; ПСРЛ V, 1851. С. 230; Книга Большому Чертежу, 1950. С. 50, 146, 168, 192], а в западноевропейских сочинениях и на географических картах – с XVI в. [Кордт, 1899. № XI–XX, XXIV–XXVII, XXIX, XXXI; Кордт, 1906. № VI, X, XIII, XV; Герберштейн, 1988. С. 135, 139, 142, 146, 149, 154, 157, 163; О начале войн, 1997. С. 194; Утверждение династии, 1997. С. 139–149, 396; Гваньини, 1997. С. 47]. Поэтому со времен В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина о местоположении летописной Югры ведется непрерывная дискуссия, однако «русские историки до сих пор еще не пришли к единогласному и точному определению географического положения Югорской земли» [Оксенов, 1885. С. 426]. В историографии сложилось несколько воззрений на локализацию древней Югры: одни исследователи ут-

¹ Переиздание:

верждали, что Югра изначально располагалась к западу от Уральских гор и лишь постепенно переместилась из Европы в Азию; другие видели Югру только к востоку от Урала; третьи полагали, что Югра «занимала оба склона Урала» [Дмитриев, 1894. С. 3, 5, 13; Алексеев, 1941. С. 71]. Причина споров вокруг местоположения летописной Югры происходит «главным образом от недостатка и сбивчивости известий в источниках по этому предмету», несогласованности «ряда свидетельств, противоречащих друг другу» [Оксенов, 1885. С. 426; Алексеев, 1941. С. 70]. При этом аргументы сводятся главным образом к интерпретации сравнительно немногочисленных письменных источников [Дмитриев, 1894. С. 4–13], тогда как картографические материалы привлекаются крайне редко. Между тем их изучение открывает новые возможности в исследованиях о локализации древней Югры.

Баттиста Агнесе (Аньезе) (Battista Agnese), 1525 г. (рис. 1)

Впервые местоположение Югры нанес на карту венецианский картограф Баттиста Агнесе [Кордт, 1899. Табл. III; Рыбаков, 1974. С. 71–72. Рис. 14]. Из «современной» сопроводительной надписи в левом верхнем углу карты («*Moscoviae tabula relatione Dimetrii legati descripta sicuti ipse a pluribus accepit cum totam provinciam minime peragrasset anno MDXXV octobris*») следует, что Агнесе изготовил ее в октябре 1525 г. по сведениям, полученным от некоего «*Dimetrii legati*» [Кордт, 1899. С. 4]. Установлено, что это был «один из образованнейших русских людей своего времени» – Дмитрий Герасимов (Дмитрий Толмач, Митя Малой, Дмитрий Данилович, *Demetrius Erasmus*) (около 1465–1533), который в качестве посланника великого князя Василия III в июне – июле 1525 г. находился в Риме при дворе папы Климента VII, где по поручению понтифика с ним беседовал епископ Павел Иовий (*Paolo Giovio*), написавший по его рассказам книгу о России [Алексеев, 1941. С. 91–92; Казакова, 1972; Рыбаков, 1974. С. 10–11, 70–71; Савельева, 1983. С. 42; Герберштейн, 1988. С. 55]. Возможно, именно для этой книги, изданной в 1525 г., и предназначалась карта Агнесе, но впервые она была опубликована только в 1881 г. венецианским книгопродавцем и издателем Ф. Онганьи, обнаружившим ее на 17-м листе в морском атласе рукописных карт, составленном Агнесе в 1554 г. [Кордт, 1899. С. 3–4; Алексеев, 1941. С. 91–92; Рыбаков, 1974. С. 71–73, 77]. Б. А. Рыбаков, проведя «тщательный разбор» географических объектов на карте «*Moscoviae*» 1525 г., предположил, что в ее основе было несколько источников, в том числе оказавшийся в распоряжении Агнесе нарисованный, может быть, самим Герасимовым схематичный чертеж «северных земель от Вологды и Сухоны на западе до Печоры и Югры на востоке», которые были ему известны благодаря собственным плаваниям по Северной Двине и Ледовитому океану [Рыбаков, 1974. С. 74–78, 84–85].

В верхней части карты Агнесе обозначены три реки, впадающие в *OCEANVS SITICVS*, но подписаны только крайняя слева – Югра (*iugra flu*) – и расположенная справа от нее – Печора (*ressora flu*). Еще правее изображен разветвленный бассейн безымянной реки, в которой угадывается Северная Двина, так как приведено название одного из ее притоков – Сухона (*suchana flu*). В научной литературе отмечалась «любопытнейшая ошибка», допущенная венецианским картографом «в начертании всех северных земель и рек бассейна Ледовитого океана: они все даны в перевернутом, как бы зеркальном виде», причем «не сверху вниз (как было бы при обратной ориентировке), а справа налево» [Рыбаков, 1974. С. 76–77]. По мнению Б. А. Рыбакова, так «могло получиться только в том случае», если между чертежом Герасимова и картой Агнесе существовало «единственно возможное связующее звено» в виде копии на прозрачной (промасленной) бумаге: гравер использовал ее в качестве «заготовки для гравировальной доски», чтобы нанести на нее «перевернутое, зеркальное изображение», а венецианский картограф при составлении своей карты ошибся и «прочел» его «с той стороны, которая была лицевой для гравера» [Рыбаков, 1974. С. 77].

Предложенное объяснение данного факта не позволило Б. А. Рыбакову однозначно идентифицировать *iugra flu*, которую он отождествлял с реками Обью и Зией [Рыбаков, 1974. С. 76; 74. Рис. 15]. Однако вариант с Обью отпадает в силу того, что все реки бассейна Ледовитого океана на карте Агнесе находятся по одну сторону Уральских гор. Не подлежит также сомнению, что на чертеже Герасимова обозначены только крупные реки, тогда как между Печорой и Уральским хребтом таковые отсутствуют, впрочем как и река с названием Зия. Между тем зеркальное искажение чертежа Герасимова было возможно лишь при условии отсутствия на нем каких-либо надписей. Следовательно, названия рек

Печоры и Югры также могли перепутать. Если их поменять местами, то с *iugra flu* будут ассоциироваться расположенные между Северной Двиной и Печорой две большие реки – Кулой или, что более вероятно, Мезень, которая, как и Северная Двина, фактически образуется слиянием двух рек. Одна из них – Вашка – сопоставима по длине с Мезенью. Таким образом, разрешается еще одно противоречие на карте Агнеше: надпись «IVGORIA REGIO SILVESTRIS» (Югорская лесная область) [Рыбаков, 1974. С. 76] совмещается с *iugra flu*, ошибочно подписанной как *ressora flu*. Поскольку указанная надпись ориентирована вдоль стороны *iugra flu*, обращенной к Северной Двине, то IVGORIA REGIO SILVESTRIS локализуется в междуречье Мезени и Северной Двины.

В 1548 г. в Венеции была издана миниатюрная книга Клавдия Птолемея «Руководство по географии», снабженная картами, изготовленными Джакомо Гастальди (1500–1566), который, по свидетельству современников, являлся самым авторитетным итальянским картографом XVI в. На его карте, озаглавленной «MOSCHOVIA NOVA TABVLA», изображена северо-западная часть России [Кордт, 1899. С. 9. № IV] (рис. 2). В 1561 г. эту карту под тем же названием издал итальянский ученый Джироламо Рушелли (Girolamo Ruscelli, 1518?–1566) (рис. 3). По всей вероятности, в качестве источника для своей карты Гастальди использовал чертеж Агнеше (1525), потому что реки, впадающие в OCEANVS SYTHICVS, на ней также зеркально перевернуты. Вместе с тем имеются важные отличия: у Гастальди показаны лишь две реки, но приведено название только одной – Двина (*dwidna F.*) с притоками Сухоной (*Suchana F.*) и Югом (*iuga F.*). Надпись IVHRI помещена между Двиной и безымянной рекой.

Антоний Вид (Antonius Wied), между 1534 и 1544 гг. (рис. 4)

На карте сенатора из Данцига «литвина» Антония Вида (Бида), впервые изданной в 1555 г. (копия 1570 г.), но составленной по результатам исследований разных авторов между 1537 и 1544 гг., в 1535 или 1542 г., около 1537 или 1540 г., надпись «IVHRI ex quibus Hungari in Hungaria ut idem quoque idioma ostendit» («Югры и Унгары в Унгарии говорят на одном языке») располагается по правому берегу верхнего течения реки Мезень (*Mezen fl.*) [Кордт, 1899. С. 4–5. Табл. VI; Рыбаков, 1974. С. 11, 84. Рис. 3; Савельева, 1983. С. 41; Герберштейн, 1988. С. 285–286, 335]. Как следует из объяснительного текста на карте, она была изготовлена при содействии «московского вельможи» Иоганнеса Лятцкого (*Ioannes Latzki*), отождествляемого с московским окольным князем «Иваном Васильевым сыном Лятцкого», бежавшим «с службы ис Серпухова» в Польшу в августе 1534 (7042) г. [ПСРЛ XIII, 1906. С. 79; Кордт, 1899. С. 4–5; Рыбаков, 1974. С. 11, 85, 96].

Себастьян Мюнстер (Sebastian Münster), 1538 г.

В 40–50-х гг. XVI в. Себастьян Мюнстер, монах Францисканского ордена, включал «уменьшенные копии со значительными изменениями» карты Антония Вида в немецкие и латинские издания своей «Космографии» под названием «*Moscowiters lands neue beschreibung*» (1538, 1544–1546, 1548, 1550, 1559) [Брокгауз, Ефрон, 1897. С. 365; Кордт, 1899. С. 4–6. № VII, VIII]. Во всех изданиях на картах присутствует надпись «IVHRI», однако в латинском издании 1544 г. она ориентирована горизонтально между двумя безымянными реками, изображенными слева от реки Оби (*Obi fl.*) (рис. 5), а в латинском издании 1559 г. – вдоль правого берега средней безымянной реки [Кордт, 1899. С. 4–6. № VII, VIII]. Кроме того, в тексте своего сочинения Мюнстер вслед за Антонием Видом отметил: «Там, где на карте видишь надпись *Juggi*, предполагается отечество венгров на том основании, что языки обоих народов весьма сходны» [Кордт, 1899. С. 4]. Впоследствии данное утверждение неоднократно повторялось в западноевропейских сочинениях и надписях на картах.

Неизвестный картограф, после 1554 г.

На карте России, состоящей из трех гравированных на меди больших листов, на втором листе, где изображена восточная часть страны «до Оби и Кавказа включительно», имеется надпись «*Iugoria Ducatus region ex qua olim Hungari prodiße feruntur*», которая располагается на побережье Северного Ледовитого океана (*MARE GLACIALE*) [Кордт, 1906. С. 10. Табл. V].

В правом нижнем углу третьего листа карты указаны имена граверов («*Ioannes a duetecum, Lucas a duetecum fecit*»), но «составитель карты и год издания неизвестны» [Кордт, 1906. С. 10]. Несмотря на то что в ее верхней части помещен текст «*Regionum Septentrionalium, Moscoviam, Rvtenos, Tartaros,*

eorvmque hordas comprehendentivm, ex Antonii Jenkensonii et Sigismundi liberi baronis ab Herberstein itinerariis, nova descriptio», из которого следует, что она составлена по материалам Сигизмунда Герберштейна и Антония Дженкинсона, по мнению В. А. Кордта (1860–1934), составившего собрание западноевропейских карт России XVI–XVII вв., эта надпись «совершенно неточна»: «На самом деле оказывается при внимательном изучении топографического материала карты, что первый и второй листы ее скопированы с карты Европы Меркатора» 1554 г. и «только незначительные изменения и дополнения сделаны по карте России Дженкинсона» [Кордт, 1906. С. 9–10]. Между тем ни на одной из упомянутых В. А. Кордтом карт Югра не отмечена. Видимо, неизвестный составитель карты 1554 г. пользовался другими источниками, возможно заимствованными у Вида или Мюнстера.

Джакомо (Яков) Гастальди (Jacomo Castaldo, Giacomo Gastaldi), 1568 г.

В правом верхнем углу гравированной по медному листу карты северной Европы, на которой изображена северо-западная часть России, располагается надпись «IVGORIA DVC» [Кордт, 1906. № VII], то есть «княжество Югория» (лат. ducatus).

Как следует из текста в картуше – «Di M. Jacomo Castaldo ui si rapresenta la prima parte della descrittione del Regno di Polonia, con la sua scala di miglia intagliata da Paolo Furlani ueronese al segno della Colonna. Venetia l'anno 1568», – карта была изготовлена известным итальянским картографом Яковом Гастальди в 1568 г., однако, по мнению В. А. Кордта, «при сличении этой карты» с картой Европы Меркатора 1554 г. оказывается, что Гастальди не работал самостоятельно, а скопировал свою карту с соответствующей части карты Меркатора», из которой «позаимствовал весь свой топографический материал и все очертания до мелких подробностей» [Кордт, 1906. С. 8–9]. В свою очередь, Меркатор воспользовался материалами баварца Якова Циглера, а также картой Северной Европы Олауса Магнуса и картами России Вида и Герберштейна [Кордт, 1906. С. 9].

Область IVGORIA DVC находится на побережье MARE SITHICO и занимает восточную половину территории, окруженной горными цепями, между безымянной рекой на востоке, впадающей в MARE SITHICO, в среднем течении которой обозначено поселение Yuri, и горами на западе и юге. Это поселение можно сопоставить с поселением Iuhri на карте «Moscovia» (около 1597), которое также отмечено в среднем течении безымянной реки, по всей вероятности Мезени, так как в ее низовье указано поселение Mezen [<https://geoportal.rgo.ru/record/98>].

По окруженной горами местности, частью которой является IVGORIA DVC, протекает река Пинега (Pinega f.), вытекающая из озера и впадающая в MARE SITHICO. Ответвление восточного горного массива является водоразделом между ней и Северной Двиной (Diuidena f.) и ее притоками – Пинегой (Pinego f.), Вычегдой (Wenzechida f.), Югом (Yug f.), Сухоной (Suchna f.).

Примечательно, что IVGORIA имеет такой же статус DVC, как NOVOGARDIA DVC, PLESCOVIA DVC, TWERIA DVC, MOSCOVIA DVC, в отличие от VSTIVGA PRO (лат. provinciae – «провинция») и VOLOGDA PRINC, SVDAL PRINC, ROSTOVA PRINC, PERESLAVIA PRINC, RESEN PRINC (лат. principatus – «княжество»).

Герард Меркатор (Gerhardus Mercator), 1594/95 гг. (рис. 6)

Карта «Russia cum confinij» фламандского географа и картографа Герарда Меркатора (1512–1594), считающегося основателем современной картографии, была составлена в 1594 г., но фактически издана посмертно его сыном Румольдом в 1595 г. в составе третьего выпуска «Атласа» северных стран Европы [Кордт, 1899. С. 11. Табл. XXIV; Рыбаков, 1974. С. 85]. В XVII в. эта карта переиздавалась амстердамским гравером, издателем атласов и карт Юдокусом Хондиусом (Jodocus Hondius, Judocus Hondius, Josse de Hondt, 1563–1612), купившим все печатные формы на медных досках меркаторских карт, а затем его наследниками, выпускавшими их до 1637 г. [Кордт, 1899. С. 11–12; Рыбаков, 1974. С. 86].

На карте Меркатора, кроме страны «Ioughoria» к востоку от реки Оби (Obu flu.), в европейской части России обозначена область «Iugra», «Iugra fuie Iugoria», причем эти слова написаны более мелким шрифтом, чем названия сопредельных областей. На западе Югра граничит с областью Двина (Dwina), на востоке – с Печорой (Petzora), на юго-востоке – с Кондорой (Condora), на юге – с Пермью (Permia). Примечательно, что Югра со всех сторон окружена лесными массивами, в том числе расположенны-

ми на водоразделах рек Мезени (Mezena flu.), Печоры (Petzora flu.)², Кулоя (Kowloay flu.) и Вычегды (Voichogda flu., Witzechda flu.) с впадающей в нее безымянной рекой с притоком – вероятно, это Вымь и Елва (Ёлва) соответственно³.

Наименование Югры сопровождается текстом, почти дословно повторяющим надпись на карте России анонимного картографа второй половины XVI в. (см. выше) о том, что Югра является исторической родиной венгров: «Iuhra fuie Iugoria ex qua olim Hungari prodijße feruntur». Однако в отличие от нее на карте Меркатора не обозначен территориально-административный статус Югры («Iugoria Ducatus regio») и, кроме того, данная надпись перенесена от океанского побережья вглубь материка и располагается между средним и нижним течением реки Мезень (Mezena flu.) и ее левым безымянным притоком примерно такой же протяженности, как и сама Мезень, что позволяет однозначно идентифицировать его с рекой Вашкой. Заслуживает внимания также нанесенное на карту поселение Juhri в верхнем течении Мезени на ее правом берегу.

Соломон Нейгебауер (Salomone Neugebauer), прусский историк, включил в свое сочинение о России на латинском языке (1612) карту «Moscovia», которая, по его словам, была составлена на основании сведений «надежнейших картографов» (ex probatissimis Geographis), но в действительности является копией карты Меркатора и представляет собой оттиск с «довольно небрежной гравюры на дереве» [Кордт, 1899. С. 12. Табл. XXVIII]. На карте Нейгебауера надписи «IVHRA» и «IVGORIA» еще более смещены в верховья Мезени и Вашки и переходят на правый берег Мезени. Кроме того, несколько изменено название поселения на Мезени – Iuhra.

Иодок Гондиус (Iodocus Hondius), 1606 г. (рис. 7).

В атласе Меркатора, дополненном и изданном Иодоком Гондиусом в 1606 г. под заголовком «Atlas sive cosmogr. meditations... auctus ac illustr. A Iud. Hondio, Amst.», помещена карта «Tartaria», по мнению В. А. Корда, «составленная Гондиусом, очевидно, на основании карты всего света Меркатора 1569 г.» [Кордт, 1906. С. 22. № XVIII]. На этой карте присутствует надпись «Iuhuri», окруженная лесами и распложенная к югу от полярного круга (CIRCULUS ARCTICUS) между областью PERMIA на севере, средним течением реки Вычегды (Voichogda fl.) на юге и безымянным левым притоком реки Печоры на востоке. Возможно, это река Кожва, так как при ее впадении в Печору указано поселение Pustezora – современный город Печора (?).

Исаак Масса (Isaaco Massa), 1609–1612/13 гг.

В сборнике известного голландского географа и картографа Гесселя Герритса «Beschryvinge vander Samoyeden Landt in Tartarien», опубликованном в 1612 г., к статье Исаака Массы, посвященной описанию путей в Сибирь, приложена карта «северного берега России от Архангельска до устья р. Енисея» под названием «RVSSIAE, vulgo MOSCOVIA dictae, Partes Septentrionalis et Orientalis» [Кордт, 1906. С. 16. № XIII]⁴. По свидетельству Массы, он «имел приятеля в Московии, брат которого бывал там (то есть в Сибири), и он дал мне немую карту этих стран, сделанную по устным указаниям его покойного брата. Он сам бывал в Вайгачском проливе и знает всю местность до р. Оби, но о более дальних странах он только слышал; таким образом, карта эта передает только береговые места. Я получил ее с большим трудом, так как русский, сообщивший ее мне, подвергся бы смертной казни, если бы о том узнали; поэтому я и не назову его имени» [Кордт, 1906. С. 16–17]. На основании этого свидетельства В. А. Кордт предположил, что надписи на карте сделаны самим Массой, а «сама же карта списана им не позже 1609 г., так как он в этом году в первый раз вернулся в Нидерланды

² Бассейны Мезени и Печоры разделяет естественный рубеж, проходящий по Тиманскому кряжу, протянувшемуся примерно на 950 км от Чёшской губы Баренцева моря до истоков реки Вычегды

³ Примечательно, что в жалованной (подтвердительной) грамоте великого князя Ивана Васильевича 1484/85 (6993) г., данной жителям Перми Вычегодской, у рек Мезени, Удоры и Выми перечислены «падуны», то есть притоки, причем в названиях большинства «рек» и «речек», как и в этногеографическом названии Югра/Угра, присутствуют форманты -уг/-юг и -уга/-юга: так, в бассейне Выми указано 13 (около 45 %) таких гидронимов – Сарюга, Чюгор, Вежаюга, Кусюга, Немзюга, Яюга, Сонюга, Вожюга, Ветюга, Пожюга, Касюга, Вездюга, Вежюга; в бассейне Удоры – 15 (около 31 %): Чебужга, Киюга, Лоптюга, Венюга, Вежаюга, Чебюга, Другая Чебюга, Кузюга, Локюга, Прочюга, Лынюга, Тонюга, Карюга, Чебюга Меншюга, Ежюга; в бассейне Мезени – 9 (25 %): Вежаюга, Коптюга, Асюга, Увюга, Песюга, Еждюга, Карюга, Лантюга [АСЭИ, 1964. С. 309].

⁴ По другим данным, Масса озаглавил карту «Caerte van't Noordertse Russen, Samoeden, ende Tingoesen Landt: also dat vande Russen afghetekent, en door Isaac Massa vertaelt is» [Кордт, 1906. С. 17].

из Москвы, куда он снова приехал, когда карта уже была напечатана, то есть, вероятно, в 1612 или 1613 г.» [Кордт, 1906. С. 17].

На карте Массы обозначена некая река – Iura fl., впадающая справа в реку Вымь (Wuyma fl.), которая, в свою очередь, является правым притоком реки Вычегды (Witxogda fl.) – правого притока Северной Двины (Duina fl.) [Кордт, 1906. № XIII]. Возможно, «Iura» является искаженным от Iuhra или Iuhora.

Николя Сансон (Nicolas Sanson), 1648 г. (рис. 8)

В 1648 г. Николя Сансон (1600–1667), французский королевский картограф, издал карту России «ESTATS du CZAR ou GRAND DVC de la RUSSIE BLANCHE ou MOSCOVIE» [<https://geoportal.rgo.ru/record/1239>], на которой «княжества показаны не только надписями», но их границы также обозначены пунктирными линиями [Рыбаков, 1974. С. 86]. Область IVHORSKI располагается на побережье Северного Ледовитого океана (SEPTENTRIONAL et GLACIAL) напротив острова Колгуев (Kolgoi Ostrof) между Чёшской губой (Tetseaia goeba) на западе и устьем реки Печоры (Petzora fl.) на востоке. На современной географической карте территория Югры соответствует Малоземельской тундре, простирающейся от Тиманского кряжа на западе до устья Печоры на востоке.

Во второй половине XVII – первой трети XVIII в. карту России Николя Сансона неоднократно переиздавали или использовали в качестве источника другие картографы и издатели:

– Юстус Данкеркс (Iusto Danckerts, Justus Danckers), голландский гравёр и издатель, – около 1650 г. и около 1680 г. [Кордт, 1906. С. 21; <https://geoportal.rgo.ru/record/111>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1263>; <https://geoportal.rgo.ru/record/3398>];

– сын Сансона – Гийом (Гильом) Сансон (Guglielmo Sanson) – в 1679, 1683, 1688 гг. [Кордт, 1906. С. 21. № XVI; Рыбаков, 1974. С. 86; <https://geoportal.rgo.ru/record/115>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1240>; <https://grafika.ru/item/08-000306?r=59026>];

– племянник и ученик Сансона – Пьер Дюваль (Pierre Duval) – в 1663 и 1680 гг. [<https://geoportal.rgo.ru/record/66>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1078>; <https://grafika.ru/item/08-000395?r=59006>];

– Джованни Джакомо Де Росси (Giovanni Iacomo (Giacomo) De Rossi), итальянский гравёр и издатель, – в 1678 и 1688 гг. [<https://geoportal.rgo.ru/record/1174>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1419>];

– Винченцо Мария Коронелли (Vincezo Maria Coronelli, 1650–1718), венецианский историк и географ [<https://geoportal.rgo.ru/record/1268>];

– Фредерик де Вит (Frederick de Wit), голландский картограф, – после 1684 г., в 1700 г., до 1724 г., после 1730 г. [<https://geoportal.rgo.ru/record/90>; <https://geoportal.rgo.ru/record/95>; <https://geoportal.rgo.ru/record/96>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1181>];

– Алексис Губерт Жайо (Джайлот) (Alexis Hubert Jaillot), французский картограф и гравёр, – в 1692, 1710 и 1717 гг. [Кордт, 1906. С. 21; <https://geoportal.rgo.ru/record/1486>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1235>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1072>; https://rusbibliophile.ru/Book/Belaya_Rossiya_ili_Moscoviya];

– Питер Шенк (Pieter Schenck), немецкий картограф, гравёр и издатель, – в 1700 г., после 1700 («в начале XVIII в. без обозначения года») и 1720 гг. [Кордт, 1906. С. 21; <https://geoportal.rgo.ru/record/117>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1067>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1182>];

– Герард и Леонардус Валк, отец и сын, голландские гравёры и издатели, – около 1710 г. (Gerard/ Gerardus et Leonardus Valk/Valck) [<https://geoportal.rgo.ru/record/1438>];

– Кристоф Вайгель (Christoph Wiegel), немецкий гравёр и издатель, – около 1720 г. [<https://geoportal.rgo.ru/record/118>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1223>].

На этих картах местоположение Югры также обозначено на побережье Северного Ледовитого океана между Чёшской губой и нижним течением реки Печоры, причем территория Югры иногда дополнительно выделена цветом. Только на картах Дюваля границы Югры отсутствуют. Вместе с тем на репликах карты Сансона имеются некоторые отличия. Так, Югра называется не только IVHORSKI (IUHORSKI), но также DUCHE DE IUHORSKY, IUHORA DUCAT, IVHORSKI DVC, DUCATUS IUHORSKY, что, по мнению Б. А. Рыбакова, «должно соответствовать великому княжеству» [Рыбаков, 1974. С. 86]. Кроме того, появилось поселение Iuhora, которое у разных авторов помещено на океанском побережье или в глубине материка.

Жакомо Кантелли (Giacomo Cantelli), 1673/74/83 гг.

В атласе «Mercurio geografico» содержится карта «La Gran Tartaria», составленная, как следует из пояснения в картуше, Жакомо Кантелли в 1683 г. на основании описаний путешествий Тавернье и Тевено: «La Gran Tartaria divisa nelle sue parti principali da Giacomo Cantelli da Vignola, conforme le relazione, che s'hanno da gl' Itinerarij de P. P. Della Comp. ^a di Gesu di Monsu Tauernier e dale Raccolte di Monsu Theuenot e data in Luce da Gio: Giacomo de Rossi in Roma alla Pace con Priu. Del S. P. l' Anno 1683» [Кордт, 1906. С. 22. № XXI]. Однако В. А. Кордт предположил, что в действительности Кантелли воспользовался картой, напечатанной в марте 1674 г. в «Чтениях» (Transactions) Королевского общества наук в Лондоне неким приятелем⁵ Николая Витсена⁵, которому Витсен вместе с письмом, посланным «в конце 1673 или в начале 1674 г.», отправил «копию с русской карты», полученной из России и начерченной «на основании исследований, сделанных по приказанию царя... живописцем Панелапутским в Москве, который и подарил ему ее» [Кордт, 1906. С. 22–23].

На этой карте за полярным кругом, проведенным примерно по 66° сев. шир., на побережье Mare di Moscovia между Чёшской губой (Tefscai Goeba) на западе и глубоко врезавшимся в сушу узким заливом, в который впадает река Печора (Petzora fl.), обозначены область Iuhorski и на небольшом удалении от береговой линии – поселение Iuhora [Кордт, 1906. № XXI].

Герман Молл (Молль) (Herman Moll), 1695 г. (рис. 9)

В 1695 г. в Англии картограф Герман Молл (1654?–1732) составил карту «the Empire of Moscovy» в черно-белом и цветном вариантах, на которой границы областей разделены точечными пунктирными линиями [<https://grafika.ru/item/08-000333?k=2056>; <https://grafika.ru/item/08-005221?k=58475>]. Надпись IUHORKI помещена на побережье Северного Ледовитого океана (Sea of Moscovy) между Чёшской губой (Titziaata goeba) на западе и рекой Печорой (Petzora) на востоке. Географически территория Югры соответствует Малоземельской тундре. На западе и юге с Югрой соседствует область Condoga, на востоке – Petzora.

Семен Ремезов, 1701 г.

В 1701 г. боярский сын Семен Ульянович Ремезов (1642 – после 1721) с тремя сыновьями закончил составление атласа «Чертежная книга Сибири», отличающегося подробностью в изображении «мелких фактов» и точностью в «населеннейших местах» [Русский биографический словарь, 1913. С. 49]. В основе этого собрания карт лежали три источника: 1) «прежние образцы городских сибирских низовых чертежей, с привозных (из Сибири в Москву) и снятых на Москве» во второй половине XVII в. и отображавших чертежи городов, уездов, волостей и разных «землиц»; 2) географические описания Сибири, в том числе «Роспись против чертежу... Сибирских земель... по высмотру стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи», составленная по указанию царя Алексея Михайловича в 1667/68 (7176) г.; 3) «скаска» «сведущих людей» – «всяких розных чинов русских людей и иноземцов, иностранных жителей, пришельцов в Тоболеск, старожилов, уроженцов, памятливых бывальцов – казанцов, уфимцов, пермяков, усольцов, хеврольцов» [Оглоблин, 1891; Кордт, 1906. С. 23].

На карте, изображающей Великопермское и Печорское поморья и Двинскую страну, надпись «Югорское царство» располагается на морском побережье в междуречье нижнего течения Мезени (R: mezen) и Туломы (Кулой), впадающих в Мезенскую губу Белого моря [Чертежная книга, 1882. Лист 22].

Гийом Делиль (Guillaume Delisle, Guillaume De Lisle, Guillaume De L'Isle), 1706 г. (рис. 10)

Французский картограф Гийом Делиль (1675–1726) изготовил «Carte de Moscovie» [<https://geoportal.rgo.ru/record/89>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1216>; <https://grafika.ru/item/08-000370?k=5369>; <https://grafika.ru/item/08-000370?k=5648>; <https://grafika.ru/item/08-000797?k=59026>]⁶. Согласно надписи в титульном картуше, под которым помещена дата, 1706 г., она была сделана по заказу и посвящена сподвижнику Петра I, Андрею Артамоновичу Матвееву (A Son Excellence Monseigneur André Artémonides de Matueof) (1666–1728), проводившему в 1706 г. переговоры в Париже о заключении торгового договора.

⁵ В. Кордт предположил, что это мог быть Генрих Ольденбург, секретарь учрежденного в 1660 г. Королевского общества наук в Лондоне, или Исаак Фоссиус, ориенталист, преподававший в 1648–1654 гг. греческий язык королеве Христине в Стокгольме [Кордт, 1906. С. 23].

⁶ Высказано предположение, согласно которому карта изготовлена «по запискам» Петра I, с которым Делиль несколько раз встречался в Париже в 1717 г. [Мезин, 2015. С. 106, 193].

Впоследствии эту карту под разными названиями с незначительными изменениями в виде раскраски или без оной неоднократно переиздавали под разными названиями вплоть до второй половины XVIII в.:

– *Питер Ван дер Аа* (Pieter van der Aa), голландский картограф и издатель, специализировавшийся на переиздании старых карт и атласов, – после 1704 г. [<https://geoportal.rgo.ru/record/89>];

– *Анри Абрахам Шателен* (Henri Abraham Chatelain), голландский картограф и издатель, – около 1714 г. [<https://geoportal.rgo.ru/record/67>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1436>];

– *Николас Висхер* (Nicolas Visscher), голландский гравер и картограф, *Питер Шенк* (Petr. Schenk), младший, немецкий картограф и издатель, – в 1720 г. [<https://geoportal.rgo.ru/record/1065>];

– *Джон Сенекс* (John Senex), английский картограф, – в 1721 г. [<https://grafika.ru/item/20-000111?k=4143>];

– голландское картографическое издательство *Covens & Mortier* (основатели *Йоханнес (Жан) Ковенс* (Jean Covens) и *Корнелиус (Корнель) Мортье* (Corneille Mortier) – в 1721 (?) и 1742 гг. [<https://geoportal.rgo.ru/record/1152>; <https://grafika.ru/item/08-000370?k=5369>; <https://grafika.ru/item/08-000370?k=5648>];

– *Рейнер (Ренье) и Джошуа Оттенс* (Reinier & Joshua Ottens), голландские картографы и издатели, – после 1725, 1730 и 1740 гг. [<https://geoportal.rgo.ru/record/68>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1140>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1068>];

– *Георг Маттеус Зойтер* (Georg Matthäus Seutter), немецкий издатель и географ, – около 1728 г., в 1730-х гг. [<https://geoportal.rgo.ru/record/1266>; <https://geoportal.rgo.ru/record/71>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1478>];

– *Абель Кетелби* (Abel Ketelbey) – во второй половине XVIII в. (?) [<https://geoportal.rgo.ru/record/1166>];

– «*Carte de Moscovie*» – около 1780 г. [<https://geoportal.rgo.ru/record/60>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1474>];

– *Ян Баренд Эльв* (Jan Barend Elwe), голландский издатель и торговец картами, – в 1792 г. [<https://geoportal.rgo.ru/record/1150>; <https://geoportal.rgo.ru/record/1429>].

Карта Делиля не отличалась особой точностью: например, на ней отсутствует крупнейший приток Мезени – река Вашка. Границы областей показаны пунктиром, некоторые дополнительно раскрашены. Область Jugora ou Jugorie (Jugora or Jugoria, Kondora ou Jugorie⁷) имеет обширную территорию с четкими административными границами, частично совпадающими с природными рубежами, которые на западе проходят примерно по реке Мезень (R. De Mezzen, Mezzen R.), на востоке – видимо, по Тиманскому кряжу, на севере – по некой Riv. De Titsa (Riviere de Titsa (Titza) Navigable seulement pour des barques, Tifta tantum parvis navigiis navigabilis, River Titfa Navigable only for Burques), возможно искусственному каналу, прорытому между Мезенской губой (Golfe de Mezzen, Sinus Mezzenius, Gulf of Mezzen) и Чёшской губой (Teescaia Gouba ou Golfe de Teesca, Teefcaia Gouba vel Sinus Teefca, Golfe de Teesca, Gulf of Teefca), на юге – по Югорским горам (Montagnes de Jugorie, Montes Jugoria, Mountains of Jugoria), верховьям реки Пинеги (R. De Pinega, Pinega Riv.) и притоку Вычегды (Vitsogda Riv.) – реке Выми (Riv. de Vuima, Viuma R.). На материке Югра со всех сторон окружена сопредельными областями: на севере, что соответствует Канинской тундре, – Isle de Candenoës (Insula Candenoorum, I Candenoves), на юго-западе – Zirannie ou Pays (Pais) des Ziranni (ZIRANNIA COUNTRY), на юго-востоке – Permie (Permia), на западе – Dvina, на востоке – Petzora ou Boranday (Petzora or Boranday).

На карте в административном плане Югра состоит из трех частей: Pays de Teesca (Regio Teesca, Coun: of Teefca) – на севере, Pays (Pais) de Mezzen (Regio Mezzen) – на западе и Vaconitsa Volost ou Contree de Vaconitsa (Vaconitsa Volost vel Regio Vaconitsa, Country of Vaconitsa) – на юго-западе.

Жорж-Луи Ле Руж (Georges-Louis Le Rouge), 1756 г.

Луи Брион де ла Тур (Louis Brion de la Tour), 1766 г.

На карте «la Moscovie», изданной в 1756 г. французским картографом, гравером и архитектором Жорж-Луи Ле Ружем (1712–1790), Югра является частью обширной безымянной области, вероятно Архангелогородской губернии, простиравшейся от Финляндии и Кольского полуострова до Уральских гор и от Северного Ледовитого океана (Mer du Nord) до северо-западных, центральных и южных гу-

⁷ На картах Рейнера и Джошуа Оттенс, Яна Баренда Эльва.

берний – Ingrie, Novgorod, Moscovie, Voronecz, Royaume d'Astracan, Royaume de Cassan [<https://geoportal.rgo.ru/record/1100>]. Надпись JUGORIE помещена к югу от полярного круга между двумя безымянными реками, впадающими в Ледовитый океан. Очевидно, это Мезень и Печора, так как вблизи их устьев указаны поселения Mezzen и Petzora. На карте соседями JUGORIE являются LES ZIRANNI и PERMIE, обозначенные таким же по размеру шрифтом, а также меньшим шрифтом – Petzora.

Французский картограф Луи Брион де ла Тур (1743?-1803) в 1766 г. издал карту «la Russie Européenne», которая представляет собой реплику карты Ле Ружа, но отличается от нее большей точностью [<https://geoportal.rgo.ru/record/1190>]. Югра обозначена в пределах Архангелогородской губернии (Gouvernement d'Archangel), отделена от Сибирской губернии (GT. SIBÈRIE) Уральскими горами (Monts Poyas) и граничит с губерниями Новгородской (GOUVT. DE NOWGOROD), Московской (GOUVT. DE MOSKOW) и Казанской (GOUVT. DE KAZAN). В отличие от карты Ле Ружа надпись IUHRA расположена к северу от Полярного круга (Cercle Polarie Arctique) и заключена между Чешской губой и Уральскими горами, причем конечная буква в названии IUHRA помещена за Уралом. На современной географической карте территория Югры в основном соответствует Малоземельской и Большеземельской тундрам.

* * *

Предварительные наблюдения и выводы, которые можно сделать на основании рассмотренных картографических материалов, сводятся к следующим положениям:

1. На географических картах XVI-XVIII вв. местоположение Югры к западу от Уральских гор невозможно игнорировать, считать недоразумением, случайностью или ошибкой не только вследствие их многочисленности, но главным образом потому, что они зиждились на разных источниках. Несмотря на то что все картографические материалы, относящиеся к Югре, за исключением карты из атласа Семена Ремезова, имеют западноевропейское происхождение, информаторами картографов были не только путешествовавшие по России иностранцы, но также русские люди, в том числе посещавшие ее северные области.

2. В локализации Югры на географических картах выделяется несколько историографических традиций, возможно реально отражающих изменение территории Югры во времени:

2.1. На картах XVI – начала XVII в., составленных Агнеше, Видом, Меркатором, и их репликах Югра не имеет границ, поэтому ее границы могут быть условно определены только благодаря соответствующей надписи, располагающейся между реками Северной Двиной и Печорой, иногда более определенно – в районе реки Мезени и ее притока – реки Вашки. Примечательно, что в древности Вашку именовали «Удора» [АСЭИ, 1964. С. 587], а в несохранившейся летописи, оказавшейся в распоряжении В. Н. Татищева, жителей Югры называли «югдорами» или «угдорами» [Татищев II, 1994. С. 77, 241; Татищев III, 1994. С. 155, 287].

2.2. На картах середины – второй половины XVII в., начиная с Николая Сансона, границы Югры, как и других областей европейской части России, обозначены не только линией, но иногда выделены цветом. По мнению Б. А. Рыбакова, границы областей на карте Сансона воскрешали «под видом административного деления России забытую удельную старину» [Рыбаков, 1974. С. 86]. Югра на картах этой традиции занимает территорию современной Малоземельской тундры на побережье Северного Ледовитого океана.

2.3. На картах XVIII в. область Югры также выделена линиями и цветом, но занимает обширную территорию, сопоставимую с той, что обозначена на картах XVI – начала XVII в.

Список литературы

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей: введение, тексты и комментарий. XIII-XIV вв. – 2-е изд. – Иркутск: ОГИЗ. Иркутское областное изд-во, 1941. – 612 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – М.: Наука, 1964. – Т. III. – 688 с.

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. – СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1897. – Т. XXX (39): Московский Университет – Наказания исправительные. – 502 с.

Гваньини Александр. Описание Московии. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. – 172с.

Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко; вст. ст. А. Л. Хорошкевич; под ред. В. Л. Янина. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 430 с.

Дмитриев А. А. Пермская старина: сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. – Пермь: [б. и.], 1894. – Вып. V: Покорение Угорских земель и Сибири. – 237 с.

Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XV в. // Проблемы истории международных отношений: сб. статей памяти Е. В. Тарле. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – С. 248–266.

Книга Большому Чертежу. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 229 с.

Кордт В. Материалы по истории русской картографии. – Киев: [б. и.], 1899. – Вып. I: Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. – 15 с., 32 табл.

Кордт В. Материалы по истории русской картографии. – Киев: Типография С. В. Кульженко, 1906. – Вып. I: Карты всей России, Северных ее областей и Сибири. – 28 с., 26 табл. – (Вторая серия).

Мезин С. А. Петр I во Франции. – СПб.: Европейский Дом, 2015. – 310 с.

Оглоблин Н. Н. Источники «Чертежной книги» Семена Ремезова. – СПб.: Издание редакции журнала «Библиограф» (Н. М. Лисовского), 1891. – С. 12.

Оксенов А. В. Сношения Новгорода Великого с Югорской землей: историко-географический очерк по древнейшей истории Сибири // Литературный сборник «Восточного Обозрения»: собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке / ред. И. М. Ядринцев. – СПб.: [б. и.], 1885. – С. 425-455.

О начале войн и смут в Московии. – М.: Рита-Принт: Фонд Сергея Дубова, 1997. – 554 с.

Полное собрание русских летописей. – Том IV. Новгородские и Псковские летописи. – СПб.: [б. и.], 1848. – VIII. – 360 с.

Полное собрание русских летописей. – Том IV. Новгородская 4-я летопись. – Ч. 1. – Вып. 1. – Пг.: [б. и.], 1915. – IX. – 320 с.

Полное собрание русских летописей. – Том IV. – Ч. 1. – Вып. 3. Новгородская 4-я летопись. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – IV. – С. 537-686.

Полное собрание русских летописей. – Т. V: Псковские и Софийские летописи. – СПб.: [б. и.], 1851. – VI. – 275 с.

Полное собрание русских летописей. – Т. XIII, половина 2: I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая Царственная книга. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1906. – С. 303-532. – [I] с., [8] л. ил.

Русский библиографический словарь. – Т. 16: Рейтерн – Рольцберг. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1913. – 436 с.

Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. – М.: Наука, 1974. – 112 с.

Савельева В. А. Олаус Магнус и его «История северных народов». – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. – 136 с.

Татищев В. И. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. 2, 3. История Российская. Часть 2. – Репринт с изд. 1963, 1964 гг. – М.: Изд-во «Ладомир», 1994. – 688 с.

Утверждение династии. – М.: Рита-Принт: Фонд Сергея Дубова, 1997. – 538 с.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. – СПб., 1882. – 58 с. (1 л. текст, 24 сдв. л. карт, 1 кор.: цв. + прил.).

Портал Русского географического общества. URL:<https://geoportal.rgo.ru>.

Портал интернет-магазина и виртуального музея тиражной и авторской графики. XV–XX вв. URL: <https://grafika.ru>.

Портал интернет-магазина и магазина антикварной книги «Русский библиофил». URL:<https://rusbibliophile.ru>.

Рис. 1. Баттиста Агнесе, 1525 г.

Рис. 2. Джакомо Гастальди, 1548 г.

Рис. 3. Джироламо Рушелли, 1562 г.

VI. Карта России Антония Вида ок. 1537 г. сь оттиска, гравированного Ф. Гогенбергомъ вь 1570 г. Текстъ стр. 4.

Рис. 4. Антоний Вид, 1534-1544 гг.

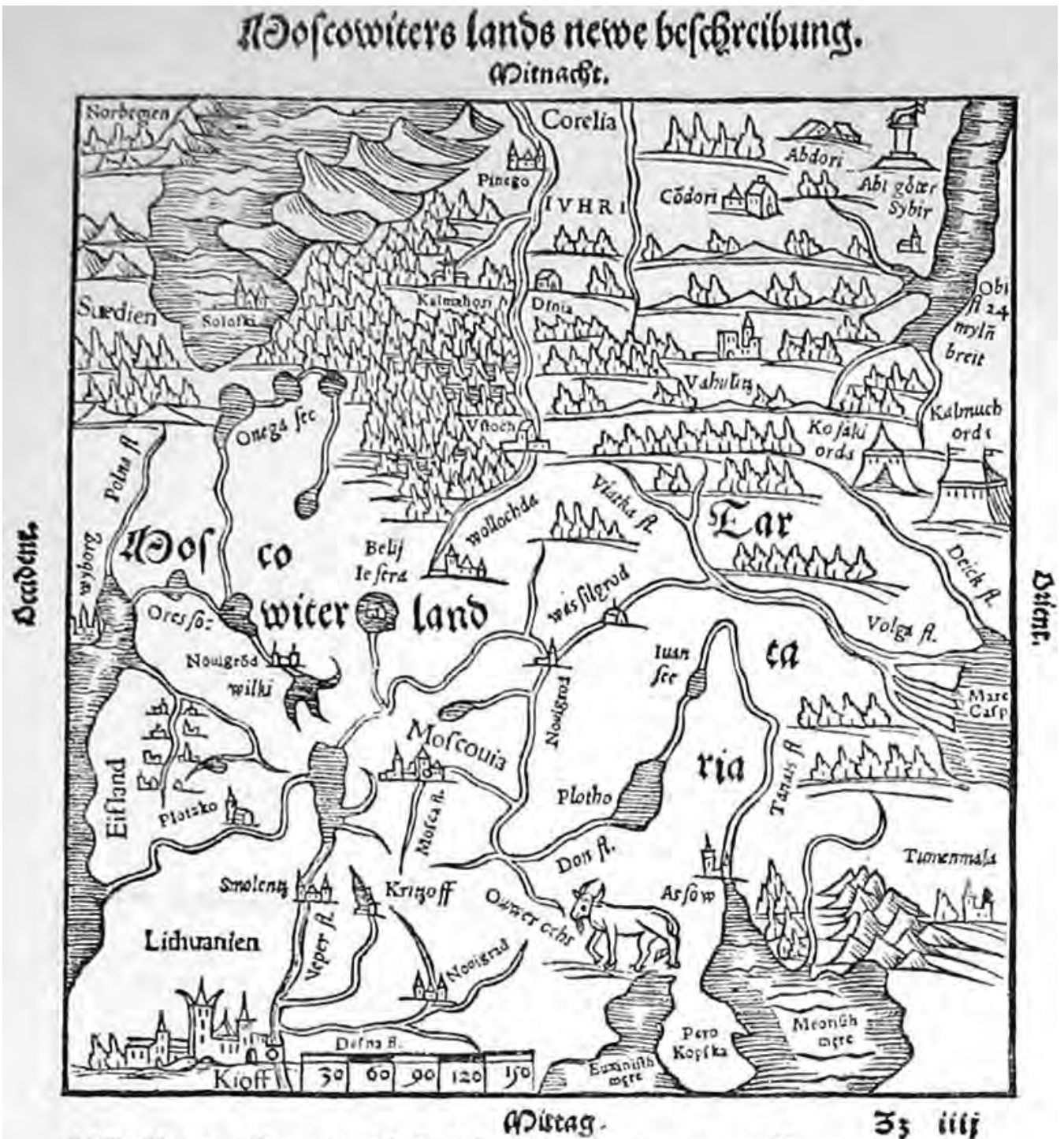

Рис. 5. Себастьян Мюнстер, 1544 г.

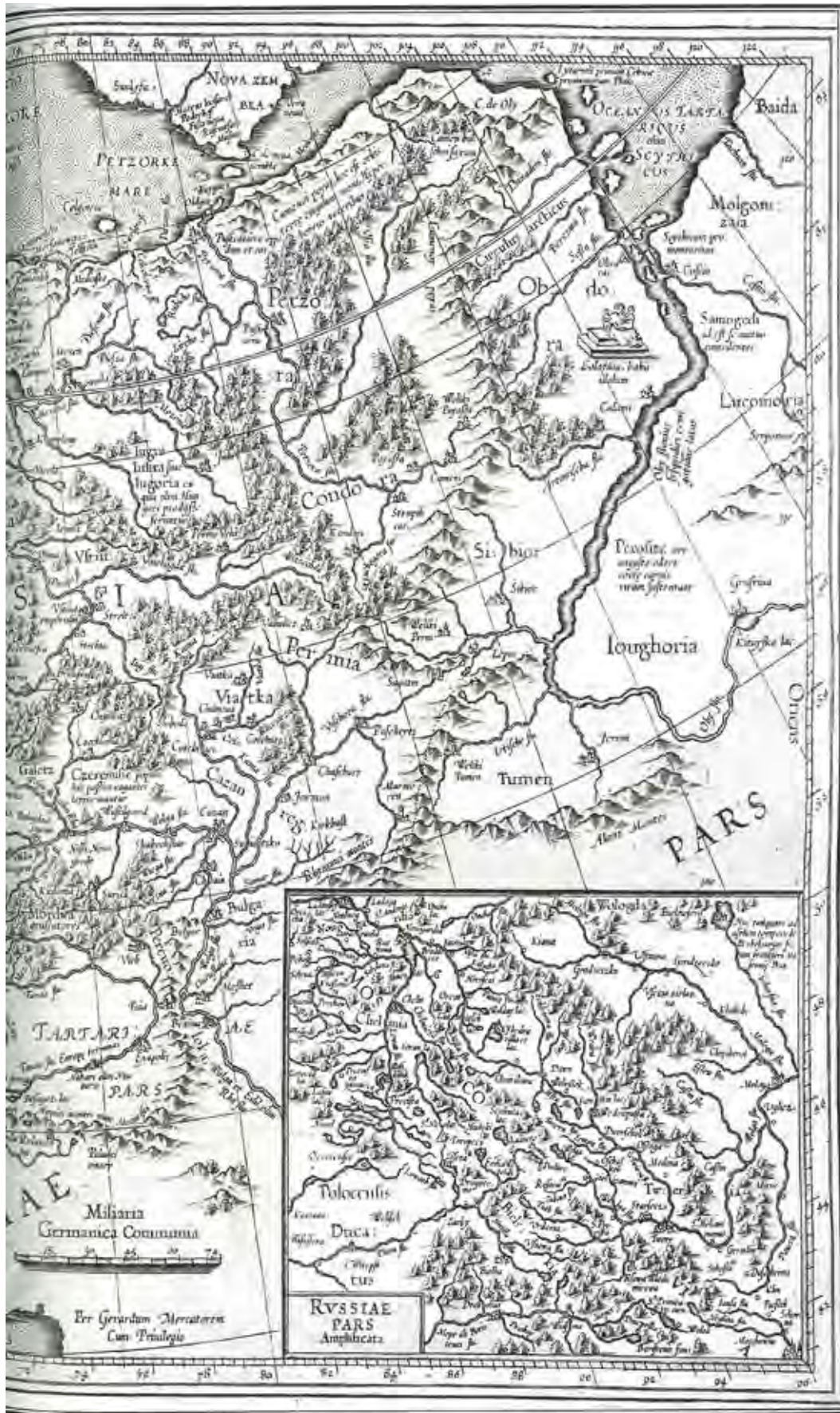

Рис. 6. Герард Меркатор, 1594/95 гг.

Рис. 7. Иодок Гондиус, 1606 г.

Рис. 8. Николая Сансон, 1648 г.

Рис. 9. Герман Молл, 1695 г.

Рис. 10. Гийом Делиль, 1706 г.

В. Я. Петрухин

РГГУ, Миусская площадь, д. 6, стр.1, Москва, 125993, Россия
E-mail: vpetrukhin@hse.ru

Югра в контексте начальной русской истории¹

Югра или Угра* в Зауралье, историческая область, являющаяся естественным и постоянным объектом исследования историков УрГУ², представляла особый интерес и для первого русского историка. Пространство от Дуная до Зауралья оказывается предметом описания Начальной русской летописи – «Повести временных лет» (ПВЛ). Дунайский регион был известен летописцу благодаря одному из источников космографического введения к ПВЛ и перечня народов Европы – «Сказанию о преложении книг на словенский язык», основанному на «дунайской» (моравской) кирилло-мефодиевской традиции [см.: Шахматов. Т. IV. – С. 5–150; Флоря. Т. 46 (1). 1985. – С. 121–130]². Этому «Сказанию» были известны народы Центральной и Западной Европы – летописца же интересовала в первую очередь Русская земля, ее происхождение и место среди народов Европы Восточной, равно как и то, каким образом Русская земля стала наследником словенской письменности – моравской традиции: ведь язык, на котором составлялась летопись, был языком, созданным Константином-Кириллом и Мефодием. Летописец должен был сопоставлять данные о происхождении Руси, которые он черпал из княжеского киевского предания, с данными своих источников о дунайской истории славян. Поэтому списки народов, в контекст которых включалась начальная *русь* и *угра*, имели сложный характер. Это демонстрирует уже первый летописный список восточноевропейских народов: «В Афетове же части седять русь, чюдь и вен языци, меря, мурома, весь, мордъва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, *угра* [ПСРЛ, 1998, II. – С. 4], литва, земигола, корсь, летьгола, любь» [ПВЛ, 2-е изд., 1996. – С. 8]³. Очевидна тенденция, объединяющая народы этого перечня: описание идет с запада – Балтики – на восток к Зауралью, ибо русь в этом перечне – еще та доисторическая русь, которая сидит, по летописи, на Варяжском (Балтийском море) среди других варягов. Чудь – предки эстонцев, прибалтийские финны: так славяне в процессе колонизации Восточной Европы называли «чужие» им, в отличие от родственных балтов, финские народы. Показательно, что именно *угра* оказывается порубежным в этом списке, между финнами и балтами: при этом ямь, упомянутая перед угрой, это Хяме – племенное объединение прибалтийских финнов; летописец в соответствии с хорографическим принципом возвращается туда, откуда он начал описание группы финских народов, – к Варяжскому морю³. За упоминанием угры следует перечень балтских народов, литвы

¹ Статья печатается по: Петрухин В. Я. Югра в контексте начальной русской истории [на примере письменных источников IX–XII вв.] // Россия и мир: панорама исторического развития. – Екатеринбург, 2008. – С. 452–457. – Ред.

* Здесь и далее курсив автора (Ред.).

² Важным направлением этих исследований представляется подготовка учебных пособий, включающих характеристику древнейшего периода региона: История Ханты-Мансийского округа с древности до наших дней: Учебник для старших классов / Отв. ред. Д. А. Редина. – Екатеринбург, 1999; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия / Общ. ред., предисл., коммент. Д. А. Редина, А. Т. Шашкова. – Екатеринбург, 1999.

³ См. из последних обзоров летописных известий: Клима Л. Финно-угорские народы в России в Средние века, 859–1118 гг.: финно-угры и самоеды на страницах Повести временных лет // Славянский альманах 2006. – М., 2007. С. 43–60. Венгерский автор

и латышей, к которым примыкает прибалтийско-финская либь – ливы, действительно живущие по соседству с латышами.

В этом перечне нет славянских народов – ведь они, в соответствии с концепцией летописца и «Сказания о преложении книг», пребывают еще на дунайской прародине. Отсюда лакуна в списке: летописец «перескакивает» от прибалтийской чуди прямо к верхневолжской мере, опуская живущих между ними словен и кривичей. Об их расселении говорится ниже: словене с Дуная достигают земель чуди, Ильменя и Волхова, основывают на Ильмене Новгород. Соответственно приводимый вслед за рассказом о расселении славян список неславянских народов – «иных языков», которые дань дают Руси, под каковой подразумевается уже государство в Восточной Европе – Русская земля, практически идентичен первому, за важным для нас исключением – в нем отсутствует *угра* [ПВЛ. – С. 10; *Клима*. – С. 54]⁵.

Начальная летопись составлялась в Киеве на рубеже XI и XII вв. Один из ее редакторов, которому приписывается обычно последняя редакция ПВЛ, записал знаменитый рассказ, помещенный под 1096 г. и услышанный им в Ладоге от новгородца Гюряты Роговича, который послал своего отрока – дружинника, собирающего дань, в Печеру – к людям, платящим дань Новгороду. Этот не вполне определенно идентифицируемый по современным данным финский народ на р. Печоре (?) в Приуралье жил на пути отрока в Югру. Характеристика Югры выглядит несколько противоречивой в этом летописном рассказе: «Югра же людье есть язык нем, и соседят с Самоядью на полунощных странах» [ПВЛ. – С. 107]⁶. Из текста очевидно, что Югра располагается за Печорой и простирается до самодийской тундры [*Хелимский*, 1982]⁷. Присутствие там отрока-данщика свидетельствует о том, что она в начале XII в. (при составлении последней редакции летописи) платит дань Руси (точнее – Новгороду). Продолжение же рассказа свидетельствует о том, что язык Югры уже не был «нем» (непонятен) отроку, ибо Югра рассказала ему о некоем чуде, виденном в горах, доходящих до океана (Лукоморья) и достигающих неба: традиционный мотив обско-угорской (манси) мифологии. В них слышен «клик великий и говор», заключенные в горах стремятся «высечься» из заточения; им удалось даже прорубить малое оконце, и они говорят что-то оттуда, но языка их понять нельзя. Тогда они показывают на железные изделия и знаками просят железа, если кто подает им секиру или нож, взамен они дают меха. Путь к ним непроходим из-за пропастей, снегов и лесов, и не все из Югры могут добраться до загадочного народа, хотя путь к ним и ведет дальше на север (полночь) [ПВЛ. – С. 107–108]⁸.

Русский книжник, слышавший этот рассказ новгородца, сразу понял, о каком народе идет речь. На Руси популярно было «Откровение», приписываемое Мефодию Патарскому, о диких и нечистых народах Севера, которые запер в горах на краю мира Александр Македонский. Эти (библейские) народы Гога и Магога вырвутся из заточения перед концом света. Правда, для библейской традиции окраинными северными горами был Кавказский хребет, а с Гогом и Магогом ассоциировались воинственные степняки – гунны и другие; неслучайно сам рассказ Гюряты продолжает в летописи повествование о набеге нечестивых половцев на Киев.

Интересно, что в космографическом введении к ПВЛ Кавказские горы ассоциируются с Угорскими, т. е. Карпатами, «Венгерскими горами»: Иафету были даны «полунощные страны» до Понта (Черного моря), Дуная, Днестра и по «Кавкаисинския горы, рекше Угорьски». От этого рубежа летописец возвращается на запад к Днепру и прочим рекам – Двине, Волхову, Волге, которая течет на восток, в часть Симову [ПВЛ. – С. 7]⁹. Нет ли здесь ассоциации с Югрой (Угрой), не служили ли Кавказские горы в представлении летописца началом той северо-восточной границы, к которой принадлежал Урал и за которой пребывали «дивии народы»? Действительно, летописец ссылается на «Откровение» Мефодия Патарского, располагая Етривскую пустыню, откуда выходят степняки – торки, печенеги и половцы, «между востоком и севером» [*Там же*. – С. 98]¹⁰; то же «Откровение» он привлекает, когда приводит рассказ Гюряты Роговича о Югре, чей язык «нем» [*Там же*. – С. 107–108]¹¹. В описании летописца Алек-

упускает упоминание Угры/Югры в космографическом введении к ПВЛ: гапакс *югриги* упоминается в рассказе о начальной русской истории поздней Устюжской летописи (*ПСРЛ*. Т. 32. – С. 18). Составитель Устюжского свода использовал Новгородскую летопись, в которой говорилось, что Аскольд и Дир, обосновавшиеся в Киеве, «беша ратнии с Древляны и с Улицы» (*НПЛ*, 1950. – С. 106); этноним *уличи* не был ему понятен, и составитель заменил его на близкий «югричи».

сандр столкнулся с «нечистыми» потомками Иафета на востоке, но загнал их в полунощные страны, в высокие горы, проход же затворил медными воротами.

Исследователи [Клима. – С. 55]¹² давно обратили внимание на топоним «Югринский переход», ведущий по р. Югре (в водоразделе Печоры и Сосьвы) на азиатскую сторону Урала. Неясно, однако, к какому времени относится эта топонимика [Напольских, 2005. – С. 257]¹³. Проблема горной границы, отделяющей Европу от Азии, волновала античных и средневековых географов, в частности, Равеннского Анонима. Он настаивал на том, что Танаис (Дон), берущий начало в Римфейских горах (Рифейские / Рипейские горы античной географии – Урал), отделяет Европу и Азию. Те же, кто считает, что граница – р. Фасис (Рион в Колхиде), а «Кавказские горы... образуют большой изгиб на огромном расстоянии и соединяются с Римфейскими горами», ошибаются [ср.: Подосинов, 2002. – С. 190; Литаврин, 2000. – С. 283–285]¹⁴.

Трудно сказать, следовал ли летописец напрямую этой «ошибочной» античной традиции, при том, что собственно Уральские горы им не отмечены, а Угорская земля известна ему на Дунае. Упоминание их содержит византийская хроника Георгия Амартола, которую использовал летописец, но не в космографической части, а в связи с упоминанием «чистых» народов – «гипербореев» (которых славянский переводчик воспринял как обитающих «выше востока» [Матвеев, Щеголева, 2006. Т. 1. Ч. 1. – С. 393]¹⁵, живущих «выше Рипейских гор») и брахманов. В космографической части, которую цитировал в начале «Повести временных лет» летописец, перечислены причерноморские области, расположенные между Кавказом и Карпатами – от Колхиды до Фракии. Летописца интересовали более северные регионы, и он использовал собственные источники, попутно отождествив Кавказ и Карпаты (?).

Не только славянские книжники должны были совмещать восток и север в полулегендарных раннегеографических описаниях: в середине IX в. Саллам Переводчик был направлен халифом к «стене Гога и Магога», но отправился он не просто на север, к кавказским «Железным воротам» у Дербента, хорошо известным арабам после арабо-хазарских войн, а далее на восток к Великой китайской стене [Хенниг, 1961. Т. II. – С. 180–196]¹⁶.

Рассказы о «людях неизвестных» в «восточной стране» за Полярным кругом, «между севером и востоком», были характерны и для русской традиции вплоть до средневековой эпохи (XVI в.) и увязывались с мотивами «Александрии» [Белова, Петрухин, 2003. – С. 138–148]¹⁷. Распространены были и рассказы о «немой» меновой торговле.

Испано-арабский путешественник XII в. ал-Гарнати рассказывает, что он слышал о земле, расположенной за страной веси (Вису): «А за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура. Летом день у них бывает очень длинным. Так что, как говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной. Купцы говорят, что Мраки недалеко от них и что люди Йура ходят к этому Мраку, и входят в него с факелами и находят там огромное дерево вроде большого селения, а на нем – большое животное – говорят, что это птица. И приносят с собой товары, и кладет каждый купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары» [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1971. – С. 32]¹⁸. Речь у ал-Гарнати идет уже о болгарских купцах, а вису-весь платит дань Волжской Булгарии. Действительно, Русь и Волжская Булгария соперничали из-за пушных рынков. Недаром в Начальной русской летописи говорится что «весь, мурома, черемись, морьдва, пермь, печера» – народы, обитающие между Булгарией и новгородской Русью, дань дают Руси. Югра летописи и Йура ал-Гарнати и других восточных авторов [ср. сходное описание немой торговли Йугры у ал-Бируни: Беговатов. № 1 (3). 1999. – С. 31–32]¹⁹ означают пограничные области податных территорий, еще овеянные легендами, связанными с краем ойкумены. Эти народы пребывают за горной границей, в Зауралье, за «воротами Александра» [К проблеме пребывания угров-манси в Приуралье ср.: Напольских; Матвеев. Указ. соч. – С. 239–246]²⁰. Мотив «ворот Александра», из которых стремятся «высечься» запертые народы, объединяет «угорский» Урал и Кавказ (Каспийские горы) библейской традиции [ср.: Anderson, 2006: 28–30]²¹.

Когда начались контакты Руси и Угры, засвидетельствованные ПВЛ на рубеже XI и XII вв.? Характерно, что летописный рассказ о народе с «немым языком» был передан в Ладого. Этот древнейший городской центр на Северо-Западе Руси был и центром контактов славянского (русского) и финно-угорского миров. В самой Ладого обнаружены вещи как славянского, так и скандинавского, балтского и, естественно, финно-угорского происхождения, включая находки из Прикамья и Приуралья, в том числе датируемые уже концом I тыс. н. э. [Петренко, 1984. – С. 83–90; Кирпичников, Сакса, 2002].²²

Особыми памятниками, хранящими свидетельства контактов Руси с населением угро-самодийской зоны, являются святилища на острове Вайгач и Югорском полуострове, содержащие вещи древнерусского происхождения, в том числе христианские амулеты: нательные кресты, привески в виде архангела Михаила и святого всадника, равно как и иные амулеты: топорики, антропоморфные привески, без особых оснований атрибутируемые как изображение Перуна [23]⁴. Находки датируются XI–XII вв. и могут свидетельствовать не только о торговых и культурных контактах, но и о миссионерских усилиях в этом регионе. Считается, что святилища, содержащие эти жертвенные предметы, функционировали до появления в регионе самодийского населения, т. е. принадлежали летописной Югре [ср.: Хлобыстин, 1992. – С. 164–169; Макаров, 1993. – С. 34–36]²⁴.

Однако наиболее яркой среди археологических находок, очевидно характеризующих даннические отношения Руси с народами финно-угорского Севера, является серия трапециевидных привесок с княжескими знаками, датирующаяся в целом XI в. Они могли принадлежать княжеским данщикам – собирателям дани. Замечательна топография этих находок. Они найдены в основных столичных центрах Руси – Киеве и Новгороде, в одном из узловых центров государственности X в. – Гнёздове на Верхнем Днепре, в Прикамье (Рождественский могильник на р. Обва, Пермская область), у ливов, у мордвы, в Приладожье и других пунктах [Белецкий, 2004. – С. 243–319]²⁵. Находки отмечают крайние пункты, где обитали народы, «иже дань дают Руси». Ранней привеской оказывается как раз пермская из Прикамья: на одной стороне изображен трезубец – княжеский знак, на другой – скандинавский молот Тора, свидетельствующий о принадлежности привески еще к архаической варяжской руси [В Салехарде на территории «самоиди» хранится скандинавская овальная фибула середины X в.:... (Маршак, 1996. – С. 164)]²⁶. Исследователи спорят о принадлежности погребения, в котором найдена привеска, русскому или болгарскому купцу [см.: Белецкий. Указ. соч. – С. 258]²⁷. Существенно, что путь на Печору и в Югру шел через Пермскую землю [Клима. Указ. соч. – С. 54]²⁸.

Заметим, что другие, в частности, ливские привески, явно принадлежат представителям местного населения, видимо, участвовавшего в сборе дани. Подобные отношения были установлены между новгородцами и Югрой к концу XII в.: когда в 1193 г. новгородская рать воеводы Ядрея осадила Югру в одном из ее приуральских городков, последняя выслала своих мужей для переговоров, обещая собрать серебро [Серебро действительно накапливалось в Югре... (ср.: Маршак. Указ. соч.; Бауло, 2004)]²⁹ и соболей «и иное узорочье», если новгородцы «не погубят своих смердов и своей дани». Сама же Югра собрала войско и перебила новгородцев, чему способствовал новгородский изменник, призывавший югорского князя к этой расправе [НПЛ. – С. 323]³⁰. Эпохе обычных для даннических отношений конфликтов [ср.: Насонов, 2002. – С. 102–103]³¹ предшествовала эпоха этноязыковых контактов, о которых мы можем судить по самому имени Югра: очевидно, что первоначальным посредником в этих контактах была летописная пермь, коми, ибо русское наименование восходит к коми *jegra*, обозначению манси [Фасмер, 1987. Т. 4. – С. 527; ср.: Нанольских]³².

Показательно в связи с этим и омонимичное древнерусское и праславянское обозначение венгров – *угра*, *угры*: оно восходит к тюркско-болгарскому обозначению союза племен *оногур* («десять стрел») [ср.: Агеева, 1990. – С. 65–66; Фасмер. Т. 4. – С. 147]³³.

Замечательно, что совпадают не только названия Югры, Угры и угров, данные им «извне» славянами, но и самоназвания этих народов [Попов, 1973. – С. 132–133]³⁴: самоназвание венгров-мадьяр родственно самоназванию обских угров-манси [Угорская общность (венгры, ханты и манси) существовала задолго до выделения венгров: ср. формулировку проблемы: Хелимский Е. А. Указ. соч. – С. 59–61; Хайду,

⁴ Показательно, что эти привески производились в Новгороде для финно-угорских окраин, судя по их находкам в Прикамье и Приобье.

1985. – С. 191 и сл.]³⁵. Угры-венгры в IX в. еще кочевали в причерноморских степях, будучи вассалами хазар и собирая дань со славян; их культура была схожа с хазарской, недаром греки (Константин Багрянородный) именовали их турками. Памятники восточноевропейских венгров в степи выделяются по преимуществу по их связям с архаичной культурой венгров на новой дунайской родине и предполагаемой культурой прародины в Прикамье – регионе, примыкающем к летописной Югре (металлические погребальные маски и шумящие коньковые привески [ср.: *Михеев. № 2. 1982.* – С. 156–168; *Супруненко, Кулатова, Приймак. № 1 (3).* – С. 24–27]³⁶).

Миграция и походы венгров на запад во многом предопределяли продвижение варяжской руси по рекам Восточной Европы в IX в., прежде всего – по Днепру (через пороги). Это было известно летописцу, который прямо увязывал водворение Олега в Киеве в 882 г. с продвижением венгров-угров мимо Киева, где их вежи стояли на урочище Угорском, в Угорскую землю. Заметим, что венгры с союзными хазарскими племенами (каварами) совершили рейд в Центральную Европу к Вене тогда же, в 882 г. (Бертинские анналы). Летописец пристально интересовался событиями в Центральной Европе и описал под 898 г. вторжение туда угров, достигших Солуни-Фессалоник; это позволило ему хоть и анахронистически, но ввести в исторический контекст рассказ о миссии солунских братьев – Константина и Мефодия [*Петрухин, 2007.* – С. 71–77]³⁷. Пространство начальной русской истории простиралось, таким образом, от зауральской Югры до Угорской земли в Подунавье.

Список источников и литературы

1. Важным направлением этих исследований представляется подготовка учебных пособий, включающих характеристику древнейшего периода региона: История Ханты-Мансийского округа с древности до наших дней: Учебник для старших классов / Отв. ред. Д. А. Редин. – Екатеринбург, 1999; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия / Общ. ред., предисл., коммент. Д. А. Редина, А. Т. Шашкова. – Екатеринбург, 1999.
2. См.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. – Т. IV. – С. 5–150; *Флоря Б. Н.* Сказание о предложении книг на славянский язык. Источники, время и место написания // *Byzantinoslavica.* – Т. 46 (1). – 1985. – С. 121–130.
3. ПВЛ. – 2-е изд. – СПб., 1996. – С. 8.
4. См. из последних обзоров летописных известий: *Клима Л.* Финно-угорские народы в России в Средние века, 859–1118 гг.: финно-угры и самоеды на страницах Повести временных лет // *Славянский альманах* 2006. – М., 2007. С. 43–60. Венгерский автор упускает упоминание Угры/Югры в космографическом введении к ПВЛ: гапакс *югриги* упоминается в рассказе о начальной русской истории поздней Устюжской летописи (ПСРЛ. Т. 32. – С. 18). Составитель Устюжского свода использовал Новгородскую летопись, в которой говорилось, что Аскольд и Дир, обосновавшиеся в Киеве, «беша ратнии с Древляны и с Улицы» (НПЛ. – М.; Л., 1950. – С. 106); этноним *улицы* не был ему понятен, и составитель заменил его на близкий «югричи».
5. ПВЛ. – С. 10; *Клима Л.* Указ. соч. – С. 54.
6. ПВЛ. – С. 107.
7. Об отношениях народов самодийской и угорской семей см.: *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. – М., 1982.
8. ПВЛ. – С. 107–108.
9. ПВЛ. – С. 7.
10. Там же. – С. 98.
11. Там же. – С. 107–108.
12. *Клима Л.* Указ. соч. – С. 55.
13. *Напольских В.* Югра. (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // *Антропологический форум* – № 3. – СПб., 2005. – С. 257.
14. Ср.: *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. – М., 2002. – С. 190; *Литаврин Г. Г.* Византия. Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). – СПб., 2000. – С. 283–285.
15. *Матвеев В., Щеголева Л.* Книги временные и образные Георгия Монаха. – М., 2006. – Т. 1. – Ч. 1. – Л. 1576. – С. 393.
16. *Хенниг Р.* Неведомые земли. – М., 1961. – Т. II. – С. 180–196.

17. Белова О. В., Петрухин В. Я. «Человек неизвестный в восточной стране»: Ориген за Полярным кругом в древнерусской традиции // «Индрик». 10 лет. – М., 2003. – С. 138–148.
18. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати / Публ. О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. – М., 1971. – С. 32.
19. Ср. сходное описание немой торговли Йугры у ал-Бируни: Беговатов Е. А. Абу Райхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране вису и йура // *Finno-Ugrica*. – № 1 (3). – Казань, 1999. – С. 31–32.
20. К проблеме пребывания угров-манси в Приуралье ср.: *Напольских В.* Указ. соч.; *Матвеев А. К.* Указ. соч. – С. 239–246.
21. Ср.: *Anderson A. R.* *Alexander's Gates, Gog and Magog and Inclosed nations*. – Cambridge (Mass.), 1932; Книга странствий. Азбука средневековья / Пер. Н. Горелова. – СПб., 2006. – С. 28–30.
22. *Петренко В. П.* Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги // Новое в археологии СССР и Финляндии. – Л., 1984. – С. 83–90; *Кирпичников А. Н., Сакса А. И.* Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. – СПб., 2002.
23. Показательно, что эти привески производились в Новгороде для финно-угорских окраин, судя по их находкам в Прикамье и Приобье.
24. Ср.: *Хлобыстин Л. П.* Святылища острова Вайгач // Древности славян и финноугров. – СПб., 1992. – С. 164–169; *Макаров Н. А.* Русский Север: таинственное средневековье. – М., 1993. – С. 34–36.
25. *Белецкий С. В.* Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. – СПб., 2004. – С. 243–319.
26. В Салехарде на территории «самояди» хранится скандинавская овальная фибула середины X в.: правда, место ее находки неизвестно (*Маршак Б.* Сокровища Приобья. – СПб., 1996. – С. 164).
27. См.: *Белецкий С. В.* Указ. соч. – С. 258.
28. *Клима Л.* Указ. соч. – С. 54.
29. Серебро действительно накапливалось в Югре, начиная с эпохи Великого переселения народов, благодаря традиционной торговле мехами (ср.: *Маршак Б.* Указ. соч.; *Бауло А. В.* Атрибутика и миф: металлы в обрядах обских угров. Новосибирск, 2004).
30. НПЛ. – С. 323.
31. Ср.: *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. – СПб., 2002. – С. 102–103.
32. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1987. – Т. 4. – С. 527; ср.: *Напольских В.* Указ. соч.
33. Ср.: *Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. – М., 1990. – С. 65–66; *Фасмер М.* Указ. соч. – Т. 4. – С. 147.
34. *Попов А. И.* Названия народов СССР. – Л., 1973. – С. 132–133.
35. Угорская общность (венгры, ханты и манси) существовала задолго до выделения венгров: ср. формулировку проблемы: *Хелимский Е. А.* Указ. соч. – С. 59–61; *Хайду П.* Уральские языки и народы. – М., 1985. – С. 191 и сл.
36. Ср.: *Михеев В. К.* Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. – № 2. – 1982. – С. 156–168; *Супруненко А., Кулатова И., Приймак В.* Венгерское погребение с юга Полтавщины // *Finno-Ugrica*. – № 1 (3). – С. 24–27.
37. *Петрухин В. Я.* Хронотоп «Сказания о преложении книг на словенский язык» // Реката на времето: Сб. в памет на проф. Людмила Боева. – София, 2007. – С. 71–77.

** *Петрухин Владимир Яковлевич*, доктор исторических наук, профессор кафедры древней и новой истории России Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

И. Ю. Анкудинов

*Государственный архив Новгородской области
ул. М. Джалиля – Духовская, д. 31, г. Великий Новгород, 173003, Россия
E-mail: ankudinovu@mail.ru*

Отражение в актовых источниках XIII–XV вв. деятельности новгородцев на Севере в Приуралье и Зауралье

Аннотация. Статья посвящена архивным актовым материалам, отражающим деятельность новгородцев на крайнем северо-востоке новгородской земли в XIII–XV веках, а также некоторым точкам зрения исследователей данной проблемы.

Ключевые слова: актовые материалы, Новгород, Югра, грамоты, Печора.

Актовые материалы XIII–XV вв., наряду с летописными известиями, составляют основу нашей источниковой базы по крайнему северо-востоку Новгородской земли того времени – Приуралью и Зауралью – где упоминаются волости Пермь, Печора и Югра. Имеются два комплекса актовых источников, относящихся к данной теме: во-первых, статья «А се волости новгородские», содержащаяся в новгородско-княжеских докончаниях, и, во-вторых, две жалованные грамоты московских великих князей XIV в., содержащие упоминания Печоры и Перми.

Сведениям новгородско-княжеских докончаний посвящена моя специальная статья [Анкудинов, 2018], поэтому здесь нет необходимости повторять изложенные там материалы. Но одно дополнение следует все же сделать. По техническим причинам из текста той статьи выпали иллюстрации – карты локализации территории новгородских волостей, составленные различными исследователями, которые считаю целесообразным поместить в настоящей статье. Это карты, составленные А. Н. Насоновым (рис. 1) [Насонов, 1951, вклейка между с. 96 и 97], С. А. Шаровым-Делоне (рис. 2) [Шаров, л. 128] и А. А. Фроловым (рис. 3, а–б) [Фролов, 2012. Карты 1 и 2]. Эти карты отражают современную изученность исторической географии периферии Новгородской земли времен новгородской независимости.

Вторую группу актовых материалов о северных землях составляют следующие две грамоты: 1) жалованная тарханная грамота великого князя Ивана Даниловича печерским сокольникам [ГВНП, № 84]; грамота датирована В. Л. Яниным периодом 1327–1339 гг. с предпочтением 1335 года [Янин, 1991. – С. 164–165]; 2) жалованная грамота великого князя Дмитрия Ивановича Андрею Фрязину о пожаловании его Печорой [ГВНП, № 87], датируемая годами правления Дмитрия Донского (1363–1389 гг.). В обоих документах говорится о пожалованиях на территории Печоры, сделанных великим князем, а во второй грамоте сообщается также и о праве Андрея Фрязина «имать подводды» на территории Перми. Хотя Югра прямо в этих актах не упоминается, их анализ позволяет сделать некоторые наблюдения, косвенно относящиеся и к Югре.

Эти грамоты редко становились предметом специального анализа. Можно назвать лишь несколько работ, им специально посвященных. Исследователей смущало то обстоятельство, что в этих грамотах

совершенно не упоминается Новгород: князья действуют на территории Печоры – новгородской волости – как самовластные распорядители, как это следует из договоров с князьями. Были предложены разные гипотезы для объяснения этого.

Одна из них высказана К. А. Аверьяновым. Он называет «Печорскими актами» грамоты ГВНП № 83–85 и 87. Исходя из их содержания, он заключает: «Печорой с конца XIII в. по вторую половину XIV в. последовательно владели великие князья – сначала Андрей Александрович Городецкий, затем Александр Михайлович Тверской, которого сменил Иван Калита, а позднее владельцем Печоры стал Дмитрий Донской». По-видимому, автор считает, что Печора была белозерским владением и что великие князья приобрели Печору в свое владение после того, как «на рубеже XIII–XIV вв. белозерские князья переходят на службу к великому князю Андрею Александровичу, затем служат Михаилу Тверскому, а позднее – московским князьям». И далее он пишет: «Судя по всему, печорские владения были связаны с Каргополом... Упоминание в указанных грамотах [ГВНП, № 83–85 и 87] Новгорода говорит о том, что в XIII–XIV вв. Каргополь представлял собой «смешанное» владение Новгорода и указанных князей, подобно тому, как тот же статус имели Вологда, Волок и другие подобные земли» [Аверьянов, 2001. – С. 172–173].

Все это рассуждение представляется довольно легковесным. Из четырех перечисляемых автором грамот лишь две (№ 84 и 87) относятся собственно к Печоре, и причисление к «Печорским актам» двух других грамот свидетельствует, как минимум, о невнимательности автора. Также им игнорируется перечень «А се волости новгородские» новгородско-княжеских докончаний. Умозаключение о «владении» великими князьями Печорой является довольно поверхностным: из факта выдачи жалованных тарханной и кормленной грамот не обязательно должно вытекать право владения данной территорией. Так что эту точку зрения К. А. Аверьянова следует отнести к гипотезам, основанным на неполных данных и ошибочном истолковании имеющихся источников.

Еще одно исследование «печорских грамот» принадлежит С. В. Богданову. Он рассматривал жалованную грамоту Ивана Калиты печорским сокольникам [ГВНП, № 84] как проявление прямого вмешательства великого князя в новгородские прерогативы на севере. Он видел в ее содержании стремление московского князя привлечь на свою сторону новгородцев (в печорских сокольниках он видит жителей Новгорода – «определенные боярские круги»), имевших экономические интересы на Печоре, путем пожалования им различных льгот. Он писал: «...жалованная грамота печорским сокольникам демонстрирует нарушение великим князем условий договорных отношений с Новгородом. Это расширение великокняжеских прерогатив, видимо, основывалось на поддержке, которую оказывали великому князю влиятельные в Новгороде круги. Содержание грамоты позволяет полагать, что она могла появиться не в мирных условиях, а в период конфликта: затруднительно думать, что Новгород добровольно мог передать права сбора дани в Печоре великому князю. Скорее, эти права были узурпированы великим князем» [Богданов, 2008. – С. 234].

Вывод С. В. Богданова исходит из двух основных посылок: во-первых, утверждения о монополии Новгорода в его северных владениях и, во-вторых, соотнесения отдельных лиц, перечисленных в грамоте, с людьми, упоминаемыми в некоторых новгородских берестяных грамотах (из чего делается вывод, что в грамоте фигурируют жители непосредственно Новгорода). Первая из этих посылок опровергается многочисленными фактами совместного присутствия Новгорода и князя в северных волостях – Обонежье, Ваге и Подвинье, а вторая является слишком гипотетичной и шаткой, чтобы на ее основе делать какие-либо заключения. Поэтому точку зрения С. В. Богданова также следует считать лишь недоказанной гипотезой.

Мне думается, что эти грамоты уместно рассмотреть, исходя из высказанной А. А. Фроловым концепции о существовании начиная с XIII в. особого порядка управления периферийными новгородскими волостями, названного исследователем «системой совладений» [Фролов, 2012. – С. 128–134]. По-мнению исследователя, на территории новгородских волостей «действовала смешанная новгородско-княжеская юрисдикция», часть прерогатив на этих землях принадлежала князю, а их территория была разделена на новгородскую и великокняжескую половины. (Следует иметь в виду, что достаточно четко такое разделение зафиксировано лишь в Торжке, Волоке Ламском и Подвинье, для остальных территорий оно не доказано.)

Если грамоты с пожалованиями на Печоре рассмотреть под этим углом зрения, можно без каких-либо натяжек предположить, что они относятся именно к великокняжеской части Печоры. Пожалование податного иммунитета (в грамоте печорским сокольникам) [ГВНП, № 84] и кормления (в грамоте Андрею Фрязину) [ГВНП, № 87] относились только к великокняжеской части земель, нисколько не нарушая прерогатив Новгорода. Аналогичным образом, пожалование Андрею Фрязину на территории Перми («а в Перми емлет подводы») относилось только к подводной повинности на великокняжеской части волости. Если такая интерпретация рассматриваемых грамот подтвердится, это будет прямым свидетельством территориального разделения таких далеких от Новгорода волостей, как Пермь и Печора.

Дополнительную информацию о волостях на крайнем северо-востоке Новгородской земли можно получить, рассматривая две грамоты на Печору в контексте архивного комплекса, в составе которого они дошли до нас. Они сохранились в виде списков в составе сборника документов конца XV в., хранящегося ныне в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Основном собрании рукописных книг под номером О.IV.14.

Трудами Л. В. Черепнина установлено, что этот сборник представляет собой не механическое собрание разрозненных текстов, а выборку документов из московских великокняжеских архивов, составленную с четкой политической целью в решающий период борьбы с Новгородом. В частности, Л. В. Черепнин писал: «...наряду с обращением к летописям правительство Ивана III проделало большую работу по изучению архивных документальных фондов в целях мобилизации актов государственной важности, которые могли бы быть использованы в наступлении на новгородские вольности» [Черепнин, 1948. – С. 355]. В этом сборнике «мы видим попытку не просто собрать, по возможности, все документы по определенному территориальному признаку (Новгород с колониями), а отобрать из них только то, что отвечало задуманному плану: оправдать документальными ссылками наступательное движение Москвы на Новгород» [Там же].

В. Л. Янин согласился с выводом Л. В. Черепнина, но конкретизировал непосредственную цель составления сборника, связав его с дипломатической подготовкой похода на Новгород в 1477 г. (до февраля-марта), когда еще не ставилась задача ликвидации новгородской независимости [Янин, 1991. – С. 132]. Одной из главных целей Ивана III в то время В. Л. Янин называет «отторжение Заволочья».

Полный перечень документов рассматриваемого сборника приведен В. Л. Яниным [Янин, 1991. – С. 126–127]. Для целей настоящей статьи важна часть документов сборника, относящаяся к северным землям. Это грамота великого князя Андрея Александровича на Двину о кормах и подводах для великокняжеских ватаг, идущих на море, датируемая тремя возможными периодами – 1284, 1294–1296 или около 1298–1304 гг. [ГВНП, № 83. Датировки грамот приводятся по: Янин, 1991], грамота великого князя Ивана Калиты и новгородских посадника и тысяцкого на Двину о поручении Печерской стороны в ведение Михаила для морского промысла 1329 г. [ГВНП, № 85], две рассматриваемые жалованные грамоты [ГВНП, № 84 и 87], Двинская уставная грамота 1397–1398 гг. [ГВНП, № 88], грамота Новгорода на Пинегу и Мезень о сложении крестоцелования Новгороду 1471 г. [ГВНП, № 98] и три списка двинских земель 1471–1477 гг. [АСЭИ. Т. 3, № 14–16].

Как отмечал Л. В. Черепнин, этот актовый материал «должен был представлять историческую иллюстрацию взаимоотношений московского правительства с Двинской землей» [Черепнин, 1948. – С. 337]. И далее: «Грамоты прежних великих князей, скопированные в сборнике, свидетельствовали об их исконных правах на Двинские промыслы и на связи с двинским боярством» [Там же. – С. 338].

Соглашаясь с Л. В. Черепниным в общей оценке характера этого актового материала сборника, представляется необходимым уточнить размеры территориальных притязаний московских князей. Наличие в подборке актов двух грамот, относящихся к Печоре (в одном из которых упоминается к тому же и Пермская земля), свидетельствует, что цель данной подборки была более широкой – продемонстрировать права московского великого князя на все северные территории, не ограничиваясь одной лишь Двинской землей.

В связи с этим следует обратить внимание на отсутствие в этой подборке грамот каких-либо упоминаний волости Югра. Это умолчание источника представляется весьма важным. Если считать вслед за Л. В. Черепниным, что московское правительство провело специальную работу по выявлению

необходимых материалов для обоснования своих прав на северные земли, придется признать, что документов, относящихся к самой дальней новгородской волости, в московских архивах обнаружено не было. Конечно, было бы преждевременно из факта отсутствия упоминаний Югры делать решительные выводы об отсутствии прав великого князя в этой волости, но нельзя и игнорировать этот факт. Поэтому я склоняюсь к тому, что Югра либо не входила в «систему совладений» Новгорода и князя, либо относилась к ней чисто номинально.

Следует еще обратить внимание, что в копийной книге О.IV.14 нет актов, относящихся к Печоре, позднее XIV в. Это выглядит странным, учитывая стремление представить в этом сборнике как можно большее количество документальных обоснований прав Москвы на северные земли (тем более что по территории Двины привлечены как материалы конца XIII–XIV вв., так и позднейшего времени, вплоть до момента составления сборника). Возможно, это связано с изменениями в управлении северными волостями, которые могли произойти после событий на Двине 1397–1398 гг., когда эта территория временно перешла под власть Москвы.

Список источников и литературы

Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. – М., 2001.

Анкудинов И. Ю. «А се волости новгородские» новгородско-княжеских докончаний // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 7). – Ч. 1. – С. 136–140.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – М., 1964. – Т. 3.

Богданов С. В. К вопросу о датировке жалованных грамот великого князя Ивана Даниловича Юрьеву монастырю и печорским сокольникам // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2008. – Вып. 22.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.; Л., 1949.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. – М., 1951.

Фролов А. А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVIII века // Историческая география. – М., 2012. – Т. 1.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948.

Шаров С. А. Не-совсем-новгородские «новгородские волости», л. 128 (статья и ее обсуждение депонирована в составе стенограммы 48-го заседания сектора археологии Москвы 10 февраля 1993 г. См.: Отчет Московской экспедиции ИА РАН. Ч. 4 // Архив ИА РАН, Ф. 1, Р-1, Д. 19709, Л. 96–208).

Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. – М., 1991.

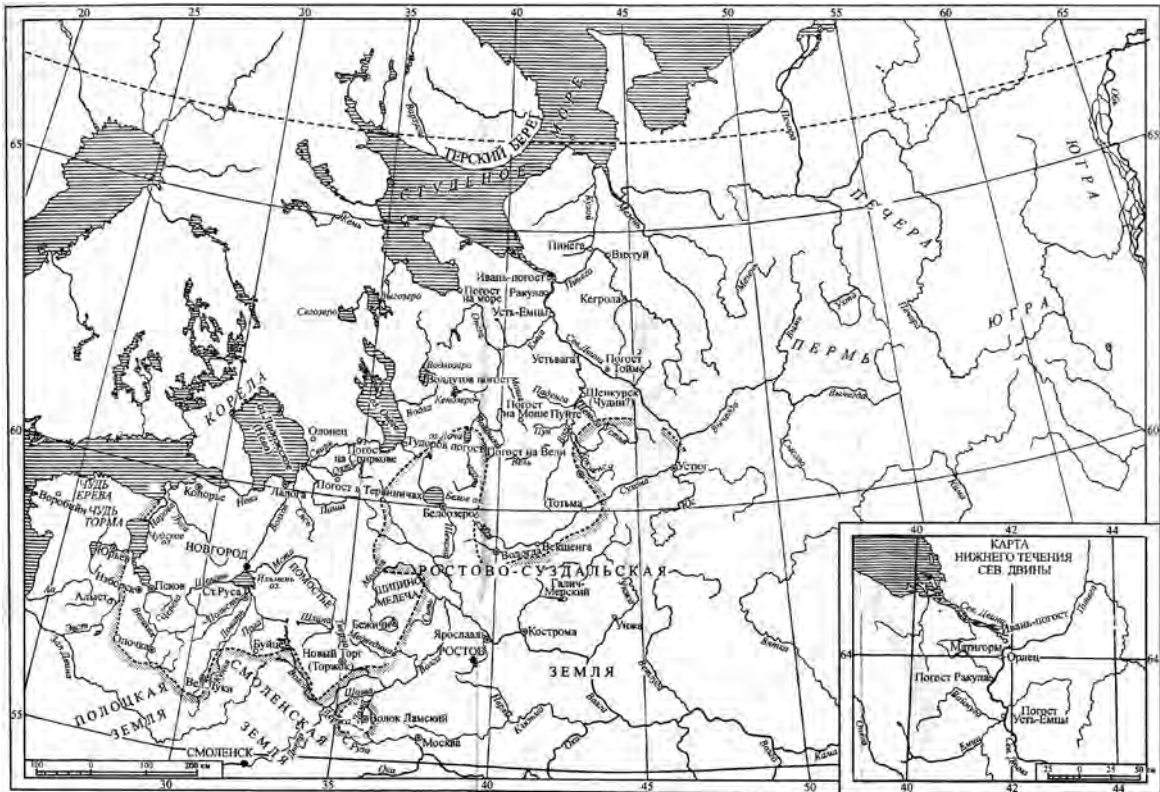

Рис. 1. Территория Новгородской земли в XII – первой половине XIII в. (по А. Н. Насонову)

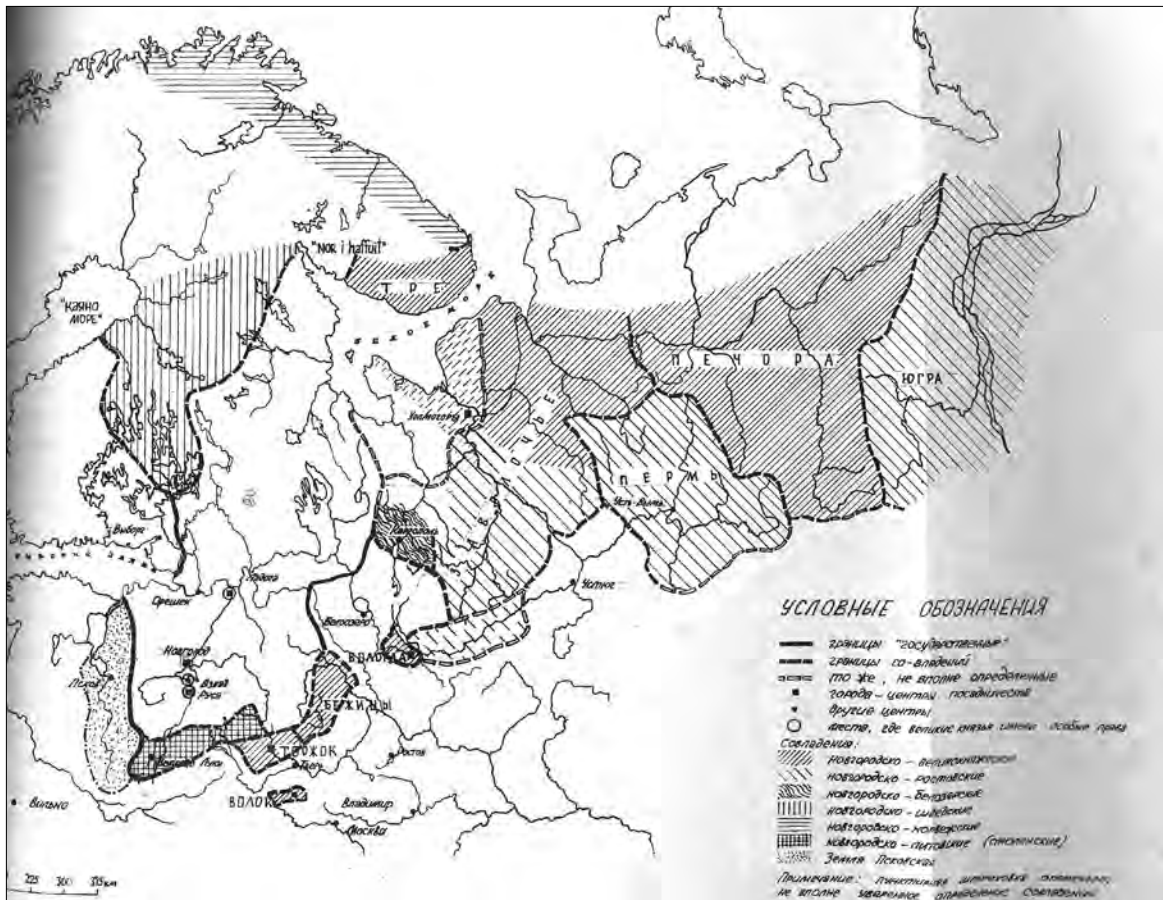

Рис. 2. Совладения Великого Новгорода с соседями в середине XIV в. (по С. А. Шарову-Делоне)

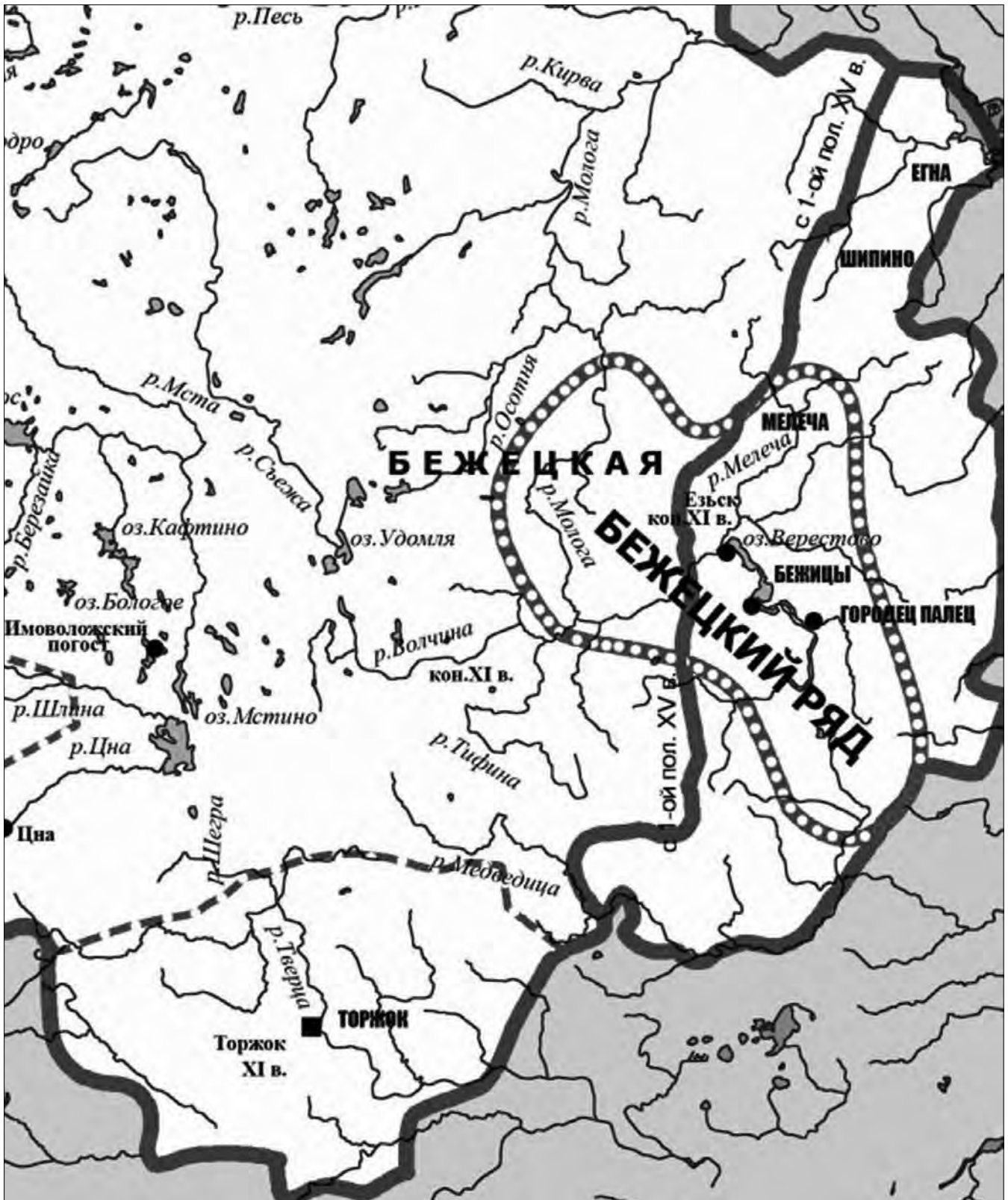

Рис. 3. А – Территория Новгородской земли в XII–XV вв. (по А. А. Фролову)

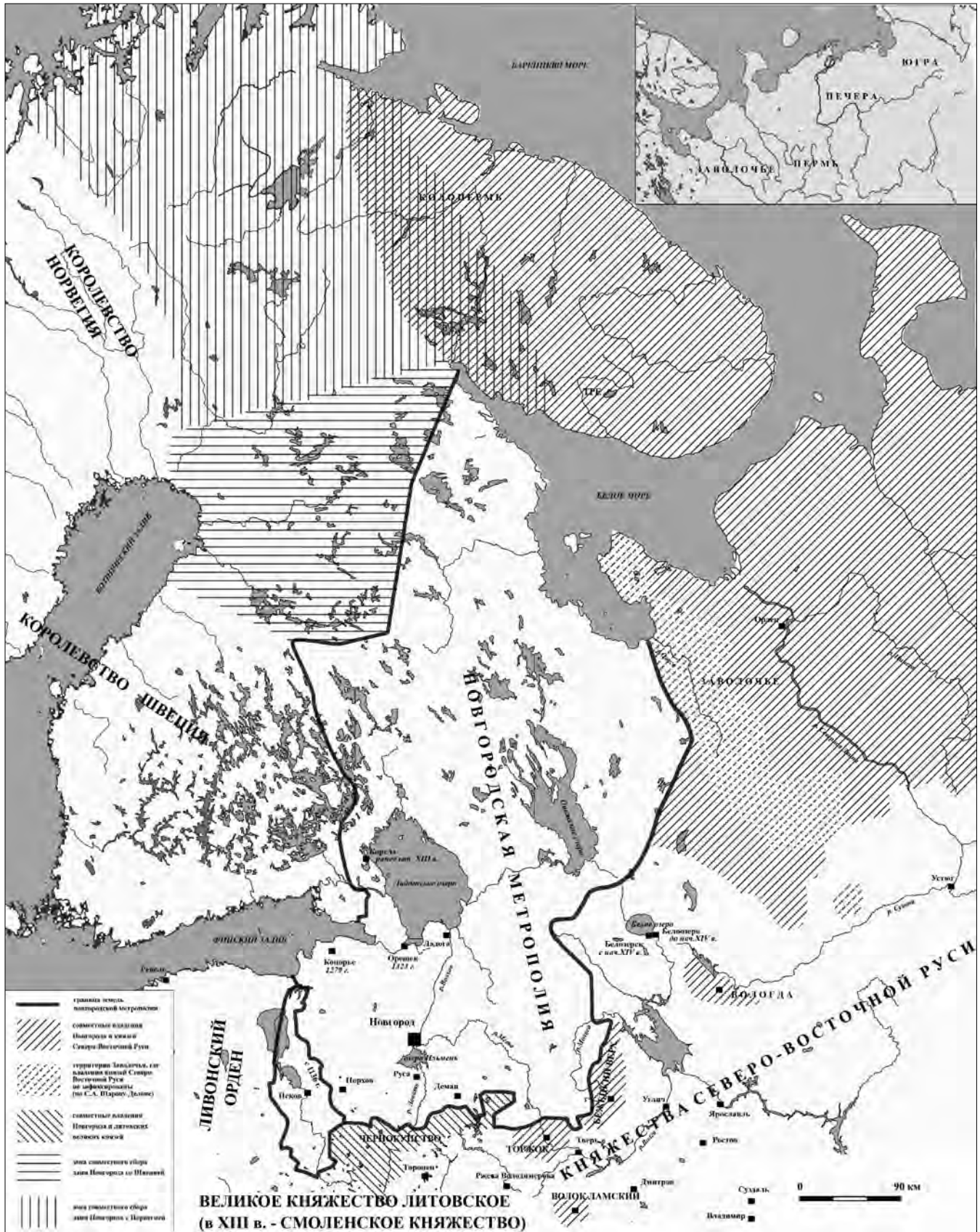

Рис. 3. Б – Территория Новгородской земли в XII-XV вв. (по А. А. Фролову)

В. В. Гаевская³, О. В. Кардаш^{1, 2, 3}

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН
пр-т Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

² Сургутский государственный университет
Югорская лаборатория археологии и этнографии
пр-т Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия

³ Институт археологии Севера
ул. Набережная, д. 16, г. Нефтеюганск, 628305, Россия
E-mail: vgaevskaja@yandex.ru

Троицкая церковь Людина конца Новгорода Великого: исторические и архитектурные аспекты

Аннотация. Храм Святой Троицы на Редятине улице – это единственный памятник архитектуры, связанный с Югрой – волостью Новгорода Великого – и дошедший до наших дней. Основанный в 1165 году, он не единожды горел, но постоянно восстанавливался, с 1365 года был перестроен уже в каменном воплощении. Этот храм является свидетельством деятельности «Югорщины» – торгово-промышленной компании Людина конца, о которой практически ничего не известно. Исторические аспекты, связанные с Троицкой церковью, неоднократно публиковались. Как историко-архитектурный источник храм практически не фигурирует в научном обороте. В статье приведены исторические и архитектурные аспекты, связанные с изучением данного исторического памятника. Троицкая церковь Людина конца рассматривается как отправная точка древнерусского движения к обретению новых пространств Севера и в первую очередь – Югры.

Ключевые слова: Новгород Великий, Людин конец, Троицкая церковь, Югорщина, волость Югра, Троицкий раскоп.

Введение

Данные документальных и летописных источников, так или иначе связанные с Югрой, неоднократно вводились в научный оборот [Миллер, 1999; Лерберг, 1819; Дмитриев, 1894; Янин, 1998; Овчинникова, 2018; Сорокин, 2016 и др.]. В некоторых из этих работ упомянута и Троицкая церковь на Редятине (Рядитине) улице¹ в разных вариантах названий: Церковь святой живоначальной Троицы на Софийской стороне, в Ямской слободе или Гончарском конце [Макарий (Миролюбов), 1860. – С. 166]. Однако этот храм никогда не фигурировал как самостоятельный архитектурный источник по истории Югры в целом и Югры в качестве волости Новгородской республики. Истории и архитектуре церкви Святой Троицы посвящено немного публикаций. Статьи освещают связанные с церковью исторические события, развитие архитектуры, а также ремонтно-реставрационные работы [Макарий (Миролюбов), 1860; Ядрышников, 2008. – С. 169–170]. Достаточно полное описание историко-архитектурных деталей храма имеется в научном отчете по исследованию, реставрации и приспособлению памятника,

¹ Предшествующие названия улицы, существовавшие в XIX–XX вв.: Пролетарская, Пробойная, Троицкая [Макарий (Миролюбов), 1860. – С. 166; Красноречьев, 1984. – С. 5, 6].

выполненном архитектором Л. Е. Красноречьевым [1984]. Однако эти материалы не были изданы, поэтому мы публикуем их впервые (Прил. 1, 2). На сегодня отсутствует полное представление обо всех архитектурных аспектах, касающихся данного храма, и данной статьей мы хотели бы положить начало сбору данных о Троицкой церкви² на Редятине улице, которая на сегодняшний день остается единственным памятником русского храмового зодчества, непосредственно связанным с Югрой в целом.

Исторические аспекты

Первыми историческими свидетельствами основания храма Святой Троицы на Людином конце Новгорода Великого являются летописи. Например, 4-я Новгородская летопись гласит: «**В лето 6673 [1165].** <...> Томъ же лете поставиша **церковь святыя Троица** Шетициници...» [ПСРЛ. Т. III. 1841. – С. 13]. Эти данные В. Л. Янин считает указанием на время строительства первого храма Святой Троицы, изначально деревянного, который впоследствии упоминается в источниках и современных исследованиях как церковь Святой Троицы на Редятине улице. Об этом он пишет в статье, дополнительно поясняя последнее слово, которое в разных летописных списках написано по-разному: «Шетиничи», «Шетеничъ». Автор считает, что данное слово означает отчество, т. е. имя клана, построившего храм [Янин, 1998. – С. 319]. Таким образом, возможно, мы узнаем имя не просто основателей храма, но основоположников «Югорщины», или первых новгородцев, осуществлявших торговлю и промысел в Югре.

Косвенным подтверждением тому может служить гибель этого храма: «**Въ лѣто 6702 [1194 г.]**. Зажьжеса пожаръ в Новѣгородѣ в недѣлю на Всѣ святых, в говѣние, въ заутрении год: загорѣся Савкине дворе на Ярышевѣ улицы, бяше пожар золь, сгореша 3 церкви: святыи Василии, **святаа Троица**, и святое Въздвижение, и много домовъ добрых, и уяша у Лукинѣ улицѣ. <...> И тогда приидоша изъ Югрѣ избытокъ живых. И убиша Събышку Волосовица и Негочевица Завиду и Моислава Поповица самѣ путники, а друзи кунами ся откупиша; творяхут бо я съвѣт державѣше с Югрою на свою братью, а то богови судити» [ПСРЛ. Т. III. 1841. – С. 22; *Новгородская первая летопись...*, 1950. – С. 232–234]. Пожар 1194 года был связан с конфликтной ситуацией между жителями Людина и Неревского концов, возникшей в связи с трагическими событиями, произошедшими в Югре во время похода 1193 года новгородского отряда под руководством воеводы Ядрея (Андрея). Исчерпывающе эту историческую трагедию разбирает в своих работах А. Н. Сорокин [2016. – С. 262–270; 2018. – С. 146–165]. Данные обстоятельства прямо подтверждают тесную связь ряда жителей Людина конца и Троицкой церкви с деятельностью в Югре. Сгоревшая или преднамеренно сожженная в июне 1194 года, спустя всего 29 лет после основания, Троицкая церковь была восстановлена в виде деревянного храма.

«**Въ лѣто 6719 [1211 г.]**. <...> Том же лѣте бесъ князя и без новѣгородѣць Новѣгородѣ бысть пожаръ великъ: загорѣся на Радятинѣ улицы и сгорѣ дворовъ 4000 и 300, церквии 15» [*Новгородская первая летопись...*, 1950. – С. 52]. Название храмов в летописи не конкретизированы, но сложно предположить, что при таком большом возгорании деревянная Троицкая церковь осталась целой. Однако через некоторое время она явно была восстановлена, поскольку спустя 13 лет после пожара случилось новое необычное возгорание храма. «**Въ лѣто 6732 [1224 г.]**. <...> Того же лѣта громъ бысть страшен маа въ 20, на память святого Фалелѣя: сгоре церкви **святыя Троица**, а человека 2 мертва быста» [*Новгородская первая летопись...*, 1950. – С. 264, 267]. Кстати, этот эпизод в исследовании архимандрита Макария оказался пропущенным [Макарий (Миролюбов), 1860. – С. 165–176]. В последующем тексте летописного источника сведений об этом храме мы не находим, но представляется очевидным, что и после пожара 1224 года Троицкая церковь была восстановлена, причем все так же в дереве. Предполагать это позволяют летописи, поскольку данный храм упоминается в них через 140 лет.

В 1337 году церковь Святой Троицы ознаменовалась чудом. По сведениям, содержащимся в Софийском Временнике, в полдень 8 июля церковный сторож, услышав шум, направился внутрь храма и увидел, как находившаяся над северными дверьми во втором ярусе икона Божией Матери Умиления воспарила в воздухе и слезы капали из глаз Богородицы. О чуде был уведомлен служивший в то время архиепископ Алексей, который сразу же, в сопровождении крестного хода, прибыл на место чуда.

² По этому памятнику назван Троицкий раскоп, который исследовал Людин конец (население которого в большой степени было связано с освоением территории Новгородской республики).

Днем празднования этого события определили 8 июля (день памяти св. мученика Прокопия). В тот день установили празднование иконы Божией Матери Умиления Троицкой церкви [*Софийский Временник...* Ч. 1. 1820. – С. 321; *Макарий (Миролюбов)*, 1860. – С. 168, 169].

В «**годъ 6873 [1365 г.]**. <...> Югорщиною заложиха церковь камену, **святую Троицу**, на Рядятине улицы» [*ПСРЛ. Т. IV. 1848.* – С. 65]. В другом летописном списке находим уточнения: «Въ лѣто 6874. Въ Великомъ Новѣградѣ поставиха **церковь святыхъ Троицы**, на Рядитинѣ улицы, каменную, Югорцы, при архіепископѣ Алексіи» [*ПСРЛ. Т. III. 1841.* – С. 229]. Отсюда мы узнаем, что в 1365 году взамен обветшавшего и неоднократно восстанавливавшегося деревянного храма был построен новый, уже каменный. Это строительство явно было более дорогим мероприятием, что косвенно указывает на успехи торгово-промышленной деятельности «Югорщины» в первой половине XIV века.

Факт строительства каменного храма на месте деревянного после удачного военного похода 1364 года под руководством воевод Александра Абакумовича и Степана Ляпы на территорию низовий реки Оби – в Югру [*ПСРЛ. Т. IV. 1848.* – С. 64–65] косвенно свидетельствует о связи каменной церкви и деревянной, а также позволяет предполагать, что строительство первой деревянной церкви связано с группой новгородцев, осуществлявших торгово-промышленные операции в Югре. В 1365 году в честь удачной военной операции торгово-промышленной корпорацией («Югорщиной») была возведена каменная церковь – мы можем экстраполировать это и на первую церковь 1165 года: ее строительство также являлось результатом удачной торговой экспедиции в Югру. Таким образом, это может маркировать начало систематического освоения новгородцами Югры – как военным образом для установления даннических отношений с республикой, так и мирным путем, простыми новгородцами, осуществлявшими меновую торговлю с аборигенным населением.

О том, что середина XII века может быть временем начала включения Югры в сферу республиканского влияния и активной экономической деятельности Новгорода Великого, мы находим косвенные подтверждения в археологических материалах южной части п-ова Ямал. Так, например, городище Ярте VI, находившееся в устье реки Юрибей, ближе всего расположено к северной оконечности Уральских гор – летописному месту торгового новгородцев с югричами. К середине XII века оно прекращает свое функционирование, однако в культурном слое появляются первые единичные вещи, которые могли попасть сюда с европейского Северо-Востока: это фрагменты медных котлов, обрывки телячьей кожи, сукно, гребень [*Плеханов, 2014.* – С. 13, 14, 63, 72]. С конца XII века (и особенно в XIII веке) происходит нарастание торговых взаимоотношений между Новгородом и Югрой. Так, в вещевом комплексе городища Бухта Находка импортные вещи составляют порядка 30 %, причем вероятнее всего, это вещи, поступавшие из новгородских земель, включая предметы кузнечного производства (оружие, замки, ключи); предметы медницкого дела (медные котлы), а также кожевенного (изделия из телячьей кожи) и суконного (изделия из цветного сукна) [*Кардаш, Усолкина, 2009*].

Таким образом, приведенные выше данные могут служить косвенным свидетельством того, что строительство Троицкой церкви на Шетициници вполне могло быть связано с успешной торговлей в Югре. А 1165 год и середину XII века в целом можно обозначить как время торгово-экономического и территориального закрепления территории нижнего течения реки Оби – будущей Обдории – в составе Новгородской республики. Безусловно, данное закрепление соответствовало административно-территориальным понятиям XI–XII веков и имело совершенно иную форму, нежели волостное управление и торговля в последующее время [*Анкудинов, 2018*].

В 1366 году, буквально через год после строительства нового каменного храма, повторилось чудо, подобное случившемуся в 1337 году. Об этом событии мы узнаем из ранее упоминавшейся работы архимандрита Макария (Миролюбова) [1860. – С. 169]. Он сообщает о том, что преемник архиепископа Василия Алексей был свидетелем нового чуда от иконы Божией Матери Умиления, описанного в местной церковной летописи. Именно летом 1366 года церковь Святой Троицы загорелась от молнии и пламя охватило всю церковь, но чудотворная икона Божией Матери снова явилась стоящей в воздухе над пылающей церковью. Чудо это не могло утаиться от народа, собравшегося сюда со всего города. Архиепископ Алексей пришел сюда с крестным ходом. Во время молебна икона Божией Матери сама сошла с высоты прямо в руки архиепископа, и в это же самое время прекратился и пожар. Летопись

говорит, что много тогда совершилось чудес от иконы Божией Матери, и как бы в подтверждение действительности события для потомства задняя часть доски обгорела – или поплыла на четверть аршина [Макарий (Миролюбов), 1860. – С. 169]. В письменных источниках, включая Новгородские летописи и Софийский Временник, такой информации нет. Настолько подробное описание чуда Макарием позволяет говорить о том, что, вероятно, существовала еще какая-то церковная летопись, в которой содержались данные сведения, но проверить их крайне сложно.

Интересно и другое свидетельство, связанное с приведенными выше событиями 1337 и 1366 годов. Архимандрит Макарий (Миролюбов) сообщает, что в конце XV века (в 1497 году) чудотворная икона Божией Матери Умиления была взята Иваном III Васильевичем из Троицкой церкви в Москву, где находилась по 1508 год, и была возвращена обратно в храм по ходатайству княгини Марии. Автор ссылается на сведения из какой-то рукописной церковной летописи, возможно той же Троицкой церкви, поскольку других ссылок не приводится [Макарий, 1860. – С. 170]. О данных событиях в Софийском Временнике мы не находим информации, однако о прибытии Ивана III в Новгород Великий в 1496 году сведения имеются: «Въ лѣто 7004 [1496 г.] <...> Тое же осени <...> во вторникъ, поиде Князь велики Иванъ Васильевичъ съ Москвы въ вотчину свою въ Великій Новъгородъ» [Софийский временник. Ч. 2. 1821. – С. 251]. То есть время визита приблизительно совпадает, и поэтому можно допустить вероятность, что взятие чудотворной иконы великим князем из Троицкого храма могло иметь место. В дополнение отметим, что, судя по датам, приведенным архимандритом Макарием, возвращение иконы Божией Матери Умиления состоялось после смерти в 1506 году Ивана III и вряд ли было поручено обычному посыльному. Известно, что «въ лѣто 7018 [1510 г.], мѣсяца Сентября, въ недѣлю, Князь велики Василей Ивановичъ всея Руси поѣхаль съ Москвы въ вотчину свою, въ Великій Новъгородъ» [Софийский временник. Ч. 2. 1821. – С. 288]. Вполне вероятно, что чудотворная икона была возвращена в рамках этого визита.

В XVI веке упоминается о двух пожарах, в которых пострадала Троицкая церковь. **«Въ лѣто 7034 [1526 г.]**, Того же лѣта, мѣсяца іюля въ 6 день, бысть пожаръ въ Великомъ Новгородѣ загорѣлося въ Горнчарскомъ концѣ на Черницынѣ улицѣ, въ субботу на 7 часу ноци, улица вся погорѣ, и Варваринъ монастырь весь выгорѣ, и весь конецъ и до Олексѣя святаго, и стѣны градныя погорѣ 4 прясла; а церквей огорѣ пять: святая Варвара и Всѣ Святїи въ томъ же монастырѣ, **Троица Живоначальная**, и Воздвиженье честнаго креста, и Лука Апостолъ» [ПСРЛ. Т. VI. 1853. – С. 282]. Все эти церкви, вероятно, были возобновлены в скором времени, хотя об этом и нет известия в летописях [Макарий, 1860. – С. 171].

Следующий пожар произошел **«въ лѣто 7062 [1554 г.]**, мѣсяца іюля въ 24 день, вторникъ, на Рядятинѣ улицы, въ **Троици святѣй въ церкви** выгорѣла половина иконъ, на лѣвой сторонѣ доцарскихъ дверей, даи свѣчи мѣстныи; сгорило въ полдень отъ свѣчи» [ПСРЛ. Т. III. 1841. – С. 157].

Летом **1611** года, вместе с другими храмами на Софийской стороне, Троицкая церковь сильно пострадала в результате пожара [Красноречьев, 1984. – С. 8]. Это случилось после штурма Великого Новгорода шведским войском под командованием генерала Я. П. Делагарди³. Лишь спустя пять лет после шведской оккупации, в 1623 году, храм Святой Троицы был восстановлен: произведен внутренний ремонт и оштукатурены фасады, обновлен иконостас и восстановлена церковная утварь [Красноречьев, 1984. – С. 8; Макарий, 1860. – С. 171].

Далее Троицкая церковь перестраивалась в XVIII веке. Незначительные перестройки были в 1708 году, а в 1734 году она подверглась более значительной реконструкции. «Рукописная лѣтопись церкви оканчиваетъ свое сказанїе тѣмъ, что въ 1708 году снова была обновлена **церковь святыхъ Троицы** и освящена въ томъ же году преосвященнымъ Іоилемъ, епископомъ корельскимъ и ладожскимъ,

³ После избрания в августе 1610 г. московскими боярами на российский престол польского королевича Владислава Швеция, которая находилась в состоянии войны с Польшей, начала военные действия и против русских. В марте 1611 г. шведское войско под командованием генерала Я. П. Делагарди подошло к Новгороду Великому. 16 июля шведы проникли в город через Чудинцовские ворота и полностью овладели им. После этого новгородцы признали своим покровителем короля Швеции. В 1614 г. новое московское правительство возобновило военные действия против шведов, стремясь вернуть Великий Новгород, но поход закончился неудачей. Лишь в феврале 1617 г. между Русским царством и Швецией был заключен мир и возвращены Новгород Великий, Старая Русса и др. [Шефов, 2000].

викариемъ новгородской митрополіи. Въ прошломъ столѣтіи, 1734 года Троицкая церковь была также возобновлена и освящена» [Макарий, 1860. – С. 172].

В 1789 году храм Святой Троицы был реконструирован. Архимандрит Макарий (Миролюбов) без ссылки на источники (возможно, это была некая «церковная летопись») пишет о том, что к зданию церкви были пристроены деревянные трапезная и придел Луки, а также рядом – деревянная колокольня: «Около того же времени приписана къ ней церковь Воздвиженская, а въ 1789 году церковь св. Апостола и Евангелиста Луки, по причинѣ ихъ ветхости. Вмѣстѣ съ присоединеніемъ церкви Лукинской къ Троицкой, въ сей послѣдней устроена была деревянная трапеза съ придѣломъ Ев. Луки. Рядомъ съ церковію устроена была деревянная колокольня, перенесенная сюда изъ Десятинскаго женскаго монастыря. Эта пристройка и колокольня существовали до 1828 года» [Макарий, 1860. – С. 172–173].

В 1829 году в очередной раз Троицкая церковь горела, и тогда же пострадали деревянные пристройки. Об этом большом пожаре в Ямской слободе сообщают Макарий и Красноречьев и уточняют, что трапеза была разобрана и этим спасены каменная церковь и деревянная колокольня. В 1830 году церковные служители и купец Фотеев составляют «Условие» – выстроить для Троицкой церкви каменные придел и колокольню. В том же году, вскоре после пожара, приступили к сооружению каменной трапезной с приделом Евангелиста Луки по правую сторону, а также колокольни. В 1832 году постройка была закончена и новые строения освятили [Красноречьев, 1984. – С. 10].

В 1838 году в Троицкой церкви из-за опасности пожара были разобраны иконостасы, при этом по неосторожности они были до того повреждены, что их невозможно было собрать и поставить на место, особенно иконостас в старой части Троицкой церкви, состоявший из старинных икон большого размера. Позднее оба иконостаса устроены были вновь: «Именно, для настоящей холодной церкви иконостасъ былъ пріобрѣтенъ изъ новг. Духова женскаго монастыря, а для придѣльной церкви собранъ изъ своихъ прежнихъ иконъ и возобновленъ. Такимъ образомъ церковь возобновлена была въ 1838 и 1839 годахъ...» [Макарий, 1860. – С. 173–174].

Опять же из сообщений Архимандрита Макария (Миролюбова) известно, что в 1841 году вокруг храма Святой Троицы была построена каменная ограда, «внутри которой доселѣ замѣтны надмогильныя плиты, но безъ надписей» [Макарий, 1860. – С. 174].

Последняя из известных перестроек церкви состоялась в 1859 году – устроен второй придел и освящен [Красноречьев, 1984. – С. 14]. Архитектор Л. Е. Красноречьев в своем отчете ссылается на ГАНО [ГАНО. Ф. 480. Оп. № 3310. Л. 196 (1872 г.)]. Аналогичные записи есть в ведомостях за 1882, 1883, 1884, 1885, 1887 годы [Красноречьев, 1984. – С. 14]. По-видимому, в новгородском архиве хранятся еще документы, содержащие сведения об истории Троицкой церкви.

Архитектурные аспекты

Как объект архитектурного наследия церковь Святой Троицы начали изучать только после Великой Отечественной войны. Тогда храм значительно пострадал после германской оккупации, все деревянные конструкции (кровли, заполнения проемов) были разрушены.

В 1947 году архитектор В. Н. Захарова провела первые работы по определению состояния храма, включавшие архитектурные обмеры, фотофиксацию объемов здания и повреждений [Красноречьев, 1984. – С. 14]. Документов об этом нам найти не удалось. В тот же год проводились первые консервационные работы: были возведены временные полуконусные толевые покрытия над апсидой, центральным объемом (вальмовое), приделом (трехскатное) и в первом ярусе колокольни (четырёхскатное), и в таком виде церковь простояла до 1964 года. В это время ее помещения использовались под склад [Красноречьев, 1984. – С. 51].

Реставрационные работы продолжили в 1964 году, тогда были проведены новые историко-архитектурные исследования и реставрация некоторых деталей [Красноречьев, 1984. – С. 15]. За истекший с первой реставрации срок кровли, опалубка и отдельные элементы стропил совершенно обветшали. Более всего пострадал барабан, на котором покрытие отсутствовало. Из-за сильных протечек и промерзания начали разрушаться центральные и угловые своды в основном объеме, хотя серьезных деформаций, угрожающих основным конструкциям здания, не наблюдалось [Красноречьев, 1984. – С. 51].

В 1975–1979 годах исследовательские и реставрационные работы в церкви Святой Троицы проводились уже как на объекте культурного наследия. Было выполнено комплексное исследование памятника, подготовлен и осуществлен проект реставрации по состоянию на XVIII век (руководитель Л. Е. Красноречьев). Результаты этих исследований представлены ниже (Прил. 1, 2).

В итоге историко-архитектурных изысканий, проводимых под руководством архитектора Л. Е. Красноречева, а также непосредственно им самим, выяснилось следующее. Троицкий храм XIV века, поставленный в 1365 году, сохранился частично, в виде фундаментов и нижней части кладки высотой до 1,5–2 м. Это была средних размеров квадратная в плане четырехстолпная постройка размером 11,7 × 11,7 м, без апсиды и притворов, с внутрискладчатой лестницей и хорами, вероятно одноглавая, с трехлопастным завершением и скупым декором. Троицкая церковь отличалась от «классического» новгородского храма XIV–XV веков: здесь отсутствовали лопатки на фасадах, кроме центральной апсиды имелись еще две боковые пониженные прямоугольные, стены несколько наклонены к центральной оси, что предполагает существование только двух порталов. Полукружие апсиды обработано валиками. Строительный материал – ракушечник (реже плитняк) и кирпич, а фундамент состоял из пяти рядов валунов на лежнях [Красноречьев, 1984. – С. 15, 21].

Церковь неоднократно ремонтировалась и перестраивалась, особо кардинально – в 1734 году. Тогда здание было почти полностью разобрано и «по старой основе» сооружено заново в несколько иных формах, но при этом были повторены основные типологические черты предшествующей постройки (план, одна глава, два входа, динамичный силуэт). Отличительная особенность Троицкого храма XVIII века – это пониженная апсида без порталной арки, крещатые столбы, восьмигранный барабан с лопатками на гранях и изразцовым декором, оригинальные угловые своды, множество голосников в парусах и барабане. В новой кладке был использован строительный материал XIV века [Красноречьев, 1984. – С. 16].

В 1830-е годы церковь приобретает вид, близкий к современному, когда к ней с запада были пристроены каменные паперть, трапезная и колокольня, взамен деревянных. По мнению Л. Е. Красноречева, тогда же был перестроен и основной объем: устроена четырехскатная кровля, переделаны некоторые окна, уничтожен декор барабана и часть фасадов.

В результате реставрации 1975–1979 годов остатки каменной церкви, поставленной в 1365 году, были раскрыты и законсервированы в нижней части интерьера, которая решена в виде подцерковья; выполнена гипотетическая графическая реконструкция храма XIV века. Что это – не совсем понятно, так как чертежей или эскизов данной работы нам найти не удалось. Остальной объем здания Троицкой церкви был восстановлен на период с 1830 года [Красноречьев, 1984. – С. 16]. После реставрации Троицкой церкви здесь предполагалась мастерская художников-реставраторов, о чем говорит пояснительная записка к проекту приспособления [Красноречьев, 1977. – С. 2–5].

Судьба и использование храма после реставрации нами не изучалась. В настоящее время церковь пустует, но периодически используется по назначению. На сегодняшний день Церковь Троицы – это официальное название объекта культурного наследия, который входит в перечень памятников истории и культуры Великого Новгорода и его окрестностей, имеющих выдающуюся универсальную ценность. Категория охраны памятника: федеральная (Р-1327).

В 1992 году Решением юбилейного заседания Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО церковь Троицы в Ямской слободе, наряду с другими памятниками, была включена в Список всемирного наследия [<http://culture.novreg.ru/ob-ekti-kul-turnogo-naslediya.html>]. В настоящее время храм состоит в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО под № 15 пообъектного перечня памятников истории и культуры г. Великого Новгорода и его окрестностей.

Заключение

Храм Святой Троицы сейчас, как и прежде, расположен в южной части Софийской стороны Новгорода Великого, близ кремля на берегу реки Волхов. Строительство каменного здания Троицкой церкви в 1365 году, через год после удачного военного похода 1364 года под руководством воевод Александра Абакумовича и Степана Ляпы, очевидно связано с удачными данническими и торговыми

предприятиями новгородцев в Югре. Хотя и косвенно, но на основании летописных и археологических данных мы считаем, что изначальное строительство Троицкой церкви в 1165 году также могло быть связано с успешной торговой операцией в Югре, что позволяет в целом обозначить середину XII века как время торгово-экономического закрепления территории нижнего течения реки Оби – будущей Обдории. Это коррелируется с последующим значительным увеличением импорта в Югру с середины XII века. Фиксируемый по археологическим данным расцвет торгово-меновых отношений между югричами и новгородцами не совсем увязывается с летописным перечнем военных походов. Нам представляется, что идея двух форм колонизации и освоения Крайнего Севера и Югры в частности может объяснить данное положение. Одну из форм можно обозначить как республиканско-княжескую или просто княжескую – военно-данническую, основанную на боевых операциях княжеской дружины, включавшую даннические походы и наличие систематических сборщиков дани для Новгородской республики. Именно о таких походах в большинстве своем сообщают русские летописные источники, и именно по таким данным историки судят об освоении Югры. Вместе с тем вполне очевидна и другая форма – это народная торгово-промысловая колонизация, которая была основана на мирном проникновении и выражалась в меновой торговле с аборигенами и самостоятельном промысле пушных зверей. Об этом освоении Югорской земли средневековые хроники пишут лишь в редких случаях. Однако такая форма освоения явно существовала и, по сути, была первичной в отношении к республиканско-княжеской, поскольку военные операции в то время были дорогостоящим предприятием. Представляется очевидным, что если власти Новгорода Великого и брали земли под свой контроль, то уже какие-то известные и заведомо рентабельные. То есть шли по проторенным ранее простыми первопроходцами путям, в расчете получить практически гарантированную прибыль. О таких народных первопроходцах вряд ли будут упоминать летописи, поскольку это определяло вопрос собственности и собственника территорий. Об этом – априори мирном – освоении территорий Крайнего Севера и Югры в частности мы имеем весьма смутное представление. Единственное, что мы имеем, – это свидетельства меновой торговли в культурном слое памятников археологии аборигенного населения, о чем говорили выше. Артефакты свидетельствуют, что с середины XII века по начало XIV века объемы торговли возросли с 2–3 % до 30 %. Какова здесь доля новгородских торговцев, предстоит выяснить, но уже сейчас можно сказать, что она преобладала. Достаточно вспомнить тот факт, что Волжская Болгария, крупнейший торгово-производственный центр, в первой половине и середине XIII века значительно пострадала от монгольского завоевания, а торговля с аборигенами Севера Западной Сибири продолжала нарастать. То есть кто-то ее осуществлял, и это было не исключительно «южное» направление торговых связей, как считалось ранее. Именно в середине XIII века Новгород Великий юридически оформляет свое право на Югру как волость – часть территории Новгородской республики. И показателем народного освоения можно назвать церковь Святой Троицы, построенную на прибыль компании промышленников и торговцев Людина конца Софийской стороны Великого Новгорода. Изначально в 1165 году и впоследствии при реконструкции в 1365 году церковь была поставлена на средства малоизвестных людей – простых жителей Новгорода Великого. Впоследствии, если провести историко-архитектурные и специальные исторические исследования, можно будет определить стоимость строительства этого храма в XIV веке и посмотреть объем прибыли, которую представители «Югорщины» могли использовать на постройку нового храма. Троицкая церковь явилась центром импульса, отправной точкой, с которой началось освоение жителями Людина конца Великого Новгорода территории Югры.

В память начала освоения Югры новгородцами можно было бы организовать общероссийскую межрегиональную экспедицию «Югра новгородская – Югра российская». Отправной точкой пути могла бы стать церковь Святой Троицы на Редятиной улице Великого Новгорода, а конечной – г. Ханты-Мансийск, где участники могли бы заложить камень в основание строительства аналогичного храма в честь памяти народных первопроходцев Людина конца. В 2025 году исполнится 860 лет с момента основания Троицкой церкви, и остается достаточно времени для организации мероприятия и разработки проектных решений.

В международной практике давно сложилась традиция делать «Парки дружбы» – с целью упрочения дружеских отношений между государствами и городами разных стран. В таких парках устанавливаются памятники тому или иному событию, связывавшему регионы. В Новгороде Великом такой памятник, связывающий город с современным Ханты-Мансийским автономным округом – Югрой, уже существует. Следуя традициям, вокруг Троицкой церкви может разместиться «Югорский парк-сквер», а в г. Ханты-Мансийске – «Новгородский парк-сквер», где логично будет построить аналогичный храм Святой Троицы в стиле архитектуры XII–XIV веков – эпохи начала освоения Севера. В результате в современном Великом Новгороде появится место, которое югорчане, учащиеся в других городах или уехавшие жить в Санкт-Петербург или Кириши, смогут посещать, ощущая историческую связь территорий и убеждаясь, что живут в едином государстве. В этой связи всероссийская экспедиция по пути новгородских первопроходцев в Югру может в перспективе стать систематической акцией в честь исторических юбилеев, связывающих регионы – современный Ханты-Мансийский автономный округ – Югру и современный Новгород Великий.

Список источников и литературы

Источники

Красноречьев Л. Е. Троицкая церковь в Ямской слободе (на Пролетарской улице) в Новгороде: научный отчет по исследованию, реставрации и приспособлению памятника (работы 1975–1979 гг.). – Ленинград, 1984. – 93 с. – (Архив ННРУ (шифр объекта 008) Р-1860).

Красноречьев Л. Е. Церковь Троицы в Ямской слободе (на Пролетарской улице): пояснительная записка к проекту приспособления. – Новгород, 1977. – 22 с. – (Архив ННРУ (шифр объекта 008) Р-1064).

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1846. – Т. 1. – I; II: Лаврентьевская и Троицкая летописи. – 294 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1843. – Т. 2. – III: Ипатьевская летопись. – 377 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1841. – Т. 3. – IV: Новгородские летописи. – 308 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Параца, 1848. – Т. 4. – IV; V: Новгородская и Псковская летописи. – 360 с.

Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. – СПб.: Типогр. Эдуарда Праца, 1853. – Т. 6. – VI Софийские летописи. – 366 с.

Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534: в 2 частях. – Москва: Типогр. Семена Селивановского, 1820. – Ч. 1: с 862 по 1425 год. – 496 с.

Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534: в 2 частях. – Москва: Типогр. Семена Селивановского, 1821. – Ч. 2: с 1425 по 1534 год. – 521 с.

Чертежи Троицкой Церкви в Ямской слободе (на Пролетарской улице) (Красноречьев Л. Е., Захарова В. Н. Работы 1947–1979 гг.). – Архив ННРУ (шифр объекта 0081).

Литература

Анкудинов И. Ю. «А се волости новгородские» новгородских княжеских докончаний // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 7). – Ч. 1. – С. 136–140.

Герберштейн С. Записки о Московии. // Под ред. В. Л. Янина. Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. Вступительная статья А. Л. Хорошкевич. – М.: МГУ, 1988. – 430 с.

Дмитриев А. А. Пермская старина. – Пермь, 1894. – Вып. 5. Покорение угорских земель и Сибири. – 219 с.

Каргер М. К. Новгород Великий. – Л.; М., 1961. – 157 с.

Кардаш О. В., Усолкина М. А. Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь

в историко-культурном и духовном наследии: в 2 частях. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – Ч. 2. – С. 335–347.

Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории // А. Х. Лерберг. Пер. Д. Языкова. – Санкт-Петербург, 1819. – 397 с., 1 л. карт.

Макарий архимандрит (Миролюбов⁴). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и окрестностях: в 2 частях. – Типография В. Готье М, 1860. – Ч. 1. Древние церкви в Новгороде и его окрестностях. – 654 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.: ИФ «Восточная литература», 1999. – Т. I. – изд. 2-е, доп. – 630 с., ил., карты.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.: ИФ «Восточная литература», 2000. – Т. II. – изд. 2-е, доп. – 796 с., ил., карты.

Овчинникова Б. Б. Пути проникновения новгородцев в Югорию (XI–XV века) // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 7). – Ч. 1. – С. 170–181.

Плеханов А. В. Ярте VI – Средневековое «городище» на р. Юрибей (П-ов Ямал). Каталог коллекции. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. – 122 с.

Сорокин А. Н. «Вотолкин пожар» в древнем Новгороде (Хронология, топография, причина) // История и археология: материалы XXX научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника, Великий Новгород, 26–28 января 2016 г. – Вел. Новгород, 2016. – Вып. 30. – С. 262–270.

Сорокин А. Н. Новгород и Югра в XI–XII веках // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 7). – Ч. 1. – С. 146–169.

Шефов Н. А. Самые знаменитые войны и битвы России. – М.: Вече, 2000. – 526 с.

Ядрышников В. А. Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. Каталог. – СПб.: Фонд содействия реставрации памятников истории и культуры «Спас», информационно-издательская фирма «Лики России», 2008. – С. 169–170.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... / В. Л. Янин; послесл. А. А. Зализняка [с. 425–449]. – 3-е изд., испр. и доп. новыми находками. – М.: Языки рус. культуры, 1998. – 461 с.

Интернет-ресурсы

Культура Новгородской области, Информационный портал [Электронный ресурс] / Объекты ЮНЕСКО. – Вел. Новгород. – Режим доступа: <http://culture.novreg.ru/ob-ekti-kul-turnogo-naslediya.html>.

⁴ Архиепископ Макарий (в миру – Николай Кириллович Миролюбов; 1817–1894/1895) – епископ Русской православной церкви, архиепископ, духовный писатель и историк, собиратель материалов об истории Великого Новгорода.

Министерство культуры РСФСР
Объединение "Росреставрация"
Ленинградский филиал проектного института
по реставрации памятников истории и культуры
"СПЕЦПРОЕКТРЕСТАВРАЦИЯ"

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ

в Ямской слободе (на Пролетарской улице)
в Новгороде.

НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ

по исследованию, реставрации и
приспособлению памятника
(работы 1975-1979г.г.)

Главный архитектор ЛФИ

М.О.Плаксин

И.о.руководителя АРМ-5

Е.А.Терлецкий

Руководитель группы

Н.Н.Кузьмина

Научный руководитель
объекта

Л.Е.Красноречьев

г. ЛЕНИНГРАД
1984г.

АРМ-5

Р-1860

84

Оглавление

	Стр.
Научный отчет (вступление)	I
I. История памятника (по письменным источникам)	4
II. Исследование памятника	15
III. Техническое состояние памятника	51
IV. Проект реставрации	54
V. Реставрация и приспособление	69
VI. Некоторые выводы и оценки памятника по результатам исследования	74
<u>Приложения</u> (копии)	
Задание на реставрацию и приспособление памятника архитектуры церкви Троицы (XIV–XIX в.в.) в Ямской слободе (на Пролетарской улице) в Новгороде	84
Выписка из протокола № 44 заседания научно–реставрационного совета при Новгородской СНРПМ	87
Протокол № 50 заседания научно – реставрационного совета при Новгородской СНРПМ	89
Акт технического приема памятника архитектуры XIV–XIX в.в. ц. Троицы в Ямской слободе Новгорода	91

Памятники Новгорода, как, впрочем, и других древнерусских городов, скрывают не мало тайн и загадок, порой трудно разрешимых или неразрешимых вовсе. Это понятно. На протяжении многовековой истории они претерпели разрушения, ремонты, перестройки. На них отразилось время, небрежение людей, стихийные бедствия, требования эпохи с новыми культурно-эстетическими и социально-экономическими запросами и даже мода. Ни один памятник не миновал хотя бы в малой степени воздействия внешних сил. Некоторые изменились настолько, что первоначальный облик их да и последующие наслоения раскрываются с огромным трудом.

Исследования затрудняются в большей мере тем, что старинные постройки в почти не сохранили о себе документальных сведений. Там где они имеются, а это летописи, описи, порядные записи, ведомости, — сведения чрезвычайно скупны, иногда содержат ошибки, сознательное искажение фактов и требуют основательной проверки, уточнения, корректировки.

Наибольший эффект исследователю приносит натурное изучение объекта, при котором человек не только тщательно осматривает все большие и малые части постройки, ее формы и конструкции (обычно при обмерах), но и вторгается в "тело" памятника, удаляя местами поздние наслоения (покраски, штукатурки, закладки), раскрывая ранние или первоначальные детали, обследует наслоения полов, грунта, фундаменты и прилегающую территорию. Однако и в этом случае архитектор-реставратор или археолог-историк далеко не всегда может быть уверен в исчерпывающих знаниях об изучаемом объекте. Много может остаться за пределами доступного, не раскрыто теперь и, вероятно в будущем. А некоторые факты, возможно, будут прочтены не верно.

Ярким примером в этом плане может служить Троицкая церковь в Новгороде на Пролетарской улице, бывшей Пробойной.

Наиболее полные исторические сведения об этом памятнике собраны Макарием в середине прошлого столетия.¹⁾ Позже короткие заметки о нем сделаны М.К.Каргером²⁾ и некоторыми другими историками. Но данные о первоначальной каменной постройке, об её формах, полученных при последующих перестройках, скудные и ограничиваются общими фразами и ссылками на известные летописные сообщения. Памятник, скрытый позднейшими штукатурками, закладками и надкладками, наслоениями строительного мусора, потерявший многие свои детали и части, оставался долгое время спрятанным за непроницаемыми кулисами. М.К.Каргер в своем труде, посвященном архитектурным памятникам Новгорода, отвел этой постройке всего лишь четыре фразы, из которых первая – адрес, вторая посвящена заказчикам–строителям. Две последних–самому памятнику. Их следует привести! От древней постройки сохранились только нижние части стен. Верхняя её часть полностью перестроена в XVIII–XIXвеках". (М.К.Каргер. Новгород Вел., 1961 г. стр.148)

В 1941–43г.г. во время Великой отечественной войны церковь потеряла свои кровли, завершения, деревянные перекрытия, оконные и дверные заполнения. В 1947г. вскоре после создания Новгородской реставрационной мастерской на памятнике были проведены первичные консервационные работы, которые свелись к устройству временных крыш с толевым покрытием. В 1964г. автором отчета выполнено предварительное исследова-

1) Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч.1., 1860г., стр.166 и др.

2) М.К.Каргер. Новгород Великий, Л.–М., 1961г. стр.148
См. так же его 2-е изд. 1966г., "Новгород", 3-е изд. 1970г., 4-е изд., 1980г.

ние здания в связи с консервацией и частичной реставрацией его отдельных частей. Только в 1975–79 г.г. памятник удалось изучить наиболее полно. В это время он реставрировался и приспособлялся под мастерские художников и резчиков–реставраторов, под лабораторию фотографов.

Работы 70-х годов позволили изучить постройку первой половины XV в., пристройки XIX в. и, что, быть может наиболее интересно, вскрыть и исследовать остатки памятника XIV столетия.

I. История памятника

(по письменным источникам)

Письменных источников по Троицкой церкви найдено не так уж мало. Правда, все они относятся в основном к его поздней истории и содержат сведения общего характера. Многие известия дублируются из документа в документ. Ранняя, история памятника отражена чрезвычайно и скупо. Кроме того факты, сообщенные в официальных записях, не могут подтверждаться натурными данными. Их нет. Они безвозвратно утеряны при многократных перестройках памятника. Поэтому представить архитектурно-художественный облик Троицкой церкви на том или ином историческом этапе возможно лишь гипотетически, с большими допущениями и оговорками.

Троицкая церковь расположена на Софийской стороне Новгорода в древнем Людином (или Гончарском) конце на современной Пролетарской улице (илл. _____) Своё название Пролетарская улица получила в послереволюционные годы. Ранее она называлась Пробойной или Большой (Великой, -Л.К.), а позже Троицкой. Большая Пробойная улица служила естественным продолжением Великой улицы Неревского конца в северной части Софийской стороны. Начинаясь где-то у ц. Петра и Павла в Кожевниках, Великая подходила к Летинцу, вливалась через ворота бывшей проездной Федоровской башни в Кремль, пересекала его, выходила через ворота Спасской башни в Людин Конец и растекалась по дорогам в разных направлениях: на Поозерье, на Руссу, Псков. Великая улица Людина конца являлась началом "Русского пути". Она шла параллельно Волхову, в то время как все остальные улицы и переулки Софийской стороны спускались к Волхову перпендикулярно, пересекая улицу Великую.

Великая улица зафиксирована на многих старых планах Новгорода. С.Н. Орлов предполагал, что Пробойная или Большая улица могла возникнуть не позднее других улиц этой части города".³⁾ Впрочем этот бесспорный факт подтвержден данными раскопок Новгородской археологической экспедиции, проводимых в последние годы (с 1973г.) на Троицком раскопе.

Но место-положение Троицкой церкви определялось другой улицей, называемой в летописях различно: Радятиной, Рядятиной, Редятиной, Рядитиной. Это — в начале XIII столетия. Редятина улица проходила неподалеку (в 10,5м) от северной стороны церкви и зафиксирована небольшим разведочным раскопом Новгородской археологической экспедиции. Её направление примерно совпадает с современной улицей Телегина. (До 1964 г. она называлась Рядитенской). Вероятно с XVIIв. Пробойная улица вместе с примыкающей к ней застройкой называлась Ямской слободой.⁴⁾

В XII в. отдельные Новгородские летописи (II-я и IV-я под 6673—1165г.) называют улицу иначе — Щетиницей. Или имеют ввиду другую, проходящую рядом, параллельно. Впрочем, остальные летописи адресуют это наименование не к улице, а к жителям, строителям (заказчикам) церкви, по-видимому ремесленникам, (или купцам ?—Л.К.) Так трактуется в I, IV (список Никольского) Новгородских летописях.⁵⁾ Однозначно решить вопрос трудно. Но в других источниках улицы с таким наименованием нет.

3) С.Н. Орлов. К топографии Новгорода X—XVIIв. в.ж В сборнике "Новгород" .К 1100-летию города. М., 1964г., стр.275.

4) Косвенное упоминание о проживавших здесь ямщиках относится к более раннему времени . В III-й Новгород.лет. под 6963 (1455)г. сообщается о кресте за Алексеевской (Белой) башней, который поставил ямщик.

5) Новгородские летописи I, II, IV под 6673 (1165)г.

Самое раннее упоминание о Троицкой церкви в летописях относится к середине XII столетия. Под 1165г. один из составителей I-й Новгородской летописи записал: "...Поставиша церковь святя Троица Шетиници". (Во II-й и III-й летописях – на Шетинице", "на Шетиници", а в списке Никольского IV летописи – "Шетиници")

Первая постройка была деревянной. Вскоре, в 1194г. она сгорела. Летописи сообщают: "...сгореша церкви 3: святого Василия, святя Троица, святого Воздвижения..."⁶⁾ IV-я летопись (список Никольского) характеризует пожар, как "зол велми" и называет его "Вотолкиным" (может быть по имени владельца усадьбы, от которой он начался? – Л.К.)

Сгоревшие Васильевская и Воздвиженская церкви на следующий (1195) год были отстроены вновь.⁷⁾ О Троицкой известий нет. Макарий, ссылаясь на список XV в. с рукописной церковной летописи, ранее хранившейся в ц. Троицы, относит возобновление постройки к 1194 году.⁸⁾ Сам список не найден.

Возможно, что новая церковь сгорела и в большой пожар 1211г., который охватил Редятину улицу и поглотил 430 дворов и 15 церквей.⁹⁾ Через 13 лет вновь в 1224 году "...бысть громь страшнь мая в 20, на святого Фаллея: съгоре церкы святя Троица, а 2 человека мертва быста".¹⁰⁾

В 1337 году Троицкая церковь ознаменовалась "чудом". Икона богоматери, "ником не держимая", неожиданно поднялась в воздух и прослезилась. За это "явление" её назвали чудотворной.¹¹⁾ Позднее, в 1366 году, "чудо" повторилось с некоторыми допол-

6) Новгородская I-я летопись под 6702г.

7) Новгородская I-я летопись под 6703г.

8) Макарий. Указ. соч., стр. 167.

9) Новгородская I-я летопись под 6719г.

10) Новгородская I-я летопись под 6732г.

11) Софийский временник, стр. 231 (по Макарию).

нениями. Икона поднялась над горящей церковью и, немного воспарив в воздухе, "сошла" на руки архиепископа Алексея.¹²⁾ В 1497г. московский князь Иван III забрал чудотворную икону в Москву, но через 13 лет она была возвращена и опять установлена в Троицкой церкви.¹³⁾

Каменная церковь построена на этом месте в середине XII столетия. По сведениям II-й Новгородской летописи в 1365 году "Югорци залотыша церковь каменую Троицу на Рядитине улицы".¹⁴⁾ Почти такие же сведения содержатся в IY-й летописи (в том числе в списке Никольского) и в летописи Авраамки. В I-й летописи о ней сведений нет. А III-я летопись относит закладку церкви к следующему, 1366 году: "В Великом Новеграде поставиша церковь святя Троицы на Рядитине улицы каменную Югорцы при архиепископе Алексии".¹⁵⁾ В предыдущих летописях, кроме списка Никольского IY-й, употреблено слово "заложыши", в III-й летописи — "поставиша". Первый случай можно рассматривать как начало строительства, второй — его окончание. Тогда противоречие исчезает. Но известно и то, что III-я летопись, дошедшая до нас в списках конца XVII-нач. XVIII в. — источник не всегда достоверный. Поэтому справедливо везде в научной и популярной литературе принята дата — 1365г.г.

12) Макарий. Указ. соч., стр. 168-169.

13) Макарий. Там же, стр. 169-171.

14) Новгород. II лет. под 6873г.

15) Новгород. III лет. под 6874г. Югорцы — по мнению некоторых исследователей — новгородские кушцы, торговавшие с Югрой (Приуральем). См. М. К. Каргер. Новгород Великий, 1961г., стр. 148. То же в 2-4 изданиях.

Упомянутое ранее "чудо" 1366г. и пожар церкви, сообщенные Макарием, вызывают серьезные сомнения. Документ, исходящий к концу XVв., отмечает "...на ~~Ряд~~ Рядядине улице Троица, а на полатех Знаменье пречистые". (Никольский А. Описание семи новгородских соборов по списку XVIв. – Вестник археологии и истории, 1898г., стр. 118.)

Позже, в XVI столетии каменная постройка дважды обгорала. Горели, разумеется, только её деревянные части: покрытия, иконостас и некоторые другие детали интерьера. Первый пожар случился в 1526 году 6 июля в субботу.¹⁶⁾ Второй – в 1554 году: "...месяца июля в 24 день, вторник, на Рядядине улици (в другой редакции – Рядядине) в Троици святых в церкви выгорела половина икон на левой стороне до царских дверей, да и свечи местным; згорело в полдень от свечи".¹⁷⁾

"В 1611 году Троицкая церковь сожжена вместе с другими на Софийской стороне, но после 1623 года была возобновлена".¹⁸⁾ Речь идет о так называемом "шведском разорении", когда Новгород был оккупирован и в течение нескольких лет находился под властью неприятеля. Под "возобновлением" вряд-ли подразумевалась капитальная перестройка памятника. Скорее всего работы свелись к ремонту или устройству новых покрытий, ремонту штукатурки, к побелке фасадов и поновлению иконостаса и церковной утвари. До 60–70-х годов XVII столетия в Новгороде и его окрестностях почти ничего не строилось. Россия была поглощена войнами и подавлением волнений внутри страны. Эта пора вошла в русскую историю как "смутное время".

16) Полное собрание русских летописей, т. VI, стр. 282 (по Макарию).

17) Новгород. П-я лет. под 7062г.

18) Макарий. Указ. соч., стр. 171. III Новгород. летоп. под 1611 годом.

Сведений о Троицкой церкви в конце ХУШв. нет.

Зато перестройки ХУШ и, особенно, XIX столетий зафиксированы и некоторые из них с подробностями.

Ссылаясь на рукописную летопись церкви, Макарий отмечает первую перестройку церкви в 1708 году, когда она "... снова была обновлена ... и освящена в том же году преосвященным Иоилем, епископом карельским и ладожским, викарием Новгородской митрополии ."19)

Судя по записи на напрестольном кресте, который видел Макарий, церковь опять перестраивалась и вновь освящалась в 1734 году.²⁰⁾ Сведения подтверждаются ведомостью 1824г.:

"Церковь во имя живоначальныя Троицы с приделом евангелиста Луки каменная, твердая, утварью и ризницею достаточна, построена в 1734 году.." 21) Подобные сведения содержатся в документах 1826 г.

В "Отчете по обследованию и консервационным работам", составленном в 1965 году, я называл две возможные даты капитальной перестройки памятника - 1708 и 1734 годы, не отдавая предпочтения какой-либо из них (Архив НСНРПМ, № _____) Теперь натурные исследования и приведенные документы позволяют решить спорный вопрос однозначно: возвышающаяся над поверхностью земли Троицкая церковь возведена заново, хотя и на старом основании, в 1734 году.

Далее один из первых исследователей памятника архимандрит Макарий сообщает, что в 1789 году к Троицкой церкви

19) Макарий. Указ. соч., стр. 171-172.

20) Там же. Стр. 172.

21) ГАОО (Государственный архив Новгородской области) ф. 480, оп. 1, № 2658, л. 48 об. (1824г.) Материалы разысканы и подобраны научн. сотрудником Новгородской мастерской С.И. Сивак.

были приписаны ветхие Воздвиженская (1415г.) и Лукинская (1417г.) церкви, находящиеся поблизости, и в связи с этим у Троицкой церкви сделана деревянная трапезная с приделом Луки. Рядом была возведена деревянная колокольня, перенесённая из Десятинного монастыря.²²⁾ Деревянный придел Луки отмечен в записях 1790г.²³⁾, а также 1791, 1792, 1797, 1801-1804г.г.

Деревянные придел и колокольня стояли не долго. Вскоре после сильного пожара, случившегося в 1829 году, они были разобраны.

Затем служители церкви и церковный староста Новгородский купец Илья Серегородский заключают "условие" (подрядный договор) с новгородским же кушом № Дмитрием Ивановичем Фотеевым "при означенной Троицкой церкви выстроить каменную с колокольнею церковь по высочайше утвержденному и выданному им священноцерковнослужителям фасаду без малейшего от одного отступления ценою за семь тысяч рублей".²⁴⁾ "Условие" было составлено "1830 года мая 17 дня". Оно в свою очередь содержало 8 частных условий. Они следующие :

1. Фотеев получает от церковного старосты сто пять тысяч кирпича, четырнадцать куб.сажен бульжного камня на фундамент (135мЗ-Л.К.) ,десять сажен е песку (96,5мЗ-Л.К.) ,двести бочек извести ,бревна и тес по потребности, а прочий материал-Фатеева; 2. Фотеев обязан разобрать "теперь состоящую теплую

22) Макарий. Указ.соч., стр.172

23) ГАНУ, ф.489, оп.1, №1760, л.45 об.(1790г.)

24) ГАНУ, ф.480, оп.1, №2823, лл.1-1об.

деревянную церковь... до основания,²⁵⁾ выбрать "годной" и "негодной" материал и употребить при строительстве;

3. "Начать постройку церкви и колокольни по получении... фасада в немедленном времени и кончить непременно как каменную кладку так и крышу нынешнего ж лета; 4. в ров для фундамента положить лежни, а при необходимости забить небольшие сваи, камни фундамента укладывать ровно, "с ращбенкою", кладку стен до "цокуля" вести толщиной в три кирпича, выше - в два с половиной "с хорошею заливкою"; 5. для фундамента колокольни вырыть котлован глубиной 3 аршина (прим. 2, 1м), забить такой же величины сваи, на них сделать "насадки", потом положить на оные лежни, забутовать булыжным камнем с хорошею ращбенкою и производить кладку ровную по фасаду"; 6. в стенах церкви заложить "железные связи" в один ряд, в окнах установить металлические решетки, в арках колокольни во втором и третьем ярусах положить деревянные бруссы для навешивания колоколов, в церкви (приделе) под полы вывести "стулья" (столбы) и основания под престолы каменные, "потолки или накаты- устроить наборные", балки под них и стропильные бревна" укрепить болтами, полы наместить чистые тесовые, "сделать две голанские печи на каменных фундаментах, а в окна окончанные рамы со стеклами.";

25) По Макарию она была разобрана вместе с отдельно стоящей колокольней еще в 1829 году. Либо Макарий ошибся, пользуясь недостоверными источниками, либо церковь-придел была разобрана частично и вскоре была починена или стояла без починки. Наконец, он мог иметь ввиду 1830 год.

7. "Крышу как на церкви, так и колокольне покрыть... своим листовым железом с окрашиванием масляною...зелёною краскою, шпильже на колокольне обшить жестью, на коем крест поставить соразмерной величины железный";

8. "в нынешнем или будущем лете" придел и колокольню снаружи и внутри "отщекотурить и покрасить наружность приличною краскою", в "колокольне сделать "крыльцы с перилами" (лестницы) , при входе в церковь –площадку и над нею зонт "если позволено будет".

После заключения "условия" Фотеев должен был сразу же получить аванс в две тысячи рублей , а "остальные... по мере накопления суммы...неприменно в течение одного года с написания .." условия.

Фотеев умер в 1838 году. Деньги за работу получала его вдова.

В "Условии" следует подчеркнуть два момента: каменный придел Луки всюду называется церковью; речь идет о строительстве придела и колокольни, но нет ни слова о ремонте или перестройке Троицкой церкви.

Чертежи фасада (северного) и плана , на который ссылаются договаривавшиеся стороны, обнаружен научным сотрудником мастерской С.И.Сивак в ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив, ф.349, оп.20, д.6550/2) в 1976 году. Проект имеет подписи архитектора 8 класса И.Соколова (автор проекта) и губернского архитектора П.Раве. Выполнен "апреля 2 дня 1830 года".

Автор предлагал перестроить и саму Троицкую церковь в формах классицизма. В чертеже апсида показана с полукупольным покрытием, крестом на нем, двумя нишами по сторонам окна. Главный объем имеет четырехскатную кровлю, восьмигранный ба-

рабан без изразцов, с простыми прямоугольными окнами, классическим карнизом, восьмигранным куполом и главкой на маленькой шейке. На фасаде — классические пилястры, антаблемент, большой портал в центре с полукруглым окном над ним и по два прямоугольных окна с боков от него (илл.)

Проект был "высочайше утвержден" генерал-адъютантом 30 апреля 1830г.

Придел и колокольня в соответствии с "условием" были заложены и в основном построены в том же 1830 году. Это зафиксировано в "Ведомости"...церкви за 1834 год. О Троицкой церкви сказано : " Построена 1336 года²⁶⁾ тщанием и подааниями разных сословий градских и приходских жителей". О приделе, который значится тоже как церковь, "зданием каменная с таковою же колокольнею, в 1830 году выстроенною, покрыты железом и выкрашены зелёною краскою, крепкая". И далее. "Престолов в ней два : в настоящей холодной во имя святых... Троицы ,перед входом в оную в 1830 году выстроен теплый каменный придел и освящен в 1832 году декабря 11 дня -во имя...²⁷⁾ евангелиста Луки, покрыт железом и покрашен зеленою краскою"..

По духовным завещаниям, но без "законного акта" церковь пользовалась землёю,,за земляным городовым валом в Воздвиженском поле в разных местах пополосно" 150 грядями с сенокосом. С нее ~~при~~^{УТ} церкви в 1834г. получил 50руб.90к., а церковь 22 руб. 50коп.

26) Ошибочная дата повторяется в ведомостях за 1844,1847, 1872,1882-85,1887г.г.

27) ГАНО, ф. 480, оп. I, №2881, л. 66 (1834г.)

20 июля 1838г. в церкви возник пожар. При выноске икон и церковной утвари престолы и иконостасы с древними иконами оказались поломанными. Повреждения оказались серьезными и в прежнем виде иконостасы не удалось собрать. Вскоре "всё же сие поправлено" было. Придел Луки освящен вновь 18 сентября 1838 г., Троицкая ц.–17 сентября 1839г.²⁸⁾

Закрыт в западной пристройке устраивается второй придел, Воздвиженский. Ведомость 1872г. перечисляет престолы: "Престолов в ней три: в холодной ...Троицы и в теплом приделе ...первый во имя... Луки и второй –во имя Воздвижения.. Креста Господня, вновь устроенный в 1859 году и освященный того же года сентября 13 дня".²⁹⁾

Местоположение приделов в пристройке XIXв. фиксирует Ведомость 1912 г.: " в трапезе с правой стороны во имя..Луки, в левой Воздвижение Креста Господня".³⁰⁾

В 1841 году вокруг Троицкой церкви была возведена каменная ограда.³¹⁾

При оккупации Новгорода гитлеровскими захватчиками памятник значительно пострадал, лишившись покрытий, перекрытий и других элементов.

В 1947г. на нем проводились небольшие консервационные работы, в 1964 году они повторялись. Тогда же на барабане восстановлена глава ~~на барабане~~ в формах приближенных к первоначальным (1734г.). Реставрационные работы, связанные с ними исследования памятника и его приспособление выполнялись в 1975–79г.г. (илл.)

28) ГАНО, ф.480, оп.1, №3007, лл.75, 75об. (1844г.) Все даты приводятся по старому стилю.

29) ГАНО, ф.480, оп.1, №3310, л.196 (1872г.) Аналогичные записи в ведомостях за 1882, 1883, 1884, 1885, 1887г.г.

30) ГАНО, ф.480, оп.1, №3897, л.2 (1912г.)

31) Макарий. Указ. сочинение, стр.173–174.

II. Исследование памятника

Изучение памятника проводилось в два этапа.

На первом этапе (1964г.) оно было незначительным и ограничивалось исследованием барабана церкви и формы покрытий на центральном объеме и апсиде. Специальное зондирование и шурфы не делались. В основном осматривались обнаженные (без штукатурки) участки стен и участки стен под крышами.

В моём распоряжении имелись архитектурные обмеры памятника, выполненные и довольно не плохо в 1947 году В.Н.Захаровой, и несколько послевоенных фотографий. Кроме них — летописи и другие публикации.

В процессе первичного исследования удалось сделать более подробный обмер северного фасада ~~церкви~~ и ~~преддела~~ предложить две графические реконструкции внешнего вида церкви на XIII-е и XIV-е столетия. Придел и колокольня почти не изучались и в чертежах не были представлены.

Более тщательное изучение памятника ~~е~~ выполнено в 1975-79 годах, при реставрационных работах. Оно сопровождалось дополнительными обмерами, зондированием штукатурки и стен, шурфированием, разборкой завалов строительного мусора, ~~средней~~ срезкой поздних наслоений вокруг постройки, дополнительным изучением письменных источников.

К началу работ церковь представляла собой кубическую; четырехстолбную, одноапсидную, одноглавую ~~е~~ постройку, к которой с запада во всю ширину примыкала каменная трапезная с двумя приделами и ярусной, квадратной в плане колокольней.

Эти три разновеликих объема появились в разное время. Собственно церковь заново построена в 1734г. На основе здания 1365г. Помещение с приделами и колокольной появилось в 1830-1832 годах.

В отчете рассматриваются эти три основных строительных периода. Другие, даже если и были значительными, не сохранили в натуре почти никаких следов.

Главный (старый) объем памятника имеет как традиционные формы, так и некоторые особенности, которые выделяют постройку из группы новгородских памятников такого типа. Полукруглая в плане апсида, членение фасадов на три неравные части, одноглавие - обычные приёмы в культовой архитектуре Новгорода второй половины XIУ-нач.XVШв.в., с оговоркой, что некоторые церкви XV столетия, выстроенные на основе более древних, и церкви XVI-нач.XVШв.в. представлены в разнообразных вариантах, характеризующих влияния и течения других "школ" и прежде всего общерусской в сочетании с традиционной, местной. В данном случае я имею ввиду местную архаическую традицию.

Особенности памятника такие. Его пол был поднят на значительную высоту по сравнению с поверхностью земли. Это обстоятельство позже нашло объяснение. Барабан церкви, восьмигранный снаружи, внутри имеет цилиндрическую форму. Кроме того, почти вся внутренняя поверхность его, кроме купола, покрыта ~~полосниками~~ ^{заложенными} в кладку стен глиняными горшками открытой горловиной к поверхности стены. Такие же полосники имеются и в парусах между подпружными арками. Снаружи окна и рёбра барабана украшались когда-то изразцами.

Четыре столба церкви, несущие своды и барабан, на рёбрах имеют выемки, позволяющие квалифицировать их как крестчатые. Основные пролёты церкви (ветви центрального крещатого в плане помещения) перекрыты полусомкнутыми сводами. Они в общем-то характерны для архитектуры конца ХУП-первой половины ХУШв.в., а в жилых и хозяйственных постройках встречаются уже в ХУТ и даже конце ХУ в.в. Подпругные арки здесь выражены слабо и со стороны помещения не видны. Они поднимаются над сводом всего на толщину половины кирпича и просматриваются на чердаке здания. А вот угловые своды решены оригинально, в редко встречающемся варианте. Половина их, опирающаяся на смежные стены угла, — часть сомкнутого свода, противоположная сторона, опирающаяся на арки столбов, — часть крестового свода.

Пол церкви в восточной части был подвышен на одну ступень — солея.

Оконные и дверные проемы не имеют какого-либо декора. Они значительны по размерам и типичны для Новгородской архитектуры конца ХУП-перв.половины ХУШв.в.

Верхняя часть основного объёма и карниз, решенный в формах классицизма, сделаны в начале ХІХ столетия. Подобный карниз в это же время надложен и на апсиде.

Подцерковья памятник не имел.

Западная пристройка 30-х годов ХІХв. сделана в стиле ампира (классицизм) по специальному проекту. Имеет полуподвальное помещение с двумя кирпичными столбами, на которые опирался прогон перекрытия.

Верхнее помещение, в котором размещались сначала один, а затем два придела, не разделено никакими капитальными стенами, столбами или арками. Могли быть деревянные перегородки или барьеры, но о них нет никаких сведений. В северной и южной боковых стенах пристройки имеется по три высоких окна с арочными перемычками и металлическими решетками.

Западная часть здания XIX в., где стоит колокольня, имеет свои три небольшие помещения. Среднее (под колокольной) служило папертью или вестибюлем, боковые (северные и южные) – подсобными. В южном располагалась лестница, ведущая на чердак и колокольню. Помещение под колокольной и смежные связывались между собой и главным залом широкими арочными проемами. Три арки вели в церковь и приделы, два – из паперти в боковые помещения.

Ярусная колокольня состоит из трех, слегка сужающихся, каждый относительно нижнего, квадратных в плане объемов. Первый ярус почти весь поглощен этажом пристройки и архитектурно читается за счет выступа (ризолита) из плоскости западного фасада и подвышения над общим карнизом приделов. Второй ярус невысок. Фасады его гладки. С трех сторон – северной, западной и южной – имеются полуциркульные арочные проемы. Восточная стена закрыта крышей над придельным помещением. Под аркой на южной стороне – невысокий дверной проем, ведущий в шахту колокольни; в этом же уровне в восточной стене – дверь на чердак приделов. Третий ярус украшен по углам парными пилястрами с базами и капителями тосканского ордера, развитым антаблементом с гладким фризом. Во всех четырех стенах высокие арочные проемы для колоколов. Яруса на фасадах расчленены междуэтажными профилированными поясками и цоколями.

Завершение колокольни , деревянные перекрытия и лестницы, ограждения в проёмах, балки для навески колоколов, перекрытия и столярные заполнения в оконных проёмах приделов отсутствовали (илл.).

Памятник сохранился до нашего времени как продукт двух последних крупных строительных периодов — церкви 1734 года с перестроенным в начале 30х годов XIX в. верхом и придела с колокольней, возведенных в 1830-32г.г. и, наконец , с утратами военного времени.

Что вскрыли беглые исследования 1964 года?

(Они касались преимущественно самой церкви). Во-первых, указанные надстройки. Во-вторых, ~~яки~~ то , что кладка всей церкви, кроме кирпичных арок, сводов и барабана, однородна и относится к одному строительному периоду не ранее конца XVII в. Выдвигались предположительные даты 1708 или 1734 годы. Позже была установлена одновременность каменной и кирпичной кладок. В-третьих, над поверхностью земли остатков постройки 1365г., по крайней мере с фасадов, нет и их „следует искать в земле“, В-четвертых, до войны 1941-45г.г. церковь завершалась вальмовой (четырёхскатной) крышей, барабан — восьмигранным куполом, шейкой и главкой с крестом, апсида-полукуполом, придел — трёхскатной крышей, колокольня — четырёхгранным куполом, небольшой , квадратной в плане шейкой, высоким шпилем с яблоком и крестом.³²⁾

Все крыши были деревянные, покрытия — железные, покрашенные или из "белой жести" (главка, шпиль).

Несколько позже (в 1965г.) был найден снимок моста через Волхов, сделанный в начале (1911г.?) с Торговой стороны, на котором вдалеке просматривался силуэт Троицкой церкви.

32) Макарий .Указ.соч., стр.174-176.

Изображение её было настолько мало, что после сильного увеличения расплывалось и теряло четкие очертания контуров.

И все же оно помогло установить не только общий характер покрытий, но наиболее правильно нарисовать их контуры и вычислить абсолютные размеры основных элементов (илл.)).

Характер покрытий соответствовал описаниям Макария.

Стены основного объема церкви сложены преимущественно из красного камня – ракушечника Приильменских отложений известняка. Реже встречается серая и голубоватая известняковая плита. Материал явно выбран из ~~работ~~ разобранной постройки 1365 года, и здесь использован вторично. (В это время на Новгородской земле строительство велось преимущественно из кирпича). Раствор известковый, серовато-коричневатого оттенка, с наполнителем из мелкого песка, не особо прочный. А в кладке стен встречаются и кирпичи близкие по размерам, несколько отличные по цвету и, особенно, по характеру поверхностей. Песчаная, слегка расплавленная при обжиге плёнка на гранях кирпичей безошибочно датирует ~~их~~ ^{их} XII столетием. Они безусловно использованы вторично, некоторые сохранили остатки старого раствора. Их размеры колеблются от 27,5х29,5х13,0х14,0х6,0х65см. (средние – 28,5х13,5х6–6,5см). Новые кирпичи (т.е. XIII в.) такой плёнки не имеют.

Из кирпича выложены лопатки, притолоки окон и ниш, столбы, элементы декора.

Арки, своды и барабан, покоящийся на круглом в плане основании, полностью сложены из кирпича, но меньших размеров (22,5–24,0х11,0–12,0х4,5–5,5см. Э (средние 23,0х11,0–11,5х х 5,0см). В обработке декоративных нишек у основания южного и восточного фасадов использованы также же маломерные кирпичи.

В накладках и карнизах XIX в. использовался другой кирпич, по размерам близкий к современному. Его размеры 25,0x12,0x6,5 см. Из такого же кирпича выложены придел и колокольня. В карнизах церкви (и, вероятно, в карнизах колокольни) для слезниковой части использовались специальные большемерные кирпичи, достигающие в длину 50,0 см при толщине 8,0–9,0 см. Раствор кладки известковый, сероватый, с песчаным наполнителем.

На первом этапе исследований выявлены основные данные покрытий на апсиде и главном объеме памятника. На апсиде они такие. Как упоминалось ранее, карниз её надложен в XIX в. Но сохранился и старый. Он состоит из двух, выступающих из плоскости стены рядов кирпичной кладки. Вторым снизу ряд подтёсан на четвертной валик. Предполагалось, что выше первоначально (в XVII в.) выступала еще одна полочка, а над ней проходил западающий до плоскости стены еще ряд кладки, предназначенный для опоры мауэрлата стропил. Позже это подтвердилось зондированием (илл.). Под карнизом ниже на ряд кладки обнаружен декоративный фриз из двух в четверть кирпича поребриков и одного ряда бегунца в ~~кв. кирпича~~ пол-кирпича.

Форма старой кровли прекрасно читалась по четкой границе между старой штукатуркой (на восточном фасаде церкви) и обнаженной кладкой. Граница образовывала высокий треугольник. Следовательно, была пирамидальной, многогранной (повидимому, пятигранной). Несколько ниже вершины треугольника в кладке стены оставлено прямоугольное гнездо для конькового бруса стропил. В основании пирамидальное покрытие апсиды покоилось на ~~на~~ полице. На это указывали стороны треугольного отпечатка, спускавшиеся не к краю карниза, а значительно отступая

от него. Позднее, при реставрации, когда были удалены поздние накладки, на той же стене прослежены их отпечатки. Хорошо читались и контуры полукупольного покрытия XIX в. (илл.) Новая временная кровля не повторила ни ту, ни другую форму.

Сложнее было установить первоначальное покрытие на основном объеме церкви XVIII в. Для этого имелось мало данных. На углах здания всюду в верхних частях пилястр-лопаток, под капителями сохранились каменные плиты, на которые опирались подводотечные брусья и сами водотечники. Выше их все стены и карниз переложены в XIX столетии и поэтому не сохранили никаких ранних элементов и форм. Только на барабане, на гранях, обращенных к основным сторонам света, обнаружены гнезда для коньковых слег, указывающих на стропильную конструкцию крыши. Ниже слабо читались отпечатки восьмискатного пофронтонного покрытия.

На чердаке найден небольшой блок кладки треугольной формы со срезанной вершиной. Три его грани имели гладко обработанные поверхности, четвертая – неровная, сколотая при разборке. (илл.) По характеру материала (раствор кладки, штукатурка, камень) и форме блок может быть отнесен только к верхней части пофронтонного завершения стен. Таким образом, несмотря на скудность фактического материала, тип покрытия и его основные габариты определяются однозначно – восьмискатное, пофронтонное.

Был ли карниз на фронтонах, а если был, то какого профиля? В натуре не сохранилось никаких остатков от него. Но в том, что он был, сомнений не возникало. Лопатки церкви (и угловые и средние) не могли оканчиваться ничем, т.е. обрываться на обрезах стен. В таком случае мауэрлат повисал бы в воздухе, опираясь лишь на лопатки, или лопатки выступали бы за его пределы, не получив логического завершения.

Фронтонный карниз мог состоять из трех полочек.

Третья (верхняя) полочка делалась в таких случаях заподлицо с лопатками. Аналогичные решения известны. Так сделано в ц. Иоанна Милостивого и ц. Благовещения на Мячине. Обе получили пофронтонное завершение в конце ХУП столетия.

Барабан после перестроек ~~183~~ 1830-32г.г. (или позже) также утратил свои первоначальные детали. Были срублены горизонтальный поясok в его основании, колонки на ребрах, наличники окон, поясok под фризом, заложены впадины декоративного фриза. Менее пострадал сам карниз.

Все эти формы почти не требовали глубокого зондирования кладки для поисков их остатков. Штукатурка на барабане облетела, следы декора хорошо читались.

Поясок в основании барабана состоял из одного ряда кирпичной кладки выступающей из плоскости стены, — валика. Колонки на ребрах восьмигранника начинались с многопрофильной подставки — цоколька, а сами они были выполнены из почти квадратных (19,5х23,5см) изразцов, поставленных вертикально. Всюду в толще стен сохранились их остатки — части румп. Над окнами проходил второй и третий пояски, аналогичные нижнему. Между ними — бегунец из кирпичей, поставленных наклонно друг к другу ~~ширину~~ широкой стороной на ребро — своеобразный фриз. Колонки обрывались в основании фриза. Далее барабан оканчивался карнизом, состоящим из полочки, четвертного валика, полочки и западающего ряда кладки, служащего основанием для мауэрлата под главу.

Наличники восьми окон также были выполнены из больших изразцов. Они обрамляли проём по всему периметру с небольшим отступом от просвета.

Венчались наличники простым карнизом, состоящим из ряда малых фигурных изразцов (четвертной валик с полочкой) и кирпичной полочки. Все эти изразцы были обиты в 30-х годах XIX столетия, хотя остатки их (части румп), а местами даже и сами плитки с фрагментами рисунка и поливы кое-где уцелели. Кроме того, на сводах церкви в завалах строительного мусора и позже в надкладках карниза XIX в. найдено несколько обломков таких изразцов, которые позволили с достаточной точностью реконструировать их размеры, форму, рисунок и расцветку.

В декоре использовалось всего три типа изразцов: два квадратных (разного рисунка) и узкий профилированный. Но каждый из них имел два варианта расцветки, а фигурные крайние кроме того - справа или слева торцевой профиль. Первый тип квадратных изразцов имеет рисунок короны в обрамлении растительного орнамента. На втором типе рисунок напоминает стилизованное изображение средневекового герба в подобном же обрамлении. На фигурных изразцах орнамент расщепленный. Кроме того расцветка изразцов выполнена в двух вариантах: на желтом фоне и на голубовато-белом. Рисунок выполнен в слабо выраженном рельефе, местами почти сливается с фоном. Раскраска несколько небрежная, имеет потёки, появившиеся при вторичном обжиге (илл.)

И Троицкие изразцы явно печные, хотя в характере их изготовления и разницы в рисунках между печными или фасадными, если они не имели специальной тематической разработки, и предназначения, не существовало. Точно такие изразцы были найдены Т.В.Гладенко при реставрационных работах на казначейских кельях Антониева монастыря в завалах строительного мусора, Г.М.Штендером при расчистке ступени у соли

в Никольском соборе и в Хутыньском монастыре.

Оконные и дверные проёмы, за исключением некоторых, почти не подвергались переделкам. Южная стена ко времени исследований имела два больших окна одно над другим в среднем членении фасада и одну дверь в западном членении, сделанную по-видимому в XIX-нач.XXв.в. на месте окна. Окна широкие, большие, верхнее несколько уже нижних. Сохранили первоначальные формы и металлические решетки. Рамы и металлические ставни снаружи утрачены. Дверь в западной части фасада устроена за счет растески притолок и вырубки кладки ниже подоконника.

Под окнами в среднем и восточном членениях раскрыты, заложенные заподлицо со стеной в XIX в., две декоративные двухступчатые нишки, с двойными арочками.

Точно такие же нишки раскрыты в боковых членениях на восточном фасаде. В северной трети (против ~~царских врат~~ ^{жертвенника}) над нишкой имеется небольшое оконце аналогичных с южными окнами форм. Единственное широкое окно апсиды расположено на ее главной оси. Под ним — двухступчатая нишка с полукруглым верхом и вложенным в тощу кладки круглым каменным крестом (илл.)

На северном фасаде три окна: два в средней трети (одно над другим) и одно в западной, внизу. Нижнее окно в среднем членении устроено, вероятно в XIXв., на месте старого дверного проёма. Выше лежащее и западное окна несколько расширены и изменены в XIXв. Вместо арочных перемычек в них сделаны плоские дощатые.

В восточной трети внизу из плоскости фасада выступала небольшая каменная плита. В начале я предполагал, что над нею имеется небольшое, заложенное позднее оконце. При зон-

дировании вскрылось круглое отверстие, соединяющееся с нишей в жертвеннике. Это ~~княжеское~~ оказался своеобразный "кладезь" для слива грязной воды.

Декоративный и одновременно символический мотив на северном фасаде один-настенная роспись в верхней части среднего членения. Она нанесена по тонкому слою штукатурки, имеет много утрат и поздних поновлений. ^аСтарая живопись (XIII в.) просматривалась лишь в отдельных местах, где верхний слой штукатурки отпал. Роспись была четко ограничена красно-коричневой каймой. Вокруг неё – следы двух козырьков: полукруглого металлического, относящегося к XIX столетию, и первоначально в форме треугольной кровельки с боковыми вертикальными полотенцами-свесами под нею. Сохранились пять гнезд для брусков-кронштейнов и остатки самих брусков. К ним крепились кровля, боковые стенки, причелины и полотенца (илл.)

Этот настенный **киотик** был задуман и сделан ~~не~~ первоначально-гнезда для кронштейнов не прорублены, а оставлены в кладке при её возведении.

Исследование западного фасада затруднялось тем, что его значительная часть была скрыта пристройкой XIX в., предназначавшейся для приделов. Он так же, как и остальные расчленен лопатками на три части. Но средние лопатки, видимые в верхней части фасада над крышей пристройки, начинаются с уровня чердачного перекрытия в ней и ниже не идут. Предполагалось, что они срублены заподлицо со стеной и заштукатурены. Однако в нижней части фасада, обращенной в ~~е~~ подвальное помещение под пределами,

их тоже нет и не было. Вероятно, такое решение было принято и выполнено сразу при возведении новой церкви в 1734 году.

Факт можно объяснить лишь тем, что с запада проектировалась пристройка — паперть, названная в поздних документах приделом,³³⁾ а у Макария трапезной с приделом Луки.³⁴⁾ Причём, если ведомости не указывают на материал постройки, то Макарий совершенно определённо называет трапезную деревянной.

Макарий, не давая конкретной ссылки на документ, относит появление придела и трапезной к 1789 году. Срок между возобновлением церкви и строительством деревянного придела, для которого было заранее предусмотрено место и соответствующая обработка фасада, довольно большой — 55 лет.

Может быть в публикации Макария появилась опечатка и дату следует читать не как 1789, а 1739 г.? Тогда разница в строительстве каменной и деревянной частей составит всего лишь 5 лет. Но и в этом случае церковь не могла обойтись без паперти и крыльца из-за высоко поднятых пола и порогов в дверях. Ситуация может быть истолкована двояко и даже трояко: паперть (или трапезная) вместе с крыльцом были построены одновременно с каменной церковью, а придел в ней оборудован и освящен в 1739 или 1789 годах; сначала существовало лишь ж деревянное крыльцо, а паперть с приделом сменили его в указанные годы; наконец, на смену первоначальному крыльцу сделали паперть трапезную и позже в ней открыли придел Луки.

33) ГАНУ, ф. 480, оп. I, № 1760, л. 45 об. (1790 г.) ; № 2145, л. 10 об. (1807 г.) ; № 2658, л. 48 об. (1824 г.) Подобные записи в ведомостях 1791–1804 г. г. 1809–1817 г. г. и 1826 г.

34) Макарий, Указ. соч., стр. 173–174.

Предпочтение одному из этих вариантов отдать трудно, Единственным моментом, указывающим на обширность задуманной пристройки, может служить, низкое, но довольно широкое окно в нижней части западной стены у юго-западного угла. "Лежачее" окно решено так же, как и все остальные, только перемычка в световом проеме была не арочной, а плоской, деревянной и металлическая решетка вставлена горизонтально, а не вертикально.

Вероятно, подобное окно было и в северной части стены. Но стена в этом месте на обширном участке пробита и переложена вновь в XIX в. так, что следов от окна не найдено. Учитывая два этих факта – отсутствие лопаток в нижней части фасада и "лежачие" окна (или окно) интерьерного характера, – можно утверждать лишь то, что паперть-трапезная занимала всю или почти всю ширину западного фасада.

Еще одно окно располагается в средней части западной стены. С внешней стороны оно заложено в XIX в. и скрыто крышей, появившейся в это время при возведении каменного придела. По форме окно такое же как и остальные. Косвенно оно вместе с средними лопатками, начинающимися примерно в уровне подоконника свидетельствуют о том, что деревянная пристройка при её значительной ширине была короткой и перекрывалась односкатной крышей.

Односкатная крыша подтверждается и двумя декоративными, трех-уступчатыми прямоугольными "лежачими" нишами, расположенными слева и справа от верхнего окна. Ниши предназначались для вставных икон или настенной живописи. Обе сейчас скрыты крышей над приделом. Если предположить двухскатную пофронтонную крышу над деревянным приделом, то и они окажутся либо скрытыми по дню, либо пересечёнными её скатами.

Деревянный придел и его крыша были значительно ниже существующего каменного. Они были задуманы явно одновременно с церковью, отчего западный фасад получил своеобразное решение.

И, вероятно, лишь нехватка средств принудила заказчиков и строителей делать придел-паперть деревянной, а не кирпичной.

Поздние переделки малом коснулись интерьера церкви, если не считать полностью утраченных иконостаса, престола, скамьи горнего места (вероятно деревянной), клиросов, полочек в нишах и другого встроенного и передвижного оборудования, в том числе и паникадила.

Многие документы отмечают, что Троицкая церковь была холодной, т.е. не отапливалась, противопоставляя ей теплый придел, позже — два придела. И всё-таки в более позднее время, вероятно, в конце XIX — начале XX в. в ней устроили отопление. Какое оно было, сказать трудно. В северо-западном отделе помещения, где старая кладка значительно выломана и стены перелицованы, имелись остатки печных дымоходов, сделанных из кирпича на глине. По внутреннему периметру стен в восточной части церкви над полом обнаружены горизонтальные каналы, также прорубленные позднее и залицованные аналогичным образом. Они как-будто бы свидетельствуют о подогреве пространства за иконостасом с помощью горячего воздуха. Но, повторяю, всю систему отопления ~~раз~~ разгадать не удалось.

В жертвеннике, диаконнике и других местах хорошо сохранились различные ниши для хранения просвирок, вина, ладана, облачений (одежды), посуды, свечей, книг и прочих принадлежностей и предметов, связанных с ^потправлением религиозного культа.

Троицкая церковь после возведения её заново снаружи и внутри была оштукатурена известковым раствором, нанесенным тонким (4–8 мм в среднем) слоем способом обмазки под мастерок.

Она всюду сохранилась на больших участках, но лучше в интерьере. Позже по ней было нанесено несколько слоёв побелки. В XIX столетии штукатурка неоднократно ремонтировалась, а фасады церкви были раскрашены, как придел и колокольня, в два цвета – желтый и белый при зеленых кровлях и окрытиях на карнизах, архивольтах и поясках.

Итак, первоначальная архитектура церкви (1734г.) раскрыта с достаточной полнотой. Почти все её формы и детали, кроме полностью утраченных деревянных паперти с приделом, крылец, главы, воссоздаются на прочной, научно обоснованной базе. Перед нами предстал памятник первой половине XVIII столетия, в котором оригинально отразились старые, почти патриархальные традиции Новгородского храмоздательства и более поздние течения, которые к этому времени тоже начинали стареть. Действительно, налицо привычная для памятников конца XIII–нач. XV столетий архитектурно-конструктивная схема постройки и в то же время восьмигранный барабан, его изразцовое убранство, большие окна и некоторые другие мотивы – дань времени конца XVII–нач. XVIII в.в., еще свежего в памяти заказчиков и строителей новой Троицкой церкви.

Придел–трапезная с колокольной сохранили почти все свои первоначальные формы, за исключением упоминавшихся перекрытий, крыш, лестниц, некоторых элементов интерьера и других ~~частич-~~ частных деталей. Отпечатки и гнезда для балок и стропил однозначно отражали формы и конструкции перекрытий и крыш. Обрезы стен и гнезда для балок внутри колокольни зафиксировали количество и местоположение площадки, гнезда в ее арочных проемах задавали габариты и сечения ограждений и балок для навески колоколов. Завершение колокольни известно по описанию Макария и старой, хотя и "слепой" фотографии. Профили карнизов, поясков, архивольтов и много декора

частично уцелели в натуре и зафиксированы в ранних послевоенных снимках. Придел и колокольня — типичная в постройка провинциального классицизма.

В какие же годы перестраивалась сама Троицкая церковь, получившая облик близкий к стилю ^{того} классицизма?

На проектной чертеже, предназначенном для в придела и трапезной, постройка изображена уже не с восьмискатным покрытием и луковичной главой, а с пилястрами, классическим карнизом, вальмовой крышей, куполом, шейкой и главкой на барабане. Был ли это заказ церковного притча и прихожан или прихоть и предложения проектировщика — сказать трудно. Но в документах о строительных работах 1830—1832 годов переделки эти не нашли никакого отражения, что позволяет отнести их к более позднему времени.

Известно, что после пожара 1838 г. церковь пришлось ремонтировать и заново освящать в следующем 1839 году. Эту дату и можно принять как наиболее возможную. Вторая вероятная дата — 1859 г., когда в западной пристройке оборудуется и освящается второй придел — придел Воздвижения. Пока ясно одно: какое-то время в течение 7—9 лет или в течение 27—29 лет Троицкая церковь сохраняла основные формы XVIII столетия, в том числе восьмискатное покрытие, луковичную главу, изразцовый декор барабана и два одновременных сооружения не имели законченного стилевого единства. (Допуск в датах — 7—9 лет, 27—29 лет приведён из-за того, что неизвестно, были ли закончены все строительные работы, кроме иконостаса и внутреннего оформления, в 1830 году или они продолжались до 1832 года). Факт важен для разработки проекта и реставрации памятника в формах XVIII столетия в при сохранении и реставрации придела и колокольни в формах XIX в. Об этом еще раз будет сказано позже.

Наибольший интерес представляют данные, полученные в результате исследований и раскрытия остатков памятника середины XIV столетия. Они велись уже в процессе реставрационных работ и были закончены перед их окончанием.

Разведка начата глубоким зондажем в полу церкви, который правильнее называть шурфом. Он заложен в пространстве, ограниченном северо-восточным столбом и двумя противостоящими стенами, т.е. в жертвеннике (илл.).

Послойно сняты плиты пола I734г. толщ. 6-7см, песчаная подготовка под ними до 10см, почти однородный слой строительного мусора, образовавшегося от разборки памятника I365г., -182-183см песчаная подготовка под пол XIVв. - 5-10см и часть черной земли (выброшенного культурного слоя), перемешанной с кусочками камней, кирпичей, известкового раствора. Сам древний пол не сохранился. Его очевидно сняли до разборки первоначального каменного здания. Максимальная глубина вскрытия от поверхности пола - 2,4м.

Характер наслоений стал ключем к разгадке причины, заставившей строителей поднять пол почти на 2м над поверхностью земли. Церковь I365г. не просто обрушилась или была обрушена, а постепенно разбиралась. Годный в дело материал выбирался для вторичного использования, а весь оставшийся строительный мусор ~~ихулият~~ сбрасывался в церковь, где разравнивался и уплотнялся. Возможно, что туда же были переброшены и те отходы, которые скапливались снаружи, или по крайней мере часть их. Такой способ разборки объясняет и то, что части стен, обращенные в сторону помещения, пострадали меньше, поскольку были защищены толщей завала. В то время, как с фасадов облицовка сбита почти до верхнего обреза, фундаментов.

Строительный мусор в помещении лежал рыхлым слоем, имел много пустот, был переувлажнен и промерзал на толщину до 0,6м и более. (Работы мы проводили в конце декабря 1975г.). В завале кроме битых, кирпичей, камня и кусков раствора встречались куски прогнившей древесины, относительно хорошо сохранившийся фрагмент круглого дерева, битая керамика (горшки-голосники), фрагменты штукатурки с темперной и масляной покраской, но без следов живописи(!)

Почти сразу же под полом ХУШв. вскрылись участки восточной и северной стен и фрагмент квадратного столба от постройки 1365 года. Стены и столб сложены из серых и темно-красных известняковых камней на известковом растворе. Встречались кирпичи с характерной для этого времени песчаной поверхностью. Их размеры - 27,0-28,0х13,0-14,0х6,0-6,5см.

Столб ХУШв. покоится непосредственно на столбе ХІУв., но несколько смещен с его оси и меньше в сечении. В стенах раскрыты и очищены от мусора прямоугольные в плане углубления-ниши. Ниша в северной стене небольшая, заглублена всего на 17см, восточная, наоборот, западает на 105см. Обе начинаются непосредственно с верхнего обреза фундамента. Верх их не сохранился. На кладку древних стен опираются стены новой постройки. Первые ряды кладки сделаны небрежно: камни не подтесаны, не выровнены, раствор не заглажен. Очевидно, работе мешал строительный мусор, скопившийся в помещении. Кроме того эта часть стены оказывалась ниже уровня пола (илл.)

8 января 1976г. на объекте состоялось заседание научно-реставрационного совета совместно с представителями органов охраны памятников. Было предложено удалить строительный мусор со всей площади церкви и тем самым раскрыть все сохранившиеся части памятника XIV столетия.

Пол сделать примерно в уровне старого по балкам. Здание ~~получало~~ дополнительное помещение-подвал. Предложение было принято.

Под полом XIVв. всех участках характер наслоений был одинаков. В мусоре не найдено каких-либо интересных деталей, кроме обломков кирпичей, скругленных с торца на вал. Они встречались только в помещении апсиды и, вероятно, принадлежали её декору на фасаде.

Вскрыты все остатки стен первоначального памятника. Лучше других сохранились северная стена, северный участок восточной стены и апсида. Юже-западная стена и ~~восточная~~ совсем мало-южная. От нее уцелело лишь два-три ряда кладки над обрезом фундамента, в то время как северная достигла полутора метров. Обнажились нижние части всех четырех квадратных в плане столбов. Из-за сырости и промерзания кладки столбы были пронизаны зигзагообразно спускающимися вниз трещинами. Их позже пришлось инъектировать цементным раствором.

(илл.)

Судя по обнажившимся остаткам памятника XIVв., он казался типичной культовой постройкой, характерной для архитектуры Новгорода на протяжении довольно солидного отрезка времени - с конца XIII по середину XV столетий.

Обращали на себя внимание лишь ниши в жертвеннике, ^иначавшиеся с самого обреза фундаментов, в то время как в других построй-

ках их подоконные части располагались примерно в метре от поверхности пола. Это обстоятельство и позволило позже, после дополнительных исследований раскрыть такие формы памятника, которые позволили судить о нём, как совершенно необычном, ни ранее, ни позже не встречавшемся на новгородской почве архитектурном сооружении.

Но об этом позже.

Одним из главных моментов, которые предполагалось выяснить, — наличие или отсутствие в первоначальном памятнике притвора (или притворов). Вначале велись поиски западного притвора. В подвале придела для устройства перекрытия закладывались два кирпичных столба по продольной оси помещения. Отрыты 2 ямы I, 2xI, 2м при глубине в I, 0м. Под кирпичным полом (6,5см) вскрыт слой строительного щебня (10—15см), слой черной земли (культурный слой, до 60—65см) и деревянный пол на круглой балке от какого-то старого сооружения. Впрочем, в восточной яме обнаружены только 6 два бревна. На глубине около 80см от пола встретилась грунтовая вода. Отрытие ям прекращено. Никаких остатков и данных, указывающих на существование каменного притвора с запада не получено (см. "Дневник работ"... Архив НСНРПМ, № л. 7иоб.). Назначение деревянной постройки из-за малых размеров вскрытого участка определить не удалось. Вряд ли это остатки деревянной церкви. Пол настлан в направлении север-юг. Традиционно он делался по продольной оси помещения, в направлении основного движения.

Специальный шурф (№1) для этих же целей заложен в северо-восточном углу в подвала. Его выполнял и фиксировал архит. Попов В.А. осенью 1977г. (илл.). Из-за высокого уровня грунтовой воды, появившейся в на глубине 0,3м от кирпичного пола, его открытие тоже пришлось остановить, пройдя до отметки 0,9м. Нахождения почти аналогичны предыдущим. Встречены неизвестного назначения деревянные конструкции. Признаков древнего каменного притвора не обнаружено. Их не найдено и на нижней части западной стены, которая открылась после очистки подвала от строительного мусора. Всё вместе побудило сделать заключение: первоначальная каменная церковь ни в 1365 году, ни позже не имела каменного притвора.

Западная стена древней постройки исследовалась двумя зондажами на ее внутренней поверхности и тщательным осмотром внешней стороны.

Первым зондажем (№ I, илл.) раскрыты остатки дверного проёма во внутрстенную лестницу, ведущую на хоры. Лестница начиналась у юго-западного угла и поднималась в толще стены в северном направлении. Дверь находилась здесь же. Часть её открылась при выборке строительного мусора. Сохранились порог и часть северной (правой) в притолоки. Левая (южная) утрачена полностью. Древняя кладка здесь сохранилась плохо и обрывается на 0,53м ниже порога. Нарушена часть порога в этом месте, а с нею утрачены и отпечатки притолоки. Видимо, она выступала не более как на 0,5 кирпича относительно плоскости южной стены. Эта величина определяла и ширину проема, близкую к 0,6м.

За проёмом вся стена переложена в XIII столетии.

Не уцелели ни первые ступени лестницы, ни наружная стена лестничного корридора. Стена, обращенная в сторону помещения, сохранилась. Она выложена из⁷ камней и частично из кирпича. Её толщина — 0,3м.

Уцелевшая притолока проёма сделана с заметным уклоном к его вертикальной оси. Это прослежено и в некоторых других местах памятника. Сужение всех основных элементов по высоте, вероятно, было характерной чертой Троицкой церкви.

В средней части западной стены раскрыты остатки портала. (Зонд. № 2) От него уцелели остатки порога, точнее — его сторона, обращённая к помещению, левая (южная) притолока на высоту около 0,9м, слабый отпечаток правой (северной) притолоки. Закладка проёма была сделана на расстоянии 0,35–0,40м от внутренней плоскости стены. Вдоль левой притолоки её разоб-
разбили по заднюю закладку глубиной до 0,3м. На расстоянии 0,68м от угла гладкая поверхность притолоки оборвалась. Вероятно в этом месте находилась четверть для дверного полотна, сбитая при строительстве 1734г.

Наибольшая ширина проёма в его основании со стороны помещения равнялась 1,65–1,66м. Притолоки были немного скошены внутрь и, вероятно, также сужались кверху, Хотя малая высота уцелевшей не позволяет утверждать это с полной уверенностью.

К северу от портала в 1,12м сохранились остатки ниши. Низ её залегает на отметке — 1,81м относительно условного нулевого уровня, принятого при обмерах памятника. Видимо в этом уровне находился и старый пол, снятый при строительных работах XVIII столетия. Уцелела часть северной притолоки

(на высоту 0,8м) и фрагмент задней стенки у неё. Глубина ниши 0,3м. Ниша была довольно широкой, т.е. доходила до северной стены. Но северная её граница точно не прослежена. Не найдены следы и арочный перемычки. Вероятно она была выше границы между первоначальной и поздней кладками (илл.).

Как и ~~в~~ все другие стены памятника XIVв. западная снаружи почти полностью перелицована в 1734 году. Здесь причиной этих работ послужила внутрискладовая лестница на хоры, ослаблявшая конструктивную цельность и прочность массива. (О наличии хор в ранней постройке мы знаем из " Описания семи новгородских соборов" конца XVв.: "... на Рядядине улице Троица , а на полатях Знаменье пречистые) Новая стена сделана значительно тоньше старой, от которой с внешней стороны ~~н~~ уцелело несколько рядов кладки. Отмечу существенную деталь , важную для дальнейших выводов : на остатках древней стены внизу по фасаду не обнаружено лопаток. Их не было! (илл.).

Третий зондаж сделан с внутренней стороны в закладке северного портала у его восточной притолоки. Северный портал сохранился значительно лучше западного. Его контуры хорошо просматривались после удаления строительного мусора и очистки поверхности стены от загрязнений. Плита порога ~~прелегает~~ залегает на отметке -1,59м от условного нулевого уровня (против отметки 1,48м у западного). Притолоки сохранились на высоту 0,82м-западная и на 0,70м-восточная. Закладка разобрана на половину толщины всей стены (0,55м). Размеры зондажа по внешним контурам 1,05х0,80м. На расстоянии 0,55м от угла притолоки встречена выступающая четверть шириной 0,29м,

к которой примыкало дверное полóтнице. Под четвертью—другой порог, поднимающийся над первым на 17см (отм.—I,42м). На четверти сохранились остатки штукатурки, возможно первоначальной.

Притолоки портала сделаны со скосом (сужением внутрь) до 6см каждая и заметно наклонены к вертикальной оси проёма (илл.).

Наружный профиль портала раскрывался разборкой поздней закладки с противоположной, наружной стороны (зонд.14). Зондирование велось одновременно с отрывом шурфа против этого места, поскольку порог портала залегал значительно ниже современной поверхности земли. Размеры зондажа— 0,68х0,98х0,67м (глубина). Благодаря ему и предыдущему зондажу профиль восточной притолоки портала раскрыт полностью (илл.).

Снаружи портал был оформлен двумя уступчатыми четвертями: первая глубиной 8 и шириной 9см, вторая соответственно 8х16см. Глубина притолоки за последней четвертью (в световом проёме)— 50см, Глубина всего портала (толщина стены)—I,22м (илл.).

Наружная грань "перспективной" части портала и первая четверть сделаны из кирпичей, поставленных на ребро, вторая четверть —из кирпичей, уложенных плашмя. Подобным образом выполнен южный портал в ц.Федора Стратилата на Ручье, построенной в 1360—1361г.г. (Реставрация Л.М.Шуляк).

Нижняя часть восточной притолоки с поверхности нарушена. Да и сохранилась притолока по высоте меньше, чем со стороны помещения. На здоровой поверхности уцелели фрагменты сплошной известковой обмазки (штукатурки под мастеров) с простейшей геометрической росписью: вертикальные полосы по внутренним углам, шириной по 3,5см (1,5+2,0см) и горизонтальные по лицевой стороне шириной 5см через 4,5см каждая.

Полосы, вероятно, изображали кирпичную кладку с утопленным рядом или с толстым слоем раствора. Они темные, почти черные, но первоначально, возможно, были темно-красные и могли потемнеть при пожарах.

Относилась ли сплошная обмазка только к декоративному оформлению портала или покрывала все фасады—установить не удалось.

Частично раскрывалась и западная притолока. Но она сохранилась гораздо хуже.

Обе они, как и с внутренней стороны сделаны с заметным наклоном к вертикальной оси портала. Ширина двери по наружным контурам у порога — 1,54м, в свету—примерно 1,02м. Оба ^{при реставрации}зонтажа (№3 и 4) заложены не полностью, у восточной притолоки оставлен просвет. Снаружи он закрыт срубом деревянного крыльца.

Поиски портала в южной стене церкви ни к чему не привели. Первоначальная кладка здесь плохо сохранилась ниже предполагаемого порога. Да его могло и не быть вообще. Во-первых, довольно часто культовые постройки этого времени имели всего лишь два входа, обращенных как правило к центру города, к площади, улице. Причем, западный был обязательным, а боковой мог находиться либо в северной, либо в южной стене. Среди этих памятников такие: цц. Иоанна Богослова на Витке, Рождества на Красном поле, Петра и Павла на Славне, Дмитрия Солунского на Торговой стороне, Воскресения на Мячине (перестройка ХУв.), Петра и Павла в Кожевниках. Троицкая церковь как раз представляет аналогичный вариант: её западный фасад обращен в сторону Большой (Великой) улицы, северный выходит на Редятину и смотрит на детинец, а к южному, по-видимому примыкала перестройка городской усадьбы.³⁵⁾

35) Б.А. Колгин, А.С. Хорошев, В.Л. Янин. Усадьба Новгородского художника ХПв. М., 1981г., стр. 7-8 и 15.

Во-вторых, в том, что постройка 1734г., сделанная на основе церкви 1365г., имела такие же два входа-западный и северный - следует видеть укоренившуюся традицию. Тем более, что планировка этого участка Софийской стороны не претерпела существенных изменений.

Зондаж № 5 сделан в основании северо-восточного угла с целью поиска угловых лопаток. Хотя западная стена дала отрицательный ответ (лопаток не было), - оставалось сомнение: а не начинались ли лопатки выше сохранившейся кладки, а раскрытая часть западной стены являлась цоколем, на котором они покоились? Может быть лопатки были только на углах памятника ?

Как и предыдущий, этот зондаж делался одновременно с открытием шурфа. Снаружи первоначальная кладка сохранилась на незначительную высоту. Для опоры лопаток 1734г. в её толще и в древнем фундаменте была сделана неглубокая борозда, в которую заведён дополнительный фундамент в четыре ряда валунной кладки на известковом растворе. От старых лопаток ничего не сохранилось. Тогда была разобрана часть кирпичной и валунной подлицовки. За ней кладка 1365г. тоже оказалась поврежденной, кроме одного ряда, лежащего в одной плоскости со стеной. Но в поврежденные участки оказались у самого угла церкви и не превышали ширину 23-25см., что меньше длины кирпича. Срубленных кирпичных точек тоже не оказалось. Вывод один: ранняя церковь ни средних, ни угловых лопаток не имела (илл.).

Последний зондаж (№6) сделан в юго-восточном углу церкви, в диаконнике. Первичная кладка стен сохранилась здесь хуже и восточная "ниша", аналогичная нише в жертвеннике, была добротно заложена камнями при работах ХУШв.

От "ниши" сохранилась только левая плоскость, с правой стороны все разобрано и выложено вновь. Зондирование сделано на глубину до 1,18 м. Боковая плоскость ниши уцелела на протяжении лишь 0,87 м и дальше старая кладка вообще обрывалась. Остатков ниши в южной стене не найдено. Но, судя по схожести этого угла с жертвенником, архитектурно решены они были одинаково, может быть с небольшой разницей в размерах.

Восточные "ниши" жертвенника и диаконника оказались вовсе не нишами в прямом смысле, а прямоугольными апсидами. Но это выяснилось лишь при отрытии шурфов снаружи.

Всего у памятника сделано 5 шурфов. Об первом уже рассказано. Шурф № 2 заложен в апсиде по её продольной оси против горнего места. Традиционная ниша с полукруглым верхом и значительная часть каменной скамьи-седалища сломаны при перестройке памятника. Уцелел лишь незначительный фрагмент седалища на северной стороне.

Цель шурфа - исследование древнего фундамента. Яма прошла через толщу черной земли-культурного слоя. Никаких интересных находок не встречено. Попадались слои щепы, золы и древесного угля, небольшие прослойки песка и глины случайной конфигурации (илл.).

Под стеной XIУв. открылся её фундамент. Верхние два ряда валунной кладки уложены на известковом растворе, в состав которого при производстве работ были добавлены куски кирпичей и битого камня. Ниже валунная кладка сделана "насухо", без раствора. Целоты между камнями забиты были землей, выброшенной из траншеи. Вся эта кладка резко, с большим отступом заглублялась под стену. Удалось вскрыть два-три ряда. Открытию шурфа глубже помещала грунтовая

вода, поступавшая с неослабевающим напором. Стенки шурфа начали оползать. Вода угрожала разрушением и самому фундаменту, камни которого ни чем не были скреплены между собою и стали выпадать. Пришлось остановить работы и засыпать яму. Глубину заложения фундамента и основание под ним не удалось установить.

Третий шурф (илл.) сделан у северного фасада против портала. Его длина (вдоль стены) 2,25м, ширина — 1,80м, глубина (максимальная) — 1,85м. На всем участке грунт оказался перекопанным и, вероятно, неоднократно. В верхней части он состоял из слоя строительного мусора XX столетия, накопившегося за время нескольких ремонтов. Толщина его колебалась от 17 до 60см, а местами и до 115 см. Вероятно, заполнялась какая-то яма. Под мусором лежал слой черной земли с вкраплениями кусков известкового раствора, битых камней и кирпичей, костями из нарушенных захоронений. У самого фундамента, вплотную к нему встретилось и сама захоронение, и тоже полуразрушенное. Уцелели две поставленные на ребро плиты ~~вдоль~~ ~~вдоль~~ под прямым углом друг к другу, — южная и восточная. В западной стороне, где нами сделано небольшое углубление, вскрылись череп и несколько костей. По характеру захоронения можно датировать XII—XIII в. С тем, чтобы не нарушать его и из-за выступившей грунтовой воды отрытие шурфа остановлено на отметке -3,10м от условного нулевого уровня.

Поверхность стены под порогом портала сильно разрушена в связи с ~~ее~~ усиленным увлажнением и размораживанием кладки. Похоже, что над обрезом фундамента она была сделана уступами (цочоль в один — два или три ряда?) Но сколько было уступов и где они проходили точно устано-

вить не удалось.

Обрез фундамента находится на 0,90-0,97м ниже порога. Верх фундамента выложен из тонких, но широких известняковых плит на известковом растворе. Ниже фундамент сложен из камней-валунов насухо. Открыто только два ряда их и прощупан третий.

К востоку за погребением фундамент резко утолщается, что подтверждает датировку могилы. Строители XIУв. при открытии траншей натолкнулись на саркофаг и обошли его. Он оказался как бы включенным в кладку фундамента. Традиция производить захоронения у церквей и в монастырях сложилась вскоре после введения христианской религии. Здесь оно сделано поблизости от стоявшей ранее деревянной церкви.

Очередная попытка исследовать фундамент и одновременно проверить наличие лопаток в первоначальной постройке (зондаж № 5) сделана шурфом № 4 с северной стороны у северо-восточного угла памятника.

Размеры шурфа (максимальные) : вдоль стены- 2,95м, поперек- 2,00м, вглубь-2,10м. Вскрыты слои (сверху вниз): черная земля, перемешанная со строительным мусором (слой XXв.) -до 14см; строительный мусор (XXв.)- 6-13см; черная земля-гумус (слой после 1734г.)- до 12см; строительная прослойка, образовавшаяся при возведении церкви вновь в 1734г., - 7-17см; перекопанная при захоронениях черная земля с костями и строительным мусором (до 1734г.). В юго-восточном углу шурфа слои нарушены при подводке дополнительного фундамента под угловые лопатки.

И здесь открытие шурфа остановил непрерывный поток грунтовой воды (отм.-2,10м) не позволивший дойти до подошвы фундамента. Материк же, как показали впоследствии раскопки

Новгородской археологической экспедиции, залегает на большой глубине, достигающей 5–6 метров.

Вскрыто всего четыре ряда валунной кладки .

Два верхних уложены на известковом растворе, нижние – насухо. Поверх валунов кладка сделана из широких известняковых плит – выравнивающий слой. Плиты выступают от плоскости стены до 0,5–0,6 м при толщине около 0,15 м. Валунный ряд верхнего ряда фундамента выступают еще больше – до 0,7 м. Книзу фундамент несколько сужается, повторяя профиль траншеи. С помощью металлического стержня под водой прощупан 5-й ряд кладки. Глубина заложения и подошва фундамента не определены.

Наиболее интересные данные получены в пятом шурфе, заложенном у юго-восточного угла церкви и апсиды с внешней стороны памятника. Его максимальные размеры 4,5 (север-юг) х 2,4 (запад-восток) х 2,9 (глубина) м. Это почти раскоп. Размеры его обусловлены древней кладкой, вскрывшейся под поздними наслоениями грунта, что и заставило расширить ранее намеченные контуры (илл.)

Сняты следующие слои (сверху вниз): 1) строительный мусор XX в. – 8,0–20,0 см ; 2) черная земля со строительным мусором (слой после 1734 г.) – 20,0–38,0 см ; 3) строительная прослойка 1734 г. – 2,0–4,0 см ; 4) перекопанный грунт со строительным мусором и остатками захоронений – до 170,0 см. На отметке – 3,36 м (от условного нулевого уровня) появилась грунтовая вода, из-за которой ниже лежащие слои не удалось проследить, хотя её периодически отливали ведрами. В западной части шурфа 2-й и 3-й слои были нарушены при работах XX столетия.

Прежде всего было подтверждено отсутствие угловых

лопаток на фасадах старой церкви. Над обрезом стены (выравнивающий ряд), поднимающемся на 5-7 см, уцелел ряд кладки собственно стены. Кладка ровная, гладкая, проходит до самого угла. Никаких выступов, т.е. лопатки нет.

На остатки стены XIV в. уложены валуны нового фундамента, относящегося уже к XV в.

На углу их два ряда, к северу - один ряд.

Стена I734 г. сделана с отступом от стены I365 г. на I7 см. И дальше новая стена имеет обрез над рядом каменной кладки в глубину до I4-I5 см., т.е. на толщину угловых лопаток.

Внешний контур первоначальной апсиды раскрыт в северо-восточном углу шурфа на участке протяженностью в 0,7 м над фундаментом, верхняя часть которого на толщину одного-двух рядов валунной кладки разрушена, с обрезом глубиной до 0,5 м начинается сама стена, поднимаясь на высоту 0,345 м. Но наружная часть верхних рядов срублена. На старую стену уложен в три ряда валунов фундамент XV в. и стена апсиды этого же времени.

Контур апсиды I734 г. западает относительно контура апсиды I365 г. на 0,4 м. Значит стена первоначально ^{го} алтаря была значительно толще и равнялась толщине остальных стен церкви? Вряд-ли. Такие случаи в памятниках конца XIII - первой половины XV в. Нам не известны. Вероятнее всего раскрытый участок был цоколем с глубоким обрезом перед самой стеной. На него часто опирались вертикальные жгуты-валики декоративного оформления, как, например, в ц.ц. ~~Спаса на Ильине~~ Спаса на Ильине, Петра и Павла в Кожевниках, Рождества на Молоткове и др. Обрез на апсиде был

сделан значительно выше, чем на остальных стенах.

Это, судя по приведенным примерам, было характерно и традиционно.

Пожалуй самое важное открытие, которое преподнес этот шурф — остатки юго-восточного прямоугольного в плане алтаря. Его южная стена отстоит от юго-восточного угла церкви к северу на 1,3 м., восточная — на расстоянии 1,55 м от стены основного объема, примыкая к полукруглой апсиде. Первая сохранилась на протяжении 0,54 м, вторая — на 0,60 м от апсиды. Размеры даны по цокольной части памятника. Внешний угол разрушен, но хорошо воспроизводится по направлению плоскостей (илл.). Обнажившаяся кладка этого выступа сплошная, монолитная и общая с толщей восточной стены четверика. Такой же сплошной фундамент под ней. С юга он выступает на 0,40–0,45 м, с востока (его граница вскрыта на полностью) его обрез превышает 0,70 м. Верхняя часть фундамента в его угловой части разрушена на глубину двух рядов валунной кладки.

Итак, вскрылись контуры прямоугольной в плане боковой апсиды.

Внутренние контуры апсиды не сохранились — кладка уцелела на высоту всего нескольких рядов и ниже уровня древнего пола. Но их не трудно воспроизвести, ориентируясь на раскрытые зондажами плоскости "ниш" в жертвеннике и диаконнике.

В правильности определения того, что раскрытые остатки юго-восточного угла церкви являлись основанием прямоугольной апсиды, особых сомнений не было, хотя в Новгороде и его окрестностях нам пока не известны аналогичные примеры. Для большей убедительности у северо-восточного угла памятника был удален поздний строительный мусор, под которым вскрылась по-

ности и первоначальном появлении отпадали: кладка фундаментов непосредственно под столбами и между ними совершенно однородна, идентична.

Продольных фундаментов между столбами нет. Это наводит мысль на разгадку такой схемы фундаментов, но далеко не бесспорную. Поперечные ленточные фундаменты под столбами, наряду с мощными фундаментами под западной стеной и боковыми апсидами на востоке, ^{МОГЛИ} служить по мнению строителей своеобразными подпорными стенками на пути мощного потока грунтовых вод, стекающих на восток к Волхову. Возможно и позднее люди знали о таких подземных ручьях, предложив строителям XIX в. заложить под колокольной сплошной монолитный фундамент на лежнях и сваях.

Некоторые итоги. Выявлены остатки памятника середины XIV столетия, о котором практически ничего не было известно до последних исследований. При общем традиционном сходстве его с группой культовых построек конца XIII-нач. XV в. в. Троицкий храм отличался яркими особенностями, расширяющими и обогащающими наши представления об архитектуре данного исторического периода. Первая каменная постройка была четырехстолпной одноглавой, но трехапсидной с хорами, на которых помещался придел Знамения. Боковые апсиды были прямоугольные, почти квадратные в плане и, вероятно, ниже средней полукруглой. Аналогичное решение известно в двух памятниках архитектуры Псковщины, но появившихся столетием позже. Это церковь в Мелётове (1461 г.) и ц. Козьмы и Демьяна с Примостью (1462-63). Фасады церкви не расчленялись лопатками, не было лопаток и на углах. В Новгороде не известны две церкви с такой характерной чертой: ц. Успения на Волотове (1352 г.) и ц. Михаила на Сковоротке (1355 г.). Судя

по отмечавшимся ранее признакам, все основные формы, конструкции и детали имели наклон к центральным осям.

Иначе говоря, в композиции постройки присутствовали черты пирамидальности. Это, в свою очередь определяет и характер покрытия на основном объеме – трехлопастное, четырехскатное.

Исследованиями и раскрытиями 1975–1979 г.г. вписана еще одна страничка в историю новгородской и общерусской архитектуры.

III. Техническое состояние памятника.

Троицкая церковь пострадала в годы Великой отечественной войны, особенно в период оккупации Новгорода (1941–43г.г.) Она лишилась покрытий, деревянных перекрытий, столярных заполнений в оконных и дверных проёмах. После первых консервационных работ 1947г., когда были возведены временные толевые покрытия над апсидой (полуконусные), центральным объёмом (вальмовое), приделом (трехскатное) и в первом ярусе колокольни (четырёхскатное), церковь простояла 17 лет. Её помещения использовались как складские.

За истекший срок кровли, опалубка и отдельные элементы стропил совершенно обветшали. Толевые листы всюду были сорваны, доски погнили, разрушались карнизы на колокольне, приделе и церкви. Более всего пострадал барабан, на котором покрытие отсутствовало. Карниз на нем почти весь осыпался, разрушалась облицовка и поверхность купола. Из-за сильных протечек и промерзания начали разрушаться центральные и угловые своды в главном объёме памятника. Но серьёзных деформаций, угрожающих основным конструкциям здания, не наблюдалось. Аварийной ситуации не существовало.

После повторных консервационных работ 1964 года памятник находился в лучшем состоянии. Работы этого времени свелись к замене толевых покрытий на шиферные (волнистая асбофанера). На апсиде по существующим стропилам сделали кровлю из листовой стали, на колокольне – небольшой шиферный шатёр. Проёмы колокольни были заделаны дощатыми щитами. На памятнике всюду вычищены карнизы. Тогда же восстановлена глава на барабане в формах, приблизительно приближенных к первоначальным.

Сделаны небольшие отделочные работы на фасадах.

В интерьере работы не велись.

К 1975 году (через 10 лет) памятник находился в сравнительно хорошем состоянии. Правда, некоторые листы шифера оказались побитыми, ~~наблюдались~~ наблюдались протечки в отдельных ~~ме~~ местах, а внешний вид памятника выглядел неряшливо. В стенах, арках, сводах, столбах никаких серьезных трещин не было замечено. Вся восточная половина церкви, относящаяся к 1734 году и покоящаяся на остатках постройки 1365 года, стояла вертикально и внешне довольно прочно. Зато пристройка 1830–1832 г.г. – придел с колокольной, – всей своей массой просела и наклонилась к западу. Причем просадка её была неравномерной: восточная сторона села меньше, западная – больше. Разрывов (трещин) в продольных стенах не зафиксировано.

Причины такого явления неясны. Церковь стоит на склоне, довольно заметно спускающемся в сторону Волхова к востоку. Даже если учесть, что склон образовался за счет накопления культурного слоя, который к западу, т.е. к Пробойной улице нарастал больше, чем у реки, всё равно общий характер рельефа оставался прежним. Прежним оставался сток грунтовых вод и его направление к берегу Волхова (точнее – к "Великому ручью", впадавшему в Волхов). Казалось бы в церкви закономерно предполагать противоположные деформации – сползание и наклон к востоку. Но этого не произошло.

Может быть причиной просадки придела и колокольной в западном направлении служат, с одной стороны, слабые фундаменты, перегрузка западной части пристройки за счет ~~мн~~ мо-

нолитного фундамента под колокольной и её двух верхних ярусов, с другой . Ещё одной причиной могут быть массивы поперечных фундаментов и под самой церковью и под колокольной , которые преградили поток грунтовых вод и вызвали размывание грунта у передовой "Плотины" а затем и просадку её-просадку фундамента под колокольной.

По "Условию", заключенному со служителями церкви , подрядчик обязан был заложить под колокольной фундамент глубиной в 3 аршина и под него забить на такую же глубину сваи. Если работы были сделаны в соответствии с договором (фундаменты здесь не исследовались) , то общая их глубина не превышает 4,3-54,5м вместе со сваями. А это, вероятно, не достигает материка и предполагаемое мною вымывание грунта у фундамента и под ним между сваями вполне реально.

Просадка пристройки могла произойти вскоре после её возведения и постепенно замедлялась или даже приостановилась. Почти ~~да~~ за все послевоенные годы такого явления не было замечено по крайней мере внешне, т.е. в виде трещин-между зданием 1734г. и приделом 1830-32г.г.

IV. Проект реставрации

По реставрационному заданию производственной группы по охране памятников при управлении культуры Новгородского облисполкома Троицкая церковь на Пролетарской улице подлежала реставрации и приспособлению под художественные мастерские НСНРПМ.^{35а)} В связи с этим для памятника был разработан проект реставрации.

Основой (материалами) для проекта послужили обмеры В.Н.Захаровой, выполненные в 1947г., дополнительные обмеры в процессе работ 1964г., исследования того же времени, дополнительные предпроектные домеры и корректировка старых чертежей, старая фотография (о ней упоминалось ранее), послевоенные фотографии памятника, ближайшие аналогии по культовым памятникам Новгорода, письменные источники, часть которых использована в отчёте о работах 1964г.³⁶⁾ Несколько позже были привлечены материалы из ГАНО (Госуд.архив Новгородской обл.) собранные научным сотрудником мастерской С.И.Сивак.³⁷⁾

Проект представлен в чертежах и пояснительных записках.^{37а)} Выполнены чертежи плана, всех четырех фасадов, двух разрезов, рабочие чертежи деталей, в том числе покрытий, купола и шпиля на колокольне, перекрытий, лестниц, крыльца, балясника на ограждения, шаблоны для карнизов, междуэтажных тяг, архивольтов,

35а) Выдано в 1974г. Архив НСНРПМ, № Р-906.

36) Л.Е.Красноречьев. Ц.Троицы в Ямской слободе (на Пролетарской улице) Отчет по обследованию и консервационным работам. Новг. 1965г. Архив НСНРПМ, № Р-536.

37) С.И. Сивак. Ц-вь Троицы в Ямской слободе в Новгороде. Выписки из архивных дел. Н., 1975г. Архив НСНРПМ, № Р-940.

37а) Архив НСНРПМ, № Р-1064 (1977г), Р-844 (1972г), Р-652 (1969г)

чертежи на столярные изделия и т.д. (илл.)

В процессе реставрационно-строительных работ продолжалось исследование памятника, выполнялись дополнительные обмеры вновь раскрытых частей, делались дополнительные рабочие чертежи, вносились дополнения и корректировки в проект

Проектом было предложено восстановление памятника с сохранением всех его разновременных объемов. Постройка 1734г. реставрировалась в формах этого времени, придел и колокольня 1830-32г.г. соответственно в формах XIXв. (илл.).

На первый взгляд решение могло показаться абсурдным. Разновременные, стилистически различные, с ~~ими~~ несовместимым идейно-художественным содержанием, как бы случайно физически связанные в одну композиционную группу две противоположные и противоречивые постройки не могут представлять цельный памятник. Совсем недавно, лет двадцать-тридцать назад в таких случаях архитекторы-реставраторы, археологи, историки решали такие вопросы просто: все поздние наслоения, обстройки и пристройки убирались как малоценные, не представляющие архитектурно-художественной, исторической, мемориальной или иной ценности. Предпочтение отдавалось более старой части памятника. И чем памятник древнее-тем лучше.

Нигилистический этот взгляд держался долго и упорно. Новгород и его окрестности ему обязаны в частности, утратой множества различных по форме и стилю колоколен.

А с потерей их город резко проиграл в своем архитектурном силуэте. Ущербный список насчитывает около двух десятков колоколен, разобранных до 1941 года, погибших полностью или значительно разрушенных в войну и разобранных в процессе

реставрации памятников.³⁸⁾ Где живописный, сказочный силуэт исконно русского города, так поразившего взор иностранного путешественника, нашедшего воплощение в иконах, миниатюрах, гравюрах, лубках, сказаниях, песнях, былинах...? Его нет. Он претерпел изрядную "прошолку"

Это—одна из причин, которая ~~уже~~ сразу же сняла вопрос о разборке придела и колокольни при Троицкой церкви.

Кроме того, как уже отмечалось, Троицкая церковь в течение нескольких лет стояла вместе с приделом и колокольней 1830 года, сохраняя свои старые, XVIIIв. формы. Не имеет принципиального значения продолжительность срока. Он мог составлять 29 лет, когда верх церкви мог перестраиваться вместе с возведением второго придела (Воздвиженского) в 1859г. И мог быть и меньше — 9 лет, когда покрытие ~~каменное~~ ^{сменяли} ~~деревянное~~ в 1839гг после пожара 1838 года. Наконец, срок мог не превышать 2-х лет и эти переделки следует отнести тогда примерно к 1832 году—году очередного освящения церкви после выполнения всех строительных работ, предусмотренных проектом. Важен сам факт одновременного существования стилистически разных построек в одном здании, связанных только функционально и композиционно.

Наконец, теперь вряд-ли у кого-нибудь возникнут сомнения в исторической, архитектурно-художественной, утилитарной ценности сохраненных и реставрационных пристроек.

38) Список утраченных колоколен": 1) в Антониевом м-ре, 2) у ц. Иоанна Богослова на Витке, 3) у ц. Бориса и Глеба, 4) на Тихвинском кладбище, 5) на Рождественском кладбище, 6) в Волотове, 7) на Городище, 8) на Сково-ротке, 9) на Нередице, 10) на Славне, 11) у ц. Успения на Торгу, 12) у ц. Георгия на Торгу, 13) у ц. Иоанна на Опоках, 14) у ц. Климента, 15) в Зверином м-ре, 16) у ц. Петра и Павла в Кожевниках, 17) у ц. Власия, 18) в Сыркове, 19) у ц. Благовещения на Мячине, 20) у ц. Спаса на Ильине...

Основные положения обоснований проекта базируются на данных натурного исследования и изложены во II-м разделе данного отчета – "Исследование памятника".

Главный вопрос – реставрация покрытий на основном объеме церкви. Форма их выявлена в натуре. Причем, для апсиды форма покрытия обосновывается безупречно: полуконусное, а точнее полупирамидальное, с полницей. (илл.)
Наиболее рациональное количество граней – пять. Полница – круглая, повторяющая внешние контуры апсиды. Мауэрлатов – два: один непосредственно над карнизом на его верхнем обресе для полницы, второй – с отступом внутрь, ближе к своду для опоры стропил.

Вверху небольшой коньковый брус, заделанный одним концом в гнездо стены и опирающийся другим на стойку. В него врубаются все стропила. Схема обичная, почти типовая, широко распространенная в народном деревянном зодчестве. О теснейшей связи между каменным и деревянным зодчеством известно многое.

Почти нет фактов о материале самого покрытия. Черепица исключается. Остаются дерево или металл. Листовое железо в то время, т.е. в первой половине ХУШв, применялось не столь часто и было дорого. Мало вероятно, что в провинциальном городе, каким стал Новгород, и для заурядной тогда постройки могли использовать металл. Остается тес. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что внешние поверхности всех сводов носят следы пожаров. Грани кирпичей и раствор между ними сильно обожжены, как будто бы на сводах пылал огромный костер. Такие же следы имеются и на барабане. Горело явно тесовое покрытие. Стропила только не могли создать высокой температуры. Видимо в этот пожар ~~ничто~~ пострадало и изразцы на барабане – ~~пожарились~~. И их пришлось срубить.

Крупных пожаров было два. Первый в 1829 г.

Горели деревянный придел, отдельно или рядом стоящая колокольня тоже деревянная и, вероятно, сама крыша.

Второй пожар был в 1838 году, внутри церкви. Горела ли при этом крыша – неизвестно. Не ясно также было ли ее покрытие еще деревянным или уже заменено железным.

Интересно в этом плане сообщение "Ведомости" за 1834 год. В ней об основной ("холодной") церкви сказано, что она построена в 1336 г. (дата ошибочная – Л.К.) "Ущанием разных сословий градских и приходских жителей". И только .

В приделе (в "Ведомости" – церкви Луки) и колокольне добавлено: "покрыты железом и выкрашены зелёною краскою".

Факт подчеркнут еще раз в п.3 того же документа. Этим как бы противопоставляется железное покрытие придела и колокольни обычному деревянному покрытию на главном храме.

Данных для формы покрытия на основном кубе церкви меньше. Это подпоточные плиты на всех четырех углах церкви, гнезда на барабане для коньковых брёвен (слег), слабые отпечатки скатов на нём же, небольшой треугольный блок кладки-щипец (вверх) фронтона. (илл.)

Но они дают довольно точные формы восьмискатного пофронтона покрытия (в старых документах называемого "тесом с потоки") и его главные размеры. Карниз, стропильная система с потоками и охлупнем, кровля спроектированы по аналогии с широко распространенными покрытиями такого типа.

Причелины даны с простейшим рисунком.

Глава в проекте оставлена такой, какой была сделана при консервационных работах 1964 г. года. Тогда данных для её формы и материала покрытия было крайне мало.

Бесспорно было то, что она была восьмигранной, как и сам барабан. Такими же восьмигранными были пять глав на Воскре-

сенском соборе Деревяницкого монастыря под Новгородом (самое начало ХУШв.) , пять глав на соборе Кирилловского монастыря (перестройка нач.ХУШв.), глава Покровской ц. в Кремле (конец ХУШв.).

В отчете 1965 г. по этому памятнику я обосновывал форму главы так: "Учитывая, что памятник довольно приземистый и что в ХУП-начале ХУШв.в., главы культовых сооружений получают довольно развитые, "набухающие" формы, троицкая глава запроектирована приземистой, "набухшей" в основании," луковичной. И далее был проделан ~~чист~~ формальный расчет пропорций памятника. Оказалось, что высота ~~высота~~ барабана составляет ровно половину высоты фасада. Отсюда высота главы принята равной высоте барабана а вместе с ним - высоте фасада до подошвы барабана. Наибольший её диаметр взят равным основанию условного равностороннего треугольника при заданной высоте. При вычерчивании формы был проделан геометрический анализ многих подлинных глав этого времени.

Разумеется , эти положения не могут считаться бесспорными. Но иного выхода не было.

Покрытие оставлено металлическим (оцинкованная сталь) хотя вполне могло быть иным, например, деревянным, лемеховым. Крест запроектирован новый, четырехконечный, тоже по аналогии. Старый, т.е. XIX столетия восьмиконечный металлический крест деформированный лежит на своде апсиды. Он не использован, поскольку по времени и своим формам дисгармонировал с общей архитектурной памятника.

- Запроектировано покрытие-киот над живописью на северном фасаде. Оно двухскатное, с двумя боковыми дощатыми стенками в соответствии с пятью гнездами, специально для этой цели оставленными в кладке стены. Под кровелькой

предусмотрены причелины, с боков – полотенца, наверху – охлупень (илл.).

Изразцовый декор барабана – наличники окон и колонки на гранях – воссозданы на основании остатков изразцов, точнее их румп и кое-где даже плиток с фрагментами поливы, уцелевших в натуре, и на основе фрагментов с рисунком и поливой, собранных на сводах и в толще кладки XIX в. При разборке карниза. Кроме того привлекались подобные изразцы, найденные при ~~некоторые из них~~ реставрационных работах в Антониевом монастыре. Фрагментов было достаточно. И, хотя они большей частью от разных элементов, общие размеры всех изразцов, их рисунок, рельеф, цветовая расколеровка воспроизводились с предельной точностью. Несколько сложнее решался вопрос с размещением изразцов по цветовой гамме на самих фасадах барабана. В натуре лишь в отдельных окнах внизу уцелели незначительные фрагменты с поливой на плоскостях, в одних случаях с белоголубоватым фоном, в других – с желтым. Они-то и послужили отправным моментом для цветовой раскладки. Впрочем, ошибки здесь не исключены.

Выполнены чертежи деталей и шаблоны изразцов в натуральную величину для их изготовления (илл.).
Часть из них – в цвете.

По проекту реставрации подлежали восстановлению в первоначальных формах все оконные и дверные проёмы. Задача эта решалась сравнительно просто. Многие из них почти не претерпели утрат и изменений и требовали небольших вычинок. Окно на южном фасаде и западной трети потеряло полоконную часть, четверти, арочную перемычку и решетку. Многие его детали воссоздавались по срубленным кирпичам. Остальные проёмы фасада требовали небольших вычинок в полоконную часть и

Окна на восточном фасаде подлинны.

На северном фасаде сложнее всего восстанавливалось окно в западной трети. При перестройках XIX в. все старые притолоки его и перемычка были основательно срублены. Подлинных следов почти не уцелело. Пришлось его формы и размеры воссоздавать по аналогии с другими окнами на этом же памятнике.

Северная дверь раскрывалась, освобождалась от поздних закладок. Сохранила много ^Иподлинных элементов. По аналогии с ~~нею~~ реставрировалась и западная дверь, где утраты были более значительны. Она была растесана до прямоугольного проёма, утратив все четверти.

Учитывая современное использование памятника, в окнах пришлось запроектировать современные рамы в коробках с двойным остеклением и форточками. Но расстекловка сделана мелкой, дробной, приближенной к старой. В дверях кроме простых однопольных, холодных наружных дверей на шпонках запроектированы такие же, но ~~теплые~~, в коробках внутренние двери. Перед северной предусмотрено рубленое из брусьев и пластин деревянное крыльцо без навеса и ограждений. В натуре, кроме самого факта о существовании его, никаких данных не получено. Навеса и ограждений крыльцо не имело, поскольку на стенах ^{от} ~~них~~ не имеется никаких следов.

Подлежал раскрытию весь заложенный позднее декор на фасадах — двухступчатые нишки.

Вычинке ^{подвергалась} ~~использовалась~~ "лежащее" окно в южной трети западного фасада. Такое же проектировалось сделать и в северной трети, хотя конкретных следов от него в натуре не найдено из-за значительных позднейших перестроек.

В интерьере подлежали частичной реставрации ниши, голосники в парусах и в барабане. Другие элементы сохранились в подлинных формах.

Снаружи у стен памятника предусматривалась срезка позднейших наслоений грунта до уровня дневной поверхности в первой половине ХУШв.

Хотя памятник ко времени разработки проекта исследован был не полностью, все основные его положения подтвердились в натуре при практической реставрации.

В процессе строительных работ в проект были внесены ~~незначительные~~ уточнения и добавления. К числу таких добавлений относится раскрытие остатков памятника XIV столетия благодаря удалению значительной (до 1,8м) толщи строительного мусора. Перед этим пришлось аккуратно снять плиты пола, которые потом были использованы в ~~не~~ новом перекрытии над образовавшимся подвальным помещением. Перекрытие запроектировано кирпично-металлическое, точнее-плоские кирпичные сводики по металлическим двутавровым балкам. Конструкция была предложена мною и старшим про-рабом Никольским М.А. и осуществлена под его руководством. Главные предложения Никольского –подвесная плоская опалубка, по которой между балками бетоном наносилась выпуклая подготовка, служившая своеобразной основой для кирпичных сводиков. Перекрытие при таком способе снизу получалось идеально плоским и ровным.

Сверху по щебенчатой подготовке ~~и~~ слою песка, на цементной основе укладывались известняковые плиты ~~из~~ старого пола в ромбическом рисунке.

Уровень перекрытия предлагалось приблизить к уровню старого пола в церкви. Но, поскольку прежний пол в восточной части имел подвышение в одну ступень — ~~селею~~, поскольку получавшееся помещение должно было иметь нормальную для человеческого роста высоту около 2 ~~метра~~ метров, то пришлось в новом перекрытии ориентироваться именно на уровень пола в алтарной части, убрать ступень, т.е. проектировать пол в одном уровне. Соответственно пол в новом подцерковье пришлось опустить по той же причине ниже пола XIV в. Для этого были и другие ~~причины~~ ^{мотивы}. Первоначальный пол (1365 г.) не сохранился и точный уровень и характер его не известны. Благодаря ~~заниженному~~ уровню удалось выявить в экспозиционных целях поперечные фундаменты под столбами и некоторые другие детали памятника.

Вход в новый подвал-подцерковье предусмотрен из подвала под приделом в северной части западной стены, где стена была тоньше и где значительно меньше сохранилось древней кладки.

Недостатки в новом помещении те, что оно не имеет окон и естественной или принудительной вентиляции.

Данные для реставрации придела и колокольни были вполне достаточные.

Крыша на приделе, покрытия на ярусах колокольни и архитектурных деталях запроектированы по натурным следам и остаткам. Местами их просто приходилось заменять.

Для разработки проекта завершения колокольни — четырехгранного купола, шпиля на четырехгранной шейке, яблока и креста пришлось пользоваться упоминавшейся ранее старой фотографией, проектным чертежом Соколова (впоследствии) и описанием у Макария. Причем, если для определения общих форм и основных размеров этого было достаточно, то для разработки деталей, таких, как основа-

ние и карниз в шейке под шпилем, приходилось пользоваться аналогиями на самом памятнике, на колокольне. Здесь неизбежны неточности (илл.)

Изображение колокольни в проекте по деталям мало совпадает с натурой. На чертеже под карнизом первого яруса предусматривались триглифы. В натуре их нет. В венчающем карнизе запроектированы модульоны, а над карнизом двухступенчатый парапет. В натуре не сделаны. Купол и шейка под шпилем изображены круглыми, в то время как в натуре были четырехгранными. Шпиль по проекту значительно толще, чем был сделан. Отсутствует в натуре парапет над карнизами придела, предусмотренный проектом. И так далее. Явление для того времени обычное. ~~Проектными предложениями~~ Проектами предполагались общая идея, образ постройки; детали уточнялись в процессе строительства.

Крест запроектирован в соответствии с крестом, найденным на апсиде, но меньших размеров.

Перекрытие над подвалом запроектировано нестораемое, плоское, из кирпичных сводиков по металлическим балкам и в прогонам, которые покоятся на двух кирпичных столбах и поперечных стенах. Такое же, как в церкви. Пол деревянный дощатый. Пол в подвале предусмотрен, кирпичный, в ёлку, плашмя; уровень прежний.

Вход в подвал с южной стороны через приямок и лестницу. Над ним запроектирована двухскатная кровля с открывающейся вверх двухпольной металлической дверцей. Внутри за дверью предусмотрен тамбур.

Для связи с подвальным помещением из придела в северо-западном углу предусмотрена забежная кирпичная лестница с металлическим ограждением. Остатки её сохранились

Подвал освещается пятью низенькими оконцами в цокольной части придела. Два из них расположены в южной стене, три — в северной. Низ их, обращенный в помещение, сделан скосом. Проектом предусмотрено их восстановление с новыми современными рамами.

Над придельным помещением в старом уровне запроектировано деревянное чердачное перекрытие по металлическим прогонам. Стропила крыши — дощатые со сплошной дощатой опалубкой.

В шести окнах придела сохранились металлические решетки. Столярные заполнения спроектированы по образцу старых, но с форточками и двойным остеклением. Такое же решение принято по двум окнам в юго-западном и северо-западном отсеках, выходящих соответственно на южную и северную сторону. Западные проемы в них, превращенные в ниши, не предполагалось раскрывать.

Лестница на колокольню деревянная запроектирована в юго-западном отсеке у южной стены колокольни. Выход на неё — с запада. Именно против этого места на чердаке в стене существует дверной проём, ведущий в шахту колокольни. Рядом с ним в восточной стене колокольни расположен второй дверной проём в чердачное пространство над приделом.

Площадки и лестницы в колокольне запроектированы в соответствии с натурными данными — обрезами в стенах, гнездами для балок, расположением проёмов в стенах. Всего таких перекрытий — площадок три и три лестницы, считая упоминавшуюся. Все они деревянные — балки, дощатые накаты, лестницы, от-

раждения. На верхней площадке в ярусе звона предусмотрена пологая четырехскатная крыша с металлической кровлей. На нижней площадке уже в ходе строительства предложено (ст.прорабом Никольским М.А.) устройство подобного же покрытия, но из толстого котельного железа ~~со скатом~~ ^{для отвода воды} в северо-восточный угол и из него через трубу в канализационную систему. Это вызвано тем, что площадки имеют широкие люки для лестниц, а второй и третий яруса - широкие и высокие арочные проёмы, через которые вовнутрь колокольни попадают дождевые и снеговые осадки. Их необходимо отводить вниз, поскольку отвод в сторону, наружу старыми строителями не был предусмотрен.

Для воссоздания ограждений в арочных проёмах колокольни (2-й и 3-й ярусы) в натуре обследованы гнезда, оставшиеся от нижних и верхних брусьев, между которыми крепился балясник. Гнезда определяли сечения брусьев, их местоположение в проемах, высоту балясника. Характер самого балясника остался неизвестным. Он запроектирован круглым, фигурным, точеным, по аналогии с балясником на других памятниках этого времени (илл.)

Главный вход в памятник оставлен прежним - в западной стене под колокольной со стороны Пролетарской (бывшей Великой) улицы. Наружная дверь двухпольная, металлическая. Внутренняя - теплая, двухпольная деревянная в виде тамбура. Перед входом предусмотрена бетонная площадка во всю ширину фасада, слитная с асфальтовым покрытием дороги.

Наружная и внутренняя отделка памятника разрабатывалась в соответствии с двумя его разновременными и разнохарактерными частями.

Для старой ХУШв. церкви предусматривался ремонт и воссоздание тонкой известковой штукатурки методом обмазки мастерком, пластичной и за железненной, как цемент. По ней-побелка известью теплого оттенка.

Для придела и колокольни XIXв. -штукатурка известковым раствором под правило с применением деревянной терки. Покраска помещений внутри -известковая, клеевая и в отдельных местах масляной краской. На фасадах -известковая побелка архитектурных деталей, покраска охрой фоновых, плоскостных участков. Цоколь -серый.

Стены и столбы в подвальных помещениях не должны штукатуриться и краситься. Швы в кладке, где это необходимо, предусматривалось промазать известковым раствором.

Помещения памятника предусматривалось приспособить для Новгородской СНРПМ. Часть их должно было превратить в мастерские для реставраторов-резчиков, реставраторов-художников и подсобные. Затем было предложено разместить в них фотолабораторию реставрационной мастерской. В результате разместились все три группы реставраторов.

Помещение самой церкви отведено реставраторам -резчикам и макетчикам с отдельным входом с северной стороны.

Кроме того они имеют вход и через придел с запада.

В целях сохранения целостности интерьера ~~в~~ в его зале не запроектированы ни дополнительные перекрытия, ни капитальные перегородки. Допустимы только временные, временная встроенная и передвижная мебель, в том числе стеллажи. Исключена установка сильно вибрирующих станков.

Помещение придела в проекте разделено продольной перегородкой на две неравные части. Большая южная часть отведена художникам реставраторам. Углов^{ые} помещения по бокам колокольни, соединявшиеся с залом трапезной большими арочными проемами и такими же проёмами с вестибюлем под колокольней, отсечены новыми капитальными стенками. Юго-западное с лестницей на чердак и часть вестибюля отведены тем же художникам. В северо-западном спроектирован санузел.

Малая часть (северная) придела предназначена для фотолаборатории. Под неё же отведён подвал под приделом, в котором перегородкой выделена небольшая с юга комната для проявления и печати^{***} фотографий. В фотолабораторию два входа: один общий с западного фасада и дверь в перегородке из помещения художников, второй - через ^ипрямик с лестницей в подвал под приделом. Как отмечалось, придел и подвал соединяются лестницей в северо-западном углу помещения.

Новый подвал под церковь проектировался как экспозиционный, для осмотра специалистами остатков памятника XIV столетия. В целях вентиляции дверь в него запроектирована решетчатая. Использование этого помещения, как складского крайне нежелательно.

Специальными проектами для памятника разработаны наружные системы и внутренняя разводка водопровода, канализации, электроосвещения, телефонизации и сигнализации. Септик заложен за северо-восточным углом здания. В помещении для художников-реставраторов спроектирована принудительная вентиляция.

Основные положения по приспособлению памятника изложены в особой пояснительной записке.³⁹⁾

39) Архив НСЯРПИ, МР-

Проект реставрации памятника рассматривался на научно-реставрационном совете Новгородской СНРПМ с участием представителей местных органов охраны памятников и других специалистов 20 января 1975г., был одобрен и рекомендован к осуществлению.⁴⁰⁾

У. Реставрация и приспособление

Строительные работы на памятнике начаты летом (в июне) 1975г. Снаружи у фасадов здания устанавливались леса.

Предполагалось начать восстановление с реставрации крыши на церкви, колокольне и на приделе в соответствии с разработанным проектом. Последовательность и технология реставрации памятника, все основные вопросы были обсуждены со старшим прорабом М.А.Никольским. Решили, в частности, временную крышу на центральном объеме памятника пока полностью не разбирать, а снимать её отдельные участки по мере раскрытия старых остатков от первоначального покрытия и реставрации по очередно каждого из четырех фронтонов. Но, к сожалению, это условие не было выполнено. (Я в то время находился в командировке). Крышу сразу разобрали полностью и памятник долгое время находился под дождями с незащищенными сводами.

22 июля сделали зондажи в штукатурке на всех четырех углах церкви в уровне полпоточных плит. Новых данных для пофронтонного покрытия не обнаружили: весь верх церкви оказался перестроенным в XIX столетии. Начали разборку позднего карниза с южной стороны памятника. Просил искать обломки изразцов, выбирать здоровый кирпич.

⁴⁰⁾ А. В. Кардаш. Из истории...

Кладка XIXв. была выполнена в основном из отходов (половняк, четвертушки кирпичей, обломки камней, крупные куски старого раствора) и лишь лицевые стороны на глубину не более длины кирпича и профильная часть карниза сделана из нового, здорового кирпича. Найдены обломки изразцов.

На углах здания, в глубине, над Δ плитами найдены небольшие фрагменты старой кладки с затертой по раствору скруглённой поверхностью/- по-видимому, основание для подпоточных брёвен.

К концу августа закончили реставрацию фронтонов, в сентябре и октябре закончили установку стропил и покрыли крышу тёмсом в два слоя с изоляцией между досками в один слой руберойдом. Из-за смещения барабана относительно осей боковых фасадов к востоку и из-за неточной установки тыльных концов потоков у барабана некоторые плоскости восьмискатного покрытия оказались слегка развернутыми пропеллером. Вместо цельного подпоточного бревна установили коротыши, выходящие резной стороной наружу и другим концом на чердак. Каменщик пропустил (не сделал) небольшую, но важную, может быть, деталь, -не "срезал" острый угол в карнизе фронтонов, что вероятно было сделано раньше для получения небольшой опорной площадки под коньковую слегу. Об этом я давал указание каменщику непосредственно на месте. Грубовато сделаны причелины почти на Γ см уменьшен диаметр отверстий в их резьбе.

К концу 1965г.-началу 1966г.г. был реставрирован карниз на апсиде, восстановлена деревянная крыша над нею, раскрыт и вычищен декоративный пояс; на колокольне сделано верхнее (чердачное) перекрытие и карниз купола, шейки и шпиля. К сожалению, бревно для шпиля вытесано тоньше, чем предусмотрено проектом. (не подобрали нужное по диаметру) Сделан

Ошибку не удалось исправить.

С середины января до начала марта 1976г. рабочие, сняв аккуратно плиты пола ХУШв., выбирали строительный мусор на всей площади церкви. Все пространство было освобождено. Вскрылись остатки стен и столбов памятника ХІУв., в том числе остатки северного и западного порталов, двери на внутрискладную лестницу, части ниш, квадратных в плане северной и южной апсид, скамьи горнего места и др (илл.).

Над новым помещением "подцерковьем" сделано современное перекрытие (кирпичные сводики по металлическим балкам) с полом из старых известняковых плит. Уровень пола вместе с перекрытием сделан несколько выше старого с тем, чтобы внизу создать достаточное по высоте пространство.

В течение 1976 года до начала ноября в памятнике почти без перерыва велись реставрационные работы в соответствии с основными положениями проекта. Восстанавливались перекрытия и лестницы в колокольне, перекрытия и крыша на приделе, вычинивались и реставрировались оконные и дверные проемы, делались полы и столярные изделия, выполнялись сантехнические работы как наружные, так и внутренние.

Пришлось вносить отдельные коррективы в проект при выполнении работ в натуре. Так, например, в проекте отопления не были учтены такие факты, как местоположение оконных и дверных проёмов, расстояние от пола до подоконника, появилось новое помещение под церковью. Уточнялась планировка в помещении приделов и в подвале под ним. Столяры отказались выполнять двойные рамы современной конструкции, ссылаясь на отсутствие необходимых инструментов, станков, комплекта деталей к ним. Пришлось упрощать их узлы. Даже и в этом случае фор-

Мелкие ошибки в процессе работ как правило исправлялись. Но некоторые из них не удалось ликвидировать. Верхняя и нижняя части балясин для ограждений в колокольне запроектированы квадратные в плане, — сделаны круглыми. Сами балясины, несмотря на оговорки в проекте, размещены с одинаковым шагом, в то время, как все пролеты проемов различны.

В июле 1976 г. из Ярославской СНРПМ поступили изготовленные по нашему заказу изразцы для памятника и их начали устанавливать на фасадах барабана. К сентябрю реставрация изразцового декора была закончена (илл.).

Выправили и дополнили верх главы, сделанной в при работах 1964 г., вычинен и установлен крест на ней. В течение года восстанавливалась штукатурка на фасадах и в интерьере, вычинивались и тянулись шаблонами вновь карнизы, пояски, архивольты и другие детали на приделе и колокольне. Велась покраска фасадов.

С начала ноября по конец декабря по разным причинам в работе возникали перерывы, рабочих снимали на другие объекты. Затем перерывы участились и продолжительность их возросла. С начала нового 1977 г. по самый конец марта людей на объекте не было. Третий перерыв длился с середины июня до середины сентября. Следующий с сентября до декабря. В течение 1978 г., т.е. с конца декабря 1977 г. по начало декабря 1978 г.) работы на объекте почти не велись. Такая же картина наблюдалась с начала 1979 г. по середину мая и с конца мая до середины июня.

Причин аритмичности в работе много. Это и отсутствие необходимых материалов, и недостаточность рабочей силы

... объектов в том числе внеплановых

и объектов не памятников, недостатки в планировании, конъюнктурность в стиле руководства А.А.Сырникова—сначала главного инженера, потом директора мастерской и другие. В результате, хотя в общей сложности работы растянулись на четыре года, то фактически, если вычесть все паузы, они составили несколько больше двух с половиной лет.

В течение 1977-79г.г. в разное время выполнялись работы по укреплению памятника, такие, как инъекция расслоившихся столбов 1365г. в новом полцерковье, инъекция фундамента и нижней части внутренней поперечной стены под восточной стороной колокольни, скрепление порванных воздушных связей в основном помещении церкви, вычинка облицовки в отдельных местах, в том числе в подвалах.

Заканчивались работы по устройству водопровода, водоотвода с перекрытия колокольни, канализации, электроосвещения. Велась отделка интерьера. Доделывались полы, тамбур и лестница в подвале придела, перегородки, подоконники, полки в нишах, промазывались швы открытой кладки в подвалах, велась покраска стен, перегородок, рам, дверей, решеток, связей и других деталей.

Снаружи заканчивалась срезка позднейших наслоений строительного мусора у стен памятника, планировка, минимальное благоустройство. В июле—начале августа 1979г. в помещениях памятника уже ~~устанавливали~~ устанавливалось оборудование для фотографов, художников-реставраторов, резчиков-макетчиков.

3 июля 1979г. (с опозданием на несколько дней из-за неявки некоторых членов комиссии) памятник был принят комиссией с оценкой хорошо. Стоимость всех работ составила

руб. в том числе проектных (не считая отчета и материалов к нему) руб. 41)

Некоторые недостатки не были исправлены. Например, крест на шпигеле колокольни установлен в развернутом положении и не жёстко закреплён, не исправлены форточки в окнах церкви, щебёнчатые дорожки не пролиты известью, не выбублены рейки из бетонного покрытия перед западным фасадом и другие.

VI. Некоторые выводы и оценки памятника по результатам исследования

Троицкая церковь на Пролетарской улице в Новгороде не получила сколько-нибудь заметного освещения в научной и популярной литературе о городе и его средневековой архитектуре. Причины: слабая изученность памятника, с одной стороны, и капитальные перестройки позднего времени, исказившие его облик, — с другой. Лишь в последнем (4-м) издании книги М.К. Каргера "Новгород" (1980 г.) вышедшей под общей редакцией, со вступительной статьёй и комментариями Г.М. Штендера, в ссылке можно прочитать: "До реставрации памятник этот не привлекал внимания туристов и даже ученых. Проведённые недавно реставрационные работы (имеются ввиду работы 1975–79 г.г. — Л.К.) выявили его историко-архитектурную и художественную ценность. К церкви XIV-первой половины XV в. с западной стороны в XIX столетии добавлена пристройка с ярусной колокольней. Интересен богато украшенный изразцами барабан церкви".⁴²⁾

Исследования последнего времени позволили приподнять завесу над памятником трех разных эпох. И все-таки многое в его истории и архитектурном облике до XVIII в. осталось тайной.

42) М.К. Каргер. Новгород. 1980 г. (4-е издание), компл. 35, стр. 231.

Реставрационные работы представили историкам, искусствоведам, любителям русского искусства сооружение, достойно занявшее принадлежащее ему место в архитектурном облике Великого Новгорода.

Колокольня и придел памятника, выстроенные в стиле классицизма, не являются чем-то выдающимся среди построек того времени. Но для Новгорода, где таких зданий остались считанные единицы, они представляют безусловный интерес. Высотная вертикаль колокольни обогащает силуэт города.

Более интересно основное ядро здания — Троицкая церковь. Она появилась на стыке двух различных эпох, когда заканчивали свое развитие и постепенно отмирали исконно русские, национальные, преимущественно народные в своей основе черты зодчества и когда на смену им пришла архитектура официальная, архитектура правящего класса, вобравшая в себя, большей частью формально, течения и веяния культуры Европейского запада и теряющая со временем многие национальные качества. Следует, правда, сделать не оговорку. Национальная по форме и нарядная по содержанию архитектура продолжала развиваться в отдаленных провинциальных городах и сельских населенных пунктах более плодотворно, хотя иногда болезненно испытывала неизбежное влияние городской культуры.

В Троицкой церкви заказчики и строители отдали дань более прошлому, чем новому. Четырехстолпность, одноапсидность, одноглавие — традиционная архитектурно конструктивная схема второй половины XII—XV в. Восьмискатное покрытие на кубе и полупирамидальное на апсиде — широко ^{прос} распространенная форма крыш в культовых зданиях XVI—XVII в. Архаизм проявился и в лопатках на фасадах, которых в XIV в. церковь не имела. Восьмигранная форма барабана, иногда встречающаяся еще в

в русском строительстве в середины ХУПв. С этого же времени, а в Новгороде несколько позже, появляется тяга к изразцовому убранству фасадов. Но ярусность, ставшая модой с середины ХУПв., не коснулась Троицкой церкви. В Новгороде, правда, можно назвать ярусную Покровскую церковь в Кремле, сооруженную московскими строителями в конце ХУПв., перестроенную в ХУПв. ц. Георгия на Торгу, и неудавшуюся попытку построить такого же типа Воскресенский собор в Деревяницком монастыре. Существующий собор этого монастыря и перестроенный в нач. ХУШв. собор Кириллова монастыря под Новгородом тоже, хотя и в меньшей степени тяготеет к прошлому. Кстати архаизмы сказались и на постройках этого времени в Старой Руссе и ее окрестностях: ц. Георгия (перестройка 1710г.), Никольская ц. (перестройка 1741г.), трапезная с ц. Сретения, ц. Рождества и колокольня Спасопреображенского монастыря (все три я датирую первой половиной ХУШв., но никак не первой половиной ХУПв., как принято), постройки Бурегского м-ря (ХУШв.).

И среди них архаизмы в Троицкой церкви наиболее очевидны и наглядны. Поэтому, может быть, она кажется особо оригинальной, необычной.

Чтобы судить о первоначальной архитектуре каменной Троицкой церкви, — следует сделать попытку её реконструкции. Данных мало, но они могут говорить о многом, если рассматривать их внимательно и с разных сторон.

План зафиксирован сохранившимися остатками, его искаженные или утраченные детали легко восприизводятся. Перед нами кубическая, четырехстолпная, трехапсидная, одноглавая постройка с хорами. Притворов не имела. Лестница на хоры

Входов два: западный и северный. Отсутствуют лопатки. Боковые апсиды— прямоугольные а— в плане, центральная— полукруглая (см. раздел II. Исследование памятника, илл.)

Отсутствие лопаток вообще, слабо выраженное смещение столбов, а с ними и подкупольного пространства к востоку свидетельствуют, во-первых, о центричности объема и, во-вторых и как ~~следствие~~ следствие первого о трехлопастном завершении фасадов. Другой момент утолнение всех форм здания, которое следует из сделанных наклонено к вертикальной оси всех раскрытых деталей—тоже говорит в пользу предполагаемого покрытия. Аналогичными примерами могут служить ц.Рождества в Перыни (пер.половины XIII в.), ц.Никола Белого (1312—1313 г.г.), ц.Успения на Волотове (1352 г.), отчасти ц.Михаила на Сковоротне (1355 г.). Из них в первых двух памятниках пирамидальность выражена довольно ярко, а две церкви—волотовская и сковоротская как и Троицкая, не имеют лопаток на фасадах.

Для новгородских культовых построек XIV столетия, имеющих трехлопастное покрытие, существуют закономерности в расположении окон: почти строго в одном уровне и по ярусам. В церквях с закомарным покрытием окна в средних членениях фасадов смещены по высоте с общего уровня и располагаются выше или ниже его. ~~Эта~~ ^{Первая} закономерность вполне может быть отнесена и к Троицкой церкви.

Меньше можно сказать о количестве окон, их форме, размерах и о декоре. * Впрочем, на основе полученных натуральных данных можно сделать вывод о чрезвычайно скупой декоративной обработке фасадов. В строительном мусоре, например, не найдено никаких...

Хотя и при закомарном и трехлопастном завершениях фасадов в их карнизах зубчики применялись обязательно. Утрату их здесь можно объяснить перестройками XVI-XVII столетий, когда в трехлопастная форма покрытия уступила место пофронтонному "с потоки", то есть восьмискатному. Закономерен и другой вывод: в оформлении окон, порталов, ниш и других элементов на фасадах "бровки" с зубчиками (по крайней мере в кирпичном варианте) отсутствовали.

Найденные в завалах кирпичи-валики (скругленные по широкой стороне торца) можно адресовать только средней апсиде, где они и найдены. Наиболее возможный вариант её оформления - вертикальные жгуты, соединенные под карнизной частью в аркатурный пояс. В Новгороде из уцелевших памятников с таким декором можно назвать ц. Федора Стратилата на Ручью (1360-1361г.г.), ц. Спаса на Ильине (1374г.), ц. Рождества на Молоткове (1379г.), ц. Покрова в Зверином м-ре (1399г.), ц. Петра и Павла в Кожявниках (1406г.) и несохранившуюся ц. Флора и Лавра (1379г.). В Старой Руссе - ц. Георгия с приделом и ц. Минны, но обе XV столетия. В псковской культовой архитектуре этот мотив широко распространен.

Покрытие на средней апсиде реконструируется в форме полукупола. Боковые прямоугольные в плане апсиды, вероятно, были ниже ее и могли перекрываться в соответствии с полусводами, со скатами на север и юг соответственно их положению (илл.).

Могли-ли быть иные варианты покрытий на этом памятнике? Например, закомарное, как в ц. Благовещения на Городище (1342-1343г.г.) или в ц. Спаса на Ковалева (1345г.)?

Вряд-ли. Фасады обоих памятников расчленены лопатками на неравные части. Отсутствие средних лопаток в Ковалёвской церкви, на что обращали внимание исследователи, объясняется тем, что они были срублены при перестройках в XIX столетии.

Но ведь можно предположить и другое покрытие — пофронтонное, восьмискатное. Таким, кстати, реконструирует его Г. М. Штендер на ц. Николая Белого (III2—III3г.г.) И этот вариант уже нашел признание в научной литературе. К сожалению натуральных данных для безоговорочного утверждения выбранного варианта крайне мало. Столь же мало их и для трехлопастного завершения, хотя и оно не может быть исключено. Поэтому как пример, как аналог для реконструкции Троицкой церкви Николобельскую следует пока исключить.

Самой необычной деталью в Троицкой церкви оказались три апсиды — совершенно исключительное явление в новгородской архитектуре этой поры. С начала XIII столетия, ~~если считать~~ ~~неизвестным нам~~ и до середины XVв., если судить по известным нам памятникам, Новгород таких построек не возводил. Причем, трехапсидные постройки XVв. периода Евфимиевской реставрации воздвигались на основе более древних. Прямоугольные в плане апсиды известны в Новгороде только на одном памятнике ц. Параскевы Пятницы 1207г. Более близкие к Троицкой церкви два сооружения Псковской архитектуры: церковь в селе Мелетове (1461г.) и ц. Космы и Демьяна с Примостья в Пскове (1462—1463г.г.) Но они сооружены столетием позже новгородского собрата. К тому же имели шестнадцатискатные покрытия, а мелетовская и восемь коношников под барабаном на прямоугольном основании.

раскопанные И.Д.Белецким. Они тоже с прямоугольными апсидами и относятся примерно к тому же времени.

Пока преждевременно говорить и прямых и тесных связях между названными памятниками псковской архитектуры и новгородской Троицкой церковью, между новгородскими и псковскими заказчиками и строителями. Я лишь отметил одну сходную и очень характерную общую черту—трехапсидность при прямоугольных в плане боковых апсидах.

Хочу в заключение высказать еще одну мысль, как плод многолетнего изучения и реставрации памятников новгородского зодчества. В культовом строительстве Новгорода памятники самого конца XIIIв.—первой половины XIVв. ~~представляют~~ ^{представляют} едва-ли не самую яркую страницу во всей истории архитектуры этого прославленного города. Д.С.Михачев предложил даже своеобразное название этому периоду, имея в виду вообще новгородскую культуру и искусство всего XIV столетия,— предренессанс, предвозрождение.⁴³⁾

Из памятников архитектуры, наиболее ярко иллюстрирующих достижения зодчих этого времени, обычно и традиционно читателю предлагаются ц.Федора Стратилата на Ручье (1360—1361г.г.), ц.Спаса на Ильине (1374г.) и несколько реже ц.Петра и Павла в Кожевниках (1406г.), то есть постройки самой середины XIVв. ~~или~~ ^{или} памятник начала XVв. Выбор внешне кажется не совсем случайным. Памятники находятся почти в центре города, лучше других сохранились, лучше изучены, первые два имеют великолепную фресковую живопись.

43) Д.С.Лихачев. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959, стр. 50—62.

И всё-таки по отношению к другим такая тенденция не будет справедливой. Хотя бы потому, что существенные недостатки "любимых" построек как бы не замечаются, обходятся стороной.

Например, если у Федоровской церкви мысленно удалить поздние трапезную и колокольню, а вместо них реконструировать первоначальный западный притвор и придельчик с юга, окажется, что притвор и особенно ,придельчик (сторожка, усыпальница?) несоизмерно малы по отношению к основному объёму и весь он с ними композиционно окажется мало гармоничен. Допущены просчёты в памятнике и при устройстве сводов и покрытия по трехлопастной форме на фасадах, где центральные своды, а с ними и верх покрытия оказались опущенными по отношению к боковым. Этим сбит ,нарушен нормальный ритм и конструкций и декоративных форм в здании.

Большие просчёты допущены в ц.Спаса на Ильине. Непомерно толстые столбы, при том заметно отодвинутые от стен к центру, продиктовали устройство непропорционально малого по отношению к целому барабана. Интерьер оказался плохо организованным , как бы рассыпался на отдельные, плохо связанные между собой отсеки. При значительном "запасе прочности", но, вероятно, при слабой технологии и организации работ конструкции здания не оправдали надежд строителей и впоследствии под барабаном пришлось почти полностью заменять подпружные арки, перекладывать паруса и многие своды. Зато в декоре фасадов чувствуется некоторая пресыщенность и сухость. На яркие языческие черты в характере декора исследователи вообще почти не обращают

К середине XII столетия (время дается несколько условно) в Новгороде сформировался почти единственный тип культовой постройки – четырехстолпной, одноглавой, одноапсидной с трехлопастным завершением фасадов. С некоторыми вариациями (наличие или отсутствие притворов и приделов) он продолжал жить в двух основных вариациях: с богатым или скудным декором. Конец столетия и первая половина XIII в. ознаменовались поисками ~~новых~~ новых конструкций, объемов и форм, которые вероятно из-за спада технической грамотности, худшей организации работ и по каким-то другим, менее известным причинам, приводили к обрушению возведенных зданий, иногда вскоре же после окончания работ.

Напротив, самый конец XII и первая половина XIII столетий дали удивительное разнообразие объемов, форм, принципиальных решений в культовом строительстве, которое донесло до нас памятники, совершенные по своей законченности и, яркие по образу ~~и~~ и индивидуальности. Троицкая церковь в Ямской слободе Новгорода относилась именно к этой плеяде архитектурных сокровищ.

Л. Е. Красноречьев
/Л. Е. Красноречьев/

Копия.

Новгородская Специальная научно-реставрационная
производственная мастерская

УТВЕРЖДАЮ:

Начальник Управления
культуры Облисполкома

_____ П.И.Вотинцев

" " _____ 1974 г.

З А Д А Н И Е

на реставрацию и приспособление памятника
архитектуры церкви Троицы (XIV-XIX в.в.)
в Ямской слободе (на Пролетарской улице)
в Новгороде

Директор

Р.Ф.Шафрановский

Гл.архитектор

А.В.Васильев

Руководитель группы

Г.Ф.Бакакин

Автор проекта

Л.Е.Красноречьев

Согласовано:

Ст.архитектор производственной
группы по охране памятников
истории и культуры

Н.М.Красноречьева

Новгород, 1974 г.

З А Д А Н И Е

на реставрацию и приспособление памятника архитектуры ц. Троицы (XIV-XIX в.в.) в Ямской слободе (на Пролетарской улице) в Новгороде

Существующая каменная Троицкая церковь построена в 1734 году на основе здания 1365 г. Трапезная и колокольня сооружены в 1832 году. Консервационно-восстановительные работы проводились в первые послевоенные годы и в 1964 году, когда восстановлена глава и сделаны временные защитные кровли.

Здание предполагает возможно полную реставрацию памятника. Это обусловлено тем, что, во-первых, церковь расположена рядом с Кремлем, в центре города; во-вторых, стоит на возвышенном месте над Волховом просматривается со многих сторон (с моста, Торговой стороны, Волхова); в-третьих, рядом с ней расположен памятник, возведенный в честь Победы в 1974 году и окружающая территория реконструируется; в-четвертых, интересен и ценен сам памятник с единственным для Новгорода восьмигранным барабаном, украшенным изразцовым декором.

Реставрацию следует проводить с учетом сохранения поздних объемов трапезной и колокольни. Они, правда деревянные, существовали и в XVIII веке. Пристройки XIX в., несмотря на различие их стилового решения, исторически правомерны. К тому же в довоенные и послевоенные годы исчезло большое количество таких построек, что заметно обеднило силуэт старой части города и его архитектуру.

Поэтому редкие экземпляры их приобретают особую ценность. Классическая архитектура трапезной и колокольни обладает художественными достоинствами и обогащает памятник. Наконец, не малую роль играют сами помещения, которые возможно использовать.

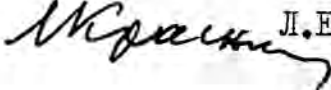
В проекте реставрации следует предусмотреть выявление и реставрацию всех старых форм (XIV, XV и XIX в.в.) соответственно по объемам, в том числе восьмискатное покрытие на церкви, изразцовый узор барабана, завершение колокольни, различного ряда пояски, карнизы и другие декоративные элементы. Стилизовое различие объема церкви и объемов трапезной и колокольни может быть выделено цветовой покраской при условии, если это не нарушит их композиционного единства. Части и детали постройки XIV века должны быть обозначены более скромно.

При составлении документации необходимо использовать схематические обмеры памятника, выполненные в послевоенные годы, старые фотографии, историко-архивные материалы и проч. В процессе натурного исследования с помощью минимального количества зондажей и шурфов изучить основные церкви — нижние части постройки 1365 года.

Проект разрабатывать с учетом приспособления помещений для мастерской художников-реставраторов Новгородской СНРПМ. Причем интерьер церкви должен быть сохранен по возможности в первоначальном виде. Перепланировка допустима в помещении трапезной и ее подвале. Возможно использование ярусов колокольни и чердака трапезной.

Санузел расположить в угловых помещениях при колокольне. Подземные коммуникации (водопровод, канализация, отопление), а также элементы разводки и приборы размещать так, чтобы они не нарушили состояния грунта у стен и внутри памятника, не загромождали интерьер помещений. В связи с этим разработанный ранее проект приспособления может быть откорректирован.

Строительные работы на памятнике должны сопровождаться постоянным научно-техническим руководством автора проекта и отличаться высоким качеством. Составление исследовательско-проектной документации начать в 1974 году.

Составил Л. Е. Красноречев

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 44

заседания научно-реставрационного совета
при Новгородской СНРПМ

от 20 января 1975 г.

Присутствовали:

Областной отдел по делам строительства и архитектуры -
и.о.гл.архитектора Кузнецова Л.В.

Областной отдел культуры (инспекция по охране памятников) -
Красноречьева Н.М., Кокурникова О.М.

Управление главного архитектора Новгорода -
архитектор Тишин А.В.

Новгородская СНРПМ - гл.архитектор Васильев А.В.,
архитекторы Ашихмина Л.А., Красноречьев Л.Е.,

Никольская Г.П., Штендер Г.М., Шуляк Л.М., Гладенко Т.В.
Бакакин Г.Ф.

Новгородская художественно-производственная мастерская -
директор Черменев Ю.А.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Десятинный монастырь - приспособление под производственно-художественные мастерские Худфонда РСФСР.
Докл. архитектор Ашихмина Л.А.
2. Церковь Троицы в Ямской слободе - приспособление под мастерские художников-реставраторов СНРПМ.
Докл. архитектор Красноречьев Л.Е.
3. Никольская церковь в с.Буреги. Проект консервации.
Докл. архитектор Штендер Г.М.
соавтор Никольская Г.П.
4. Проект ворот и решеток в арки Новгородского Кремля.
Докл. архитектор Ашихмина Л.А.

По второму вопросу: ц.Троицы, проект реставрации и приспособление под мастерские художников-реставраторов Новгородской СНРПМ докладывает архитектор Красноречьев Л.Е.

Автор проекта информировал о проведенных ранее на памятнике консервационных работах, результаты исследования его, изложил обоснование проекта реставрации, возможности приспособления памятника.

Вопросы:

Штендер Г.М.

1. Одновременны ли окна, решетки в них, ниши?
2. Делались ли шурфы?
3. Различные ли по времени покрытия главы и основного объема?

Красноречьев Л.Е. Окна и ниши одновременны.

Шурфы не делались. Покрытие главы (луковичное) и восьми-скатное одного времени - XIII в.

Гладенко Т.В.

1. Чем вызвана реставрация памятника?
2. Есть ли живопись внутри памятника?
3. Уровень полов XIII и XIX в?

Ответ: Реставрация вызвана близостью памятника к Кремлю, его ценностью и необходимостью использования.

Живописи в интерьере нет. Уровень полов близок.

Выступления.

Гладенко Т.В. Нет шурфов с целью выявления памятника XIV в. Это можно сделать в мае, как предлагает автор. Можно будет показать туристам ценность памятника.

Штендер Г.М. Ход решения правильный. Есть смысл выявить памятник XIV в. и уточнить датировку барабана, нишек, окон. В натуре нужно уточнить также форму ^{фронтонов} фундаментов и их декор.

Красноречьева Н.М. Следует составить график производства работ. Предусмотреть изготовление изразцов. Проект нужно проверить, чтобы потом не было задержек в реставрации.

Постановили:

Проект реставрации и приспособления одобрить. В процессе строительных работ провести дополнительные исследования, предложенные автором и в выступлениях. Рекомендовать разработку рабочих чертежей и передачу проекта в производство.

Бакакин Г.Ф.

Выписка верна: *М. Крайнев*

Копия 89.

П Р О Т О К О Л № 50
заседания научно-реставрационного совета
при Новгородской СНРШМ

от 8 января 1976 г.

Присутствовали:

от управления культуры - Красноречьева Н.М.
от музея-заповедника - Филиппова Л.А., Ершевский Б.П.
от СНРШМ - Васильев А.В., Бакакин Г.Ф., Ашихмина Л.А.,
Кузьмина Н.Н., Красноречьев Л.Е., Штендер Г.М.,
Никольская Г.П., Балябина В.Д., Гладенко Т.В.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Остатки церкви Троицы XIV в. на Пролетарской улице.
Докл. архитектор Красноречьев Л.Е.
2. Изба Шкипарева П.А. из дер. Частова Новгородского района.
Докладчик архитектор Красноречьев Л.Е.

Первый вопрос рассматривался на объекте.

Красноречьев Л.Е. сообщает историю перестроек памятника. С помощью шурфа в жертвеннике обнаружены остатки древней церкви 1365 г. Глубина шурфа около 2,3 м. Церковь 1734 г. покоится на стенах XIV в. Автор предлагает удалить весь строительный мусор, сделать новое перекрытие по балкам с кирпичными сводиками, в подперковье с северной и южной ~~сторонами~~ сторон открыть, если возможно, порталы. Вопросов не поступило.

Выступления.

Штендер Г.М. Предложение правильное. Следует убрать мусор. Дополнительное помещение можно использовать для выставки работ художников-реставраторов, экспонировать помещение XIV в.

Постановили:

Убрать строительный мусор, перекрытие сделать нестораемое.

По второму вопросу слушали сообщение архитектора Красноречьева Л.Е. "Изда Шкипарева П.А. из дер.Частова Новгородского района"(восстанавливается в музее деревянного зодчества).

Автор изложил историю памятника и обоснование проекта реставрации.

Вопросы.

Штендер Г.М. Что за навес?

Ответ: Навес для дров.

Филиппова Л.А. Какая будет печка?

Ответ: Печка должна быть глинобитная, на опечке, топится по-черному, сверху над нею дымница.

Ашихмина Л.А. Одного ли строительного периода древесина?

Ответ: Под окнами заложены два ^{ис}бревна.

Штендер Г.М. На какой высоте были подоконники?

Ответ: На высоте 75 см.

Васильев А.В. Сечение дымаря?

Ответ: Примерное сечение 50х50 см.по наружному контуру.

Штендер Г.М. В подполье какой пол?

Ответ: Нестораемый и негниющий - земляной.

Гладенко Т.В. В каком месте ставите дом?

Ответ: Почти напротив дома из Рышева.

Выступления.

Васильев А.В. Это уже не первая постройка, перевозимая в Витославицы. Сделан проект хорошо.

Штендер Г.М. Обоснование проекта убедительно.

Интересный экспонат. Детали его (подлинные) имеют безусловную ценность. Смущает отсутствие наличников на окнах. Может быть сделать по аналогии или нейтрализовать, сделать что-то незаконченное?

Постановили:

Проект одобрить, рекомендовать для производства работ.

Секретарь - Г.Ф.Бакакин

Верно: *М.Кравец*

Копия

А К Т

технического приема памятника архитектуры XIV–XIX в.в. каменной церкви Троицы в Ямской слободе Новгорода (на Пролетарской улице) после проведения реставрационных работ и приспособления для художественных мастерских Новгородской СНРПМ.

г.Новгород

28 июня 1979 г.

Заказчик: Управление культуры
Новгородского облисполкома

Подрядчик : Новгородская СНРПМ

Комиссия в составе председателя – автора проекта реставрации памятника Красноречьева Л.Е., представителя заказчика от управления культуры Облисполкома Хохловой Т.А., ст. инженера СВПЧ № 2 ОПО УВД Тестова В.Д. и представителей подрядчика – директора Новгородской СНРПМ Сырникова А.А., производителей работ Никольского М.А. и Мариновой А.П. осмотрела выполненные Новгородской СНРПМ реставрационные работы и работы по планировке и приспособлению.

Отмечает следующее:

1. Памятник состоит из различных по времени и характеру объемов: церкви 1734 г., поставленной на остатках стен постройки 1365 г., и придела с колокольной 1832 г. Во время войны 1941–1945 г.г. был поврежден. В первые послевоенные годы проведена частичная консервация (кровли, проемы). Использовался как складское помещение. В 1964 г. проведена вторичная консервация с частичной реставрацией (главы, карниз, часть декора).

2. Работы выполнялись в соответствии с проектом реставрации, разработанным Красноречьевым Л.Е., рассмотренным научно-реставрационным советом мастерской и согласованным в управлении культуры облисполкома, а также в соответствии с

проектом приспособления и проектами наружных и внутренних сантехнических и иных коммуникаций и устройств, в разработке которых принимали участие различные субподрядные организации.

3. В отдельные части проекта при проведении строительных работ вносились изменения и уточнения, продиктованные новыми данными, полученными при дальнейшем исследовании памятника. Наиболее крупное изменение – раскрытие сохранившихся частей постройки XIV в. Это выразилось в снятии церковного плитяного пола, удалении на всей площади помещения строительного мусора толщиной до 1,5–2 м, устройстве нового перекрытия и т.п.

4. Указанные выше работы рассматривались на выездном научно-реставрационном совете и были дополнительно финансированы заказчиком.

5. Производство работ сопровождалось постоянным научно-техническим руководством автора проекта. Все основные указания, дополнения и изменения проекта заносились в "дневник работ" или фиксировались в специальных чертежах.

6. Сама церковь реставрирована полностью в формах XVIII в., в том числе изразцовый декор барабана. Ее придел и колокольня – в формах XIX в. Части XIV в. вскрыты только с внутренней стороны, отчего у постройки появилось дополнительное помещение – подвал под церковью.

7. В памятнике сделано водяное отопление, устроено электроосвещение, подведен водопровод, сделана канализация, установлены основные электро- и сантехнические приборы. Укреплена инъекцией фундамент под некоторыми стенами. Выполнена молниезащита. Вокруг здания срезан и спланирован грунт, устроены площадка и дорожки ко входам.

8. Строительные работы начаты в июне 1975 года и закончены в основном в июне 1979 года. Стоимость их составила _____, в том числе проектных _____. В указанную стоимость не включены будущие затраты на научный отчет и сопутствующие ему работы.

9. Работы выполнены со следующей оценкой:

а) фундаменты (инъекция)	- отлично
б) стены и перегородки	- хорошо
в) своды и перекрытия	- отлично
г) стропила	- отлично
д) кровли	- хорошо
е) наружный декор	- отлично
ж) столярные изделия	- удовлетворительно
з) металлические поковки	- хорошо
и) наружная и внутренняя штукатурка	- отлично
к) малярные работы	- хорошо
л) молниезащита (акт проверки № 22462, 18.07.78)	
м) противопожарная пропитка	
н) планировка территории	- хорошо
- Общая оценка - хорошо.

Комиссия отмечает:

1. На памятнике необходимо установить охранно-пожарную сигнализацию.

2. Выполнить огнезащитную пропитку деревянных элементов на трапезной и колокольне (стропила, перекрытия, лестницы).

3. Установить принудительную вентиляцию в помещениях трапезной и подвале.

4. Сделать навес-двери над крыльцом в подвал.

5. Указанные замечания устранить в срок до I октября.

Комиссия считает, что реставрационная мастерская сдала, а управление культуры приняло памятник. Он по специальному договору может эксплуатироваться Новгородской СНРПМ.

Средства, затраченные на производство работ, подлежат переводу на основные средства производственной группы по охране памятников управления культуры.

Л.Е.Красноречьев
Т.А.Хохлова
В.Д.Тестов
А.А.Сырников
М.А.Никольский
А.П.Маринова

" " июня 1979 г.

Объединение "Росреставрация"
НОВГОРОДСКАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ НАУЧНО - РЕСТАВРАЦИОННАЯ
ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ

Церковь Троицы в Ямской слободе
(на Пролетарской улице).

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
к проекту приспособления.

Директор ИСНРПМ: (Шафрановский Р. Ф.)
Гл. архитектор: (Васильев А. В.)
Рук. проектной группы: (Бакакин Г. Ф.)
Автор проекта: (Красноречьев Л. Е.)

Новгород,
март 1977 г.

Церковь Троицы на бывшей Редятиной улице (позже – Ямская слобода и теперь – Пролетарская ул.) Новгорода построена в 1365 году вместо сгоревшей деревянной. В течение последующих столетий церковь неоднократно горела и перестраивалась. Возобновления проводились в 1623 и 1708 гг. Наконец, в 1734 году церковь разбирается почти до фундаментом и возводится вновь на старой основе. В 1789 г. к ней с запада пристраивают деревянную трапезную с приделом, а в 1832 г. вместо них возводят кирпичный придел и колокольню.

Сильно разрушенная в годы войны, постройка дважды консервировалась. С лета 1975 г. на ней проводятся реставрационные работы в соответствии с разработанным и утвержденным проектом. Восточная часть здания реставрируется в формах 1734 года, а западная – в формах 1832 года. В процессе работ с внутренней стороны раскрыты сохранившиеся части древней постройки (1365 г.). Таким образом, перед нами предстаёт памятник архитектуры трех столетий, оригинальный по формам и очень важный по своему местоположению (соседство с Детинцем и главной магистралью города – Волховом).

Постройку проектируется использовать под мастерские для художников-реставраторов Новгородской реставрационной мастерской. Важность памятника предъявляет к его приспособлению особые требования. Почти полностью исключается возможность устройства различного рода перегородок и перекрытий, особенно в старой части постройки. Лишь в приделе XIX в. и помещениях под колокольней в арочных проёмах делаются три кирпичных перегородки с дверными проёмами. Образованные, таким образом, три небольших обособленных помещения

используются следующим образом: в юго-западном (как и прежде) устраивается лестница, ведущая на чердак и на ярусы колокольни; северо-западная каморка отводится под туалет; западный отсек служит вестибюлем. Основное помещение придела и помещение собственно церкви будут служить мастерскими.

Старый подвал под приделом и вновь образовавшееся подвальное помещение под церковью (отрытые остатки церкви 1365 г.) отводятся для складирования материалов. Отчасти и в исключительных случаях для складирования некоторых не ценных предметов могут быть использованы средние ярусы колокольни. Верхний же её ярус ("звон") отводится для работы над этюдами и служит обзорной площадкой.

Наружных входов в церковь два: один с западной стороны (с ул. Пролетарской), второй – севера через крыльцо. Два главных помещения (мастерские) кроме того соединяются дверным проёмом.

Наружный вход в подвал под приделом (старый) расположен с южной стороны в приялке. В целях защиты приялка и его лестницы от снежных заносов, влаги и мусора, над ним устраивается глухой навес в виде открывающихся кверху двухпольных дверей. Из подвала под приделом в подвал под церковью ведёт новый дверной проём в северной стороне стены. Первый подвал освещается пятью окнами, второй – естественного освещения не имеет. Здесь устраиваются лишь продухи. В северо-западном углу придела (первая мастерская) на старом месте устраивается второй вход в подвалы.

Перекрытие над подвалами выполняется кирпичными сводами по металлическим балкам. Перекрытие над приделом и малыми помещениями деревянные, утепленные. Церковь перекрыта сводами. Полы в приделе деревянные (дощатые), в церкви – плитяные (известняк), в подвалах – кирпичные. В подвалах стены не оштукатурены, в остальных помещениях – штукатурятся и белятся.

Наружные входы имеют двойные теплые двери. Лицевые стороны наружных полотниц обиваются кровельной сталью. В подвале устраивается тамбур. Рамы в окнах ^{с двойным остеклением.} одинарные, Во всех рамах первого яруса окон устраиваются форточки. Все окна с металлическими решетками.

Мастерские будут работать круглый год. Поэтому проектируются и выполняются водяное отопление, водоснабжение, канализация, электроосвещение, телефонизация, радиофикация. Все вводы и выходы наружных сетей должны быть сделаны только с южной и северной сторон в стенах придела XIX в. и по-возможности аккуратно.

Электроосвещение выполняется на базе современных приборов (бра, плафоны, переносные светильники). Только в центральной части церкви проектируется металлическая люстра (типа паникадила), которая подвешивается к существующей металлической цепи. Вся проводка скрытая. Трубы водяного отопления крепятся ершами к стенам.

В помещении церкви на плитяные полы могут укладываться маты (коврики) или дощатые щиты.

Подвал под церковь не должен особенно загружаться различного рода материалами и предметами, поскольку он является экспозиционным и может посещаться специалистами несколько раз в году.

Кровли на колокольне, приделе и главе – металлические, из оцинкованного железа. На церкви и алтаре – дощатые, двухслойные.

Составил: архитектор *М. Крайнев* (Л. Красноречьев)

О Т О П Л Е Н И Е

В существующей церкви Троицы будет размещена художественная мастерская.

Отопление церкви осуществляется от существующей котельной школы-интернат, согласно представленной справке треста котельных от 2 августа 1968 года за № 544.

Теплоноситель вода	$\approx 95^{\circ}$	и	$= 70^{\circ}$	С.
Теплопотери церкви при	24	и	$= 18^{\circ}$	С.
составляют $= 63000$ ккал/час.				

Система отопления принята двухтрубная, тупиковая.

Горячие магистрали прокладываются над окнами, обратные у пола, частично в подпольных каналах и под потолком подвала. В качестве нагревательных приборов принимаются радиаторы типа "Москва-140".

В Е Н Т И Л Я Ц И Я:

Проектом предусматривается естественная вентиляция. Для вентиляции используются существующие вентиляционные каналы и существующие окна (2-ой свет) в живописном цехе.

Сечение жалюзийных решеток см. план этажа.

ГОРЯЧЕЕ ВОДОСНАБЖЕНИЕ:

В здании устанавливается электробачёк для приготовления горячей воды, т.к. расход воды для мытья рук незначителен.

КОТЕЛЬНАЯ

Существующая котельная школы-интернат оборудована тремя водогрейными котлами и паровым котлом типа "Универсал-4":

= 35 м² каждый.

Котельная работает на газе. Теплопроизводительность водогрейных котлов равна

= 3 x 35 x 10000 = 1050,000 ккал/час.,

где 10000 - теплосъём м² водогрейных котлов работающих на газе.

Данная котельная снабжает теплом следующие здания:

1. Школа интернат	-	433500	ккал/час	сущ.
2. Хоз. корпус	-	43000	" "	" "
3. Медпункт	-	20730	" "	" "
4. Троицкая церковь	-	63000	" "	проект
5. Школа № 6	-	140000	" "	" "

(по укрупн. показателям)

Итого - 700250 ккал/час.

С К=1,2 = 1,2 x 700250 ± 850000 ккал/час.

Резерв по котельной составит:

1050000 - 850000 = 200000 ккал/час.

Существующих котлов достаточно для отопления Троицкой церкви и школы № 6. Существующие циркуляционные насосы

марки 2К-6 необходимо заменить на насосы типа 3К-9

= Q 45 м³/час H ± 31 м. в. ст. с эл. мотором типа А-51-2

= 2900 об/мин № = 7 квт.

Производительность насосов определится по формуле:

$$Q = \frac{850000}{(95-70)1000} = 42 \text{ м}^3/\text{час.}$$

Перед насосами устанавливается грязевик $d = 125$ мм.

Проектом предусматривается горячее водоснабжение от существующей бойлерной. На циркуляционной линии в котельной устанавливается центробежн. насос типа I I/2 K-6.

Существующие дутьевые вентиляторы ЭВР № 4 с эл. мотором А-42-4 демонтировать, на их месте устанавливается насос I I/2 K-6.

Расчет теплотерь школы № 6 по укрупненным показателям.

$$V = 7000 \text{ м}^3.$$

$$Q = ((1,1 \times 0,39(16+24) + 0,09(16+12)) \times$$

$$\times 7000 = 140000 \text{ ккал/час.}$$

ТЕПЛОСНАБЖЕНИЕ.

Трубопроводы отопления и горячего водоснабжения прокладываются в сборном жел/бетонном канале типа КЛ сеч. 900×45 (и) мм.

Трубопроводы изолируются минеральными матами толщиной 50 мм с последующей асбестоцементной штукатуркой. Трубопроводы укладываются на опорные бетонные подушки, которые устанавливаются через 4 метра для труб $D=80$ мм через 3 метра для труб $D=50$ мм. Компенсация тепловых удлинений решается за счет естественной компенсации (углы поворотов) и установки "П"-образных компенсаторов. В месте подключения школы № 6 предусматривается установка тепловой камеры сеч. $2,1 \times 2,2$ метра.

 Исполнила:

(Куценко)

ВОДОСНАБЖЕНИЕ

Источником водоснабжения творческих мастерских художников согласно справки треста "Водоканализации" является городской водопровод $D=100$ проложенный по ул. Пролетарской. Проектируемый ввод выполняется из чугунных водопроводных труб $D=50$ мм. На врезке в существующую городскую сеть устанавливается водопроводный колодец из сборных ж/бетонных колец $D=1250$ мм. В колодце, для отключения ввода на случай ремонта устанавливается чугунная задвижка $D=50$ мм.

В тамбуре на вводе устанавливается водомер К-15 с обводной линией.

КАНАЛИЗАЦИЯ:

Сборс сточных хоз. фекальных вод предусмотрен временно в септик, очистка которого производится ассенизационными машинами. После строительства канализации по ул. Пролетарской, от проектируемой станции перекачки у школы № 6, септик переключается к последней. Внутренние сети канализации прокладываются с уклоном

$$D=50 = 0,035$$

$$D=100 = 0,02.$$

Для прочистки сети на стояке предусматривается ревизия. Для вентиляции канализационной сети стояк канализации выводится выше крыши на 0,7 м.

Составила:

(Бурягина)

ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЕ

Согласно письму за № 6-8-68ТУ от 6/УШ-68 г. Новэлектросети от существующей сети до проектируемого объекта в траншее на глубине 0,7 м от поверхности земли прокладывается кабель с подсыпкой песка и покрытия кирпичом. Отпайка кабельной сети от существующей н/в производится через воронку установленную на опоре, спуск кабеля по опоре и в траншее. На высоте 2,5 м от земли по опоре кабель защищается угловой сталью. Очаг заземления выполняется из 3-х уголков забитых в грунте и соединенный сваркой проводом ЖД 6 мм.

ВНУТРЕННЕЕ ЭЛЕКТРОСВЕЩЕНИЕ

Освещенность помещений принята согласно СНИПа. Освещение принято рабочее. Вся осветительная сеть выполняется проводом АППВС скрыто в слое штукатурки. В подвале сеть выполняется кабелем АНРГ. В качестве светильников принята ар-ра с лампами накаливания и люминесцентные светильники. Для люминесцентных светильников сеть принята 4-х проводной. Для устранения радиопомех около щита на отдельной панели устанавливаются конденсаторы К-3-0,5 МФ. Учёт электроэнергии производится счетчиком включаемого через трансформаторы тока. Весь монтаж выполняется согласно ПУЭ.

Радиофикация:

Согласно письму РФ-18 от 26/УШ-68 г. для радиофикации от угла Пролетарской и Труда на протяжении 300 м сооружается стоечная сеть проводом ЖД 4 мм, с установкой 5 трубостоек

0,8 м и одной 2,5 м на проектируемом объекте, с установкой трансформатора ТАГ-10. Внутри здания устанавливается универсальная, ограничительная и радио розетки, согласно чертежу. Радиосеть принята проводом ПТВПС. Радиостойка заземляется.

ТЕЛЕФОНИЗАЦИЯ

Для телефонизации согласно письму Т-54 от 22 ноября 1968 г. от шкафа напротив школы № 6 в траншее на глубине 0,8 м от поверхности земли прокладывается кабель ТБ-10х2х0,5 мм. Ввод в здание кабелем с установкой распределительной коробки РК-10. От РК-10 прокладывается кабель ТРВК 1х2х0,5 мм до телефонного аппарата установленного в служебном помещении.

ТРЕВОЖНО-ПОЖАРНАЯ СИГНАЛИЗАЦИЯ

Возможные места доступа окна, двери блокируются установкой датчиков и наклейка провода ПЭЛ-0,12 мм по стеклянной части помещения, устанавливается прибор Сигнал ЗМ-1 питающий от сети 220 вольт. Включение шлейфа охранно-пожарной сигнализации на пульт центрального наблюдения производится по действующим телефонным парам, прибор Сигнал ЗМ-1 и абонентский комплект. Пожарные извещатели включены в сеть охр. сигнализации и устанавливаются по месту удобном при монтаже, из расчета 1-АТИМ-3 на 15 м². Сеть охранно-пожарной сигнализации принята кабелем ТРВК-1х2х0,5 мм.

Составила:

(Загоруйко)

КОПИЯ

УТВЕРЖДАЮ:

_____ утверждает задание должностное лицо,

_____ которое имеет право утвержд. проект

ЗАДАНИЕ

по составлению технической документации на капитальный ремонт

1. Наименование объекта и назначение ц-вь Троицы - мастерскиечисло этажей ОДИН площадь застройки _____ кв. м. [наличие мансард, подвала, полуподвала, указать, в каких частях здания) подвал в передней части зданияжилая площадь или производственная 280 кв. м количество квартир _____ год постройки _____ когда производился последний капитальный ремонт _____2. Процент сохранности здания по паспорту или по заключению, гор(рай)исполкома. 95%3. Адрес участка Пролетарская ул. 94. Владелец (наименование) Областное управление культуры5. Основные виды работ [смена или усиление: перекрытий, стен, полов, заполнений, инженерных сетей, отделочные работы, перепланировка, благоустройство и др., указать — с выселением жильцов или без выселения] реконструкция с приспособлением для художественных мастерских6. Наименование строительной организации СНРПМ

указать подрядный или хозяйственный способ строительства.

Размер накладных расходов 20,0% плановое накопление 6,0%

льготы по зарплате _____

премиально-прогрессивная оплата _____

Содержание технадзора 0,63%группа строительства по подрядчику Вторая

7. Расстояние перевозки и количество перевозимого имущества квартиросъемщиков (в тоннах)

—

8. Расстояние от объекта до ближайшей станции железной дороги, открытой для приема грузов

—

9. Дальность возки от карьера до объектов:

камня _____ гравия _____ песка _____ грунта _____

10. Описание конструктивных элементов строения (материал, конструкция, отделка и пр. и процент износа) **кирпичное здание, кровля – асбофанерная**

фундаменты **существующие**

наружные и внутренние капитальные стены **согласно планировки**

перегородки **согласно планировки**

перекрытие чердачное **существующее**

перекрытия междуэтажные **существующее**

крыша **осуществующая**

окна **согласно технологии**

ПОЛЫ **еще согласно технологии**

двери **согласно проекта**

внутренняя отделка **штукатурка с покраской**

наружная отделка **штукатурка с покраской**

отопительные приборы **Центральное отопление**

другие элементы (крыльца, лестницы, отмостки и пр.) **согласно проекту**

11. Данные о наличии и состоянии инженерных сетей (при отсутствии—указать необходимость проектирования и условия подключения к внешним сетям, подтвержденных справками заинтересованных сторон):

электроосвещение _____

водопровод _____

канализация _____

газ _____

теплоснабжение _____

вентиляция _____

телефонизация _____

радиофикация _____

12. Характеристика существующего благоустройства и виды работ по капремонту:

ограждение _____
дороги и тротуары согласно проекту
надворные постройки _____
_____ согласно проекту
озеленение _____ согласно проекту
ливнестоки _____ согласно проекту
планировочные работы _____ согласно проекту
зеленые насаждения _____

13. Источник финансирования проектно-изыскательских работ, номер расчетного счета, наименование финансирующего банка _____

Задание составил _____
фамилия, подпись

_____ 197 г.

Согласовано:

1. *Госсан инспекция* _____
2. *Пожарная охрана* _____
3. *Подрядчик* _____

примечание на обороте

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. Для получения более полных материалов, обеспечивающих выявление объёма ремонтных работ и проектных решений заказчик по указанию проектной организации производит вскрытие конструктивных элементов. После окончания обследования заказчик выполняет заделку мест вскрытия своими силами и за счет своих средств.

2. По результатам обследования конструктивных элементов составляется техническое заключение с подробным описанием обнаруженных дефектов, материал конструкций и др. Техническое заключение подписывают работники проектной организации, заказчик, подрядчик и др. специалисты, участв. в обслед. вскрытых конструкций

3. При условии расширения, вызывающей реконструкцию объекта заказчик представляет решение (рай) горисполкома, архитектурно-планировочное задание от главного архитектора, справки о подключении к внешним инженерным сетям. В данной случае работы могут выполняться только за счет средств капитального строительства по государственному плану.

4. К заданию на составление технической документации на капитальный ремонт заказчик представляет письмо-заказ с указанием особых условий, а также представляет схему земельного участка и другие исходные материалы, необходимые для проектирования.

Согласовано: 1. Госсанинспекция
2. Пожарная охрана
3. Подрядчик

С пожарной охраной согласовано, при условии:

предусмотреть не менее двух эвакуационных выходов наружу и обработки деревянных конструкций, огнезащитным составом, установки у церкви пожарного гидранта - подпись

27/УШ-68 г.

КОПИЯ.

Новгородское обл. производ.-технич. управление
Новгородская телеграфно-телеф. станция

Исх. № 403

9 августа 1968 г.

Председателю правления Новгородского
отделения союза художников РСФСР

тов. ЖУРАВЛЕВУ

На Ваше письмо от 8/УШ-68 года телеграфно-телефонная станция сообщает, что телефон в ц. Троицы может быть установлен на общих основаниях. Ваша заявка взята на учет.

Нач. Новгородской ТТС

Н. Матусевич

Верно:

Копия

Новгородский Горкомхоз исполкома Городского совета
депутатов трудящихся

УПРАВЛЕНИЕ НОВГОРОДСКОЙ ГОРОДСКОЙ ЭЛЕКТРОСЕТИ
НОВЭЛЕКТРОСЕТЬ

№ 6-8-68 ту

6 августа 1968 г.

Председателю правления
Новгород. отделения СХ РСФСР

тов. ЖУРАВЛЕВУ

Управление Новгородской городской электросети сообщает, что для электроснабжения помещения художественного фонда (ц. Троицы по ул. Пролетарской) с общей мощностью 16 квт необходимо:

1. От ВЛ-0,4 кв. по ул. Пролетарской (от ближайшей опоры) проложить кабель АСБ-I кв. сечением по расчету до щита низкого напряжения, который необходимо установить в помещении.
2. Установить на вводе приборы учёта электроэнергии.
3. Трассу кабеля согласовать со всеми организациями, имеющими подземные коммуникации и с архитектором города.
4. Проектно-сметную документацию согласовать с Новгородской городской электросетью.

Настоящие технические условия действительны в течение года со дня выдачи.

Гл. инженер управления
Новэлектросети - (ТРУТ)

Верно:

КОПИЯ:

Кому - Областному отделению Союза
художника РСФСР

СПРАВКА ПО ВОДОСНАБЖЕНИЮ

1. Наименование объекта - церковь Троицы - мастерские художественного фонда.
2. Адрес участка - Пролетарская 9.
3. Застройщик - Областное управление культуры.
4. Источник снабжения - городская водопроводная сеть.
5. Место подключения к существ. водопровод. сети - ул. Пролетарская.
6. Расстояние от места подключения до проектируемого объекта.
7. Существ. напор и диаметр существующего трубопровода - напор - 1,5 атн. тр. - 100 мм.
8. Глубина заложения существующей сети 2,2 м.
9. Выкопировка сущ. сети из генплана.

Подпись гл. инж.

Верно:

КОПИЯ

Новгородский городской Совет депутатов трудящихся
Предприятие объединенных котельных и тепловых
сетей г.Новгорода

№ 544

от 2 августа 1968 г.

Председателю правления
Новгородского отделения
союза художников РСФСР

тов. Журавлеву

На Ваше письмо от 1 августа 1968 года по вопросу подключения ц.Троицы к тепловым сетям сообщаю, что обеспечение теплом указанного объекта может быть произведено от котельной школы-интернат № 2 при условии реконструкции котельной.

Директор предприятия
объединенных котельных
и тепловых сетей

- А.Муравьев

Верно:

Новгор. гор. радиотран-
сляционный узел

Новгород. обл. производ-
технич. управления

26 августа 1968г.

№ рф-18

КОПИЯ

Гор.Новгород, Председателю правления
отделения Союза художников РСФСР

тов. Журавлеву

В проектно-сметной документации по приспособлению помещения художественного фонда в ц.Троицы по ул. Пролетарской д.№ 9 необходимо предусмотреть следующий объём работ по радиофикации:

1. Строительство стоечной радиолинии 0,3 км с установкой 5 трубостоек габаритом 0,8 м с оборудованием к ним безопасного подхода.

2. Подвеску проводом 0,6 км сталь \emptyset 4 мм и установкой одного трансформатора ТАГ-10.

3. Оборудование внутренней абонентской сети с установкой радиаточек.

Место подключения угол улиц Пролетарской и Труда.

Начальник городского
радиотрансляционного узла - Киселев

Верно:

Копия

НОВГОРОДСКАЯ ТЕЛЕГРАФНО-ТЕЛЕФОННАЯ СТАНЦИЯ

19 ноября 1975 г. № 856
на № 959

Директору СНРПМ
г. Шафрановскому

Телеграфно-телефонная станция сообщает, что для установки телефона в мастерские художников (ц. Троицы на Пролетарской ул.) необходимо выполнить следующие работы:

1. От кабельного ящика (напротив школы № 6) до объекта подвесить кабель ТПП-10 х 2 х 0,5.
2. На объекте установить КРТ-10.

Начальник ТТС: - Лепехин

Верно:

КОПИЯ.

Новгород. производст.
управление водопро-
водно-канализ. х-ва

№ 672

Директору СНРПМ

13 ноября 1975 г.

т. Шафрановскому Р. Ф.

На Ваш № 960 от 12 ноября 1975 года, Новгородское производственное управление водопроводно-канализационного хозяйства сообщает, что подключение водопровода к мастерским художников (ц. Троицы по Пролетарской улице) произвести от водопроводной линии Д-100 мм, идущей по улице Пролетарской.

Для сброса хоз. фекальных вод Вам необходимо запроектировать местную насосную станцию с последующим подключением к городской магистрали по ул. Чернышевского.

Либо, принять доленое участие в строительстве местной насосной станции и коллектора, идущего от школы № 6 по ул. Пролетарской.

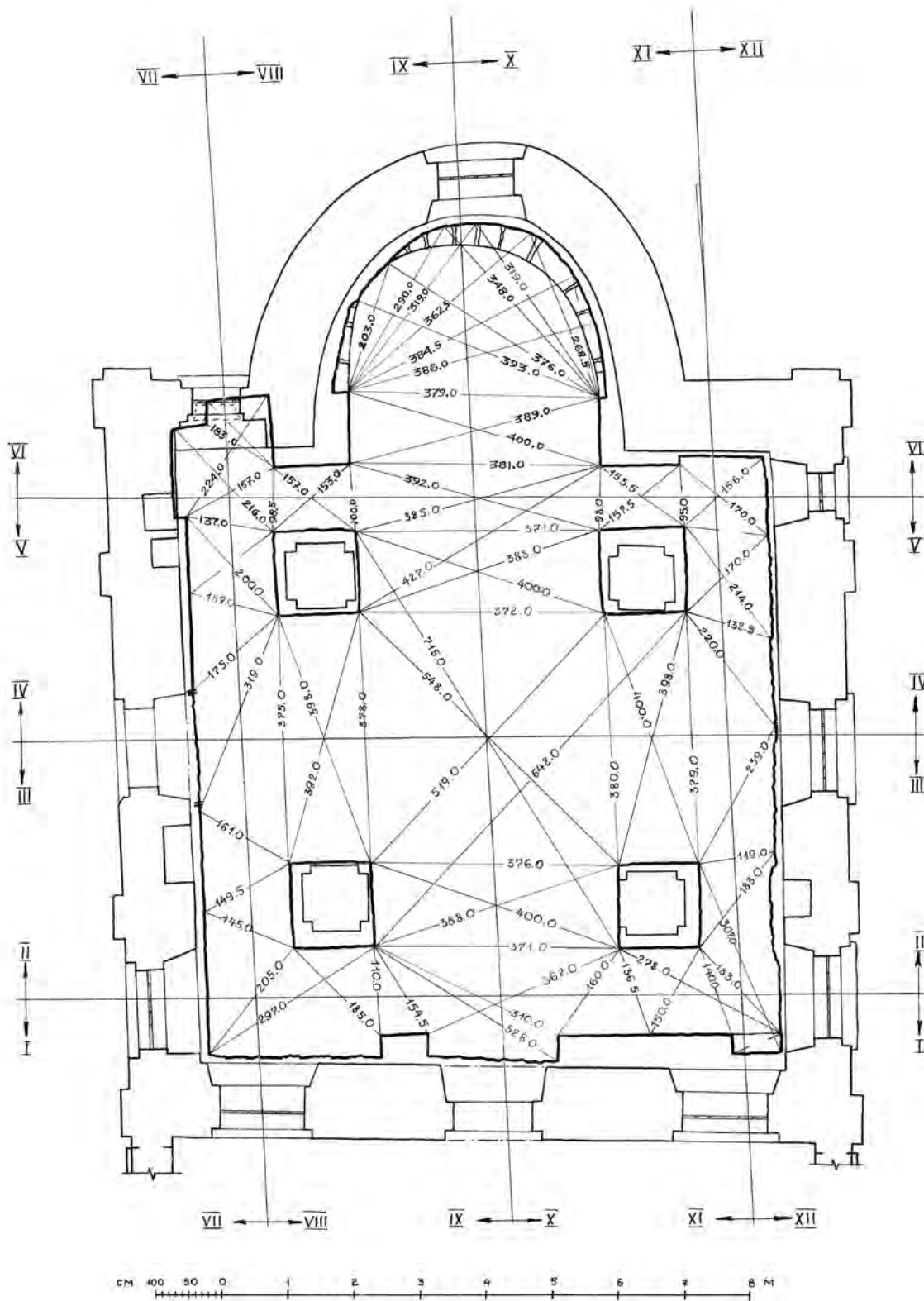
Данный вопрос необходимо согласовать с заказчиком этой канализации (школой № 6) и проектно-сметным бюро для учета при проектировании канализации, сбрасываемых стоков от ц. Троицы.

Главный инженер
упрвления

- Н. Ф. Свиридов

Верно:

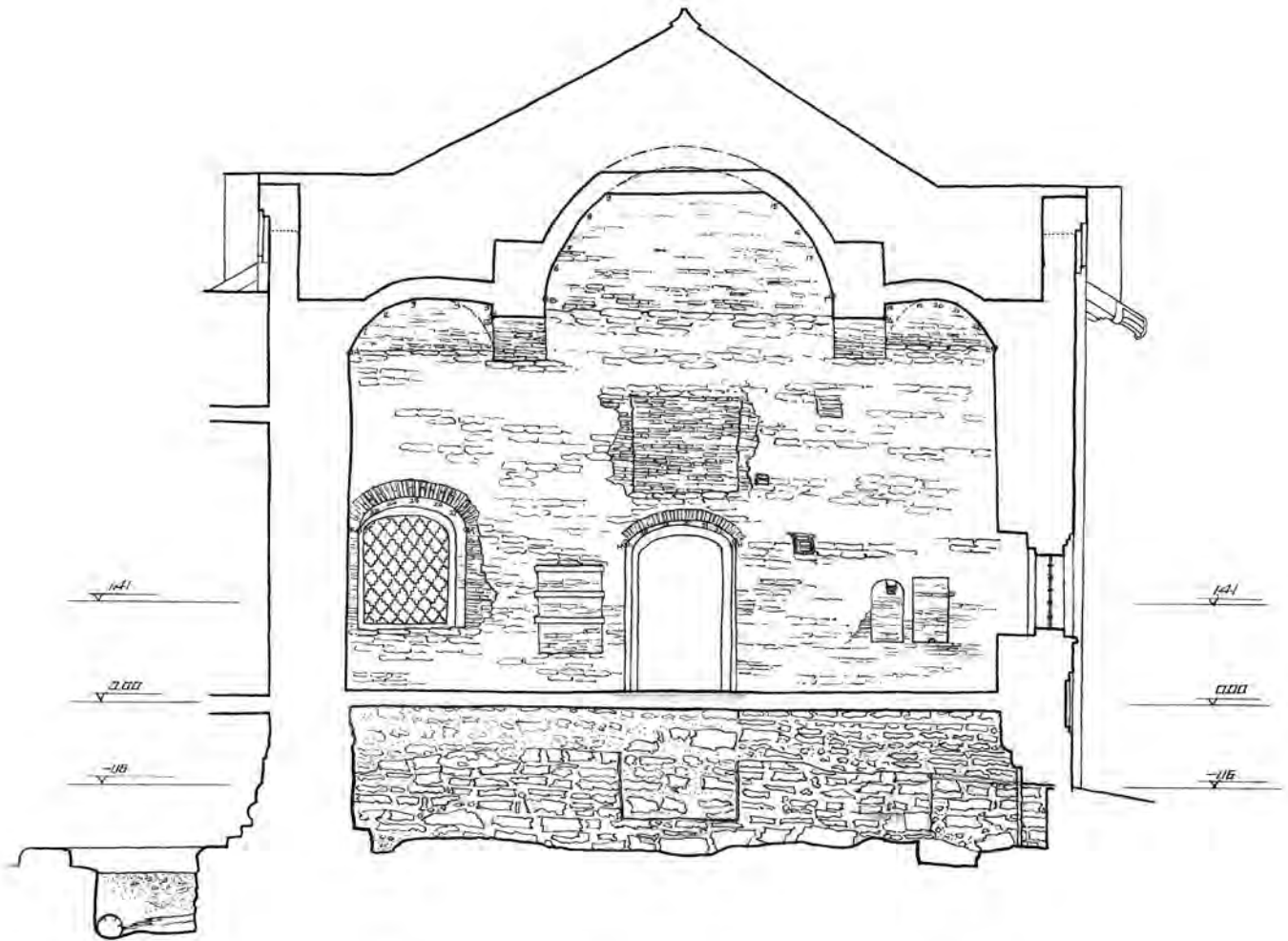

ПРИМЕЧАНИЕ:

Пунктир контуры показан план церкви 1734г. (отм. +1.00)

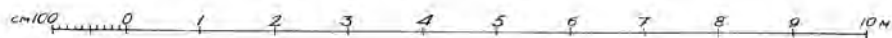
Новгородская специальная научно-реставрационная производственная мастерская
 ц. ТРОИЦЫ в ЯМСКОЙ СЛОБОДЕ
 (на Троицкой улице)
ПЛАН ЦЕРКВИ 1365г. (-116)
 архитектурно-археологический обмер
 Директор ~~Шарановский Р.Ф.~~ Шарановский Р.Ф.
 Гл. архитектор ~~Висимьев А.В.~~ Висимьев А.В.
 Рук. пр. тр. ~~Вяженин Г.Ф.~~ Вяженин Г.Ф.
 Рук. объекта ~~Миронова А.Е.~~ Миронова А.Е.
 исполнила ~~Миронова Н.Н.~~ Миронова Н.Н.
 сентябрь 1976г.

Ц. Троицы в Ямской слободе
(на западной стороне)

А-1000-Б	210	10	3250	800	20	1060	800	29	1040		
100	7	1850	2400	11	5020	1280	27	280	890	30	780
700	2	1540	2750	12	2680	1350	22	420	160	31	520
1150	3	1160	3050	13	2330	К-1540-Л			1360	32	310
1700	4	520	3530	14	1910	340	23	1400			
2120	5	170	3580	15	1460	810	24	1150			
В-1050-Г			3800	16	850	900	25	870			
420	6	3930	3900	17	580	1200	26	560			
800	7	3840	Δ-1650-Е			1400	27	340			
1230	8	3700	180	18	1000	М-1520-Н					
1620	9	3510	520	19	1220	380	28	1300			

М А С Ш Т А Б 1 : 50

П Р И М Е Ч А Н И Я:

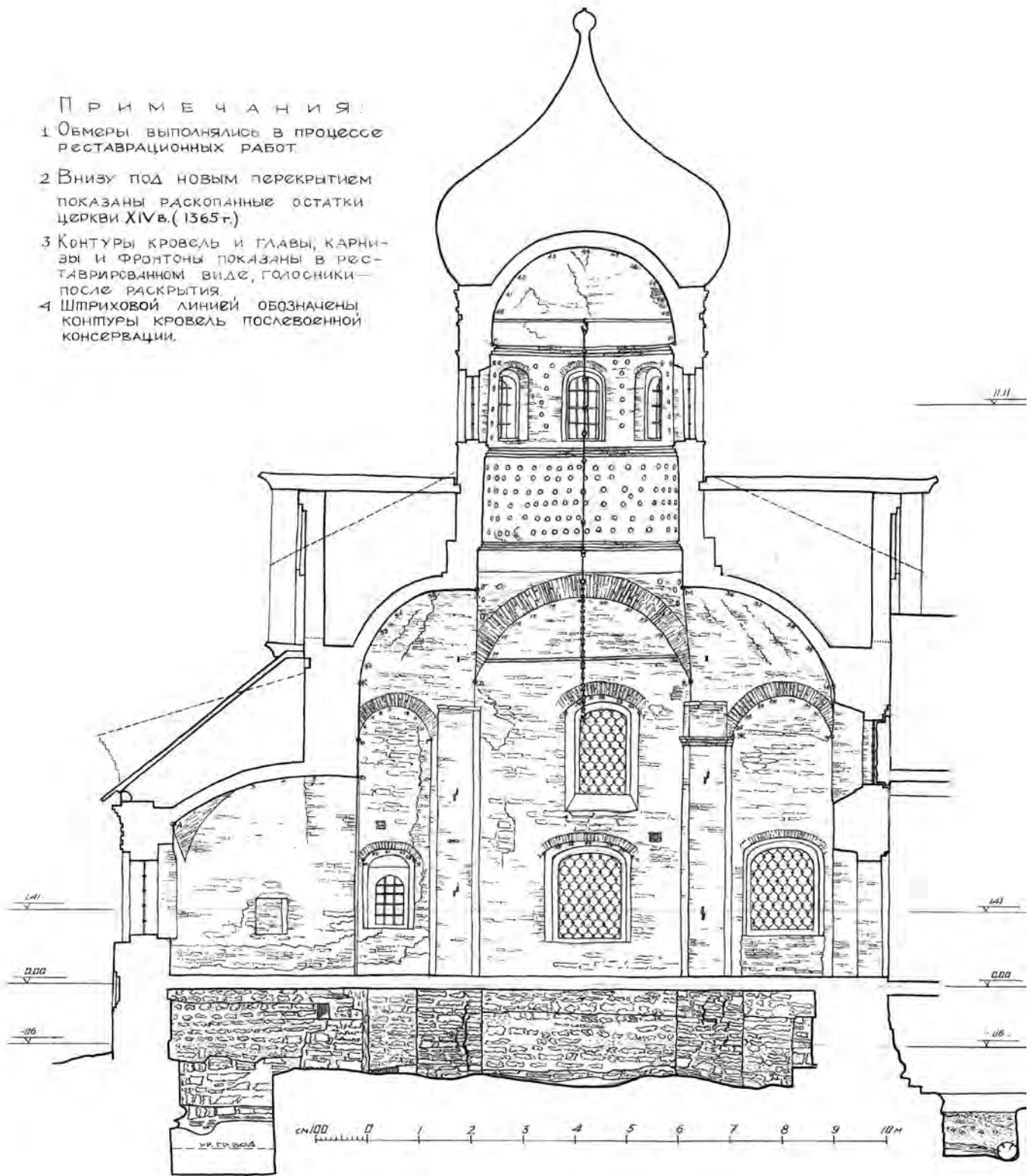
1. Обмеры выполнялись в процессе реставрационных работ.
2. Внизу под новым перекрытием показаны раскопанные остатки церкви 1365 г.
3. Контуры кровель, карнизы и фронтоны показаны в реставрированном виде.

Объединение "Доррстабразия"
Новгородская специальная научно-реставрационная
производственная мастерская
Ц. Троицы в Ямской слободе
(на западной стороне)
ПОПЕРЕЧНЫЙ РАЗРЕЗ НА СЕВЕР (VII-VII)
архитектор-археологический кабинет
ДИРЕКТОР ШАФРАНОВСКИЙ Р.Ф.
Инженер СВЯТНИКОВ А.А.
Рук. проекта ГР. БАКАКИН Г.Ф.
Рук. обмеров М. ГРАУЗ, КРАСНОРЕЧЕВ Л.Е.
Исполнил Шонгуров В.С.

январь 1977 - январь 1978 г.

П Р И М Е Ч А Н И Я:

- 1 Обмеры выполнялись в процессе реставрационных работ.
- 2 Внизу под новым перекрытием показаны раскопанные остатки церкви XIV в. (1365 г.)
- 3 Контуры кровель и главы, карнизы и фронтоны показаны в реставрированном виде, голосники — после раскрытия.
- 4 Штриховой линией обозначены контуры кровель послевоенной консервации.

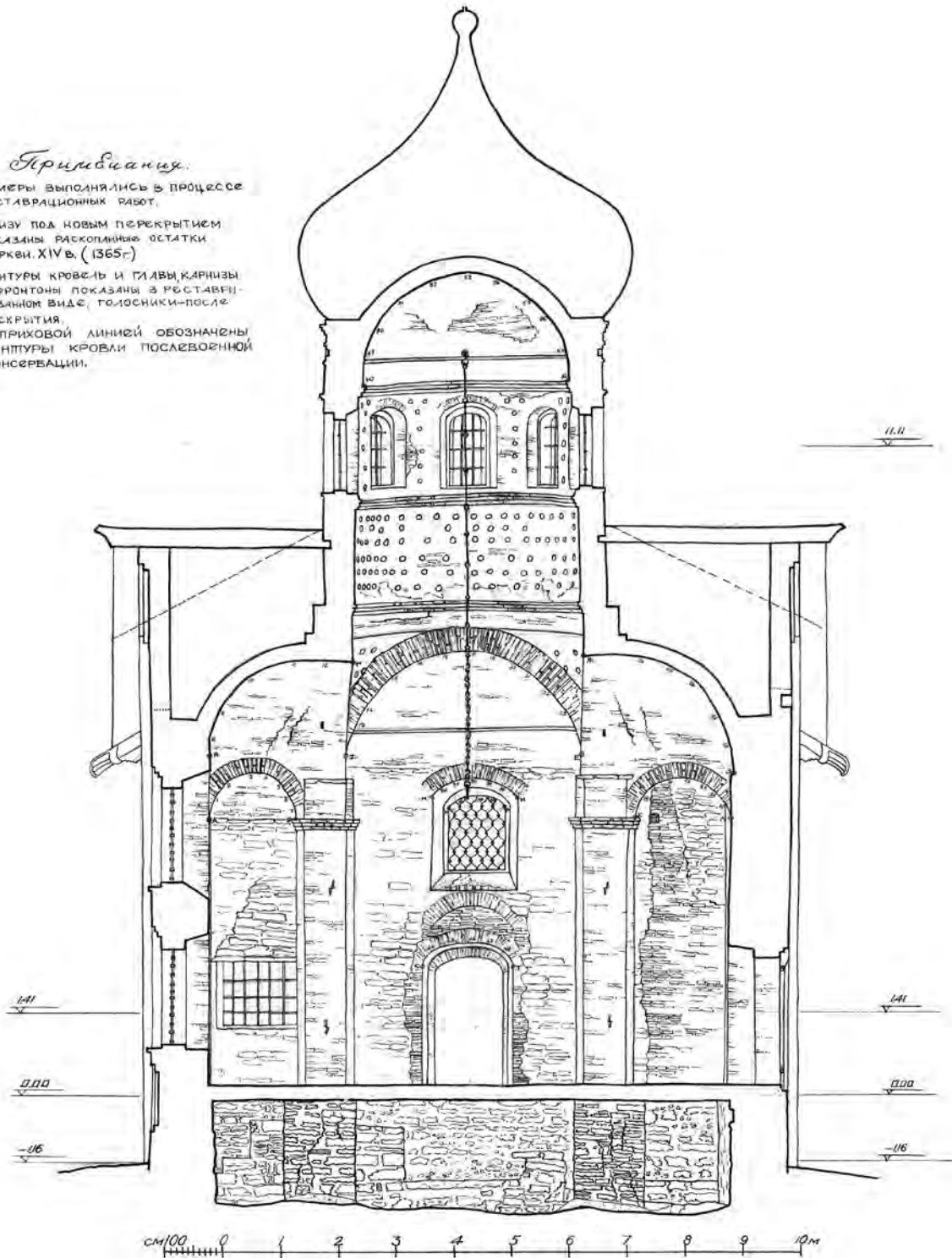

А-388-Б	12,30	11	540	3250	23	1050	1070	33	2010	2020	43	2880	1280	56	1910		
46,0	1	3250	1300	12	360	3350	24	530	1300	34	1620	2600	44	2510	У-103-X		
121,0	2	2500	Д-480-Е	Ж-1905-З	230	3,5	900	3000	45	2050	3000	45	2050	310	55	1400	
172,0	3	2030	60,0	14	380	30,0	2,5	188,0	3220	46	185,0	3220	46	185,0	350	56	1190
230,0	4	142,0	96,0	15	380	40,0	2,6	174,0	3400	47	184,0	3400	47	184,0	920	57	82,0
282,0	5	8,0	131,0	16	380	80,0	2,7	158,0	3450	48	185,0	3450	48	185,0	1280	58	46,0
			173,0	17	350,0	100,0	2,8	136,0	3500	49	180,0	3500	49	180,0	145	59	29,0
			300,0	18	310,0	130,0	2,9	110,0	3720	50	180,0	3720	50	180,0	10	60	28,0
			370,0	19	265,0	160,0	3,0	78,0	3900	51	180,0	3900	51	180,0	310	60	28,0
			73,0	8	185,0	200,0	3,1	55,0	4100	52	170,0	4100	52	170,0	520	61	38,0
			87,0	9	122,0	333,0	3,2	184,0	4300	53	160,0	4300	53	160,0	850	62	30,0
			110,0	10	24,0	354,0	3,3	150,0	4500	54	150,0	4500	54	150,0	900	63	18,0
						390,0	3,3	258,0	4700	55	140,0	4700	55	140,0			

Объемные, Родригес-Торре
 Авторский надзор и авторская разработка
 архитектора Г.И. Шенякина
 г. Ярославль, ул. Ямская, 11
 (напротив Ярославского ул.)
ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ НА ЮГ
 архитектурно-археологический
 Директор: Г.И. Шенякин
 Инженер: Г.И. Шенякин
 Рук. проектной группой: Г.И. Шенякин
 Рук. измерениями: М.И. Шенякин
 Исполнитель: Шенякин
 Ярославль - декабрь 1977

Примечания.

1. Размеры выполнялись в процессе реставрационных работ.
2. Внизу под новым перекрытием показаны раскопанные остатки церкви XIV в. (1365 г.)
3. Контуры кровель и главы, карнизы и фронтоны показаны в реставрированном виде, голосники — после раскрытия.
4. Штриховой линией обозначены контуры кровли послевоенной консервации.

А-1480-Б	1570 15 3510	830 30 1460	3010 44 1430
370 1 1420	2120 16 3230	810 31 1020	580 43 1050
710 2 1350	2450 17 2910	1120 32 1005	510 46 830
1050 3 1200	2780 18 2580	1300 33 740	1220 41 580
1240 4 940	3070 19 2280	1440 34 510	1420 48 230
1370 5 670	3220 20 1980	1610 35 230	Ю-3530-Я
1450 6 410	3480 21 1660	1800 36 1500	5270 49 5570
1500 7 180	3680 22 740	180 37 1020	1020 50 3550
В-2950-Г	3860 23 630	180 38 1020	1560 51 3250
330 8 2830	4020 24 2330	180 39 580	1730 52 2800
720 9 2500	4180 25 2050	180 40 340	2620 53 2380
1480 10 1835	4360 26 1730	270 41 730	2820 54 2150
2080 11 1020	4550 27 1040	340 42 690	355 57 510
3560 12 300	4750 28 540	770 43 260	58
Δ-4030-Е	4950 29 1530	С-3020-Т	58
520 13 3510			58
860 14 3830			58

Объект: «Реставрация»
 Людинская соборная церковь (реставрация)
 и проект реставрации (на 11 раздаточных ул.)
 14. Троицкая в Ямской слободе.
 Директор: Шафрановский Р.Ф.
 Главный инженер: Сыркин А.А.
 Руководитель проекта: Бакин Г.Ф.
 Руководитель работ: Красносельский Л.Е.
 Исполнитель: Шогуров В.С.
 1977 г.

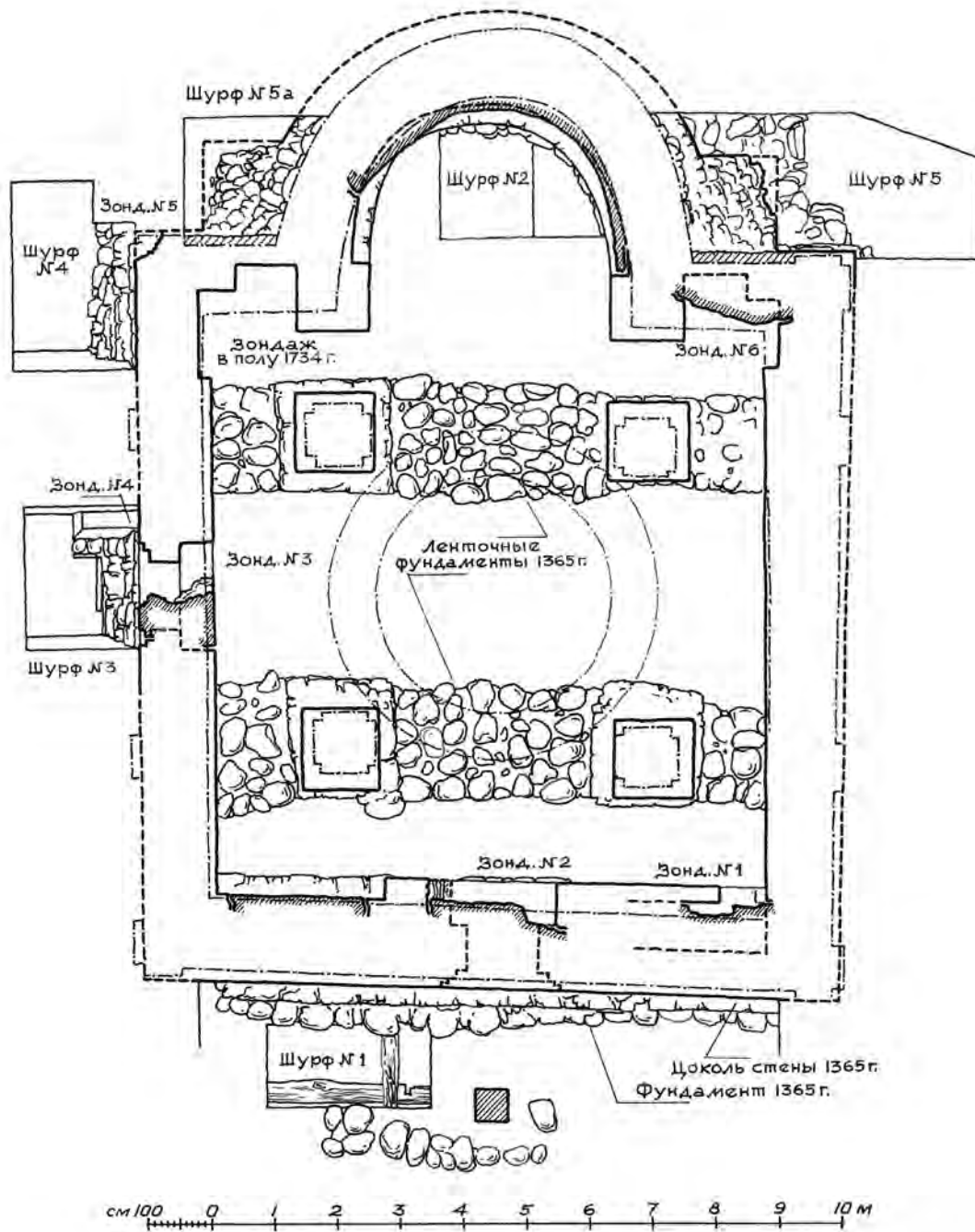

см 100 0 1 2 3 4 5 м

Ц. Троицы на Пролетарской ул. Северный фьодов.

Реконструкция покрытий нач. XIX в.

Кировская специальная научно-реставрационная
Производственная Мастерская
Ц. Троицы на Пролетарской ул.
Директор: *Шарановский И.Ф.*
Гл. архитектор: *Симонов К.И.*
Рук. проектн. гр.: *Васакян Г.Ф.*
Автор проекта: *Красноярцев Л.В.*
а. в. ч. с. м. 1964 г.

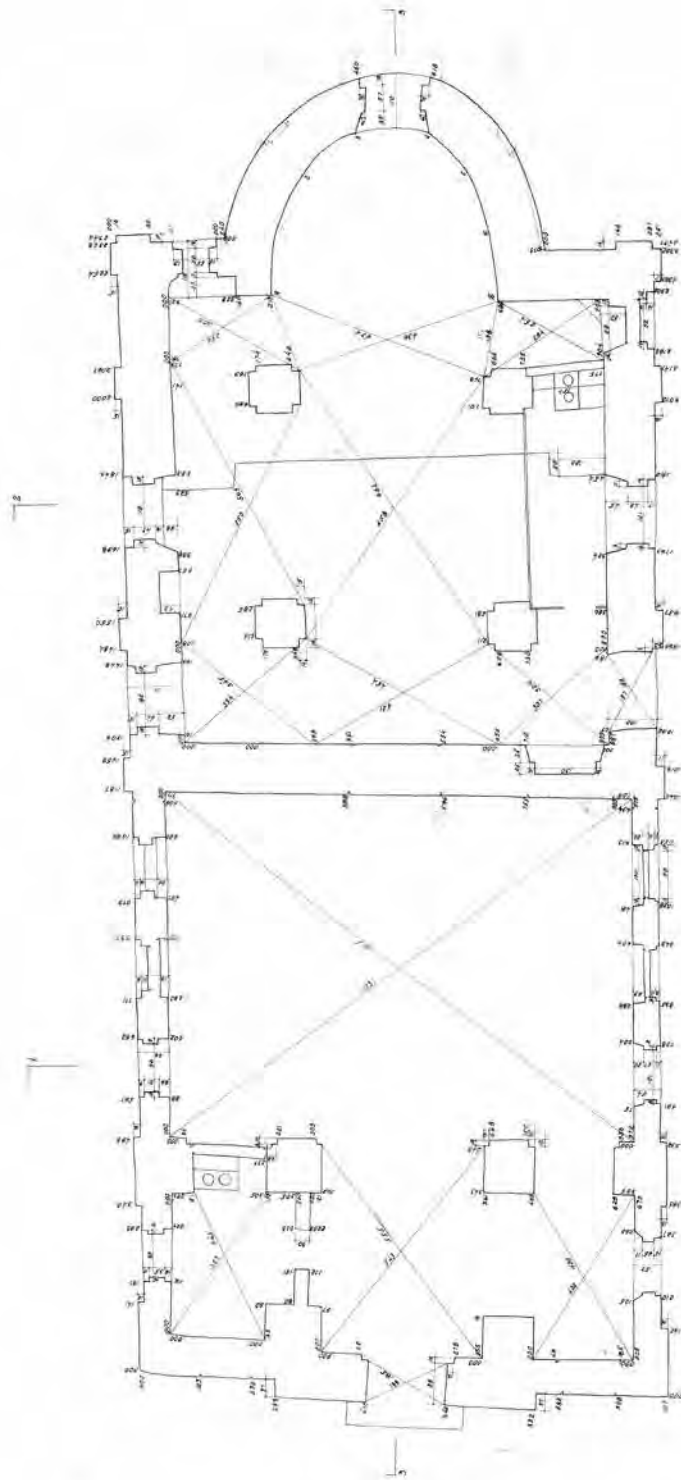

- Вскрытые при исследовании части стен и фундаментов 1365 г.
 - Реконструируемые формы церкви 1365 г. в плане
 - План церкви 1734 г. на отл. 0.00 и ниже
- Остатки церкви 1365 г., вскрытые на разных отметках, условно показаны в одном уровне.

Объединение "Росреставрация"
Новгородская государственная научно-реставрационная
производственная мастерская
Ц. Троицы в Ямской слободе
(на Пролетарской ул.)
План церкви с нанесением
результатов исследования
Архитектурно-археологический кабинет
Директор Сырников А. А.
Гл. архитектор Шафрановский В. Ф.
Рук. проектн. гр. Левцов В. С.
Нач. отдела Кузьмина Н. И.
Исполнил М. Кардаш, Красноречев А. В.
июль-август 1979 г.

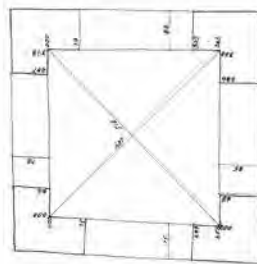
Щ С Р К О Д Е Ш П О Д З Н Я Ф И С З О Я С Т О Б Е Д А С

П Л А Н П Л А О Т У Л - 100

КОЛОКОЛНИЦА

П Л А Н П Л А О Т У Л - 8.00

Примечание: разрывы не являются
линейными, они даны в виде точек.

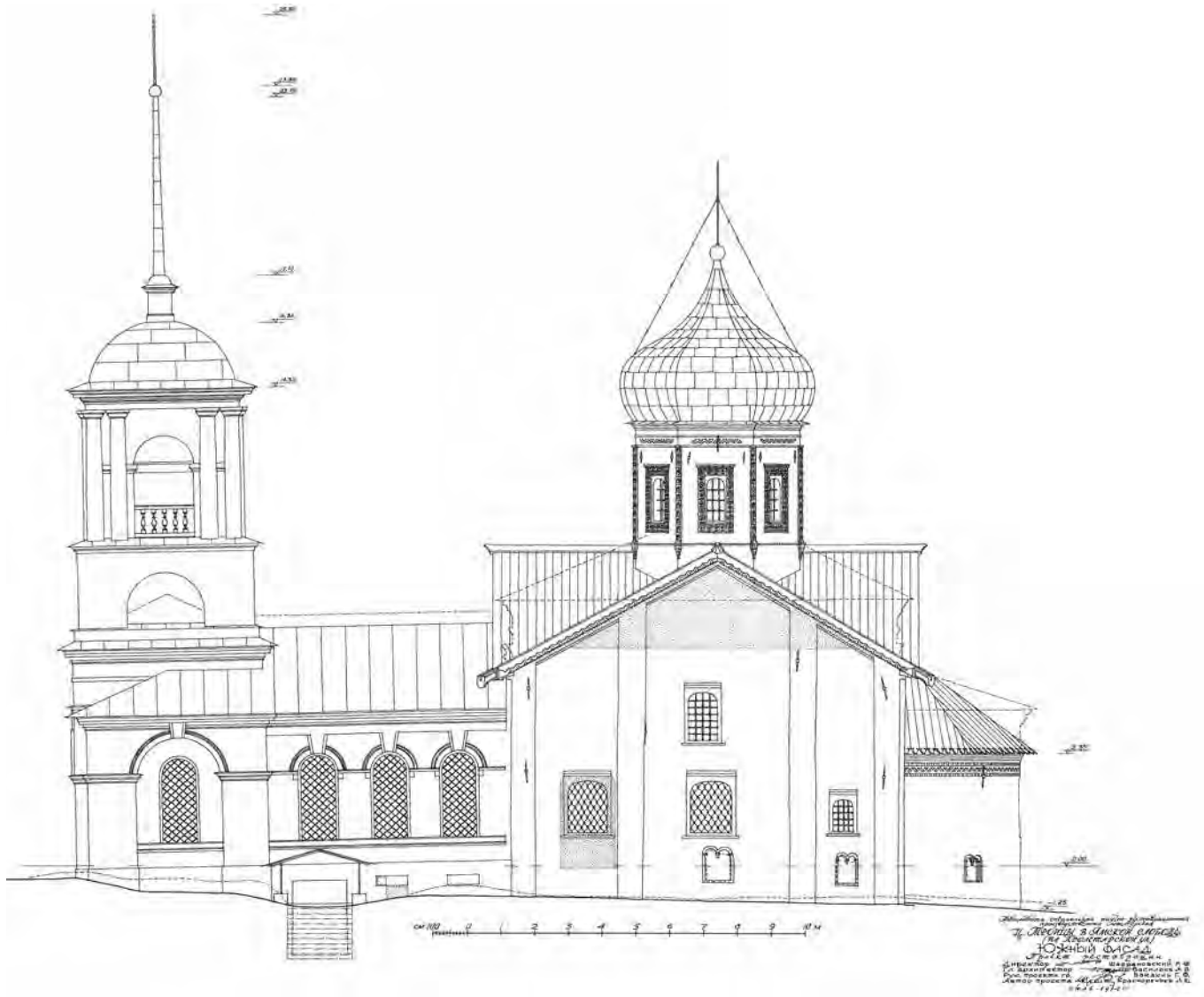
Специальная комиссия - реставрационная комиссия
по охране памятников культуры и истории
г. Ярославля. Протокол № 10/20-010
Выпущено: 10.05.2001
Инженеры: М. Зайцева, В. И.
Овчинников
Копировала: Гусева Н.В.

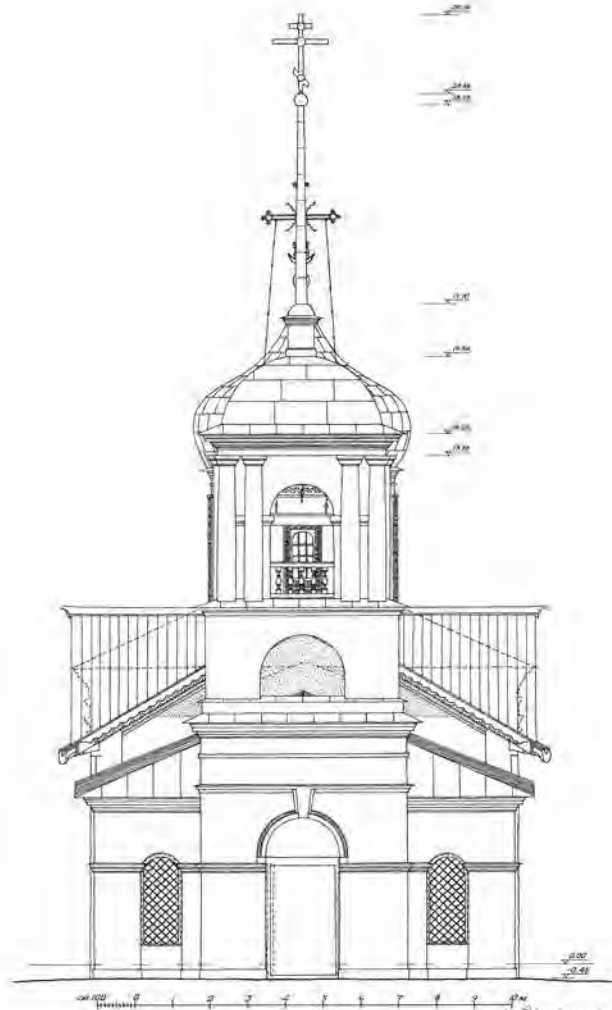
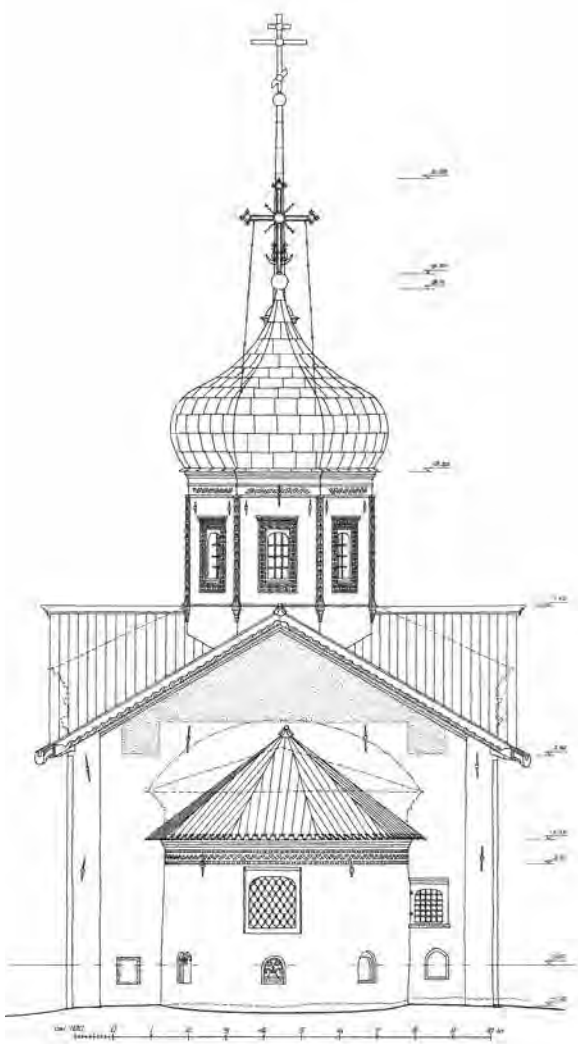

№	ИЗ	№	ИЗ
1	1	1	1
2	1	2	1
3	1	3	1
4	1	4	1
5	1	5	1
6	1	6	1
7	1	7	1
8	1	8	1
9	1	9	1
10	1	10	1

№	ИЗ	№	ИЗ
1	1	1	1
2	1	2	1
3	1	3	1
4	1	4	1
5	1	5	1
6	1	6	1
7	1	7	1
8	1	8	1
9	1	9	1
10	1	10	1

Титульный лист проекта реставрации
Троицкой церкви в с. Людина
1980 г. (архив ЦОИ РАН)
Восточный и западный фасады
Троицкой церкви
Архитекторы: О. В. Кардаш, О. В. Гаевская и др.
Инженеры: В. В. Гаевская, О. В. Кардаш и др.
Автор проекта: О. В. Кардаш, архитектор Е.
1980 г.

Рис. 1. Церковь Троицы в Ямской слободе Новгорода Великого. Интерьер храма, реставрация на период с 1830 года. Барабан центрального купола. Фото В. В. Гаевской 2019 г.

Рис. 2. Церковь Троицы в Ямской слободе Новгорода Великого. Интерьер храма, реставрация на период с 1830 года. Колонна. Фото В. В. Гаевской 2019 г.

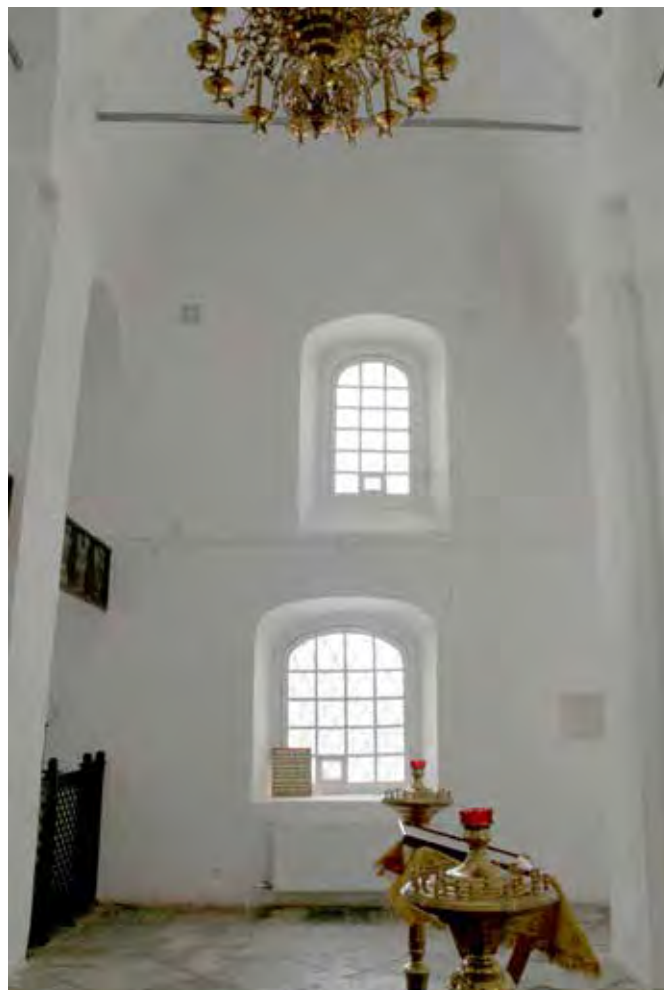

Рис. 3. Церковь Троицы в Ямской слободе Новгорода Великого. Интерьер храма, реставрация на период с 1830 года. Окна бокового фасада. Фото В. В. Гаевской 2019 г.

Рис. 4. Церковь Троицы в Ямской слободе Новгорода Великого. Интерьер храма, реставрация на период с 1830 года. Хоры. Фото В. В. Гаевской 2019 г.

Рис. 5. Церковь Троицы в Ямской слободе Новгорода Великого. Интерьер храма, реставрация на период с 1830 года. Плиты пола XIX века. Фото В. В. Гаевской 2019 г.

Рис. 6. Церковь Троицы в Ямской слободе Новгорода Великого. Подцерковье. Интерьер храма, реставрация на период с 1365 года. Основание апсиды. Фото В. В. Гаевской 2019 г.

Рис. 7. Церковь Троицы в Ямской слободе Новгорода Великого. Подцерковье. Интерьер храма, реставрация на период с 1365 года. Основание колонн. Фото В. В. Гаевской 2019 г.

Рис. 8. Церковь Троицы в Ямской слободе Новгорода Великого. Подцерковье. Интерьер храма, реставрация на период с 1365 года. Кладка основания стен. Фото В. В. Гаевской 2019 г.

Рис. 9. Церковь Троицы в Ямской слободе Новгорода Великого. Подцерковье. Интерьер храма, реставрация на период с 1365 года. Кладка пола. Фото В. В. Гаевской 2019 г.

Е. В. Пчелов

Историко-архивный институт РГГУ
ул. Никольская, д. 15, г. Москва, 103012, Россия
E-mail: evg-pchelov@yandex.ru

Еще раз о югорском гербе

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты истории югорского герба в XVI–XIX вв. Два этапа в истории Югры маркируются двумя совершенно разными гербами. Если первый герб отражал природно-промысловые особенности края, то второй носил символический характер, по-видимому связанный с христианской семантикой. Обращено внимание на некоторые малоизвестные изображения югорского герба и первые его описания, в результате которых постепенно сформировалась расцветка герба. Последний ее вариант был связан с возрождением геральдических «традиций» допетровской Руси в эмблематико-символической ситуации русской культуры второй половины XIX века.

Ключевые слова: Югра, герб, эмблема.

Югорский герб прошел длительную эволюцию, хотя и не все ее этапы для нас очевидны [Пчелов, 2018-1. – С. 205–208]. В его истории четко различаются два периода: первый – конца XVI века (с 1570-х гг.) и второй – после длительного перерыва, в течение которого этот герб не встречается на памятниках с титульными гербами, – с начала 1670-х гг., когда при составлении Царского Титулярника югорский герб был, по-видимому, составлен заново. В своем первом варианте, представленном на Большой печати Ивана Грозного, в качестве югорской эмблемы выступает белка. Именно так трактовал это изображение в своей, к сожалению, так и оставшейся неопубликованной диссертации А. А. Ураносов («пушной зверь, напоминающий белку») [Ураносов, 1952. – С. 262]. Еще более очевидным оказывается это изображение на доспехах Лжедмитрия I, где лицевая сторона печати Ивана Грозного была воспроизведена с ее оттиска. Здесь визуальные особенности белки выражены более отчетливо. Пушной промысел и сбор дани беличьими шкурками – вполне достаточные основания для объяснения происхождения этой эмблемы. Помимо хорошо известного летописного сообщения 1114 г. о белках и «оленцах», падающих из туч в «полунощных странах», можно вспомнить и свидетельство Помпония Лэто, относящееся к 1470-м гг., о «драгоценных белках», которыми, наряду с соболями, промышляют жители Югры [Кардаш, Гайдакова, 2018. – С. 65].

Второй вариант югорского герба, совершенно отличный от первого, был создан, вероятно, в связи с подготовкой Титулярника в 1672 г. Всего в этом году было создано три экземпляра этой книги: один «главный» и два – меньшего формата для царя Алексея Михайловича и для наследника престола, царевича Федора Алексеевича. Первый экземпляр хранится в РГАДА; второй, царский, – в библиотеке Эрмитажа; третий, царевича, – в собрании РНБ. Рисунки югорского герба в них практически идентичны. В третьем экземпляре отличается цвет облаков, из которых выходят руки. Правое облако (от герба) голубое, а левое – зеленое. В первом экземпляре древки и бунчуки копий красные, а наконечники золотые; во втором древки и бунчуки золотые, наконечники копий – серебряные; в третьем древки

и наконечники серебряные, а бунчуки – золотые. Все эти детали лишь указывают на статус того или иного экземпляра. В царском экземпляре использовано больше золота, в то время как в экземпляре царевича – серебра [Пчелов, 2018-2. – С. 420–421].

Важна семантика этой эмблемы – две руки, выходящие из облаков и держащие два скрещенных копья. Рука, выходящая из облаков, могла иметь, прежде всего, христианский смысл. Анализ изображений ряда титульных эмблем в Титулярнике показывает очень примечательную тенденцию. По сравнению с прежними вариантами в новых эмблемах значительно усилена христианская символика. Так, в псковскую эмблему (барс) была добавлена выходящая из облаков благословляющая рука, в пермскую (медведь) – евангелие с крестом, в болгарскую (хищный зверь) – хоругвь, в вятскую (лук со стрелой) – рука из облаков и крест. Югорский герб, как кажется, также вписывается в этот ряд.

О христианской его семантике свидетельствуют и анонимные геральдические вирши, написанные вскоре после составления Титулярника [Nilsson, 1964. – Р. 86–87]. В первой их части («Оружие острое устрояется к бою, / крест же святой клонит до покою. / Брань и мир с зодиаков высокого неба / людей вооружает як творцу потреба»¹) сопоставляются копьё («оружие острое») как символ войны и крест, образуемый этими скрещенными копьями, как символ мира. Война и мир – все находится в Божьей воле. В аллегории («Добр знак князей игорских сильной планеты / от мудрых людей усмотрен щасливыми леты / зодиак мужественный Христа творца знати, / за крест и веру себе небо отворяти») упоминается «сильная планета», возможно Марс, символом которой могло выступать копьё. Крестообразное же расположение копий в виде буквы Х явно сопоставляется с монограммой Христа, первой буквой его имени. Иными словами, верность Христу «отворяет небо», т. е. позволяет достичь райских врат. Анаграмма («Дивен герб твой, игорско, котрый здавна маешь, / что со дреколми на Бога руку поднемаешь. / Юж был Христос на кресте и бок му пробито, / не тебе пробождати течет кров обфито») соотносит копьё Югорского герба с копьём сотника Лонгина, которым на кресте было пробито тело Христа. Потекшая кровь символически смыла первородный грех с человечества. Наконец, аналогум («През брани до покою Беллона вказует, / земным небесному же сама услужует. / Твой герб, Игорско, облак рукама касает, / да кропит правду и мир усердно желает») сопоставляет выходящие из облаков руки, которые держат копьё, с символикой мира. Скрещенные копьё символизируют конец войны: от войны (брани) – к миру (покою), от земного – к небесному.

Эти примеры показывают, какими глубокими могли быть символические интерпретации древнерусских гербов, разворачивавшиеся на разных уровнях их понимания. Христианская символика в этом случае была, безусловно, центральной².

Не так давно М. Ю. Романов опубликовал обнаруженные им в стокгольмском Музее армии три ротных знамени 13-го Московского стрелецкого полка, которые были сделаны в марте 1691 г. и захвачены шведами во время Северной войны в 1703 г. На этих знаменах сохранились 11 (из 12) титульных гербов, помещенных в декоративно оформленные барочные клейма (всего знамен было больше, но они дошли до нас не в полном комплекте). На знаменах представлены гербы: киевский, владимирский, новгородский, казанский, астраханский, сибирский (утрачен), псковский, литовский, югорский, великопермский, вятский и болгарский – на каждом по четыре клейма [Романов, 2014. – С. 4–13]. Большая часть гербов соответствует Титулярнику, но некоторые обнаруживают отличия, причем порой весьма существенные. Югорский герб на ротном знамени практически идентичен гербу Титулярника, за исключением одного небольшого отличия: руки, выходящие из облаков, держат копьё не у концов древка, а прямо у наконечников. Вариативность подобного рода в территориальной геральдике показывает, что официальные изображения в Титулярнике были в значительной степени некими обобщенными образами эмблем, нежели однозначными образцами для точного воспроизведения.

¹ Здесь и далее тексты приводятся в современной орфографии.

² Надо заметить, что А. А. Ураносов, писавший в начале 1950-х гг. в известной идеологической обстановке, полагал, что копьё югорского герба символизируют «борьбу с местным населением» [Ураносов, 1952. – С. 263]. Вряд ли, впрочем, это соответствует действительности, ведь герб создавался в конце XVII века, когда Югра уже давным-давно вошла в состав Российского государства.

В 1690-х гг. титульные гербы изображались на царских жалованных грамотах, есть их изображение и на известном рисунке «печати» (на самом деле это рисунок с какого-то другого предмета) из «Дневника» секретаря имперского посольства И. Г. Корба, побывавшего в России в 1698–1699 гг. Здесь изображения всех титульных гербов, включая и югорский, практически точно воспроизводят рисунки из Титулярника [Хорошкевич, 1997. – С. 248].

Описание югорского герба в цвете впервые зафиксировано в известном труде «Ядро Российской истории», который приписывался кн. А. Я. Хилкову или А. И. Манкиеву (первая половина 1710-х гг.). В Прибавлении к этой книге, которое носит название «О Гербах Державы Российской и уездов, в ней содержимых», югорский герб описывается так: «Югория, в поле серебрянном из облаков голубых на обе стороны руки природнаго цвету, которая два копия красныя о краях серебряных накрест держат» [Ядро Российской истории, 1799. – С. 468]. Под серебряными краями красных копий следует понимать серебряные наконечники оных. Это цветовое решение герба опиралось на Титулярник – в первом его экземпляре древки копий действительно красные, но наконечники золотые, серебряными же они показаны во втором и третьем экземплярах.

В Манифесте Павла I «О полном гербе Всероссийской империи», утвержденном 16 декабря 1800 г., содержится такое описание югорского герба (вместе с его изображением; самый герб помещен в общий геральдический щит государственного герба империи): «Сей Герб содержит две руки, которая из голубых туч простираются и две пики на крест острыми концами в верх обращенныя держат. Поле серебряное»³. На самом рисунке пики обозначены черным цветом, что соответствует геральдическому правилу о недопущении наложения металла на металл и финифти на финифть. Окончательная расцветка югорского герба установилась уже во второй половине XIX в. благодаря деятельности барона Б. В. Кене. Он вернулся к традициям Титулярника XVII в. Копья вновь стали червлеными (красными) (и были названы в описании герба копьями), червленой была обозначена и «одежда» рук, т. е. рукава. Так традиции допетровской геральдики были вновь актуализированы уже в новой культурно-семиотической ситуации.

Список источников и литературы

Кардаш О. В., Гайдакова З. Г. Сведения русских и иностранных источников о Югре в XI–XV веках (цитаты с краткими комментариями) // Археология Севера России: «Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв.» (Свод источников и исследований). – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. – Ч. 1. – С. 46–67.

Пчелов Е. В. Югорский титул и Югорский герб в истории Московского царства и Российской империи // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: сбор. мат. Всерос. науч. конф: в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. – Ч. 1. – С. 203–212 (Пчелов, 2018-1).

Пчелов Е. В. Рисунки русских титульных гербов в Титулярниках 1672 г. // Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития: материалы IX Международного научного семинара. – Минск; М., 2018. – Ч. I. – С. 415–422 (Пчелов, 2018-2).

Романов М. Ю. Знаменные регалии 13-го Московского стрелецкого полка // Старый цейхгауз. – М., 2014. – № 61. – С. 4–13.

Ураносов А. А. Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления Русского централизованного многонационального государства (XV–XVII вв.): дисс. ... к. и. н. – М., 1952.

Хорошкевич А. Л. Герб // Герб и флаг России. X–XX века. – М., 1997.

Ядро Российской истории. – М., 1799.

Nilsson N. A. Russian heraldic virši from the 17th century. A manuscript in the diocesan and county library at Västerås, Sweden. Stockholm, Göteborg, Uppsala, [1964] (Acta Universitatis Stockholmiensis, etudes de philol. slave; 10).

³ Здесь и далее тексты приводятся в современной орфографии.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НОВГОРОДСКИХ ЗЕМЕЛЬ

А. В. Андриенко

Новгородский государственный объединенный музей-заповедник,
Кремль, д. 11, Великий Новгород, 173007, Россия
E-mail: av_andrienko@mail.ru

Новгород Великий в освоении Северных территорий (по материалам фондов НГОМЗ)

Аннотация. В публикации в форме краткого каталога представлены археологические находки, изготовленные из моржового клыка и происходящие из средневекового культурного слоя Новгорода. Моржовый клык – продукт беломорского промысла, являлся ценным материалом для новгородских косторезов. Изделия из него были востребованы и высоко ценились как на внутреннем рынке, так и во внешней торговле. Выборка составлена по результатам анализа фондовых коллекций Новгородского музея-заповедника, хранящего самое крупное на данный момент собрание археологических артефактов из этого материала, датированных XI–XV вв.

Ключевые слова: средневековый Новгород, освоение северных территорий, торговля, клык моржа, косторезное ремесло.

Роль Новгорода в освоении Севера, значение этого явления как для самого города и Древней Руси в целом, так и для народов, населявших данную территорию, уже не одно десятилетие привлекает внимание исследователей. Расположение на пути основных континентальных магистралей во многом предопределило вектор развития средневекового Новгорода как крупного центра торговли. Для того чтобы продавать редкие и дорогостоящие товары на рынках Европы, Византии и других государств Востока, необходимо было контролировать источники их поступления. Именно поэтому уже начиная с XI века новгородцы активно осваивают богатый природными ресурсами, прежде всего пушниной, север Восточно-Европейской равнины.

Развитие археологической науки в послевоенные годы ознаменовало начало качественно нового этапа в истории Новгородской экспедиции, следствием которого стало значительное и непрерывное пополнение источниковой базы. Этот материал в свою очередь лег в основу многих тематических публикаций, количество которых постоянно продолжает расти.

Так, в корпусе новгородских берестяных грамот очерчивается целый блок «северных» документов, которые представлены в историографии и как отдельные источники [Wojtowicz, 1982; Петрухин, 2009; Анкудинов, 2014; Гиппиус, Зализняк, 2015. – С. 258–268; Степанов, Сингх, 2018], и как комплекс предметов [Янин, 1998. – С. 319–331].

Не менее важным археологическим источником являются деревянные пломбы-«цилиндры», которыми опечатывали мешки с поступавшими в Новгород в качестве дани шкурками пушных зверей. Ряд пломб, датированных XI в., снабжены надписями, которые содержат в себе северные топонимы. Эти же топонимы, только столетие спустя, указаны в числе погостов в Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. [Янин, 1977. – С. 90]. Данная категория находок также неоднократно и всесторонне рассмотрена в публикациях [Янин, 2004. – С. 110–115; Янин, Зализняк, 2004; Янин, 2017].

Помимо пушнины ценную добычу везли и с берегов Белого моря – клык моржа, именовавшийся в средневековье «рыбьим зубом». Длинные клыки морского животного являлись прекрасным

поделочным материалом, не уступающим по характеристикам слоновой кости. При работе с клыком практически не оставалось отходов, плотная структура давала свободу мастеру при выборе формы изделия. Он отлично полировался, при этом подчеркивалась красивая текстура, напоминающая мрамор [Смирнова, 1995. – С. 122]. Неспроста «рыбий зуб» входил в состав даров князя Ростислава Мстиславича Святославу Ольговичу, отмеченных в Ипатьевской летописи под 1160 годом: «И бысть же радость во ть день межю има, и дарове мнози, да бо Ростиславъ Святославу соболми и горностаими, и черными кунами, и песци и белыми волкы, и рыбьими зубы» [ПСРЛ, II, 1843. – С. 86]. Арабские авторы писали о зубах неизвестных животных, привезенных с севера в Булгар, а затем в Хорезм, которые походили на слоновую кость и продавались по очень высокой цене [Аристов, 1866. – С. 29]. Великий Новгород вплоть до потери независимости в конце XV века фактически являлся монополистом в распределении продукта беломорского промысла. Вполне естественно, что изделия из моржового клыка были не только востребованным экспортным товаром, но и желанным приобретением богатых новгородцев. Искусно сделанные гребни, рукояти ножей, пуговицы, шахматные фигурки и множество других предметов, отличающихся характерным «рисунком», оседали, таким образом, в Новгороде. На сегодняшний день Новгородский музей-заповедник обладает самой большой в мире коллекцией средневековых археологических предметов из моржовой кости.

Этой категории находок, происходящих из раскопок в Новгороде (в первую очередь гребням), посвящена серия публикаций Л. И. Смирновой [Смирнова, 1995; Смирнова, 1996; Смирнова, 1998; Смирнова, 1999; Smirnova, 2005]. Однако автором учтены предметы, найденные не позднее 1990-х гг. На сегодняшний день их количество увеличилось на несколько десятков и, таким образом, число предметов, хранящихся в Новгородском музее, составляет более 300 единиц.

Целью настоящей публикации является создание сводного каталога изделий из моржового клыка из фонда археологических коллекций Новгородского музея-заповедника. Описание предметов включает датировку, полевой и музейный шифры, размеры. Вещи снабжены иллюстрациями. В выборку не были включены находки, являющиеся отходами косторезного производства. Кроме того, не учтены единичные вещи из моржового клыка западноевропейского происхождения как не соответствующие заявленным рамкам работы.

Список источников и литературы

Анкудинов И. Ю. «Вежники» новгородских берестяных грамот № 550 и 664 // Новгородский архивный вестник. Вып. 12. Великий Новгород, 2014. С. 3–5.

Аристов Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866.

Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 годов). М.: Языки славянской культуры, 2015. Т. XII. С. 196–275.

Петрухин П. В. К изучению новгородской берестяной грамоты № 724 // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 109–126.

Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. Спб., 1843.

Смирнова Л. И. Новгородские гребни из моржового клыка // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 70–80.

Смирнова Л. И. Организация косторезного ремесла в древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология. Традиция и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 237–247.

Смирнова Л. И. Состав сырья косторезов древнего Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 114–129.

Смирнова Л. И. Сырье новгородских косторезов (рог, кость и «рыбий зуб») // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М.: Русские словари, 1999. С. 68–75.

Степанов А. М., Сингх В. К. Берестяная грамота № 918 // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 7). – Ч. 1. – С. 123–126.

Янин В. Л. Загадочные цилиндры // Путь на Север: истоки. М.: Арт Волхонка, 2017. С. 76–91.

Янин В. Л., Зализняк А. А. Надписи на цилиндрах // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 годов). М.: Русские словари, 2004. Т. XI. С. 137–145.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.: Высшая школа, 1977.

Янин В. Л. Три сезона открытий в Новгороде (1998–2000 гг.) // Средневековый Новгород. М.: Наука, 2004. С. 90–126.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 3-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры, 1998.

Smirnova L. Comb-Making in Medieval Novgorod (950–1450): An industry in transition // BAR. 2005. S. 1369–334 p.: fig. + CD.

Wojtowicz M. Новгородская берестяная грамота о передаче кун // Lingua Posnaniensis, XXV. Warszawa – Poznan, 1982. S. 41–44.

- 1 – Нож с рукоятью. XI в., конец – XII в., начало. Неревский раскоп. Н-53, 19-534, яр.21, инв. № 1825. 12,8 × 1,6 см. НГМ КП 11784/335¹ А-46/335²
- 2 – Нож с рукоятью. XI в. Неревский раскоп. Н-58, 16-1736, № 9, инв. № 87.³ 14,1 × 1,1 см. НГМ КП 17214/277 А-62/277
- 3 – Нож с рукоятью. XII в., вторая половина – XIII в., начало. Неревский раскоп. Н-55, 16-1039, № 6. Длина – 18,6 см. НГМ КП 17771/209 А-1/209
- 4 – Нож с рукоятью. XII в., начало. Ильинский раскоп. Н-66, 26-345, № 47. 14 × 1,3 см. НГМ КП 17788/153 А-98/153
- 5 – Нож с рукоятью. XV в., первая половина. Кировский раскоп. Н-72, р-Кир., 14-67, № 46. 13,7 × 2,4 × 1,6 см. НГМ КП 25060/169 А-19/169
- 6 – Нож с рукоятью. XI в., вторая половина. Троицкий раскоп. Н-73, р-Тр., 16-33, ин. № 247. 14,4 × 1,6 × 1,4 см. НГМ КП 25407/44 А-21/44
- 7 – Нож с фрагментом рукояти. XIII в., первая половина. Троицкий раскоп. Н-73, р-Тр., 9-21, № 15, инв. № 40. 9,8 × 1,2 см. НГМ КП 25407/238 А-21/238
- 8 – Нож с рукоятью. XI в. Троицкий раскоп. Н-75, Тр. III, 15-107, № 28. 12 × 1,2 см. НГМ КП 26517/27 А-42/27
- 9 – Нож с рукоятью и обоймицей. XIV-XV вв. Дмитриевский раскоп. Н-76, р-Дм., 6-10, № 7. 16 × 1,7 × 1,2 см. НГМ КП 26519/60 А-44/60
- 10 – Нож с рукоятью. XII в., первая половина. Троицкий раскоп. Н-77, Тр. IV, 15-216, № 85. 19,8 × 2 × 1,7 см. НГМ КП 28080/290 А-57/290
- 11 – Нож с рукоятью. XII в., вторая половина. Троицкий раскоп. Н-77, Тр. IV, 15-254, № 138. 12 × 1,7 × 1 см. НГМ КП 28080/730 А-57/730
- 12 – Нож с рукоятью и обоймицей. XIII в., конец – XIV в., начало. Дубошин раскоп. Н-78, р-Дуб., 23-39, № 15. 18,1 × 2,2 × 1,3 см. НГМ КП 28081/217 А-58/217

¹ Музейный номер по книге поступлений.

² Музейный инвентарный номер.

³ Расшифровка полевого паспорта: Н(овгород)-(19)58, (пл.) 16 – (кв.) 1736, (полевой) № 9, инв. № 87.

13 – Нож с рукоятью и проволочной обоймицей. XI в. Троицкий раскоп. Н-82, Тр. VI, 19-401, № 11. 14,4 × 1,7 × 1,6 см. НГМ КП 33560/10 А-96/10

14 – Нож с рукоятью. XIV в. Троицкий раскоп. Н-84, Тр. VIII, +1-773, № 102. 14,0 × 1,4 см. НГМ КП 34499/657

15 – Нож с рукоятью. XIII в. Неревский раскоп. Яр. 12. 16,0 × 1,4 см. НГМ КП 35338/8

16 – Нож с рукоятью. XIV в., конец – XV в., первая половина. Неревский раскоп. Н-54, 8-916, инв. № 1110. 10,2 × 1,4 см. НГМ КП 35338/10

17 – Нож с рукоятью. XI–XV вв. Неревский раскоп. Без паспорта. 9,2 × 0,9 см. НГМ КП 35338/524

18 – Нож с рукоятью. XII в., первая половина. Неревский раскоп. Н-56, яр. 20-21, № 19, инв. № 2602. 13,5 × 1,4 см. НГМ КП 35471/1428

19 – Нож с рукоятью и обоймицей. XI в., вторая половина. Неревский раскоп. Н-58, 25-1524, № 15, инв. № 334. 16,5 × 1,2 см. НГМ КП 35471/1433

20 – Нож с рукоятью и обоймицей. XIII в., вторая половина. Неревский раскоп. Н-58, 16-1595, № 15, инв. № 59. 10,9 × 1,6 см. НГМ КП 35471/1439

21 – Нож с рукоятью. XII в. Троицкий раскоп. Н-86, Тр.VIII, 12-699, № 74. 11,1 × 1,2 см. НГМ КП 36697/51 А-109/51

22 – Нож с рукоятью. XI в., вторая половина. Троицкий раскоп. Н-87, Тр.VIII, 16-647, № 2. 15,0 × 1,2 см. НГМ КП 36697/2712 А-109/2712

23 – Нож с рукоятью. XII в., первая треть. Неревский раскоп. Н-55, 22-882, № 21. 8,8 × 1,1 см. НГМ КП 37259/59 А-95/59

24 – Нож с рукоятью. XII в., первая половина. Неревский раскоп. Н-53, 23-277, инв. № 1831. 8,7 × 1 см. НГМ КП 37259/60 А-95/60

25 – Нож с рукоятью. XIV в., конец – XV в., первая половина. Неревский раскоп. Н-55, 9-1196, № 15. 20,6 × 1,7 см. НГМ КП 37259/1396 А-95/1396

26 – Нож с рукоятью. XII в., первая треть. Неревский раскоп. Н-54, 27-749, яр.20, № 1136. 15,8 × 1,7 см.

- 27 – Нож с рукоятью. XI в. Неревский раскоп. Н-55, 27-1080, № 21. 13,2 × 2 см. НГМ КП 37259/1406 А-95/1406
- 28 – Нож с рукоятью. XII в., вторая половина. Троицкий раскоп. Н-91, Тр. IX, 6-917, № 178. 12,6 × 1,4 см. НГМ КП 38944/1 А-123/1
- 29 – Нож с орнаментированной рукоятью и проволочной обоймицей. XII в., последняя четверть – XIII в., середина. Федоровский раскоп. Н-91, Фед.-I, 17-101, № 88. 14,7 × 1,5 см. НГМ КП 39459/688 А-136/688
- 30 – Нож с рукоятью и проволочной обоймицей. XIII в., первая половина. Федоровский раскоп. Н-91, Фед., 17-26, № 59. 12 × 1,1 см. НГМ КП 39459/691 А-136/691
- 31 – Нож с рукоятью. XII в. Федоровский раскоп. Н-97, Фед.-VI, 16-489, № 26. 8,4 × 1,3 см. НГМ КП 41045/50 А-172/50
- 32 – Нож с рукоятью. XII в. Троицкий раскоп. Н-92, Тр. X, 8-1124, № 42. Длина – 16,5 см. НГМ КП 41204/535 А-167/535
- 33 – Нож с рукоятью. XIII–XIV вв. Троицкий раскоп. Н-95, Тр. XI, 4-1270, № 186. Длина – 21 см. НГМ КП 41851/538 А-174/538

- 34 – Нож с рукоятью. XI в. Троицкий раскоп. Н-97, Тр. XI, 15-1228, № 32. 15 × 1,8 см. НГМ КП 42688/36 А-184/36
- 35 – Нож с рукоятью. XI в. Троицкий раскоп. Н-97, Тр. XI, 17-1249, № 34. 15,6 × 1,6 см. НГМ КП 42688/54 А-184/54
- 36 – Нож с рукоятью. XII в., вторая половина. Троицкий раскоп. Н-97, Тр. XII, 9-1471, № 33. 15 × 1,9 см. НГМ КП 42688/1324 А-184/1324
- 37 – Нож с рукоятью. XII–XIII вв. Троицкий раскоп. Н-97, Тр. XII, № 90. 15,7 × 1,8 см. НГМ КП 42688/1326 А-184/1326
- 38 – Нож с рукоятью. XII в., вторая половина. Троицкий раскоп. Н-97, Тр. XII, 7-1408, № 19. 14,0 × 2,2 × 1,3 см. НГМ КП 42688/1588 А-184/1588
- 39 – Нож с рукоятью. XIII–XIV вв. Посольский раскоп. Н-99, Пос. I, 15-77, № 57. 16,1 × 1,9 × 1 см. НГМ КП 42900/155 А-193/155
- 40 – Нож с рукоятью. XII в., вторая половина. Троицкий раскоп. Н-98, Тр. XII, 11-1363, № 48. Длина – 9,4 см. НГМ КП 43204/1565 А-190/1565

41 – Нож с рукоятью. XII в., вторая половина. Троицкий раскоп. Н-98, Тр. XII, 11-1509, № 76. Длина – 20,7 см НГМ КП 43204/1573 А-190/1573

42 – Нож с рукоятью. XII в., первая четверть. Троицкий раскоп. Н-99, Тр. XII, 13-1317, № 77. 15,7 × 1,2 см. НГМ КП 44563/448 А-194/448

43 – Нож с рукоятью. XI в., последняя четверть. Троицкий раскоп. Н-99, Тр. XII, 15-1516, № 80. 15,3 × 1,5 см. НГМ КП 44563/450 А-194/450

44 – Нож с рукоятью. XI в. конец – XII в., начало. Троицкий раскоп. Н-99, Тр. XII, 14-1391, № 5. 10,5 × 1,3 см. НГМ КП 44563/454 А-194/454

45 – Нож с рукоятью. XI в., последняя четверть. Троицкий раскоп. Н-99, Тр. XII, 15-1321, № 130. 10,5 × 1,5 см; 3,8 × 1,6 см (два фрагмента). НГМ КП 44563/455 А-194/455

46 – Нож с рукоятью. XIII в., середина – XIV в., начало. Троицкий раскоп. Н-2011, Тр. XIII-Г1, +2-1822, № 54. 13 × 1,6 см. НГМ КП 48289/2 А-260/2

47 – Нож с рукоятью. XI в. Троицкий раскоп. Н-09, Тр. XIV, 16-1720, № 63. 11,6 × 1,6 см. НГМ КП 48334/319 А-263/319

1. **Рукоять.** XI в., первая половина.
Неревский раскоп. Н-53, 29-129, №1869. 8,2 × 2 см.
НГМ КП 17214/119 А-62/119

2. **Рукоять.** XI-XV вв.
Неревский раскоп. Н-52, без паспорта, инв. №1429. 9,9 × 2,8 см.
НГМ КП 17214/248 А-62/248

3. **Рукояти фрагмент.** XII в., вторая половина.
Ильинский раскоп. Н-66, 22-300. 3,8 × 2,2 см.
НГМ КП 17788/143 А-98/143

4. **Рукоять.** XII в., вторая половина.
Ильинский раскоп. Н-63, 22-119, № 74, инв. № 1788. 4,4 × 1,1 см.
НГМ КП 18203/50 А-99/50

5. **Рукоять.** XIV в., середина.
Ильинский раскоп. Н-62, 13-37, № 358. 10,8 × 1,5 см.
НГМ КП 18203/133 А-99/133

6. **Затыльник рукояти.** XII в.
Ильинский раскоп. Н-63, 24-16, № 11, инв. № 1787. 1,8 × 1,8 × 0,9 см.
НГМ КП 18203/185 А-99/185

7. **Рукояти фрагмент.** XIV в., вторая половина.
Ильинский раскоп. Н-62, 11-37, инв. № 428. 6,5 × 3,55 × 1,3 см.
НГМ КП 18203/204 А-99/204

8. **Рукоять.** XIII в., вторая половина.
Ильинский раскоп. Н-63, 18-35, № 50, инв. № 1784.
10,5 × 1,2 × 1,1 см. НГМ КП 18203/217 А-99/217

9. **Рукоять.** XIV в., первая четверть.
Ильинский раскоп. Н-63, 16-92, №69, инв. № 1778. 10 × 2,1 × 1,9 см.
НГМ КП 18203/228 А-99/228

10. **Рукоять.** XI в., вторая половина.
Ильинский раскоп. Н-64, 27-132, № 49, инв. № 122.
12,1 × 1,5 × 1 см. НГМ КП 18203/251 А-99/251

11. **Рукояти фрагмент.** XIII в., вторая половина – XIV в., начало. Ильинский раскоп. Н-63, 17-169, № 130, инв. № 86.
9,2 × 1,8 × 1,2 см. НГМ КП 18203/258 А-99/258

12. **Рукоять.** XII в., первая половина.
Ильинский раскоп. Н-64, 25-62, № 34, инв. № 50. 10,5 × 2,5 × 1,8 см.
НГМ КП 18203/301 А-99/301

13. **Рукоять.** XII в., первая четверть.
Ильинский раскоп. Н-64, 26-24, № 31, инв. № 48. 6,2 × 1,2 × 1,05 см.
НГМ КП 18203/302 А-99/302

14. **Рукоять.** XII в., первая четверть.
Ильинский раскоп. Н-64, 26-106, № 82. 8,6 × 1,75 × 1,05 см.
НГМ КП 18203/303 А-99/303

15. **Рукоять.** XIII в., начало.
Кировский раскоп. Н-73, р-Кир., 33-20, № 130. 8 × 1,7 см.
НГМ КП 25060/38 А-22/38

16. **Рукоять.** XIII в., конец – XIV в., начало.
Кировский раскоп. Н-72, Кир., 24-17, № 35, инв. № 722.
9,4 × 2,7 × 1,5 см. НГМ КП 25060/161 А-19/161

17. **Рукоять.** XIII в.
Неревский раскоп. Н-52, 20-166, № 1353. 6,6 × 1,5 см.
НГМ КП 25293/81 А-12/81

18. **Рукояти заготовка.** XIII в., вторая половина.
Людогощенский (Легощий) раскоп. Н-72, р-Лег., 9-18, № 27.
7,8 × 1 см. НГМ КП 25295/58 А-17/58

19. **Рукоять.** XIV в.
Торговый раскоп. Н-71, Торг., 23-21, № 12, инв. № 315.
8,8 × 3,3 × 2 см. НГМ КП 25295/262 А-14/262

20. **Накладка на рукоять.** XII в.
Козмодемьянский раскоп. Н-74, р-Куз., 13-7, № 2. 8,4 × 1,6 см.
НГМ КП 26516/73 А-41/73

21. **Рукоять.** XI в.
Троицкий раскоп. Н-75, Тр. III, 19-126, № 7. 9,5 × 1,3 × 1,15 см.
НГМ КП 26517/28 А-42/28

22. **Рукоять.** XIII в., вторая половина – XIV в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-76, Тр. IV, 8-255, № 2. 6,8 × 1 см.
НГМ КП 26518/163 А-43/163

23. **Рукоять.** XII в., последняя четверть – XIII в., первая четверть.
Троицкий раскоп. Н-77, Тр. IV, 14-217, № 162.
4,9 × 1,5 × 1,2 см. НГМ КП 28080/255 А-57/255

24. **Рукоять.** XII в.
Троицкий раскоп. Н-77, Тр. IV, 15-225, № 72. 11,3 × 1,6 × 0,9 см.
НГМ КП 28080/256 А-57/256

25. **Рукоять.** XIII в., первая половина.
Дубошин раскоп. Н-78, р-Дуб., 28-28, № 82. 10 × 1,1 × 0,75 см.
НГМ КП 28081/215 А-58/215

26. **Рукоять.** XII в., середина.
Дубошин раскоп. Н-78, р-Дуб., 34-38, № 4. 7,95 × 1,45 × 1,15 см.
НГМ КП 28081/216 А-58/216

27. **Рукоять.** XIV в.
Троицкий раскоп. Н-78, Тр.V, 4-338, № 9. 6,7 × 2 × 1,1 см.
НГМ КП 30861/124 А-68/124

28. **Рукоять.** XIII в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-79, Тр.V, 7-328, № 23. 9,6 × 1,85 × 1,2 см.
НГМ КП 30975/96 А-70/96

29. **Рукоять.** XIII в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-79, Тр.V, 7-301, № 60. 6,9 × 5 см.
НГМ КП 30975/100 А-70/100

30. **Рукоять.** XII в.
Троицкий раскоп. Н-84, Тр.VII, пл.9-10 (вост. транш.), № 28.
6,9 × 1,5 см. НГМ КП 34499/173

31. **Рукоять.** XV в.
Неревский раскоп. Н-52, 10-110, № 1361. 8,9 × 2,3 см.
НГМ КП 35471/601

32. **Рукоять.** XII в., первая половина.
Неревский раскоп. Н-53, 23-299, № 1854. 8,7 × 1,9 см.
НГМ КП 35471/605

33. **Рукоять. XI–XV вв.**
Неревский раскоп. Н-51, без паспорта, инв. № 796. 9,4 × 1,3 см.
НГМ КП 35471/622

34. **Рукоять. XI–XV вв.**
Неревский раскоп. Н-52, без паспорта, инв. № 1430. 11 × 2,3 см.
НГМ КП 35471/627

35. **Рукояти фрагмент. XIII в.**
Неревский раскоп. Н-57, 20-1497, № 27. 6,5 × 2,2 см.
НГМ КП 35471/640

36. **Рукоять. XIV в.**
Неревский раскоп. Н-57, 9-1625, № 4. 5,7 × 1,5 см.
НГМ КП 35471/649

37. **Рукояти фрагмент. XII в.**
Неревский раскоп. Н-53, 23-295, № 1857. 5,6 × 1,8 см.
НГМ КП 35471/659

38. **Рукояти фрагмент. XII в., вторая половина.**
Неревский раскоп. Н-55, 19-1068, № 48. 3,8 × 1,5 см.
НГМ КП 35471/667

39. **Рукояти фрагмент. XV в.**
Неревский раскоп. Н-56, 9-1342, № 4, инв. № 2609. 6,0 × 1,4 см.
НГМ КП 35471/668

40. **Рукояти фрагмент. XIII в., конец – XIV в., начало.**
Неревский раскоп. Н-55, 15-1250, № 80. 3,9 × 1,4 см.
НГМ КП 35471/670

41. **Рукояти фрагмент.** XV в., первая половина.
Неревский раскоп. Н-58, 6-1782, № 12. 10,7 × 2,2 см.
НГМ КП 35471/672

42. **Рукоять.** XII в., вторая половина.
Неревский раскоп. Н-58, 20-1548, № 27. 6,9 × 1,6 см.
НГМ КП 35471/677

43. **Рукоять.** XII в., вторая половина.
Неревский раскоп. Н-53, 23-158, № 1860. 6,4 × 1,1 см.
НГМ КП 35471/686

44. **Рукоять.** XIII в., вторая половина.
Неревский раскоп. Н-54, 20-704, яр. 13, № 1121.
6,1 × 1,7 × 0,85 см. НГМ КП 35471/695

45. **Рукоять.** XI в., начало.
Неревский раскоп. Н-54, 20-686, яр. 25, № 1122. 5,8 × 1,4 см.
НГМ КП 35471/704

46. **Рукояти фрагмент.** XI в.
Неревский раскоп. Н-53, 27-100, № 1865. 7,4 × 1,7 см.
НГМ КП 35471/705

47. **Рукояти фрагмент.** XIII в.
Неревский раскоп. Н-52, 14-382, № 1436. 4,0 × 1,5 см.
НГМ КП 35471/715

48. **Затыльник рукояти.** XIII в., конец – XIV в., начало.
Неревский раскоп. Н-55, 16-1195, № 34. 2,8 × 1,6 см.
НГМ КП 35471/716

49. **Рукояти фрагмент.** XIV в., вторая половина. Неревский раскоп. Н-57, 14-1361, № 1757. 7,0 × 1,4 см. НГМ КП 35471/836

50. **Накладка на рукоять.** XII в., конец – XIII в., первая половина. Неревский раскоп. Н-57, 22-1315, № 56, инв. № 1657. 6,0 × 1,7 см. НГМ КП 35471/1075

51. **Рукоять.** XII в., конец – XIII в., первая четверть. Неревский раскоп. Н-55, 17-1028, № 181. 8,5 × 1,0 см. НГМ КП 35471/1303

52. **Рукояти фрагмент.** XII в., вторая половина. Неревский раскоп. Н-56, 22-1277, № 24. 4,6 × 1,3 см. НГМ КП 35471/1403

53. **Рукояти фрагмент.** XIII в., конец – XIV в., начало. Неревский раскоп. Н-55, 16-1251, № 10, инв. № 522. 5,5 × 1,2 см. НГМ КП 35471/1406

54. **Рукояти фрагмент.** XIV в. Неревский раскоп. Н-55, 14-1142, № 182. 5,1 × 1,1 см. НГМ КП 35471/1412

55. **Рукоять.** XIII в. Неревский раскоп. Н-58, 10-1728, № 41. 3,9 × 1,3 см. НГМ КП 35471/1413

56. **Рукояти фрагмент.** XII в., последняя четверть – XIII в., первая четверть. Неревский раскоп. Н-53, 16-17 (мост.), кв. 218, № 1873. 4,6 × 1,1 см. НГМ КП 35471/1415

57. **Рукоятки фрагмент.** XII в.
Неревский раскоп. Н-58, 21-1541, № 6, инв. № 200. 2,8 × 0,7 см.
НГМ КП 35471/1417

58. **Рукоять.** XII в.
Троицкий раскоп. Н-86, Тр. VIII, 10-697, № 173. 7,3 × 1 см.
НГМ КП 36697/522 А-109/522

59. **Рукоять.** XII в.
Троицкий раскоп. Н-86, Тр. VIII, 10-762, № 83. 8,6 × 1,3 × 0,9 см.
НГМ КП 36697/523 А-109/523

60. **Рукоять.** XI–XII вв.
Троицкий раскоп. Н-86, Тр. VIII, пл. 13, сев. тр., № 12.
10,7 × 1,5 см. НГМ КП 36697/524 А-109/524

61. **Рукоять.** XII в., вторая половина.
Троицкий раскоп. Н-85, Тр. VIII, 8-794, № 35. 8,2 × 1,6 × 0,85 см.
НГМ КП 36697/528 А-109/528

62. **Рукоять.** XII в.
Троицкий раскоп. Н-86, Тр. VIII, 11-752, № 65. 4,3 × 1,5 × 0,9 см.
НГМ КП 36697/529 А-109/529

63. **Рукоять.** XI в.
Троицкий раскоп. Н-87, Тр. VIII, пл. 18. 7,9 × 1,6 × 0,6 см.
НГМ КП 36697/531 А-109/531

64. **Рукоять.** XI в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-87, Тр. VIII, 20-768, № 23. 11,9 × 1,9 × 0,9 см.
НГМ КП 36697/2239 А-109/2239

65. **Рукоять. XI в.**
Троицкий раскоп. Н-87, Тр. VIII, 17-743, № 43. 8,15 × 2,5 × 1,1 см.
НГМ КП 36697/2247 А-109/2247

66. **Деталь наборной рукояти. XIV в.**
Троицкий раскоп. Н-88, Тр. X, +5-1084, № 5. 7,7 × 2,8 × 0,6 см.
НГМ КП 37583/181 А-112/181

67. **Рукоять. XIV в.**
Троицкий раскоп. Н-88, Тр. X, +5-1111, № 22. 6,6 × 1,85 × 1,2 см.
НГМ КП 37583/196 А-112/196

68. **Затыльник рукояти. XV в., первая половина.**
Троицкий раскоп. Н-88, Тр. X, +7-1170, № 8. 1,8 × 1,7 × 1,1 см.
НГМ КП 37583/214 А-112/214

69. **Рукоять. XIV в.**
Троицкий раскоп. Н-89, Тр. X, 3-1084, № 6. 9,5 × 1,7 см.
НГМ КП 37584/535 А-116/535

70. **Рукоять. XII в., вторая половина.**
Троицкий раскоп. Н-91, Тр. IX, 7-907, № 153. 9,3 × 1,6 × 0,95 см.
НГМ КП 38944/121 А-123/121

71. **Рукояти фрагмент. XII в., вторая половина.**
Троицкий раскоп. Н-91, Тр. IX, 7-840, № 129. 1,3 × 11,2 см.
НГМ КП 38944/122 А-123/122

72. **Рукояти фрагмент. XII в., вторая половина.**
Троицкий раскоп. Н-91, Тр. IX, 6-835, № 318. 6,7 × 1,3 см.
НГМ КП 38944/123 А-123/123

73. **Рукоять.** XII в.
Федоровский раскоп. Н-91, Фед.-I, 20-22, № 11.
12,4 × 1,8 × 1,1 см. НГМ КП 39459/698 А-136/698

74. **Рукоять.** XII в., последняя четверть – XIII в., середина.
Федоровский раскоп. Н-91, Фед.-I, 18-29, № 99.
10,2 × 2,2 × 1,3 см. НГМ КП 39459/714 А-136/714

75. **Рукоять.** XII в., первая половина.
Неревский раскоп. Н-54, 17-673, яр. 20, № 1120. 8 × 1,3 см.
НГМ КП 39494/812 А-125/812

76. **Рукояти фрагмент.** XII в.
Федоровский раскоп. Н-92, Фед., 19-233, № 38. 4,5 × 2 × 1,3 см.
НГМ КП 39717/34 А-140/34

77. **Рукоять.** XII-XV вв.
Лукинский раскоп. Н-93, Р-Л., 8-57, № 54. 8,7 × 2 см.
НГМ КП 40618/35 А-171/35

78. **Рукоять.** XI в. – XII в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-93, Тр. X, сев. тр., № 194. 10 × 2 × 1 см.
НГМ КП 40966/40 А-176/40

79. **Рукоять.** XI в. – XII в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-93, Тр. X, 12-1148, № 9. 5,2 × 1,2 см.
НГМ КП 40966/41 А-176/41

80. **Рукоять.** XII в.
Федоровский раскоп. Н-97, Фед.-VI, 16-501, № 28. 7,4 × 1,4 см.
НГМ КП 41045/54 А-172/54

81. **Рукоять.** XI–XV вв.
Троицкий раскоп. Н-94, Тр. IX, зачистка зап. ст., № 2. 5,2 × 1,8 см.
НГМ КП 41169/5 А-169/5

82. **Рукояти фрагмент.** XII в.
Троицкий раскоп. Н-92, Тр. IX, 9-902, № 14. 5,6 × 1,6 см.
НГМ КП 41204/8 А-167/8

83. **Рукоять.** XIII в., вторая половина – XIV в., первая половина. Троицкий раскоп. Н-95, Тр. XI, 2-1231, № 40.
Длина – 5,4 см. НГМ КП 41851/513 А-174/513

84. **Рукояти фрагмент.** XII в., вторая половина.
Троицкий раскоп. Н-97, Тр. XII, 9-1587, № 57. 6 × 1,8 см.
НГМ КП 42688/925 А-184/925

85. **Рукоять.** XII в., вторая половина – XIII в., первая половина. Троицкий раскоп. Н-97, Тр. XII, 6-1384, № 43. 6,3 × 2,1 см.
НГМ КП 42688/931 А-184/931

86. **Рукоять.** XII в.
Троицкий раскоп. Н-98, Тр. XII, 13-1423, № 39. Длина – 7,5 см.
НГМ КП 43204/1384 А-190/1384

87. **Рукояти фрагмент.** XII в., конец – XIII в.
Троицкий раскоп. Н-03, Тр. XIV, 6-1781, № 53. 6 × 1,7 см.
НГМ КП 44101/25 А-202/25

88. **Рукояти фрагмент.** XI в., третья четверть.
Троицкий раскоп. Н-99, Тр. XII, 16-1518, № 58. 4,2 × 1,2 см.
НГМ КП 44563/761 А-194/761

89. **Рукоять.** XII в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-2005, Тр. XIV, 10-1781, № 257. 6,7 × 1,2 см.
НГМ КП 46394/198 А-210/198

90. **Рукоять ножа.** XII-XIII вв.
Посольский раскоп. Н-2006, Пос., 33-9, № 23. 6,8 × 1,1 × 0,7 см.
НГМ КП 46982/133 А-225/133

91. **Рукоять.** XII в., середина.
Десятинный раскоп. Н-08, Дес.-I, уч. 3, пл. 150-160/кв. Г-9,
№ 361. 4,1 × 1,3 см. НГМ КП 47095/355 А-226/355

92. **Рукоять.** XIV в., вторая половина.
Десятинный раскоп. Н-08, Дес.-I, уч. 3 пл. 100-110/кв. Д-9, № 28.
6,3 × 1,9 см. НГМ КП 47095/359 А-226/359

93. **Рукоять.** XII в., середина.
Десятинный раскоп. Н-08, Дес.-I, уч. 11, пл. 170-180/кв. Г-4,
№ 248. 11,3 × 1,6 см. НГМ КП 47393/156 А-234/156

94. **Рукоять.** XI в., середина – вторая половина.
Троицкий раскоп. Н-2007, Тр. XIII, 15-1613, № 87. 7 × 1,8 см.
НГМ КП 47493/170 А-239/170

95. **Рукоять.** XIV в., вторая половина – XV в., первая полови-
на. Нутный-IV раскоп. Нут.-2011, пл. 13-14, отвал, № 7.
8,9 × 2 см. НГМ КП 47724/42 А-241/42

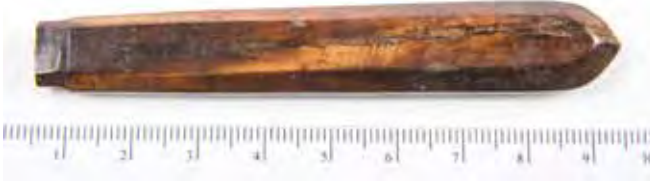
96. **Рукоять.** XII-XIV вв.
Борисоглебский раскоп. Н-2008, Бор., 12-46, № 16. 9 × 2,1 см.
НГМ КП 47734/315 А-245/315

97. **Рукоять.** XII–XIV вв.
Борисоглебский раскоп. Н-2008, Бор., 10-19, № 24. 9,4 × 1,8 см.
НГМ КП 47734/317 А-245/317

98. **Рукоять.** XI–XIII вв.
Троицкий раскоп. Н-2011, Тр. XIV, пл. 10-19, кв. 1792 (южн. профиль), № 1. 8,5 × 1,5 см. НГМ КП 48289/335 А-260/335

99. **Рукоять.** XIV в., начало.
Лукинский-2 раскоп. Н-2012, Лук., уч. 5, пл. 120-140, кв. Ж-2, № 20. 8,8 × 1,4 см. НГМ КП 48335/895 А-262/895

100. **Рукоять.** XII в., начало – XV в.
Раскопки на дне реки Волхов в районе Великого моста. ВМ06-428, шурф № 3. 10,6 × 1,5 см. НГМ КП 48370/251 А-264/251

101. **Обоймица.** XIII в., вторая половина.
Неревский раскоп. Н-58, 17-1520, № 22, инв. № 118. 3,1 × 1,5 см.
НГМ КП 17214/71 А-62/71

102. **Затыльник.** XIII в., вторая половина.
Неревский раскоп. Н-58, 17-1519, № 17, инв. № 149.
3,2 × 1,5 см; высота – 0,8 см НГМ КП 17214/92 А-62/92

103. **Обоймица.** XII в.
Неревский раскоп. Н-56, 23-1163, № 10, инв. № 2718.
1,5 × 1,0 × 1,1 см. НГМ КП 35471/811

104. **Затыльник.** XV в.
Неревский раскоп. Н-58, 2-1781, № 1, инв. № 122. 1,9 × 1,9 см.
НГМ КП 35471/1404

105. **Затыльник.** XIII в.
Неревский раскоп. Н-58, 14-1709-А, № 8. 1,7 × 1,3 см.
НГМ КП 35471/1407

106. **Обоймица.** XI в., вторая половина.
Троицкий раскоп. Н-86, Тр. VIII, 13-721, № 20. 2 × 1,2 × 1,1 см.
НГМ КП 36697/535 А-109/535

107. **Рукояти фрагмент.** XII в., вторая половина.
Троицкий раскоп. Н-85, Тр. VIII, 8-690, № 12. 2 × 1,7 см.
НГМ КП 36697/537 А-109/537

108. **Обоймица.** XIII в., вторая половина.
Троицкий раскоп. Н-87, Тр. IX, +1-820, № 20. 2,4 × 1,3 см.
НГМ КП 37392/897 А-111/897

109. **Предмет (фрагмент рукояти во вторичном использовании).** XIV в. Троицкий раскоп. Н-89, Тр. X, 1-1044, № 153.
5,8 × 2,5 см. НГМ КП 37584/542 А-116/542

110. **Обоймица.** XI–XIV вв.
Михаило-Архангельский раскоп. Н-90, М-Арх., 9-81, № 27, инв. № 874. 2,1 × 1,8 × 1,4 см. НГМ КП 40961/811 А-164/811

111. **Рукояти фрагмент.** XV в.
Неревский раскоп. Н-52, 7-433, № 2455. 3,1 × 1,15 см.
НГМ НВ 21388/116

112. **Рукояти фрагмент.** XII в., середина.
Неревский раскоп. Н-58, 21-155?, № 92. 4,8 × 1,3 см.
НГМ НВ 21388/117

113. **Рукоять.** XII в.
Троицкий раскоп. Н-86, Тр. VIII, 11-667, № 42. 6,6 × 1,7 см.
НГМ НВ 22081/589

114. **Рукояти фрагмент.** XII в.
Троицкий раскоп. Н-91, Тр. IX, 7-843, № 90. 4,2 × 1,5 см.
НГМ НВ 22605/32

115. **Рукояти фрагмент.** XII в., вторая половина.
Троицкий раскоп. Н-91, Тр. X, 6-1198, № 10. 5,4 × 1,6 см.
НГМ НВ 22605/33

116. **Рукояти фрагмент.** XII в. – XIII в., начало.
Федоровский раскоп. Н-91, Фед.-III, 16-185, № 86. 1,9 × 1,2 см.
НГМ НВ 22734/350

117. **Рукояти фрагмент.** XII в., вторая половина – XIII в.
Федоровский раскоп. Н-93, Фед.-V, 15-352, № 18. 5,1 × 2,5 см.
НГМ НВ 22864/32

118. **Рукояти фрагмент.** XII в.
Федоровский раскоп. Н-93, Фед.-V, 17-289, № 42. 4,5 × 1,6 см.
НГМ НВ 22864/33

119. **Рукоять.** XII в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-2005, Тр. XIII, 11-1596, № 8. 6,25 × 1,6 см.
НГМ НВ 23467/194

1. **Гребень.** XIII в.
Неревский раскоп. Н-58, 17-1582, № 128. 4,3 × 3,6 см.
НГМ КП 17214/188 А-62/188

2. **Гребень.** XIII в.
Неревский раскоп. Н-58, 14-1748, № 3, инв. № 274. 3,4 × 3 см.
НГМ КП 17214/193 А-62/193

3. **Гребень наборный.** XI-XIII вв. Неревский раскоп.
Без паспорта, инв. № 2313. 8,8 × 4,5 см. Из клыка моржа изготовлены две боковые и центральная пластины.
НГМ КП 17214/203 А-62/203

4. **Гребень наборный.** XII в. Неревский раскоп.
H-53, 23-224, № 1742. 4,3 × 6 см. Из клыка моржа изготовлена центральная пластина.
НГМ КП 25293/96 А-12/96

5. **Гребень.** XI в. Неревский раскоп.
H-53, 24-456, № 173. 4,1 × 4,8 см.
НГМ КП 25293/105 А-12/105

6. **Гребень.** XII в., последняя четверть – XIII в., первая четверть.
Троицкий раскоп. H-77, Тр. IV, 16-255, № 112. 4,9 × 3,8 × 0,5 см.
НГМ КП 28080/283 А-57/283

7. **Гребень.** XII в.
Троицкий раскоп. H-79, Тр. V, пл. 10-13, кв. 361 (траншея). 3,7 × 5,0 см.
НГМ КП 30975/349 А-70/349

8. **Гребень наборный.** XIII в., середина – вторая половина. Троицкий раскоп. Н-81, Тр. VI, 11-365, № 21. 9,4 × 4,5 см. Из клыка моржа изготовлены боковые и центральная пластины.
НГМ КП 31696/91 А-76/91

9. **Гребень.** XI в., первая половина – середина. Неревский раскоп. Н-55, 25-1011, № 15. 4,3 × 4,2 см.
НГМ КП 32143/97 А-74/97

10. **Гребень.** XIII в. Неревский раскоп. Н-53, 18-325, № 1725. 2,7 × 3,2 см. НГМ КП 32143/134 А-74/134

11. **Гребень наборный.** XII–XIV вв. Неревский раскоп. Н-51, без паспорта, № 762. 9,8 × 4,9 см. Из клыка моржа изготовлены боковые и центральная пластины. НГМ КП 32143/186 А-74/186

12. **Гребня фрагмент.** XIV в., последняя треть. Неревский раскоп. Н-57, 11-1483, № 26. 4,9 × 4,3 см.
НГМ КП 32143/192 А-74/192

13. **Гребень.** XIII в., сер. – вт. пол. Троицкий раскоп. Н-83, Тр. VII, 2-629, № 11. 3,7 × 4,5 см.
НГМ КП 33996/1 А-100/1

14. **Гребень.** XI–XIII вв. Случайная находка, берег р. Волхов у Кремля.
НГМ КП 34232/198 А-94/198

15. **Гребень.** XII в., первая половина – середина. Неревский раскоп. Н-56, 24-1255, № 20. 3,3 × 5,7 см. НГМ КП 35471/64

16. **Гребень.** XI в., последняя четверть – XII в., первая четверть. Неревский раскоп. Н-61, 28-2109, № 90. 4,0 × 4,0 см. НГМ КП 35471/65

17. **Гребня фрагмент.** XII в., первая половина. Неревский раскоп. Н-53, 25-97, № 1753. 4,7 × 1,6 см. НГМ КП 35471/77

18. **Гребня фрагмент.** XII в., последняя четверть. Неревский раскоп. Н-58, 16-1699, № 1. 1,0 × 2,6 см. НГМ КП 35471/78

19. **Гребень.** XII в., первая половина – середина. Неревский раскоп. Н-55, 18-989, № 345. 5,0 × 6,0 см. НГМ КП 35471/101

20. **Гребень.** XII в., первая половина – середина. Неревский раскоп. Н-53, 18-536, № 1727. 3,5 × 3,8 см. НГМ КП 35471/130

21. **Гребень.** XII в., последняя четверть. Неревский раскоп. Н-54, 13-689, № 1384. 5,4 × 3,8 см. НГМ КП 35471/133

22. **Гребень.** XIII в., первая половина. Неревский раскоп. Н-59, 17-1761, № 5, инв. № 1125. 6,3 × 5,6 см. НГМ КП 35471/151

23. **Гребня фрагмент.** XIII в. Неревский раскоп. Н-52, 19-?, № 2264. 4,5 × 1,9 см. НГМ КП 35471/175

24. **Гребень.** X в., конец – XI в., первая четверть. Неревский раскоп. Н-55, 27-1099, № 381. 4,0 × 3,8 см.
НГМ КП 35471/346

25. **Гребень.** XII в., вторая половина. Троицкий раскоп. Н-86, Тр. VIII, 9-698, № 220. 4,1 × 3,3 × 0,4 см.
НГМ КП 36697/468 А-109/468

26. **Гребень.** XII в. Троицкий раскоп. Н-86, Тр. VIII, 12-709, № 40. 2,9 × 2,9 × 0,3 см.
НГМ КП 36697/469 А-109/469

27. **Гребень.** XI в., конец – XII в., первая половина. Федоровский раскоп. Н-91, Фед.-I, 19-39, № 33. 4,7 × 4,2 см.
НГМ КП 39459/184 А-136/184

28. **Гребень.** XII в., вторая половина – XIII в., первая половина. Федоровский раскоп. Н-91, Фед.-II, 17-101, № 90. 4,7 × 6 см.
НГМ КП 39459/192 А-136/192

29. **Гребень.** XII в., вторая половина – XIII в., начало. Федоровский раскоп. Н-91, Фед.-II, 18-97, № 57. 2,8 × 6,1 см.
НГМ КП 39459/203 А-136/203

30. **Гребень.** XII в., вторая половина – XIII в., первая половина. Федоровский раскоп. Н-91, Фед.-II, 17-91, № 74. 4,8 × 5,9 см.
НГМ КП 39459/210 А-136/210

31. **Гребень.** XII в., вторая половина – XIII в., начало. Федоровский раскоп. Н-91, Фед.-II, 18-112, № 65. 5,9 × 5,8 см.
НГМ КП 39459/222 А-136/222

32. **Гребня наборного фрагмент.** XII в., вторая половина – XIII в., первая половина. Федоровский раскоп. Н-91, Фед.-II, 17-88, № 45. 2,6 × 5,6 см.
НГМ КП 39459/234 А-136/234

33. **Гребень.** XII–XIII вв.
Федоровский раскоп. Н-93,
Фед.-V, 16-298, № 6. 3,9 × 5,5 см.
НГМ КП 39806/106 А-145/106

34. **Гребня фрагмент.** XII–XIII вв.
Федоровский раскоп. Н-93, Фед.-V, 16-297,
№ 4. 2,6 × 5,7 см.
НГМ КП 39806/115 А-145/115

35. **Гребня фрагмент.** XI в., вторая
половина – XII в., первая половина. Тро-
ицкий раскоп. Н-93, Тр. IX, 11-962, № 19.
1,9 × 4,9 см. НГМ КП 40530/577 А-144/577

36. **Гребень.** XI–XII в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-93, Тр. X, 13-1180,
№ 85. 4,5 × 4 см.
НГМ КП 40966/48 А-176/48

37. **Гребень.** XII в.
Федоровский раскоп. Н-97,
Фед.-VI, 16-530, № 18. 4 × 5,5 см.
НГМ КП 41045/90 А-172/90

38. **Гребень.** XII в., вторая половина.
Троицкий раскоп. Н-98, Тр. XII, 11-1485,
№ 101. 4,4 × 4,3 × 0,5 см.
НГМ КП 43204/1416 А-190/1416

39. **Гребня фрагмент.** XII в., вторая по-
ловина. Троицкий раскоп. Н-98, Тр. XII,
10-1321, № 16. 5,5 × 2,1 × 0,5 см.
НГМ КП 43204/1445 А-190/1445

40. **Гребня фрагмент.** XII в., вторая по-
ловина. Троицкий раскоп. Н-98, Тр. XII,
11-1558, № 24. 5,5 × 2,2 × 0,5 см.
НГМ КП 43204/1446 А-190/1446

41. **Гребень.** XII в., конец – XIII в.
Троицкий раскоп. Н-03, Тр. XIII, 8-1636,
№ 6. 4,1 × 4,4 см.
НГМ КП 44101/2 А-202/2

42. **Гребень.** XII в., конец – XIII в.
Троицкий раскоп. Н-03, Тр. XIII, 8-1616, № 124. 4,4 × 2,9 см.
НГМ КП 44101/11 А-202/11

43. **Гребень.** XII в., середина.
Десятинный-I раскоп. Н-2008, Дес.-I, уч. 2, пл. 160-170/кв. А-8,
гл. 167, № 593. 5 × 5,2 см. НГМ КП 47095/183 А-226/183

44. **Гребень наборный.** 1170-е гг. – XIII в., вторая половина.
Никольский раскоп. Н-07, Нкл., 19-37, № 1. 5,9 × 5,1 см.
Из клыка моржа изготовлены боковые пластины.
НГМ КП 48046/124 А-252/124

45. **Гребень.** XII–XIII вв.
Раскопки на дне реки Волхов в районе Великого моста.
ВМ10-358, раск. № 4, кв. 13.1, гл. 12,8 м БС. 5,5 × 4,5 см.
НГМ КП 48370/588 А-264/588

46. **Гребня наборного фрагмент.** XIII в., первая треть.
Дубошин раскоп. Н-78, Р-Д., 28-18, № 39.
5,3 × 3,7 × 1,2 см. Из клыка моржа изготовлена центральная
пластина. НГМ НВ 19558/261

1. **Пуговица. XI–XV вв.**
Неревский раскоп. Н-52, без паспорта, инв. № 3468. 4,2 × 0,6 см.
НГМ КП 11784/225 А-46/225

2. **Пуговица. XIII в., первая половина.**
Неревский раскоп. Н-53, 22-146, яр. 15-16, № 1938. 2 × 1,3 см.
НГМ КП 11784/227 А-46/227

3. **Пуговица. XIV в.**
Неревский раскоп. Н-58, 4-1726, № 4, инв. № 183. Диаметр – 1,2 см; высота – 0,65 см. НГМ КП 17214/66 А-62/66

4. **Пуговица. XIV в., вторая половина – XV в., начало.** Неревский раскоп. Н-58, 6-1675, № 35, инв. № 162. 1,7 × 0,8 см. НГМ КП 17214/70 А-62/70

5. **Пуговица. XIII в., середина.**
Лубяницкий (Буяный) раскоп. Н-67, Р-Л., 7-25, № 13. 1,2 × 1,5 × 1 см.
НГМ КП 20043/309 А-61/309

6. **Пуговица. XIII в.**
Тихвинский раскоп. Н-69, Тихв., 16-34, № 489. 1,5 × 1,8 × 0,5 см. НГМ КП 25291/371 А-3/371

7. **Пуговица. XI в.**
Неревский раскоп. Н-53, 27-269, № 1993. 3,3 × 0,7 см.
НГМ КП 25293/89 А-12/89

8. **Пуговица.** XI–XIII вв.
Троицкий раскоп. Н-82, Тр. VI, б/п. 2,3 × 0,9 см.
НГМ КП 33560/410 А-96/410

9. **Пуговица.** XI в., вторая половина – XII в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-87, Тр. VIII, 15-784, № 28. Диаметр – 1,9 см; высота – 1,2 см. НГМ КП 36697/3004 А-109/3004

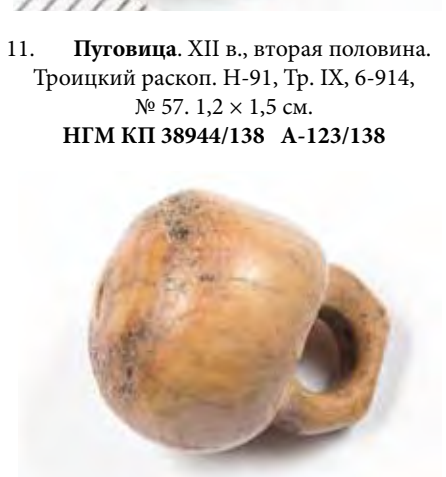
10. **Пуговица.** XIII в. Троицкий раскоп. Н-89, Тр. IX, 2-901, № 419.
5,2 × 1 см. НГМ КП 37392/350 А-111/350

11. **Пуговица.** XII в., вторая половина.
Троицкий раскоп. Н-91, Тр. IX, 6-914, № 57. 1,2 × 1,5 см.
НГМ КП 38944/138 А-123/138

12. **Пуговица.** XI в. Троицкий раскоп. Н-93, Тр. X, 12-1081, № 17.
3,7 × 0,8 см. НГМ КП 39395/147 А-141/147

13. **Пуговица.** XIII в.
Федоровский раскоп. Н-91, Фед.-I, 16-22, № 13. 1,4 × 1,6 см. Зуб моржа.
НГМ КП 39459/705 А-136/705

14. **Пуговица.** XII в., вторая половина. Троицкий раскоп. Н-98, Тр. XII, 11-1403, № 131. 4,7 × 0,8 см. НГМ КП 43204/1394 А-190/1394

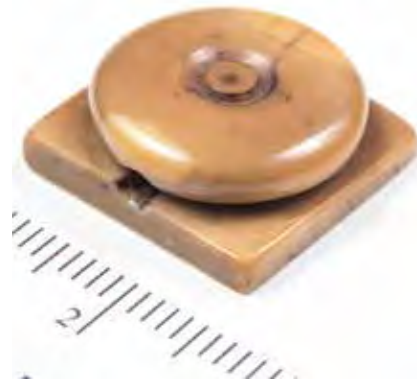
15. **Пуговица.** XI в., вторая половина – XII в., первая четверть. Троицкий раскоп.
Н-2006, Тр. XIV, 12-1722, № 76. Диаметр – 2,4 см; высота – 1,3 см.
НГМ КП 46395/43 А-211/43

1. Печать прикладная. XV в.
Неревский раскоп. Н-51, 6-17, № 5, инв.
№ 3400. Диаметр – 1,5 см; высота – 0,5 см.
НГМ КП 17214/68 А-62/68

2. Печать прикладная. XIV в.
Торговый раскоп. Н-71, Торг., 22-5, № 17,
инв. № 287. 1 × 2,3 см.
НГМ КП 25295/273 А-14/273

3. Печати прикладной заготовка.
XIV в. Торговый раскоп. Н-71, Торг.,
23-31, № 15, инв. № 290. 1,7 × 1,7 × 0,65 см.
НГМ КП 25295/280 А-14/280

4. Печати прикладной заготовка.
XV в., первая половина. Неревский рас-
коп. Н-52, 11-131, № 2.
1,7 × 1,6 см. НГМ КП 35471/957

5. Кубик игральный. XV в.
Козмодемьянский раскоп. Н-74, Козм.,
9-31, инв. № 181. 1,3 × 1,1 × 1,1 см.
НГМ КП 26516/67 А-41/67

6. Кубик игральный. XIV в.
Троицкий раскоп. Н-84, Тр. VII, 6-591.
1,1 × 1,1 × 1 см.
НГМ КП 34499/167

7. Кубик игральный. XIII в., первая
половина. Троицкий раскоп. Н-87, Тр. IX,
4-820, № 128. 0,6 × 0,6 см.
НГМ КП 37392/878 А-111/878

8. Кубик игральный. XIII-XIV вв.
Троицкий раскоп. Н-95, Тр., без паспор-
та. 2,4 × 2,3 × 2,2 см.
НГМ КП 41851/508 А-174/508

9. Кубик игральный. XIII в., вто-
рая половина. Троицкий раскоп. Н-96,
Тр. XII, 5-1471, № 203. 1,2 × 1,4 см.
НГМ КП 42581/426 А-179/426

10. **Фишка.** XIV в.
Неревский раскоп. Н-53, 5-681, № 1888.
Диаметр – 2,6 см; высота – 0,8 см.
НГМ КП 17214/242 А-62/242

11. **Фигурка шахматная.** XIV в.
Неревский раскоп. Н-57, 9-1621, № 18.
1,8 × 1,2 см.
НГМ КП 25405/56 А-20/56

12. **Фишка.** XI–XII вв.
Троицкий раскоп. Н-80, Тр. V, 16-317.
2,1 × 2,7 см.
НГМ КП 31440/75 А-71/75

13. **Фишка.** XII в., начало.
Троицкий раскоп. Н-82, Тр. VI, 16-400,
№ 31. 3,2 × 2,5 см.
НГМ КП 33560/407 А-96/407

14. **Фигурка шахматная.** XIII в., первая половина.
Неревский раскоп. Н-55, 16-1003, № 2. Диаметр – 1,1 см;
высота – 1,2 см. НГМ КП 35471/1020

15. **Фигурка шахматная (фишка).**
XI–XV вв. Неревский раскоп.
Без паспорта. 3,8 × 1,8 см.
НГМ КП 35471/1334

16. **Фигурка шахматная (фишка).**
XI–XIV вв. Михаило-Архангельский раскоп.
Н-90, М-Арх., 11-8, № 12, инв. № 900.
3,9 × 2,6 см.
НГМ КП 40961/817 А-164/817

17. **Фишка.** XII в., конец – XIII в.
Троицкий раскоп. Н-03, Тр. XIII, 7-1604,
№ 78. 1,6 × 2,4 см.
НГМ КП 44101/31 А-202/31

18. **Фигурка шахматная (фишка).**
XII в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-2005, Тр. XIV,
10-1781, № 256. 2,9 × 1,4 см.
НГМ КП 46394/207 А-210/207

19. **Фишка.** XIV в., начало. Лукинский-2 раскоп. Н-2012, Лук., уч. 7, пл. 120-130, кв. Ж-13, № 4, гл.124. 3,5 × 0,6 см.
НГМ КП 48335/675 А-262/675

20. **Навершие.** XI-XV вв. Славенский раскоп. Н-68, Р-Слав., 14-40, № 11, инв. № 26. 6,5 × 2 см.
НГМ КП 20043/460 А-61/460

21. **Навершие пleti.** XII в. Дубошин раскоп. Н-78, Р-Дуб., 34-3, № 3. 6 × 4,3 см.
НГМ КП 28081/212 А-58/212

22. **Навершие.** XI в. Троицкий раскоп. Н-80, Тр. V, 15-298. 5,3 × 3,5 × 3,1 см.
НГМ КП 31440/151 А-71/151

23. **Навершие пleti.** XII в., первая половина. Неревский раскоп. Н-60, 21-1874, яр. 20. 4,4 × 2,5 см.
НГМ КП 32143/9 А-74/9

24. **Навершие.** XII в. Неревский раскоп. Н-57, 28-1323, № 13, инв. № 1669. Диаметр – 1,3 см; длина – 1,5 см. НГМ КП 35471/1368

25. **Навершие пleti.** XII в. Троицкий раскоп. Н-92, Тр. IX, 10-895, № 3. 3 × 3,3 см.
НГМ КП 41204/607 А-167/607

26. **Накладка.** X в., вторая половина – XI в., начало. Неревский раскоп. Н-55, 28-1011, № 128. 5 × 1,4 см.
НГМ КП 17214/99 А-62/99

27. **Накладка.** XII в., середина
Ильинский раскоп. Н-66, 24-348, № 18. 4,1 × 2 см.
НГМ КП 17788/136 А-98/136

28. **Накладки фрагмент.** XIII в., конец – XIV в., начало.
Кировский раскоп. Н-72, Р-Кир., 24-64, № 23, инв. № 712.
4,7 × 1,5 × 0,4 см. НГМ КП 25060/145 А-19/145

29. **Накладка крестообразная.** XIII в.
Троицкий раскоп. Н-76, Тр. IV, пл. 10-12 (сев. тр.), № 13.
4 × 4 × 0,3 см. НГМ КП 26518/176 А-43/176

30. **Накладка.** XI–XIII вв.
Троицкий раскоп. Н-82, Тр. VI, без паспорта.
1,5 × 1,8 см. НГМ КП 33560/401 А-96/401

31. **Накладка предохранительная для запястья**
(2 фрагмента). XIII в. Неревский раскоп. Н-55, 14-983, № 34,
инв. № 510, № 511. 10,8 × 3,9 см; 5,5 × 2,3 см.
НГМ КП 35471/977, НГМ КП 35471/1052.

32. **Накладки фрагмент.** XII в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-98, Тр. XII, 12-1372, № 68.
3,6 × 1,7 × 0,4 см.
НГМ КП 43204/1450 А-190/1450

33. **Вертлюга деталь.** XII–XIV вв.
Неревский раскоп. Н-54, фундамент, кв. 677, № 1338. 5,8 × 0,8 см. НГМ КП 17214/31 А-62/31

34. **Поделка зооморфная.** XIII в.
Тихвинский раскоп. Н-69, Тихв., 18-6, № 487.
4,3 × 1,6 × 0,9 см. НГМ КП 25291/374 А-3/374

35. **Поделка зооморфная.** XI–XIV вв.
Михаило-Архангельский раскоп. Н-90, М-Арх., 11-69, № 1, ин.
№ 883. 2,5 × 2,1 × 0,9 см. НГМ КП 40961/819 А-164/819

36. **Амулет.** XII в., середина. Михайловский (Суворовский) раскоп. Н-70, Р-С., 30-74, № 1, инв. № 383. 1,8 × 2,8 см.
НГМ КП 25295/294 А-15/294

37. **Зуб просверленный (амулет).**
XIV в. Троицкий раскоп. Н-2009, Тр. XIII-Г, 4-1808, № 99. 1,4 × 4 см.
НГМ КП 48334/355 А-263/355

38. **Иконка с изображением Святого Георгия.** XIV в., вторая половина – XV в., первая половина. Нутный-IV раскоп. Н-2011, Нут., 21-12, № 43. 3,2 × 4 см.
НГМ КП 47724/344 А-241/344

39. **Булавки фрагмент.** XIII в.
Троицкий раскоп. Н-81, Тр. VI, 12-450, № 7. 4,8 × 0,9 см.
НГМ КП 31696/128 А-76/128

40. **Булавка.** XII в.
Троицкий раскоп. Н-92, Тр. IX, 9-866, № 41.
6,5 × 0,8 см. НГМ КП 41204/2 А-167/2

41. **Копоушка.** XIII в.
Федоровский раскоп. Н-93, Фед., 15-423, № 13.
9,7 × 1,3 см. НГМ КП 39806/576 А-145/576

42. **Футляр.** XII в., середина – XIII в., начало.
Троицкий раскоп. Н-77, Тр. IV, 14-223, № 87.
4,6 × 1,1 см. НГМ КП 28080/264 А-57/264

43. **Бусина.** XII в., вторая половина.
Троицкий раскоп. Н-86, Тр. VIII, 9-698, № 230.
Диаметр – 1,2 см; высота – 1,1 см.
НГМ КП 36697/1753 А-109/1753

44. **Застежка.** XII в.
Троицкий раскоп Н-92, Тр. X, 9-1046, № 17.
4,6 × 1,8 × 0,75 см.
НГМ КП 41204/44 А-167/44

45. **Стрелы наконечник.** XIV в., первая половина.
Троицкий раскоп. Н-88, Тр. IX, +3-876, № 384.
4,5 × 1,2 см. НГМ КП 37392/850 А-111/850

46. **Поделки фрагмент.** XI в., конец – XII в., начало.
Неревский раскоп. Н-55, 23-1032, № 142.
2,5 × 1,5 см. НГМ КП 35471/1246

47. **Поделка.** XII в.
Федоровский раскоп. Н-93, Фед., 18-348, № 37.
2,7 × 1,6 × 1,3 см. НГМ КП 39806/90 А-145/90

48. **Череп моржа (2 фрагмента).** XIII–XIV вв.
Следы обработки, на поверхности черепа нанесен линейный орнамент. Михаило-Архангельский раскоп. Н-90, М-Арх., 9-28, № 74, инв. № 418. 9,6 × 7,6 см; 13,6 × 8,4 см. НГМ НВ 23057/324

В. А. Курбатов

Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Дворцовая набережная, д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: alkurba@rambler.ru

Кожевенное ремесло Великого Новгорода: взаимодействие традиций населения разных природно-климатических зон

Аннотация. Различные этапы колонизации и контактов новгородцев с аборигенами Севера отражают разнообразные письменные источники и археологические находки в городах северо-западной России, а также на памятниках Западной Сибири. В Новгороде археологи нашли достаточно много рогового сырья, что говорит о его тесных торговых связях с полярными областями, входящими в зону влияния Новгородской республики. Это дает возможность выделить два больших исторических периода в заимствованиях, связанных с техникой кожевенного ремесла в рамках Восточной Европы и Западной Сибири, проявляющихся в культуре населения Новгородской республики и народов Русского Севера и Западной Сибири в XI–XV вв. и последующее время.

Ключевые слова: кожевенное ремесло, традиции, климатические зоны, Русский Север, Западная Сибирь.

Введение

Древнерусские формы кожевенного ремесла Великого Новгорода могли включать в себя элементы традиций народов таежной и тундровой зон, что происходило в процессе освоения северных и северо-восточных территорий Восточной Европы. На сегодня мы находим немногие свидетельства такого взаимодействия в письменных и археологических материалах. Существенную помощь здесь оказывает ретроспективное рассмотрение вопроса.

В отношении возможного усвоения новых традиций, связанных с продвижением древнего населения в ранее не освоенные им климатические и природные условия, ученые определяют изначально методические подходы, основанные на работах и выводах этнографов. Так, западноевропейский исследователь С. Клейнгартнер (S. Kleingärtner) выделяет «первичное» и «вторичное» усвоение новых традиций при этнокультурных контактах. Первичное усвоение – это перенос отдельных предметов культуры и быта на другую территорию, например при торговле. Такие предметы используются на чужой территории небольшой отрезок времени. Вторичное усвоение – это принятие чужих элементов, растворение их в новой культуре. В таком случае элементы культуры иной группы населения усваиваются и преобразуются, становясь значимыми для местного населения. При этом отмечается более длительное их бытование, нежели при первичном усвоении [Kleingärtner, 2009. – P. 12–13].

При изучении вопроса выделки кож для пошива и приспособления кожаных изделий к особенностям климата к такому же выводу приходил уже более ста лет назад кожевник-технолог Г. Поварнин, исследуя историю развития кожевенного дела в России [Курбатов, 1997. – С. 367 и сл.]. Он рассматривал технологию обработки шкур и выделки разных сортов кожи, базируясь на всей полноте статисти-

ческих сведений по кустарному производству всех регионов европейской части России на последнюю четверть XIX – начало XX в. При этом основные данные взяты им за период 1890–1911 гг. [Поварнин, 1912. – С. 156 и сл.]. Желая максимально объективно оценивать источниковую базу, исследователь выделил блок материалов из общего числа 126 комплексов сведений, собранных в 30 губерниях, рецепты которых были наименее подвержены механизации и технологической модернизации в XIX в. и оставались традиционными рецептами выделки. Таких данных сохранилось 77 блоков из 21 губернии Европейской России. Из выделенных 77 блоков при дальнейшем анализе Г. Поварнин отбраковал сомнительные или неполные сведения, которые правомерно использовать только частично. Сумма наиболее достоверных и полных данных составила 63 информационных блока из 18 губерний. Таким образом, уже на стадии отбора сведений Г. Поварнин ввел дифференцированный многоступенчатый анализ источников, что увеличивало степень вероятности последующих выводов и повышало доверие и к выводам, и к использованным методам оценки. В качестве «фона» Г. Поварнин рассматривал историю развития кожевенной обработки у многих народов мира, привлекая все доступные ему этнографические и исторические сведения, в том числе и многочисленные письменные источники.

В своем подходе Г. Поварнин применял сравнительно-историческую методику исследований, которая учитывала влияния разных факторов на развитие техники выделки кож, в том числе географическую среду, вероятность привнесения тех или иных способов работы, материалов, выбор режимов и другое. Основные методические принципы анализа сводились к следующему:

- многообразие методов производства определяется не его целями, а внешними или (чаще всего) внутренними условиями;

- при изменении внешних условий (географическая среда, материалы) человек приспосабливается к ним, сохраняя традиционные способы работы, что может и отрицательно сказываться на качестве производимого товара;

- одинаковые условия редко вызывают одинаковые результаты и совпадение в разных культурных группах нескольких операций выделки кож, что можно рассматривать и как свидетельство длительных непосредственных контактов или ассимиляции;

- специфические методы производства развиваются только в узких территориальных группах населения, и передача их тем сложнее, чем специфичней и длительней каждая стадия процесса.

Пользуясь сравнительно-историческим методом, Г. Поварнин учитывает все многообразие индивидуальных особенностей кустарных рецептов. По его мнению, в новой среде инокультурные методы работы или принимаются полностью, с последующим приспособлением к местным географическим условиям, или отвергаются целиком.

Для России конца XIX – начала XX в. отмечен весь спектр возможных рецептов выделки – от самых примитивных до почти совершенных. Но с учетом того, что операции в разных рецептах модифицировались с различной скоростью и в разных направлениях, появляется возможность выделить вероятные первоначальные рецепты, существовавшие у славян на ранней стадии консолидации, еще в догосударственный период.

Проблематика

Особенности развития ремесла у древних славян – это одна из дискуссионных научных тем [Курбатов, 2012а. – С. 288–289]. На сегодня мы практически не имеем достоверных археологических свидетельств кожевенного дела и форм обуви на памятниках лесной полосы Восточной Европы, на территории будущей Древней Руси, до середины VIII в. Тем не менее можно найти некоторые основания для реконструкций форм обуви, процессов выделки кожи и прогнозирования будущих находок кожаных изделий. Для этого следует использовать данные о выделке кож и развитии обувной моды в родовых обществах Западной Европы, рассмотреть универсальность и вариативность форм и декора находок древнейшей обуви в Дании, Германии, Нидерландах, Норвегии и других странах. Кроме того, следует использовать редкие упоминания одежды «варварских народов» в древнегреческих, римских и раннесредневековых письменных памятниках, а также отдельные изображения в памятниках прикладного искусства.

Одним из вероятных способов выделки кож у славян было дубление в кислых хлебных настоях – *квасах*, позднее отраженное в легенде о путешествии апостола Андрея в Новгород. Но этот способ отличается от таннидного дубления в настоях древесной коры. Дубление в кислых хлебных или молочных настоях является признаком традиций обществ определенного культурно-хозяйственного типа, а именно скотоводческого типа хозяйства. Более широкое внедрение дубления древесной корой у восточнославянских племен могло проходить не без влияния (знакомства, заимствования) технологий раннесредневековых обществ Европы, живших в ареале Балтийского моря.

Древнейший рецепт выделки кож у славян, приведенный Г. Поварниным [*Поварнин, 1912. – С. 140*], видимо, следует принимать только для населения лесной зоны Восточной Европы. У жителей же лесостепи длительное время преобладали методы, традиционные для многих кочевых народов – выделка сыромяти, дымление, дубление кисломолочными составами. Эти различия технологий населения в лесной и лесостепной полосах России сохранялись и в кустарных промыслах XIX – начала XX в.

В продукции некоторых ремесленных промыслов последней четверти I тыс. н. э. на территории формирующихся древнерусских земель, которые начинают выделяться в особые формы ремесленной деятельности, можно заметить черты, разделяющие два основных физико-географических региона – лесной и степной, который надо рассматривать вместе с лесостепной зоной. Здесь можно указать на имеющиеся сравнительные археологические материалы для продукции кожевенного ремесла в железообрабатывающем производстве [*Розанова, 1997. – С. 291–295*]. Археологические свидетельства зонального разделения на сегодня еще очень фрагментарны и неполны, хотя их нельзя отбрасывать.

Исходя из имеющихся данных и реконструкции вероятных процессов выделки кож у населения Восточной Европы в I тыс. н. э. следует принять как наиболее вероятное, что на территории складывающегося древнерусского государства существовали разные региональные традиции выделки кож, в основе которых лежали три технологических режима: таннидное дубление, квашение в кислых *соках* и выделка сыромяти. Эти режимы развивались и совершенствовались по своим законам и с разной скоростью на отдельных территориях, входящих в разные природно-климатические зоны. Отсюда происходит многообразие конкретных вариантов выделки и качества конечного кожевенного продукта.

Археологический контекст. В настоящее время наиболее широкое подтверждение в археологическом материале Средневековья развитие древнерусского кожевенного дела получает только в рамках изучения отдельных городов, для которых материал рассматривается в широком хронологическом диапазоне, например в Новгороде, Пскове, Москве. Значительно сложнее говорить о других регионах, в том числе и о северных территориях Новгородской земли. Для этих регионов сравнительные археологические данные в диапазоне XI–XV вв. появились только в последние годы благодаря активному научному изучению Севера Европейской России и Западной Сибири. В 1990–1996 гг. на полуострове Ямал на р. Юрибей было исследовано раскопками «городище» Ярте VI. Это место заселялось, по мнению исследователей, не менее четырех раз. Средневековый слой определен методом дендрохронологии в рамках 1071–1106 гг. н. э. [*Плеханов, 2014. – С. 5*]. По описанию проведенных работ, в культурном слое были обнаружены «многочисленные фрагменты шкур и кожи, но ввиду их плохой сохранности удалось собрать всего около 50 экземпляров. Кусочки кожи, детали меховой и кожаной одежды демонстрируют высокое качество выделки кожевенного сырья. На многих образцах сохранились аккуратные швы, иногда они распороты. Мы вправе сделать вывод о большой роли кожевенного дела в наборе занятий населения, обитавшего на „городище“ Ярте VI» [*Плеханов, 2014. – С. 13*]. По нашему мнению, использованные в работе цветные фотографии позволяют видеть только кожи замшевой выделки, которые относятся к местной работе заполярных жителей. Тогда как определенных красnodубных кож не представлено.

Другой памятник – городище загадочного народа *сихиртя* в бухте Находка, на восточном берегу полуострова Ямал, на р. Харде-Яха. По результатам раскопок 2006–2008 гг. здесь было собрано более 1,5 тыс. предметов средневекового поселения, датируемого XIII–XIV вв. Среди кожаных предметов имеются и экземпляры замшевой выделки, и красnodубной. Одна из деталей подошвы, вероятно, была выкроена из ранее изношенной рукавицы [*Кардаш, 2011. – С. 22, 40*]. Три фрагмента кожи имеют

на внешней поверхности тиснение «под овсянку». Этот прием был распространен на Руси с XII в. В данном случае можно предполагать привоз готовых изделий или кож из Среднего Поволжья или из Новгородской земли [Кардаш, Усолкина, 2009. – С. 344–345].

Интересным источником связей Новгорода с Севером служат берестяные грамоты, отражающие живую древнерусскую лексику и в большинстве имеющие точную датировку по археологическому контексту, а также независимую датировку по палеографическим признакам текста. Датирование грамот двумя разными методами придает этому виду письменного источника особую историческую «привязку» к месту и времени. Отметим, что большинство кожевенно-обувных терминов, прочитанных специалистами в грамотах, можно назвать нейтральными с технологической точки зрения, т. е. они не отражают особенности техники производства различных видов кожевенного товара. А некоторые названия, вопреки трактовке специалистов, нельзя однозначно связывать с терминологией кожевенного дела [Курбатов, 1999; 2001а; 2001б].

Но ряд грамот можно использовать в нашей теме. В двух (№ 222 и 249) определяются торговые действия новгородских данников, отправлявшихся на Север. А в двух других упомянуты морские млекопитающие нерпы, за которыми исследователи видят тюленей и их кожу, добываемую на Белом море. Одна из этих грамот, № 133, датируется 50–80-ми гг. XIV в. В ней некий Григорий пишет, что он послал со своим складником для продажи кипу нерпы, тюленьих кож и узкую веревку – очевидно, кожаные ремни [Рыбина, 1989. – С. 75, 78, 80; перевод см.: Рыбина, 2001. – С. 312]. Вторая грамота, № 622, относится к тому же периоду; ее стратиграфическая дата – рубеж 50–60-х гг. XIV в. – начало XV в. В ней говорится о том, как поступить с деньгами за нерпу, т. е. за тюленьи кожи [Рыбина, 2001. – С. 323]. Хотя перевод у Е. А. Рыбиной различается с версией А. А. Зализняка [Янин, Зализняк, 1993. – С. 26–27], оба исследователя считают «нерпы» тюленьими кожами.

С северной торговлей связано большое число упоминаний пушных зверей и их широкая номенклатура. Имеются также упоминания шкур диких животных. По мнению Е. А. Рыбиной, в основном пушные звери названы в связи со сбором дани или податей в подвластных Новгороду северных землях или в боярских владениях. С этим же можно связывать и упоминания ловчих птиц в грамотах № 54 и 248 [Рыбина, 2003. – С. 201].

Различные этапы колонизации и контактов новгородцев с аборигенами Севера отражают определенные группы находок в городах Северо-Запада России. В Новгороде археологи нашли достаточно много рогового сырья, что говорит о его тесных торговых связях с полярными областями, входящими в зону влияния Новгородской республики. На Троицком раскопе найдены зубы и кости мамонта, клыки и кости моржа, а также рога северного оленя, доля которых среди плотного рога на раскопе составляла 6,3 %. Основная масса предметов происходит из слове XIII–XIV вв. [Смирнова, 1995. – С. 122–123]. Клык моржа – «рыбий зуб» – добывался охотой в Северном море в районе Мезеня, у острова Вайгач, Новой Земли, Мурманского берега, Шпицбергена и устья Печоры. Проникновение новгородцев в эти земли начинается в XI в. В XII–XIII вв. там уже имелись крупные вотчинные владения новгородской знати. «Рыбий зуб» упоминают письменные источники XII–XIII вв. Так, в Ипатьевской летописи под 1160 г. сообщается о дарах Ростислава Мстиславича Святославу Ольговичу, среди которых назван и «рыбий зуб» [ПСРЛ, 1843. – С. 86]. Н. Аристов отмечал, что еще арабские писатели рассказывали предание о том, что с севера из земли веся и юры привозили в Булгар и затем в Хорезм зубы неизвестных животных, походившие на слоновую кость и продававшиеся по высокой цене [Аристов, 1866. – С. 29]. На длительность знакомства использования моржового клыка в русских городах может указывать и свидетельство византийского писателя XII в. Иоанна Тцетца о том, что русскую резьбу по кости отличали высокие художественные достоинства, а работа некоего резчика из «руссос» сравнима лишь с резьбой легендарного «Дедала». По мнению Л. И. Смирновой, археологические находки в Новгороде убедительно говорят о знакомстве новгородцев с «рыбьим зубом», по крайней мере с рубежа X–XI вв. Доля моржового клыка в составе сырья новгородских косторезов составляла около 4 %. На Федоровском раскопе Новгорода исследователь отметила необычайно высокую плотность находок из моржового клыка, тогда как европейские города дают очень малое число предметов

из этого сырья. Клык моржа в числе других экзотических материалов был очень популярным и ценился высоко, как престижный материал и товар. Находки изделий из него связаны с жилыми комплексами, хозяев которых отличает очень высокий социальный статус [Смирнова, 1998. – С. 97–98]. В целом ни в одном древнерусском городе нет такого разнообразия и массовости изделий из моржового клыка в слоях XI – начала XV в., как в Новгороде. Здесь найдены гребни и рукояти ножей, наверхия плетей, пуговицы, копоушки, бусы, игральные кости и фишки, печати и даже вертлюги [Смирнова, 1996. – С. 70–73]. Это подтверждает ранее высказанное мнение О. Овсянникова, что до конца XV в. основные продукты беломорского моржового промысла шли на рынок Новгорода Великого [Овсянников, 1972. – С. 31]. Отметим в данном контексте и находку заполированного моржового клыка на Рюриковом городище [Носов и др., 2009. – С. 370 и сл.].

Существенные изменения в области использования специфической кожи народов Севера проявляются сегодня в археологических материалах только с рубежа XV–XVI вв. В городах Северо-Запада России (Старой Ладогге, Пскове, Орешке) выделена обувь, которая по своему покрою, манере шивания и декора сопоставима с изделиями аборигенов Русского Севера и Сибири. При этом надо априорно признать, что материальная культура народов полярной области показывает полное и рациональное приспособление всех средств жизнеобеспечения к существованию в экстремальных условиях. Ограниченность ресурсов и возможностей привели к выработке особых приемов обработки подручных материалов и изготовлению оригинальных форм промысловых орудий и бытовых изделий. Типология находимых археологами вещей сегодня облегчается постепенным расширением круга исследованных памятников, а также тем, что многие древние предметы сохранились без изменений в XIX – первой половине XX в., когда их описали этнографы.

Отмеченные северные модели в целом все же единичны для русских средневековых городов [Курбатов, 2007а; 2007б; 2008]. Они могут указывать на временное присутствие здесь отдельных представителей коренного населения Севера или русских насельников, приехавших на северо-запад. Такие предметы встречаются в слоях и комплексах не ранее конца XV – XVI в. Элементы конструирования и способы шивания северной обуви сопоставимы с археологическими и этнографическими данными по культуре заполярного населения Евразии.

По письменным источникам мы видим появление новых характерных терминов в русском обиходном языке, что означает наступление коренных изменений в освоении материальной культуры Севера в средней полосе Московского государства. Ровдугу, а затем и замшу, видимо, стали выделять в русских городах. В приходно-расходной книге Антониева монастыря за 1583 г. находим: «Купил ровдушку у Петруши, дал 2 алтына з ден[ь]гою» (СлРЯ XI–XVII вв. Т. 22. – С. 170–171).

Потребности Московского государства в северной коже – ровдуге – видимо, были высоки, если северные народы платили подати (ясака) не только мехами, но и этими кожами. «[1684] Да въ томъ же угоде, ведають съ ними вместе по старине иныхъ волостей лопари, государеву дань и всякие государевы подати платят;... да имъ же платить съ техъ же своихъ угодей по 10 ролдугъ версталеи, а за ролдугу по 3 алтына по 2 денги, и того по рублю на годъ» [СлРЯ XI–XVII вв., 1996. – С. 94].

Можно отметить, что сходные процессы происходили и в странах Западной Европы, где именно в то же время, что и в России, открыли для себя своеобразную культуру северных народов. В моду европейцев входит замша и своеобразная северная обувь [Курбатов, 2005а. – С. 237–240].

Упоминания *ворвани* – кожи морских млекопитающих – становятся многочисленными в хозяйственных и торговых документах. Выделять ее могли и на Севере, и в городах и монастырях на Северо-Западе России, связанных деловыми связями с Севером [СлРЯ XI–XVII вв., 1976. – С. 28]. Можно привести характерный документ 1685 г. из состава Двинских грамот: «И подъ теми де ихъ [монастырскими] берегами на море всякихъ чиновъ люди промышляють звериною ворванью, кожею, и в техъ де ихъ избахъ стоять и кожи въ ямы кладуть, и тою де они стойкою избы ихъ гноять, и ямы пустошатъ, а в монастырь де они с того промысла своего ничего не платять» [СлРЯ XI–XVII вв., 2008. – С. 74].

Выглядит странным тот факт, что упоминания ворвани, тюленьего или китового жира, а также и кожи тюленя отмечены в записях не ранее последней четверти XVI в. В торговой книге (1575–1610 гг.)

читаем: «На Мурманскомъ Брабанецъ Давыдъ покупаетъ не по одинъ годъ кожи ворвань 10 по полтора рубля» [СОРЯ, 2010. – С. 21]. Возможно, в более раннее время и жир, и кожи называли только нерпами, как следует из берестяных грамот.

Определенно ясно, что потребности в сале морских животных в Новгороде должны были существовать постоянно, в силу особых природных свойств этого вещества. Для пропитки дубленых кож жир морских животных также незаменим. Он хорошо отталкивает воду, не вымывается из кожевого сырья, совершенно не окисляется и не вступает в химические реакции с металлами, кислотами или щелочью. Поэтому наряду с мехами в ранний период истории Новгорода ворвань была основным товаром, поступающим с Севера.

Природно-климатическое своеобразие Русского Севера существенно повлияло на условия заселения и освоения его новгородцами и карелами. В свое время это хорошо описал В. О. Ключевский. Западное Беломорье – одна из первых территорий будущей области Русского Севера, куда в X–XI вв. начали активно проникать новгородцы. Историк отмечал, что «дружины новгородских купцов и промышленников были знакомы с отдаленными северными краями Заволоцкой Чуди и Корелы... Новгородские гости... плавали по Белому морю, добывая рыбу и морского зверя или скупая этот товар у прибрежных жителей», тогдашних коренных обитателей местного края... «Давние обитатели нынешнего Поморского, Корельского и Терского побережья – корелы. В житии соловецких чудотворцев и в новгородских грамотах XV в. они обозначаются именем корельских людей, корельских детей. Новгородцы XV в. различали в этом финском поморском населении пять родов корельских детей, в соседстве с которыми далее к северу и вглубь страны обитала лопь. Эти „корельские дети“ жили разбросанно на всем протяжении Беломорского побережья от реки Варзуги до реки Сумы и далее к востоку и считались собственниками, вотчинниками занятых ими здесь земель; в грамотах XV в. встречаем указания на земли, „куда ходят корельские дети“ или „куда владеют вотчинники корельския дети“. Они считали себя даже ближайшими собственниками еще не занятых земель, каких в XV в. много было в Беломорском крае» [Ключевский, 1990. – С. 7].

На протяжении второй половины XX в. и начала XXI в. археологические исследования значительно уточнили и конкретизировали данные письменных источников, изложенные в концентрированном виде в работах В. О. Ключевского. В частности, конкретизируется по времени и отдельным территориям освоение севера русскоязычным населением и населением финно-угорского происхождения, но включенным в орбиту развития Древней Руси. Эти группы оставили восточнославянский и древнерусский в основе набор бытовой материальной культуры. Отметим работы по материальной культуре славянских и финно-угорских региональных групп на Севере Е. А. Рябина [Рябинин, 1995. – С. 13 и сл.] и Н. А. Макарова [Макаров, 1997; 2007; 2009].

В этих условиях новгородцы-славяне, длительное время жившие на Севере, а равно и корелы должны были использовать те формы одежды и обуви, которые исторически сложились у древнейших насельников этих мест – карел и лопарей. Для обуви жителей этих мест характерна выделка сыромятных кож и ношение своеобразных форм обуви. Этнография поморов сохраняет названия северной обуви, в которой присутствуют и типично русские варианты – сапоги и валенки – *катанки*, а также характерные формы обуви карел и лопарей – сапоги из оленьей кожи с короткими голенищами, известные и под другими названиями – каньги, кеньги, пимы [Бернштам, 1983. – С. 53].

Много названий кожаных изделий, надо полагать, были привнесены в русский язык в XVI–XVII вв. Из языков северных народов в него вошли названия обуви – *коты*, *кисы*, *липты* (*люпты*), *пимы*, *уледи*, *яры*. Использование этих слов тогда, вероятно, ограничивалось районами Русского Севера и Сибири, где бытовали специфические формы обуви. Позднее некоторые названия распространились на всей территории России, но они относились уже к иным видам обуви. Так, название *коты*, видимо, заимствовано из языка коми, где *kot* – это «обувь из одного куска кожи, валенки» [Фасмер, 1996. – С. 354]. У русского населения Севера в XVII в. оно означало «вид теплой обуви, обувь с невысоким голенищем, башмаки, или вид опушенных женских башмаков» [Вахрос, 1959. – С. 115; СлРЯ XI–XVII вв., 1980. – С. 386]. В XVIII в. *котами* называли «крестьянскую теплую обувь» [СлРЯ XVIII в., 1998. – С. 210], а в XIX в. это название охватывало любую кожаную обувь типа башмаков или туфель, преимущественно

женскую, а также сапоги, валенки и даже лапти [СРНГ, 1979. – С. 116]. В «Атласе Архангельской губернии... 1797 г.» есть самое раннее упоминание *люпт*: «Обувь нижняя, называемая люнты, служит им вместо чулков, а верхняя, именуемая пимы, употребляется вместо сапогов» [Ясински, Овсянников, 2003. – С. 373].

Перечисленные выше названия, как и сама обувь, были заимствованы русскими и вошли в русскую обиходную речь через тесное знакомство и перенимание образа жизни финнов, саамов, коми, ненцев [Фасмер, 1996. Т. II. – С. 172, 499–500; Т. III. – С. 262–263; Т. IV. – С. 158; Подвысоцкий, 1885. – С. 197]. По мнению И. С. Вахроса, именно в XV–XVII вв. северные диалекты великорусского языка восприняли новые термины, означавшие разные виды промысловой и ходильной обуви аборигенов, приспособленной к условиям Севера. Большинство их осталось за пределами бытовой лексики русского языка, и лишь некоторые восприняты литературным языком в специальных значениях [Вахрос, 1959. – С. 209–210]. Это, например, *нюрики* – летняя кожаная обувь у карел [Фасмер, 1996. Т. III. – С. 93] и *пяккуи* – саамская обувь с коротким голенищем [СлРЯ XI–XVII вв., 1995. – С. 102]. В обиходе русского населения Севера появилась специфическая саамская обувь *каньги* – тип башмаков из оленьих *койб* шерстью наружу, с загнутыми носками. Впервые они упомянуты в расходной книге Корельского монастыря за 1587 г. [Вахрос, 1959. – С. 103–104]. Позднее так называли на Севере и другие формы зимней обуви из оленьих шкур [СлРЯ XI–XVII вв., 1980. – С. 61].

Надо полагать, что отсутствие в русском языке этих названий в более раннее время не только отражает недостаток письменных источников. Новгородская колонизация северных территорий в XI–XIII вв. и крестьянская колонизация Русского Севера в XIV–XV вв. оставались в своей основе перенесением в северные области привычных для русских традиций форм хозяйства – земледелия, огородничества и животноводства. При этом сохранялись все основные приемы ведения хозяйства и жизнеобеспечения. Дальнейшее проникновение, а главное, обживание русскими заполярных областей привело к перениманию основ жизнедеятельности аборигенов, их системы выживания и самообеспечения. В русский обиход жителей Заполярья вошли и приемы изготовления одежды, обуви и других хозяйственных предметов, что требовало привлечения и новых названий. Русские осваивали и местную технологию выделки кожи, распространяемую в XVI–XVII вв. на Северо-Западе России. Писцовые, таможенные книги и иные документы показывают, что специальную обувь (по крайней мере по названию) товарно шили на Русском Севере – в районах Пинеги, Мезени, Устюга, Вологды, Холмогор, откуда она попадала в Заполярье. В росписи товаров, проходивших через мангазейскую таможню в 30-е годы XVII в., названы юфти, дубленая и сыромятная кожи, кисы оленьи, лосиные, конинные, камусы оленьи и лосиные, коты, переды котовые, сапоги мужские, женские, переды сапожные, подошвы дубленые, сколоты подошвенные, башмаки и необходимые для промыслов лыжные уледи. Из одежды отмечены рукавицы-голицы и материалы для кожевенного и сапожного ремесел – воск, гвозди, скобы сапожные, шилья [Белов, Овсянников, Старков, 1981. – С. 90–92: табл. XVIII]. В то же время в русский язык прочно входит слово *ровдуга*, происходящее от саамского *равва*, *ровва* – цельная оленья дубленая шкура с волосом, одеяло из оленьего меха, с мешком для всовывания ног. В русском языке слово *ровдуга* имело значение «замша из оленьей кожи» [Фасмер, 1996. Т. III. – С. 488], вероятно выделанная особым способом северных народов.

Видимо, с конца XVI в. в русской речи становятся обиходными и другие специфические наименования из языков народов Севера. Например, *калга* – оленья шкура с шерстью, а также оленья шкура, подбитая на лыжах для уменьшения обратного скольжения. Слово отражено в источниках первой половины XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв., 1980. – С. 34]. В близких значениях выступает и одновременное ему слово *камас*, *камос*, *камыс* – шкура с голенью оленя, лося, изюбра и т. п., идущая на изготовление рукавиц, обуви, подбивку лыж, а также изделия из такой шкуры [СлРЯ XI–XVII вв., 1980. – С. 40, 51; Вахрос, 1959. – С. 101–102]. *Кисы* – другое наименование шкуры с оленьих (лосиных и т. п.) ног, а также и сапожки из оленьей шкуры мехом наружу [СлРЯ XI–XVII вв., 1980. – С. 141].

Учитывая мнение историков о двух этапах освоения Севера, следовательно о различных стадиях контактов русского и аборигенного населения, надо полагать, что перенимание русскими местных элементов материальной культуры и соотносимых с ними названий относится к более поздней стадии

контактов. Его даже можно выделить в отдельный третий этап адаптации к экстремальным условиям существования в приполярной зоне. Северные названия обуви и других кожаных изделий появляются массово в письменных источниках с XVI в. В этом нельзя видеть только факт многократного расширения письменных документов в это время. Требования и политика Московского государства, синхронные европейской колонизационной направленности политики, вели к освоению русскими людьми нового, непривычного им жизненного пространства и приспособлению к иным формам хозяйства. Этот процесс проникновения закрепления русских в Заполярье отмечен основанием в конце XV в. крупных торговых баз, например Пустозерска в 1499 г. [Ясински, Овсянников, 2003. – С. 99–102]. Дополнительно можно отметить, что предлагаемая периодизация совпадает с предлагаемой В. Ф. Старковым периодизацией освоения русскими обширного региона Арктики, который включает восточноевропейский и сибирский сектора Арктики. Исследователь выделяет три этапа: 1) первоначальное проникновение и установление даннической зависимости коренного населения (с IX по XIII–XIV вв.); 2) стихийная колонизация региона и развитие арктического мореплавания (XV–XVI вв.); 3) преобладание государственного или централизованного подхода к освоению арктических регионов Сибири – с 1601 г. [Старков, 1995. – С. 130–134].

Именно с этим третьим этапом освоения Севера и надо связывать перенимание специфических северных приемов обработки кожи, разделения кож на *красные*, т. е. красnodубные, и *белые*, выделанные приемами жирового дубления. Среди товаров появилась «замша», первоначально называемая мячиной. Само слово «замша» в словосочетании «замшенный кордован» впервые отмечено в Морском уставе 1724 г. Оно могло быть заимствовано через польский язык (*zamsz*) из средне-верхне-немецкого *saemisch leder* и восходило к французскому *chamois* – «серна, кожа серны» [Фасмер, 1996. Т. II. – С. 77]. В Скандинавии «саамская» кожа впервые упомянута во второй половине XVI в. Среди имущества принца Джона в Турку в 1563 г. отмечены 6 пар башмаков, из них четыре – из кордуана, а пятая – из «samsk» кожи. Это могла быть новомодная замша, впервые названная словом *napt* в отчетах королевы Елизаветы 1567 г. *Samsk* обычно переводят как «замшевая кожа», которую в Швеции выделывали в основном из оленьей или *moose* шкуры. Она была много толще и жестче, чем позднейшая *chamois*. Оленью кожу могли выделывать на замшу (*suede*), как это отмечали английские источники того времени. По мнению Юне Сванн, в XVII в. замша становится самым популярным кожаным материалом для обуви. В это же время широко применяется и «русская кожа», под которой надо понимать прочный красnodубный товар, называемый на Западе юфтью [Курбатов, 2009. – С. 131]. Кроме сорта кожи в Скандинавии с XVII в. отмечается и распространение специфических саамских форм обуви, прежде всего в армии [Swann, 2001. – С. 88, 102, 105, 116–117].

«Мячину» в основном упоминают источники с Русского Севера и Северо-Запада – это Каргопольский, Свирский, Тихвинский монастыри и др. Из них видно разделение кож на дубленные и обработанные на мячину. Мячинные кожи не связаны с определенным сырьем, а могли быть опойками или небольшими конскими шкурами. Многие источники говорят о «мячилных» кожах, но редко называют изделия из них. Известно, что мячина шла на обувь – уледи [СлРЯ XI–XVII вв., 1976. – С. 243; 1980. – С. 277; 1982. – С. 353]. В источниках XVI–XVII вв. отражены и сходные с мячиной названия, которые филологи считают сортами кожи, отличной от красnodубной. Например, «мякотные» кожи трактуются как замшевые и упоминаются в документах по Русскому Северу, в том числе со специфическими северными названиями обуви и одежды: «(1641) Четверы рукавицы вареги уледи мякотные». «Мятильные» кожи считают сырмятными, а термину «мякотный» дается расширительное значение – «выделанная шкура овцы или козы, замша, сафьян», а также «способ выделки мягких кож» [СлРЯ XI–XVII вв., 1982. – С. 343].

В то же время в России бытовало и другое название замши – *ирха*, отмеченное источниками со второй половины XVI в. [СлРЯ XI–XVII вв., 1979. – С. 248–249], но, скорее всего, известное еще в древнерусское время. Оно заимствовано в русский язык из средне-верхне-немецкого *irch* в значении «тонкая белая дубленая кожа» [Фасмер, 1996. Т. II. – С. 139].

С этапом широкого освоения Русского Севера и Сибири в XVI–XVII вв. связано появление валяной (войлочной) обуви [Курбатов, 2005б. – С. 43–48]. Войлок – это плотный материал, изготовленный

путем валяния, сбивания шерсти. Он почти повсеместно вырабатывался на Руси кустарным способом из шерсти различных животных, в том числе коров. «Короветина» – коровья шерсть – зафиксирована источниками XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв., 1980. – С. 334–336]. Слово «войлок» вошло в русский язык из тюркских или других восточных языков в XVI в. (раннее упоминание – в 1551 г.) и первоначально употреблялось только в значении потника, подкладываемого под седло. Это отмечает и ранний список Домостроя: «попоны и воилоки и седла» [Черных, 1994. Т. I. – С. 162]. Шведский дворянин Иоганн Кильбургер, будучи в России в составе посольства в 1674 г., составил записку о состоянии торговли страны, где отметил и производство войлоков: «Войлок наилучший делается в городе Калуге на Оке, и в Москве на „гостином дворе“ всегда можно найти большие партии его. Русские, татары и казаки носят непромокаемые плащи из войлока и они не набивают седел волосом, но кладут под низ только войлок» [Кури, 1915. – С. 102, 280]. Петр Петрей де Эрлезунда, современник Смуты, писал, что в Торжке «делались хорошие войлочные накидки, также как и в других местах этого края». В Козельске также выделяли «прекраснейшие войлочные накидки из шерсти разных цветов», что подтверждает и Рейтенфельс [Эрлезунда, 1865. – С. 33, 46; Рейтенфельс, 1997].

Первое по времени упоминание войлочных сапог есть в приходно-расходной книге Антониева монастыря за 1589 г.: «Купил сапоги обшитки войлочные, дал 11 алтын». Следующая найдена в книгах Богородицкого Важского монастыря за 1631 г.: «Сапоги воилочные да другие дубленные» [СлРЯ XI–XVII вв., 1975. – С. 310; 1987. – С. 190]. В то же время имеются иные названия вещей, которые можно считать войлочной обувью. Например, в Описях Соловецкого монастыря за XVI в. и Уставе 1553 г. упоминаются *полстяники* [Буров, 2013]. А в платяной книге Спасо-Прилуцкого монастыря за 1627 г. написано: «Купил Старцу Галактиону катаников» [Судаков, 1994].

В XVIII веке валенки в Сибири, вероятно, были уже привычной обувью русского населения [СРНДРС, 1991. – С. 104], тогда как в Европейской России они широко распространились только в начале XIX в. и были обувью зажиточных крестьян, которую надевали только по праздникам (белые вышитые валенки). К ним относились как к большой семейной ценности. В конце XIX – начале XX в. валяная обувь получила повсеместное распространение, в том числе и в городах. Она стала основной зимней обувью русских крестьян Европейской России и соперничала с меховой обувью у русских Сибири [Соснина, Шангина, 1998. – С. 40]. В Сибири в XIX в. бытовали *митенки* – валенки с короткими голенищами [СРГС, 2001. – С. 279], вероятно идущие от названия войлочного потника *митюк*, известного с XVII в. [СлРЯ XI–XVII вв., 1982. – С. 182; СРНГ, 1982. – С. 178].

В XVII в. русские переняли у аборигенов название *коты* и приспособили эту обувь к суровому климату Русского Севера и Сибири, используя свою технику, материалы и традиции изготовления. *Коты* – это вид теплой обуви, невысокие сапоги или башмаки (кожаные и войлочные), иногда с опушкой, носимые не только в Сибири, но и в средней полосе Европейской России [СлРЯ XI–XVII вв., 1980. – С. 386]. У карел и саамов (лопарей) русские заимствовали *кенги* или *кеньги* – зимнюю обувь из меха или войлока. Название происходит от финского *kenkä*, карельского *kenga* или эстонского *keng* – «башмак, ботинок» [Фасмер, 1996. Т. II. – С. 223]. У А. О. Подвысоцкого обувь, надеваемая у лопарей под яры, вроде башмаков или калош, с загнутыми вверх носками [Подвысоцкий, 1885. – С. 62]. Первое упоминание их найдено в расходной книге Корельского монастыря за 1587 г. В Словаре Академии Российской 1792 г. слово означает «обувь типа котов – башмаков из коровьих или телячьих койб, шерстью наружу» [Вахрос, 1959. – С. 103–105]. Но в дальнейшем название перешло и на валенки [СРГС, 2001. – С. 57].

Еще одно новое явление в материальной культуре Московской Руси, проявившееся с рубежа XV–XVI вв., менее определенно можно связывать с традициями Севера. Это использование бересты в качестве прокладок в кожаной обуви. В средней полосе России береста, видимо, не использовалась в обуви во второй половине XV в. [Курбатов, 2004. – С. 268 и сл.], но становится постоянным компонентом обуви на Северо-Западе в первой половине XVI в. [Курбатов, 1991. – С. 71–77]. Кроме того, только в комплексах XVI в. отмечено широкое использование берестяной обуви – лаптей [Курбатов, 2001в. – С. 225 и сл.]. Это связано с обнищанием населения центральной России во второй половине XVI века в эпоху репрессивной стратегии правления Ивана Грозного, но не исключено, что тесное соседство с аборигенами Заполярья и Сибири привело к перениманию многих черт быта. Изучение

могильников русского населения Западной Сибири также показывает широкое применение в обуви берестяных вставок и прокладок [Малиновский, 1995. – С. 117–124].

В заключение нужно обратить внимание на возможности визуальной идентификации породы животного по козам из археологических раскопок на Севере, собранные автором (рис. 1–5).

Список литературы:

- Аристов Н. Д. Промышленность Древней Руси. – СПб., 1866.
- Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М.: Наука, 2007. – Т. 1. Поселения и могильники.
- Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М.: Наука, 2009. – Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура.
- Бернитам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Этнографические очерки. – Л.: Наука, 1983.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. – М.: Наука, 1981. – Ч. II. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв.
- Буров В. А. Государево богомолье – Соловецкий монастырь: Проблемы истории великой северной обители (XV–XIX века). – М.; Архангельск: ИА РАН, 2013.
- Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. Древнейшие наименования допетровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии. – Хельсинки, 1959. – Приложение к № 6/10.
- Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка. – Екатеринбург; Нефтеюганск, 2011.
- Кардаш О. В., Усолкина М. А. Меновая торговля жителей полуострова Ямал в XIII–XIV вв. (по материалам исследований городища Бухта Находка 2006–2008 гг.) // Новгородская земля – Урал – Западная Сибирь. – Екатеринбург, 2009. – Ч. 2. – С. 339–351.
- Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Ключевский В. О. Собрание сочинений в 9 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 8. – С. 5–30.
- Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. – 1991. – Вып. 205. – С. 71–77.
- Курбатов А. В. Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства // ПСКОВ. – СПб.; Псков, 1997. Т. 1. – С. 367–373.
- Курбатов А. В. Кожевенная терминология и материальная культура // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Изд. МГУ, 1999. – С. 23–26.
- Курбатов А. В. Кожевенное производство в лексике берестяных грамот // Староладожский сборник. – СПб.; Старая Ладога, 2001 (2001а). – Вып. 4. – С. 10–21.
- Курбатов А. В. Кожевенная терминология и материальная культура // Древние ремесленники Приуралья. – Ижевск, 2001 (2001б). – С. 399–416.
- Курбатов А. В. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // ТАС. – 2001 (2001в). – Вып. 4. – Т. II. – С. 225–233.
- Курбатов А. В. Кожаные предметы из Пустозерска // Приложение в: Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. – СПб., 2003. – С. 225–243.
- Курбатов А. В. Комплекс раннемосковского времени с Затьмацкого посада г. Твери // АИППЗ: материалы 50 научного семинара. – Псков, 2004. – С. 268–282.
- Курбатов А. В. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели: рец. к June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. – Stockholm, 2001. – P. 357, fig. 443 // АВ. – 2005 (2005а). – № 12. – С. 231–244.
- Курбатов А. В. О времени появления валяной обуви в России // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии: материалы 8-й МНК (СПб., 4–7 июля 2005 г.). – СПб., 2005 (2005б). – С. 43–48.
- Курбатов А. В. Современная проблематика в изучении русского средневекового кожевенного ремесла // ТАС. – 2007 (2007а). – Вып. 6. – Т. II. – С. 306–319.

Курбатов А. В. Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России // АВ. – М.: Наука, 2007 (2007б). – № 14. – С. 157–165.

Курбатов А. В. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – № 3. – С. 210–233.

Курбатов А. В. Торговля кожевенными товарами в средневековой России или «феномен русской кожи» // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 122–133.

Курбатов А. В. Кожевенное дело у славян лесостепной зоны накануне сложения древнерусского государства // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: МК к 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина (3–5 декабря 2012 г.). – СПб., 2012 (2012а). – С. 288–289.

Курбатов А. В. Сырьевая база древнерусского кожевенного ремесла (по материалам городов Северо-Запада и центра России) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. – СПб, 2012 (2012б). – Вып. 3. – С. 102–163.

Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. – Киев: тип. Чоколова, 1915.

Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Прионежья. – М.: Скрипторий, 1997.

Малиновский В. Б. К вопросу о реконструкции позднесредневековой обуви по материалам Барабинской лесостепи // Средневековые древности Западной Сибири. – Омск, 1995. – С. 117–124.

Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Дорофеева Т. В., Гирия Е. Ю. «Маленькая» находка в контексте большой истории // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. – Великий Новгород; СПб.; М., 2009. – С. 370–380.

Овсянников О. В. О торговле «рыбьим зубом» в средневековой Руси (XV–XVII вв.) // Обмен и торговля в древних обществах: ТД к симпозиуму. – Л., 1972. – С. 31–32.

Плеханов А. В. Ярте IV – средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). Каталог коллекции. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2014.

Поварнин Г. Г. Очерки мелкого кожевенного производства в России. – СПб., 1912. – Ч. 1. История и техника производства.

Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия. – СПб., 1885.

Полное собрание русских летописей. – СПб., 1843. – Т. II. Ипатьевская летопись.

Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии. Падуя, 1680 // Утверждение династии. История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. – М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. – С. 231–406.

Розанова Л. С. Пути развития и формирования традиций в кузнечном ремесле Древней Руси // Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. – М.: Металлургия, 1997. – С. 265–295.

Рыбина Е. А. Сведения о торговле в берестяных грамотах // История и культура древнерусского города. – М.: Изд. МГУ, 1989. – С. 74–81.

Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. – Великий Новгород: Изд. НГУ, 2001.

Рыбина Е. А. Берестяные грамоты о хозяйстве в средневековом Новгороде // От Древней Руси к России Нового времени: сборник статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. – М.: Наука, 2003. – С. 198–203.

Рябинин Е. А. К этнической истории Русского Севера // Русский Север: к проблеме локальных групп. – СПб.: МАЭ РАН, 1995. – С. 13–42.

Словарь русских говоров Сибири. – Новосибирск, 2001. – Т. 2.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.; Л.-СПб.: Нестор-история. – Вып. 2 (1975), 3 (1976), 6 (1979), 7 (1980), 9 (1982), 12 (1987), 21 (1995), 22 (1996), 28 (2008).

Словарь русского языка XVIII в. – Л.-СПб., 1998. – Вып. 10.

Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. / под ред. О. С. Мжельской. – СПб.: Наука, 2010. – Вып. 3.

Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. – Новосибирск. 1991.

- Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука. – Вып. 15 (1979), 18 (1982).
- Смирнова Л. И. Состав сырья косторезов древнего Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства по материалам Троицкого раскопа) // ННЗИА. – Новгород, 1995. – Вып. 9. – С. 114–129.
- Смирнова Л. И. Новгородские гребни из моржового клыка // ННЗИА. – Новгород, 1996. – Вып. 10. – С. 70–80.
- Смирнова Л. И. Этапы становления косторезного ремесла в средневековом Новгороде (по материалам Федоровского раскопа в Плотницком конце) // ННЗИА. – Новгород, 1998. – Вып. 12. – С. 94–109.
- Соснина Н., Шангина И. Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия. – СПб., 1998.
- Старков В. Ф. Периодизация освоения русскими Крайнего Севера Восточной Европы и Азии // Средневековые древности Западной Сибири. – Омск, 1995. – С. 130–138.
- Судаков Г. В. И заговорили безмолвные свитки... // Вологда: историко-краеведческий сборник. – Вологда, 1994. – Вып. 1. – С. 316–325.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – изд. 3-е. – СПб.: Азбука, Terra, 1996. – Т. I–IV.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1994. – Т. 1–2.
- Эрлезунда Петр Петрей де. История о Великом княжестве Московском // ЧОИДР. – М., 1865. – Кн. 4., отд. 4.
- Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). – М.: Наука, 1993.
- Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.
- Kleingärtner S. Kulturtransfer und Elite im Gebiet der südwestlichen Ostseeküste in früh- und mittelslawischer Zeit // Mittelalterliche Eliten und Kulturtransfer östlich der Elbe. – Gottingen, 2009. – С. 11–25.
- Swann J. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. – Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 2001.

Рис. 1. Деталь обуви (?) из сыромятной шкуры тюленя. Пустозерский острог. Раскопки О. В. Овсянникова. Взято: Курбатов, 2003, рис. 11

Рис. 2. Кожа форели. Современная выделка азотными соединениями

Рис. 3. Сухая шкура налима

Рис. 4. Поршень из сыромяти. Оленина. Кемский погост. Погребение XVI в. Раскопки 2017 г. Срез кожи по верхнему краю на пятке

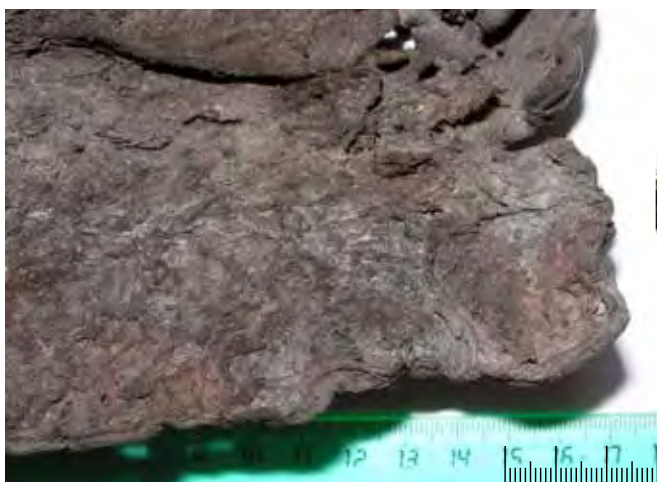

Рис. 5. Поршень из сыромяти. Оленина. Кемский погост. Погребение XVI в. Раскопки 2017 г. Вид внутренней стороны кожи (бахтармы)

Рис. 6. Обрезок вделанной меховой шкуры. Псков. Петровские VIII-IX раскопки. Конец XV – начало XVI в. Взято: Курбатов, 2012б, рис. 17

Т. С. Матехина

Музей-институт семьи Рерихов,
18-я линия, д. 1, Васильевский остров, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: matekhina@mail.ru

О средневековых кожаных предметах восточного облика по материалам раскопок в Великом Новгороде¹

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые группы кожаных изделий из раскопок в Великом Новгороде, связанные с понятием «предметы восточного облика». При этом уточнены признаки «восточного облика» применительно к материальной культуре средневекового Новгорода. Для сравнения использованы преимущественно археологические источники, включая находки из Сайгатинского III могильника и Мангазейского городища. Несмотря на значительную удаленность ряда приведенных параллелей, как в хронологическом, так и в географическом отношении, данная публикация дает возможность лучше понять особенности изготовления и использования кожаных изделий, в дальнейшем объяснить и проследить связь между ними.

Ключевые слова: кожаные изделия, восточная культура, археология, Великий Новгород, Сайгатинский могильник, Мангазея.

Интерес к данной теме наметился еще до начала массовых раскопок в Новгороде. В статье, посвященной древней новгородской обуви, Л. И. Якунина предположила восточное происхождение случайной находки из Новгородского музея (рис. 5 – 9) и рассмотрела вопрос о появлении обуви с высоким каблуком [Якунина, 1947]. Позднее С. А. Изюмова в статье «Кожевенное и сапожное ремесла Новгорода Великого» указала на то, что обычные для средневекового Новгорода мягкие полусапожки с короткими голенищами раструбом напоминают обувь скифов [Изюмова, 1959. – С. 211].

Внимание к новгородским кожаным предметам восточного облика усилилось с 1990-х гг. в связи с публикациями А. В. Курбатова [2004, 2008, 2010, 2017], М. В. Горелика [1972, 2008], А. В. Козловой [2004], Д. О. Осипова [2011, 2014, 2018].

В данной статье предлагается рассмотреть несколько групп принадлежностей костюма, а также некоторые особенности изготовления и отделки кожаных изделий.

В качестве исходной позиции данного исследования необходимо отметить следующее:

Место нахождения кожаных изделий в городском слое нередко отождествляют с местом изготовления. Такое не всегда верно, поскольку большинство средневековых археологических кожаных

¹ Выражаю благодарность руководству Новгородской археологической экспедиции и Новгородского государственного объединенного музея-заповедника за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал, Е. А. Рыбиной, П. Г. Гайдукову, Э. К. Кубло, А. В. Курбатову, Д. О. Осипову, О. И. Емельяновой, И. В. Стасевич, Л. Ф. Поповой, О. В. Старостиной, Ананьиной О. А., Р. С. Минасяну, Б. С. Короткевичу, А. Ю. Чураковой, С. Н. Савенко, С. Ю. Каинову, Е. А. Тяниной, сотрудникам НАЭ, МГУ, ИА РАН, фонда «Археология» НГОМЗ, ГЭ, ГИМ, БАН (ИИМК), РЭМ, ТГОМ и многим другим за помощь в работе с архивными и вещественными материалами, а также публикациями. Особая благодарность организаторам конференции и издания, в первую очередь Б. Б. Овчинниковой, В. В. Гаевской, за поддержку этого исследования.

находок (особенно в скоплениях кожи) – это выброшенные изношенные предметы и отходы при заготовке вторичного сырья и кроя.

Датирование. Новгородскую коллекцию археологических находок из кожи можно назвать уникальной по количеству, сохранности, разнообразию и хронологии (конец X – XV вв. и частично более позднее время). Время попадания предметов в культурный слой Новгорода определяется на основании данных дендрохронологии, дополненных типологическим и лингвистическим датированием. Отмечу, что даты, приведенные мной в статье, на данном этапе исследования отражают **обобщенные стратиграфические датировки** находок, без уточнения контекста их местонахождения.

Происхождение новгородских находок в данной статье подробно не рассматривается. Эти предметы могли принадлежать новгородцу или приезжему, носителям разных культурных традиций. Они могли быть изделием неместного производства и оказаться в Новгороде как привезенный товар, дар или трофей. Также могли быть изготовлены в Новгороде мастерами-переселенцами или местными мастерами, которые, сохраняя собственные традиции, воспринимали и перерабатывали поступавшее в Новгород извне. В статье частично проанализированы мнения исследователей, порой противоречивые, о происхождении нескольких групп кожаных изделий.

Фрагментарность археологических кожаных находок. Мокрый культурный слой Новгорода хорошо сохраняет органические материалы. В то же время большинство древних кожаных предметов попало в слой уже изношенными, оборванными или обрезанными. К настоящему времени их целостность еще более нарушена и они распадаются на отдельные детали. У находок, извлеченных из земли, изменяется цвет, размеры и форма. Во многих случаях археологические находки не дают полного представления о кожаных вещах. Все это затрудняет полную реконструкцию и атрибуцию древних кожаных изделий. Поэтому далее результаты анализа новгородского археологического материала изложены с учетом хронологической последовательности и сгруппированы как по отдельным характерным признакам, так и по устойчивым сочетаниям признаков, указаны и серийные варианты предметов, которые можно назвать фасоном или моделью.

Сравнительный материал. Восток или Запад. Большинство кожаных изделий средневекового Новгорода обычно для древнерусских городов. Задача данного исследования – представить восточные параллели новгородским кожаным находкам и отчасти сопоставить их.

Сравнительный материал по данной теме помимо археологических аналогий традиционно включает в себя изобразительные и этнографические источники к востоку и юго-востоку от границ Новгородской земли и Древней Руси (Поволжье, Кавказ, разные районы Азии), а также европейский материал (Белоруссия, Литва, Польша, Венгрия), обнаруживающий восточные особенности.

При выявлении предметов «восточного облика» в Новгороде необходимо иметь в виду, что этот город был тесно связан с европейскими территориями, значительно удаленными на Запад, но они тоже испытывали влияние Востока, по-своему воспринимали и перерабатывали технические и художественные приемы восточной материальной культуры [Курбатов, 2001. – С. 201; Лавыш, 2012; Осипян, 2013; Ковальска, 2016. – С. 48–49]. С этой дилеммой сталкиваются исследователи, пытающиеся разделить «восточные» и «западные» предметы. Еще одна сложность заключается в том, что кожаные изделия в «восточных» и «западных» материалах XI–XV вв. представлены не в равной степени. Кожаные изделия Западной Европы, как правило, имеют лучшую сохранность, полнее исследованы и опубликованы.

Сравнение кожаных предметов разных культур включает в себя поиск и объяснение не только сходства, но и различий. Это важно, например, при сопоставлении кожаных находок втор. полов. XV – XVI в. с территории русских княжеств и Российского царства, Казанского [Валиев, 2009. – С. 117–119; Курбатов, 2018. – С. 95] и Крымского ханств [Swann, 2013. – P. 94–96].

Признаки «восточного облика» у кожаных изделий XI–XV вв. для обуви по мнению предыдущих исследователей: высокое «глухое» (неразъемное) голенище, острый носок, жесткая конструкция (с многослойными деталями), каблук. Предлагаю рассмотреть также некоторые виды мягкой обуви, в частности с продольным швом в подошвенной части.

Сумки и футляры (чехлы) Новгорода из слоев втор. полов. XIII – XV в., в первую очередь декорированные образцы, во многом находят восточные параллели.

В отношении восточных традиций художественной обработки кожи и отделки изделий применительно к новгородскому материалу, необходимо обратить внимание на отделочные швы, мозаику (соединение фрагментов декора встык) фигурный контур края, прорезной декор, аппликацию из кожи, металла и кости, разнообразные виды тиснения. Для оценки культурной принадлежности вещи используют также орнамент.

Вместе с тем важно отметить, что применительно к XI–XV вв. многие указанные признаки по отдельности не являются особенностью исключительно восточных культур.

В целом из раскопок в Новгороде набирается многочисленный и разнообразный материал, который необходимо рассмотреть применительно к определению «кожаные предметы восточного облика». Далее предлагаю комментированный обзор разновидностей обуви и других кожаных изделий по указанной теме, а также связанных с ними отдельных конструктивных, технологических и декоративных особенностей.

Обувь

Сапоги. Как отмечают, в частности, С. А. Изюмова и Д. О. Осипов, обувь с высоким неразъемным голенищем, наглухо закрывающая стопу и голень, – изобретение древних кочевников, нуждавшихся в защите ног во время верховой езды. Сапоги, в основном как обувь всадников, подчеркивали высокий статус их владельца. В Новгороде детали сапог встречаются практически во всей толще культурного слоя начиная с кон. X в., и с перв. полов. XIV в. этот вид обуви становится преобладающим [Изюмова, 1959. – С. 210; Осипов, 2012. – С. 155, 185, 186]. В XI–XIV вв. бытовали **полусапожки мягкой конструкции** (без каблука и особых укрепительных деталей) [Изюмова, 1959. – С. 207; Осипов, 2012. – С. 155]. В слоях XI–XIII вв. встречается **обувь с наружными фигурными накладными деталями** (аппликациями) у пятки (рис. 3 – 2, 4, 6–8) и реже – на носке (рис. 3 – 3, 5), что укрепляло и украшало обувь. Конструкция переходного типа с **полужестким задником** (усилительной кожаной накладкой с внутренней стороны) (рис. 4 – 14), как отмечает Д. О. Осипов, соответствует рубежу XIII–XIV вв. [Осипов, 2012. – С. 179]. В слоях XIII – нач. XIV в. найдены задняя деталь голенища и задник, у которых пяточная часть орнаментирована вышивкой металлической ленточкой (рис. 4 – 14; 7 – 3).

В слоях нач. XIV в. появляется обувь **жесткой конструкции: головка с неполным поднарядом** (кожаной подкладкой), который закрывал лишь низ носочной части [Осипов, 2012. – С. 179–180], и **многослойный жесткий задник** (из нескольких слоев кожи с добавлением бересты или луба) [Изюмова, 1959. – Рис. 2 – 5, 6 – 1, 2, 4, 5, 8], который пришивали к подошве наружным швом и снизу подбивали железными гвоздиками. С сер. XIV в. количество находок деталей обуви жесткой конструкции резко увеличивается [Осипов, 2012. – С. 180]. Одна из моделей жесткой конструкции характеризуется **многослойной подошвой**, которая в носочной части имеет одну внутреннюю прокладку, а в пяточной части несколько внутренних кососрезанных прокладок разной длины образуют невысокий каблук [Гайдуков, 1992. – Рис. 85 – 6]. Такой **«внутренний каблук»** высотой до 1,5 см наблюдается со слоев посл. четв. XIV в. [Осипов, 2011. – С. 183]. У моделей с многослойной подошвой головка (с неполным поднарядом) имеет округлый или приостренный носок и пришивалась к подошве, подобно заднику, наружным швом; на внешней поверхности подошвы по линии шва предварительно делали надрез [Изюмова, 1959. – Рис. 2 – 1, 5 – 10а, 10б; с. 210; Колчин и др., 1985. – С. 146]. У другой модели с жестким задником **подошва сделана из толстой жесткой кожи**, головка (с неполным поднарядом) на носке острая или имеет шиловидный язычок, но, в отличие от задника, пришивалась к подошве потайным швом [Изюмова, 1959. – Рис. 2 – 4, 6, 5 – 10в, 10г]. Количество обуви с подошвой из толстой жесткой кожи резко увеличивается со втор. полов. XIV в. До сер. XV в. потайной шов на подошве узкий (до 0,6 см), с короткими стежками и подходит вплотную к краю [Осипов, 2012. – С. 182].

На рубеже XV–XVI вв. в Новгороде появилась обувь **жесткой конструкции с полным поднарядом головки, острая передняя оконечность подошвы была загнута и вишита в небольшой дуговидный вырез в носочной части верха** [Осипов, 2012. – С. 200]. На таком **тупом носке**, образованном поднятым и вшитым язычком подошвы, и в средней части задника набивали декоративные мелкие гвоздики, порой создавая ими орнамент (рис. 3, 11). Ранее, в слоях XI–XIII вв., в Новгороде встречаются образ-

цы мягкой обуви (туфель и полусапог) с длинным острым язычком, но в пяточной части подошвы, который вшивали в соответствующий разрез задника [Изюмова, 1959. – Рис. 3 – 1–4, 5 – 4], и в слоях XII–XIV вв. встречаются детали верха с подобным вырезом на носке или с тупо срезанным носком [Там же. – Рис. 4 – 4, 5, 10, 5 – 9].

В верхних напластованиях новгородского культурного слоя находят обувь с головками, у которых с лицевой стороны нанесено *поперечное линование*, в частности под углом («елочкой»). Иногда эти линии тонкие, ровные и, видимо, проведены нагретым инструментом (рис. 3 – 10; 4 – 13). Чаше линование более глубокое и грубоватое, имеет вид рифления (рис. 3 – 11; 4 – 8). Распространение этой моды Д. О. Осипов относит к нач. XVI в. [Осипов, 2012. – С. 184]. Не исключаю, что единичные такие новгородские находки могут быть более ранними². Редким образцом, сочетающим тонкое линование с искусной вышивкой, является обувная головка из слоя втор. четв. XIII – XIV в. (рис. 4 – 13) [Колчин, Янин, Ямищиков. 1985. – Илл. 291].

Рассмотренные новгородские образцы обуви сравнимы с формами кожаных сапог типа казахских ичиг из погребений кочевников XIII–XIV вв. в Сибири и Средней Азии. У остатков этих кочевнических сапог, в том числе женских, тоже отмечены заостренные и слегка загнутые вверх носки, многослойные задники (из четырех слоев кожи или бересты), многослойные подошвы (от двух до пяти – семи слоев кожи) без подметок и каблуков, вышивка бронзовой ниткой [Могильников, 1981. – С. 197–198]. Линованные детали обуви зафиксированы на Болгарском городище в слоях X–XIII вв. [Хлебникова, 1988. – С. 248] и в Казани в слое ханского периода втор. полов. XV – перв. полов. XVI в. [Валиев, 2009. – С. 116; рис. 3 – 19–24]. В Казани того же времени найдены низкие и высокие формы остроносой обуви мягкой и жесткой конструкций [Валиев, 2009. – Рис. 2 – 1–3, 5–7, 3 – 13, 14, 16]. Р. Р. Валиев указывает, что казанские мягкие сапоги похожи на обувь из русских городов XIII – перв. полов. XIV в., но у русских сапог верх сшивался с подошвой выворотным (изнаночным) или тачным (встык) швом, а у казанских (ичетыгов, ичигов) – наружным швом [Валиев, 2009. – С. 118]. В этнографических коллекциях из Центральной Азии кон. XIX в. представлены мужские сапоги, закрывающие колено, с острым поднятым вверх носком, имеющим шиловидное завершение³, что напоминает упомянутый ранний вариант обуви с толстой подошвой, обнаруженной в Новгороде.

Обувь с продольным швом в подошвенной части. В Новгороде в слоях XI–XIII вв. найдены детали низкой мягкой обуви, у которой симметричный верх (цельно- или детальнокроенный), огибая стопу с боков, образовывал подошву. Таким образом, основной соединительный шов проходил вдоль всей подошвенной части посередине. Как отмечает Д. О. Осипов, фрагменты такой обуви происходят, в основном с Троицкого раскопа [Осипов, 2012. – С. 158–166].

Этой особенностью отличалась низкая двухслойная обувь (туфли), выкроенная симметрично (рис. 1 – 1) [Осипов, 2012. – Троицкий II. Илл. 3 – 3]. На месте подошвы с внешней и, возможно, с внутренней стороны были дополнительные накладки. Детали аккуратно соединены обметочным (через край) и сметочным («вперед иголку») швами.

В слое втор. полов. XII – нач. XIII в. встречена пара деталей, верхний край которых фигурно обрешан (рис. 2 – 2). Вдоль него есть следы наружного накладного шва, что может свидетельствовать об утраченной верхней части. Интересны также фигурные обрезки кожи (рис. 2 – 1), которые могут быть негативами края такой обуви в местной мастерской или отходами при использовании этой обуви как вторичного сырья.

Еще одной моделью обуви с продольным швом в подошвенной части были однослойные «мягкие» полусапожки из слоев втор. четв. XII – XIII вв. [Осипов, 2012. – С. 88]. В основе их две симметричные, обычно недекорированные детали: передняя (рис. 1 – 4) и задняя, которые сшиты с боков и вдоль «подошвы». Иногда в подошвенном шве сохраняется укрепительная вставка из кожаной полоски. При раскопках обычно находят следы ремонта и вторичного использования такой обуви: обрезанные «подошвы» со следами продольного и поперечного швов (рис. 1 – 5, 6).

² Новгород, 1976 г., Троицкий-IV р-п 9-199 № 789 (втор. треть XIII – перв. треть XIV в.) – НГМ КП26518/A43-295, поднаряд только в носочной части, снаружи тонкое ровное линование «елочкой».

³ МАЭ № 438-1, казахи/киргизы (?).

А. В. Курбатов отмечает, что модель обуви с голенищами, сшитая вдоль подошвы, в раскопах 1993–1997 гг. на территории Тверского кремля преобладает в слое кон. XIII – перв. полов. XIV в. Он предполагает, что такая конструкция была древнерусской и ее могли использовать повседневно («домашние туфли») или как рабочую обувь [Курбатов, 2004. – С. 47–48]. По мнению Д. О. Осипова, в Новгороде обувь со швом на подошве могла быть связана с монашеством [Осипов, 2012. – С. 158–159], использовалась в качестве рабочей обуви и ее происхождение, возможно, западнославянское [Осипов, 2018].

А. В. Курбатов указывает на редкую находку декорированной обуви с такой особенностью края в Твери (рис. 5 – 2). И на головке, и на заднике этого образца из слоя XIV в. стилизованный растительный орнамент (древовидная композиция), выполненный с помощью частичного удаления верхнего слоя кожи (мереи)⁴ [Курбатов, 2010. – Рис. 9 – 5]. Похожий орнамент надрезан на поверхности деталей низкой обуви [башмаков], найденных в Казанском кремле в слое ханского периода втор. полов. XV – перв. полов. XVI в. [Валиев, 2009. – Рис. 2 – 6, 7 и 7 – 2а, б, 6]. Там же обнаружена и широкая головка с поперечным линованием, сшитая вдоль подошвы [Там же. – Рис. 2 – 4, 7 – 10].

Обувь с продольным швом на подошве встречается в материалах Северного Кавказа. К археологическим примерам относятся мужские, женские и детские низкие кожаные чупьяки из погребений VIII–IX вв. могильника Мощевая Балка: из черной кожи или из красного сафьяна, с войлочными ноговицами или на холщовой подкладке, обшитые по верхнему краю тесьмой, – а также кукольный сапожок с чулком, видимо копирующий мужскую обувь⁵. А. А. Иерусалимская отмечает, что чупьяки со швом на подметке свойственны адыгам [Иерусалимская, 1992. – С. 17, 19; кат. № 17, 25–27. Ierusalimskaya, 1996. – С. 34, 41. № 12, 24]. По этнографическим данным, основной вид обуви осетин – чупьяки (дзабыртае) – тоже имеют продольный шов на подошве [Студенецкая, 1989. – С. 117]. В Дагестане в кон. XIX – нач. XX в. бытовал тип мягких сапог, в основном как парадная обувь мужчин, когда выкроенные отдельно голенище и союзку (нижняя часть верха обуви) сшивали так, что шов проходил вдоль всей стопы (посередине) и сзади до верхнего края голенища. Изготавливали их обычно без подкладки, накладного твердого задника, с невысокими голенищами, закрывающими икры, с подошвой без каблука [Гаджиева, 1981. – С. 68].

Детали с ременными петлями (рис. 1 – 2, 3) в Новгороде найдены в слоях XII–XIII вв. на богатых усадьбах, также XV–XVI вв. и предположительно отнесены к охотничьим сапогам с высокими голенищами, которые с помощью таких петель крепили к поясу [Исюмова, 1959. – С. 207, 214; Осипов, 2012. – С. 185, 186, 220]. Были новгородские находки отдельными деталями (ноговицами) или голенищами сапог – определить сложно из-за их фрагментарной сохранности и вторичного края. Шов по нижнему краю отдельных находок⁶ свидетельствует о том, что это могли быть голенища сапог. Варианты оформления обрезанного верха разнообразны по способу и по сложности изготовления: цельнокроенные (верх голенища) без вытачки и с вытачкой, детальнокроенные, с обшивкой и без нее. Различны и варианты ременных петель.

Высокая обувь, которую подвязывали к поясу, известна по погребениям Пазырыкской культуры Алтая (Яценко, 1999. – С. 163; рис. 1). М. В. Горелик предполагает, что в VI–IV вв. до н. э. подобная обувь была характерна для среднеазиатского оседлого костюма и близкого к нему костюма скотоводческих сакских племен, на северо-восточной окраине сакского мира (Алтай) [Горелик, 1997. – С. 16]. В IV в. до н. э. высокие сапоги центральноазиатских кочевников были заимствованы для китайской кавалерии (Крюков и др., 1983. – С. 198). Высокая обувь с подвязками изображена на половецких каменных изваяниях XI–XIII вв., [Плетнева, 1974. – С. 37]. Высокие сапоги прослежены в археологическом материале Северного Кавказа (рис. 5 – 5) [Рунич, 1971. – Рис. 6] и на миниатюрах XII–XIII вв. в Иране и Азербайджане [Горелик, 1972. – С. 45].

⁴ Тверь 1996 г. Кремль, уч. 5, пл. 17, кв. Г-22, 1020/1288. Не исключаю, что линии орнамента надрезаны на коже, но кожа между ними отслоилась и была утрачена.

⁵ ГЭ Кз 6705; Мощевая Балка, из сборов Н. И. Воробьева 1905 г. – ГЭ Кз 4866, 4699; там же, из экспедиции ГЭ 1974 г. (разрушенное погребение № 4) – ГЭ Кз 6712, 6718.

⁶ Новгород, 1970 г., Михайловский (Суворовский) р-п – НГМ КП25295/А15-473.

Другие кожаные изделия

Поясной набор с чехлами (футлярами) и сумками прослеживается в разных культурах с древнейших времен. В частности, в восточных культурах использовали сумки (мешочки, кошельки), футляры, чехлы, в которых хранили и носили: ножи разного назначения, оружие и предметы вооружения, набор для получения огня, гребень, зеркало, ножницы, шило, ложку, принадлежности для письма, торговый инвентарь, косметические принадлежности, обереги. Например, эти принадлежности костюма у кочевников Золотой Орды XIII–XIV вв. проанализировала Р. Р. Каримова [Каримова, 2010. – С. 76–77].

Футляры (чехлы) для гребней и сумки с клапаном. Можно привести несколько примеров кожаных футляров (чехлов), сохранившихся вместе с гребнями в древних погребениях восточных культур. Кошелек-амулет с зашитым наборным гребешком найден в погребении IV–III вв. до н. э. в Туве в могильнике Холаш⁷ [Бусова, 2013. – С. 1262, 1264, 1265; рис. 2], самшитовый гребень в кожаном чехле VIII–IX вв. в могильнике Мощева Балка⁸ на Северном Кавказе [Иерусалимская, 1992. – С. 31; кат. № 121. *Ierusalimskaya*, 1996. – S. 51. № 49]. Сумка с «клапаном» сохранилась с бронзовым зеркалом и деревянным гребнем, украшенным циркульным орнаментом, в женском курганном захоронении XIII–XIV вв. (посл. треть XIII – нач. XIV в. (?)) комплекса Телеутский Взвоз-I в лесостепной зоне Алтая⁹ [Тишкин и др, 2002. – С. 92, 93; рис. 4 – 5].

В Новгороде несколько футляров тоже найдены с деревянными и костяными гребнями. По определению Е. А. Рыбиной, для гребней предназначались плоские футляры прямоугольной (или близкой) формы со сторонами 4–13 см, закрывающиеся клапаном, которые в Новгороде происходят из слоев XII–XV вв. [Рыбина, 1993. – С. 153–156]. Крупные экземпляры таких футляров, как правило, орнаментированы. Близкие восточные аналогии новгородским находкам мне неизвестны. В то же время некоторые параллели можно провести на основании конструкции, формы и орнаментации.

По сравнению с футлярами для гребней, сумки больше (шириной более 12 см), объемнее и универсальнее по назначению. Объем создавался за счет деталей, отдельно пришитых с боков, снизу или с трех сторон. Вместителище (тулово) в целом виде было четырехугольным или округлым внизу. Передняя сторона, в первую очередь, клапан обычно орнаментирована. Среди сумок периода, рассматриваемого в данной статье, с содержимым был найден только «купеческий кошелек» перв. полов. XI в. из раскопок в Новгородском кремле в 1938 г.

Футляры (чехлы) для гребней с тисненым орнаментом по всей поверхности (рис. 7 – 1)¹⁰. На нескольких похожих новгородских футлярах (чехлах) для гребней спереди и сзади тиснением снаружи нанесен орнамент в виде мелкодетальной розетки на фоне зигзага, который М. В. Горелик определил как средне- или ближневосточный [Горелик, 2008. – С. 123]. Нижний край клапана фигурно вырезан, поле передней стенки, прикрытое клапаном, заполнено вертикальной композицией тонкого плетеного орнамента. Новгородские находки обнаружены в слоях кон. XII – втор. десятилетия XIV в. Необходимо обратить внимание на еще одну особенность новгородских чехлов этой группы. Они цельнокроенные и сшиты с боков, при этом шов выполнен наклонными стежками. В некоторых случаях сохранился сшивной материал – тонкая ровная кожаная лента, что нехарактерно для других кожаных изделий Новгорода.

Технику изготовления кожаных предметов с подобным много- и мелкодетальным орнаментом помогают понять находки кон. XII – нач. XIII в., которые происходят с территории Афганистана или Восточного Ирана и хранятся в собрании художественного музея «Davids Samling» (Коллекция Давида)

⁷ Республика Тыва, Могун-Тайгинский р-н, могильник Холаш, курган 83, погребение № 2. Раскопки Вл. А. Семенова и М. Е. Килуновской 1995 г. ТАЭ ИИМК РАН.

⁸ Карачаево-Черкесская Республика, Урупский р-н, у пос. Курджиново, могильник Мощева Балка, из сборов Н. И. Воробьева, 1905 г. – ГЭ Кз 4292. А. А. Иерусалимская упоминает еще четыре аналогичных экземпляра в коллекции из Мощевой Балки.

⁹ Алтайский край, Павловский р-н, у с. Елунино, 1993 г. курган 1.

¹⁰ Новгород: 1955 г., Неревский р-п инв. № 569 – ГЭ ЭРА-31/135 (единственный такой чехол, найденный с деревянным гребнем); 1960 г., Неревский-XXX р-п 11-1957 № 2850 (1268–1313 гг.); Ильинский 21-260 № 12 (нач. 80-х гг. XII – нач. XIII в.) – НГМ КП39108/А137-543; 2004 г. Никитинский р-п 27-112 № 215 (XIII – нач. XIV в.) – НГМ 49680/А224-886 [Дубровин, 2010. – Рис. 60 – 15–16].

в Копенгагене¹¹. Это кожаный кошелек с тисненым орнаментом и матрица для тиснения из плоского известняка. На камне на двух больших поверхностях вырезаны образцы сложного орнамента для одновременного изготовления нескольких деталей, в том числе передней стенки футляра с клапаном.

«*Малые*» **орнаментированные сумки** шириной 12–16 см и высотой 9–12 см встречаются в слоях Новгорода кон. XIII – XIV в. (рис. 9 – 2, б). Они сохранились фрагментарно. Стенки имеют «грушевидную» форму. Не исключено, что к ним пришивалась деталь, создающая объем. Нижний край клапана, видимо, совпадает с верхней линией орнамента на передней стенке. Стилизованный рельефный линейный орнамент в нескольких случаях обведен снаружи приостренным инструментом. У нескольких сумочек есть следы металлических накладок.

Поясные сумки подобной формы изображены, по предположению Н. В. Дьяконовой, у согдийских купцов V–VIII вв. на росписи в «Пещере со звериным фризом» в Кирише [Grünwedel, 1912. – S. 185–186; fig. 426; Дьяконова, 1980. – С. 189, 192–193]. Похожие сумки найдены в курганах золотоордынского времени в Самарской¹² и Саратовской [Афоньков, 2012. – С. 158–163; рис. 3]¹³ областях.

Футляры для гребней со стилизованным прочерченным орнаментом (рис. 7 – 2, 4) в основном отличаются асимметричным кроем: задняя стенка больше передней, ее нижний и боковые края отогнуты вперед и сшиты с передней стенкой. Нижний край клапана обрезан фигурно. Лицевая сторона покрыта прочерченным орнаментом и отдаленно напоминает отделку упомянутых «малых» сумок. Варианты подобного орнамента, выполненного в других техниках, можно встретить и на других разнообразных новгородских находках (рис. 7 – 5, 9; 9 – 3, 8). Рассматриваемые футляры происходят из новгородских слоев втор. трети XIV в. – нач. XV в. Концентрация этих предметов на Нутном раскопе может быть связана с зафиксированными там следами изготовления кожаных изделий [Ситникова, 1981].

М. В. Горелик определил этот вариант футляров как монгольские поясные сумки, к сожалению неаргументированно [Горелик, 2008. – С. 121].

Фрагменты «*больших*» **сумок с орнаментированными клапанами** в Новгороде найдены в слоях втор. трети XIII – перв. полов. XV в., главным образом, перв. полов. XIV в. Полнее сохранились находки с Нутных раскопов [Колчин, Янин, Ямщиков, 1985. – С. 60; илл. 89; с. 149; илл. 286; Гайдуков, 1992. – Рис. 91, 92]. Ширина сумок 15–25 см. В основе их трапецевидная деталь из толстой кожи, которая образует переднюю и заднюю стенки с клапаном (рис. 2 – 3) [Изюмова, 1959. – Рис. 12, 1]. На внешних клапанах есть металлические накладки или их следы. На переднюю стенку изнутри мог быть нашит полукруглый карман (рис. 2 – 3). Для объема с боков, видимо, были пришиты отдельно выкроенные узкие вставки (внизу они более широкие и округлые) [Времени вопреки, 2012. – С. 100¹⁴. Петров, 2012]. Обычно находят детали орнаментированных клапанов, вероятно, внутренних. У всех клапанов есть характерный трехчастный нижний контур, отмеченный М. В. Гореликом как характерный признак монгольской сумки [Горелик, 2008. – С. 122]. Оформление клапанов отличается техническими и стилистическими особенностями (рис. 2 – 3; 7 – 12, 13, 15, 16; 9 – 4). Чаще всего встречаются фрагменты со стилизованным растительным орнаментом: в центре одинарная или двойная сердцевидная фигура, от которой в обе стороны отходят вьющиеся побеги с листьями (рис. 7 – 12, 13, 15). Представление о подобных сумках дает поясная сумка преп. а Белозерского (1337–1427)¹⁵ [Романенко, 2002. – С. 279]. Набор металлических деталей на новгородских сумках XIII–XV вв. включает, в первую очередь, замок (выявлено две конструкции) с фигурной орнаментированной накладкой, реже – парные орнаментированные уголки клапана и накладки с петлями для подвешивания [Гайдуков, 1992. – Рис. 91, 92]. Эти детали железные или сделаны из сплавов цветных металлов.

¹¹ Inv. no. 14/2000 и 2001. Информация с сайта музея <https://davidmus.dk/en/collections/islamic/materials/stone-and-stucco/art/4-2000> и <https://davidmus.dk/en/collections/islamic/materials/textiles/art/14-2001>. Дата обращения 04.02.2019.

¹² Самарская обл., Безенчукский р-н, 1977 г., Александровский курганный могильник, курган 2. Раскопки Р. С. Багаутдинова (втор. полов. XIII – XIV в.) – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина КП-25633/2.

¹³ Саратовская обл., Саратовский р-н, 1963 г., некрополь у с. Усть-Курдюм, курган № 8, раскопки И. В. Синецины. Клапан «кошеля» – Саратовский областной музей краеведения инв. № АО 2576.

¹⁴ Новгород, 2011 г., Нутный-IV р-п 21-14 № 7 (80-е гг. XIV – перв. полов. XV в.) – НГМ КП47724/A241-195.

¹⁵ Сумка подвешена на кожаном ремне с деревянной пряжкой. КБИАХМЗ инв. № ЦТ-1243.

Сумки, похожие на новгородские (рис. 2 – 3), найдены в мужских погребениях XIII–XIV вв. в Саратовской области [Синицын, 1959. – С. 159, 160; рис. 55 – 1, 3]¹⁶. По поводу аналогичных сумок Г. А. Федоров-Давыдов отметил: «При кочевническом погребении в ряде случаев обнаружены большие четырехугольные кожаные сумки. Крышки – с железным окончанием в виде пластины с фестончатым краем. Такие вещи известны среди материалов Нового Сарая XIV в.» [Федоров-Давыдов, 1966. – Рис. 12 – 7¹⁷; С. 86].

Существует дискуссия о происхождении подобных сумок и связанных с ними металлических деталей. В частности, накладки в виде шестилепестковой розетки с изображением животного в «перлах», Л. Ф. Недашковский и А. В. Козлова датируют XIII–XIV вв. и считают, что монголы принесли этот тип поясных украшений из Средней Азии в Поволжский регион и далее [Недашковский, 2000. – С. 32–33; Козлова, 2004. – С. 193–195]. Сумки и находки соответствующих разнообразных металлических деталей XIV–XV вв. и более позднего времени происходят с территории Белоруссии и Литвы. По мнению К. А. Лавыш, это связано с выходцами из Золотой Орды, переселившимися на земли Великого княжества Литовского, возможно уже в нач. XIV в. и массово – в 1392–1430 гг., также с восприятием их традиций в местной среде [Лавыш, 2012. – С. 87–88]. Высказано и предположение о том, что сумки с литыми шестилепестковыми замочными накладками изготавливали в Литовском княжестве, откуда они распространялись далее, в частности в Новгород и Укек [Кубанкин, Масловский, 2013. – С. 140–141; рис. 3 – 2].

В новгородском материале прослеживается, по мнению М. В. Горелика, еще одна **разновидность** монгольских поясных сумок – «небольшой объемный кошелек **подпрямоугольной или трапецевидной формы** с округлым нижним краем и объемной **крышкой**, надевающейся сверху и соединенной с вместителем кошель ремешком», причем две сумки (рис. 2 – 5, б) имеют ярко выраженный монгольский декор, выполненный аппликацией [Горелик, 2002. – С. 122]. Это определение необходимо уточнить. В Новгороде фрагментарные образцы этой группы происходят из слоев перв. полов. XIII – перв. трети XV в. Они имеют стороны 5,5 – 12,6 см. Встречаются плоские (рис. 2 – 13) и объемные варианты. Объем создавали с помощью пришивного дна (рис. 2 – 10), которое могло быть утрачено (рис. 2 – 5, 6, 11, 12). У объемных сумочек верхняя часть собрана парными складками на обеих сторонах. У трех сумочек сохранилась подвижная крышка, сшитая из двух деталей (рис. 2 – 10, 13) [Изюмова, 1959. – Рис. 11 – 8]. Деталь с прорезным орнаментом на подкладке, прикрепленной серебристыми заклепками, могла быть половиной крышки (рис. 9 – 13). Ремешок, на котором подвешивались сумочки этой группы, крепился на передней и задней стенках посередине, в некоторых случаях для этого служили металлические накладки. Примерно половина изделий декорирована с двух сторон. Встречаются образцы с прорезной аппликацией (рис. 2 – 6, 11). Найдена подобная деталь без следов шва (рис. 2 – 7) – возможно, заготовка. Одна сумочка (рис. 2 – 5) орнаментирована с использованием тачного шва на надрезе. На более простых сумочках прочерчен линейный орнамент в виде узла или сердцевидной фигуры [Изюмова, 1959. – Рис. 11 – 8].

Раздвижная конструкция была и у жестких футляров западноевропейского облика, фрагменты которых тоже найдены в Новгороде. Стоит отметить, что в Западной Европе такие футляры делали путем формования кожи и эта техника была заимствована в Западной Европе с арабского Востока во время крестовых походов [Варфоломеева, 1995].

Кожаный чехол с деревянной ложкой найден при раскопках в Юго-Восточном Алтае¹⁸. Он происходит из мужского погребения с конем в кургане могильника Талдуаир-I, которое датировано IX–X вв. и отнесено к позднетюркскому времени или эпохе «кыргызского великодержавия» [Кубарев, 2005. – С. 50, 128, 205–206; рис. 21, 1–4, 101 – 1, 2, 5, 6]. У этого чехла в широкой части, на месте лопасти (черпала) ложки, есть отдельно выкроенная каплевидная вставка.

¹⁶ Саратовская область, Приволжский р-н, 1953 г., у с. Скатовка, курган № 4: Сумка 19,0 × 19,0 см. Внутри были бронзовая чашечка золотоордынского типа и костяная палочка. Волгоградский областной краеведческий музей. В кургане № 1 в сумке были железное кресало и железный нож.

¹⁷ Саратовская область, Аткарский р-н, 1960 г., Аткарский могильник, курган 1.

¹⁸ Республика Алтай, Кош-Агачский р-н, 1994 г., могильник Талдуаир-I, курган 7 – Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина КП ОФ 10836/15, инв.АРХ 2218, Госкаталог № 8425962.

В Новгороде подобные чехлы для ложек происходят из слоев не ранее втор. трети XIII в. Можно отметить два основных варианта выкройки: со вставкой на месте лопасти и без нее. У большинства чехлов обшита края. Орнаментированы только два чехла из слоев 1385 – нач. 20-х гг. XV вв. (рис. 2 – 4, 7 – 10) [Матехина, 2016]. Один из них (рис. 2 – 4) своим декором похож на упомянутую сумочку (рис. 2 – 5) [Горелик, 2002. – С. 122].

Футляры для шарнирных ножниц найдены в новгородских слоях 20–60-х гг. и сер. 80-х гг. XIII в.¹⁹ Они закрываются клапаном и были сшиты с трех сторон. У более раннего футляра передняя стенка выкроена несколько больше, и при сшивании ее края загнуты так, что они охватывают края задней. У второго футляра детали совпадают по размерам, но соединенные края, видимо, были обшиты [Матехина, 2016. – Рис. 4 – 7–9; С. 222].

Восточной параллелью являются железные шарнирные ножницы в кожаном футляре, обтянутом парчой, из женского курганного погребения золотоордынского времени кон. XIII – нач. XIV в. в могильнике Олень-Колодезь²⁰ (Воронежская обл.) [Ефимов, 1999].

«**Каплевидные**» сумочки/чехлы (?) (овальной формы с треугольным верхом) размером до 13,0 × 15,5 см найдены в слоях втор. полов. XIII – перв. полов. XIV в. (рис. 8 – 1, 2). К передней и задней стенкам с трех сторон была пришита полоска кожи, сужающаяся к концам. С двух сторон сверху посередине есть отверстия, видимо для подвешивания. Не исключено, что сумочки закрывались несохранившейся подвижно закрепленной крышкой. Назначение новгородских находок неизвестно.

Они напоминают кожаный футляр, обтянутый шелком, для бронзового зеркала I тыс. до н. э. – I тыс. н. э., который хранится в Красноярском краевом краеведческом музее²¹. М. Оздемир приводит изображение орнаментированной кожаной емкости подобной формы с передвижной крышкой XVI–XIX вв. с территории Анатолии [Özdemir, 2012. – С. 19; fot. 21]

Находки разнообразных **узкогорлых вместилищ** (продолговатые и зауженные сверху, грушевидные, лировидные, трапецевидные) в Новгороде происходят из слоев втор. четв. XIII – XIV в. (рис. 8 – 3–7). Сумочка (две стенки с выступами-ушками с боков и линзовидное дно) (рис. 8 – 5) сохранилась с содержимым – двумя астрагалами (альчиками). У небольшого цельнокроенного изделия (рис. 8 – 6) по верхнему краю с одной стороны остались следы, похожие на отпечатки зубов при надкусывании; с боков, возможно, были ушки для подвешивания. У вместилища (рис. 8 – 3) несколько деталей стенок, на которых остались маленькие выпуклые округлые отпечатки.

Маленькие «лировидные» новгородские сумочки напоминает редкая находка предположительно кон. VII – перв. четв. VIII в. из древнетюркского мужского погребения в могильнике Юстыд в Горном Алтае²². Это сумочка размером 9 × 6 см, с подкладом из желтого шелка. Она закрывалась клапаном полукруглой формы и дополнительно ремешком, который пропущен через серебряные скобы на клапане и на передней стенке и застегнут пряжкой. Ремешок одновременно использовался для подвешивания [Кубарев Г. В., Кубарев В. Д., 2009. – С. 157–160; рис. 1]. В IX–XI вв. узкогорлые кошельки/сумочки с металлическими элементами (оправы, обоймицы, накладки) получили широкое распространение от Ветлужско-Вятского междуречья до северных русских земель, Скандинавии и Венгрии [Никитина, 2013. – С. 151–152, 158; рис. 1 – 1, 3].

Довольно плоские орнаментированные кожаные фляги найдены в Горном Алтае в Пазырыкском кургане V–IV вв. до н. э. [Руденко, 1952. – С. 48; рис. 14 – в, г]²³. На Северном Кавказе в могильнике Мошечевая Балка полностью сохранился маленький кожаный флакон VIII–IX вв. (две стенки и линзовидная деталь между ними) с деревянной пробкой. Его верхний край и наружные швы обшиты каймой из плотной темной кожи. На стенках сделаны декоративные швы, возможно имитирующие рифление стеклянных сосудов из Финикии и Сирии [Иерусалимская, 1992. – С. 32; рис. 19²⁴]. Узкогорлая кожаная емкость (ок. 7,2 × 5,6 см) обнаружена в лесостепном Алтае в кургане втор. полов. XIII – нач. XIV в. из

¹⁹ Новгород: 1958 г. Неревский-XVII р-п 19-1234 № 20 – НГМ КП 17654-25; 1984 Тр-VII 6-615 № 85/710 (ус. Ж) НГМ КП 34499-509.

²⁰ Воронежская обл., Каширский р-н, могильник Олень-Колодезь, раскопки ок. 1996–1999 гг., курган 9.

²¹ КККМ КПА 211/699, инв.А 211/699, Госкаталог №14923103.

²² Республика Алтай, Кош-Агачский р-н, могильник Юстыд-XXIV, курган № 13, раскопки В. Д. Кубарева.

²³ 1947 г. Второй Пазырыкский курган. Государственный Эрмитаж.

²⁴ Россия, Карачаево-Черкесия, Урупский р-н, могильник Мошечевая Балка, экспедиция ГЭ 1974 г. – ГЭ Кз 6957. Диаметр до 4 см, высота 7,5 см, диаметр пробки 2,5 см.

могильника Кармацкий²⁵ [Тишкин, 2009. – С. 85–90; рис. 54 – 9]. Ее передняя стенка украшена стилизованным линейным орнаментом.

В Новгороде в слое перв. полов. XV в. найдена также большая и почти полностью сохранившая узкогорлая емкость (рис. 8 – 7). По принципу кроя (сложенная пополам деталь, образующая переднюю и заднюю стенки, пришитые к ней округлые боковины) она похожа на упомянутые большие сумки с клапаном. В качестве ее лицевой поверхности использована внутренняя поверхность кожи (бахтарма), что создает впечатление замши. Для подвешивания с боков были сделаны ременные петли. Верхний край отогнут наружу. Все швы наружные, обшиты полоской кожи²⁶.

Похожую конструкцию с пришивными боковинами имеет алтайский узкогорлый кожаный сосуд перв. четв. XX в., изображенный на снимке из фотоколлекции МАЭ²⁷.

Накладки и привески небольшого размера (длиной 5,5–10,0 см, шириной 3,2–5,7 см), имеют симметричную, несколько удлиненную (клиновидную) форму и в основе **представляют собой пятиугольник или трапецию** с прямыми или фигурными очертаниями, были в основном двухслойными и, как правило, орнаментированными [Торопова и др., 2019. – С. 99; рис. 7 – 2; Матехина, 2019]. Подобные предметы могли использовать в виде привесок или накладок (нашивок), располагая расширением вниз. Некоторые изделия, видимо, оставались открытыми сверху и снизу, образуя плоскую полую трубку. Их могли бы подвижно закреплять на ремешке или шнуре, что, в частности, относится к предметам, которые с боков были обшиты полосками кожи.

О типологии и хронологии новгородских предметов этой группы можно отметить следующее: изделия с округлыми очертаниями и накладным прорезным орнаментом (рис. 9 – 9) происходят из слоев 60-х гг. X – перв. четв. XII в.; полые (?) изделия, для которых характерен вышитый на обеих сторонах орнамент из завитков (рис. 9 – 11, 12) – из слоев XII–XIII вв.; изделия с серебристыми заклепками, в частности с накладным прорезным орнаментом и металлическими привесками серебристого цвета (рис. 9 – 10) – из слоев 1281–1382 гг.; единичные изделия из слоев втор. полов. XIV – перв. полов. XV вв. проще и менее однообразны, в частности имеют сложнофигурный край, отделаны прочерченными линиями (рис. 2 – 9). Назначение этих предметов неизвестно и дискуссионно. С. А. Изюмова определила их как декоративные детали поясов [Изюмова, 1959. – Рис. 11, 6; С. 221]. Возможно, их использовали как игольники, поскольку два подобных предмета, с территории Тверского кремля 1280–1385 гг. [Курбатов, 2004. – Рис. 125] и из литовского могильника Кернаве (Кривейкишкис) XIII–XIV вв. (рис. 5 – 3) [Vėlius, 1997. – P. 44; pav. 1, 4; Велюс, 2013. – С. 70; рис. 9], найдены с бронзовыми иглами.

А. В. Курбатов отметил некоторое сходство подобных древнерусских кожаных изделий с находками из погребений Северного Кавказа [Курбатов, 2008. – С. 267–268]. Это т. н. «складни» – парные симметричные пластинки из кожи или бронзы, которые совпадали, создавая полость. Самые ранние складные пластинки сделаны из кожи, и они происходят из погребений VII–IX вв. у селения Камунта (Северная Осетия – Алания) [Антонович, 1882. – С. VIII, II, 39, 40. Кузнецов, 1993. – С. 177]. У них на коже сохранились следы швов антропоморфного орнамента, аналогичного изображениям на металлических амулетах. В. А. Кузнецов определил предметы данной категории как амулеты племени алан и отметил их связь в основном с женскими погребениями [Кузнецов, 1962. – С. 39; 1993. – С. 176–177].

По мнению С. Н. Савенко, т. н. «складни» пятиугольной формы распространены в аланских захоронениях с X в., скорее с XI в. и до кон. XII – нач. XIII в. н. э. Преобладают пластинчатые (большинство) и литые бронзовые изделия разной формы. Встречаются и кожаные детали, которые иногда могли быть чехлами для деревянных или бронзовых изделий²⁸, хотя пока археологически однозначно этого не зафиксировано. Очень часто присутствует связь «складней» с предметами туалета (копоушки, ног-

²⁵ Алтайский край, Первомайский р-н, группа Кармацкий, курган № 9, могила 2; не позднее 2002 г.

²⁶ Не исключено также, что поперх кожи был еще какой-то материал, например, ткань.

²⁷ МАЭ № 4126. Каруновская Л. Э., Данилин А. Г. Готовый кожаный сосуд. Алтайцы. Алтай, Шебалинский р-н, д. Улус-Черга (Ойротская АО, Шебалинский р-н).

²⁸ Например, кожаную деталь, найденную в одной катакомбе с бронзовой пластиной, исследователь погребения А. П. Рунич назвал «половинкой футляра» [Прим. С. Н. Савенко].

течистки, ложечки, «скалочки»), но она не однозначна и не исключительна. Иногда в поздних аланских катакомбах окрестностей Кисловодска в общих комплексах отмечается связь «складней» с иглами и иглами-заколками (булавки, шпильки). Положение «складней» в погребениях различно: в области черепа, у правого локтя, в области грудной клетки или в районе пояса, у голени, отдельно от костяков [Савенко, 2017]²⁹.

В Сибирском Заполярье на Мангазейском городище в 2001–2014 гг. в слоях 20–30-х гг. XVII в. также обнаружены парные пятиугольные детали со стилизованным растительным узором, которые определены как нашивки (детали одежды) [Визгалов, Пархимович, 2017. – С. 122; рис. 66, 5]. Размеры, форма, швы с боков позволяют сравнить эту находку с упомянутыми полыми древнерусскими изделиями.

Непонятно, использовали рассматриваемые кожаные детали одиночно или одновременно по несколько штук. В этой связи стоит отметить серию удивительно похожих подвесок из Новгорода (рис. 9 – 10), которые могли быть не только изготовлены одним мастером, но также служить деталями одного набора. В качестве отдаленной параллели можно обратить внимание на комплекс серебряных болгарских украшений из богатого женского погребения перв. полов. XIV в. Сайгатинского III могильника³⁰ и реконструкцию костюма погребенной [Зыков и др., 1994. – С. 69; рис. 20].

Конструктивные, технологические и декоративные особенности

Из новгородских слоев сер. XII – перв. полов. XIV в., в основном втор. полов. XIII в., происходит несколько *изделий из кожи хвоста бобра*³¹. Большинство из них составляют *ножны со швом сбоку, которые по форме и следам швов не отличаются от одновременных им обычных кожаных ножен древнерусских городов* (рис. 6 – 6). Найденные также в Новгороде кости бобра и обрезки кожи бобрового хвоста могут свидетельствовать о местном изготовлении изделий из этого сырья [Матехина, 2008. – С. 190–203; рис. 1 – 3]. Естественную «чешуйчатую» рельефную поверхность кожи хвоста бобра применительно к археологическим находкам до 1999 г. определяли как «псевдотисненный» узор, отделку поверхности штампом [Изьмова, 1959. – С. 205. Варфоломеева, 1993. – С. 164; Матехина, 2008. – С. 50].

Известны примеры использования кожи хвоста бобра к востоку от Новгородской земли. В средневековых могильниках IX–XI вв. в Марийском Поволжье обнаружены поясные сумочки из такой кожи [Архипов, 1973. – С. 40; рис. 44, 45, 48³²]. Е. П. Казаков, ссылаясь на указанную публикацию Г. А. Архипова [Архипов, 1973. – Рис. 44, 45], соотнес кожу «с тисненым ячеистым орнаментом» с упоминанием «булгари» и указал, что сумочки из Марийского Поволжья изготовлены в мастерских болгар [Казаков, 2001. – С. 173. Рис. 2 – 6]. Может быть³³, это связано с заключением о том, что в IV (булгарском) слое XIII–XIV вв. городища Болгар выявлено плоское тиснение кожи в виде «неправильных четырехугольников» [Хованская, 1951. – С. 124]. Позднее Т. Б. Никитина выделила сумочки/кошельки из ячеистой кожи в отдельный тип и отметила следующее. По результатам анализов это кожа хвоста бобра. Сумочки из нее распространены в погребальных памятниках X–XI вв. в Ветлужско-Вятском междуречье, встречаются преимущественно в мужских захоронениях и реже – в женских, видимо отличающихся богатством и особым статусом. Этот элемент одежды имел в большей степени культовое назначение. Длина сумочек доходила до 20 см. Верхняя часть обычно более узкая, нижняя часть округлая. В боковых швах иногда сохраняется прокладка из бересты или войлока, снаружи округлая нижняя часть по краю скреплена характерными обоймицами-скобками, горло – сложенными планками. Сумочки из хвоста бобра в меньшем количестве и несколько отличающейся формы обнаружены в памятниках волжских болгар, Пермском Предуралье и Удмуртии. Т. Б. Никитина определила бобровые сумочки

²⁹ Выражаю благодарность С. Н. Савенко за консультацию и разрешение опубликовать эти комментарии.

³⁰ Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Сургутский р-н, дер. Сайгатина, Сайгатинский III могильник, погребение 31. 6,2 × 3,3 см. XII–XIV вв. Музей Природы и Человека (Ханты-Мансийск). ХМ8645-212.

³¹ Новгород: Неревский р-п: 23-2078, 22-732, 19-1128а, 15-1554 и б/п – НГМ КП17654-4. Славенский/Кировский раскоп: 27-19 – НГМ Пр.кА22-56 и 27-74,75 – НГМ Пр.кА22-58; Кремлевский-I (Владычный двор) 11-14-581 [Зубкова, 2017. – Рис. 62 – 3; С. 167, 169]. Одна из двух находок, опубликованная С. А. Изьмовой, хранится в ГИМ № 82582. Второй, видимо, являются ножны в собрании Государственного Эрмитажа – ГЭ ЭРА-31/505 [Изьмова, 1959. – Рис. 11, 13].

³² Соответственно: 1957 г., Юмский могильник, погребения 2, 4; 1891 г. раскопки А. А. Спицына, 1929 г., Веселовский могильник, погребения 14, 13, 5. Ветлужский краеведческий музей.

³³ Эти образцы кожи мне неизвестны.

как показательный маркер культуры населения Ветлужско-Вятского междуречья. В Пермском Предуралье их тоже могли изготавливать самостоятельно. На другие соседние территории такие сумочки проникали в результате торговых контактов [Никитина, 2013].

В Монгольском Алтае в скальном мужском погребении VII–XIV вв. обнаружена небольшая сумка с клапаном, которая сохранилась полностью, со всем содержимым. По результатам экспертизы, сумка сшита из рыбьей кожи, возможно змееголова [Törbat, Batsüch, Batbajar, 2012]³⁴. Ее «чешуйчатая» поверхность напоминает кожу хвоста бобра.

Линование на коже. Понятие кожа «булгари»³⁵, которое связывают со столицей Волжской Болгарии городом Болгаром, А. В. Курбатов сопоставил с тисненым сетчатым рисунком. По археологическим материалам из разных мест он проследил образцы кожи с сетчатым тиснением начиная с XIII в. [Курбатов, 2010].

В новгородском археологическом материале тисненный (накатанный) сетчатый орнамент и комбинации из параллельных, обычно наклонных, линий встречаются на ножнах со швом сбоку из слоев XI – перв. полов. XIV в. и особенно характерны для XI–XII вв. Такие ножны в слоях XI в. представлены наиболее сложным, «классическим», вариантом (рис. 6 – 1), происхождение которого мне пока неясно и который позднее несколько изменяется (рис. 6 – 2) [Варфоломеева, 1993. – С. 162–164; рис. I]. Для втор. полов. XII – нач. XIII в. можно предположить изготовление подобных декорированных ножен на усадьбе Г Троицкого раскопа [Матехина, 2009. – С. 72]. На новгородских ножнах позднее втор. полов. XIV в. сетчатый орнамент нанесен на отдельные участки изделий, отличается от более ранних образцов и по виду, и по технике исполнения [Варфоломеева, 1993. – С. 165; рис. II – 11–16].

Редкой и необычной находкой является нижняя часть сапога (?) с округлым носком из слоя перв. полов. XV в.³⁶ Она большого размера, сильно изношенная, с заплатами и другими следами ремонта, обрезана и переделана в туфлю. Подошва из толстой кожи со следами потайного шва и с внутренним каблучком снизу подбита необычно крупными железными гвоздиками со шляпками диаметром до 1,5 см. На головке (без следов поднаряда) ровное сетчатое тиснение, типичное для более поздних кожаных изделий [Курбатов, 2010. – Табл. III – 5; С. 451].

Из новгородских слоев XV в. происходят ножны (со швом на оборотной стороне), лицевая сторона которых орнаментирована поперечными и продольными линиями соответственно конструкции ножа. Такая отделка напоминает поперечное линование на головках обуви (рис. 2 – 10, 11; рис. 4 – 8, 13), распространение которого Д. О. Осипов относит ко времени не ранее XVI в. [Осипов, 2012. – С. 184]. Линованный орнамент иногда сочетается с прорезным (рис. 3 – 12³⁷, 13) [Дубровин, 2010. – Рис. 64а: 3].

Кожа с рельефным «червеобразным» рисунком использована для ножен со швом сбоку (рис. 6 – 3), которые происходят из слоев Новгорода XII – нач. XIII в. [Колчин и др., 1981. – С. 92–93; рис. 44, 1]. Ножны с похожим узором найдены и в Старой Руссе (рис. 6 – 4–5). Такой рельефный рисунок, видимо, получен тиснением с лицевой стороны, возможно накатан [Матехина, 2008. – С. 189, 190; рис. 1 – 2].

На городище Болгар (Великие Болгары) в IV (булгарском) слое XIII–XIV вв.³⁸ А. Д. Чиварзин выявил два типа тиснения кожи: упомянутое плоское в виде неправильных четырехугольников и рельефное, состоящее из переплетающихся червеобразных выпуклых рисунков. На основании более ранней даты образцов тисненой кожи из Новгорода О. С. Хованская предположила возможное влияние новгородских ремесленных приемов на булгарские [Хованская, 1951. – С. 124]. Стоит отметить, что этот вывод был сделан задолго до крупномасштабных раскопок в Новгороде, в частности до находки образцов кожи с «червеобразным» рисунком.

Замша (?). В качестве лицевой стороны изделий древнего Новгорода обычно использована наружная (мерейная) поверхность кожи. Применяли даже принцип двойного кроя, складывая парные

³⁴ Монголия, сомон Булган, аймак Ховд, 2005 г. на горе Çonot Uul. Благодарю за консультацию J. Vemmann, профессора Рейнского Боннского университета Фридриха Вильгельма.

³⁵ По этнографическим источникам К. И. Антипина определяет «булгаары» как мягкую, хорошо выделанную кожу, которая была дорогой и доступной лишь обеспеченным людям [Антипина, 1962. – С. 127].

³⁶ Новгород, 2002 г., Никитинский р-п, 19-94 № 41 – НГМ НВ23293/Пр.кА199-523.

³⁷ Линование выполнено, видимо, нагретым инструментом.

³⁸ Раскопки 1939–1949 гг.

кожаные детали внутренней стороной кожи (бахтармой) друг к другу, в частности обувь и сумки (рис. 1 – 1, 9 – 2). На этом фоне изделия, у которых в качестве лицевой поверхности использована бахтарма, немногочисленны. Около двадцати таких новгородских находок происходят преимущественно из слоев посл. четв. XII – перв. полов. XV в., в основном втор. – посл. трети XIV в., изготовлены профессионально. Большинство из них – ножны, найденные на усадьбах Неревского раскопа. Остальные изделия единичны: конусовидное изделие, стягивающееся по верхнему краю, с Троицкого раскопа [Матехина, 2016. – Рис. 4 – 5], большая узкогорлая емкость (рис. 8 – 7), футляр для топора (рис. 9 – 8). Все они сшиты с наружной стороны и, как правило, не имеют отделки. Единственная декорированная находка этой группы, до сих пор уникальная, – футляр для топора, полностью закрывающий топор с топорщиком, украшенный прорезной аппликацией и обшивкой края [Изюмова, 1959. – Рис. 10, 1; стр. 218].

Можно предположить, что для изделий этой группы использован сорт кожи типа «замша» или что это было подражание ей. А. В. Курбатов приводит упоминания соответствующих названий кож: 1477 г. – замши из Тавриза (Тебриз, Иран), в 1491 г. – «ролдуга»/«ровдуга» от «салтана Баязят»³⁹, со втор. полов. XVI в. – «ирха»/«ирешка» [Курбатов, 2010 – С. 201–202].

Фигурный крой, прорезной декор, аппликация. К ранним примерам относится упомянутый кошелек IV–III вв. до н. э. из Тувы⁴⁰ [Бусова, 2013. – С. 1262, 1264, 1265; рис. 2]. Эти техники разнообразно представлены в искусстве кочевников V–IV вв. до н.э. Пазырыкской культуры Алтая [Руденко, 1948. – С. 28; табл. XIII, XIV; Он же, 1952. – С. 46–48; рис. 13, 14. *Мир кочевников*, 2013. – С. 55, 58; кат. 159, 160, 166, 167⁴¹]. Прорезная аппликация прослеживается в археологии Северного Кавказа. В женском погребении VII–X вв. могильника Подорванная Балка сохранился женский головной убор⁴² конической формы из шелковой ткани с опушкой, острый верх которого был создан из кожаных деталей с прорезным орнаментом, покрытых сплавом золота, серебра и меди [Доде, 2001. – Ил. 9; рис. 18]. Мужская кожаная одежда из погребений X–XII вв. в могильниках Змейский⁴³ и Рим-Гора⁴⁴ украшена прорезными фигурными деталями, прикрепленными швами, которые одновременно были отделочными [Там же. – Рис. 33, 37].

В Новгороде фигурные и прорезные кожаные изделия находят во всей толще культурного слоя. Применительно к данной теме выше упомянуты кожаные предметы, у которых такие накладные декоративные детали были нашиты или приклепаны (рис. 2 – 3, 5 (?), 6, 11; 3 – 2–8, 12; 7 – 13, 16; 9 – 7–10, 13), а также изделия без следов крепления, которые могли быть наклеены или служили заготовками, приспособлениями для нанесения орнамента, ремесленными упражнениями (рис. 2 – 7, 8; 7 – 8, 14; 9 – 14).

Можно отметить и нарезку края бахромой у отдельных находок из новгородских слоев XV в., обычно у накладных деталей ножен со швом на задней стороне (рис. 3 – 12). Примеры использования прорезных накладок с бахромой для ножен встречаются в этнографических коллекциях⁴⁵.

Необходимо отметить, что найденная в Новгороде в слоях XIV–XV вв. низкая обувь с прорезным декором связана в основном с деятельностью Ганзейского союза [Осипов, 2012. – С. 193–195].

Характерным признаком монгольских сумок М. В. Горелик назвал специфически вырезанный трехлопастной край клапана сумок [Горелик. 1 ____ – С. 121–122]. Этому определению соответствует фигурный край клапанов сумок и футляров для гребней из новгородских слоев 40-х XIV – перв. полов. XV в. (рис. 2 – 3; 7 – 1, 4, 12, 13, 15, 16; 9 – 4). У новгородских сумок и футляров, связанных с данной темой, встречаются и другие типичные варианты обреза клапана (рис. 7 – 1, 2; 9 – 6).

Шов металлической ленточкой сохранился на нескольких разнообразных кожаных предметах из слоев Новгорода посл. четв. XII – перв. четв. XIV в., среди которых футляр для гребня (рис. 7 – б),

³⁹ Султан османской империи Баязет (Баязид) II Дервиш, или Баязет II Вели (Святой) [А. В. Курбатов].

⁴⁰ Республика Тыва, Могун-Тайгинский р-н, могильник Холаш, курган 83, погребение № 2. Раскопки Вл. А. Семенова и М. Е. Килуновской 1995 г. ТАЭ ИИМК РАН.

⁴¹ Алтай, могильник Пазырык, курган 1. Раскопки М. П. Грязнова, 1929 г. ГЭ инв. 1295/39, 40, 50, 51. Курган 2. Раскопки С. И. Руденко, 1947 г. ГЭ инв. 1684/156, 159, 2026.

⁴² Карачаево-Черкесская республика, Зеленчукский р-н, Нижне-Архызский археологический комплекс. Находка Л. Н. Глушкова.

⁴³ Россия, Северная Осетия, Кировский р-н ст. Змейская, могильник Змейский, 1957–1959 гг., катакомба 14, находка В. А. Кузнецова.

⁴⁴ У Кисловодска. Находка А. П. Рунича.

⁴⁵ РЭМ № 8613-24 в.

голенище (рис. 4 – 14), задник (рис. 7 – 3). У новгородских находок такой шов чаще соединительный, иногда отделочный, разной степени сложности.

Г. А. Архипов опубликовал кошельки/сумки из погребений IX–XI вв. Веселовского могильника в Марийском Поволжье, крышки (клапаны) которых украшены параллельными линиями шва тонкой «серебряной ниткой»⁴⁶. Он упомянул также кошелек из прошитой кожи с медными бляшками, найденный во Владимирских курганах [Архипов, 1973. – С. 40; рис. 46⁴⁷]. Г. А. Архипов привел также реконструкцию низкой сыромятной обуви, украшенной медными спиральками, цепочками, бляшками, подвесками. На ней спереди, на подъеме, изображена ромбовидная вставка прошитая параллельными рядами, возможно металлической ленточкой [Там же. – рис. 5 – 2⁴⁸].

Самая многочисленная, разнообразная и изящная группа рассматриваемых кожаных предметов – ножны со швом сбоку. Они происходят преимущественно из погребений XI–XIV вв.: на о. Готланд и широкой территории, примыкающей к Балтийскому морю с юго-востока, включая Костромское Поволжье [Макаров, Зайцева, 1999. – С. 173–174].

К группе ранних находок, украшенных декоративным швом металлической лентой, относятся мягкие туфли с отворотами, которые найдены в польской Силезии в г. Ополе (на о. Острувек) в слое кон. X – перв. полов. XII в. У этих образцов отмечено сочетание спереди декоративного шва металлической ленточкой вдоль подъема стопы, по бокам от него одиночные S-видные завитки с ромбическими завершениями, вышитые шелковой нитью [Norska-Gulkowa, 1964. – С. 13, рис. 3а, 3б, 4d].

Можно отметить сходство и более поздних предметов, орнаментированных с использованием бронзовой ленточки. Так, стилизованный орнамент новгородского задника из слоя 1299–1313 гг. (рис. 7 – 3) [Колчин, Рыбина, 1982. – Рис. 30 – 2] напоминает узор на женской привеске-игольнике XIII–XIV вв. из могильника Кернаве (Кривейкишкяй)⁴⁹ в Литве (рис. 5 – 3) [Велюс, 2013. – С. 77; рис. 9].

Самый восточный образец рассматриваемого декора – остатки кожаной обуви из погребения кочевника XIV в. в курганном могильнике у с. Королевка (Казахстан⁵⁰). Как указывает А. Г. Максимова, на этих сапогах (видимо, бескаблучных, типа ичигов) всю стопу и верх голенища окаймлял стилизованный растительный орнамент, вышитый бронзовой ниткой [Максимова, 1965. – Табл. IV – 1–3]. Этот орнамент, широко распространенный у кочевых народов, В. А. Могильников описал как цветок, от которого по обе стороны отходят две параллельные линии фестонов с украшением в виде двух пар рогов барана [Могильников, 1981. – С. 198]. Орнамент сапог из погребения у с. Королевка сравним с узором на обувном заднике (рис. 5 – 4) 80-х гг. XIV – 10-х гг. XV в. из раскопок в Твери на территории бывшего кремля [Курбатов, 2004. – Рис. 70 – 12⁵¹].

У изделий восточного происхождения втор. полов. XVIII – XIX в. прошивка металлической ленточкой выполнена прерывистой линией, напоминает поддержку, создавая геометрический узор (рис. 5 – 9) [Исюмова, 1959. – С. 214, 215. Осипов, 2011]⁵².

Швы с втачным кантом, кожаная мозаика. Декор, составленный из фрагментов, соединенных встык (мозаика), в простом, геометрическом узоре, использован для одежды и обуви из Пазырыкских и Катандинского⁵³ курганов V–IV вв. до н. э. в Горном Алтае [Руденко, 1952. – С. 91, 94, 106; рис. 35 – б; 50 – б]. Несколько упомянутых кожаных изделий восточного происхождения сшиты с использованием прокладки (канта), укрепляющей шов: кошелек IV–III вв. до н. э. из могильника Холаша в Туве [Бусова, 2013. – С. 1264; рис. 2], мягкая детская и женская обувь из скальных могильников VIII–IX вв.

⁴⁶ Нижегородская обл, Шахунский р-н, Веселовский могильник, погребения 15 (15,0 × 9,6 см) и 19 (9,8 × 9,5 см). На рисунке «кошелек» подвешен к поясному ремню с помощью двух ремешков, закрепленных по бокам. «Серебряная нитка» похожа на плоскую ленту. Возможно, также погребение 9 (7,5 × 8,5 см) [Никитина, 2013. – С. 153].

⁴⁷ Веселовский могильник, погребение 15.

⁴⁸ Веселовский могильник, погребение 20.

⁴⁹ Инвентарь этого погребения Г. Велюс связывает с ятвяжской общиной дайнавов и т. н. каменными могилами Белорусского Поманья [Велюс, 2013. – С. 59–79].

⁵⁰ Раскопки 1963 г. В то время это была территория Свердловского района Джамбулской области.

⁵¹ Тверь, Кремль, 1995 г., уч. 3, отвал (возможно, пл. 11, кв.Ж-25), 690/958.

⁵² Помимо обуви это футляры для пиал РЭМ № 5-6, 12-207, 6748- 40, 41, поясной кошелек – РЭМ № 23328 б.

⁵³ Государственный исторический музей.

Северо-Западного Кавказа Мощевая Балка [*Иерусалимская*, 1992. – С. 19; кат. № 26⁵⁴. Ierusalimskaya, 1996. – S. 41; № 24] и Подорванная Балка [*Доде*, 2001. – Рис. 1 – 6⁵⁵].

Новгородские находки показывают, как мозаику и шов с кантом использовали не только функционально, но и в более сложных декоративных вариантах (рис. 4 – 1–8, 10–13) [*Матехина*, 2018]. Начиная со слоев XI в., разнообразно представлены кожаные изделия, на которых орнамент создан линией шва, соединяющего встык края фигурного разреза, фигурно вырезанных деталей или фигурных частей одной детали. Серию находок из слоев XI–XII вв. представляют собой, вероятно, фрагменты сумок (рис. 1 – 1–3). В настоящее время их высота 12,5–16 см и ширина 9–18 см. В расправленном виде они были полуovalными. Аналогии этим новгородским находкам мне не встречались.

Единственный известный мне европейский пример мозаичного кожаного изделия – женская обувь с вырезанным сбоку двойным завитком из слоев 750–760-х и 840–865-х гг. Земляного городища Старой Ладоги (рис. 5 – 1) [*Оятева*, 1965. – Рис. I – III. Давидан, 1995. С. 156–167. Рис. 4 – III]⁵⁶, которая имеет скандинавские параллели [*Groenman-van Waateringe*, 1984. – Taf. 6 – 5]. Ее отдаленно напоминает верх туфли из новгородского слоя втор. полов. XI в. (рис. 4 – 4).

Остальные аналогии новгородским мозаичным изделиям связаны с Востоком. Маленький обрезок детали из слоя XI в. [*Матехина*, 2018. – Рис. 3 – 3] соответствует фигурно-скобчатому контуру шва голенища мягких сапог со сложной выкройкой из скального могильника⁵⁷ не позднее XI–XII вв. у с. Хасаут близ Кисловодска (рис. 5 – 5) [*Рунич*, 1971. – Рис. 6]. Аналогичная фигурно-скобчатая линия шва на боковых швах сапог всадника с ловчей птицей, а также каймы потника на коне изображена на блюде IX в.⁵⁸ и менее отчетливо – на накладке с аналогичной сценой IX в. из Предуралья (?)⁵⁹. Эти металлические изделия К. А. Руденко связывает с хазарско-венгерским искусством эпохи Хазарского каганата, предполагает изготовление согдийским мастером в Южном Предуралье и датирует втор. полов. X – перв. треть X в. [*Сокровища...*, 2003. – Кат. № 22. Руденко, 2016. – Рис. 6, 14; С. 71].

Возможно, ту же традицию фигурно-скобчатой и волнистой линии шва отражают новгородские находки из слоев втор. полов. XII – перв. полов. XIII в.: верхний контур мягкого детского сапожка (рис. 3 – 1) и детали обуви жесткой конструкции с характерной трехчастной фигурно-скобчатой линией шва (Рис. 3 – 6–10).

Зубчатый шов новгородской головки жесткой конструкции (рис. 4 – 8) напоминает детали сапог мягкой конструкции: упомянутую более раннюю новгородскую головку (рис. 4 – 7), а также детали ичетыг (ичигов) из раскопок в Казанском кремле в 1994–2005 гг. из слоев ханского времени сер. XV – перв. полов. XVI в. (рис. 5 – 6) [*Валиев*, 2009. – С. 112; рис. 6 – 6, 13].

Фрагменты мягкой (?) обуви из новгородских слоев втор. полов. XIII – перв. полов. XIV в. (рис. 4 – 10–12) близки мозаичному декору кожаных изделий, который развит у тюркоязычных народов и особенно богато – у татар. Это многодетальные и обычно разноцветные композиции, выполненные разнообразными отделочными швами. Л. И. Саттарова прослеживает корни яркого проявления мозаичной техники, известного как «татарский» или «казанский узорный шов», или «казанский шов в тачку», «татарская работа», указывая в качестве ее предшественников изделия XVI–XX вв., которые, в частности, напоминают новгородские находки: ичиги из музея с. Дубъязы Татарстана, из собрания Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), краеведческого музея г. Касимова, османские сапоги из музея г. Мюнстер, Германия, турецкие сапоги из Берлинского музея [*Саттарова*, 2004. – С. 27; рис. 34, 60, 64; *Она же*, 2012].

Можно также отметить, что на городище Мангазея в слое перв. трети XVII в. найден образец волнообразного орнамента, выполненного в мозаичной технике, но не из кожи, а из ткани и шерсти разных цветов [*Визгалов, Пархимович*, 2017. – Рис. 78 – 11; с. 134]⁶⁰.

⁵⁴ Мощевая Балка, экспедиции ГЭ 1974 г., разрушенное погребение № 4 – ГЭ Кз 6712.

⁵⁵ Карачаево-Черкесская республика, Зеленчукский р-н, Нижне-Архызский археологический комплекс, находка В. Н. Каминского, И. В. Каминской

⁵⁶ Старая Ладога Земляное городище 1959 г. гор. Е-3, ЗГ 1170 (?) – ГЭ Оп. 84-329 и 1947 г. гор. Е-2 – ГЭ оп. 2988-364.

⁵⁷ Карачаево-Черкесская Республика, Малокарачаевский р-н, сер. 1960-х – нач. 1970-х гг. могильник № 7 у с. Хасаут.

⁵⁸ Собрание Музейно-выставочного комплекса им. И. С. Шемановского Ямало-Ненецкого автономного округа [*Сокровища...*, 2003. – № 22].

⁵⁹ Собрание Фонда Марджани (Москва) – ФМ инв. № Им/м-397.

⁶⁰ Усадьба 2, постройка 26А, первый ярус, 1620–1631 гг.

У мяча из новгородского слоя втор. трети XIII в. на обеих круглых деталях сделан спиралевидный разрез, в который вшита кожаная полоска-кант, местами на нем сохранились фрагменты металлической ленты серебристого цвета (рис. 4 – 5). Это несколько напоминает орнамент женских сапожков V–IV вв. до н. э. Пазырыкской культуры Алтая, который создан из нашитых сухожилий, обернутых оловянной фольгой [Руденко, 1952. – С. 101–103; рис. 47, 49; *Мир кочевников*, 2013. – С. 58; кат. 168⁶¹].

К поздним образцам декоративного шва с кантом относятся сапоги из НГОМЗ, по определению Д. О. Осипова, парадная узбекская всадническая обувь из шагреновой кожи (саура), изготовленная не ранее втор. полов. XVIII в. в одном из городов Туркестана, и однотипные сапоги XIX в. из Оружейной палаты Московского Кремля⁶², у которых вставка в верхней части голенища выполнена с использованием канта зеленого и желтоватого цветов (рис. 5 – 8, 9) [Осипов, 2011. – С. 134, 136].

Наружный тачной шов на надреже, отделочный или одновременно соединительный, прослежен на нескольких новгородских кожаных находках из слоев посл. трети XIV – перв. полов. XV в.⁶³ На лицевой поверхности этих изделий по линии шва предварительно был сделан неглубокий надрез, по краю которого выполнен тачной шов (с проколом в срез кожи). На двух изделиях из новгородских слоев посл. трети XIV в., сумочке (рис. 2 – 5) и чехле для ложки (рис. 2 – 4), с помощью тачного шва на надреже создан орнамент, который М. В. Горелик определил как восточный [Горелик, 2008. – С. 122]. Такой же шов использован и при обшивке краев кожаных изделий из Новгорода. Он наблюдается у половины чехлов для ложек, одних ножен и на голенище сапога⁶⁴.

Фрагменты голенища детского сапога 30-х гг. XVII в. с аналогичными следами тачного шва на надреже и несохранившейся обшивки найдены на городище Мангазея [Визгалов, Пархимович, 2017. – Рис. 44 – 2⁶⁵].

Тиснение с использованием матрицы, штампа, трафарета (?), линейное прочерчивание. Одним из древнейших примеров тисненого орнамента на коже является фрагмент изделия IV–II вв. до н. э. из могильника Аймырлыг–VIII эпохи ранних кочевников в Туве [Мир кочевника, 2013. – С. 24. Кат. 38⁶⁶].

Выше рассмотрены вопрос об использовании на Востоке каменных матриц для тиснения на коже и происходящие из новгородских слоев XIII – втор. десятилетия XIV в. футляры для гребней (рис. 7 – 1), возможно изготовленные подобным способом. У этих футляров основные участки орнамента дополнены фоном из зигзагообразных линий. Может быть, с этой особенностью связано распространение орнамента с вдавленными зигзагообразными (зубчатыми, фестончатыми) элементами и мотивами, который наносили коротким штампом или накатывали. Такие находки, преимущественно ножны со швом сзади, а также сумочка и учебный (?) обрезок, встречены в новгородских слоях втор. четв. XIV – перв. четв. XV в. [Варфоломеева, 1993. – С. 165; рис. II – 20, 22, 23].

К этому же времени относятся орнаментированные рукавицы (рис. 7 – 7, 11), клапаны больших поясных сумок (рис. 7 – 13, 16), чехол для ложки (рис. 7 – 10), видимо тисненные с помощью матриц или трафаретов, наложенных на лицевую сторону. Примеры деревянных матриц есть в этнографии народов Востока. В собрании Российского этнографического музея хранятся орнаментированные детали конского снаряжения (тебеньки и чепраки) и двусторонние доски для тиснения соответствующих узоров кон. XIX – нач. XX в. из Северной Монголии⁶⁷ [Тыва..., 2014. – С. 49]. Вероятно, таким образом изготовлен ранний новгородский образец подобного тиснения из слоя XII в. (рис. 9 – 1). По орнаменту и по дате он близок «мозаичным» изделиям со сквозным фигурным швом (рис. 4 – 1). При тиснении снаружи, вероятно, могли накладывать кожаную заготовку. Например, заметно сходство фигурного прорезного изделия и орнамента на чехле для ложки (рис. 7 – 8 и 10), которые напоминают также стилизованный растительный орнамент, вышитый на кожаном изделии из Казани ханского времени сер. XV – перв. полов. XVI в. [Валиев, 2009. – Рис. 8 – 25].

⁶¹ Республика Алтай, Улаганский р-н, могильник Пазырык, курган 2. Раскопки С. И. Руденко, 1947 г. ГЭ инв. 1684/218.

⁶² Музеи Московского Кремля. Оружейная палата, сектор тканей, Опись 10.

⁶³ Один чехол [Матехина, 2016. – Рис. 2 – 1] имеет более раннюю стратиграфическую дату втор. – посл. трети XIII в.

⁶⁴ Голенище сапога Новгород-1982 Нутный р-п мост. 4/5 яр. 9-143 [№733] – НГМ КП 33577/А 97-222, 223 (1404–1425 гг.).

⁶⁵ Усадьба 2, постройка 31, второй ярус, 1631–1636/1637 гг.

⁶⁶ Саяно-Алтай, Тыва, Чаа-Хольский кожуун, могильник Аймырлыг–VIII, сооружение 10. Раскопки А. М. Манделъштама, 1970. ГЭ нив. 2940/8.

⁶⁷ РЭМ 623-58/1, 2; 626-90 а, b; -91.

На упомянутой сумке (рис. 9 – 2) стилизованный тисненый орнамент предварительно был выложен с изнаночной стороны наклеенной (?) узкой кожаной полоской, которая сохранилась внутри двухслойной стенки. В Новгороде несколько деталей сумок с подобным декором найдены в слоях XIII–XIV вв.

Простейшие варианты рельефных орнаментов (рис. 9 – 4), вероятно, выполнены тиснением (прочерчиванием) с изнаночной стороны приостренным инструментом, на мягкой подкладке, без дополнительных приспособлений.

С XV в. рельефные линии орнамента отделявали швом («рубчик») (рис. 9 – 3, 5).

На ножнах (рис. 7 – 9) линии узора, напоминающего орнамент на футляре (рис. 7 – 4), имеют более темный оттенок, возможно, из-за тонирования или тиснения с нагревом.

Фигурное линейное прочерчивание с лицевой стороны приостренным, не прорезающим кожу, инструментом – сравнительно простой способ отделки, характерен для новгородских изделий из слоев XIV–XV вв. Эта декоративная техника применена отдельно (рис. 7 – 5) для оконтуривания выпуклых тисненых линий (рис. 9 – 6) или дополняет фигурный крой и прорезной декор (рис. 2 – 8, 9; 3 – 12, 13). Прочерченный орнамент на клапане сумки (рис. 7 – 12), возможно, подражает крупным тисненым композициям (7 – 13, 16). Прорезное изделие (рис. 7 – 14) из Новгорода, подобное орнаменту на клапанах больших сумок (рис. 7 – 13, 16), могли бы применять в качестве трафарета для точного проведения линии орнамента или как учебное упражнение.

Заключение. При раскопках в Великом Новгороде найдены различные средневековые кожаные изделия, параллели которым находятся в предметах восточного происхождения разного времени. Такие находки «восточного облика» встречаются во всей толще новгородского культурного слоя. В хронологическом отношении условно можно выделить три группы находок: из слоев XI – перв. полов. XII в., условно XII–XIII вв. и втор. четв. XIII – XV в. (и далее). Изделия последней группы наиболее разнообразны.

Указанные признаки «восточного облика» представлены в рассмотренных новгородских кожаных изделиях как в «чистом» виде, так и во множестве вариантов на протяжении длительного времени, что может свидетельствовать о местном восприятии, переработке и развитии рассматриваемых традиций.

Качественное изготовление изделий, дополнительная отделка соответствовали большей стоимости вещей. Новгородские кожаные находки дают возможность проследить, как внешние признаки более дорогих материалов (металл, камень, кость, ткань, войлок) и более сложных техник могли передавать в упрощенных и более дешевых вариантах кожаных изделий, также демонстрируют выполнение вариантов «восточного» орнамента в разных техниках.

Несомненно, что «восточный облик» в материальной культуре Новгорода заметнее с XIII–XIV вв. Но в целом создается впечатление, что новый культурный импульс, прямо с Востока или опосредованно с Запада, не был особенно чужд Новгороду и этот северный древнерусский город был готов к его восприятию и переработке.

Предварительные результаты выявления предметов «восточного» облика в Новгороде XI–XV вв. показывают объемность и сложность этой темы. По этой причине в данной статье не рассмотрены другие категории и группы находок из кожи, также связанные с данной темой, в частности: поясные ремни, конская упряжь и снаряжение всадников (седла, плети), снаряжение для охоты с ловчими птицами, рукавицы, мячи, ножны, поршневидная обувь, металлические и костяные накладные детали кожаных изделий, плетеные изделия, застежки.

В дальнейшем необходимо уточнить стратиграфические даты новгородских находок (в частности, выявить места возможных перекопов). Для решения вопроса о происхождении и месте изготовления новгородских предметов «восточного облика» (восточное, местное/древнерусское, западное), требуется исследовать их связь с сопутствующими археологическими комплексами. Особенно важно рассмотреть следы изготовления кожаных изделий (черновые материалы, обрезки от раскроя, заготовки деталей). Продуктивно дальнейшее сопоставление новгородских находок и этнографических материалов.

Данное исследование, принимая во внимание разницу в культурно-исторических изменениях, помогает, с одной стороны, лучше понять новгородские находки, с другой стороны, показать развитие материальной культуры, в том числе восточной, в самом широком смысле, восполняя и реконструируя «хронологические разрывы».

Список литературы и источников

- Матехина Т. С.* Кожаные изделия средневекового Новгорода. Чехлы, футляры, сумки. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2009. – 204 с. – РГБ ОД, 61 10-7/28.
- Осипов Д. О.* Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. (комплексное исследование). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2012. – 260 с. – РГБ ОД, 71 13-7/6.
- Ситникова И. В.* Обработка кожи в древнем Новгороде (По материалам Нутного раскопа). Дипломная работа. – М., 1981. – МГУ. Библиотека кафедры археологии исторического факультета.
- Антипина К. И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962. – 288 с.: цв. ил., карты.
- Антонович В. Б.* Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. // V Археологический съезд в Тифлисе. Труды Предварительных комитетов. – Т. I. – М., 1882. – С. 217–270. Табл. III–IV.
- Архипов Г. А.* Марийцы IX–XI вв.: К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Марийское гос. изд-во, 1973. – 196 с., 1 л. ил.: ил.
- Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода // МИА. – М., 1956. – №55. Труды НАЭ. –Т. 1. – Рис. 21: 3.
- Афоньков Н. Н.* Стрелковый пояс и кошель золотоордынского времени из курганного могильника у с. Усть-Курдюм // Археологическое наследие Саратовского края. – Саратов: Научная книга, 2012. – Вып. 10. – С. 158–163.
- Бусова В. С.* Технологический анализ изделий из кожи скифского времени из могильника Холаш // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. – 2013. – Т. III. – С. 1262–1269.
- Валиев Р. Р.* Кожевенное дело ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // РА. – М., 2009. – № 1. – С. 112–124.
- Варфоломеева [Матехина] Т. С.* Кожаные ножны из раскопок в Новгороде // НиНЗ ИА. – Новгород, 1993. – Вып. 7. – С. 162–169.
- Варфоломеева Т. С.* Кожаные футляры в виде коробочек // НиНЗ ИА. – Новгород, 1995. – Вып. 9. – С. 192–202.
- Велюс Г.* Могильник XIII–XIV вв. в Кернаве (Кривейкишкис): этническая принадлежность погребенных // Археология Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. – Вильнюс, 2013. – Т. 2. – С. 59–79.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.
- Времени вопреки. Реставрация в Новгородском музее. 2000–2015. Каталог выставки / Ред. Васильева И. М., Никулина Л. М. – СПб.: ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг», 2015. – 192 с.
- Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1981. – 207 с.: ил.
- Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. – М.: Эвтектика, 1992. – 197 с.
- Горелик М. В.* Ближневосточная миниатюра XII–XIII вв. как этнографический источник (опыт изучения мужского костюма) // СЭ. – 1972. – № 2. – С. 43–52.
- Горелик М. В.* Комплекс скифского мужского костюма и его место в комплексе костюма иранских народов VI–IV вв. до н. э. // Базы данных по истории Европы в средние века. – М.; ИВ РАН, 1997. – Вып. 3. – С. 11–28.
- Горелик М. В.* Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов // КСИА / гл. ред. Макаров Н. А. – М.: Наука, 2008. – Вып. 222. – С. 117–125.
- Давидан О. И.* Материальная культура первых поселенцев древней Ладogi (из коллекций Государственного Эрмитажа). – СПб., 1995. – Вып. 9. – С. 156–167.
- Доде З. В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа: Очерки истории. – М.: «Вост. лит.» РАН, 2001. – 124, [2] с. [24] л. цв. ил.: ил.
- Дубровин Г. Е.* Никитинский раскоп в Новгороде. – М.: Памятники исторической мысли, 2010. – 335, [1] с.
- Дьяконова Н. В.* К истории одежды в Восточном Туркестане II–VII вв. // СНВ. – М.: Наука. Гл. ред. вост. Лит., 1980. – Вып. XXII. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. – Кн. 2. – С. 174–195.
- Ефимов К. Ю.* Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. – 1999. – № 3-4. – С. 93–108.
- Зубкова Е. С.* Изделия из кожи // Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / отв. ред.-сост. М. А. Родионова. – СПб., 2017. – С. 163–169: ил.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург, 1994.

Иерусалимская А. А. Кавказ на Шелковом пути: кат. врем. выставки. – СПб.: ГЭ, 1992. – 70 с.: ил.

Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого / С. А. Изюмова // МИА. – М., 1959. – № 65: Труды НАЭ. – Т. II. – С. 199–222.

Казаков Е. П. О некоторых группах деталей поясного набора Волжских болгар IX – XI вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). – Самара, 2001. – Т. 2 – С. 170–179.

Каримова Р. Р. Элементы убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) // Археология евразийских степей. – Казань: Инст. истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – Вып. 16. – 212 с. + 8 с. цв. вкл.

Ковальска А. Б. Средневековое производство обуви в регионе Балтийского моря в IX–XV вв. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 5 (43). – С. 44–50.

Козлова А. В. Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде // НиНЗ ИА / ред. В. Л. Янин, сост. А. С. Хорошев. – Великий Новгород, 2004. – Вып. 18. – С. 188–207.

Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. – М.: Наука, 1981. – 168 с.: ил.

Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. – М., Наука, 1982. – С. 178–238.

Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямищиков С. В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. – М.: Искусство, 1985. – 169 с.

Кубанкин Д. А., Масловский А. Н. Предметы импорта с Увекского городища (Случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения) // Поволжская археология. – Казань: изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. – №4 (6). – С. 130–154.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 399 с.

Кубарев Г. В., Кубарев В. Д. Поясные сумочки в costume древних тюрок Алтая // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. – СПб.: изд-во МАЭ, 2009. – Кн. 1. – С. 155–161.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – № 106. – 134 с.

Кузнецов В. А. Алано-осетинские этюды. – Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского института гуманитарных исследований, 1993. – 181 с.

Курбатов А. В. Культурные влияния Востока в кожевенном производстве средневековой Руси // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). – Самара, 2001. – Т. 2 – С. 197–210.

Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.) / Труды ИИМК РАН. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. Т. X (Archaeologica Petropolitana. XVI) – 312 с.

Курбатов А. В. Серийные кожаные изделия неопределенного назначения // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: материалы тематической научной конференции. – СПб., 2008. – С. 260–268.

Курбатов А. В. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кожи средневековой Руси // Stratum plus. Культурная антропология и археология. Ремесло археолога. – СПб.; Кишинёв; Одесса; Бухарест: Stratum plus, 2010. – № 5. – С. 169–218.

Курбатов А. В. Влияние культур среднего Поволжья (Булгария и Золотая Орда) на кожевенное дело средневековой Руси // Труды КАЭЭ ПГГПУ. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы. – С. 90–113.

Лавыш К. А. Элементы материальной культуры Золотой Орды в средневековых городах Беларуси // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – С. 85–88.

Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Новые исследования средневековых могильников на Русском Севере // РА. – 1999. – № 4. – С. 163–179.

Максимова А. Г. Погребение воина XIV века // Вестник АН КазССР. – Алма-Ата, 1965. – № 5. – С. 85–91.

- Матехина [Варфоломеева] Т. С.* Археологические находки из «необычной» кожи // НиНЗ ИА. – Великий Новгород: НГМ, 2008. – Вып. 22. – С. 184–203.
- Матехина Т. С.* Кожаные чехлы для ложек из древнерусских городов // НиНЗ ИА. – Великий Новгород: НГМ, 2016. – Вып. 30. – С. 213–225,
- Матехина Т. С.* Орнаментированные кожаные изделия с фигурным швом из раскопок в Новгороде (к вопросу о кожаной мозаике в средневековье) // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Е. А. Рыбиной. – М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. – С. 135–140.
- Матехина Т. С.* Средневековые кожаные привески и накладки трапециевидной и пятиугольной формы // НиНЗ ИА. – Великий Новгород, 2019. – Вып. 32. – С. 196–208.
- Мир кочевников. Из археологических коллекций Государственного Эрмитажа. Каталог выставки (в выставочном центре «Эрмитаж – Выборг») / Пиотровский М. Б. (общ. научн. ред.) – СПб.: Славия, 2013. – 132 с.
- Могильников В. А.* Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. С. А. Плетнева. – М.: Институт археологии АН СССР, «Наука», 1981. – С. 194–200.
- Недашковский Л. Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: Вост. лит., 2000. – 222, [2] с.: ил.
- Никитина Т. Б.* Поясные кошельки/сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. – Казань: «Фэн» АН РТ, 2013. – № 2 (4). – С. 151–161.
- Овчинникова Б. Б.* Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв.: Свод археологического источника // Новгородская Русь. – Екатеринбург, 2000. – С. 45–105.
- Осипов Д. О.* Сапог зеленой шагрени // Родина. – М., 2011. – №5. – С. 134–136.
- Осипов Д. О.* Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). – М.: Актеон, 2014. – 269 с.
- Осипов Д. О.* Составные подошвы из раскопок в Великом Новгороде // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Е. А. Рыбиной. – М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. – С. 151–155.
- Осиян А. Л.* Миграция, адаптация и интеграция кочевников в оседлом обществе: сравнительный анализ перехода половцев к оседлому образу жизни в Галицкой Руси и Венгерском королевстве в XIII–XV вв. // Тюркские племена и государства Евразии в древности и в средние века. – Казань: Ихлас; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. – Вып. 2. Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...). – С. 122–174.
- Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // АСГЭ. – Л.: Сов. художник, 1965. – Вып. 7. – С. 42–59.
- Петров М. И.* Славенский конец средневекового Новгорода: археологические исследования на раскопе Нутный-IV в 2011 г. // НиНЗ ИА / отв. ред. В. Л. Янин. – Великий Новгород, 2012. – Вып. 26. – С. 22–28.
- Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в Южнорусских степях // МИА. – М.; Л., 1958. – Вып. 62: Труды Волго-Донской археологической экспедиции. – Т. I. – С. 151–226.
- Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ. – М., 1974. – Вып. Е4-2. – 200 с.
- Романенко Е. В.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 329[7] с.
- Руденко К. А.* Редкие находки эпохи Хазарского каганата (заметки о хазарско-венгерском искусстве) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: изд-во АлтГУ, 2016. – С. 63–82.
- Руденко С. И.* Второй Пазырыкский курган. Результаты работ экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 64 с.: XXIX табл.
- Руденко С. И.* Горноалтайские находки и скифы // Итоги и проблемы современной науки. – М.; Л., 1952. – 268 с.
- Рунич А. П.* Скальные захоронения в окрестностях Кисловодска // СА. – 1971. – №2. – С. 167–178.
- Рыбина Е. А.* К атрибуции некоторых археологических находок из Новгорода // НиНЗ ИА. – Новгород, 1993. – Вып. 7. – С. 153–161.
- Савенко С. Н.* Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н. э. // Археология евразийских степей. – Пятигорск; Казань, 2017. – Вып. 24.
- Савков И. В.* Курганы с Черемушки // Сборник научных студенческих работ. – Вып. 11. История. – 1940. – С. 59–84.

- Саттарова Л. И.* «Татарский шов» в османском кожевенном производстве // Традиции художественной обработки кожи в тюркоязычных странах: материалы научного симпозиума. – Елабуга, 2012. – С. 42–51.
- Саттарова Л. И.* Казанская узорная кожа. – М.: Культура и традиции, 2004. – 160 с.
- Синицин И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // МИА. – М., 1959. – № 60: Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). – Т. 1. – С. 39–205.
- Сокровища Приобья: Западная Сибирь на торговых путях средневековья: каталог выставки. – Салехард; СПб., 2003. – 96 с.
- Студенецкая Е. Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
- Тишкин А. А.* Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). – Барнаул: Азбука, 2009. – 208 с.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В., Казаков А. А.* Курганный могильник Телеутский Взвоз-1 и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул, 2002. – 276 с.
- Торопова Е. В., Самойлов К. Г., Торопов С. Е., Колосницын П. П., Колосницына Е. Е., Карпова Т. В., Ложкина А. Ю., Сябров В. Ю., Юсифова А. А.* Работы Старорусской археологической экспедиции Новгородского университета в 2017 г. // НиНЗ ИА. – Великий Новгород, 2019. – Вып. 32. – С. 90–100.
- Тыва – в беге Времени. Каталог выставки. – М.: Музей декоративно-прикладного искусства, 2014. – 96 с.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – 276 с.
- Хлебникова Т. А.* Кожевенное дело // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности / отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов – М.: Наука, 1988. – С. 244–271.
- Хованская О. С.* Новые данные о городе Болгаре // КСИИМК. – М., 1951. – Вып. XXXVIII. – С. 120–127.
- Якунина Л. И.* Новгородская обувь XIII–XIV веков // КСИИМК. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – Вып. 17. – С. 38–48.
- Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). – (Т. XI). – М.: Русские словари, 2004. – 288 с.
- Яценко С. А.* Костюм племен пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // Вестник древней истории. – 1999. – № 3. – С. 145–170.
- Grünwedel A.* Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. Herausgegeben mit Unterstützung des Baessler-Instituts in Berlin. – Berlin: G. Reimer, 1912. – 372 s.; 5 fig.
- Swann J.* History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. – Stockholm: Royal Academy of Letters, History, and Antiquities, 2001. – 357 p.
- Cameron E.* 2000
- Ierusalimskaja A. A., Borkopp B.* Von China nach Byzanz. Frühmittelalterliche Seiden aus der Staatlichen Ermitage. – Sankt Petersburg: Staatl. Ermitage, München, 1996. – 108 s.
- Groenman-van Waateringe W.* Die Lederfunde von Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. – Bd. 21. – Neumünster, 1984. – 290 p., 109 ill.
- Harjula J.* Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period // Archaeologia Medii Aevi Finlandiae. Saarijärvi. № XV. – Turku: Suomen keskiajan archeologian seura, 2008. – 224 P.
- Norska-Gulkowa M.* Wczesnośredniowieczne hafty na wyrobach skórzanych z Ostrówka w Opolu z X–XIII w. // Wiadomości Archeologiczne. – T. XXX. – Zesz. 1/2. Rosprawy. – Warszawa, 1964. – С. 1–17.
- Swann J.* History of footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. – Stockholm: Royal Academy of Letters, History, and Antiquities, 2001. – 357 p.
- Törbat C., Batsüch D., Batbajar T.* Das Felsgrab aus Čonot Uul, Bulgan sum, Chovd ajmag // Steppenkrieger: Reiternomaden des 7–14 Jahrhunderts aus der Mongolei (Hrsg. J. Bemmman). – Darmstadt: Primus Verlag, 2012. – S. 267–283.
- Vėlius G.* Kernavės-Kriveikiškiu 13–14 A. Kapinynas Ir Rytu Lietuvos Senkapiai. The 13th-14th Century Cemetery of Kernavė-Kriveikiškiai and Ancient Lithuanian Cemeteries // Baltų archeologija. – Vilnius, 1997. – № 1.
- Özdemir M.* Türk kültüründe dericilik sanatı // Художественная обработка кожи у тюркских народов / Ред. Л. Саттарова. – Анкара, 2012. – С. 6–27.

Приложение

Пояснение к таблице. Н – Новгород; Обозначения раскопов: Дм – Дмитриевский, Дуб – Дубошин, Ил – Ильинский, Кр – Кремль, Нерев – Неревский, Никит – Никитинский, Нут – Нутный, Слав – Славенский, Тих – Тихвинский, Тр – Троицкий, Яросл. Дв. – Ярославово Дворище; Старая Русса: БГ – Борисоглебский.

Рис.	№	Название	Новгород, год	Раскоп пл.-кв. № пол./инв.	Ус.	Яр. или стр. гор.	Дата	Музейный шифр	Публикации
7	9	Ножны для ножа	1976	Дм 14-55 № 187			2-я пол. XIV в.	НГОМЗ КП26519/A44-146	
8	4	Сумочка	1978	Дуб 20-13 № 22		6–7	1319–1361	НГОМЗ КП28081/A58-608	
8	3	Сумочка стенками	1978	Дуб 24-14 № 42		9	1275–1290	НГОМЗ КП28081/A58-613	
8	1	Сумка	1978	Дуб 25-39 № 83		9–10	1256–1290	НГОМЗ КП28081/A58-610	
4	12	Головок обувных фр.	1978	Дуб 26-10 № 84		10	1256–1275	НГОМЗ КП28081/A58-625	
9	2	Сумки фр.	1963	Ил I 16-16 № 32/1710		11–12 ст	90-е гг. XIII в. – 1340	НГОМЗ КП18203/A99-450	
7	8	Крой фигурный	1965	Ил V-B 20-274 № 392		10–11 яр = 8–9 ст	10-е – сер. 60-х гг. XIII в.	НГОМЗ КП18203/A99-1965	
4	14	Голенище сапога	1966	Ил V 20-297 № 6		10–11 яр = 8–9 ст	10-е – сер. 60-х гг. XIII в.	НГОМЗ КП17788/A98-5	
4	1	Сумки фр.	1967	Ил IV 30-246 № 45		доярусный	2-я треть XI в.	НГОМЗ КП17788/A98-44	
4	5	Мяч	1952	Нерев III яр.14 18-280	Б	14	1238–1268	ГИМ оп. 1965-2464, инв. № 3009	Арциховский, 1956. – Рис. 21 – 3
7	13	Сумки клапан	1952	Нерев X яр.7 14-730 № 10968	ул. Великая	7	1382–1396	НГОМЗ КП11784/A46-510	
9	3	Деталь орнаментированная	1953/1954	Нерев VII 5-508	Е	6	1396–1409		Изюмова, 1959. – Рис. 12 – 2.
9	8	Чехол для топора	1953/1954	Нерев XI яр.4 13-826	Г	4	1422–1429	НГОМЗ КП25293/A7-33	Изюмова, 1959. – Рис. 10 – 1; с. 218.
9	12	Привеска (?)	1954/1955	Нерев XII 16-916	Б	14	1238–1268	НГОМЗ КП25293/A7-57	
7	15	Сумки клапан	1954	Нерев XIII яр.4 5-937 № 8979		4	1422–1429	НГОМЗ КП11784/A46-509	
2	13	Сумка с крышкой	1955	Нерев XIII 13-952 № 76	Б	11/12	1281–1313		
9	1	Обрезок орнаментированный	1955	Нерев XIV 23-1102 № 15	Е1	19/20	1116–1161	НГОМЗ КП25293/A7-66	
4	10	Деталь фигурная	1956	Нерев XVII 17-1251	К	12/13	1268–1299	ГИМ оп. 1965 №395 инв.№100497	
3	13	Ножны	1955	Нерев XVIII 4-1294 № 26	Е	1–3	1422–1429		
2	12	Сумки стенка (?)	1957	Нерев XX 15-1422 № 3041	Е/Е1	8	1369–1382		
8	6	Сумочка	1957	Нерев XX 18-1413	Е	10/11	1299–1340		
2	5	Сумка	1957	Нерев XXIV 10-1639 № 3059	И/И2	7–8	1369–1396	НГОМЗ КП25293/A7-9	Колчин, Янин, Ямщиков. 1985. – Илл. 283
7	14	Крой фигурный	1957	Нерев XXIV 3-1649 № 3033	И2	0–3	1429–...	НГОМЗ КП25293/A7-11	
7	1	Футляр для гребня	1959	Нерев XXVIII 13-1807	И/И2	11/12	1281–1313	НГОМЗ КП25293/A7-51	

Рис.	№	Название	Новгород, год	Раскоп пл.-кв. № пол./инв.	Ус.	Яр. или стр. гор.	Дата	Музейный шифр	Публикации
4	9	Голенище сапога (перед)	1959	Нерев XXVIII 12-1796 № 2144	И	10/11	1299–1340	НГОМЗ КП25293/ А7-27	
9	10	Привеска	1959	Нерев XXX 10-1921 № 2037	И1	9/10	1313–1369		
2	6	Сумка	1959	Нерев XXIX 9-1902 № 9	И1	8/9	1340–1382	НГОМЗ КП 25293/ А7-49	
2	11	Сумки стенка (?)	1961	Нерев XXXI 16-2071	Д2	10	1313–1340		
2	10	Сумка		Нерев б/п					
6	6	Ножны для ножа (кожа хвоста бобра)		Нерев б/п			[2-я пол. XII – XIII в.]	НГОМЗ КП17654-4 Госкаталог №5061914	Матехина, 2008. – Рис. 2 – 3
7	11	Рукавица	2002	Никит 18-5 №11	Б	2/перекоп	50-е гг. XV в.	НГОМЗ НВ23293/ Пр.кА199-636	Дубровин, 2010. – Рис. 71 – 1
3	12	Ножны для ножа	2002	Никит 19-45 №49	А	2	50-е гг. XV в.	НГОМЗ КП43678/ А199-520	Дубровин, 2010. – Рис. 64а – 3
9	5	Фр. орнаментированный	2002	Никит 19-38 №50	А	2/3	2-я пол. 20-х – 50-е гг. XV в.	НГОМЗ НВ23293/ Пр.кА199-209	
8	7	Сумка	2002	Никит 21-161 №122 (постр. Н-58)	В	Б1	30-е гг. (1-я пол.) XV в.	НГОМЗ НВ23293/ Пр.кА199-635	
7	2	Футляр для гребня	1979	Нутн I 11-19 №23/694	Б	6/7	1377–1404	НГОМЗ КП30860/ А69-408	
7	5	Ножны для ножа	1979	Нутн I 13-47 №79	Б	8/9	1356–1377	НГОМЗ КП30860/ А69-406	
7	4	Футляр для гребня	1979	Нутн I 13-14 №37	Б/А	8/9	1356–1377	НГОМЗ КП30860/ А69-409	Колчин, Янин, Ямицков. 1985. – Илл. 285
2	8	Привеска	1979	Нутн I яр. 9/6 пл.12-14 зап. транш. №675	Б/А	7/10	1345–1390	НГОМЗ КП30860/ А69-353	
7	7	Фр. рукавицы	1982	Нутн II 9-109 №2 (?)	В	4/5	1404–1425	НГОМЗ НВ19990/ Пр.кА97-408	
9	4	Фрагмент сумки (клапан)	1982	Нутн II 11-91 №62 (ср.9)	В	5/6	1390–1420	НГОМЗ КП33577/ А97-283	Гайдуков, 1992. – Рис. 92.
2	9	Привеска	1982	Нутн II яр.6 11-103 №57	улица	6	1390–1404	НГОМЗ КП33577/ А97-234	Гайдуков, 1992. – Рис. 94 – 2.
3	2	Фигурная накладка на задник	2006	Посол III 33-9 №27			1130–1160-е	НГОМЗ КП46982/ А225-226	Осипов, 2012. – С. 80. Рис. Посол. 2006 – 3
2	4	Чехол для ложки	1972	Слав 16-21 №1045, 1097	В		80-е гг. XIV в. – ...	НГОМЗ КП 25060/ А19-501,726	Колчин, Рыбина, 1982. – С. 217; рис. 30 – 4; Матехина, 2016. – Рис. 1 – 5
7	16	Сумки клапан	1972	Слав 17-78 №23/ инв.1080	С	8 сг	40–80-е гг. XIV в.	НГОМЗ КП25060/ А22-230	
1	2	Голенища с петлей фр.	1972	Слав 20-42 №1069	В	8 сг	40–80-е гг. XIV в.	НГОМЗ КП25060/ А19-485	
7	3	Задник сапога	1972	Слав 24-26 №1101	А	5 сг	1299–1311	НГОМЗ КП25060/ А19-546	
1	4	Головка	1972	Слав 28-36 №10	А	3 сг	сер. XIII в.	НГОМЗ КП25060/ А19-484	
9	14	Крой фигурный	1969	Тихв 16-76 №38/536			40-е – 70-е гг. XIII в.	НГОМЗ КП25291/ А3-514	
3	11	Сапога нижняя часть	1974	Тр II 8-110 №29/591	А			НГОМЗ КП25968/ А38-315	Осипов, 2012. – Илл. 62

Рис.	№	Название	Новгород, год	Раскоп пл.-кв. № пол./инв.	Ус.	Яр. или стр. гор.	Дата	Музейный шифр	Публикации
6	1	Ножны для ножа	1975	Тр II 15-107 №812	А		Кон. XII в.	НГОМЗ КП26517/А42-394	Колчин, Янин, Ямицков. 1985. – Илл. 288
4	8	Головка	1975	Тр III вост. тр. №828 (?)	(у Д)		2-я треть XIII (?) в.	НГОМЗ КП26517/А42-403	
1	1	Туфля	1975	Тр III [№852/10]			(60-е гг. XI – 10-е гг. XII в.)	НГОМЗ КП26517/А42-390	Осипов, 2012. – С. 88; рис. Тр. II. Илл. 3 – 3
6	3	Ножны для ножа	1977	Тр IV 13-199 №32	А		XII – нач. XIII в.	НГОМЗ КП28080/А57-623	Матехина, 2008. – Рис. 1 – 2
9	11	Привеска (?)	1977	Тр IV 18-253 №82	А	19–20 Черн., 22 Проб.	1065–1115	НГОМЗ КП28080/А57-612	
4	13	Сапога головка	1979	Тр V 6-358		Черницына ул. (Е/Г)	2-я четв. XIII в. или XIV в.	НГОМЗ КП30975/А70-371	Колчин, Янин, Ямицков. 1985. – Илл. 291
3	10	Головка обуви жесткой конструкции	1979	Тр V 7-346 №672/4		Г (у Черниц. ул.)	2-я треть XIII в. (?)	НГОМЗ КП30975/А70-376	
3	7	Верха обуви фр. Со следами фигурной накладки на задник	1982	Тр VI 17-422 №3	А			НГОМЗ НВ19985/Пр.кА96-539	
9	9	Привеска (?)	1983	Тр VI 21-428 №9/280 (?)	А	25–26 Черн., 25–27 Проб.	60-е гг. X – 60-е гг. XI в.	НГОМЗКП33996/А100-580	
4	7	Головка	1983	Тр VI 23-328 №10	Г		2-я треть XI в.	НГОМЗ НВ20309/Пр.кА100-301	
1	3	Голенища с петлей фр.	1983	Тр VII 1-491 №804/[5]	3		посл. четв. XIV в.	НГОМЗ КП33996/А100-583	Осипов, 2012. – С. 100; илл. Тр. VII. 15 – 2.
3	4	Накладка на задник	1984	Тр VII 7-504 №10	3	9–11	XII в.	НГОМЗ КП34499-505	
9	6	Сумка	1984	Тр VIII 3-765 №6/651	3	6/7	руб. XIII–XIV вв. – рубеж 50–60-х гг. XIV в.	НГОМЗ КП34499-1016	
4	11	Голенища (?) фр.	1984	Тр VIII 4-646 №76 и 4-763 №36	И, 3	7–9 (?)	60-е гг. XIII – 40-е гг. XIV в.	НГОМЗ КП34499-982, 983	
6	2	Ножны для ножа	1985	Тр VIII 5-686 №10	Г	7–10	40-е гг. XIII – 40-е гг. XIV в.	НГОМЗ КП36697/А109-2488	
4	6	Голенища (?) фр.	1987	Тр VIII 14-698 №39	3		Кон. XI – XII в.	НГОМЗ КП36697/А109-3078	
4	3	Сумки фр.	1987	Тр VIII 16-742 №48	3		2-я пол. XI (?) – 1-я четв. XII в.	НГОМЗ КП36697/А109-2401	
2	7	Крой фигурный (апликация)	1988	Тр X +5-1089 №42	П		90-е гг. XIV – нач. 20-х гг. XV в.	НГОМЗ КП37583/А112-651	
7	10	Чехол для ложки	1988	Тр X +5-1189	О		90-е гг. XIV – нач. 20-х гг. XV в.	НГОМЗ КП37583/А112-633	
8	5	Сумочка с астрагалами	1988	Тр IX +2-856 №148	О/М		ок. нач. XIV в.	НГОМЗ КП43203/А189-183	
8	2	Сумочка	1989	Тр IX +1-896 №73	О		70-е гг. XIII в. – 30-е гг. XIV в.	НГОМЗ КП37591-430 Госкаталог №8162612	
1	6	Подошвенная часть обуви	1990	Тр IX 3-878 (кв.902 (?)) №281	К	13	60-е гг. XII – нач. XIII в.	НГОМЗ НВ22554/Пр.кА120-150	Осипов, 2018. – Рис. 5 – 4.

Рис.	№	Название	Новгород, год	Раскоп пл.-кв. № пол./инв.	Ус.	Яр. или стр. гор.	Дата	Музейный шифр	Публикации
9	13	Крышки (?) сумки дет.	1990	Тр IX 4-876 №118	М	13	2-я пол. XII – 1-е десятилетие XIII в.	НГОМЗ КП39226/А120-1140	
1	5	Подошвенная часть обуви	1990	Тр IX 4-927 №145 (ср.№110)	К	13–14	60-е гг. XII – нач. XIII в.	НГОМЗ НВ22554/Пр.кА120-149	Осипов, 2018. – Рис. 5 – 3.
3	8	Фигурная накладка на задник	1990	Тр IX 5-928 №132	К		2-я пол. XII – нач. XIII в.	НГОМЗ КП39226/А120-1165	
3	6	Фигурная накладка на задник	1990	Тр IX 5-929 №144	М/К		2-я пол. XII – нач. XIII в.	НГОМЗ НВ22698/ПркА120-350	
2	2	Верх обуви (деталь)	1991	Тр IX 6-918 №148/[155]	М		2-я пол. XII – нач. XIII в.	НГОМЗ КП38944/А123-624	Осипов, 2012. – С. 104; Тр. IX. Илл. 19 – 1.
2	1	Обрезок (негатив кроя (?))	1991	Тр IX 7-919 №3	М		2-я треть XII – нач. XIII в.	НГОМЗ КП38944/А123-592	
3	5	Обуви носок со следами фигурной аппликации	1992	Тр IX 8-807 №132	О		10–30-е гг. XII в.	НГОМЗ НВ23086/ПркА167-527	
4	4	Верх туфли	1994	Тр IX 20-21 Яр. Черницыной ул. кв 971 №15	(М/Ж)	20–21	2-я пол. XI в.	НГОМЗ НВ23079/ПркА169-351	
7	2	Футляр для гребня	1996	Тр XII 4-1410 №25	Е		кон. XIII – нач. XIV	НГОМЗ НВ23223/Пр.кА178-1380	
3	1	Верх детского полусапога	1998	Тр XII 10-1441 №53	Е		2-я четр. XII – нач. XIII в.	НГОМЗ НВ23251/ПркА190-876, 890	
3	3	Верх туфли (?), следы накладок сзади и спереди	1998	Тр XII 11-1452 №93	Е		2-я четв. XII – нач. XIII в.	НГОМЗ НВ23251/Пр.кА190-42	
3	9	Голенища (?) фр.	1999	Тр XII 18-1544 №111	С (у Е)		1-я пол. XI в.	НГОМЗ НВ22384/Пр.кА194-1373	
4	2	Сумки фр.	2006	Тр XIII 13-1667 №62	У (у Е)		2-я пол. XI – 1-я пол. XII в.	НГОМЗ КП46395/А211-328	
9	7	Сумки фр.	1956	ул. Славная (б. ул. Кирова), яма у д.11, гл.3,5 м				НГОМЗ КП10431	
7	12	Сумки клапан (дет.)	1946 (?)	Яросл. Дв.				НГОМЗ КП7289-254	
2	3	Сумки деталь	1947	Яросл. Дв. 19-81 (?)			XV в.		Изюмова, 1959. – Рис. 12 – 1.
6	4	Фр. ножен для ножа	Ст. Русса-1967	р. II 11-41 №22			XII в.		Матехина, 2008. – Рис. 2 – 2
6	5	Фр. ножен для ножа	Ст. Русса-1999	БГ 19-23 №55			1-я пол. XII в.	НГОМЗ КП41640/А180-207	Матехина, 2008. – Рис. 2 – 2

Сокращения

- АН – Академия наук
 БАН – Библиотека Российской академии наук
 ВДИ – Вестник древней истории
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
 КазССР – Казахская Советская Социалистическая республика
 КАЭЭ ПГППУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного педагогического университета
 КБИАХМЗ – Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого («Кунсткамера»)
 ММК – Музеи Московского Кремля
 МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
 МИА – Материалы и исследования по археологии
 НАЭ – Новгородская археологическая экспедиция
 НГМ, НГОМЗ – Новгородский государственный объединённый музей-заповедник
 НиНЗ ИА – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы конференции
 РА – Российская археология
 РАН – Российская академия наук
 РТ – Республика Татарстан
 РЭМ – Российский этнографический музей
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
 СССР – Союз Советских Социалистических республик
 ТАС – Тверской археологический сборник
 ТГОМ – Тверской государственный объединённый музей

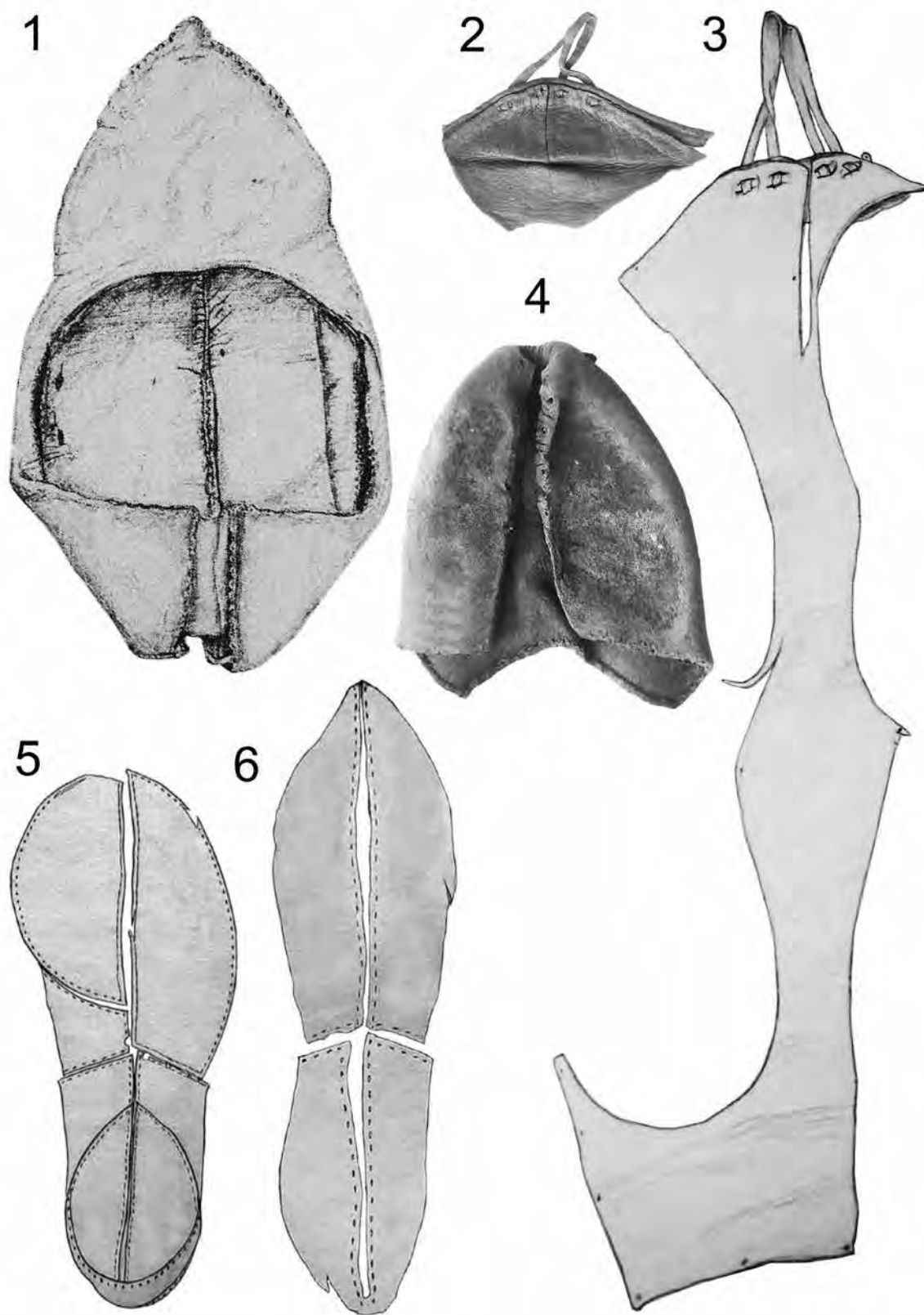

Рис. 1 – 1 – туфля, 2–6 – фрагменты и детали обуви; кожа: 1 – Н-1975 Троцкий р-п НГОМЗ КП26517/А42-390 [Осинов, 2012. – С. 88; рис. Троицкий П. Илл. 3 – 3]; 2 – Н-1972 Славенский р-п НГОМЗ КП25060/А19-485 (фото автора); 3 – Н-1989 Троцкий р-п НГОМЗ КП33996/А100-583; 4 – Н-1972 Славенский р-п НГОМЗ КП25060/А19-484 (фото автора); 5 – Н-1990 Троцкий р-п НГОМЗ НВ22554/Пр.кА120-149 [Осинов, 2018. – Рис. 5 – 3]; 6 – Н-1990 Троцкий р-п НГОМЗ НВ22554/Пр.кА120-150 [Осинов, 2018. – Рис. 5 – 4].

Рис. 2 – 1 – обренок, 2 – обуви деталь, 3, 5, 6, 10, 10–13 – сумки, детали сумок, 4 – чехол для ложки, 7–8 – изделия; кожа (3, 6 – кожа, металл): 1 – Н-1991 Троицкий р-п НГОМЗ КП38944/А123-592; 2 – Н-1991 Троицкий р-п НГОМЗ КП38944/А123-624; 3 – Н-1947 Ярославово Дворище [Изюмова, 1959. – Рис. 12 – 1]; 4 – Н-1972 Славенский р-п НГОМЗ КП 25060/А19-501, 726 (фото автора); 5 – Н-1957 Неревский р-п НГОМЗ КП25293/А7-9 [Колчин, Янин, Ямичиков. 1985. – Илл. 283 (А. Дорофеев)]; 6 – Н-1959 Неревский р-п НГОМЗ КП 25293/А7-49 [Колчин, Янин, Ямичиков. 1985. – Илл. 282 (А. Дорофеев)]; 7 – Н-1988 Троицкий р-п НГОМЗ КП37583/А112-651; 8 – Н-1979 Нутный р-п НГОМЗ КП30860/А69-353; 9 – Н-1982 Нутный р-п НГОМЗ КП33577/А97-234 [Гайдуков, 1992. – Рис. 94 – 2]; 10 – Новгород Неревский р-п; 11 – Н-1961 Неревский р-п; 12 – Н-1957 Неревский р-п; 13 – Н-1955 Неревский р-п

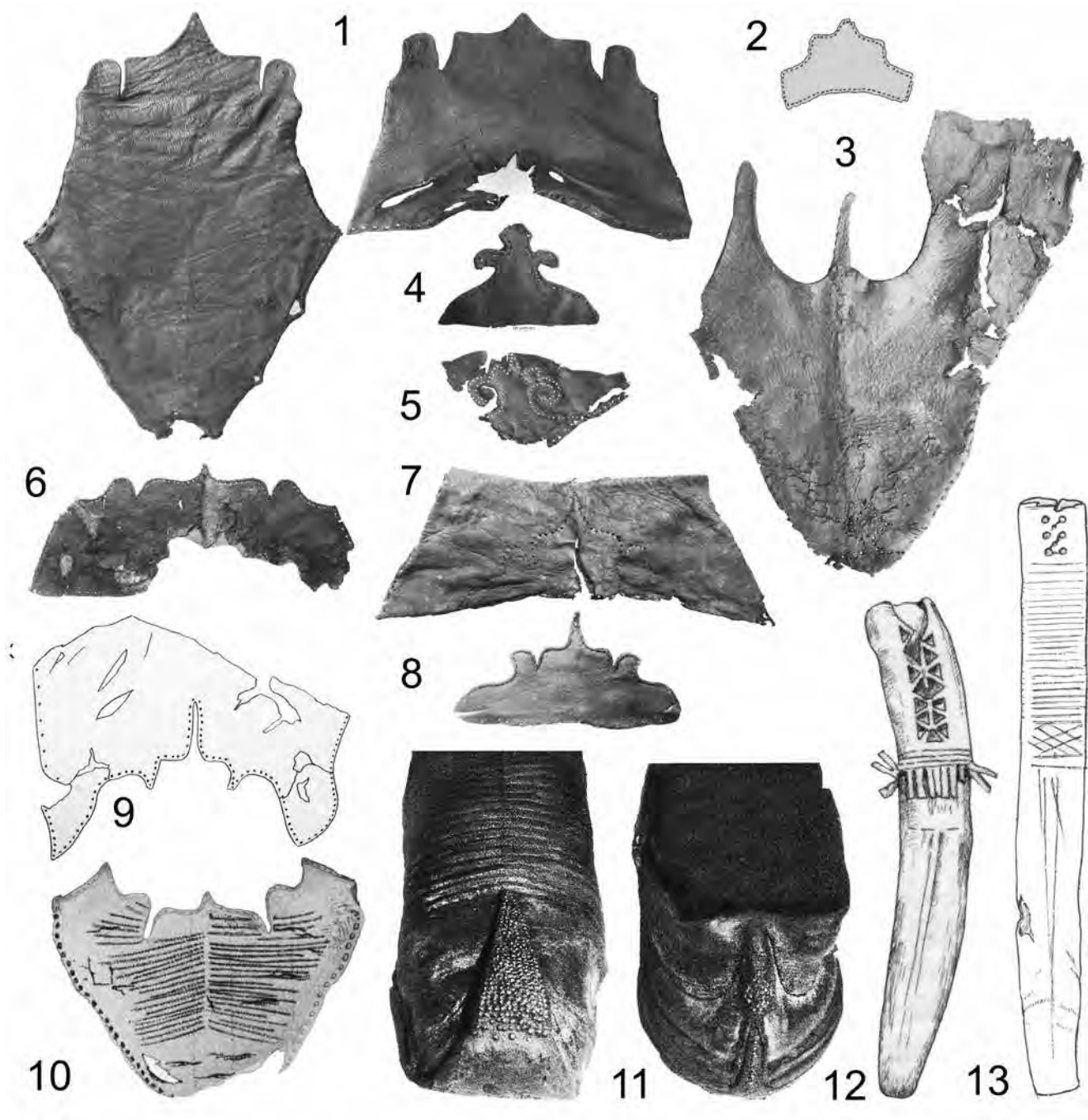

Рис. 3 – 1–11 – детали обуви; 12, 13 – ножны; кожа (3 – 11 – кожа, металл): 1 – Н-1998 Троицкий р-п НГОМЗ НВ23251/ПркА190-876, 890 (фото автора); 2 – Н-2006 Посольский р-п НГОМЗ КП46982/А225-226 [Осинов, 2012. – С. 80. Рис. Посольский 2006 – 3]; 3 – Н-1998 Троицкий р-п НГОМЗ НВ23251/ПркА190-42 (фото автора); 4 – Н-1984 Троицкий р-п НГОМЗ КП34499-505 (фото автора); 5 – Н-1992 Троицкий р-п НГОМЗ НВ23086/ПркА167-527 (фото автора); 6 – Н-1990 Троицкий р-п НГОМЗ НВ22698/ПркА120-350 (фото автора); 7 – Н-1982 Троицкий р-п НГОМЗ НВ19985/ПркА96-539 (фото автора); 8 – Н-1990 Троицкий р-п НГОМЗ КП39226/А120-1165; 9 – Н-1999 Троицкий р-п НГОМЗ НВ22384/ПркА194-1373; 10 – Н-1979 Троицкий р-п НГОМЗ КП30975/А70-376; 11 – Н-1974 Троицкий р-п НГОМЗ КП25968/А38-315 [Осинов, 2012. – Илл. 62]; 12 – Н-2002 Никитинский р-п НГОМЗ КП43678/А199-520 [Дубровин, 2010. – Рис. 64а – 3]; 13 – Н-1955 Неревский р-п

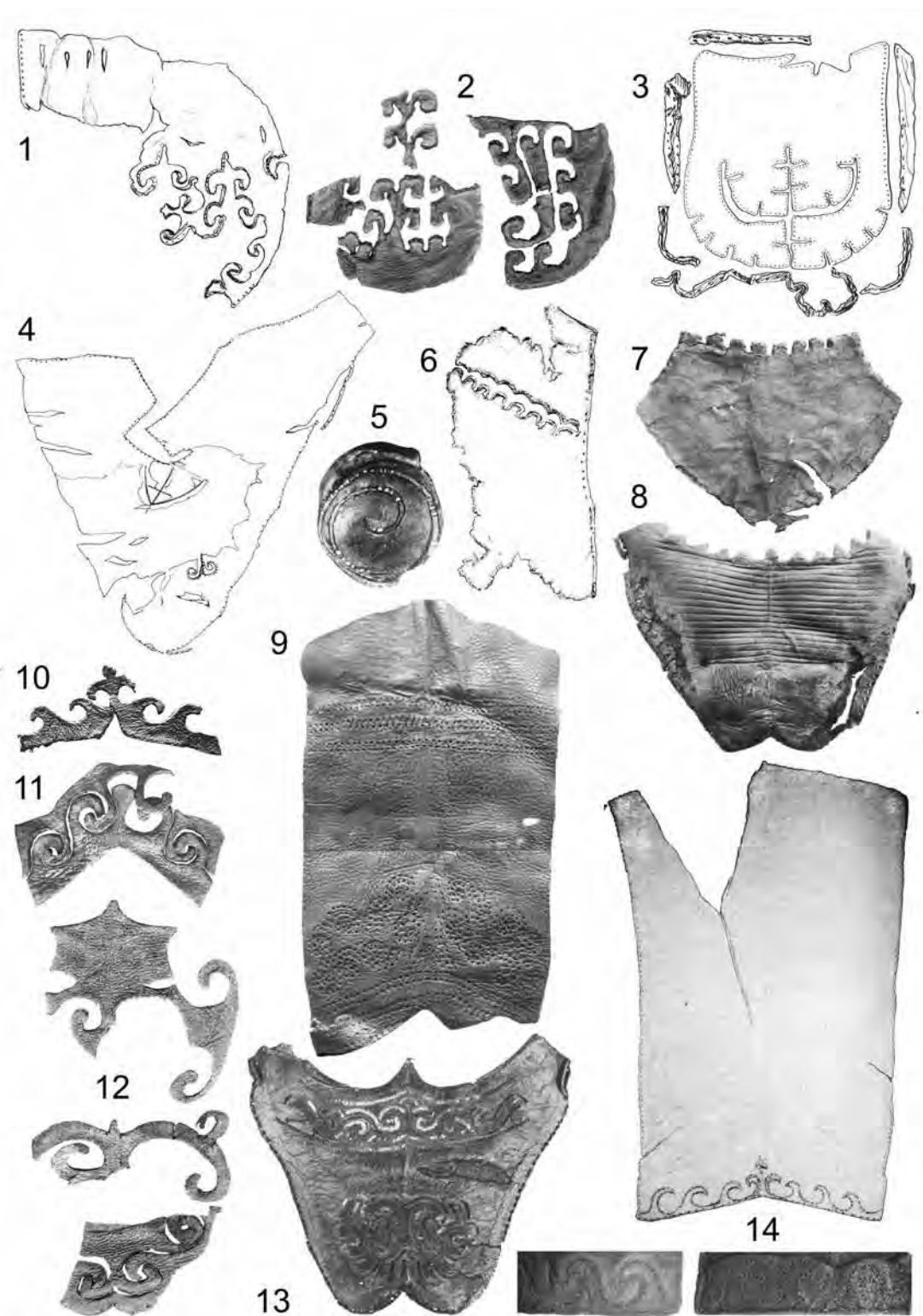

Рис. 4 – 1–3 – фрагменты сумок, 4, 6–14 – фрагменты и детали обуви, 5 – мяч; кожа (5, 14 – кожа, металл): 1 – Н-1967 Ильинский р-п НГОМЗ КП17788/А98-44; 2 – Н-2006 Троицкий р-п НГОМЗ КП46395/А211-328 (фото автора); 3 – Н-1984 Троицкий р-п НГОМЗ КП36697/А109-2401; 4 – Н-1994 Троицкий р-п НГОМЗ НВ23079/ПркА169-351; 5 – Н-1952 Неревский р-п ГИМ оп. 1965-2464, инв. № 3009 [Арциховский, 1956. – Рис. 21 – 3]; 6 – Н-1987 Троицкий р-п НГОМЗ КП36697/А109-3078; 7 – Н-1983 Троицкий р-п НГОМЗ НВ20309/Пр.кА100-301 (фото автора); 8 – Н-1975 Троицкий р-п НГОМЗ КП26517/А42-403 (фото автора); 9 – Н-1959 Неревский р-п НГОМЗ КП25293/А7-27 (фото автора); 10 – Н-1956 Неревский р-п ГИМ оп. 1965 № 395 инв. № 100497; 11 – Н-1984 Троицкий р-п НГОМЗ КП34499-982, 983 (фото автора); 12 – Н-1978 Дубошин р-п НГОМЗ КП28081/А58-625 (фото автора); 13 – Н-1979 Троицкий р-п НГОМЗ КП30975/А70-371 [Колчин, Янин, Ямицков. 1985. – Илл. 291 (А. Дорофеев)]; 14 – Н-1966 Ильинский р-п НГОМЗ КП17788/А98-5 (фото автора)

Рис. 5 – 1, 2, 4–9 – обувь, 3 – игольник; кожа (3, 4, 9 – кожа, металл): 1 – Старая Ладога, 1959 г., Земляное городище [Оятева, 1965. – Рис. I – III]; 2 – Тверь, 1996 г., Кремль [Курбатов, 2010. – Рис. 9 – 5]; 3 – [Велюс, 2013. – Рис. 9 (фото А. Балтенаса)]; 4 – Тверь, 1995 г., Кремль; 5 – Хасаут, сер. 1960-х – нач. 1970-х гг., могильник №7 [Рунич, 1971. – Рис. 6]; 6 – Казань, 1994–2005 гг., Кремль [Валиев, 2009. – С. 112; рис. 6 – 6, 13]; 7 – Стокгольм, Livrustkammaren, LRK 7127 (5787:96) (фото с сайта музея); 8 – ММК Оружейная палата, сектор тканей, оп. 10 [Осипов, 2011. – С. 134]; 9 – НГОМЗ КП7628 и 7629 [Осипов, 2011. – С. 135, 136]

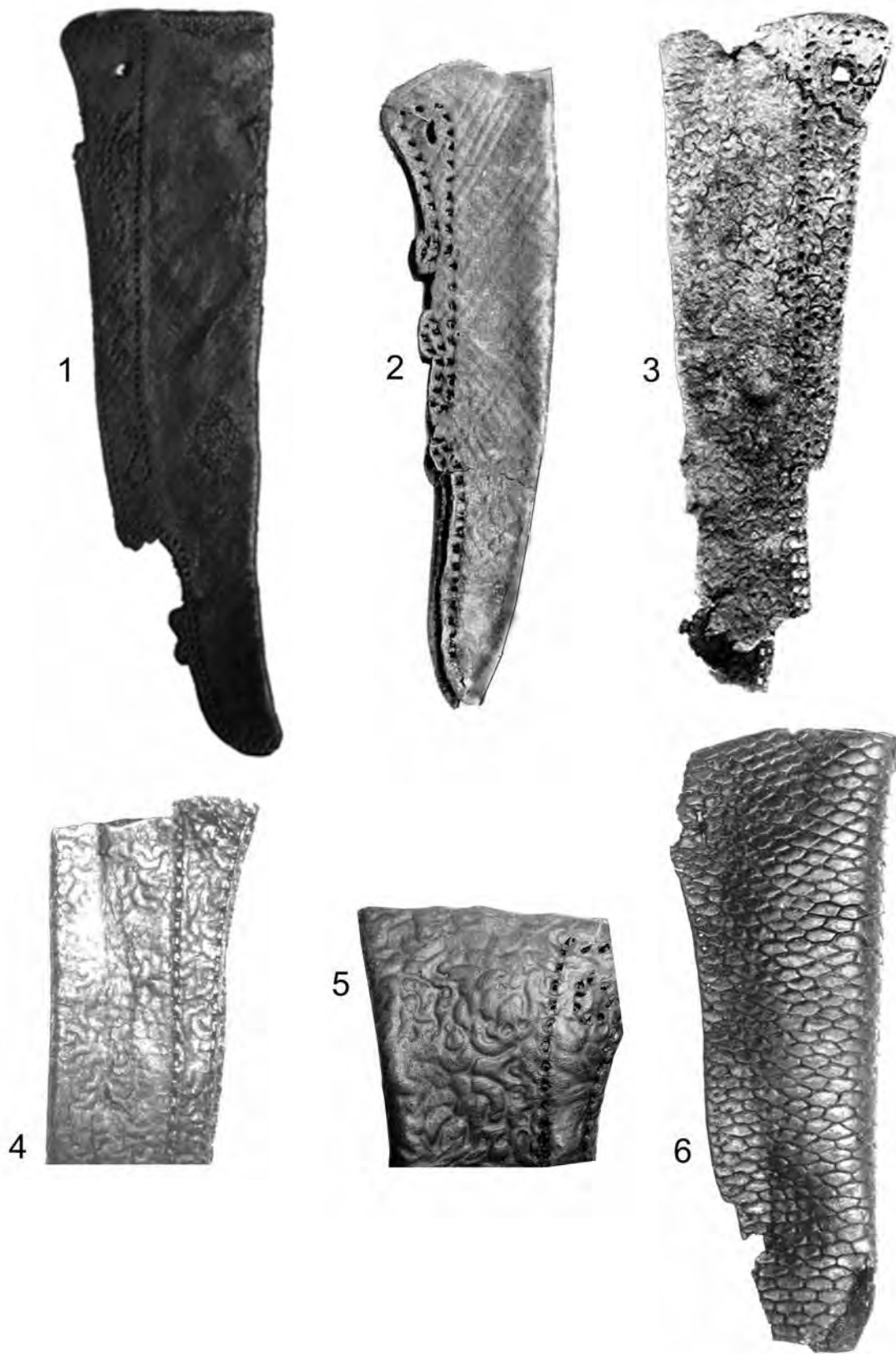

Рис. 6 – ножны; кожа: 1 – Н-1975 Троицкий р-п НГОМЗ КП26517/A42-394 [Колчин, Янин, Ямщиков. 1985. – Илл. 288 (А. Дорофеев)]; 2 – Н-1985 Троицкий р-п НГОМЗ КП36697/A109-2488 (фото автора); 3 – Н-1977 Троицкий р-п НГОМЗ КП28080/A57-623 (фото автора); 4 – Старая Русса-1967 Раскоп II (фото автора); 5 – Старая Русса-1999 Борисоглебский р-п НГОМЗ КП41640/A180-207 (фото автора); 6 – Неревский р-п НГОМЗ КП17654-4 (Е. В. Гордюшенков)

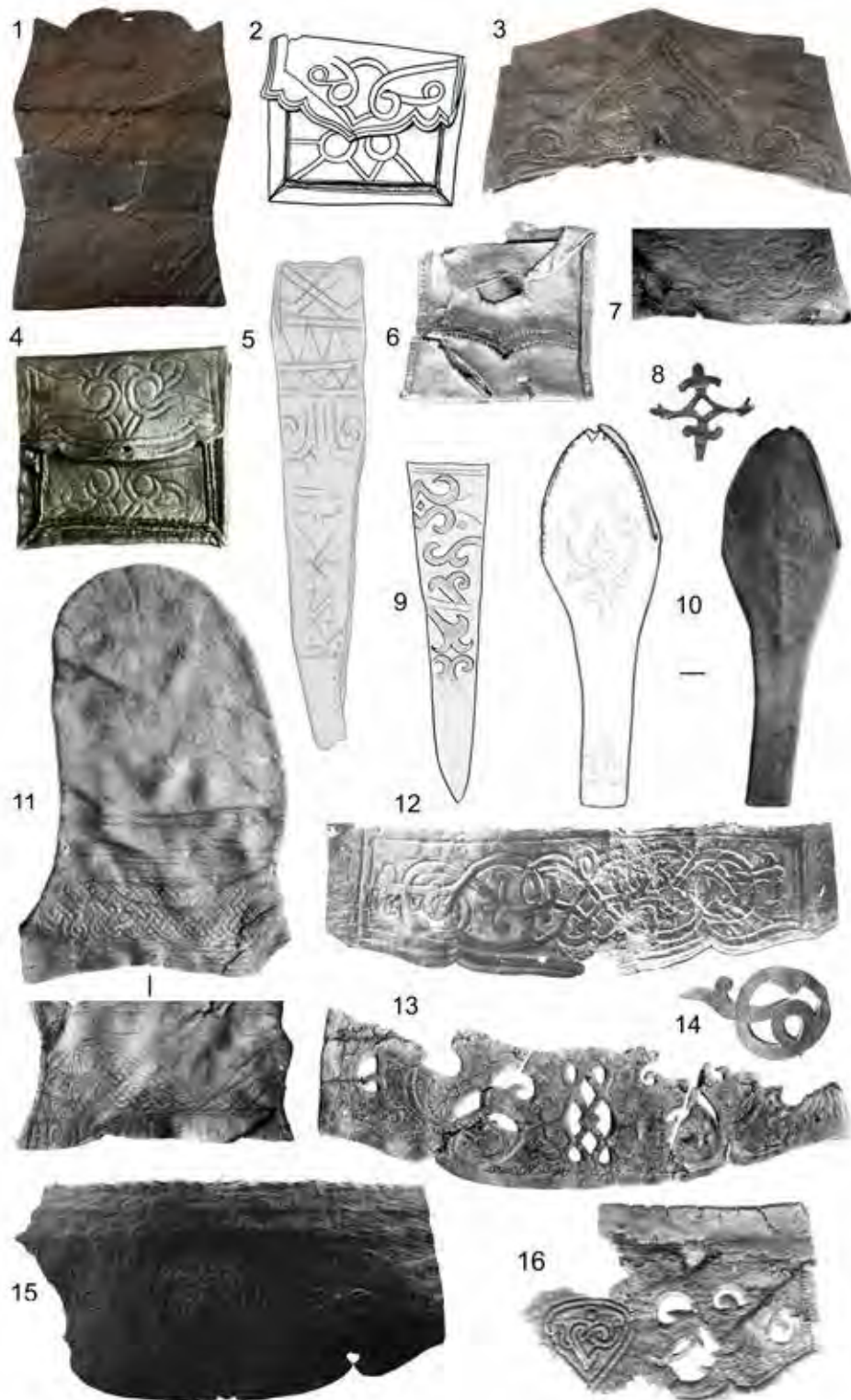

Рис. 7 – 1, 2, 4, 6 – футляры для гребней; 3 – деталь обуви; 5, 9 – ножи; 7, 11 – рукавицы; 10 – чехол для ложки; 12, 13, 15, 16 – детали сумок; 14 – изделие; кожа (3, 6 – кожа, металл): 1 – Н-1959 Неревский р-п НГОМЗ КП25293/А7-51 (Е. В. Гордюшенков); 2 – Н-1979 Нутный р-п НГОМЗ КП30860/А69-408; 3 – Н-1996 Троицкий р-п НГОМЗ НВ23223/Пр.кА178-1380 (фото автора); 4 – Н-1972 Славенский р-п НГОМЗ КП25060/А19-546; 5 – Н-1979 Нутный р-п НГОМЗ КП30860/А69-409 [Колчин, Янин, Ямициков. 1985. – Илл. 285 (А. Дорофеев)]; 6 – Н-1979 Нутный р-п НГОМЗ КП30860/А69-406 (фото автора); 7 – Н-1982 Нутный р-п НГОМЗ НВ19990/Пр.кА97-408 (фото автора); 8 – Новгород Ильинский (?) р-п НГОМЗ КП18203/А99-446 (фото автора); 9 – Н-1976 Дмитриевский р-п НГОМЗ КП26519/А44-146; 10 – Н-1988 Троицкий р-п НГОМЗ КП37583/А112-633 (фото автора); 11 – Н-2002 Никитинский р-п НГОМЗ НВ23293/Пр.кА199-636; 12 – Н-1946 (?) Ярославово Дворище НГОМЗ КП7289-254 (фото автора); 13 – Н-1952 Неревский р-п НГОМЗ КП11784/А46-510 (фото автора); 14 – Н-1957 Неревский р-п НГОМЗ КП25293/А7-11 (фото автора); 15 – Н-1954 Неревский р-п НГОМЗ КП11784/А46-509 (фото автора); 16 – Н-1972 Славенский р-п НГОМЗ КП25060/А22-230 (фото автора)

Рис. 8 – сумки; кожа (5 – кожа, кость). 1 – Н-1978 Дубошин р-п НГОМЗ КП28081/А58-610; 2 – Н-1989 Троцкий р-п НГОМЗ КП37591-430; 3 – Н-1978 Дубошин р-п НГОМЗ КП28081/А58-613; 4 – Н-1978 Дубошин р-п НГОМЗ КП28081/А58-608; 5 – Н-1988 Троцкий р-п НГОМЗ КП43203/А 189-183; 6 – Н-1957 Неревский р-п; 7 – Н-2002 Никитинский р-п НГОМЗ НВ23293/Пр.кА199-635 (фото автора)

Рис. 9 – 1, 3, 5, 9–14 – изделия; 2, 4, 6, 7 – сумки, детали; 8 – футляр для топора; кожа (4, 10, 13 – кожа, металл): 1 – Н-1955 Неревский р-п НГОМЗ КП25293/А7-66; 2 – Н-1963 Ильинский р-п НГОМЗ КП18203/А99-450 (фото автора); 3 – Н-1953/1954 Неревский р-п [Изьмова, 1959. – Рис. 12 – 2]; 4 – Н-1982 Нутный р-п НГОМЗ КП33577/А97-283 (фото автора); 5 – Н-2002 Никитинский р-п НГОМЗ НВ23293/Пр.кА199-209 (фото автора); 6 – Н-1984 Троицкий р-п НГОМЗ КП34499-1016 (фото автора); 7 – Н-1956 ул. Славная (Кирова) НГОМЗ КП10431 (фото автора); 8 – Н-1953/1954 Неревский р-п НГОМЗ КП25293/А7-33 [Изьмова, 1959. – Рис. 10 – 1; С. 218]; 9 – Н-1983 Троицкий р-п НГОМЗ КП33996/ А100-580 (фото автора); 10 – Н-1959 Неревский р-п; 11 – Н-1977 Троицкий р-п НГОМЗ КП28080/А57-612; 12 – Н-1954/1955 Неревский р-п НГОМЗ КП25293/А7-57; 13 – Н-1990 Троицкий р-п НГОМЗ КП39226/ А120-1140; 14 – Н-1969 Тихвинский р-п НГОМЗ КП25291/А3-514 (фото автора)

А. В. Оксенов

**Сношения Новгорода Великого с Югорской землей
(историко-географический очерк по древнейшей истории Сибири) –
репринт публикации 1885 года¹**

**СНОШЕНІЯ НОВГОРОДА ВЕЛИКАГО
СЪ ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛЕЙ.**

(Историко-географическій очеркъ по древнѣйшей исторіи Сибири).

I.

Мнѣнія старыхъ и новыхъ ученыхъ о географическомъ положеніи Югорской земли.—Показанія источниковъ по этому вопросу.—Югра, или остяки,—населеніе Югорской земли: предѣлы ея расселенія, количество ея и общественно-политическій бытъ ея въ древнее время.—Самоѣды: область ихъ, извѣстная новгородцамъ въ древнее время; предположеніе о характерѣ общественнаго быта древнихъ самоѣдовъ; извѣстія объ исторической жизни самоѣдовъ.

Имѣя въ виду обнаруживающееся въ послѣднее время стремленіе молодого поколѣнія къ изученію исторіи Сибири и вообще ознакомленію съ нею въ различныхъ отношеніяхъ, мы осмѣливаемся надѣяться, что и наше посильное изслѣдованіе одной изъ мало разработанныхъ частей сибирской исторіи, можетъ быть, представить для интересующихся прошлыми судьбами нашей родины и для учащагося сибирскаго юношества нѣкоторыя историческія данныя, которыя, по нашему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія, какъ способствующія къ разрѣшенію далеко невыясненнаго вопроса о сношеніяхъ русскихъ съ Зауральскимъ краемъ до эпохи Ермака.

Сношенія русскихъ людей, и въ частности новгородцевъ, съ обитателями сѣверо-западной Азіи, или нынѣшней Западной Сибири, возникли за нѣсколько столѣтій до эпохи Ермака, положившаго прочное начало русскимъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ на сѣверѣ Азіи. Эти сношенія, по преимуществу военныя, шли постепенно и имѣли своихъ отважныхъ дѣятелей, о которыхъ, однако, мы знаемъ очень мало, имѣя подъ руками скудныя, отрывочныя извѣстія древнихъ русскихъ лѣтописей. Прежде, чѣмъ русскимъ казакамъ проникнуть въ Сибирь въ сравнительно позднѣйшую эпоху, еще дѣятельнымъ новгородцамъ, этимъ „предтечамъ“ сибирскихъ завоевателей, пришлось немало положить труда и энергіи на развѣдываніе и даже на завоеваніе, къ сожалѣнію, не удавшееся, земли Югорской, которую можно было считать въ извѣстной степени блочомъ къ обладанію Сибирью.

¹ Статья печатается: Литературный сборник: собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке / ред. «Вост. обозрение»; ред. Н. М. Ядринцев. – Санкт-Петербург: Издание редакции «Восточного обозрения» [Типография И. Н. Скороходова], 1885 – С. 425–446.

Русские историки до сих поръ еще не пришли къ единогласному и точному опредѣленію географическаго положенія Югорской земли: это произошло главнымъ образомъ отъ недостатка и сбивчивости извѣстій въ источникахъ по этому предмету. Пренными историками много высказывалось разныхъ мнѣній о предѣлахъ земли Югорской, но—большею частію, въ видѣ короткаго замѣчанія и безъ надлежащихъ доказательствъ¹⁾. Изъ ученыхъ прошлаго времени только одинъ Лербергъ посвятилъ этому вопросу одну изъ своихъ замѣчательныхъ монографій, а въ наше время о географическомъ положеніи Югорской земли высказали свои соображенія два почтенные изслѣдователи по русской исторіи, проф. Замысловскій и Барсовъ.

Академикъ Лербергъ, въ своемъ изслѣдованіи о древней Югрѣ, приходитъ къ такому заключенію о границахъ Югорской земли: „Древняя Югра,—говоритъ онъ,—простиралась между 56° и 67° сѣверной широты, отъ самаго сѣвернаго конца Урала на востокъ чрезъ нижнюю Обь до р. Надыма, впадающей въ Обскую губу, и до Агана, который выше Сургута впадаетъ въ Обь. Къ ней принадлежали еще мѣста, лежащія по нижнему Иртышу, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Съ южной стороны граничила она съ татарскими владѣніями, а съ сѣверной—съ землею самоѣдовъ. Такимъ образомъ, Югра занимала немалую часть сѣверо-западной Азіи²⁾.“

Нынѣшніе ученые, занимавшіеся географіей древней Россіи, различаютъ, такъ сказать, двѣ Югорскихъ земли—одну Югру древнѣйшую, находившуюся въ предѣлахъ Европейской Россіи, по западнымъ склонамъ Уральскаго хребта, и другую Югру позднѣйшую, простиравшуюся за Уралъ, на востокъ, по нижнему теченію р. Оби и ея притокамъ. „Въ источникахъ, относящихся къ исторіи Новгорода Великаго, въ лѣтописяхъ съ XII, а въ договорныхъ грамотахъ съ XIII вѣка,—говоритъ г. Замысловскій,—мы находимъ рядъ извѣстій о Югрѣ, какъ о землѣ, подвластной этому знаменитому городу и лежавшей на крайнемъ сѣверо-востокѣ его владѣній. По всей вѣроятности, Югорская земля, платившая ему дань, лежала въ предѣлахъ великой Европейской равнины и не переходила за ея естественный рубежъ на сѣверо-востокѣ³⁾.“

¹⁾ Фишеръ, напр., полагаетъ, что земля по р. Печорѣ, простирающаяся къ сѣверу до Ледовитаго океана, къ востоку до горъ Югорскихъ, называлась въ старину Югорскою (Сиб. ист., Спб., 1774 г., стр. 108). Миллеръ говоритъ, что подъ именемъ земли Югорской извѣстны были мѣста около р. Печоры, на которыхъ, по его мнѣнію, прежде жили одни только самоѣды (Опис. сиб. царства, Спб., 1750 г., стр. 61). Рычковъ и Татищевъ производили имя Югры отъ р. Юга и предполагали, что Югдорію, или Югорію, называлась вся страна около этой рѣки.

²⁾ Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней русской исторіи,—Лерберга. Изданы Кругомъ, перев. съ нѣм. Языковъ. Спб., 1819, статья объ Югрии, стр. 4.

³⁾ Записки ист.-фил. фак. Имп. С.-Петер. унив., т. XIII. Спб., 1884 г. Герберштейнъ и его историко-географ. извѣстія о Россіи, соч. Е. Замысловскаго, стр. 138.

Походъ новгородцевъ на рѣку Обь въ 1364 году „должно считать, по словамъ проф. Замысловскаго, не болѣе, какъ смѣлою попыткою проникнуть за Уральскія горы. Какими путями достигли новгородцы р. Оби въ этомъ году,—неизвѣстно, и только на основаніи позднѣйшихъ данныхъ можно предполагать, что они совершили этотъ походъ по рѣкамъ, и слѣдовательно перешли Уральскій хребетъ“ ¹⁾. „Извѣстія, до насъ дошедшія отъ XV вѣка (напр., извѣстіе о походѣ въ Югру московской рати въ 1483 г.), — говорятъ тотъ же изслѣдователь,—далеко превосходятъ все то, что было извѣстно о Югорской землѣ до этого времени; но все же они весьма недостаточны для того, чтобы съ увѣренностію возстановить то представление о ней, какое существовало въ это время. Можетъ быть, этимъ именемъ и продолжали означать область, прилегающую къ сѣверо-западнымъ склонамъ Урала, но въ то же время Югорскою землею несомнѣнно называли область на восточныхъ склонахъ Урала, по системѣ р. Оби“ ²⁾. Проф. Замысловскій, соглашаясь съ г. Барсовымъ, допускаетъ, „что названіе Югра въ нашихъ письменныхъ памятникахъ XII—XIV вѣковъ относится къ землѣ, лежавшей къ западу отъ Урала. Но въ XV вѣкѣ Югорскою землею,—замѣчаетъ онъ,—называли также и область, прилегавшую къ восточнымъ склонамъ Урала“ ³⁾.

Другой изслѣдователь древней русской исторической географіи, г. Барсовъ, излагаетъ свои соображенія о географическомъ положеніи Югорской земли, въ трудѣ „Очерки русской исторической географіи“ (Варшава, 1873). Въ перечнѣ народовъ въ нашей первоначальной лѣтописи, Югра,—говоритъ г. Барсовъ,—„показана крайнимъ сѣверо-восточнымъ населеніемъ въ Заволочѣ“. Затѣмъ онъ высказываетъ, между прочимъ, такіа соображенія: „По прямому смыслу извѣстія, заключающагося въ рассказѣ новгородца Гюраты о путешествіи его отрока въ Печору и Югру (Лавр., 107, подъ 1096 г.), Югорская земля представляется лежащею за новгородскими владѣніями въ Печорѣ, къ сѣверу отъ этого племени; но, если вѣрно, что это послѣднее занимало область между Камою и Вычегдою, то въ такомъ случаѣ югорско-самоѣдскія поселенія или кочевья слѣдовало бы полагать далѣе на сѣверъ, за Вычегдой, до тундры поморья, по восточнымъ притокамъ Двины, по Мезени и Печорѣ“. „На югѣ и юго-западѣ Югорскія земли, по мнѣнію г. Барсова, прилежали къ поселеніямъ Печоры на Вычегдѣ и Еми на Сухонѣ. Тамъ, гдѣ соприкасались эти племена, до сей поры за нѣкоторыми мѣстностями удержались названія Югорскихъ“ ⁴⁾. „Къ такому заключенію о географическомъ положеніи Югры до XI вѣка,—гово-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid, стр. 139.

⁴⁾ Таковы, по словамъ г. Барсова, рѣка Угроньга, притокъ Ваги, въ Вельскомъ уѣздѣ, Угорма, притокъ Кубины, въ Кадниковскомъ уѣздѣ и т. д., Очерки русск. истор. геогр., соч. Барсова, стр. 54.

рить г. Барсовъ,—приводить также разборъ извѣстій о ней, сообщаемыхъ древнѣйшими сводами начальной лѣтописи. Оно подтверждается рядомъ извѣстій о сношеніяхъ и столкновеніяхъ Руси съ Югрою въ XI—XIV вѣкахъ. Самое раннее изъ нихъ восходитъ къ 1032 году. Подъ этимъ годомъ Никоновскій лѣтописный сводъ говоритъ о неудачномъ походѣ новгородца Улѣба на Желѣзные Ворота“ (I, стр. 132) ¹⁾.

Г. Барсовъ утверждаетъ, что подъ Желѣзными Воротами тутъ слѣдуетъ разумѣть урочище Желѣзные Ворота (Городокъ, Кариль), на правомъ берегу Сысолы, въ 80 верстахъ отъ Усть-Сысольска, близъ селенія Водчи, т. е. „тамъ, гдѣ должна была, по мнѣнію Барсова, начинаться Югра нашей лѣтописи“. „Въ связи съ этимъ,—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь,—стоитъ рядъ извѣстій объ отношеніяхъ Новгорода къ Югрѣ въ XII—XIV вѣкахъ. Всѣ они указываютъ на близкое знакомство Югры, съ одной стороны, съ Печорой, съ другою — съ Устюгомъ и Двинскою областью. Такъ, первыхъ упоминаемыхъ въ лѣтописи югорскихъ данщиковъ въ концѣ XII вѣка мы видимъ въ Печорѣ и за Волокомъ. Въ грамотахъ XIII вѣка (1264) Югра называется одною изъ новгородскихъ волостей вмѣстѣ съ Пермью и Печорою. Извѣстія 1323 и 1324 годовъ открываютъ, что путь въ Югру изъ Новгорода шель мимо Устюга и Двинской земли, т. е. по Сухонѣ и Двинѣ, изъ которой прямой путь на востокъ идетъ вверхъ по Вычегдѣ“ ²⁾. Происхожденіе позднѣйшей Югры, за Ураломъ, по нижнему теченію Оби, г. Барсовымъ объясняется тѣмъ, что обитатели Югры, втеченіе нѣсколькихъ столѣтій тѣснимые новгородцами, „постепенно передвинулись за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, гдѣ и застаютъ ихъ XV вѣкъ, и гдѣ они были покорены уже московскими войсками. По всей вѣроятности,—заключаетъ изслѣдователь,—двигались вслѣдъ за ними и новгородскія дружины, привлекаемые богатствомъ соболей, серебра и всякаго узорочья; но прямыхъ извѣстій о знакомствѣ Руси съ Сибирью въ XII—XIV вѣкѣ мы не имѣемъ, за исключеніемъ одного темнаго и довольно сомнительнаго извѣстія о походѣ новгородцевъ на Обь въ 1364 году“ ³⁾.

Къ какому выводу мы пришли относительно географическаго положенія Югорской земли, это будетъ видно изъ дальнѣйшаго нашего изложенія. Но въ отношеніи соображеній по этому вопросу гг. Замысловскаго и Барсова мы должны сказать, что полагать Югорскую землю только по западнымъ склонамъ Урала, съ конца XI и до половины XIV вѣка, на основаніи тѣхъ лѣтописныхъ данныхъ, какія имѣются у насъ по этому вопросу, намъ представляется не совсѣмъ согласнымъ съ источниками. Ни въ одномъ древнемъ (до половины XIV в.) лѣтописномъ извѣстіи о Югрѣ

¹⁾ Ibid., стр. 54.

²⁾ Ibid., стр. 55.

³⁾ Ibid., стр. 56.

прямо не сказано, что эта земля находилась на западъ отъ Урала, въ предѣлахъ Европейской равнины: объ этомъ приходится догадываться на основаніи неопредѣленныхъ выражений лѣтописи. Затѣмъ, извѣстіе о походѣ новгородцевъ подъ начальствомъ Улѣба къ Желѣзнымъ Воротамъ въ 1032 г., на которомъ г. Барсовъ основываетъ свои соображенія о географическомъ положеніи Югорской земли, само еще нуждается въ подтвержденіи и провѣркѣ, такъ какъ въ лѣтописи собственно не сказано, что походъ этотъ былъ направленъ въ Югорскую землю, и только въ Татищевскомъ лѣтописномъ сводѣ говорится, что въ 1032 году новгородцы ходили противъ Югры. Можетъ быть, Татищевъ, полагаящій Югорскую землю по р. Югу, это извѣстіе о походѣ новгородцевъ въ 1032 г. къ Желѣзнымъ Воротамъ приурочилъ къ своему мнѣнію о географіи Югры, пояснивъ, что въ этомъ году новгородцы сражались съ Югрой. Кромѣ того, географическое указаніе лѣтописи терминомъ „Желѣзныя Ворота“ слишкомъ неопредѣленно и допускаетъ много предположеній; напримѣръ, подъ Желѣзными Воротами также разумѣлись,—какъ утверждаетъ С. М. Соловьевъ и другіе,—Уральскія горы. Такимъ образомъ, съ одной стороны, въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о Югрѣ до XIV вѣка мы не имѣемъ ясныхъ указаній на положеніе Югорской земли на западъ отъ Урала и вообще какихъ либо опредѣленныхъ извѣстій о географіи этой страны; за то, съ другой стороны, цѣлый рядъ извѣстій о Югорской землѣ (со второй половины XIV в. до самаго начала XVIII в.) положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Югорская земля находилась за Ураломъ, по нижнему теченію Оби. Поэтому, допуская, что, можетъ быть, Югорская земля до половины XIV в. полагалась русскими людьми отчасти на западъ отъ Урала, мы въ то же время рѣшаемся утверждать, на основаніи многихъ извѣстій о Югрѣ съ половины XIV в. до начала XVIII в., что подъ Югрой и въ древнее время до XIV в. разумѣлась страна за Ураломъ, въ бассейнѣ Оби.

Географическій и этнографическій терминъ „Югра“ встрѣчается уже на первыхъ страницахъ древней русской лѣтописи. Такъ, наша первоначальная лѣтопись подъ 1096 годомъ передаетъ рассказъ новгородца Гюраты о томъ, какъ его „отрокъ“ путешествовалъ въ Югру. Изъ этого извѣстія только узнаемъ, что въ прежнее время для того, чтобы проникнуть въ Югру, сначала нужно было пройти страну, лежащую по р. Печорѣ. Но, такъ какъ границы Печорской земли точно неизвѣстны, то поэтому изъ означеннаго извѣстія нельзя опредѣлить, гдѣ начинались предѣлы Югорской земли, т. е. находилась ли Югра по западнымъ склонамъ Уральского горнаго хребта, или по восточнымъ.

Древнее свѣдѣніе объ Югрѣ, изъ котораго можно вывести болѣе или менѣе опредѣленное заключеніе о положеніи Югорской земли, относится къ 1364 году. Подъ этимъ годомъ въ IV-ой Новгородской лѣтописи находимъ такое указаніе: „6872 году съ Югры новгородцы пріѣхаша, дѣти боярскіи и молодыи люди,

и воеводы Александръ Абакуновичъ, Степанъ Ляпа, воевавшие по Обѣ рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша¹⁾). Новгородская вольница („ушкуйники“), съ воеводами Александромъ Абакуновичемъ и Степаномъ Ляпой, предпринимала походъ въ Югру. Тѣ мѣста, куда ходила эта вольница, слыли подъ именемъ Югры, земли Югорской. Изъ приведеннаго извѣстія можно заключить, что подъ Югрою разумѣлась вообще страна по рѣкѣ Оби и ея притокамъ; но какъ далеко простиралась Югорская земля на западъ и востокъ отъ р. Оби и вверхъ и внизъ по теченію этой рѣки, этого не видно.

Обращаясь къ дальнѣйшимъ лѣтописнымъ даннымъ объ Югрѣ, мы находимъ въ одномъ лѣтописцѣ подъ 6991 (1483) годомъ извѣстіе о походѣ московской рати въ Югру и въ немъ такія данныя: „Въ лѣто 6991 князь великій... посла рать... въ Югру на Обь великую рѣку... Воеводы великаго князя... пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ мимо Тюмень въ Сибирскую землю..., а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ... да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю“...²⁾. Итакъ въ концѣ XV столѣтія русскіе различали въ мѣстахъ по р. Оби и ея притокамъ Югорскую землю и Сибирскую. Земля Сибирская заключала въ своихъ предѣлахъ область при впаденіи Тобола въ Иртышъ, такъ что Тоболь и нижнее теченіе Иртыша съ прилегающими къ этимъ рѣкамъ мѣстами составляли южный предѣлъ земли Югорской. Но какъ далеко простиралась эта послѣдняя отъ устья Иртыша вверхъ или внизъ по р. Оби, вышеприведенное извѣстіе лѣтописца намъ ничего не поясняетъ.

Въ источникахъ, относящихся къ позднѣйшему времени, находятся болѣе точныя географическія свѣдѣнія о землѣ Югорской и о странахъ съ нею сопредѣльныхъ. Такъ, Герберштейнъ, заимствуя нѣкоторыя географическія извѣстія изъ одного русскаго дорожника, между прочимъ, въ своихъ запискахъ о Московіи говоритъ, что по р. Оби, кромѣ нѣкоторыхъ иныхъ народовъ, живутъ также югричи³⁾. Слѣдовательно, по Герберштейну, земля Югорская простиралась вообще по Оби. Если слѣдовать Герберштейну, то выходитъ, что страна Югра заключала въ своихъ предѣлахъ древнюю область Тюмень, такъ какъ, по словамъ этого писателя, въ началѣ XVI столѣтія Тюменью и Еромомъ (по объясненію Лерберга, городомъ, находившимся на мѣстѣ Верхотурья) управляли князья югорскіе⁴⁾. Однако, замѣтимъ, что въ другихъ источникахъ нѣтъ свидѣтельствъ о принадлежности древней Тюмени къ Югрѣ.

Въ описаніи Большаго Чертежа находимъ единственное точное указаніе относительно географическаго положенія Югорской земли.

¹⁾ П. С. Р. Л., томъ IV-й, Новгородская IV-ая лѣтопись, извѣстіе подъ 6872 годомъ.

²⁾ Архангелогородскій лѣтописецъ. Москва, 1819, стр. 189.

³⁾ Записки о Московіи Герберштейна, переводъ Анонимова. Спб., 1866 г., стр. 124.

⁴⁾ Ibid, стр. 125.

Этотъ памятникъ относится по времени своего составленія, по крайней мѣрѣ, ко второй половинѣ XVI столѣтія ¹⁾. Въ описаніи Большаго Чертежа говорится: „Отъ устья рѣки Оби вверхъ Обдорскіе грады, а выше Обдорскихъ градовъ Югорскіе, а выше Югорскихъ градовъ Сибирскіе“ ²⁾, т. е. на сѣверѣ Югорская земля граничила съ областью Обдорскою, а на югѣ соприкасалась съ землей Сибирскою. Затѣмъ, то же описаніе Большаго Чертежа еще точнѣе опредѣляетъ границы Югры. „Города по Сыгвѣ и по Сосвѣ — Югра“ ³⁾. Однако, это свидѣтельство не можетъ служить для окончательнаго рѣшенія вопроса о географическомъ положеніи Югорской земли, такъ какъ изъ вышеприведенныхъ лѣтописныхъ данныхъ мы уже видѣли, что область Югра простиралась вообще по рѣкѣ Оби, а не исключительно по лѣвому ея притоку Сосвѣ.

Въ одномъ документѣ, относящемся къ началу XVII вѣка, объ Югрѣ говорится какъ объ одной изъ сибирскихъ областей. А именно въ „Запискѣ о царскомъ дворѣ, церковномъ чинопочиніи, придворныхъ чинахъ, приказахъ, войскѣ, городахъ и проч.“ находятся такого рода свѣдѣнія: „Сибирская земля, а въ ней городовъ: Тюмень, Тоболской, Верхотурье, Пелымъ, да на Оби четыре города: за Обью въ Мангазѣи городъ, въ Югрь, въ Колмакахъ, въ Чатѣ“ ⁴⁾.

Въ позднѣйшемъ географическомъ памятникѣ, относящемся къ началу XVIII вѣка, а именно въ „Чертежной книгѣ Сибири“ Семена Ремезова заключаются нѣкоторыя данныя объ Югорской землѣ, отчасти согласныя съ показаніями описанія „Большаго Чертежа“. Въ „Книгѣ“ Ремезова, на „чертежѣ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель“ означены „жители“, или, проще сказать, народъ „Югриковы“, мѣсто которыхъ указывается на чертежѣ при впаденіи р. Сыгвы въ Сосву, на границѣ земель Вогульской и Остяцкой. Въ томъ же источникѣ встрѣчается имя Юрацкихъ (Югорскихъ) самоѣдовъ; ихъ земля полагается въ приморской странѣ, между устьями Оби и Енисея. „На чертежѣ земли Туруханскаго города“ та же „самоѣдъ“ означена обитающей въ приморской полосѣ земли, между устьями Оби и Пура. Наконецъ, на томъ же чертежѣ „Юрацкая земля“, т. е. Югорская, полагается въ приморской странѣ между устьемъ Енисея и Тазовской губой, ближе къ послѣдней ⁵⁾.

¹⁾ Если основываться на исторіи Россіи Татищева, гдѣ сказано (томъ I-й, стр. 506), что «царь Іоаннъ IV Васильевичъ въ 1552 году велѣлъ землю измѣрить и чертежъ государства сдѣлать», то можно, кажется, начало «Большаго Чертежа» отнести ко времени этого царя московскаго.

²⁾ Книга, глаголемая «Большой Чертежъ», изданная Г. И. Спасскимъ. Москва, 1846, стр. 203.

³⁾ Ibid., стр. 207.

⁴⁾ Акты историческіе, т. II. Спб., 1841, стр. 425.

⁵⁾ Чертежная книга Сибири, составленная тобольскимъ сыномъ боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ въ 1701 году. Спб., 1882.

Такимъ образомъ, всѣ географическія данныя о Югрѣ, заимствованныя нами изъ лѣтописей и другихъ источниковъ, положительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что Югорская земля, отъ половины XIV в. до начала XVIII столѣтія, полагалась по нижнему теченію Оби и ея притокамъ. При этомъ одни источники (лѣтописи) говорятъ объ Югорской землѣ вообще по Оби, другіе (описаніе „Большаго Чертежа“ и „Чертежная книга Сибири“ Ремезова) отводятъ ей тѣсныя предѣлы по притоку Оби, р. Сосвѣ, съ Сыгвой. Намъ болѣе правдоподобнымъ кажется, что Югра занимала обширную область вообще по нижнему теченію Оби, и это мы надѣемся подтвердить соображеніями о этнографическомъ составѣ Югорскаго народа.

Въ лѣтописахъ, какъ извѣстно, подъ Югрою разумѣется не только область, земля, но и народъ. Теперь попытаемся выяснитъ, что за народъ была югра? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы, принимая во вниманіе расселеніе Югорскаго народа, можемъ опредѣленнѣе судить и о географическомъ положеніи земли Югорской.

Въ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ, при упоминаніи о народахъ, жившихъ по обоимъ склонамъ сѣвернаго Урала, нигдѣ не встрѣчается названія остяковъ, между тѣмъ какъ уже въ концѣ XI столѣтія наша первоначальная лѣтопись говоритъ о самоѣдахъ и югрѣ. Имя же вогуловъ встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ годомъ смерти (1396) св. Стефана, перваго епископа пермскаго, а именно: при перечисленіи разноплеменныхъ народовъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Пермской землей, упоминаются, между прочимъ, и гогуличи, т. е. вогуличи, вогулы ¹⁾. Но по западному и восточному склонамъ сѣвернаго Урала съиздавна обитаютъ самоѣды, вогулы и остяки. Если же остяки жили и живутъ вообще на тѣхъ мѣстахъ, которыя въ древнее время извѣстны были подъ названіемъ земли Югорской (по лѣтописямъ и другимъ источникамъ—югра), то едва ли можно сомнѣваться въ тождественности остяковъ и югорскаго народа, который въ древнее время назывался просто югра. Подтверженіемъ такого мнѣнія служатъ также слѣдующіе факты. А именно, остяки Березовскаго округа, Тобольской губерніи, по свидѣтельству Абрамова, называли сами себя „югричами“ въ одномъ прошеніи на имя царя Василія Шуйскаго ²⁾. Затѣмъ, названіе „югра“ (jöggra) сохранилось до сихъ поръ между зырянами: они называютъ jöggrajass (jas въ ихъ языкѣ окончаніе множественнаго числа) своихъ сосѣдей, уральскихъ остяковъ ³⁾.

Замѣтимъ, что нѣкоторые ученые допускаютъ, что югрой въ древнее время назывались также вогулы. Однако, противъ такого мнѣнія говоритъ тотъ фактъ, что въ лѣтописяхъ и другихъ источ-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. V-й, стр. 250.

²⁾ «Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества», кн. XII-я, Спб., 1857. «Описаніе Березовскаго края (въ Тобольской губерніи)», Абрамова, стр. 329.

³⁾ Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи, П. Савельева. Спб., 1847 г., стр. CV, примѣч. 191.

никахъ о вогулахъ и югрѣ всегда упоминается, какъ о двухъ отдѣльныхъ народахъ. Такъ, при перечисленіи разныхъ племенъ, обитавшихъ въ сосѣдствѣ съ Пермской землей, лѣтописцемъ отмѣчаются „вогулицы“ и „югра“¹⁾. Въ лѣтописномъ извѣстіи о походѣ московскаго войска въ 1483 году въ Югорскую землю также проводится точное различіе между жителями земли Вогульской и Югорской²⁾. Такимъ образомъ, населеніе древней Югорской земли составляли остяки, которые въ извѣстіяхъ лѣтописей называются югрой, и слѣдовательно русскіе, при первоначальномъ своемъ знакомствѣ съ сѣверо-западной Азіей, разумѣли подъ именемъ Югорской земли мѣста, населенныя остяками. Послѣдніе уже въ древнее время жили, вѣроятно, на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ находимъ ихъ въ настоящее время. Правда, по окраинамъ Югорской земли остяки въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій могли утратить свои племенные особенности, могли слиться отчасти съ сосѣдними племенами (напр., съ самоѣдами, зырянами, вогулами и др.), но, во всякомъ случаѣ, ядро этого племени уцѣлѣло и осталось на своемъ стародавнемъ мѣстѣ. Нынѣ остяки живутъ преимущественно въ сѣверныхъ частяхъ губерній Тобольской и Томской. Въ первой губерніи они занимаютъ Березовскій край, затѣмъ небольшую часть Тобольскаго и Тарскаго округовъ той же губерніи. Въ предѣлахъ Томской губерніи остяки живутъ только въ Нарымскомъ краѣ³⁾. Принимая во вниманіе крайніе предѣлы нынѣшняго расселенія остяковъ, видимъ, что они занимаютъ обширную область, границы которой на сѣверѣ доходятъ до береговъ Ледовитаго океана, на югѣ обозначаются приблизительно линіей, проведенной отъ устья р. Васъ-Югана, лѣваго притока р. Оби, черезъ р. Иртышъ, при впаденіи въ эту рѣку р. Туртаса, къ верховьямъ р. Конды, вплоть до восточныхъ склоновъ Уральскихъ горъ. На западѣ, область, занимаемая остяками, ограничивается сѣвернымъ Ураломъ, а на востокѣ за предѣлы распространенія остяцкаго племени можно принять рѣку Надымъ и верхнее теченіе р. Оби. Безъ сомнѣнія, границы области, нынѣ занимаемой остяками, не могутъ вполне считаться границами древней Югорской земли, но, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ Лербергъ, включать мѣста по рѣкамъ Турфѣ, Тавдѣ и Чусовой въ предѣлы древней Югорской земли. Въ этихъ мѣстахъ теперь нѣтъ остяковъ, и также не встрѣчается историческихъ свидѣтельствъ о пребываніи ихъ въ этихъ краяхъ. По рѣкамъ Турфѣ, Тавдѣ и Чусовой жили въ древнее время татары и вогулы, родственные остякамъ. Зато по нижнему теченію р. Оби и по берегамъ ея притоковъ существовали многочисленныя остяцкія селенія, или, какъ они называются въ древнихъ извѣстіяхъ, городки.

¹⁾ Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европ. Россіи, П. Кеппена, стр. 65, или «Путешествіе» академика Ивана Лепехина, ч. IV-я, Спб., 1805, стр. 399.

²⁾ Архангелогородскій лѣтописецъ, Москва, 1819, стр. 189.

³⁾ Географическій словарь Россійской имперіи, Семенова, т. II, стр. 734.

Есть, правда, нѣкоторыя указанія, свидѣтельствующія о древнѣйшемъ обитаніи остяковъ по западнымъ склонамъ Уральскихъ горъ, въ Пермской землѣ. Такъ нѣсколько рѣчекъ на сѣверномъ Уралѣ до сихъ поръ называются древнимъ именемъ остяковъ „югрой“¹⁾. Затѣмъ, изъ свѣдѣній о миссіонерской дѣятельности св. Трифона Вятскаго (во второй половинѣ XVI вѣка), между прочимъ, извѣстно, что онъ обращалъ въ христіанство остяковъ, жившихъ въ мѣстахъ около нынѣшняго города Перми. Эти остяки въ то время управлялись княземъ Амбаломъ²⁾. Однако, кромѣ этихъ скудныхъ указаній, не находимъ иныхъ свидѣтельствъ о пребываніи остяковъ по западнымъ склонамъ Урала, такъ что, по всей вѣроятности, они жили тутъ въ незначительномъ числѣ и постепенно исчезли, слившись съ пермяками и родственными имъ вогулами.

Теперь скажемъ о количествѣ населенія древней Югорской земли и о формахъ ея политическаго быта. Та или другая степень населенности земли Югорской и тотъ или другой общественный бытъ этого населенія имѣли важное значеніе для новгородцевъ въ ихъ сношеніяхъ съ Югрой. — тѣмъ болѣе, что они, съ древнѣйшихъ временъ, стремились къ господству надъ обитателями сѣверо-западной Азіи.

Сами остяки говорятъ, что въ древности они назывались, по ихъ нарѣчію, арьяхи, т. е. многочисленнымъ народомъ: арь—много и хо—человѣкъ³⁾. Что дѣйствительно въ прежнее время они были довольно большимъ народомъ, это также подтверждается извѣстіями о существованіи значительнаго количества такъ называемыхъ городковъ въ ихъ землѣ. Основываясь на описаніи „Большаго Чертежа“ и на указаніяхъ другихъ источниковъ, мы можемъ сказать, что такихъ остяцкихъ городковъ, расположенныхъ по нижнему теченію рѣки Оби и по берегамъ ея притоковъ, въ древней Югорской землѣ было болѣе пятидесяти⁴⁾. Значительность населенія Югорской земли также отчасти подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что военные отряды русскихъ, проникавшіе въ Югру для завоеваній, доходили числомъ, какъ, наиримѣръ, это было въ 1499 году, до 5.000 человѣкъ⁵⁾. Нужно согласиться, что пятитысячный отрядъ войска того времени имѣлъ въ виду не малочисленнаго противника. И въ настоящее время остяцкое племя, обитающее въ рѣчной области, образуемой Обью и Иртышемъ, не

¹⁾ Карта сѣвернаго Урала, изданная Императорскимъ русскимъ географическимъ Обществомъ, и карта сѣвернаго Урала, составленная Регули: по ссылкѣ фонъ-Бушена, автора изслѣдованія о древней Югрѣ, въ «Вѣстникѣ» Импер. русск. геогр. Общества, 1855, ч. XIV, стр. 173.

²⁾ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1868, июль. «Просвѣтителі лопарей Теодоритъ и Трифонъ», статья П. Д. Шестакова, стр. 292.

³⁾ «Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества», кн. XII, Спб., 1857; «Описаніе Березовскаго края», Абрамова, стр. 329.

⁴⁾ Ibid, стр. 388 и слѣд.

⁵⁾ «Записки Императорскаго русскаго географическаго Общества», 1852, кн. VI, статья Бѣляева: «О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи».

безъ причины является также многочисленнѣйшимъ изъ всѣхъ туземныхъ племенъ сѣверной Сибири ¹⁾.

Въ общественномъ быту древніе остяки (югра, югричи) представляли раздѣльность на роды подѣ управленіемъ старшинъ— родоначальниковъ; затѣмъ нѣсколько родовъ соединялось подѣ властію одного общаго начальника, который пользовался значеніемъ князя. Однако, крѣпкой связи между этими союзами у нихъ не было. По крайней мѣрѣ, пришельцамъ какого нибудь инаго племени не предстояло большаго труда подчинить ихъ своей власти ²⁾. По словамъ ученаго путешественника Кастрена, преданія ясно говорятъ, что дикіе народы сѣверо-западной Азіи были уже по-своему опыты въ кровавыхъ дѣлахъ войны еще задолго до времени, когда пришли къ нимъ русскіе завоеватели и принудили ихъ бороться *pro agis et focis*. Войны велись остяками (югричами, югрой) и вогулами то между собой, то съ сосѣдними самоѣдами и татарами. Но, помимо этой борьбы разныхъ народовъ, кровь часто лилась также вслѣдствіе междоусобій различныхъ родовъ одного и того же племени ³⁾. Непріязненные отношенія между племенами служили, вѣроятно, главнымъ мотивомъ, заставлявшимъ остяковъ соединяться въ большія группы и избирать себѣ князей для установленія порядка въ общественномъ быту. Въ извѣстіяхъ о древнѣйшихъ сношеніяхъ русскихъ съ остяками (югрой) довольно часто упоминаются югорскіе князья. И въ одномъ случаѣ есть даже любопытное упоминаніе о „большомъ князѣ югорскомъ Молданѣ“ ⁴⁾. Изъ послѣдняго факта не безъ основанія можно заключать, что въ Югорской землѣ отдѣльными незначительными группами, имѣвшими своими правителями младшихъ князей, сплачивались въ одну большую группу и признавали одного общаго главу, какъ бы князя князей. И вотъ такимъ старшимъ княземъ, между прочимъ, былъ Молданъ.

Другимъ этнографическимъ элементомъ, съ которымъ новгородцы въ древнее время имѣли столкновенія на сѣверо-западѣ Азіи, были самоѣды. Самоѣды прежде всѣхъ другихъ обитателей сѣверо-западной Азіи сдѣлались извѣстны русскимъ.

Въ концѣ XI столѣтія русскіе знали самоѣдовъ, жившихъ на сѣверѣ отъ земли Югорской, около Обской губы. По словамъ уже упоминавшагося нами новгородца Гюраты, рассказъ котораго о путешествіи его „отрока“ въ Югорскую землю находится въ первоначальной лѣтописи, самоѣды, сдѣлавшіеся извѣстными русскимъ уже

¹⁾ По официальнымъ отчетамъ, число остяковъ теперь простирается до 25,000 душъ об. п., вогуловъ — до 6,500 и самоѣдовъ до 22,000 душъ. См. «Географическій словарь Россійской имперіи», сост. Семеновымъ, т. I-й, стр. 498, т. II, стр. 734, т. IV, стр. 420.

²⁾ Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ, Н. Ойрсова, Казань, 1866, стр. 38.

³⁾ Собраніе старыхъ и новыхъ путешествій, ч. II. Путешествіе Александра Кастрена по Лапландіи, сѣверной Россіи и Сибири, М., 1860, стр. 252.

⁴⁾ Архангелорогодскій лѣтописецъ, Москва, 1819, стр. 191.

въ концѣ XI столѣтія, жили въ мѣстахъ на сѣверѣ отъ Югорской области ¹⁾. Но, такъ какъ сѣверные предѣлы Югры простирались по нижнему теченію рѣки Оби, то поэтому область самоѣдовъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ Гюраты, находилась при Обской губѣ.

Древнѣйшихъ извѣстій о томъ, каковъ былъ общественно-политическій бытъ самоѣдовъ, не сохранилось. Поэтому въ данномъ случаѣ приходится пользоваться указаніями позднѣйшихъ свидѣтельствъ. Изъ послѣднихъ узнаемъ, что общественный бытъ самоѣдовъ основывается на родовыхъ порядкахъ. Они раздѣляются на роды, во главѣ которыхъ стоятъ старшины-родоначальники. Однако, нужно замѣтить, что, по наблюденію одного ученаго путешественника, у нихъ встрѣчаются роды изъ нѣсколькихъ сотенъ и даже тысячъ душъ, причемъ многіе не помнятъ своего родственнаго происхожденія, тѣмъ не менѣе, всѣ считаются родственниками и не вступаютъ между собою въ родственные союзы. Нѣсколько родовъ, живущихъ другъ подлѣ друга, изстари признаютъ общаго главу, князя. Послѣднему подчинены всѣ старшины родовъ. Достоинство князя и родоваго старшины переходитъ наслѣдственно отъ отца къ сыну. За неимѣніемъ прямого наслѣдника—сына, въ преемники князю или старшинѣ избирается ближайшій родственникъ. Ни князю, ни другимъ начальникамъ не назначается опредѣленнаго содержанія: они содержатся добровольными приношеніями своихъ подданныхъ ²⁾.

Очень вѣроятно, что этотъ общественный бытъ самоѣдовъ, наблюдаемый въ позднѣйшее время, былъ такимъ же задолго до подчиненія ихъ русскимъ.

Объ исторической жизни самоѣдовъ, обитавшихъ въ древнее время при Обской губѣ, сохранилось очень мало извѣстій. Въ сношеніяхъ новгородцевъ съ обитателями сѣверо-западной Азіи они играли самую незначительную роль. Новгородцы главнымъ образомъ имѣли дѣло съ остяками (югричами, югрой). Мы однако, приведемъ тѣ немногія извѣстія, въ которыхъ встрѣчаются кое-какія упоминанія о самоѣдахъ, обитавшихъ въ древнее время на крайнемъ сѣверо-западѣ Азіи. И вотъ что мы узнаемъ объ исторической жизни самоѣдовъ.

Въ двухъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, относящихся одно къ концу XI-го и другое къ началу XII-го столѣтія, о самоѣдахъ говорится какъ о народѣ, съ которымъ купцы новгородскіе имѣли торговые сношенія ³⁾.

Немногія свѣдѣнія о жизни самоѣдовъ въ XIII-мъ столѣтіи сообщаетъ одинъ изъ путешественниковъ среднихъ вѣковъ. Именно

¹⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе археограф. комиссіи, 1872 г., стр. 227, извѣстіе подъ 6604 г.

²⁾ Этнографическій сборникъ, 1858, кн. IV, изд. Импер. русск. геогр. Общ., стр. 304—305. Этнограф. замѣч. и наблюденія Кастрена.

³⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку. Изданіе археогр. комиссіи, Спб., 1871, изв. подъ 6622 г. Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе археогр. ком., 1872, стр. 226—227, изв. подъ 6604 г.

Плано-Карпини, путешествовавший къ татарамъ въ 1245 году, въ описаніи своего путешествія говоритъ о народахъ, жившихъ къ сѣверу отъ земли Русской. При этомъ онъ, между прочимъ, называетъ самоѣдовъ, которые у него являются народомъ, живущимъ на крайнемъ сѣверѣ, хотя онъ и прибавляетъ, что еще за ними живутъ на пустынныхъ берегахъ океана тѣ, у которыхъ, какъ говорятъ, лице собачье ¹⁾. Отъ Плано-Карпини также узнаемъ, что самоѣды въ первой половинѣ XIII столѣтія подвергались нападеніямъ со стороны татаръ. Однако, свѣдѣнія, сообщаемыя Плано-Карпини о народахъ крайняго сѣвера, недостаточно ясны. Рядомъ съ такими вѣроятными извѣстіями, какъ то, что самоѣды XIII-го вѣка жили только звѣроловствомъ, а шатры свои и одежду дѣлали изъ звѣриныхъ кожъ ²⁾, у него даются слишкомъ общія указанія на мѣста жительства разныхъ сѣверныхъ народовъ, въ томъ числѣ и самоѣдовъ, и въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ объ этихъ народахъ преобладаетъ элементъ баснословности.

За XIV вѣкъ мы не находимъ никакихъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ извѣстій о самоѣдахъ. Только въ житіи св. Стефана, просвѣтителя Перми, относящемся по времени написанія къ послѣднимъ годамъ XIV-го столѣтія, при перечисленіи разныхъ народовъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ Пермской землей, упоминаются и самоѣды ³⁾.

Наконецъ, есть извѣстіе конца XV-го столѣтія, сообщающее неважныя подробности о самоѣдахъ. Въ 1499 году, во время похода русскихъ въ Югорскую землю, при великомъ князѣ московскомъ Іоаннѣ III Васильевичѣ войска русскія при переходѣ черезъ Уральскія горы встрѣтили самоѣдовъ, убили изъ нихъ 50 человекъ и захватили 200 штукъ оленей, принадлежавшихъ самоѣдамъ. „Извоевавъ“ землю Югорскую, воеводы обязали вогуловъ, остяковъ (югричей) и также, вѣроятно, самоѣдовъ клятвой вѣрности великому князю московскому.

Принимая во вниманіе скудость извѣстій о самоѣдахъ крайняго сѣверо-запада Азіи, можно полагать, что самоѣды, жившіе на востокъ отъ сѣвернаго Урала при Обской губѣ, извѣстны были русскимъ въ древнее время, также какъ и остяки, болѣе подъ именемъ югричей, югры. По крайней мѣрѣ, въ разныхъ источникахъ извѣстія о нихъ, какъ объ отдѣльномъ народѣ, попадаются очень рѣдко и въ крайне неопредѣленной формѣ. Между тѣмъ, о самоѣдахъ, занимавшихъ мѣста на западъ отъ Уральскаго хребта, въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губерніи, есть извѣстія въ историческихъ актахъ, хотя довольно поздняго времени (XVI в.). Такъ, въ 1545 году отъ царя Іоанна ка-

¹⁾ Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣт. I. Плано-Карпини. Спб., 1825, кн. I-ая, гл. V, стр. 25.

²⁾ Ibid., кн. II, гл. V, стр. 157.

³⁾ Памятники старинной русской литературы, изд. графа Күшелева-Безбородко, вып. IV, Спб., 1862, повѣсть о Стефанѣ, стр. 123.

нинскимъ и тунскимъ самоѣдамъ была дана грамота на звѣриные промыслы и рыбныя ловли¹⁾. Затѣмъ югорскіе самоѣды, жившіе при Югорскомъ проливѣ, и самоѣды другихъ земель съ 240 луковъ платили государю московскому въ 1574 году ясакъ соболями по соболу съ человѣка²⁾.

II.

Военныя попытки новгородцевъ проникнуть въ Югорскую землю и завоевать ее (1032—1193).—Югорская земля—волость Великаго Новгорода.—Дальнѣйшіе походы новгородцевъ въ Югорскую землю (1323—1446).—Югра платитъ дань новгородцамъ.—Стремленіе новгородцевъ водворить свою гражданственность въ Югорской землѣ.—Значеніе Югорской земли, какъ волости Великаго Новгорода; непрочность власти новгородцевъ въ Югорской землѣ и причины этого явленія.

Предпримчивые новгородцы довольно рано начали распространять свое владычество надъ финскими племенами, занимавшими весь сѣверъ древней Россіи. Часть этихъ племенъ совершенно покорилась оружію новгородскому, даже въ древнее время отчасти обратилась въ христіанство и вошла въ составъ подданныхъ Великаго Новгорода. Но нѣкоторые изъ этихъ племенъ, напримѣръ, югричи, обитавшіе главнымъ образомъ въ предѣлахъ сѣверо-западной Азіи, только номинально признавали верховную власть Великаго Новгорода. Хотя уже въ XII столѣтіи это племя платило дань Великому Новгороду, но изъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что новгородцамъ приходилось собирать эту дань вооруженной рукой. Самая отдаленность югричей отъ Великаго Новгорода поддерживала въ нихъ духъ независимости, такъ что новгородцы принуждены были предпринимать цѣлый рядъ походовъ въ землю этого народа, чтобы сколько нибудь упрочить свое господство надъ нимъ. Прочное, гражданское господство Великаго Новгорода въ сѣверо-западной Азіи въ то отдаленное время не могло установиться.

Мы сдѣлаемъ краткій обзоръ новгородскихъ походовъ въ землю Югорскую, а затѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о результатахъ этихъ походовъ и вообще о характерѣ власти Великаго Новгорода въ этихъ краяхъ.

Въ 1032 году новгородцы, подъ начальствомъ Улѣба, предприняли походъ къ Желѣзнымъ Воротамъ, т. е., по объясненію нѣкоторыхъ ученыхъ, къ западнымъ склонамъ Уральскихъ горъ³⁾. Въ 1079 году новгородскій князь Глѣбъ Святославичъ погибъ за Волокомъ, по всей вѣроятности, также во время похода къ

¹⁾ Акты археограф. экспедиціи, т. I, № 204.

²⁾ «Вѣстникъ Импер. русск. геогр. Общ.», 1855, ч. XIV, статья арх. Веніаміна: «Мезенскіе самоѣды», стр. 108.

³⁾ Лѣтопись по Никоновскому списку, изданная Импер. академіей наукъ, ч. I, Слб., 1767, извѣстіе подъ 1032 годомъ. — «Книга глаголемая большой чертежъ», изданная Г. И. Спасскимъ, М., 1846, стр. 270.

предѣламъ сѣвернаго Урала ¹⁾). Эти первыя военныя предпріятія новгородцевъ на далекомъ сѣверѣ, направленные къ западнымъ склонамъ Урала, очень важны въ томъ отношеніи, что новгородцы такимъ образомъ постепенно обезпечивали себѣ доступъ въ сѣверо-западную Азію для дальнѣйшихъ завоеваній въ этой странѣ и для сношеній съ ея обитателями. Когда именно и какимъ путемъ въ первый разъ новгородцы проникли въ сѣверо-западную Азію, какъ завоеватели, въ лѣтописяхъ вѣтъ указанія. Но во второй половинѣ XII столѣтія, какъ увидимъ ниже, новгородцы уже ходили за данью въ Югорскую землю.

Въ 1169 году Даньславъ Лазутиничъ съ дружиною отправился за Волокъ для сбора дани ²⁾. Въ 1187 году пермскіе, печорскіе и югорскіе сборщики дани были перебиты возмутившимися жителями Печорской области и Заволочья. При этомъ погибло около ста человекъ дружинниковъ, принадлежавшихъ къ богатому и вліятельному сословію новгородскихъ гражданъ ³⁾. Какъ видно изъ извѣстій новгородскихъ лѣтописей, это возстаніе населенія, подвластнаго Великому Новгороду, было въ разныхъ мѣстахъ въ одно время. Возстаніе, кажется, было вызвано не совсѣмъ умѣренными требованіями новгородскихъ сборщиковъ дани, такъ какъ едва ли въ то время существовалъ установленный размѣръ дани. Новгородцы, при непрочности своей власти въ далекихъ областяхъ крайняго сѣверо-востока Европы и сѣверо-запада Азіи, въ особенности въ Югорской землѣ, брали съ обитателей этихъ странъ столько дани, сколько могли только захватить вооруженной рукой, такъ что „сборъ дани“ въ то время обозначалъ не то, что мы теперь разумѣемъ подъ этимъ выраженіемъ.

Въ 1193 году новгородцы, подъ начальствомъ воеводы Ядрея (Андрея), совершили походъ въ Югорскую землю. Этотъ походъ для новгородцевъ имѣлъ печальный исходъ: около ста человекъ изъ новгородскаго отряда погибло въ борьбѣ съ югрой. Остальные семьдесятъ новгородцевъ успѣли спастись отъ преслѣдованій югры. Однако, имъ пришлось на возвратномъ пути перенести много лишений отъ жестокой сѣверной зимы, отъ недостатка въ хлѣбѣ, отъ неудобства и путаницы въ дорогахъ и, вѣроятно, также отъ враждебнаго настроенія разныхъ племенъ на сѣверѣ, пользовавшихся случаемъ нанести вредъ этому небольшому отряду новгородцевъ. Въ Великомъ Новгородѣ всѣ были крайне озабочены судьбою отряда новгородцевъ, отправившихся въ Югорскую землю. Почти цѣлый годъ въ Великомъ Новгородѣ не получалось никакихъ извѣстій объ этомъ походѣ. „Печаловахуса, по выраженію лѣтописи, въ Новгородѣ князь (Ярославъ Владиміровичъ), и владыка, и весь Новгородъ.“ Остатокъ новгородскаго отряда возвращался изъ Югор-

¹⁾ П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ 6587-мъ годомъ.

²⁾ П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ годомъ 6677-мъ.

³⁾ П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ годомъ 6695-мъ.

ской земли въ Великій Новгородъ въ продолженіе болѣе чѣмъ 8 мѣсяцевъ (со дня всѣхъ святыхъ до господина дня)¹⁾. Наконецъ, въ половинѣ августа 1194 года жалкіе остатки новгородскаго отряда, ходившаго для завоеванія Югорской земли, прибыли въ Великій Новгородъ. Когда прибывшихъ стали спрашивать о причинѣ неудачи въ походѣ, они стали сваливать вину во всемъ одинъ на другаго. Когда же дѣло выяснилось, что походъ не удался вслѣдствіе измѣны нѣкоторыхъ новгородцевъ своимъ товарищамъ, въ Великомъ Новгородѣ по этому случаю произошли волненія, причемъ, обвиняемые въ измѣнѣ убили, среди волненій, троихъ новгородскихъ гражданъ. Послѣдніе, по всей вѣроятности, особенно настаивали на обвиненіи въ измѣнѣ прибывшихъ изъ Югорской земли новгородцевъ. Нѣкоторые изъ заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ, повидимому, признали свою вину и принуждены были заплатить пеню кунами. Лѣтописецъ, въ концѣ разсказа объ этомъ неудачномъ походѣ въ Югорскую землю, говоритъ, что, „судя по разсказамъ, неудача въ походѣ произошла отъ измѣны, а, впрочемъ, одному Богу извѣстно, кто тутъ правъ, кто виноватъ“²⁾.

Съ конца XII столѣтія до первой четверти XIV в. въ лѣтописяхъ нѣтъ извѣстій о походахъ новгородцевъ въ Югорскую землю. Это не значитъ, что новгородцы прервали вслѣдствіе сношенія съ югрой. Вѣроятно, походы въ Югорскую землю съ цѣлью собиранія дани попрежнему продолжались и вообще оканчивались для новгородцевъ счастливо, такъ что лѣтописцы не считали нужнымъ заносить въ лѣтописи извѣстія объ этихъ походахъ, какъ о явленіяхъ обыкновенныхъ; въ лѣтописяхъ же мы встрѣчаемъ всего болѣе извѣстія только о такихъ походахъ въ Югорскую землю, которые сопровождались какимъ нибудь несчастіемъ, неудачей для новгородцевъ. Что походы въ Югорскую землю попрежнему продолжались и остались безплодными, въ этомъ убѣждаетъ то важное обстоятельство, что во второй половинѣ XIII столѣтія Югорская земля считалась уже новгородскою волостью. Именно въ договорной грамотѣ Великаго Новгорода съ великимъ княземъ тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ, при перечисленіи волостей новгородскихъ, упоминается, между прочимъ, Югра. Эта договорная грамота относится къ 1265 году³⁾. Въ это время Югорская земля считалась новгородскою волостью, но когда именно новгородцы стали смотрѣть на Югорскую землю, какъ на волость, т. е. какъ на болѣе или менѣе опредѣленное свое владѣніе, объ этомъ нѣтъ положительныхъ извѣстій. Только знаемъ, что, кромѣ вышеупомянутой договорной грамоты, еще въ другихъ

¹⁾ П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ 1193-мъ годомъ. Въ Никонов. лѣт., ч. II, Спб., 1768 г., стр. 259, подъ 1193-мъ годомъ находится то же извѣстіе только съ небольшимъ различіемъ въ именахъ.

²⁾ П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ 1194-мъ годомъ.

³⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, М., 1813, ч. I, № 1.

такихъ же грамотахъ Великаго Новгорода, написанныхъ одна 1270 года, другая между 1305 и 1308 годами, третья между 1307 и 1308 годами, четвертая 1327 года ¹⁾, пятая 1456 года и шестая 1471 года,—во всѣхъ этихъ грамотахъ Югра, т. е. Югорская земля, упоминается въ числѣ волостей новгородскихъ ²⁾.

О дальнѣйшихъ попыткахъ новгородцевъ, въ XIV столѣтіи, завоевать Югру—въ лѣтописяхъ сохранились немногія свѣдѣнія. Такъ въ 1323 году, устюжане перехватили на пути новгородцевъ, ходившихъ въ Югорскую землю, и ограбили ихъ ³⁾. Безъ сомнѣнія, тутъ дѣло идетъ о новгородскихъ сборщикахъ дани, которые возвращались изъ Югорской земли. Затѣмъ въ 1329 году устюжскими князьями были перебиты новгородцы, отправившіеся въ Югорскую землю для сбора дани ⁴⁾. Эта сильная вражда устюжанъ съ новгородцами интересна въ томъ отношеніи, что тутъ обнаруживается соперничество изъ-за пользованія выгодами господства въ Югорской землѣ, которая, судя по этому обстоятельству, была страной богатой.

Въ 1357 году въ Югорской землѣ погибъ вмѣстѣ со своей дружиной какой-то Самсонъ Колывановъ ⁵⁾. Этотъ Колывановъ былъ, какъ можно предполагать, однимъ съ тѣхъ отважныхъ людей, которые, набравъ толпу подобныхъ себѣ удалцевъ, проникали въ сѣверо-западную Азію, надѣясь обогатиться посредствомъ безпощадныхъ грабежей въ землѣ Югорской. Однимъ изъ такихъ предприимчивыхъ людей это удавалось, для другихъ такое отважное предпріятіе обходилось цѣною жизни.

Въ 1364 году изъ Югорской земли въ Великій Новгородъ возвратились новгородскіе дѣти боярскіе и разные „молодые люди“ съ воеводами Александромъ Абакуновичемъ и Степаномъ Ляпою. Ходили они въ Югорскую землю для завоеваній и для сбора дани. Эти новгородцы дѣйствовали въ Югорской землѣ двумя отрядами. Одинъ изъ отрядовъ воевалъ по нижнему теченію рѣки Оби вплоть до Ледовитаго океана, а другой ходилъ вверхъ по р. Оби. При обратномъ пути изъ Югорской земли новгородцы встрѣтили было препятствіе со стороны двинянъ, которые, подобно устюжанамъ, замышляли отнять у новгородцевъ богатства, награбленныя послѣдними въ землѣ Югорской; но новгородцы окончательно разбили двинянъ ⁶⁾. Походъ этотъ прошелъ для новгородцевъ вообще удачно. Изъ свѣдѣній же о другихъ походахъ въ Югорскую землю

¹⁾ Ibid., №№ 3, 6, 10 и 15.

²⁾ Акты, собраныя археографической экспедиціей. Спб., 1836, т. I, №№ 57 и 91.

³⁾ П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ 6831 годомъ.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ 6837 годомъ.

⁵⁾ П. С. Р. Л., т. IV, Новгородская IV лѣтопись, извѣстіе подъ 6865 годомъ.

⁶⁾ П. С. Р. Л., т. IV, Новгородская IV лѣтопись, извѣстіе подъ 6872 годомъ.

мы знаемъ, что новгородцамъ довольно часто приходилось испытывать большой уронъ въ сраженіяхъ съ „югрой поганой“.

Изъ времени XV столѣтія лѣтописи сообщаютъ намъ только объ одномъ походѣ новгородцевъ въ Югорскую землю. А именно: въ 1446 году Василій Шенкурскій и Михайло Яковлевъ, воеводы новгородскіе, ходили для завоеваній въ Югорскую землю съ заволоцкою ратью, состоявшею изъ трехъ тысячъ человекъ¹⁾.

Такъ какъ со второй половины XV-го столѣтія дѣятельная роль новгородцевъ въ походахъ въ Югорскую землю пала, и попытки проникнуть въ сѣверо-западную Азію принадлежать или жителямъ областей, входившихъ въ составъ Московскаго государства, или даже самому московскому правительству, то мы теперь должны прервать нашъ краткій обзоръ походовъ русскихъ въ Югорскую землю и сказать нѣсколько словъ о характерѣ отношеній Великаго Новгорода къ обитателямъ земли Югорской.

Прежде всего, изъ извѣстій о походахъ новгородцевъ въ Югорскую землю видно, что въ эту страну ходили отряды такъ называемыхъ „даньщиковъ“ (сборщиковъ дани) собирать съ жителей земли Югорской дань. Собиралась эта дань въ видѣ серебра, разныхъ дорогихъ мѣховъ, въ особенности собольихъ, и въ видѣ другихъ цѣнныхъ предметовъ²⁾. Размѣръ дани, если судить по извѣстіямъ лѣтописей, не былъ опредѣленъ. Новгородцы брали съ обитателей земли Югорской столько дани, сколько можно было взять при помощи всевозможнаго насилія, такъ что сборъ югорской дани былъ не чѣмъ инымъ, какъ разбоемъ и грабежемъ. Такой характеръ отношеній новгородцевъ къ югрѣ объясняется тѣмъ, что новгородцамъ не удавалось прочно водворить свое господство въ землѣ Югорской и обезпечить за собой хотя бы и небольшую, но постоянную дань съ жителей этой земли. Поэтому-то новгородцы спѣшили обогатить себя путемъ грабежа всего цѣннаго, что только можно было найти у тамошнихъ туземцевъ. Что походы въ Югорскую землю доставляли новгородцамъ немалую выгоду, это видно уже изъ самаго факта существованія этихъ походовъ, которые, всетаки, предпринимались новгородцами, хотя участникамъ этихъ походовъ часто приходилось расплачиваться даже жизнью за свою отвагу.

Судя по извѣстію о походѣ воеводы Ядрея (Андрея) въ Югорскую землю въ 1193 году, можно заключить, что новгородцы не только стремились къ военному господству въ этой странѣ, но также старались, по возможности, развить свою гражданственность въ этомъ дикомъ краю. Это видно отчасти изъ стремленія новгородцевъ распространить между грубыми жителями Югорской земли христіанство. Такъ, въ извѣстіи о походѣ въ Югру въ 1193

¹⁾ П. С. Р. Л., т. IV, Новгородская IV лѣтопись, извѣстіе подъ 6954 годомъ.

²⁾ П. С. Р. Л., т. III, Новгородская I лѣтопись, извѣстіе подъ 1193 годомъ.

году сообщается, что при отрядѣ новгородскаго воеводы Ядрей былъ священникъ Иванъ (Иванко) Легень ¹⁾. Вѣроятно, священникъ состоялъ при отрядѣ не для отправления только церковныхъ требъ, но и для распространенія христіанской вѣры между покоренными туземцами, такъ какъ при вступленіи въ югорскій городокъ воевода Ядрей прежде всего взялъ съ собою упомянутаго священника, можетъ быть, съ тою цѣлью, чтобы избрать и освятить мѣсто для построенія церкви въ этомъ городкѣ, какъ это, большею частію, дѣлалось русскими въ знакъ своего господства надъ завоеванною страню. Далѣе, стремленіе новгородцевъ водворить свою гражданственность въ Югорской землѣ, установить мирныя отношенія къ покореннымъ туземцамъ видно изъ извѣстія объ югорскомъ походѣ Василя Шенкурскаго и Михаила Яковлева въ 1446 году. Такъ, Василій Шенкурскій построилъ въ Югорской землѣ острогъ, т. е. небольшую крѣпость ²⁾, которая могла бы послужить основаніемъ для постояннаго поселенія, если бы жители Югорской земли не возстали единодушно и не прогнали новгородцевъ.

Теперь посмотримъ, какого же рода властью пользовались новгородцы въ землѣ Югорской, послѣ всѣхъ своихъ походовъ въ эту страну, другими словами, какое положеніе занимала земля Югорская въ ряду вообще владѣній новгородскихъ. Новгородцы, какъ выше было замѣчено, въ своихъ договорныхъ грамотахъ съ русскими князьями ³⁾ и даже съ польскимъ королемъ Казиміромъ IV ⁴⁾, опредѣленно говорятъ объ Югорской землѣ, какъ о своей волости. „Волость“ предполагаетъ болѣе или менѣе прочное владѣніе извѣстною землею, опредѣленное управленіе этою землею чрезъ правительственныхъ лицъ, какъ исполнителей приказаній государственной власти. Но извѣстія о новгородскихъ походахъ въ Югорскую землю убѣждаютъ совсѣмъ въ противоположномъ. Если новгородцы и говорятъ объ Югорской землѣ, какъ о своей волости, то совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они говорятъ въ тѣхъ же договорныхъ грамотахъ о другихъ своихъ волостяхъ, какъ, напримѣръ, о Перми, Печорѣ, Заволочьѣ и др. Считаая Югорскую землю своею волостью, новгородцы подъ «волостью», очевидно, разумѣли только свое право похода въ эту землю для сбора такъ называемой дани. Это еще яснѣе будетъ, если посмотримъ на отношенія новгородцевъ къ другимъ ихъ волостямъ, какъ правителей и господъ. Общій характеръ отношеній Великаго Новгорода къ его волостямъ достаточно уясняется договорными грамотами Великаго Новгорода съ разными русскими князьями. Договариваясь съ какимъ нибудь княземъ, новгородцы

¹⁾ Ibid., подъ 1193 годомъ.

²⁾ П. С. Р. Л., т. IV, Новгородская IV лѣтопись, извѣстіе подъ 6954 годомъ.

³⁾ Собр. госуд. гр. и догов., т. I, М., 1813, №№ 1, 3, 6, 10 и 15. Акты, собранные археогр. экспед., т. I, Спб., 1836, №№ 57 и 91.

⁴⁾ Акты, собр. археогр. экспед., т. I, № 87.

постоянно ставят ему на видъ условія, чтобы волости управлялись не княжескими людьми, а лицами, выбранными изъ среды новгородцевъ ¹⁾). Изъ этого условія видно, что Великій Новгородъ посылалъ въ свои волости особыхъ управителей, которые въ договорныхъ грамотахъ называются „мужами“. Поэтому нужно бы предполагать, что и Югорская земля, какъ волость новгородская, уже въ 1265 году (время написанія первой изъ дошедшихъ до насъ новгородскихъ договорныхъ грамотъ) управлялась какимъ нибудь „мужемъ“. Но объ этомъ нѣтъ ни одного положительнаго извѣстія, и самая исторія новгородскихъ походовъ въ Югорскую землю съ древнѣйшихъ временъ до второй половины XV столѣтія приводитъ насъ къ убѣжденію, что въ Югорской землѣ не было никакихъ „мужей“, правителей отъ Великаго Новгорода. Не таковы были отношенія новгородцевъ къ другимъ ихъ волостямъ. Такъ Печорская сторона, находившаяся въ числѣ новгородскихъ волостей и самая близкая къ Югорской землѣ, дѣйствительно управлялась собственно для этой цѣли назначенными людьми. Великій князь Иванъ Даниловичъ, новгородскій, посадникъ Давило и тысяцкій Абрамъ во второй четверти XIV столѣтія (между 1328 и 1340 годами) грамотою на Двину передавали Печорскую сторону въ вѣдѣніе какого-то Михаила ²⁾. Затѣмъ, во второй половинѣ XIV столѣтія (между 1363 и 1389 годами) великій князь Димитрій Иоанновичъ пожаловалъ Печорою Андрея Фрязина, давъ ему по этому случаю особую грамоту. Изъ этой же грамоты узнаемъ, что Печорская сторона раньше состояла подъ управленіемъ Матвѣя Фрязина, дяди Андрея ³⁾. Въ Перми, какъ волости Великаго Новгорода, встрѣчаемъ также новгородскихъ „володѣтелей“, управлявшихъ Пермью. Въ числѣ этихъ „володѣтелей“ упоминается Ярецъ, Феодоръ Борисовичъ Брюхо, Юрій Захаровичъ и Иванъ Гавриловъ ⁴⁾. Такимъ образомъ, въ Печорской землѣ и Перми, какъ волостяхъ Великаго Новгорода, находились „мужи“ или „володѣтели“, управлявшіе этими землями отъ имени Великаго Новгорода, но нѣтъ ни одного положительнаго извѣстія, которое говорило бы о такихъ новгородскихъ управителяхъ въ Югорской землѣ.

Причина непрочности власти Великаго Новгорода въ Югорской землѣ заключалась, безъ сомнѣнія, во-первыхъ, въ томъ обстоятельствѣ, что эта земля находилась очень далеко отъ центральной власти и вслѣдствіе своей отдаленности представляла невыгодныя для новгородцевъ условія для частыхъ сношеній съ нею, посредствомъ которыхъ власть Великаго Новгорода только и могла тамъ упрочиться. Кромѣ того, новгородцы, по совершенно справедливому замѣчанію Барсова, „были стѣснены въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ постояннымъ противодѣйствіемъ со

¹⁾ Собр. гос. гр. и догов., т. I, № 1.

²⁾ Акты археографической экспедиціи, т. I. Спб., 1836 г., № 2.

³⁾ Ibid., № 6.

⁴⁾ Пермская лѣтопись. Составилъ Шишонко. Пермь, 1881, стр. 27, подъ 1471 годомъ.

стороны поволжскихъ князей, которые очень рано овладѣли важнымъ пунктомъ на водномъ заволочкомъ пути, Устюгомъ, и перерывали сношенія ихъ съ Югорской землей. Новгородъ отправлялъ въ Югру своихъ данщиковъ, подкрѣпляя ихъ значительными военными силами какъ для отпора обычнымъ нападеніямъ устюжскихъ князей и двинянъ, такъ и для борьбы съ югорцами, отъ которыхъ они должны были постоянно ожидать сопротивленія. При такихъ условіяхъ Новгородъ, конечно, не могъ, хотя и называлъ Югру своею волостью, завести въ ней славянскія поселенія, ни дать ей своего управленія. Югра управлялась своими князьями, вела съ данщиками упорную борьбу, изъ которой новгородцы выходили не всегда съ успѣхомъ¹⁾. Такимъ образомъ теперь ясно, что за властью пользовались новгородцы въ землѣ Югорской, примыкавшей къ отдаленнымъ окраинамъ ихъ дѣйствительныхъ владѣній. Новгородцы, называя землю Югорскую своею волостью, указывали этимъ только на свое право (если вообще возможно такое право) предпринимать туда походы для сбора дани, размѣръ которой зависѣлъ отъ безграничнаго произвола „данщиковъ“²⁾.

А. Оксеновъ.

¹⁾ Барсовъ, «Очеркъ древн. русск. ист. геогр.», стр. 55 и 56.

²⁾ Эта статья представляетъ извлеченіе изъ кандидатской диссертациі автора, заключающей въ себѣ еще слѣдующія главы: 1) походы русскихъ въ Югорскую землю и на вогуловъ въ періодъ московскій; 2) Сибирская земля: князья и ханы сибирскихъ татаръ; этнографическій составъ и политическій строй позднѣйшаго Сибирскаго ханства; 3) посольскія сношенія московскаго правительства съ князьями и ханами Сибирской земли; 4) торговля сношенія русскихъ людей съ обитателями сѣверо-западной Азіи до эпохи Ермака; 5) старые пути изъ предѣловъ Московскаго государства въ сѣверо-западную Азію; 6) характеръ свѣдѣній о сѣверо-западной Азіи, имѣвшихся на Руси съ древнѣйшихъ временъ до эпохи Ермака; 7) извѣстія западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ о сѣверо-западной Азіи до эпохи Ермака.

А. А. Дмитриев

ОТДѢЛЪ I.
ИЗСЛѢДОВАНІЯ.
~~~~~
ПОКОРЕНІЕ УГОРСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ И СИБИРИ.

I.

Пермь и Югра въ ихъ взаимномъ соотношеніи. Современное состояніе вопроса о древней Югрѣ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло исключительно съ *Пермью*, какъ въ общемъ, такъ особенно въ частномъ значеніи этого слова. Для насъ стало ясно употребленіе этого гео- и этнографическаго термина въ памятникахъ древней русской письменности въ двоякомъ значеніи: въ общемъ значеніи всей обширной территоріи, населенной народами Пермской группы-древними Сырьянами, Пермичами и Печерою, объединявшимися до XIV вѣка въ словѣ *Пермь*, *Пермяне*; и въ частномъ, спеціальному значеніи территоріи верхняго и средняго Покамья, отъ истоковъ р. Камы до ея притока Чусовой включительно, гдѣ лежала *Пермь Великая* или страна Великопермская, какъ часть указанной обширной территоріи. Здѣсь, на верхней *Камѣ*, донинѣ населенной народомъ *Коми*, какъ называютъ Пермь самихъ себя, первоначально и локализовалось, повидимому, все населеніе Перми, пока остальные части обширной территоріи заняты были Уграми, несомнѣнными предшественниками Перми на европейскомъ сѣверо-востокѣ. Это положеніе лучше всего обосновано въ ученыхъ трудахъ извѣстнаго *Шегрена*. Мы неоднократно указывали слѣды угорскихъ поселеній на окраинахъ Перми Великой и вмѣстѣ съ тѣмъ высказали предположеніе, что самое слово *Кама* не одного-ли корня съ словомъ *Коми*? Названіе *Пермь* было усвоено Славянами, и Пермь не знаютъ, почему

¹ Статья печатается по книге: Дмитриев, А. А. Пермская старина / А. А. Дмитриев. — Пермь: Типография Н-ков П. Ф. Каменского, 1894. — Вып. 5. Покорение Угорских земель и Сибири. — С. 1-46. — Ред.

страну ихъ называютъ Пермью *). По мѣрѣ постепеннаго передвиженія Угровъ за Уралъ, расширялась территория Пермскихъ поселеній. Это передвиженіе Угровъ къ востоку началось очень рано, въ доисторическомъ періодѣ, и уже извѣстная „отказная“ грамота 1471 г. Новгородца Великаго въ пользу Москвы называетъ далекую рѣку Мезень и ея лѣвый притокъ Вашку „исконнымъ мѣстомъ великаго князя Вычегодскимъ—*Пермяками*“ **). Къ началу XVII вѣка область пермско-зырянскаго населенія широко раздвинулась на сѣверо-востокъ ***), пока усилившаяся русская колонизація не повела въ свою очередь къ уменьшенію этой области, отчасти вслѣдствіе передвиженія самихъ Зырянъ къ востоку и особенно по причинѣ ассимиляціи ихъ съ новыми русскими населенниками, принесшими сюда высшую культуру. На ряду съ общимъ понятіемъ „Пермь“, отмѣченнымъ въ первоначальной русской лѣтописи рядомъ съ „Печерою“, постепенно устанавливается и частное, видовое понятіе „Пермь Великая“, какъ южная часть или окраина обширной области, занятой народами Пермской группы. Мы говорили, что въ первый разъ Пермь Великая упомянута въ Епифаніевомъ житіи св. Стефана, памятникѣ конца XIV вѣка. Здѣсь эта страна впервые названа „Пермь Великая, глаголемая Чусовая“, каковой терминъ мы уже подробно объяснили въ своемъ мѣстѣ. (См. вып. I, 62—67).

Соотвѣтственно указанной терминологіи, употреблялось и слово *Югра* во всѣхъ памятникахъ нашей древней письменности, начиная съ XI вѣка. Многолѣтнее изученіе послѣднихъ привело меня къ твердому убѣжденію, что и это слово прежде употреблялось въ двойномъ значеніи: въ общемъ, собирательномъ значеніи всѣхъ Угорскихъ народовъ и въ частномъ значеніи *Юричей*, древнихъ обитателей береговъ Сыгвы и Сосвы на восточномъ склонѣ Уральскихъ горъ. Если вопросъ о Перми вызвалъ столько ученыхъ споровъ, обзорѣнію

*) «Пермская Старина» I, 54 и 66. Послѣ того объ Угорскихъ поселеніяхъ въ Перми Великой я написалъ особую статью: «Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI вѣка» во II выпускѣ «Трудовъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи», гдѣ см. стр. 27—35. (Статья вышла и отдѣльно). Пермь. 1893 г.

***) Объясненіе этихъ словъ см. въ «Пермс. Стар.» I, 156 и II, 38.

****) См. 2-ю главу во II выпускѣ «Пермс. Стар.». Пермь. 1890 г.

— 3 —

которыхъ мы посвятили I выпускъ нашего изданія, то и древнѣйшая Югра представлялась ученымъ не менѣе загадочною страной, восходящею своимъ началомъ чуть не къ мифическимъ временамъ. Какъ о Перми рассказывалось много баснословныхъ преданій, въ которыхъ она смѣшивалась съ Біарміей Отера и скандинавскихъ сагъ IX—XII вѣковъ только на основаніи случайнаго и то отдаленнаго созвучія словъ; такъ и объ Югрѣ еще первоначальная лѣтопись сообщаетъ чудовищныя вещи, напримѣръ, о нѣмыхъ ея людяхъ, заклепанныхъ въ каменныхъ горахъ Александромъ Македонскимъ (Лаврентьевская лѣтопись подъ 1096 годомъ), о вѣверицахъ и оленцахъ, т. е. бѣлкахъ и оленяхъ, выпадающихъ изъ снѣжныхъ тучъ въ странахъ полуночныхъ (Ипатьевская лѣтопись подъ 1114 годомъ) и т. п. Баснословность и крайняя неопредѣленность древнѣйшихъ извѣстій объ Югрѣ, какъ и о началѣ всякой страны, естественно, создала въ наукѣ нѣсколько цикловъ ученыхъ, болѣе или менѣе расходившихся въ своихъ воззрѣніяхъ на одинъ и тотъ же предметъ, а иногда и діаметрально противоположныхъ. Поэтому въ изложеніи вопроса о древней Югрѣ намъ опять придется прибѣгнуть къ тому же приему, какой употребили мы относительно древнѣйшей Перми въ I выпускѣ изданія, т. е. мы должны сначала установить извѣстную группировку ученыхъ воззрѣній на Югру, высказанныхъ доселѣ, и затѣмъ высказать свое мнѣніе на основаніи пересмотра первоисточниковъ.

Мы должны установить двоякую группировку ученыхъ воззрѣній на древнюю Югру: во 1-хъ относительно ея мѣстоположенія и во 2-хъ относительно генетической связи ея съ современными угорскими народами. И въ томъ, и въ другомъ отношеніяхъ среди ученыхъ образовалось нѣсколько группъ. Относительно мѣстоположенія древней Югры ученія воззрѣнія раздѣлились такимъ образомъ:

1. По мнѣнію однихъ ученыхъ, древняя Югра лежала къ западу отъ Уральскихъ горъ.

2. По мнѣнію другихъ, прямо противоположному, она находилась къ востоку отъ Урала.

3. По мнѣнію третьихъ, Югра занимала оба склона Урала, хотя и неодновременно: сперва западный, а послѣ восточный склонъ горъ.

Остановимся на каждой группѣ ученыхъ отдѣльно, какъ сдѣлано это нами и относительно древней Перми въ I выпускѣ изданія (стр. 54—61).

Къ первой группѣ относится большинство ученыхъ прошлаго вѣка. Извѣстный *В. Н. Татищевъ* въ „Исторіи Россійской“ (томъ II, стр. 424) и *Болтинъ* въ „Примѣчаніяхъ на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка“ (СПБ. 1788 г., томъ I, стр. 48) относили древнюю Югру къ мѣсту соединенія Юга съ Сухоною и верховьямъ образующейся изъ нихъ Сѣверной Двины. Къ нимъ примкнулъ извѣстный путешественникъ *Рычковъ* („Журналъ или дневныя записки путешествія въ 1769—1770 г.г.“, часть II, 102 и другія), заодно съ Татищевымъ производившій имя Югры отъ рѣки Юга (Югдорія, въ сокращеніи Югорія). Сибирскіе историки *Миллеръ* и *Фишеръ* держались того мнѣнія, что подъ именемъ Югріи въ старину разумѣли земли, прилегавшія къ р. Печорѣ и простиравшіяся на сѣверѣ до Ледовитаго океана и на востокѣ до Урала или „Югорскихъ горъ“, при чемъ *предшественниками Югры въ сихъ мѣстахъ были Самоѣды*, отодвинутые потомъ на крайній сѣверо-востокъ Европы *). Этому мнѣнію послѣдовалъ и *Шлецеръ* („Несторъ“, II, 50—51 и III, 112), указавшій сверхъ того Вычегду южной границей земли Югорской. Всѣ указанная мнѣнія имѣли подъ собою твердую научную почву, но оказались односторонни послѣ тѣхъ выводовъ, къ которымъ впослѣдствіи пришли ученые третьей группы.

Вторая группа ученыхъ усвоила себѣ прямо противоположный взглядъ на Югру, полагая ее за Ураломъ. Во главѣ этихъ ученыхъ нужно поставить академика *А. Х. Лерберга*, написавшаго первое специальное изслѣдованіе о древней Югрѣ **). Такъ какъ его выводамъ справедливо придается важное значеніе всѣми изслѣдователями Югры, то мы приведемъ ихъ подлинными его словами: „Древняя Югрія

*) *Миллеръ*: «Описаніе Сибирскаго Царства». СПБ. 1750 г., стр. 61 и «Лексиконъ географич. Россійс. госуд.», сочиненный *Полунинымъ*, изданный *Миллеромъ*. М. 1773, стр. 262, статья «Печера». *Фишеръ*: «Сибирская исторія», стр. 108.

***) См. его «Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской исторіи». въ переводѣ съ нѣмецкаго *Языкова*. СПБ. 1819 г. При этомъ объемистомъ томѣ приложена «Карта для изясненія къ сочиненію о положеніи Югорской земли».

находилась не на берегѣ Бѣлаго моря, не у Печоры и Вычегды, не у Юга и вообще *не собственно въ Европейской Россіи*, но—простиралась она между 56° и 67° сѣв. шир. отъ самаго сѣвернаго конца Урала на востокъ чрезъ нижнюю Обь до рѣки Надыма, впадающей въ Обьскую губу, и до Агана, который выше Сургута впадаетъ въ Обь. Къ ней принадлежали еще мѣста, лежащія по нижнему Иртышу, Тавдѣ, Турѣ и Чусовой. Съ южныя стороны граничила она съ Татарскими владѣніями, а съ сѣверной—съ землею *прежде бывшихъ Самоѣдовъ*, почему и занимала не малую часть сѣв.-запад. Азіи и состояла больше изъ мѣстъ, принадлежащихъ нынѣ къ Тобольской и Пермской губерніямъ“ *). *Карамзинъ* въ первомъ томѣ своей „Исторіи Госуд. Россійскаго“ ограничилъ предѣлы Югры поселеніями нынѣшнихъ Березовскихъ Остяковъ на Оби и Сосвѣ, слѣдуя указанію „Книги Большому Чертежу“. „Описаніе похода Россіянъ въ землю Югорскую около 1500 года ясно доказываетъ, что она была за Каменнымъ Поясомъ“, добавляетъ онъ (см. томъ I изд. 1818 г., стр. 35 и примѣчаніе къ нему 73). Того же мнѣнія держался *Соловьевъ*, какъ можно видѣть изъ его описанія походовъ Русскихъ въ Югру (т. V, 94—95). Отличный знатокъ Березовскаго края, *Н. А. Абрамовъ*, опредѣлялъ Югру по „Книгѣ Большому Чертежу“, какъ и *Карамзинъ* **). Ближе къ Лербергу стоятъ по воззрѣніямъ на Югру *Клапротъ* и финнологъ *Кастренъ* ***). Проф. *И. Д. Бѣляевъ* судилъ о границахъ Югры на основаніи свидѣтельствъ о походахъ Русскихъ противъ этой страны въ XIV и особенно въ XV в.в., т. е. поступалъ подобно *С. М. Соловьеву* ****).

Третью группу можно считать господствующей какъ по своимъ воззрѣніямъ на Югру, такъ и по числу послѣдователей. Первымъ по времени представителемъ ея мы считаемъ

---

*) Стр. 4 указанной книги. *Миллеръ* и *Фишеръ* также считали Самоѣдовъ предшественниками Югры, что намъ важно замѣтить для послѣдующихъ выводовъ.

**) См. его «Описаніе Березовскаго края» въ «Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ.» кн. XII. Спб. 1857 г., стр. 329.

***) *Klaproth*: «Mémoires relatifs á l'Asie»; *Castren*: «Ethnologische Vorlesungen ueber die altaischen Völker». SPT. 1857.

****) *Бѣляевъ*: «О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» (до XVI вѣка) въ «Запискахъ Импер. Русск. Географ. Общ.», кн. VI. Спб. 1852 г.

Георги, который въ своемъ „Geographisch-physicalischen Beschreibung des russischen Reichs“ (Königsberg. 1797, в. II, р. 13) опредѣленно высказалъ, что древнюю Югрію составлялъ берегъ, простирающійся отъ Бѣлаго моря чрезъ Уралъ до Оби. Этотъ выводъ нашель себѣ подтвержденіе въ трудахъ знаменитаго *Антоня Регули* и въ некоторыхъ его послѣдователей-финнологовъ, тщательно изучавшихъ языки финскихъ народовъ сѣвернаго побережья, постепенныя передвиженія этихъ народовъ и географическую номенклатуру, какъ довольно надежный научный указатель этихъ передвиженій. Самымъ рѣшительнымъ сторонникомъ его въ угорскомъ вопросѣ былъ *Европеусъ*. Академикъ *Гобманъ*, стоявшій во главѣ извѣстной сѣверной экспедиціи 1847 года, воспользовался ихъ выводами въ своемъ трудѣ „Сѣверный Уралъ“ (см. томъ II. СПб. 1856 г., стр. 50 и слѣд.). Относительно древней Югры онъ высказалъ между прочимъ слѣдующія соображенія: „*Вогулы и ляпинскіе Остяки говорятъ, какъ мнѣ кажется, однимъ и тѣмъ же языкомъ, составляютъ одинъ народъ, и даже по горнымъ терминамъ въ ихъ языкѣ видно, что они долго жили въ горахъ. Мѣста ихъ поселенія по обѣ стороны хребта, сколько я ихъ обозрѣлъ, теперь рѣзко отдѣлены другъ отъ друга. Вогулы живутъ къ югу отъ истоковъ Вишеры... Ляпинскіе Остяки живутъ къ сѣверу отъ истоковъ Печоры и теперь только къ востоку отъ хребта; но свойство почвы и страны не представляетъ никакого основанія думать, чтобъ они не могли обитать прежде по сю сторону хребта, въ странахъ, которыя они еще и теперь считаютъ своею собственностію и которыми пользуются для охоты и пастбищъ, т. е. на системахъ судоходныхъ и рыболовныхъ рѣкъ: Илыча (по остяцки Ольсъ), Почерема (Манси-Гумъ-я) и Шуюра (Сакуръ-я). Когда Новгородцы начали ихъ притѣснять, они потянулись чрезъ хребетъ... и имя Югры перешло чрезъ него вмѣстѣ съ ними“ (стр. 50). Ляпинскіе Остяки, какъ и Вогулы, называютъ сами себя *Манси*, а Зыряне называютъ Остяковъ и донинѣ *Еврагасъ*, превратившееся въ русское *Югра*. Отъ тѣхъ же Зырянъ Русскіе переняли слово Вогуль, по-зырянски *Ваголь* *).*

*) Müller' s: «Sammlung russischer Geschichte». СПб. III, 339. Sjögren: «Memoir. de l' Acad. de ST. Petersb.» VI serie. 1832. pag. 526.

ляпинскіе Остяки были древніе Югры, заключаетъ Гофманъ, то и границы Югріи были тѣ самыя, которыя они до сихъ поръ считаютъ предѣлами своихъ владѣній, именно: отъ Оби въ западу почти до Печоры и отъ истоковъ Печоры въ сѣверу почти до 65° сѣв. шир.“ (стран. 50). „Итакъ, если ляпинскіе Остяки, нынѣшніе *Евразь*, были Югры, читаемъ еще у того же Гофмана, то вѣроятно ихъ обиталища находились сперва по сую сторону Урала, на рѣкѣ (*Евразь-Ляна*, по русски *Югра*, притокъ Илыча), по которой они безразлично съ Печерцами названы были Югрою. Такъ какъ они, оставя западную сторону Урала, продолжали однакожь ежегодно ходить въ Европу чрезъ *Югринскій Переходъ* (долина упомянутой рѣки Югры, притока Илыча) для торговли, охоты и пастбищъ, то это имя перешло и на восточную сторону, а впоследствии и на одноименныхъ обдорскихъ Остяковъ, съ которыми перешло даже на берега *Ледовитаго моря*“ (стр. 51). Гофманъ подробно описываетъ этотъ Югринскій Переходъ съ Печоры по Илычу и Югрѣ, но Антонъ Регули не приводитъ однако же такого названія прохода по долинамъ этихъ рѣкъ *). Онъ называетъ только въ числѣ семи проходовъ изъ Печерскаго края чрезъ Сѣверный Уралъ два *Сосвинскихъ пути*: одинъ отъ р. Илыча, изъ деревни Сарью, другой отъ Печеры изъ дер. Усть-Уньи, которые оба сходятся на Уралѣ и идутъ ниже горы Енгельи въ Мальянскую долину, а отсюда къ Сосвѣ. Повидимому, Регули не пришлось слышать историческаго названія рѣки Югры и Югринскаго Перехода. Можетъ быть, онъ слышалъ остяцкое ея названіе *Ольсъ-Манъ-я* и не слышалъ зырянскаго *Евразь-Ляна* и русскаго *Югра*. Труды венгерскихъ и финляндскихъ лингвистовъ и этнографовъ и нашихъ ученыхъ много подвинули впередъ изученіе угорскихъ народовъ и въ частности древней Югры. Подъ ихъ вліяніемъ въ позднѣйшее время угорскій вопросъ занялъ въ наукѣ столь видное мѣсто, что въ Гельсингфорсѣ возникло даже специальное „Финско-Угорское Общество“, уже заявившее себя почтенными трудами въ этой области.

*) См. переводъ письма А. Регули къ нашему академику П. И. Кеппену отъ 21 января 1847 г. въ «Запискахъ Русск. Географич. Общ.», кн. III. СПб. 1849 г., стр. 159—175. Въ одномъ мѣстѣ, правда, онъ констатируетъ древнее наименованіе Сѣвернаго Урала *Югорскимъ Камнемъ*, о чемъ раньше писалъ Лербергъ.

„Угорская теорія“ *Европеуса*, при всей ея крайности, нашла себѣ въ средѣ членовъ этого Общества новыхъ сторонниковъ. Идеи финскихъ ученыхъ до извѣстной степени опредѣляли взгляды и нашихъ ученыхъ, работавшихъ въ той же области. Такъ, *Н. И. Костомаровъ* смотрѣлъ на Югру съ точки зрѣнія *Кастрена*, но въ отношеніи мѣстоположенія древней Югры примкнулъ къ третьей группѣ ученыхъ, признавъ возможнымъ допустить существованіе угорскихъ поселеній и къ западу отъ Уральскихъ горъ *). Еще ранѣе его *фонъ-Бушенъ* написалъ второе послѣ Лербергова специальное изслѣдованіе о древней Югрѣ, весьма замѣчательное по основнымъ выводамъ для своего времени **). Считаемъ необходимымъ остановиться на этихъ выводахъ. „*Страна, называемая въ Большомъ Чертежѣ Югрою и заключающая въ себѣ небольшое пространство по рѣкамъ Сосва и Сыва, была только Югрою въ тѣсномъ смыслѣ. Въ древнѣйшія времена въ составъ Югры входила также вся Обдорія, т. е. страна на нижнихъ частяхъ р. Оби до Ледовитаго океана, равно какъ и часть земель, занимаемыхъ нынѣшними Зырянами и Вогулами, лежащихъ на югъ отъ Югры, на Тавдѣ, Колвѣ и Вишерѣ. Въ лѣтописяхъ новгородскихъ и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ иностранныхъ писателей XVI вѣка мы встрѣчаемъ нерѣдко мѣста, свидѣтельствующія, что Югра жила по обѣимъ сторонамъ Урала и на берегахъ Сѣвернаго Ледовитаго моря.... Смѣло можно предполагать, что древняя Югра въ обширномъ смыслѣ, какъ ее понимали Новгородцы въ первыя времена существованія Русскаго государства, простиралась на сѣверъ до побережья Ледовитаго океана отъ Югорскаго шара до устья Таза, а на югъ достигала верховьевъ Лозвы и Вишеры. Уже во времена позднѣйшія Югрѣ назначены были болѣе тѣсныя предѣлы“ (стр. 170—171) ***). Далѣе мы увидимъ, что во взглядѣ на древнюю Югру Бушенъ подошелъ къ истинѣ*

*) «Сѣвернорусскія народоправства». СПб. 1863 г. т. I, 412—413.

***) «Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ» въ «Вѣстникѣ Императ. Русскаго Географич. Общества», кн. IV, СПб. 1855 г., стр. 167—190.

***) Бушенъ добавляетъ, ссылаясь на «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній» *Н. В. Калачова* кн. I, что въ 7184 (1676) г. были учреждены Обдорское и Кондійское намѣстничества, а въ 7189 (1681) г. Югорское, а что до того времени вся Югра причислялась къ Велико-Пермскому намѣстничеству.

ближе всѣхъ другихъ изслѣдователей того же вопроса. Изъ послѣдующихъ ученыхъ заслуживаетъ вниманія проф. *Н. П. Барсовъ*, сообщившій объ Югрѣ нѣкоторыя новыя соображенія *). Онъ обратилъ особенное вниманіе на географическія названія, доселѣ существующія на сѣверо-востокѣ Россіи и обличающія несомнѣнно угорское происхожденіе. Таковы: рѣка *Уронья*, притокъ Ваги, *Уринская* деревня на Вагѣ къ югу отъ уѣзднаго города Вельска, *Уорма*, притокъ Кубины, въ Кадниковскомъ уѣздѣ, д.д. *Югорская* и *Юрина* въ Тотемскомъ уѣздѣ, въ области Сухоны, *Юринская* дер. на р. Югѣ, въ Никольскомъ уѣздѣ, *Гурганская* на верхней Сысолѣ, въ южной части Усть-Сысольскаго уѣзда—всѣ эти названія въ нынѣшней Вологодской губерніи и мн. др. Рядъ подобныхъ географическихъ названій привелъ Барсова къ одинаковому заключенію съ Татищевымъ, съ тою разницею, что Барсовъ ограничилъ извѣстнымъ хронологическимъ предѣломъ господство Югры къ западу отъ Урала. „Подчиненіе Югры Новгороду, говоритъ онъ,—по всей вѣроятности относится или къ началу XII вѣка, или къ самому концу XI-го. Но по обстоятельствамъ, Новгородцы никогда не могли утвердить надъ нею прочной власти и ограничивались простымъ сборомъ дани.... Югра управлялась своими князьями, вела съ данщиками упорную борьбу и .... отступала. Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій она постепенно передвинулась за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, и здѣсь застаютъ ее XV вѣкъ, и здѣсь она была покорена уже Московскими войсками. По всей вѣроятности, двигались вмѣстѣ съ Югрою и Новгородскія дружины..... Память о такомъ переселеніи Югры съ береговъ Двины и Юга, гдѣ она жила когда-то подъ именемъ Югорски, за Уралъ еще въ прошломъ столѣтіи сохранялась у ея потомковъ Вогуловъ“. *Н. П. Барсовъ* ссылается на свидѣтельство Шведскаго подполковника *Шенстрема* (P. Schönström), бывшаго въ Россіи въ качествѣ военноплѣннаго въ 1741 г. и написавшаго пошведски книгу: „Краткое введеніе къ исправленію Шведской исторіи“ 1816 г. *Шенстремъ* говоритъ, что въ его время около Каргополя

*) «Очерки Русской исторической географіи. Географія начальной (Несторовой) лѣтописи». Изслѣдованіе *Н. П. Барсова*. Варшава. Изд. 2-е. 1885 г., стр. 60—64.

Олонецкой губ., по рѣкѣ Вагѣ и по озерамъ Онежскому и Ладожскому говорили испорченнымъ финскимъ языкомъ, что собственно Біармія нѣкогда лежала на восточномъ берегу Двины, а къ востоку отъ Перми и рѣки Камы живетъ народъ, который Русскіе называютъ Вогулами. „Прежде они жили, какъ рассказывали мнѣ нѣкоторые изъ нихъ, на рѣкахъ Двинѣ и Югѣ и назывались тогда *Югорски* (Iugorski), безъ сомнѣнія, по рѣкѣ Югу“. (Барсовъ, стр. 245, примѣч. 115-е). Это преданіе Вогуловъ кромѣ *Шенстрема* сообщили *Миллеръ* и *Кастренъ* *). Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей Югры слѣдуетъ остановиться на *Замысловскомъ*, который высказалъ свой взглядъ по этому вопросу въ монографіи о Герберштейнѣ. Вотъ его окончательныя сужденія объ Югрѣ. „На основаніи доводовъ и соображеній, приведенныхъ Н. Барсовымъ, мы готовы допустить, что названіе Югра въ нашихъ письменныхъ памятникахъ XII—XIV в.в. относится къ землѣ, лежавшей къ западу отъ Урала. Но въ XV в. *Югорскою* землею называли также и область, прилегающую къ восточнымъ склонамъ Урала, что вѣроятно и привело Лерберга къ очень одностороннимъ и невѣрнымъ заключеніямъ“ **). „Извѣстія, до насъ дошедшія отъ XV вѣка, далеко превосходятъ все то, что было извѣстно объ Югорской землѣ до этого времени; но все же они весьма недостаточны для того, чтобы съ увѣренностью возстановить то представленіе о ней, какое существовало въ это время. Можетъ быть, этимъ именемъ и продолжали означать область, прилегающую къ сѣверо-западнымъ склонамъ Урала; но въ то же время *Югорскою* землею несомнѣнно называли область на восточныхъ склонахъ Урала, по системѣ р. Оби“ ***). *Замысловскій* доказываетъ это выпиской изъ „Разрядныхъ книгъ“ (Миллеръ, 63), свидѣтельствомъ Архангелогородской лѣтописи подъ 1483 годомъ и Герберштейна. Пересмотромъ вопроса о древней Югрѣ послѣ *Замысловскаго* занялся г. *Оксеновъ* ****).

*) Müller: «D. Ugrische Volksstamm», I, 153. Castrén: «Ethnol. Vorlesungen», pag. 99.

***) Е. Е. *Замысловскій*: «Герберштейнъ». СПб. 1884 г., сноска на стр. 139.

****) Тамъ же, стр. 138.

*****) «Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей» въ «Литературномъ сборникѣ», изданномъ редакціей «Восточнаго Обзорія». СПб. 1885 г.

Онъ расходится съ Барсовымъ и Замысловскимъ только въ томъ, что признаетъ существованіе Зауральской Югры и до XIV вѣка. „Съ одной стороны, говоритъ онъ, въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о Югрѣ до XIV вѣка мы не имѣемъ ясныхъ указаній на положеніе Югорской земли на западъ отъ Урала и вообще какихъ либо опредѣленныхъ извѣстій о географіи этой страны; за то съ другой стороны цѣлый рядъ извѣстій о Югорской землѣ (со второй половины XIV в. до самаго начала XVIII в.) положительнымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Югорская земля находилась за Ураломъ, по нижнему теченію Оби. Поэтому, допуская, что можетъ быть Югорская земля до полов. XIV в. полагалась русскими людьми отчасти на западѣ отъ Урала, мы въ тоже время рѣшаемся утверждать, на основаніи многихъ извѣстій о Югрѣ съ полов. XIV в. до начала XVIII в., что *подъ Югрой и въ древнее время до XIV в. разумѣлась страна за Ураломъ, въ бассейнѣ Оби*“ (стр. 429 указаннаго „Сборника“). Эти слова сближаютъ г. Оксенова съ учеными второй группы въ вопросѣ объ Югрѣ. Послѣднимъ по времени сочиненіемъ, въ которомъ удѣлено не мало страницъ угорскому вопросу, надо назвать монографію о Пермяхъ Казанскаго профессора *И. Н. Смирнова* *). Этотъ трудъ особенно важенъ тѣмъ, что въ немъ принята во вниманіе мѣстная историческая литература, съ которою всѣ вышепоименованные ученые, какъ видно, почти не знакомы; между тѣмъ мѣстные историки не рѣдко знаютъ областную исторію лучше общихъ историковъ, ошибки которыхъ и исправляютъ путемъ мѣстныхъ изысканій. Г. Смирновъ главною цѣлью поставилъ себѣ изученіе Пермиковъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ, но какъ историческія судьбы ихъ тѣсно связаны съ судьбами сосѣднихъ угорскихъ народовъ, то автору „Пермиковъ“ неизбѣжно пришлось имѣть дѣло и съ угорскимъ вопросомъ. Приведемъ главные выводы автора относительно древней Югры. „Что Коми не одни населяли берега Вычегды—несомнѣнно. Всѣ болѣе или менѣе

*) Напечатана въ «Извѣстіяхъ Общества Археол., Исторіи и Этнографіи при Импер. Казан. Универс.» томъ IX, вып. 2. Казань. 1891 г. Свои основные выводы авторъ повторяетъ въ одной критической замѣткѣ на книгу «Пермскій Край», томъ II, помѣщенной въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ», томъ XI, вып. 4, стр. 400—405. Казань. 1893 г.

крупныя воды края имѣютъ двойныя названія: Вычегда у Зырянъ называется Йож-ва, Вымъ—Йом-ва, Сысола—Сыктыл-ва, Ухта (притоки Выма)—Сыква. Какой народъ даль не зырянскія названія—отчасти выяснилъ *Европеусъ* *). Онъ очень удачно истолковалъ названіе Вычегды изъ Югорскихъ словъ. Югорское названіе Вычегды должно, конечно, свидѣтельствовать о томъ, что *первыми насельниками на ея берегахъ, или по крайней мѣрѣ сѣверномъ, была Югра, и что русскіе застали ее здѣсь, вступая впервые въ край. Въ пользу пребыванія Югры на всемъ теченіи Вычегды говорятъ и другія мѣстныя названія....* Названіе р. Егры (Йогра), впадающей въ Сухону на западъ отъ Устюга, можетъ свидѣтельствовать, что Югра заходила на западъ дальше устья своей Вычегды. Выводы относительно территоріи Югры, сдѣланныя нами на основаніи мѣстныхъ названій, подтверждаются нѣкоторыми, хотя и скудными, историческими данными. У Епифанія въ „Плачѣ Пермскихъ людей“ мы читаемъ: „быхомъ поношеніе *сусьдомъ* нашимъ иновязычникомъ Лопи, *Вогулицамъ, Югрѣ, и Пинезѣ....* иновязычницы *Вогулицы* наступаютъ“. Югра, стало быть, были ближайшими сосѣдями Вымичей еще въ XIV вѣкѣ. Въ первой половинѣ XV в. епископъ Питиримъ, имѣвшій свое пребываніе въ Вымѣ, обращаетъ въ христіанство какихъ-то Вогуличей и дѣлается затѣмъ жертвой своей миссіонерской ревности“ (стр. 106—107). Далѣе И. Н. Смирновъ приводитъ много другихъ свидѣтельствъ о пребываніи Вогуловъ по сю сторону Урала на основаніи мѣстныхъ документовъ Пермскаго и Вологодскаго края; почти всѣ они собраны въ разныхъ мѣстахъ и нашего изданія, почему мы ихъ не повторяемъ (особенно см. I выпускъ). Окончательный выводъ автора о мѣстѣ жительства древней Югры таковъ: „Прибавимъ къ тому, что говорятъ историческія свидѣтельства, названія, въ которыхъ звучитъ имя Вогуловъ: рѣчка Вогулка—притокъ Иньвы близъ Купроса, рѣч. Вогулка—притокъ Косьвы, р. Вогулка—прит. Печеры, селенія: Вогулята, Вогульскій, юртъ Вогула на Печерѣ—

*) *Европеусъ*: «Объ Угорскомъ народѣ». СПб. 1874 г., «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ сѣверной и средней Россіи до Славянъ» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1868 г., т. III, стр. 55—71 и другіе труды.

и мы будемъ имѣть рядъ безспорныхъ доказательствъ въ пользу того, что *въ періодъ отъ половины XV до конца XVII в. Маньсы жили еще на пространствѣ между Усть-Вымомъ и Ураломъ, по рѣкамъ Вычегда, Печеръ и восточнымъ притокамъ Камы—Колва, Вишеръ, Яйва, Косва и Чусовой...* Передвиженіе Югры на востокъ представляетъ собою результатъ борьбы, въ которой Югрѣ принадлежала оборонительная роль. *Югра ассимилировалась, отступала, пока главная масса ея не перешла наконецъ черезъ Уралъ.* Тогда, вѣроятно, сложились вогульскія опредѣленія восточнаго и западнаго склоновъ Урала—зырянская сторона, вогульская сторона. Борьба эта не остановилась у подножія Урала: мы видимъ ее еще и теперь. *Югра уступаетъ постепенно оба склона Урала Перми—Зырянамъ*“ (стр. 109—110).

Изъ представленнаго обзорѣнія ученыхъ мнѣній относительно мѣстоположенія древней Югры не трудно усмотрѣть, что мнѣніе о постепенномъ передвиженіи Югры изъ Европы въ Азію чрезъ сѣверный Уралъ настолько установилось въ наукѣ, что его врядъ-ли можно отвергать. Теперь мы должны классифицировать мнѣнія тѣхъ же ученыхъ о генетическомъ отношеніи древней Югры къ современнымъ намъ Вогуламъ и Остякамъ. Съ этой стороны мы замѣчаемъ также три группы ученыхъ: одни считаютъ Югру предками нынѣшнихъ Вогуловъ и Остяковъ вмѣстѣ, другіе—только Вогуловъ, третьи только Остяковъ. Разсмотримъ отдѣльно научныя основанія каждаго мнѣнія.

Мы знаемъ уже, что слово „Югра“ или „Угра“ употреблялось у насъ съ первыхъ вѣковъ нашей исторіи рядомъ съ названіями „Пермь“ и „Печера“. Одновременное употребленіе этихъ трехъ гео-этнографическихъ терминовъ на территоріи нынѣшней сѣверо-восточной Россіи доказываетъ, что передвиженіе Югры за Уралъ, а Перми на ея прежнія мѣста—съ верхняго Покамья (область Коми) на Вычегду и Печору—началось еще въ доисторическія времена, такъ какъ первое совмѣстное упоминаніе Югры и Перми въ нашей первоначальной лѣтописи относится къ XI вѣку. Мы сказали выше о *зырянскомъ* происхожденіи слова Югра, подъ которымъ Зыряне и доселѣ разумѣютъ зауральскихъ Остяковъ; того же *зырянскаго* происхожденія и слово Вогуль (по зы-

рянски Ваголь). Русскій народъ сохранилъ доселѣ только послѣднее названіе, а слово Югра позабылъ, потому что, какъ увидимъ далѣе, собственно Югрою въ тѣсномъ смыслѣ онъ считалъ не всѣхъ Остяковъ, а лишь обитателей зауральскихъ рѣкъ Сыгвы и Сосвы, которые съ XVIII вѣка уступили и это мѣсто, и свое древнее наименованіе предкамъ современныхъ намъ угорскихъ народовъ. Въ воспоминаніяхъ Русскаго народа всѣ древнѣйшіе обитатели пермской и угорской территорій объединились въ собирательномъ славянскомъ названіи *Чуди*, чуждыхъ народовъ *). Здѣсь - то возникаетъ вопросъ: кому именно—Вогуламъ и Остякамъ вмѣстѣ, или кому-либо отдѣльно уступила мѣсто совсѣмъ исчезнувшая съ этнографической карты Россіи въ XVIII вѣкѣ собственно Югра, для которой послѣднимъ убѣжищемъ служили берега Сыгвы и Сосвы, какъ ясно видно изъ „Книги Большому Чертежу“? Исслѣдователи этого важнаго вопроса опять раздѣлились на три, рѣзко очерченныя, группы, которыя мы и указали выше. Начнемъ съ первой группы ученыхъ.

Первый спеціальнѣйшій изслѣдователь древней Югры, *Лербергъ*, констатировавъ ближайшее родство Вогуловъ съ Остяками, высказалъ мнѣніе, что древняя Югра, понимаемая имъ только въ широкомъ смыслѣ, была предшественницей нынѣшнихъ Вогуловъ и Обскихъ Остяковъ безразлично. „Вогуличи или Вогулы, говоритъ онъ, ссылаясь на *Георги*, *Рычкова* и *Фалька*, суть ближайшіе родственники Обскихъ Остяковъ; они считаютъ себя однимъ съ ними народомъ, а потому какъ самихъ себя, такъ и сихъ Остяковъ называютъ Манси“. („Изслѣдованія“, стр. 18 и слѣд.). На этомъ основаніи, по мнѣнію Лерберга, нѣтъ надобности доказывать, кто такая была древняя Югра—родоначальница Вогуловъ или Остяковъ; она была общимъ ихъ предкомъ. Того же мнѣнія держались представитель алтайской теоріи Финно-Угровъ *Кастренъ* и самый крайній сторонникъ угорской теоріи *Европеусъ*, объединявшій Вогуловъ и Остяковъ въ племенномъ названіи Угровъ и отводившій послѣднимъ громадную терри-

*) *И. Н. Смирновъ*: «Пермяки», стр. 114—115 и слѣд. Попытки *Европеуса* и его послѣдователей отнести слово Чудь только къ предкамъ Югры оказываются малоудачными.

торию, вопреки филологическимъ изысканіямъ *Шегрена*. Въ своихъ выводахъ Европеусъ менѣе доказателенъ относительно Угровъ, нежели Шегренъ въ отношеніи Коми, т. е. Зырянъ и Пермьяковъ. Взглядамъ Европеуса въ свою очередь слѣдовали и другіе сторонники угорской теоріи. Изъ нашихъ мѣстныхъ изслѣдователей здѣсь мы должны упомянуть *Θ. А. Теплоухова*, который въ послѣдней работѣ своей склонился на сторону того же цѣла ученыхъ, вопреки собственныхъ прежнихъ заключеній о взаимномъ родствѣ финскихъ народовъ *).

Вторая группа ученыхъ держится мнѣнія, что древняя Югра была предкомъ нынѣшнихъ Вогуловъ, обитавшихъ прежде на обоихъ склонахъ Урала. До половины нашего вѣка это мнѣніе было преобладающимъ въ наукѣ. Основаніями для него служили два соображенія: во 1-хъ, что въ письменныхъ памятникахъ Югра въ тѣсномъ смыслѣ указывается тамъ, гдѣ и нынѣ слышится вогульскій языкъ, и во 2-хъ, что между самими Вогулами сохранилось преданіе о ихъ быломъ жительствѣ къ западу отъ Урала **). *Г. Ф. Миллеръ* въ „Описаніи Сибирскаго Царства“ (стр. 61—62) высказалъ мысль, что Югра была остаткомъ переселившихся въ IX в. съ Урала Венгровъ, а какъ Вогуличи суть „первый народъ въ Сибири, которые близко подлѣ горъ и нѣкоторые еще посреди оныхъ жилище свое имѣютъ“, то и надобно думать, что они суть потомки древней Югры. *Фишеръ* видѣлъ въ Югрѣ предковъ припечерскихъ Вогуличей и вмѣстѣ съ Миллеромъ, какъ мы упоминали, считалъ Самоѣдовъ въ свою очередь предшественниками самой Югры по обладанію тѣми же землями. Послѣднее замѣчаніе имѣетъ важное историческое значеніе, и справедливость его основательно доказана въ трудахъ *А. Реули*, о чемъ мы подробно скажемъ далѣе, въ своемъ мѣстѣ. Затѣмъ такое же мнѣніе о преемственности Югры—Вогуловъ высказалъ академикъ *Гофманъ* послѣ личнаго посѣщенія съ-

*) «Древности Пермской Чуды въ видѣ баснословныхъ людей и животныхъ» во II томѣ сборника «Пермскій Край». Пермь. 1893 г.

**) Это преданіе сообщилъ упомянутый выше шведъ *Шонстремъ*, авторъ «Краткаго введенія къ исправленію Шведской исторіи», бывший въ Россіи въ 1741 г., а за нимъ и другіе писатели объ Уграхъ.

вернаго Урала. Это мнѣніе мы привели выше, такъ какъ Гофманъ соединилъ его нераздѣльно съ вопросомъ о мѣстѣ жительства Югры *). Главнымъ основаніемъ его мнѣнія служить то соображеніе, что нынѣ на Сыгвѣ и Сосвѣ живутъ „Ляпинскіе Остяки“, которые говорятъ однимъ языкомъ съ Вогулами и, подобно имъ, называютъ сами себя *Манси*, тогда какъ Обдорскіе Остяки говорятъ совершенно другимъ языкомъ, настолько отличнымъ отъ языка Ляпинскихъ Остяковъ, что для каждаго нуженъ особый переводчикъ (стр. 50). Замѣтимъ при этомъ, что Обдорскіе Остяки и не называютъ себя Манси, но присвоили себѣ другое самоназваніе—*Аръяхи* или *Хондишо*. Это самое мнѣніе о преемственности Югры—Вогуловъ высказалъ извѣстный знатокъ мѣстной этнографіи и исторіи Урала *Н. К. Чупинъ* **). Приведемъ его конечный выводъ. „Въ Тобольской губ. необрусѣлыхъ Вогулъ еще довольно много; они обитаютъ главнымъ образомъ въ волостяхъ Ляпинской и Сосвинской. *Русскіе называютъ ихъ Остяками Ляпинскаго нарѣчія, хотя это настоящіе Вогулы и существенно разнятся отъ сѣвернѣе живущихъ Обскихъ Остяковъ*. Зыряне называютъ сѣверныхъ Вогулъ (Остяковъ Ляпинскаго нарѣчія) *Евра, Югра*. Русскіе называютъ двѣ малыхъ рѣчки, выходящія изъ Уральскаго хребта и впадающія—одна въ Илычъ, притокъ Печоры, другая въ верхнюю часть Сѣверной Сосвы—*Юрами*, а горный проходъ между этими рѣчками—*Юринскимъ переходомъ*. Вторая изъ этихъ рѣчекъ, сибирская, называется также и *Вогулкою*. По всей вѣроятности, *Вогулы суть остатки того самаго народа, который въ древности извѣстенъ былъ подъ именемъ Югры* и названіе котораго вошло въ русскій царскій титулъ (князь земли Югорскія)“. Ко второй группѣ ученыхъ, принимающихъ Югру за предковъ нынѣшнихъ Вогуловъ, относится еще профъ *Н. П. Барсовъ*. Обративъ вниманіе на то, что между самими Вогулами еще въ прошломъ вѣкѣ сохранялась память о ихъ быломъ мѣстѣ жительства къ западу отъ Урала, онъ заключаетъ: „Сродство теперешнихъ *Мадьяръ, потомковъ Черныхъ Угровъ,*

*) «Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой». Томъ II, стран. 47—51. СПб. 1856 г. (Экспедиція 1847 года).

**) *Н. К. Чупинъ*: «Географическо-статист. словарь Пермской губ.». Пермь. 1873 г., стр. 339, статья «Вогулы».

съ Сибирскими Вогулами, потомками Заволоцкой Югры, теперь не подлежит, повидимому, сомнѣнію. Что касается Бѣлыхъ Угровъ, то послѣ изслѣдованія *К. Я. Грота*, вопросъ о нихъ можетъ считаться поконченнымъ. *Бѣлые Угры нашего лѣтописца обозначаютъ несомнѣнно Казаръ, какъ то полагалъ еще Шлецеръ* *)).

Третья группа ученыхъ, признающая преемственность Югры—Остяковъ, является преобладающею по числу послѣдователей со второй половины нашего вѣка, и только глава ея, *Карамзинъ*, стоитъ особнякомъ въ началѣ этого вѣка. Весь этотъ циклъ ученыхъ исходилъ изъ того соображенія въ рѣшеніи даннаго вопроса, что въ памятникахъ нашей древней письменности Югра и Вогулы упоминаются рядомъ, одновременно, тогда какъ упоминанія объ Остякахъ начинаются только съ XVI вѣка, когда слово Югра начинаетъ выходить изъ употребленія; слѣдовательно эти Остяки и суть потомки древней Югры. Мы замѣтили, что первымъ представителемъ этого возрѣнія былъ *Карамзинъ*. Разбирая этнографическую номенклатуру Нестора, онъ добавляетъ отъ себя: „*Пермь жила въ губерніи сего имени; Югра или нынѣшніе Березовскіе Остяки,—на Оби и Сосвѣ*“ **). Относительно имени Остяковъ онъ замѣчаетъ: „Имя Остяковъ есть новое Татарское: покоривъ часть Сибири въ XIII вѣкѣ, Татары назвали ея жителей *Уштяками*, т. е. *людьми дикими*. Вогуличи именуютъ Березовскихъ Остяковъ *Мансами*: такъ называются и сами Вогуличи. *Теперь нѣтъ особеннаго народа Печорскаго. Думаю, что такъ назывались нынѣшніе Зыряне, а не Самоѣды*, которые въ Несторовой лѣтописи именуются особенно *Самоядю*“ (примѣч. 73 къ I тому). Въ 1857 г. извѣстный знатокъ Березовскаго края, мѣстный Сибирскій ученый *Н. А. Абрамовъ* писалъ: „Въ древнихъ актахъ, при упоминаніи народовъ, населявшихъ обѣ стороны Сѣвернаго Урала, нигдѣ не встрѣчается имени Остяковъ, между тѣмъ какъ о сопредѣльныхъ имъ племенахъ, Самоѣдахъ, Юграхъ и Вогулахъ, есть свидѣтельство ранѣе XIII стол. *Надобно*

*) *Барсовъ*: «Очерки Русск. историч. географіи». Варшава. 1885 г., стр. 65.

***) «Исторія» по изданію бр. Слѣвинныхъ, I, 35 и примѣч. 73; кромѣ того см. т. IX, примѣчаніе 659.

положить, что Остяки разумѣлись у насъ въ древности подъ именемъ Югры, хотя Югрія, между Обдоріею и Кондіею, была только среднею частію остяцкихъ владѣній, гдѣ нынѣ волости Ляпинская и Сосвинская, по рѣкамъ Сыгвѣ (Ляпину) и Сосвѣ^{*}). Проф. И. Д. Блѣевъ около того же времени высказалъ подобный взглядъ на основаніи свидѣтельствъ Архангелогородскаго лѣтописца и разныхъ Разрядныхъ книгъ о походахъ Москвитянъ въ Югру и на Вогуличей^{**}). Но окончательно этотъ взглядъ на преемственность Югры — Остяковъ упрочилъ Бушенъ въ извѣстномъ уже намъ спеціальному изслѣдованіи о древней Югрѣ. На его доводахъ мы должны остановиться подольше. „Древнѣйшее знакомство Русскихъ съ Остяками относится ко времени разрушенія Кучумова царства и покоренія сибирскихъ Татаръ, владѣвшихъ большею частью самоѣдскихъ и остяцкихъ племенъ. Съ этого же времени имя Югры теряетъ свое прежнее этнографическое значеніе и получаетъ новое, чисто историческое, т. е. обозначаетъ часть Югорской земли въ предѣлахъ, определенныхъ ей „Книгою Большаго Чертежа“, точно въ такомъ же смыслѣ, какъ у насъ и понынѣ приняты названія Ломбардіи, Бургундіи и Пруссіи для земель, бывшихъ нѣкогда во власти этихъ, давно исчезнувшихъ, народовъ. При томъ же въ лѣтописяхъ намъ нигдѣ не случилось встрѣчать вмѣстѣ имя Югровъ съ именемъ Остяковъ, такъ что можно почти навѣрное сказать, что подъ обоими именами подразумѣвался одинъ и тотъ же народъ“^{***}). Упомянувъ далѣе, что „между обскими Остяками съ древнѣйшихъ временъ существуетъ преданіе о прежнемъ знакомствѣ ихъ съ Пермскою Чудью, отъ которой, по словамъ г. Абрамова, многіе роды остяцкіе ведутъ свое происхожденіе, г. Бушенъ заключаетъ отсюда о прежнемъ жителствѣ Остяковъ на Уралѣ и далѣе къ западу, гдѣ они дѣлали нападенія на Великую Пермь и проникали до рѣки Выми. Окончательный выводъ г. Бушена таковъ:

^{*}) «Описаніе Березовскаго края» въ «Запискахъ Императ. Русскаго Географич. Общества», кн. XII. СПб. 1857 г., стр. 329.

^{**}) «О географич. свѣдѣніяхъ въ древней Россіи» въ томъ же изданіи кн. VI. СПб. 1852 г., стр. 240—250.

^{***}) А. Бушенъ: «Опытъ изслѣдованія о древней Югрѣ» въ «Вѣстникѣ Импер. Русск. Географич. Общ.» кн. IV. СПб. 1855 г., стр. 178.

„Совокупивъ все сказанное, мы невольно приходимъ къ заключенію, что разсѣянные остяцкія племена, кочующія нынѣ разво на Оби, Иртышѣ, Кондѣ и Тавдѣ и отчасти на Кети, или *Остяки въ собственномъ смыслѣ суть ничто иное, какъ потомки вытѣсненной съ Урала Юры*, бывшей нѣкогда данницею Великаго Новгорода и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ предѣломъ его владычества, и что *Вогулы, живущіе нынѣ на прежней Югорской землѣ, приняли къ себѣ только небольшую часть этого народа, котораго большинство составляютъ обскіе Остяки*“ (стр. 178—179). Изслѣдованіе г. Бушена надолго закрѣпило такой взглядъ на Югру въ нашей наукѣ; послѣдующіе изслѣдователи того же вопроса являлись не рѣдко только компиляторами его. Таковъ, напримѣръ, позднѣйшій спеціальнѣйшій изслѣдователь вопроса г. *Оксеновъ* *). Между прочимъ онъ пишетъ: „Нѣкоторые ученые допускаютъ, что Югрой въ древнее время назывались Вогулы. Однако противъ такого мнѣнія говоритъ тотъ фактъ, что въ лѣтописяхъ и другихъ источникахъ о Вогулахъ и Югрѣ упоминается, какъ о двухъ отдѣльныхъ народахъ“. Объ Остякахъ же нѣтъ упоминанія рядомъ съ Югрой; поэтому „едва-ли можно сомнѣваться въ тождественности Остяковъ и Югорскаго народа, который въ древнее время назывался просто Югра“ (стр. 432—433). О границахъ древнихъ поселеній Остяковъ авторъ замѣчаетъ: „Безъ сомнѣнія, границы области, нынѣ занимаемой Остяками, не могутъ вполне считаться границами древней Югорской земли, но во всякомъ случаѣ (?) не слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ *Лербергъ*, включать мѣста по рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и Чусовой въ предѣлы древней Югорской земли. Въ этихъ мѣстахъ теперь нѣтъ Остяковъ, и также не встрѣчается историческихъ свидѣтельствъ о пребываніи ихъ въ этихъ краяхъ“ (стр. 433). Ниже мы укажемъ, на основаніи достовѣрныхъ документовъ, ошибочность послѣдняго замѣчанія г. *Оксенова*.

Здѣсь мы закончимъ двоякую группировку ученыхъ мнѣній о древней Югрѣ, которая достаточно уяснила намъ современное состояніе въ наукѣ этого вопроса, какъ видимъ,

*) См. его «Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей» въ «Литерат. Сборникъ», издаваемомъ редакціей «Восточнаго Обзорнія». СПб. 1885 г., стр. 425—446.

столь же сложнаго, какъ и вопросъ о древней Перми, обзорѣню котораго мы посвятили много страницъ въ I выпускѣ „Пермской Старины“. Разобравшись въ источникахъ и литературѣ вопроса объ Югрѣ, мы позволимъ высказать свой взглядъ относительно загадочной страны Югры и Югричей, принявъ во вниманіе и мѣстные историческіе акты и документы, какъ видно, мало или совсѣмъ неизвѣстные указаннымъ выше изслѣдователямъ Югры, исключая проф. И. Н. Смирнова, лично бывавшаго въ Пермскомъ краѣ въ послѣдніе годы.

Названіе *Югра*, какъ и *Пермь*, употреблялось въ древности въ двоякомъ гео-этнографическомъ значеніи: *собира- тельномъ*, *общемъ* значеніи разныхъ земель, населенныхъ народами одного Угорскаго племени, и *спеціальномъ*, *частномъ* значеніи собственно Югры, какъ особой исчезнувшей уже народности въ бассейнѣ Сыгвы (Ляпины тоже) и Сѣверной Сосвы, на восточномъ склонѣ Урала. Соотвѣтственно этому въ тѣ же времена употреблялись слова *Пермь* въ общемъ значеніи всѣхъ земель, населенныхъ народами Пермской группы—Зырянами и собственно Пермьяками, и *Пермь Великая* въ частномъ значеніи колыбели этого племени на верхнемъ Покамьѣ, между озеромъ Чусовскимъ и рѣкою Чусовою, откуда произошелъ добавочный эпитетъ Перми Великой, „*малюлемой Чусовой*“ *).

Въ первый разъ въ общемъ, собирательномъ значеніи слово Югра употреблено въ нашей первоначальной лѣтописи XI вѣка: „Заволочьская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, *Угра*“. Такъ названъ народъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ; въ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ на томъ же мѣстѣ читаемъ *Югра*— доказательство тождественности обоихъ названій. Въ остальныхъ спискахъ первоначальной лѣтописи этотъ народъ совсѣмъ не упомянутъ. Подъ 1096 годомъ, въ извѣстіи о первомъ путешествіи въ Югру новгородцевъ, бывшемъ за 4 года предъ тѣмъ, т. е. 1092 г., читаемъ: „послахъ отроковъ свой въ *Печеру*, люди, яже суть дань дающе Новугороду..... и *оттуду иде въ Югру***). *Югра же*, читаемъ далѣе, *модье*

*) Моя «Пермская Старина», вып. I, стр. 65—67.

***) Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ; въ остальныхъ въ этомъ мѣстѣ сказано: «и оттуду иде въ Угру» (или въ Угры).

есть языкъ нѣмъ и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ“. Изъ сопоставленія подчеркнутыхъ словъ ясно, что во 1-хъ, подъ Печерой остается разумѣть *третій* народъ—Печерскую Пермь или Зырянъ; во 2-хъ, попасть въ Югру можно было только *чрезъ Печеру*; въ 3-хъ, Югрой здѣсь названа страна, *лежавшая за Печерой*. („И оттуду, съ Печеры, иде въ Югру“). Слѣдовательно, *подъ 1096 г. Югра впервые упомянута въ частномъ, специальномъ значеніи страны и народа, жившаго за Печерой и за Ураломъ*, именно на Сыгвѣ или Ляпиной и Сѣверной Сосвѣ*). Подъ 1114 годомъ Ипатьевская лѣтопись замѣчаетъ: „и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь“.**) Въ послѣднихъ словахъ нельзя не видѣть перваго, древнѣйшаго извѣстія о путешествіяхъ Новгородцевъ еще далѣе Сосвинской Югры за Ураломъ, при чемъ и въ этомъ случаѣ слово Югра нужно понимать въ тѣсномъ, собственномъ значеніи. И такъ, уже въ самомъ началѣ нашей исторіи мы видимъ Югру на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и впослѣдствіи, т. е. на берегахъ Ляпиной и Сосвы***). Главная масса Угровъ, стало быть, передвинулась за Уралъ еще въ доисторическую эпоху, послѣ чего къ западу отъ Урала Угры встрѣчались только спорадически, уступивъ большую часть своей прежней территоріи передвинувшейся съ р. Камы на сѣверъ Перми. Это передвиженіе несомнѣнно совершилось также до временъ Нестора, заставшаго Пермь уже на Вычегдѣ и Печорѣ. Югра уступала однако свои прежнія мѣста не безъ борьбы съ надвигавшимися на нее съ запада Новгородцами и другими ближайшими насельниками тѣхъ мѣстъ и, въ свою очередь, потѣснила аборигеновъ Сѣвернаго Урала—Самоѣдовъ въ далекія „полунощныя страны“, т. е. на побережья Ледовитаго океана.

Сказанное подтверждается какъ дальнѣйшими лѣтописными извѣстіями объ Югрѣ, такъ и многими современными географическими названіями на Сѣверномъ Уралѣ, которыя, по словамъ А. Ренюм, суть ничто иное, какъ переводъ

*) Сравнить въ «Пермск. Старинѣ», вып. I, стр. 33—35.

**) Въ Ермолаевскомъ спискѣ начала XVIII в. сказано: «за Угры и за Самоиди».

***) Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ мнѣніемъ Карамзина.

самоѣдскихъ словъ на вогульскій, остяцкій и зырянскій языки. Самоѣдскія названія держались на Уралѣ еще долго и послѣ занятія части его Уграми, и только съ начала XVIII в. окончательно вытѣснены были угорскими и зырянскими *). При этомъ какъ передвигавшіеся Угры кое-гдѣ оставляли позади себя отдѣльныя колоніи, такъ и Самоѣды отдѣльными родами еще долго встрѣчались по Уралу довольно далеко отъ его сѣверной оконечности, до истоковъ Вишеры и Южной Сосвы, въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губерніи **). Обращаясь къ дальнѣйшимъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ за XII вѣкъ, мы убѣждаемся еще болѣе въ оборонительной роли Югры на пути ея отступленія. Подъ 1187 г. Первая Новгородская лѣтопись говоритъ: „избѣни быша Печерскѣи даньники и Югърскіи въ Печерь“, а IV-я Новгородская лѣтопись то же извѣстіе варьируетъ такъ: „избѣни быша даньники Перемскіи и Югорскіи“, что доказываетъ, что Пермь и Югра иногда сообща сопротивлялись платежу дани Новгороду Великому, будучи тогда въ одинаковомъ положеніи. Подъ 1193 г. I Новгород. лѣт. говоритъ въ первый разъ о двухъ городахъ Югорскихъ, не называя ихъ по имени, гдѣ потерпѣла неудачу новгородская дружина съ воеводою Ядрѣмъ во главѣ. Мы полагаемъ, что и здѣсь рѣчь идетъ о городахъ *собственной Югры*, которые въ первый разъ поименованы только въ „Книгѣ Большому Чертежу“; нѣтъ никакихъ основаній предполагать въ этомъ извѣстіи какіе-то приуральскіе югорскіе города, о которыхъ рано или поздно обмолвились-бы письменные источники, чего однако мы не видимъ въ нихъ.

Въ продолженіе XIII и XIV вѣковъ *Пермь*, *Печера*, *Югра* многократно упоминаются въ общемъ, собирательномъ значеніи этихъ словъ въ числѣ волостей Великаго Новгорода, въ его договорныхъ грамотахъ съ великими князьями Тверскими и Московскими ***). Первая договорная грамота,

*) См. переводъ письма *Регули* къ *Кеппену* въ «Запискахъ Русск. Географич. Общ.», кн. III, СПб. 1849 г., стр. 164—165.

**) Ibidem. Объ угорскихъ колоніяхъ на окраинахъ Пермь Великой см. «Перм. Стар.» I, 80, 81, 88—89, 93 и мн. др.

***) Сводъ этихъ извѣстій см. у *Замысловскаго* въ его «Герберштейнѣ» (СПб. 1884 г., стр. 138) и въ цитированной статьѣ г. *Оксенова*, стр. 440—441 въ «Литературномъ Сборникѣ».

гдѣ въ числѣ волостей упомянута Югра, заключена съ вел. кн. Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ и относится къ 1265 году. „Въ это время Югорская земля считалась Новгородскою волостью, говоритъ изслѣдователь ея г. Оксеновъ, но когда именно Новгородцы стали смотрѣть на Югорскую землю, какъ на волость, т. е. какъ на болѣе или менѣе опредѣленное свое владѣніе—объ этомъ нѣтъ положительныхъ извѣстій“ (стр. 440). Въмѣстѣ съ Карамзинымъ этотъ изслѣдователь совершенно правильно опредѣляетъ положеніе древней Югры на Сягвѣ и Сосвѣ съ первыхъ же вѣковъ нашей исторіи (стр. 428—429). Сказанное объ Югрѣ, какъ волости Новгородской, въ равной мѣрѣ относится и къ тогдашнимъ Перми и Печерѣ („Пермск. Стар.“ I, 37 и 153). Скучныя свѣдѣнія объ Югрѣ, Перми и Печерѣ даютъ однако г. Оксену возможность сказать нѣсколько словъ и о характерѣ новгородскаго управленія древнею Югрою. „Изъ извѣстій о походахъ Новгородцевъ въ Югорскую землю, говоритъ онъ, видно, что въ эту страну ходили отряды такъ называемыхъ „даныщиковъ“ (сборщиковъ дани)... Собиралась эта дань въ видѣ серебра, разныхъ дорогихъ мѣховъ, въ особенности собольихъ, и въ видѣ другихъ цѣнныхъ предметовъ (I-я Новгород. лѣт. подъ 1193 г.). Размѣръ дани, если судить по извѣстіямъ лѣтописей, не былъ опредѣленъ. Новгородцы брали съ обитателей земли Югорской столько дани, сколько можно было взять при помощи всевозможнаго насилія....“ (стр. 442). Совершенно ту же характеристику новгородскаго управленія дѣлаетъ Костомаровъ и относительно тогдашней Перми. („Перм. Стар.“ I, 153). Но г. Оксеновъ подмѣчаетъ одну особенность въ управленіи Югры, именно что тамъ не было новгородскихъ *мужей*, какіе были на Печорѣ и въ Перми, и что власть Новгорода въ Югрѣ была слабѣе. Противъ этого мы должны возразить, что г. Оксеновъ ошибочно полагаетъ, будто упоминаемые имъ въ Перми „владѣтели“ Ярецъ, Брюхо и Гавриловъ были Новгородскія власти (стр. 444). Въ своемъ мѣстѣ мы доказали, что это были представители Московской власти въ Перми *). Точно также и на Печорѣ

*) «Пермск. Стар.» I, 157.

мы знаемъ только Московскихъ правителей *). Нѣтъ поэтому основанія утверждать, будто власть Новгорода надъ Югрою была слабѣе, нежели въ Перми и на Печорѣ: вездѣ она была скорѣе номинальною, чѣмъ дѣйствительною.

Со вступленіемъ въ XIV вѣкъ нашей исторіи, мы встрѣчаемъ болѣе свѣдѣній объ Югрѣ и ея сосѣдахъ. Къ 1364 г. относится извѣстный походъ Новгородскихъ воеводъ Александра Абакумовича и Степана Ляпы на Обь, записанный въ IV Новгородской лѣтописи опредѣленнѣе всѣхъ предыдущихъ. Воеводы были одинъ на нижней Оби, вѣроятно въ Обдоріи, другой выше по Оби, вѣроятно въ собственной Югрѣ, чрезъ которую оба и возвратились въ Новгородъ. „Той зимы съ Югры Новгородци пріѣхаша, замѣчаетъ лѣтопись, . . . воевавши по Оби рѣки до моря“. Слѣдовательно, воеводы возвращались съ Оби чрезъ Югру—ясное свидѣтельство о мѣстоположеніи Югры на пути съ Оби къ Печерѣ и далѣе на западъ. Другое важное свидѣтельство о томъ же находимъ въ памятникѣ конца XIV вѣка—сказаніи Епифанія о жизни и трудахъ святителя Стефана Пермскаго 1396—1397 г.г. **). Въ I вып. „Пермской Старины“ (стр. 62—67) мы сдѣлали подробный разборъ этого свидѣтельства въ отношеніи къ Перми. Здѣсь намъ приходится отмѣтить одну важную и притомъ новую черту въ этомъ свидѣтельствѣ: въ числѣ жившихъ *вокругъ Перми* народовъ тутъ впервые упомянуты *отдѣльно Югра и Вогуличи*, что, какъ выше сказано, и послужило для ученыхъ *третьей* группы основаніемъ настаивать на генетической преемственности Югры—Остяковъ и обособленности Вогуловъ. Намъ же представляется это извѣстіе новымъ доказательствомъ того, что слово Югра обозначало часто особый народъ *собственно Югорскій*, подобный Пермьякамъ въ Перми, а иногда тоже слово обозначало и всю совокупность народовъ одного Угорскаго племени, признававшихъ свое племенное родство. Съ этой стороны мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе *фонъ-Бушена* о двоякомъ значеніи слова „Югра“—общемъ, собирательномъ и частномъ, спеціальномъ, въ каковомъ смыслѣ употреблялось

*) Перечислены въ той же статьѣ г. Оксенова, на стр. 444.

***) Напечатано въ «Памятникахъ старин. Русск. литературы», издав. гр. Кушелевымъ Безбородко. СПб. 1862 г. вып. IV.

въ то же время и слово „Пермь“. Въ виду этого употребленіе рядомъ наименованій Югры и Вогуличей, намъ кажется, еще не доказываетъ преимущества Югры—Остяковъ, какъ справедливо полагаютъ всѣ ученые *второй* группы; оно доказываетъ только существованіе *собственной Югры, какъ части обширной Угорской территоріи, нѣкогда населенной Югричами, Вогулами и Остяками,—части Югры въ широкомъ смыслѣ, какъ понимали ее Лербергъ и фонъ-Бушенъ.*

XV-й вѣкъ оставилъ намъ еще больше извѣстій о древней Югрѣ, чѣмъ всѣ предъидущіе. Важнѣйшими источниками для ознакомленія съ Югрою за это время служатъ Разрядныя книги, Архангелогородскій лѣтописецъ и Синодальная лѣтопись. Въ этомъ вѣкѣ кончается автономія Новгорода и борьбу съ Югрою продолжаетъ уже Москва. Пермь Вычегодская и Прикамская (Великая) принимаютъ теперь христіанство, почему духовная связь ея съ Югрою порывается, облегчая тѣмъ покореніе Югры Москвою. Поэтому въ первомъ Московскомъ походѣ противъ Югры въ 1465 г. рядомъ съ воеводою Василіемъ Скрыбою мы видимъ князя Вымскаго Василя Ермолаевича „съ Вымичи и Вычегжаны“, тогда какъ въ Новгородскомъ періодѣ исторіи князья Пермскіе заодно съ Югорскими боролись съ Русскими. Съ другой стороны, съ переходомъ власти въ руки Москвы, Вогуличи все чаще выступаютъ въ активной роли, и въ 1455 г. вогульскій князь Асыка умерщвляетъ даже Пермскаго епископа Питирима подъ Усть-Вымомъ. Откладывая фактическія подробности этой борьбы до слѣдующей главы, мы опять обратимъ здѣсь главное вниманіе на гео-этнографическую терминологию источниковъ. Прежде всего остановимся на извѣстіи Архангелогородской лѣтописи о походѣ въ Югру въ 1483 г. Вел. князь послалъ рать на Асыку, „на *Вогульскаго князя, да и въ Югру на Обь великую рѣку*.... И бысть имъ бой съ Вогуличи на усть рѣки Пельни.... А воеводы оттолѣ пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ, мимо Тюмень, въ Сибирскую землю,... *а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ* внизъ воюючи, *да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю, и князей Югорскихъ воевали*“. Послѣ гео-этнографическихъ перечней Нестора и договорныхъ грамотъ Новгорода XIII—XIV вѣковъ это—третій случай употребленія слова Югра въ общемъ

значеніи его. Въ данномъ случаѣ Югорская земля ясно противопоставляется Сибирской землѣ, при чемъ въ понятіи „Югорская земля“ тутъ объединяются отдѣльныя части Угорской территоріи—собственно Югра, Конда и Обдорія. Только Вогуличи, противъ которыхъ собственно и былъ направленъ походъ, и которые простирали свои набѣги до самаго Усть-Выма, упомянуты здѣсь отдѣльно отъ прочихъ Угровъ, часть которыхъ они однако составляли. На нихъ, какъ главныхъ виновниковъ похода, лѣтописецъ и обращаетъ предпочтительное вниманіе предъ прочими Уграми. Замѣтимъ, что именно это лѣтописное свидѣтельство создало въ *Лербертъ* широкое представленіе о древней Югрѣ, которое и имѣетъ значительную долю вѣроятія. Разумѣть въ приведенномъ извѣстіи одну собственную Ляпинско-Сосвинскую Югру во всякомъ случаѣ не представляется основаній: походъ захватывалъ обширный районъ въ долинѣ р. Оби.

Далѣе мы должны остановить вниманіе на извѣстіяхъ *Синодальной* лѣтописи (№ 365), которою пользовался Карамзинъ (см. выписки въ примѣчаніи 461 къ VI тому „Исторіи“). Она сообщаетъ подъ 1484 и 1485 годами важныя свѣдѣнія о взаимныхъ родовыхъ отношеніяхъ Угорскихъ князей, помогающія уясненію вопроса о тогдашней Югрѣ. Здѣсь упоминаются: *Вогулятинъ Пыткей*, князь *Кодскій* —(а по Архангелогор. лѣт. *Югорскій*); онъ былъ представителемъ *всѣя земли Кодскія и Югорскія*; затѣмъ князь *Кодскій Молданъ*, который въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ подъ тѣмъ же годомъ названъ „большимъ княземъ *Югорскимъ*“. *Вогульскій князь Юмшанъ*, сынъ Асыки, по словамъ *Синодальной* лѣтописи, *посылалъ въ 1484 году къ великому князю въ Москву шурина своего Вогулятина Юргу* бить челомъ. Наконецъ *Синодальная* лѣтопись называетъ общимъ именемъ *Кодскихъ* князей Лабу, Чангила, Молдана съ дѣтьми, Пынзея, Сонту и Пыткея. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ данныхъ съ соотвѣтствующими показаніями Архангелогородскаго лѣтописца можно убѣдиться, что во 1-хъ, въ XV вѣкѣ „земля Кодская и Югорская“ имѣла одного большого князя Молдана, которому подчинялись нѣсколько второстепенныхъ; во 2-хъ, одни князья по происхожденію были настоящіе Югричи, другіе—Вогуличи, но всѣ были въ близкомъ между

собою родствѣ и совмѣстно дѣйствовали по отношенію къ Москвѣ; въ 3-хъ, всѣ князья раздѣлялись на Вогульско-Югорскихъ и Кодско-Югорскихъ, при чемъ названіе Югорскихъ было, повидимому, общимъ, племеннымъ, а прочія названія—частными, видовыми, означавшими отдѣльныя части Югры въ широкомъ смыслѣ. Важно особенно то, что понятіе Вогуль входило въ составъ понятія Югорскій (*Вогулятинъ Пыткей*, князь *Югорскій*, *Вогулятинъ Юмианъ*), поглощалось этимъ послѣднимъ. Совершенно аналогичныя родовыя отношенія существовали нѣкогда между князьями Великопермскими и Вымскими *).

Послѣ двухъ указанныхъ лѣтописей въ ряду источниковъ объ Югрѣ важное значеніе имѣютъ Разрядныя книги, повѣствующія объ извѣстномъ Югорскомъ походѣ Москвитянъ въ 1499—1500 годахъ. Уже самое заглавіе одной изъ этихъ книгъ достойно вниманія: „Хоженіе воеводъ князя П. Ѳ. Ушатаго, да князя С. Ѳ. Курбскаго, да В. И. Заболоцкаго Бражника *въ Югорскую землю, на Кудъ и на Гогуличи*“ **). Югорская земля тутъ разумѣется въ тѣсномъ смыслѣ, подъ словомъ Кудъ очевидно разумѣется Кода на Оби, а подъ Гогуличами—Вогуличи. Такимъ образомъ тутъ ясно различаются 3 отдѣльныя части обширной Угорской территоріи. Въ другихъ источникахъ о томъ же походѣ въ Югру слово „Кудъ“ пропущено и замѣчено только, что походъ былъ направленъ *на Югорскую землю и на Гогуличи* (такъ въ Воскресенской лѣтописи), а въ Степенныхъ книгахъ упомянуть походъ *на Угорскую землю и на Гогуличи*. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ слова „Югорская земля“ надо понимать въ частномъ значеніи Ляпинско-Сосвинской Югры и вмѣстѣ Кодскаго княжества на Оби, гдѣ, какъ мы показали выше, сидѣли одни и тѣ же правители. *Гогуличи* были въ ближайшемъ родствѣ съ *Югричами*, упоминаемыми вездѣ рядомъ въ разсматриваемыхъ источникахъ. Мы уже говорили, что подъ Югричами разумѣемъ въ этихъ случаяхъ не однихъ Остяковъ, но и собственно Югорскій народъ, теперь не существующій,

*) «Пермская Старина», вып. I, 164.

**) Извлеченія изъ Книгъ Разрядныхъ напечатаны въ указанныхъ выше трудахъ проф. И. Д. Бѣляева и Оксенова.

уже вымершій и занимавшій когда-то такое же центральное положеніе въ семьѣ угорскихъ народовъ, какое Пермьки, Пермь собственно имѣли среди народовъ Пермской группы. Вымираніе кровныхъ Пермьковъ еще совершается на нашихъ глазахъ, для собственно—Югры этотъ процессъ кончился въ началѣ XVIII вѣка. Нельзя допускать полнаго вымиранія народности; можно признавать только исчезновеніе народности вслѣдствіе ассимиляціи ея съ другими сосѣдными народностями. Пермьки ассимилируются съ Русскими, *Югра ассимилировалась съ Вогулами и только отчасти съ Остяками* *). Это слѣдуетъ изъ того, что на Ляпинѣ и Сыгвѣ и теперь живетъ народъ, говорящій по-вогульски, называемый у Вогуловъ Манси, т. е. носящій ихъ собственное самоназваніе, и только у Русскихъ неправильно именуемый „Остяками Ляпинскаго нарѣчія“. Можно допустить, что небольшая часть древнихъ Югричей ассимилировалась съ сосѣдными Березовскими Остяками, какъ и думалъ Карамзинъ; но что большая часть Югричей постепенно превратилась въ Вогуловъ—въ этомъ рѣшительно убѣждаетъ языкъ нынѣшнихъ обитателей береговъ Ляпиной и Сѣверной Сосвы—языкъ, почти не отличающійся отъ вогульскаго и весьма далекій отъ остяцкаго. Потому-то Вогулы какъ самихъ себя, такъ и этихъ жителей Ляпиной и Сосвы доселѣ называютъ именемъ *Манси*. Въ данномъ вопросѣ мы присоединяемся къ ученымъ *второй* группы, куда отнесли Миллера, Фишера, Гофмана, Барсова и изъ мѣстныхъ ученыхъ Чупина.

Письменные памятники XVI вѣка еще болѣе убѣждаютъ насъ въ существованіи въ прежнія времена особеннаго народа *Югричей*, постепенно овогулившихся и прекратившихъ свое индивидуальное существованіе. Въ царской грамотѣ 1557 г. Шоркарскому князю Певгѣю, что жилъ въ Югорской землѣ, за рѣкою Казымомъ (во Юсерскую землю Закамскаго въ Сорскордо князю Певгѣю)**), упоминаются *Югорскіе князья и Югричи*. „А провожать нашихъ даншиковъ Югорскимъ княземъ и Югричемъ и людемъ добрымъ

*) *Фонъ-Бушенъ* думалъ наоборотъ.

**) См. у *Миллера*, стр. 71. Первоначальный текстъ грамоты нѣсколько испорченъ въ позднѣйшей копіи ея.

отъ городка до городка и отъ людей до людей.... а ѣхать вамъ, Сорыкитцкимъ княземъ, и вашимъ людямъ къ намъ на Москву“. Здѣсь Югорская земля понимается въ общемъ значеніи и ставится въ связь съ землею Сорыкитцкою. *Лерберъ* видѣлъ въ послѣдней Сургутскую землю, а по нашему мнѣнію, здѣсь разумѣется Шоркарское княжество за рѣкою Казымомъ, князья котораго, подобно Кодскимъ, были Югорскаго происхожденія. Доказательства этого мы приведемъ въ слѣдующей главѣ. Въ дальнѣйшихъ грамотахъ отъ второй половины того же вѣка мы уже начинаемъ встрѣчать имя *Остяковъ* рядомъ съ *Вогулами*, при чемъ слово Югра еще долго продолжаетъ быть въ употребленіи. Такъ, въ царской грамотѣ Якову и Григорію Аникіевымъ Строгановымъ отъ 6 августа 1572 года говорится о приходѣ Черемисъ на Каму вмѣстѣ съ *Остяками*, Башкирцами, Вотяками и другими людьми. „Приходили-де наши измѣнники Черемиса на Каму 40 человекъ, да съ ними-де *Остяки*, и Башкирцы и Буинцы войною... И вы бѣ жили съ великимъ береженьемъ... да и *Остяковъ* и *Вогуличъ*, которые намъ прямятъ съ охочими казаки, которые отъ насъ не отложились, велѣли прибрать.... И съ охочими людьми со стрѣльцы и съ казаки, и съ *Остяки* и съ *Вогуличи* посылали войною ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ—на *Черемису* и *Остяковъ*, и на *Вотяковъ* и на *Нагаи*“ *). Несомнѣнно, что здѣсь говорится объ *Остякахъ*, жившихъ разсѣянно въ Пермѣ Великой и около нея по Камѣ и ея притокамъ Чусовой съ Сылкою и Тулвѣ (послѣдняя въ нынѣшнемъ Осинскомъ уѣздѣ). Прикамскіе и Тулвинскіе *Остяки* упоминаются въ житіи св. Трифона Вятскаго **), а Чусовскіе и Сылвенскіе въ Великопермскихъ писцовыхъ книгахъ XVI—XVII в.в. Тулвинскіе *Остяки*, какъ самые южные, соединились съ Черемисами въ 1572 г., а прочіе остались вѣрны Русскимъ, „прямили“ Русскому царю, какъ и жившіе въ бассейнѣ Чусовой Вогулы.—Еще важнѣе въ научномъ отношеніи свидѣтельства другой царской грамоты на имя тѣхъ же братьевъ Строгановыхъ отъ 30 мая 1574 г. о по-

*) У Миллера стр. 85—86.

***) См. нашу статью: «Критическія замѣтки по исторіи Пермѣ Великой XVI вѣка» въ «Трудахъ Пермской Ученой Архивной Комиссіи» вып. II. Пермь. 1893 г., стр. 32.

жалованіи имъ земель за Ураломъ *). Въ ней неоднократно рядомъ упоминаются *Остяки, Вогуличи и Югричи*. Сибирскій „салтанъ“ (Кучумъ) „не велитъ нашимъ *Остякамъ и Вогуличамъ и Юричамъ* нашия дани въ нашу казну давати, да и на рать емлетъ насильствомъ въ судѣхъ воевати *Юричь тѣхъ же, Остяковъ и Вогуличъ*.... А кои *Остяки и Вогуличи и Юричи* отъ Сибирсково отстануть, а почнутъ намъ дань давати, и тѣхъ людей съ данью посылати къ нашей казнѣ самихъ.... А на Сибирсково Якову и Григорью собирая охочихъ людей, и *Остяковъ, и Вогуличъ, и Юричь, и Самоѣдъ* съ своими наемными казаки, и съ нарядомъ своимъ посылати воевати....“ Приведенныя свидѣтельства грамоты 1574 г. рѣшительно отвергають справедливость замѣчаній почти всѣхъ ученыхъ третьей группы, будто слово *Остякъ* нигдѣ не употреблялось рядомъ съ словомъ *Югра*. Грамота слишкомъ точно и ясно различаетъ *Остяковъ, Вогуличей, Юричей* и *Самоѣдъ*, какъ четыре народа, чтобы можно было что либо возражать противъ такихъ свидѣтельствъ. Ясно, что *Югра* упоминается здѣсь, какъ особый народъ, жившій на *Лятинной и Сосвѣ*, рядомъ съ болѣе сѣверными *Самоѣдами*, болѣе южными *Вогулами* и наконецъ съ *Остяками*, въ то время жившими разсѣянно къ востоку и юго-западу отъ собственной *Югры*, теперь уже исчезнувшей. Мы сказали выше, что *Югорцы* постепенно слились съ *Вогуличами* и лишь отчасти съ *Остяками* и потеряли свою отдѣльную народность, нѣкогда составлявшую главное ядро угорскаго племени, подобно исчезающимъ на нашихъ глазахъ чистокровнымъ *Пермякамъ* въ *Пермской* семьѣ народовъ.

Въ слѣдующихъ по времени грамотахъ слово *Остякъ* встрѣчается очень часто и почти вытѣсняетъ слово *Югра* въ общемъ его значеніи. Но въ частномъ значеніи послѣдній терминъ продолжаетъ употребляться, потому что полного слиянія *Югорцевъ* съ *Вогуличами* и частью съ *Остяками* еще не послѣдовало въ XVI в. Въ послѣднемъ отношеніи особенно достойна вниманія грамота царя *Василія Шуйскаго* отъ 17 мая 1610 г. *Березовскимъ* воеводамъ *Степану Ивановичу*

*) Впервые напечатана *Миллеромъ* въ «Опис. Сиб. Цар.», стр. 87—90.

Волынскому да Юрію Яковлевичу Стромилову *). Березовскій Остякъ Кушкуль „и во всѣхъ товарищей своихъ мѣсто, ста двадцети человекъ, опричь Куновацкихъ Остяковъ „билъ государю челомъ о томъ, что они, Остяки, служатъ всякую царскую службу вѣрно, куда воеводы ни пошлютъ „съ тѣхъ мѣсть какъ городъ сталъ“ (Березовъ основанъ въ 1593 году, по царскому указу, Чердынскимъ воеводою Троханіотовымъ); что они исправно даютъ ясакъ по 5 соболей съ человека ежегодно, но что у нихъ въ волостяхъ половина ясашныхъ людей „старыхъ, и увѣчныхъ, и хромыхъ, и безрукихъ“, за которыхъ однако русскіе правятъ ясакъ на здоровыхъ. „И они - де въ томъ въ конецъ погибли и людей своихъ *перепродали*; а промысловъ у нихъ нѣтъ никакихъ, а только де у нихъ и промыслу, что кормятца рыбою.... Да они жъ де ходятъ за Камень по суды: которые де наши служивые люди ходятъ съ Березовъ въ намъ къ Москвѣ со всякими дѣлами, и они ихъ провожаютъ; а *Югорская де земля имъ подмоги не даетъ*, и въ томъ де имъ нужда великая“. Царь пожаловалъ „*Березовскаго города Ляпинскихъ городковъ и юртовъ ясашныхъ людей*“, не велѣлъ брать ясакъ съ престарѣлыхъ и увѣчныхъ людей. Эта грамота доказываетъ, что по Сыгвѣ или Ляпиной дѣйствительно жило немного Остяковъ, а именно 120 человекъ мужскаго пола въ 1610 году, но что это населеніе обособлялось отъ собственно Югричей: *земля Остяцкая здѣсь ясно различается отъ земли Югорской*; между ними не было даже полнаго согласія въ отношеніяхъ къ Русскимъ; Югричи не давали подмоги Остякамъ въ отправленіи натуральныхъ повинностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ грамота 1610 г. еще разъ доказываетъ, что *Югричи и Остяки, какъ два особые народа, упоминаются въ нашихъ источникахъ рядомъ* какъ въ концѣ XVI, такъ и въ началѣ XVII вѣка. Судя по числу городковъ, упоминаемыхъ въ Югрѣ въ дальнѣйшихъ источникахъ, населеніе Югорской земли въ первой половинѣ XVII вѣка было довольно значительно, а Остяковъ было гораздо меньше. Кромѣ упомянутыхъ 120 Остяковъ Ляпинскихъ, нѣсколько семействъ ихъ жило и на р. Сѣвер-

*) Во II томѣ «Русской Исторической Библіотеки» СПб. 1875 г., стр. 175—176, подъ № 80.

ной Сосвѣ въ *Азибиной станицѣ*, *Сосвинѣ тоже*, что нынѣ казенное село Сосвинское или Сартынинское въ Кондинскомъ участкѣ Березовскаго округа, пониже устья Ляпиной *). Въ 1596 г. изъ Сосвина сошли три остяцкихъ семьи въ юрты Кондинскаго князя Игичея, о возвращеніи которыхъ „*Сосвинскіе Остяки Азибины станицы* Кондикъ и въ товарищей своихъ мѣсто“ били челомъ царю. Царь Борисъ грамотою отъ 11 сентября 1598 года на имя Березовскаго воеводы Василя Плещеева уваживъ это ходатайство **).

Извѣстный знатокъ Березовскаго края, *Н. А. Абрамовъ*, отнесенный нами въ вопросѣ о происхожденіи Югры къ третьей группѣ ученыхъ, ошибочно называетъ всѣ древніе городки въ Югорской землѣ остяцкими—числомъ до 15. Къ числу ихъ опрометчиво отнесенъ даже городокъ *Вогулей* въ Сосвинской волости Кондинскаго отдѣленія ***). Равнымъ образомъ имѣетъ значеніе его же замѣчаніе, что „въ бумагахъ, принадлежащихъ сосвинскому старшинѣ Османову и бывшихъ у него, Абрамова, въ рукахъ въ 1844 г., между прочимъ, сохранилось одно черновое прошеніе на имя царя Василя Іоанновича Шуйскаго, писанное отъ имени мурзы Тыльки Сапчина и другихъ, какъ они называютъ себя, *Югричъ* городовъ Ляпина, Тапсы, Искора, Юиля, Люликара, Вороніи, Нячиса и прочихъ, кои состоятъ нынѣ въ волостяхъ Сосвинской и Ляпинской“ ****). По его мнѣнію, всѣ эти городки были остяцкіе, а по нашему—*собственно югорскіе* (исключая Воронію, повидимому, русскаго поселка), *постепенно превратившіеся со временемъ въ вогульскіе*. Жаль, что челобитной Югричей на имя царя Шуйскаго Абрамовъ тутъ же не привелъ въ подлинномъ текстѣ, какъ очень важный документъ.

Мы дошли до извѣстной „Книги Большому Чертежу“, гдѣ, какъ извѣстно, собственная Югра обозначена въ своихъ границахъ лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ источникахъ. Перечисливъ тѣ же города, которые сейчасъ мы назвали по челобитной Югричей Шуйскому, „Книга“ дѣлаетъ оговорку:

*) «Списки насел. мѣстъ Тобольской губ.». СПБ. 1871 г., стр. 38.

**) Грамоту см. во II томѣ «Русской Историч. Библиот.» подъ № 66.

***) «Описаніе Березовскаго края», стр. 396.

****) Тамъ же подстрочное примѣч. на стр. 329—330.

„Тѣ города по Сысвъ (Сыгвѣ) и по Сосвъ Югра“ *). Къ числу югорскихъ городовъ тутъ отнесены и русскіе города Вороній и Березовъ, основанный въ 1593 году около югорскаго городка *Сумутъ-вашъ* (Миллеръ, 207, Абрамовъ, 362). Вѣроятно, и городокъ Вороній возникъ на мѣстѣ древняго югорскаго поселенія. Бассейны Ляпиной или Сыгвы и Сѣверной Сосвы, по этому источнику, и составляли территорію собственно Югры съ первыхъ же вѣковъ нашей исторіи, какъ мы показали выше. Югра жила на Вычегдѣ и Двинѣ въ доисторическія времена, оставивъ позади себя въ Европѣ до позднѣйшихъ временъ часть Вогуловъ и Остяковъ.

Изъ древнихъ географическихъ памятниковъ здѣсь умѣстно остановиться еще на древне-русскомъ сказаніи „О чело-вѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ“, недавно изданномъ вновь Г. В. Юдинымъ и подробно изслѣдованномъ Московскимъ профессоромъ Д. Н. Анучинымъ **). Древнѣйшій списокъ его, принадлежавшій библиотекѣ Соловецкаго монастыря, а теперь сохраняемый въ Казанской духовной академіи, относится къ концу XV вѣка, что указываетъ на древность сказанія. Этому древнѣйшему списку г. Анучинъ отдаетъ предпочтеніе предъ всѣми другими, основательно приписывая ему новгородское происхожденіе. Между прочимъ въ сказаніи дважды упоминается Югорская земля въ числѣ прилегающихъ къ Уралу областей. Трактую собственно о Самоѣдахъ, сказаніе говоритъ объ Югорской землѣ, какъ о сосѣдней съ ними. Начинается оно такими словами: „На восточной странѣ, за Югорскою землею, надъ моремъ, живутъ люди Самоѣды, зовомыи *Мамонзеи*“. Проф. Анучинъ пришелъ къ заключенію, что „народъ Молгонзѣи, дѣйствительно, существовалъ и подъ нимъ слѣдуетъ, очевидно, разумѣть Самоѣдовъ—Юраковъ“ (стр. 261). „Юраками, говоритъ онъ, называется самоѣдское племя, живущее и теперь еще между Обью и Енисеемъ.... Названія *Кондорія*, *Обдорія* объясняются изъ зырянскаго языка и означаютъ устье (страна при устьѣ) Конды, устье Оби.

*) «Книга Вольшему Чертежу» въ изданіи Языкова. СПб. 1838 г., стр. 215.

**) «Сибирь въ XVII вѣкѣ» подъ редакціей А. А. Титова издалъ Г. В. Юдинъ. Москва. 1890 г. Исслѣдованіе Д. Н. Анучина: «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака» въ «Древностяхъ Император. Московск. Археологич. Общества», т. XIV. Москва. 1890 г., стр. 227—313.

Но словъ „молгонзѣи“, „молгонъ“ или „малгонъ“ въ зырянскомъ языкѣ не существуетъ“ (тамъ же). Такимъ образомъ Югорская земля, которую въ данномъ случаѣ можно понимать и въ общемъ, и въ частномъ значеніи, въ сказаніи правильно помѣщена къ западу отъ Самоѣдовъ - Молгонзѣй, т. е. къ западу отъ Оби. Въ концѣ того же сказанія читаемъ: „Во восточной же странѣ есть иная Самоѣдь, зовома Каменьская: облежитъ около Югорскіе земли. А живутъ по горамъ по высокимъ, а пѣздытъ на оленяхъ и на собакахъ“. Тутъ несомнѣнно разумѣется та „Каменная Самоѣдь“, о которой говоритъ и одинъ извѣстный намъ официальный документъ, именно царская грамота Березовскому воеводѣ князю Петру Черкасскому отъ 21 октября 1607 года *). Эта Самоѣдь получила свое названіе отъ Камня, т. е. Уральскихъ горъ, по склонамъ которыхъ она и жила. Слѣдовательно, во второмъ случаѣ сказаніе говоритъ о ближайшей къ ней или собственно Югорской землѣ („облежитъ около Югорскіе земли“). Проф. Анучинъ думаетъ, что авторомъ любопытнаго сказанія о Самоѣдахъ могъ быть холмогорецъ Федоръ Товтыгинъ, который, по показанію одного Пермскаго торговца, занесенному въ путевыя замѣтки Ричарда Джонсона, будто бы дважды ѣздилъ къ берегамъ Оби и къ поморскимъ Самоѣдамъ, гдѣ и погибъ во вторую свою поѣздку (убить) **). Что авторомъ сказанія былъ пріѣзжій изъ Руси человекъ, это видно изъ его замѣчаній: „въ восточной странѣ“ (по направленію его пути), „за Югорскою землею“ (по которой онъ слѣдовалъ къ Самоѣдамъ, жившимъ еще восточнѣе); при томъ же во всемъ сказаніи нѣтъ признаковъ какого-либо иноземнаго вліянія.

*) Во II томѣ «Русской Исторической Библіотеки» подъ № 77, стр. 166—170.

***) Путевыя замѣтки Р. Джонсона, упомянутого нами, приложены были къ отчетамъ Антона Дженкинсона (оба были въ Россіи въ половинѣ XVI вѣка), которые изданы въ сборникѣ Гаклюйта, томъ I 1809 г. на англійскомъ языкѣ. Карта Дженкинсона издана въ «Theatrum Ortellii» 1573 г. и въ третьемъ изданіи его 1684 года и у Меркатора въ его изданіи 1587 г. Проф. Анучинъ полагаетъ, что Дженкинсонъ нѣкоторыя свѣдѣнія для своей карты взял изъ сказанія «О человекѣхъ незнаемыхъ» Федора Товтыгина. «Древности», кн. XIV, стр. 259—260.

Теперь намъ встаетъ будетъ перейти къ другому ряду памятниковъ—къ древнимъ географическимъ картамъ и по-смотреть, гдѣ помѣщали онѣ древнюю Югру и сопредѣльныя съ нею страны. Во II выпускѣ „Пермской Старины“ мы то же сдѣлали относительно древней Перми и убѣдились, что этотъ рядъ памятниковъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе при изслѣдованіи мѣстоположенія древней Пермской страны. Здѣсь то же мы должны повторить и о значеніи ихъ въ вопросѣ о древней Югрѣ, но имѣть въ виду ихъ показанія все таки не лишне. Послѣ того какъ мы издали II-й выпускъ „Пермской Старины“ (Пермь 1890 г.), въ печати появилось двѣ статьи, имѣющія близкое отношеніе къ картографіи древней Сибири: 1) упомянутая выше работа *Анучина*: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака“, гдѣ воспроизведены и факсимиле многихъ старинныхъ картъ Сибири, и 2) статья *г. Замысловскаго*: „Чертежи Сибирскихъ земель XVI—XVII в.в.“ *). Кромѣ того появилась замѣтка *г. Оглоблина*: „Источники Чертежной книги Сибири Семена Ремезова“ **). Мы воспользуемся всѣми этими работами по картографіи древней Сибири и странъ Угорскихъ.

Первыя упоминанія Сибири мы находимъ на картахъ *Пицигани* 1367 г. и *фра-Мауро* 1459 г., о которыхъ говорили во II выпускѣ нашего изданія. Далѣе слѣдуетъ карта *Баттиста Агезе* 1525 г., предназначавшаяся для „Книги о Московіи“ Павла Ювія: здѣсь положеніе Югрии уже обозначено, но совершенно неправильно—къ западу отъ С. Двины. На картѣ Данцигскаго сенатора *Антонна Вида*, изданной въ 1555 г., но составленной между 1537—1544 гг., „Iuhri“ помѣщены къ сѣверу отъ Вятки, между р.р. Мезенью и Печорою. Карта *Себастьяна Мюнстера*, автора „Космографіи“, изданная въ 1544 году и представляющая копію карты А. Вида, помѣщаетъ Югру между Печорою и страной Кондоріей. На картахъ *Герберштейна*, о которыхъ мы говорили во II вып. изданія, показано: на картѣ 1549 г., на правой сторонѣ Оби, на крайнемъ сѣверѣ, „Iuhra inde Ungarorum origo“;

*) Вторая статья напечатана въ «Журн. Мин. Народн. Просв.» за июнь 1891 года. Оба автора пользовались изданіемъ Michow'a: «Die aeltesten Karten von Russland». Гамбургъ. 1884 г.

***) Въ журналѣ «Библиографъ» 1891 г. № 1.

а на картѣ 1556 г. тамъ же обозначено: „Iugra unde Hungari Iugritzi populi“. Слѣдующей по времени является карта *Антоня Дженкинсона*, составленная для его „*Russiae, Moscoviae et Tartariae descriptio*“ (Лондонъ 1562 г.) и изданная, какъ сказано, Ортелиемъ въ 1573 г. и Меркаторомъ въ 1587 г. На ней *Permia* и городъ *Permauelick* показаны на самыхъ верховьяхъ *Вычегды* и около истоковъ *Печоры*, *Toughogia*—въ востоку отъ *Оби*, на самомъ нижнемъ ея теченіи, *Obdogia*—между *Обью* и *Печерою*, *Condoga*—между *Печерой* и *Мезенью*, къ сѣверу отъ *Перми*. *Обь* вытекаетъ изъ озера *Kitaia* и по срединѣ ея теченія показанъ городъ *Siber*, а къ югу отъ него—страна *Tumen*. Между *Тюменью* и *Пермью* съ юга, *Югоріей*, *Обдоріей* и *Кондоріей* съ сѣвера показана *Samoieda* на огромномъ пространствѣ отъ *Бѣлаго моря* до *Енисея* и далѣе. Къ югу отъ страны *Тюмень*, гдѣ города не показано, на верхнемъ *Ликѣ* видимъ надпись *Nagaia* и южнѣе—*Tartagi* отъ *Дона* до *Аму-Дарьи*. Наконецъ восточнѣе *Югоріи* показана страна *Molgomzaia*, а еще правѣе—*Vaida* и *Colnask* *). Мы уже говорили, что подъ *Молгомзеями* г. *Анучинъ* разумѣтъ *Самоѣдовъ—Юраковъ*. Въ *Баитахъ* и *Колмавахъ* тотъ же ученый видитъ *Алтайскихъ Калмыковъ*. „*Баиты*, говоритъ онъ,—одно изъ четырехъ племенъ, на которыя распадаются западные *Монголы* (*Дюрбуты*, *Баиты*, *Уранга* или *Урянхайцы* и *Торгоуты*)“. Нынѣ *Баиты*, по *Потанину*, граничатъ съ *Соитами* или *Сойотами* на *Алтаѣ*. Нельзя не сказать, что карта *Дженкинсона* представляетъ собою большой шагъ впередъ сравнительно съ предъидущими работами по иностранной картографіи. Онъ воспользовался русскими источниками и, посѣтивъ *Россію* 5 разъ (въ 1557, 1558, 1561, 1566 и 1571 г.г.), ближе другихъ могъ узнать ее. Во вторую поѣздку онъ былъ съ караваномъ въ *Бухарѣ*, въ сопровожденіи *Ричарда Джонсона*, а въ третью—въ *Персіи*. Карта его, судя по году, появилась послѣ третьей поѣздки (въ 1562 г.), но многія данныя онъ собралъ уже ранѣе. При томъ же спутникъ его *Джонсонъ*, дорожными замѣтками котораго онъ воспользовался,

*) Факсимиле карты *Дженкинсона* можно видѣть въ работѣ г. *Анучина*, на стр. 276.

еще ранѣе, въ 1556 г. вмѣстѣ съ *Барро* былъ въ экспедиціи на острова Вайгачъ и Новую Землю, гдѣ ознакомился съ Самоѣдами, сообщивъ свои свѣдѣнія извѣстному въ исторіи сѣвернаго мореплаванія *Ричарду Ченслеру* *). Дальнѣйшею картою Сибири, часть которой воспроизведена въ почтенномъ трудѣ *Анучина* на стр. 257, надо считать карту голландскаго морехода *Баренца*. Она опубликована была въ 1598 г. и перепечатана *Понтаномъ* въ 1611 г. На ней опять показаны на морскомъ берегу (*Mare Tartaricum*), противъ острова Новой Земли (*Nova Zemla*), — страны *Molgomzaia*, *Obdoga* и *Condoga*. Далѣе укажемъ на иностранныя карты *Исаака Массы*, издан. въ 1609 г. и вторично въ 1612 г. въ Амстердамѣ; *Гесселя Герарда* 1614 года (о послѣдней подробно сказано во II вып. нашего изданія); *К. И. Прютца* 1669 г. и *Сансона* 1683 г. О недостаткахъ карты Герарда у насъ была рѣчь во II выпускѣ. Карта Прютца теперь издана въ Россіи при книгѣ: „Сибирь въ XVII в.“ г. Юдина (Москва 1890 г.). Карта Прютца есть ничто иное, какъ копія съ чертежа Сибири, сдѣланнаго въ Тобольскѣ въ 1667 г. стольникомъ и воеводою Петромъ Ив. Годуновымъ, по указу царя Алексѣя Михайловича. Прютцъ сопровождалъ въ Москву шведскаго посланника Кронмана, снялъ тамъ копію съ упомянутаго чертежа и приложилъ ее къ своему дневнику путешествія, который теперь хранится въ королевской библіотекѣ въ Стокгольмѣ. Дневникъ Прютца и его карта доселѣ не изданы въ Швеціи. Карта очень плоха и даетъ очень слабое понятіе о Сибири. Замысловскій, вопреки редактору ея Титову, замѣчаетъ, что едва-ли эта карта есть точная и обстоятельная копія подлинной карты Годунова, отъ которой дошло до насъ только ея описаніе, какъ и отъ „Книги Больш. Чертежа“ **). Г. Оглоблинъ въ упомянутой выше статьѣ указалъ на болѣе исправный текстъ этого описанія, именно на „Роспись противъ чертежу 176 (1668) году“, хранящуюся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

*) *Анучинъ* — прииѣчаніе на стр. 259. Доставленныя Джонсономъ Ченслеру свѣдѣнія помѣщены въ томъ же сборникѣ *Гаклюйта*.

***) Описаніе карты Годунова 1667 года издано г. Юдинымъ подъ редакціей Титова впервые по рукописи Румянцевскаго музея. См. «Сибирь въ XVII в.». Москва. 1890 г., стр. 23—39.

Наконецъ карту Московіи и Татаріи изъ атласа Сансона 1683 г. мы можемъ видѣть въ извлеченіи въ работѣ Анучина на стр. 289. На ней опять значатся *Molgomzaia*, за Енисеемъ и Пясидой—горы (страна) *Baida* и далѣе въ юго-востоку *Colmask*.

Разсматривая всѣ перечисленныя иностранныя карты, мы должны повторить тоже, что сказали во II выпускѣ „Пермской Старины“. Всѣ онѣ даютъ весьма слабое и невѣрное представленіе о Сибири XIV—XVII вѣковъ; составители ихъ очень плохо знали гео- и этнографію Россіи, неизмѣримо меньше русскихъ лѣтописцевъ и составителей нашихъ официальныхъ „чертежей“, о которыхъ мы подробно говорили, и во главѣ которыхъ стоитъ утраченный „Большой Чертежъ“ XVI вѣка. Въ отношеніи къ Сибири особо составленный для нея „Чертежъ“ 1667—1668 г.г., также утраченный, по его достоинствамъ, виднымъ изъ сохранившагося его описанія, также не можетъ быть ставимъ на ряду съ исполненными ошибокъ иностранными картами. Только русскіе люди болѣе или менѣе правильно представляли себѣ эту далекую окраину Московскаго государства, и потому только ихъ показанія мы можемъ давать нѣкоторую вѣру*). Говоримъ „нѣкоторую вѣру“ потому, что и въ русскихъ чертежахъ, при несовершенствѣ тогдашней картографіи, мы находимъ ошибки. Посмотримъ, что сообщаютъ объ изслѣдуемыхъ нами странахъ собственно Сибирскіе чертежи.

„Чертежъ всей Сибири, збранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михайловича“ 1667 г. не упоминаетъ объ инородцахъ ничего и оставляетъ въ сторонѣ весь Угорскій край. Онъ весьма подробно показываетъ взаимное разстояніе населенныхъ мѣстъ въ Сибири и этимъ ограничиваетъ свою задачу. Начинается онъ съ указанія *старой Московской дороги* отъ Тобольска вверхъ по Тоболу, Тавдѣ, Пелыми до города Пелыма, откуда дальнѣйшій путь чрезъ древніе Тахчей или вогульскую волость Тахтанскую пресѣкался. Съ основаніемъ Верхотурья и открытіемъ новой дороги

*) О русскихъ чертежахъ мы подробно говорили во II выпускѣ «Перм. Стар.» въ главѣ I, а потому не будемъ повторять сказанное. «Списокъ съ Чертежа Сибирскіе земли» 1672 г. теперь вновь изданъ, вмѣстѣ съ описаніемъ Годуновской карты 1667—1668 г.г., въ упомянутой книгѣ: «Сибирь въ XVII вѣкѣ».

отъ Соликамска на р. Туру, русскіе перестали подниматься съ Тавды по Лозвѣ до Камня и потомъ слѣдовать по Вишерѣ и Колвѣ до Чердыни. Этотъ старый путь былъ оставленъ съ открытіемъ Бабиновымъ новой дороги отъ Соликамска, минуя Чердынь, прямо на р. Туру *). Съ основаніемъ Верхотурья въ 1598 г., городъ Лозва былъ упраздненъ, таможня учреждена въ новомъ городѣ, и главный путь направился по р. Турѣ. Вотъ почему весь сѣверо-западный уголъ нынѣшней Сибири, весь Угорскій край того времени, заброшенный и забытый, оставленъ безъ вниманія и въ Чертежѣ 1667 года.

Слѣдующій географическій памятникъ „Списокъ съ Чертежа Сибирскія земли“ 1672 г. **) въ общемъ имѣетъ такой же характеръ, потому же оставляетъ въ сторонѣ весь Угорскій край и нигдѣ ничего не говоритъ объ инородцахъ. Только въ „шестой грани“ вскользь упомянуто о сѣверномъ пути съ Печоры чрезъ Камень на Сосву и Собь рѣки до Березова, но при этомъ не упомянуто ниодного населеннаго пункта кромѣ самого Березова и Кодскаго монастыря на Оби, ни слова не сказано о тамошнихъ обитателяхъ.

Перейдемъ поэтому къ третьему, самому замѣчательному памятнику Сибирской картографіи—къ „Чертежной книгѣ Сибири 1701 г.“ *Семена Ремезова*, Тобольскаго сына боярскаго ***). Во II выд. нашего изданія (стр. 27—29) мы подробно говорили о происхожденіи этого памятника и о важномъ значеніи его для нашей исторіи. Тамъ же сказано о существованіи подробной копіи этого атласа, снятой голландцемъ *Витзеномъ*. Относительно внутреннихъ достоинствъ атласа Ремезова приходится повторить сказанное раньше. Составитель зналъ Сибирь ближе Россіи Европейской, почему въ послѣдней допускаетъ значительныя ошибки въ общихъ географическихъ опредѣленіяхъ, а относительно Сибири его

*) Подробности объ этомъ см. въ «Периск. Старинѣ» вып. I, 42.

**) Напечатанъ вмѣстѣ съ предъидущимъ въ книгѣ «Сибирь въ XVII в.» М. 1890 года.

***) Общая «Книга Большому Чертежу» второй редакціи 1680 года не представляетъ въ отношеніи описанія Сибири новыхъ подробностей и только ограничивается исправленіемъ нѣкоторыхъ географическихъ названій. *Югра и ея города здѣсь опять повторяются.*

показанія болѣе правильны и точны. Мы видѣли, какъ неправильно Ремезовъ представлялъ себѣ Великую Пермь. Не лучше того онъ судилъ и объ Югорской землѣ. Не находя таковой въ Сибири, но зная о существованіи ея въ царскомъ титулѣ, Ремезовъ помѣщаетъ „Югорское царство“ въ Европ. Россіи, между рѣкъ Мезени и Туломы, т. е. Кулоя (см. листъ 24 въ его атласѣ Сибири). Къ востоку, за Мезенью, показана Терская Самоѣдь, а къ западу „Поморіе“ и далѣе Колмогоры. На слѣдующей общей картѣ показана „Югорска земля“ къ востоку отъ Соловецкаго острова, между Терской Самоѣдью съ востока, Колмогорской землей съ запада, при чемъ „земля Поморская“ оказалась южнѣе Югорской, прилежащею къ С.-Двинѣ съ ея правой стороны и отчасти къ Бѣлому морю. Уже эти несогласія между двумя сосѣдними картами показываютъ, какъ смутно представлялъ себѣ Ремезовъ положеніе Югры, въ дѣйствительности тогда уже не существовавшей и сохранившей свое названіе только въ царскомъ титулѣ. Что же показываетъ онъ на мѣстѣ исчезнувшей древней Югры? На картѣ 23-й мы находимъ подробное обозначеніе этихъ мѣстъ въ новомъ видѣ сравнительно съ „Книгою Больш. Чертежа“ редакціи 1627 и 1680 годовъ. Указанія эти весьма любопытны. На картѣ ясно обозначены притоки Оби Вогулка и Сосва съ притокомъ Сыгвою. На устьѣ Сосвы и вблизи устья Вогулки обозначенъ градъ Березовъ, между этихъ рѣкъ и по каждой изъ нихъ—земля Остяцкая и Остяки, но *на верховьяхъ Сывы помѣщены Вогуличи*. Ясно, что и Остяки на Вогулѣ, судя по названію этой рѣки, явились здѣсь или послѣ первыхъ обитателей ея Вогуловъ, или эти Остяки суть тѣже Вогулы—Ляпинцы, которые указаны и на Сыгвѣ. Рядомъ съ верхъ-сыгвенскими Вогуличами, у истоковъ рѣчки Худой Сосвы и близъ сліянія Сыгвы съ Сѣверной Сосвой, *показаны жители Югриковы, вѣроятно, еще не вполне овогулившіеся настоящіе Югричи* *). Затѣмъ по всему теченію р. Конды показаны одни Вогуличи. Всѣ эти показанія еще разъ подтверждаютъ высказанное выше, на основаніи другихъ данныхъ, наше общее положеніе о существованіи *особаго народа Югричей, переродившагося къ*

* На картѣ 2 (листъ 4) на томъ же мѣстѣ показаны жители Югринковы.

началу XVIII в. въ *Вогуличей*, неправильно названныхъ у Русскихъ „Остяками Ляпинскаго нарѣчія“. Что касается поименованныхъ въ обѣихъ редакціяхъ „Книги Бол. Чертежу“ югорскихъ городовъ, то ихъ кромѣ Березова мы уже не видимъ у Ремезова. Принимая во вниманіе, что „Чертежная книга Сибири“ въ общей сложности составлялась около 30 лѣтъ и была закончена въ 1701 г., мы должны допустить, что вторая редакція „Книги Бол. Черт.“ 1680 г. въ отношеніи бывшей территоріи Югры просто списана съ первой безъ новой повѣрки съ дѣйствительностью, такъ какъ въ теченіе 20 лѣтъ не могли же безслѣдно исчезнуть 12 югорскихъ городовъ. Въмѣсто бывшихъ городовъ у Ремезова вновь показана *Киртасская застава* на рѣчкѣ Киртасъ, упоминаемой въ „Книгѣ Бол. Черт.“, и *жители Югриковы*. (Листъ 23).

Черезъ 15 лѣтъ послѣ появленія атласа Ремезова *Григорій Новицкій* написалъ свое извѣстное „Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ 1715 г.“, изданное академикомъ *Л. Н. Майковымъ* въ „Памятникахъ древней письменности и искусства“ въ 1884 году. Во всемъ сочиненіи Новицкаго названіе Югры и Югричей не встрѣчается уже ни разу. Полное исчезновеніе ея, въ смыслѣ сліянія съ Вогулами и отчасти Остяками, къ тому времени, значить, совершилось. На мѣстѣ Югры Новицкій вездѣ указываетъ Остяковъ (Ляпинскаго нарѣчія). Мы должны однако остановиться на этомъ спеціальномъ писателѣ объ Остякахъ и Вогулахъ, по времени еще первомъ въ Руси. По его словамъ, древнѣйшими обитателями Остяцкой страны былъ народъ Чудской: „здравле-бо здѣ внизъ по Оби и всей странѣ жителствоваше народъ *Чютикій*“ (стр. 26). Сказавъ, что отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ кургановъ и чудскихъ ямъ, въ которыхъ, будто бы, чудь зарывалась со все́мъ богатствомъ и погибала, авторъ замѣчаетъ: „Досели же жители странъ сихъ въ тѣхъ ровищахъ и курганахъ находятъ премного золотыхъ сосудовъ и серебра множество и прочая, зане со всимъ имѣніемъ своимъ убивахуся“ (стр. 26). Тѣ же самыя преданія сохранились и въ Пермскомъ краѣ, среди Русскихъ, и они доказываютъ, что Русскій народъ именовъ Чуди, чуждыхъ людей называетъ всѣхъ давно исчезнувшихъ аборигеновъ этихъ странъ—пред-

ковъ позднѣйшихъ Пермь и Угровъ безразлично *). Прямими преемниками Чуди по владѣнію землями въ сѣверо-западной Сибири Новицкій считаетъ Остяковъ, переселившихся изъ Пермской страны послѣ крещенія ея св. Стефаномъ и не желавшихъ измѣнять язычеству. „Се же и вѣдомо есть и отъ повседневнога, яко сей народъ отъ Пермы преселися, зане и языкъ ихъ явѣ творить, вси бо сіи пермскимъ глаголють нарѣчіемъ, аще же не всѣ свойственнымъ и непремѣннымъ нарѣчіемъ Великія Пермы глаголють, обаче се бысть егда умножишася сіи людие по преселеніи своемъ отъ Пермы и разыдошася здѣ по различныхъ тѣхъ странахъ, изминиша и языкъ свой.... Сіи же, что внизъ по Оби, непремѣннымъ глаголють нарѣчіемъ пермскимъ, зане сіи егда чрезъ Камень, иже отъ Пермы прилежитъ, преидоша, тогда не в далнія страны удалишася отъ Пермы, но близъ предѣлъ оныя пребываютъ и всегдашнія съ оными имущи обхожденія, сохраниша неизмѣнно языкъ свой пермскій“ (стр. 27). Мысль Новицкаго о передвиженіи Остяковъ изъ за Урала въ Азію сама по себѣ вѣрна, но пребываніе всей массы ихъ на территоріи Перми до временъ св. Стефана ошибочно. Къ тому времени осталась въ Перми лишь нѣкоторая часть Угровъ; главная же масса ихъ передвинулась за Уралъ еще въ доисторическія времена. Что касается людей, говорящихъ настоящимъ пермскимъ нарѣчіемъ на нижней Оби, то подъ ними несомнѣнно слѣдуетъ разумѣть зауральскихъ Зырянъ, ту „Печеру“, которая въ послѣдній разъ, какъ народъ, упоминается у Епифанія и его компиляторовъ, т. е. исчезаетъ въ первоисточникахъ подъ этимъ древнимъ названіемъ дѣйствительно со временъ св. Стефана, оставивъ на соименной рѣкѣ лишь ту часть Зырянъ, которая приняла христіанство. Что Зыряне рано проникли въ Сибирь—видно изъ упоминанія ихъ въ грамотахъ на значительномъ разстояніи къ востоку отъ Урала. Такъ, въ отпискѣ изъ Кетскаго острога въ Тобольскъ о дѣйствіяхъ служивыхъ людей противъ Тунгусовъ, отъ 6 іюля 1609 года, упоминаются Остяки и Зыряне Кетскаго острога **). Зыряне и Вымичи торговые

*) «Пермск. Стар.» I, 25; Смирнова: «Пермяки», стр. 114.

***) «Русская Историческая Библиотека», II, 205.

люди упоминаются въ Березовѣ и другихъ городахъ Сибири въ наказахъ Сибирскимъ воеводамъ отъ царя Бориса Годунова 1601 и 1603 г.г. *). Въ послѣдующее время ихъ являлось въ Сибирь еще больше, а между тѣмъ Новицкій во всемъ сочиненіи своемъ не упомянулъ о нихъ ни словомъ. Не зная инородческихъ языковъ, онъ видимо смѣшалъ Зырянъ, дѣйствительно говорящихъ по-пермски, съ низовыми Остяками, которымъ ошибочно и приписалъ тотъ же пермскій говоръ. Въ дѣйствительности низовые Обскіе Остяки говорятъ особымъ *Обдорскимъ нарѣчіемъ*, въ которое, по свидѣтельству Абрамова, вошло не мало словъ самоѣдскихъ и *зырянскихъ* и которое существенно отличается отъ сосѣднаго *Югорскаго нарѣчія*, иначе Сосвино-Ляпинскаго, изобилующаго словами *вогульскими* **). Это сообщеніе Абрамова подтверждаетъ еще разъ наше главное положеніе о постепенномъ перерожденіи древней Югры въ Вогуловъ съ небольшою примѣсью Остяковъ.

Итакъ полное перерожденіе древней Югры въ Вогуловъ, неправильно названныхъ у Русскихъ „Остяками Ляпинскаго нарѣчія“, слѣдуетъ отнести къ первой четверти прошлаго вѣка. Жители Югриновы на р. Сыгвѣ были послѣдними представителями этой исчезнувшей народности. Однимъ изъ послѣднихъ воспоминаній о ней было также учрежденное въ 1681 г. *Югорское* намѣстничество, сосѣднее съ ранѣе открытыми (въ 1676 г.) намѣстничествами Обдорскимъ и Кондійскимъ ***). До того времени въ отношеніи управленія вся Югра причислялась къ Перми Великой, почему строителями нѣкоторыхъ Сибирскихъ крѣпостей были Чердынскіе намѣстники и воеводы: въ сообществѣ съ княземъ П. И. Горчаковымъ, Великопермскій воевода Никифоръ Васильевичъ Троханіотовъ и его товарищъ Аѳанасій Ивановичъ Благово въ 1592—3 г.г. полагаютъ основаніе Пелыму и Березову ****), а воевода Василій Петровичъ Головинъ да съ нимъ Иванъ Васильевичъ

---

*) Тамъ же II, стр. 817—825 и слѣд.

***) Абрамовъ: «Описаніе Березовскаго края», 332.

****) Н. В. Калачовъ: «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», книга I-я.

*****) Миллеръ: «Описаніе Сибирскаго Царства», стр. 226.

Воейковъ въ 1598 г. строить Верхотурье *). Югорское намѣстничество просуществовало, кажется, до перваго учрежденія губерній. На картѣ Екатеринбургскаго вѣдомства 1734—1736 годовъ, изданной при II томѣ сборника „Пермскій край“, и на академическомъ атласѣ 1745 г. на томъ же мѣстѣ мы видимъ уже *Березовскій уѣздъ*. Въ атласѣ Ремезова 1701 года, какъ мы говорили, также не показано Югорскаго намѣстничества, но упомянуто „Югорское царство“ къ западу отъ Урала. Уже во времена Ремезова слово Югра, по видимому, не прилагалось къ бассейну Сѣверной Сосвы и Сыгвы, и наименованіе намѣстничества могло существовать только на бумагѣ, да кромѣ того слово „Югорскій“ осталось въ царскомъ титулѣ.

Намъ остается указать на существованіе Угорскихъ поселеній въ XVI—XVII в.в. къ западу отъ Урала, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Пермью Великой и отчасти на ея территоріи. Одинъ изъ специальныхъ изслѣдователей Югры, г. *Оксеновъ*, между прочимъ пишетъ: „Безъ сомнѣнія, границы области, нынѣ занимаемой Остяками, не могутъ вполнѣ считаться границами древней Югорской земли, но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ Лербергъ, включать мѣста по рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и Чусовой въ предѣлы древней Югорской земли. Въ этихъ мѣстахъ теперь нѣтъ Остяковъ, и также не встрѣчается историческихъ свидѣтельствъ о пребываніи ихъ въ этихъ краяхъ. По рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ и Чусовой жили въ древнее время Татары и Вогулы, родственные Остякамъ“ **). Это замѣчаніе г. Оксенова требуетъ поправки. Во первыхъ, самое слово Югра въ древности употреблялось въ двойномъ смыслѣ—общемъ, собирательномъ и частномъ, и въ первомъ значеніи оно обнимало всѣхъ сѣверо-восточныхъ Угровъ, почему Лербергъ имѣлъ основаніе понимать Югру въ широкомъ смыслѣ. Во вторыхъ, существованіе остяцкихъ поселеній въ бассейнѣ Камы и Чусовой засвидѣтельствовано въ Великопермскихъ писцовыхъ книгахъ Яхонтова и Кайсарова и въ житіи св. Трифона Вятскаго

*) Тамъ же, стр. 337.

**) «Литерат. Сборникъ». СПб. 1885 г., стр. 433.

XVII в., и слѣдовательно сомнѣнія г. Оксенова въ данномъ случаѣ безосновательны.

Въ житіи св. Трифона Вятскаго, подробно изслѣдованномъ нами въ другомъ мѣстѣ *), весьма ясно говорится объ языческомъ капищѣ Остяковъ на рѣчкѣ Нижней Муловкѣ (или Муллянкѣ), что близъ нынѣшней Перми слѣва впадаетъ въ р. Каму. Тутъ на высокомъ холмѣ (городищѣ) стояло заповѣдное дерево Остяковъ—исполинская ель, а вблизи находилось остяцкое кладбище. Эта ель была срублена св. Трифономъ и очень напоминаетъ „прокудливую березу“ Пермлянъ въ Усть-Вымѣ, срубленную руками святителя Стефана Пермскаго. Въ VIII главѣ житія мы читаемъ слѣдующія весьма важныя строки: „Бѣ бо ту ихъ, агарянъ и многихъ языкъ идольское жертвище и отъ всѣхъ странъ и рѣкъ съ Печеры и съ Сылвы и съ Обвы и съ Тулвы князи ихъ: *остякии Амбалъ, вогульскій Бебякъ и инии мнози языци со встми своими улусы, Остяки и Вогуличи со встхъ ловль своихъ ту во едино мѣсто съзжахуся*“ (стр. 41)**). Въ указанной статьѣ мы подробно разобрали значеніе этихъ словъ и между прочимъ замѣтили, что привамскіе Остяки составляли только колонію сылвенскихъ, жившихъ въ значительномъ количествѣ смѣшанно съ Вогулами по р. Чусовой и ея притоку Сылвѣ; откуда ихъ поселенія переходили и на р. Тулву, притокъ Камы, что нынѣ въ Осинскомъ уѣздѣ. Еще яснѣе говорятъ о существованіи остяцкихъ и вогульскихъ поселеній по Сылвѣ, Чусовой и къ востоку отъ Перми Великой, по самому западному склону Урала, на верховьяхъ Вишеры и Печоры писцовыя книги и нѣкоторыя грамоты, на коихъ мы уже останавливались въ I выпускѣ изданія и въ той же статьѣ въ „Трудахъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи“ вып. II. Припомнимъ, что до XV вѣка Пермь Великая—Чусовая состояла изъ одного уѣзда Пермскаго—Чердынскаго съ главнымъ средоточіемъ въ городѣ Перми Великой (Чердынъ тоже); уѣзды Усольскій и Байгородскій, а также обширныя вотчины Строгановыхъ возникаютъ и ко-

*) «Критическія замѣтки по исторіи Перми Великой XVI в.» во II выпускѣ «Трудовъ Пермской Ученой Архивной Коммиссіи». (Пермь. 1893 г.).

***) «Православный Собесѣдникъ» 1868 г.—оттискъ «Житія».

лоцируются Русскими позднѣе*), почему угорскія поселенія на Камѣ, Чусовой, Сылвѣ, Обвѣ и Тулвѣ объясняются весьма просто. На этихъ рѣкахъ до XVI в. было еще много свободнаго мѣста, такъ какъ Пермьки локализовались преимущественно на верховьяхъ Камы—тамъ, гдѣ мы и доселѣ видимъ ихъ остатки.

Переходя за Уралъ, на берега верхней Туры и Тавды, мы опять убѣждаемся въ полной несостоятельности приведенныхъ выше словъ г. Оксенова и удивляемся, что ихъ могъ сказать мѣстный сибирскій ученый, которому Сибирь должна бы быть знакома ближе. На верхней Тавдѣ, на старой Московской дорогѣ изъ Руси въ Сибирь, лежала вогульская волость Тахчей или Тахтанская, вокругъ которой, въ непосредственномъ сосѣдствѣ, Остяки жили сплошною массою, какъ видно изъ царской грамоты Строгановымъ отъ 30 мая 1574 г. **). На Турѣ, правда, жили Вогуличи, но и Остяковъ въ ея бассейнѣ обитало не мало. Верхотурскіе Остяки многократно упоминаются въ мѣстныхъ сибирскихъ документахъ. Возьмемъ для примѣра царскую грамоту, писанную въ іюлѣ 1627 г. на имя Верхотурскаго воеводы князя Семена Никитича Гагарина. Въ ней неоднократно и ясно упоминаются „Тавдинцы, Ляличи, Сосвичи и *Верхотурскіе Остяки*“ ***). Даже на р. Кондѣ, служившей средоточіемъ вогульскаго населенія, остяцкія деревни (юрты) встрѣчались рядомъ съ вогульскими ****). Вообще эти два народа не раздѣлялись большими пространствами, а напротивъ жили въ ближайшемъ сосѣдствѣ, управлялись родственными между собою князьями, о чемъ подробно сказано выше, и составляли какъ бы одну этнографическую семью—Югру въ общемъ, собирательномъ значеніи этого слова, какъ и понимали ее, на нашъ взглядъ правильно, академикъ Лербергъ и фонъ-Бушенъ и понимаютъ доселѣ всѣ послѣдователи такъ называемой „угорской теоріи“.

*) «Пермская Старина» I, 143.

***) Миллеръ: «Описан. Сибирскаго Царства», стр. 87.

****) Тамъ же, стр. 344, 346.

*****) Г. Новицкій: «Описаніе о народѣ Остяцкомъ», стр. 23.

«НОВГОРОДСКИЙ СЛЕД»
НА ЮГОРСКОЙ ЗЕМЛЕ

З. Г. Гайдакова³, О. В. Кардаш^{1, 2, 3}

¹ Сургутский государственный университет
Югорская лаборатория археологии и этнографии
пр. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

³ Институт археологии Севера
ул. Набережная, д. 16, г. Нефтеюганск, 628305, Россия
E-mail: gajdakova@yandex.ru

Торговые отношения Новгорода Великого с Югрой в XIII–XIV веках (по материалам городища БН и могильника БН-2)

Аннотация. Экономический фактор оказывает значительное влияние на формирование культуры любого народа и наиболее ярко проявляется в торговле. До недавнего времени у жителей Югры основным источником, маркирующим данную область экономики, являлись отрывочные летописные данные и отдельные находки импортных предметов роскоши – произведений средневековых восточных и русских мастеров-ювелиров. В статье мы представляем комплекс данных, полученных в результате раскопок слоя нач. XIII – нач. XIV в. городища Бухта Находка и могильника Бухта Находка 2. На основе анализа полученных материалов мы предпримем попытку реконструировать объем и направление торгово-меновых отношений жителей Югры XIII–XIV вв. Мы считаем, что население п-ова Ямал имело приоритетные торгово-экономические отношения с жителями земель Новгородской республики.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, Карское море, Обская губа, п-ов Ямал, бухта Находка, Новгород Великий, Югра.

Введение

Взаимоотношения аборигенного населения Крайнего Севера, в частности п-ова Ямал, в период позднего Средневековья с другими народами и государствами следует обозначить как меновую торговлю, не предусматривавшую денег в качестве платежного средства.

Одним из подтверждений существования именно меновой торговли являются письменные источники, как русские, так и иностранные. Так, в Никоновской летописи под 1096 годом приведено описание как места торга, так и процесса: «Югра же людье есть языкъ немъ, и седять съ Самоядые на полуночныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: «дивно мы находимъ чюдо, его же несмы слышали преже сихъ лтъ; се же третье лето поча быти, суть горы зайдуче луку и моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ техъ кличъ великъ и говоръ, и секуть гору, хотяще высечися; и въ горе той просечено оконце мало, и туде молвятъ, и есть не разумети языку ихъ, но кажутъ на железо и помавають рукою, просяще железа; н аще кто даста имъ ножъ ли, ли секиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ техъ непроходимъ пропастьми, снегомъ и лесомъ; темже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подалъ на полунощи» [ПСРЛ, Т. I, 1846. – С. 107].

Территориально данный морской залив мы идентифицируем с Байдарацкой губой Карского моря, которая расположена ближе всего к северной оконечности Рифейских (Уральских) гор. Таким образом, в конце XI в. представления новгородцев о местоположении Югры были однозначно связаны с северной частью Уральских гор. Летописные данные позволяют реконструировать маршрут передвижения торговой экспедиции, посланной Гюрятой Роговичем, по реке Печоре, далее по реке Усе, берущей свое начало в северной оконечности Уральских гор [Кардаш, Гайдакова, 2018. – С. 48]. Место торга предположительно расположено в 250 км к западу от бухты Находка, в районе истока реки Уса, между горными вершинами Нгэтенапэ (1338 м) и Хайдыпэ (1235 м). Путь до предполагаемого места торга у жителей бухты Находка мог занять 5 дней с использованием нартенного транспорта (собачьих упряжек).

Следующее интересное свидетельство связано с самим процессом торговли: сообщение «язык нем» указывает на явное лингвистическое различие и неразвитость языковых контактов новгородцев и югричей на тот момент, что может свидетельствовать о начальном периоде взаимоотношений и отсутствии как даннических, так и торгово-экономических отношений [Кардаш, Гайдакова, 2018. – С. 49]. Указание «есть не разумети языку ихъ» детализирует способ торга – немую торговлю. На наш взгляд, это важное указание и на непосредственные, прямые контакты между жителями Новгородской республики и Югры.

Другой документальный источник, позволяющий локализовать место торга и форму торговли, – это сочинение ал-Гарнати¹ где приводится следующее описание: «А за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура. Летом день у них бывает очень длинным. Так что, как говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной. Купцы говорят, что Мраки недалеко от них и что люди Йура ходят к этому Мраку... И приносят с собой товары, и кладет [каждый] купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары...» [Джаксон, Коновалова, 2009. – С. 141–143].

Этот источник также указывает на торговлю в пределах полярной зоны, где находятся в том числе горы Полярного Урала. Также описан алгоритм немой торговли. Следует отметить, что в отличие от предыдущего источника здесь указано: «И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары», т. е. прямых контактов не было.

Следующий источник позволяет более конкретно локализовать место торга и путь к нему, а также интерпретировать направление торговых связей. В сочинении Ибн-Баттуты² приводится следующее описание: «Эта страна, страна мрака, лежит в сорока днях пути от Болгар, и путешествия туда совершаются в небольших повозках, на собаках. Почва этой степи мерзлая; нога человека или лошади не может на ней устоять: потому употребляют собак, у которых есть когти. Путешествия предпринимают только достаточные купцы; каждый из них отправляет до ста повозок с нужным запасом пищи, питья и дров, по тому что там нет ни дерева, ни камня, ни земли... После сорока дней пути эту степью, путники останавливаются в стране мрака; выкладывают привезенные товары и уходят на место своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, где оставили товары, и находят там для обмена соболей, белок и горностаев. Таким образом происходит их купля и продажа. Те, которые там бывают, не знают, с кем они ведут торговлю, – с людьми или духами; они ни кого не видят в лицо» [Савельев, 1847. – С. СXXXI–III].

В данном отрывке мы видим описание пути до места торга, причем этот путь мог быть осуществлен только с помощью собачьей упряжки, что указывает на меридиональное, широтное направление.

¹ Абу Хамид Мухаммад ибн Абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалуси (1080–1169/70) – испано-арабский писатель, проповедник и путешественник, побывавший в разных странах Северной Африки, Ближнего Востока, Средней Азии и Европы. Описание своих путешествий ал-Гарнати оставил в двух сочинениях: «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» (иное название по другой рукописи – «Выборка воспоминаний о чудесах стран») и «Подарок умам и выборка из чудес».

² Абу Абдуллах Мухаммад ибн Абдуллах ат-Танджи более известен как Ибн-Баттута (араб. 25 ; ابن بطوطة февраля 1304, Танжер – 1377, Фес) – арабский путешественник и странствующий купец, объехавший все страны исламского мира – от Булгара до Момбасы, от Томбукту до Китая. Автор книги «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий».

Скорее всего, речь идет о торговых экспедициях, которые могли начинать свой путь от Новгорода Великого в меридиональном направлении, и путь проходил через тундровые пространства, что опять указывает на Заполярье. Конкретное место торга не указано, но мы связываем его с северной оконечностью Уральских гор, судя по продолжительности самого пути. Так, за 40 дней на собачьей упряжке можно преодолеть расстояние, равное 1200–1500 км, что примерно соответствует расстоянию по прямой от устья реки Мезени, где начинаются тундровые пространства, до северной оконечности Уральских гор. В сочинении Ибн-Баттуты основной акцент сделан на продолжительности пути, способе передвижения и местности, по которой проходил этот путь. Этот источник также подтверждает и описывает процесс немой торговли при отсутствии прямых контактов.

В этом фрагменте Югра получила название страны мрака, мы придерживаемся мнения, что Ибн-Баттута позаимствовал название у ал-Гарнати, который в свою очередь, описывая страну мрака, указывал на Югру [Кардаш, Гайдакова, 2018. – С. 639].

Мы представили наиболее яркие фрагменты, иллюстрирующие торговые связи Югры. Анализ русских летописей и иных документальных источников по истории Югры, связанных с периодом XI–XV вв., неоднократно публиковался в работах различных историков (Лерберг, Щеглов, Дмитриев, Миллер, Янин и т. д.). Мы представили свои дополнения к общеизвестным определениям, ранее не рассматривавшимся историками-исследователями, обратили внимание на детали, которые важны для раскрытия истории торговых взаимоотношений Югры, ее территориальных границ, статуса территории и населения.

Основная часть

В последние годы исследований мы получили значительный комплекс археологических данных по меновой торговле населения приполярных территорий Крайнего Севера Западной Сибири, в частности Южного Ямала. Это городище Ярте VI, городище Бухта Находка и рядом расположенный могильник Бухта Находка 2. В данной статье мы предпримем попытку определения состава, объема этой торговли и преимущественного направления.

Городище Ярте VI расположено на западном побережье п-ова Ямал, омываемом водами Байдарацкой губы – залива Карского моря, в дельте р. Юрибей в 32 км от устья, в 235 км к северу от районного центра пос. Яр-Сале и в 305 км к северу от окружного центра г. Салехарда.

В результате раскопок была выявлена планировочная структура оборонительно-жилого комплекса городища Ярте VI, состоявшая как минимум из шести построек, расположенных в два ряда³. Общие размеры сооружения реконструируются в пределах 20 × 36 м. Следует отметить, что городище Ярте VI полностью изучено раскопками.

Вещевой комплекс памятника, полученный в результате раскопок 1990–1992, 1995, 1996 и 2013 гг., составляют около 2000 предметов. В основном это неопределимые фрагменты изделий из дерева, кости и других материалов либо заготовки или отходы их производства. Лишь 458 предметов из органических и неорганических материалов идентифицированы и могут использоваться для анализа. Изделия из металла составляют порядка 10 % от числа определимых предметов, а от общего – не более 2,5. Значительную часть вещевого комплекса составляют орудия охоты и рыболовства, а также инструменты для обработки кожи, среди которых приспособления из лопаток оленя для размягчения кожи и скребки из камня, рога северного оленя и дерева. Немало в коллекции деревянных моделей предметов, вероятно игрушек (топоры, луки, стрелы и другие) [Плеханов, 2014. – С. 13–118].

Временной интервал функционирования городища определялся несколькими методами, в связи с чем установлен он довольно точно. Сравнительно-типологический метод позволил определить относительно широкий временной интервал в пределах X–XII вв. Радиоуглеродным методом, по 14С,

³ Появление полноценных научных отчетов о результатах раскопок городища Ярте VI в 90-е годы вряд ли возможно, так же как публикация материалов этих исследований, включающая планиграфические и стратиграфические данные. Тем не менее в отдельных статьях были опубликованы некоторые выводы исследователей, мало подкрепленные фактическим материалом. В этой связи в данном описании представлен собственный анализ данных, учитывающий материалы новейших исследований аналогичных памятников, а также комментариев к отдельным выводам, изложенным в публикациях авторов раскопок.

возраст памятника был дополнительно расширен, в пределах 1010–1275 гг. Дендрохронологическим методом, по остаткам элементов домостроительных конструкций, определен наиболее узкий период – 1071–1106 гг. [Шиятов, Хантемиров, 2000. – С. 116; Литвиненко, 2004. – С. 202; История Ямала, 2010. – С. 63, 64]. Последние даты, на наш взгляд, маркируют временной интервал строительства, реконструкций и первоначального функционирования, которое вряд ли могло длиться многим дольше первой четверти XII в. (ок. 1100–1125 гг.). Судя по отдельным предметам вещевого комплекса, например фрагментам медных котлов, финальный этап функционирования поселения, вероятно, приходится на сер. – втор. пол. XII в. (ок. 1140–1190 гг.). Таким образом, временной отрезок функционирования городища составил около 80 лет.

Городище Бухта Находка расположено на восточном побережье полуострова Ямал в Ямальском р-не, в 75 км на северо-восток от пос. Яр-Сале, 60 км к юго-западу от пос. Новый Порт, 200 км к северу от г. Надым (рис. 1 – А, Б).

Памятник расположен в устье маленькой реки Хардэ-Яха («Городская река»), на правом устьевом мысу, образованном руслом реки, прорезавшим террасу коренного берега залива. В окрестностях поверхность преимущественно сырая, кочковатая, покрыта тундровой растительностью. Территория памятника заросла высокотравьем, в окрестностях произрастает карликовая береза, ива.

В результате раскопок городища Бухта Находка в течение шести полевых сезонов был полностью изучен верхний строительный горизонт сооружений оборонительно-жилого комплекса [Кардаш, 2007, 2008, 2009, 2013, 2014; Рудковская, 2012]. Его внешние размеры составляют около 35 × 25 м, а внутреннего жилого пространства – примерно 28 × 23 м. В плане городок имел форму прямоугольника, ориентированного по оси северо-северо-восток – юго-юго-запад.

Внутреннее пространство поселения занимали восемь жилых строений, расположенных в два ряда (по четыре в каждом). Осью симметрии служила узкая центральная улица – проход – по обе стороны которой друг напротив друга располагались постройки. Собственно «улица» была ограничена наружными стенами фасадов построек. Между собой соседние постройки каждого ряда имели общую стену-перегородку. По периметру городок окружала наружная стена, служившая теплоизоляционной защитой от неблагоприятных погодных явлений и защитой от боевых нападений. Наружные стены городка представляли собой конструкцию, сложенную из торфяных и дерновых брикетов с каркасом из одного-двух рядов вертикально установленных жердей и бревен небольшого диаметра. Все пространство оборонительно-жилого комплекса имело единую жердевую кровлю с берестяной гидроизоляцией, удерживаемой слоем грунта и дерновым гнетом. Снаружи городок выглядел как поросшая травой обособленная сопка высотой 10–15 м.

Все постройки были жилыми и выполнены в единой архитектурной традиции. Общий размер построек не превышал 7,5 × 7,0 м при высоте не более 3–4 м. Внутреннюю планировку строения формировали: центральное жилое помещение размером 4,5 × 5,0 м, снабженное открытым очагом; по периметру его находилась неотапливаемая галерея – круговой обход шириной 0,5–1,5 м. Пространство галереи формировалось за счет стен центрального помещения и межжилищных и наружных стен городка. Галерея выполняла теплоизоляционную функцию и, очевидно, служила для хранения продуктов питания, одежды и утвари. Эти дома имели основной входной проем над очагом и дополнительный (малый) в одном из боковых фасадов, выходящих на центральную «улицу».

Всего в процессе раскопок найдено 4824 артефакта, из которых 3839 были включены в коллекцию. 985 предметов – массовый материал (камни, шлаки, обрывки бересты) – были учтены и сфотографированы.

Анализ предметов позволил определить временной интервал функционирования последнего сооружения в пределах сер. XII – нач. XIV в. Уточненная датировка получена по древесным спилам. Время основания поселения в устье Хардэ-Яхи определяется около 1084 г., а строительства последнего оборонительно-жилого комплекса – 1219–1225 гг. [Sidorova, Büntgen, Omurova, Kardash, Mygland, 2017. – P. 146–152]. Отсутствие образцов, датированных позднее 1285 г., судя по периодичности ремонтов сооружения, позволяет считать, что время функционирования городка можно ограничить первым десятилетием XIV в. (ок. 1300–1310 гг.). Таким образом, весь период существования городища Бухта

Находка укладывается в интервал конец XI – первое десятилетие XIV в., а последнего сооружения – начало XIII – первое десятилетие XIV в. (ок. 1219–1310 гг.).

Могильник Бухта Находка 2 расположен в Ямальском районе ЯНАО, Тюменской области, в 250 км на восток-северо-восток от окружного центра г. Салехарда, и в 75 км на северо-восток от районного центра пос. Яр-Сале, в 2,2 км к западу-северо-западу от устья р. Харде-Яха. К комплексу XIII–XIV вв. относятся 6 погребений и 4 кенотафа. Костные останки были зафиксированы в четырех погребениях и принадлежат взрослым людям. Погребения неравномерно распространены по всей площади памятника, особой планировки не зафиксировано.

Погребальный обряд захоронений разнообразен, в нем выделяется два типа: 1) захоронение в деревянной конструкции; 2) захоронение в меховом свертке, уложенном в деревянную конструкцию. Поверх этих конструкций во всех могилах уложены продольно плахи или одна широкая плаха. Все могилы одиночные.

В могилах погребенные укладывались на спину, головой на ЗСЗ – СЗ. Труположение различное. В двух случаях погребенный был уложен на левый бок, с согнутыми и прижатыми к корпусу руками и ногами, в одном погребенный уложен на спину, руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые, еще в одном случае установить труположение было невозможно, поскольку сохранился только череп.

Во всех погребениях зафиксирован погребальный инвентарь. Вещевой комплекс могильника, относящийся к периоду XIII–XIV вв., состоит из 58 предметов.

Мы привели достаточно подробное описание городища Бухта Находка, поскольку нет сомнений, что оно принадлежало аборигенному населению региона.

Археологическая коллекция городища Бухта Находка, полученная в результате исследований 2007–2014 гг., и могильника Бухта Находка 2 XIII века, полученная в результате исследований 2016 г., включает около 3900 индивидуальных предметов и фрагментов различных категорий. Здесь мы приводим данные коллекций городища Бухта Находка и могильника Бухта Находка 2. Коллекция городища Ярте VI будет использована в качестве дополнительного материала, поскольку опубликована частично.

К предметам импорта мы отнесли предметы, относящиеся к следующим производствам: металлургическому, кузнечному, медницкому, бронзолитейному, стеклоделательному, кожевенному и текстильному. Продукция этих производств могла появиться у жителей только в результате меновой торговли и имеет явные признаки происхождения с других территорий. Из общего числа артефактов 1902 экземпляра составляют импортные изделия или их фрагменты. Таким образом, количественное соотношение импортных предметов к общему числу артефактов составляет около 50 %. Однако, учитывая, что 1019 предметов – это фрагменты медных котлов, необходимо пересмотреть это соотношение. На наш взгляд, минимальное количество привозных предметов составляет 25 %.

Около половины всех импортных изделий составляет продукция металлургического и кузнечного производства.

Продукция металлургического производства представлена фрагментами крицы и шлака. Мы относим все обнаруженные крицы к предметам импорта, поскольку для изготовления криц необходимо несколько условий, это качественное сырье и топливо. Ближайший источник сырья, которое использовалось для изготовления различных изделий из железа и цветных металлов, расположен на Среднем Урале. Рассматривая второй аспект получения криц, необходимо отметить, что наиболее качественный древесный уголь получается только из очень ограниченного количества пород дерева – из всех достаточно редких и медленно растущих твердолиственных пород (дуб, граб, бук) и березы. Уже из хвойных – сосны или ели – древесный уголь получается более хрупким и с большим выходом мелочи и угольной пыли. Технология получения железа очень требовательна и к качеству топлива (угля), и к температуре процесса. Хороший, чистый и плотный древесный уголь мог обеспечить как хорошую температуру процесса, так и полное восстановление железа, пережигание всех вредных примесей и правильное остаточное содержание углерода в полученном кричном железе [Визгалов и др., 2018. – С. 442]. В месте расположения городища лес не произрастает, и рядом нет источников сырья, соответственно жители не могли

сами изготавливать кричное железо. Явное отсутствие собственного железоделательного производства у жителей городка обуславливает принципиальную возможность импорта всего «железа», попадавшего в городок в виде крицы или, в равной степени, готовых изделий. Однако большую часть железных изделий мы пока не можем дифференцировать на импортные товары, полученные в результате межрегионального обмена (изготовленные из привозного сырья), и на местные, полученные в результате внутрирегиональной (межобщинной) торговли либо изготовленные из привозного сырья на месте в результате так называемойковки на обухе топора, поэтому в данной работе рассматриваются лишь те предметы, импортное производство которых не подлежит сомнению и определяется типологически.

Крицы – 30 фр. диаметром около 10 см.

Металлургический шлак. Очевидно, что шлак попал к жителям городка вместе с партией крицы в результате меновой торговли. Куски шлака были брошены по причине непригодности для кузнечной обработки.

По археологическим данным, производство кричного железа имело широкое и повсеместное распространение у населения восточной Европы и в частности северорусского [*Древняя Русь...*, 1985. – С. 245].

Продукция кузнечного производства представлена шестью категориями импортных изделий.

Топор – 2 экз. В коллекции имеется целое изделие и фрагмент с округлой проушиной диаметром 4,4 см и двумя парами боковых щекавиц. По типологической схеме А. Н. Кирпичникова найденное изделие по ряду признаков близко древнерусским топорам типов VI или VII (рис. 2: 1). Период бытования таких топоров – X–XIII вв.; находки топоров этих типов типичны для средней и северной Руси [*Кирпичников, 1966.* – С. 38–39; рис. 6].

Кресало – 10 экз. Представлены двумя типами: калачевидным и овальным. Калачевидное кресало представлено двумя фрагментами, один из которых по типологии Б. А. Колчина относится к раннему варианту, бытовавшему в X–XI вв. В коллекции Ярте VI присутствует один целый экземпляр раннего варианта. Второй фрагмент представлен рукоятью и может относиться как к раннему варианту, так и к позднему [*Колчин, 1959.* – Рис. 10]. Овальное кресало представлено восьмью экземплярами, из которых пять целых, изготовлены в форме прямоугольной рамки (рис. 2: 6) и по типологии Б. А. Колчина относятся к овальным длинным кресалам, бытовавшим со втор. пол. XIII по XV в. [*Колчин, 1982.* – Рис. 4].

Швейные иглы – 76 экз. Длина найденных при раскопках железных игл составляет от 5,5 до 1,4 см. Все экземпляры сильно корродированы, в этой связи нет возможности определить расширение стержня вокруг отверстия для нити с желобками, характерное для новгородских изделий [*Колчин, 1959.* – С. 65]. Сильная корродированность изделий связана с качеством самого железа: высокоуглеродистый сплав подвергается большей коррозии. В условиях Крайнего Севера, ввиду отсутствия хорошей древесины, получить высокоуглеродистое железо крайне сложно, поэтому все иглы, несмотря на отсутствие явных признаков, характерных для новгородских изделий, были отнесены к предметам импорта. Возможно, эти иглы свидетельствуют о еще одном направлении импорта, связанного с Мининским археологическим комплексом, где были найдены подобные предметы – иглы типа А местного производства [*Археология севернорусской деревни...*, 2008. – С. 21].

Необходимо также отметить, что на городище Ярте VI, существовавшем в XI–XII вв., иглы отсутствуют⁴.

Кольчужный панцирь – 39 экз. Изделие представлено в коллекции фрагментами кольчужного полотна и отдельными кольцами. Диаметр колец составляет от 0,8 до 2,1 см (рис. 2: 2–5). Защитный доспех типа кольчатого панциря был характерным элементом русского вооружения на протяжении XIII–XVII вв. [*Кирпичников, 1976.* – С. 40–41].

4 Одной из причин отсутствия игл в вещевом комплексе мы можем назвать отсутствие металлодетектора при проведении раскопок. Находки из железа и других металлов окисляются, и к ним прикипает различная органика, поэтому в слое щепы они неразличимы. По опыту повторных раскопок средневековых памятников, проводившихся в 80–90 гг. XX века без использования металлодетектора, как показала практика, около 50 % крупных изделий из металла попадает в отвал, мелких фрагментов – около 70 %.

Ременная гарнитура (элементы поясных или уздечных наборов из железа) – 38 экз. Представлена двумя типами вещей:

Накладки – 31 экз. Это различные по форме, каждую из которых можно отнести к отдельному типу, миниатюрные железные изделия, размеры которых не превышают 5 см.

Наконечник ременной привески – 7 экз. Изделия представляют собой вытянутые прямоугольные пластины длиной 4,1–6,6 см и шириной 1,6–1,0 см, с сегментовидным сечением (рис. 2: 7–11).

Ременные наконечники из железа принадлежат аскизскому кругу древностей [Кызласов, 1983]. Однако сам по себе этот факт не говорит о прямых контактах населения Ямала с южной Сибирью, где локализуется аскизская культура. Находки аскизоидных изделий нередки на памятниках восточной Европы XI–XIV вв.; территория распространения изделий аскизского типа и их разновидностей охватывает территорию расселения мордвы-эрзи, муромы, хазарско-булгаро-мордовского населения Посурья, собственно Булгарии, части марийских племен и северных удмуртов [Руденко, 2004. – С. 25]. Находки аскизского облика известны и на территории Древней Руси, куда они попадают из болгарских ремесленных центров не позднее начала XII в. [Руденко, 2004. – С. 26; Кызласов, 1998. – С. 72; Археология севернорусской деревни..., 2008. – С. 30; рис. 16: 9]. О вероятности восточно-европейского происхождения накладок из городища Бухта Находка свидетельствует сегментовидное сечение четырех из пяти пластин, нетипичное для наконечников собственно аскизской культуры XIII–XIV вв. и наиболее характерное для поволжских изделий [Кызласов, 1983. – С. 59; Руденко, 2004. – С. 26].

Навесной замок и ключи также попали в городок в результате меновой торговли. Навесной замок представлен шестью фрагментами. Также было найдено три ключа. Один из ключей относится к типу А (цилиндрический) по типологической схеме Б. А. Колчина (рис. 2: 18) и датируется втор. четв. X – пер. четв. XIII в. (925–1225 гг.) [Колчин, 1982. – С. 160; рис. 3] (рис. 2: 17). Еще один ключ относится к типу Б и датируется XII – сер. XIV в. (1100–1350 гг.) [Колчин, 1982. – С. 160; рис. 3].

Продукция медницкого производства представлена 3 целыми и 1019 фрагментами медных котлов. Котлы нарезаны на мелкие прямоугольные пластины (не более 10 × 10 см). Кроме того, обнаружено 35 фрагментов или целых ушков котла, 10 железных и 5 медных дужек. Из числа фрагментов по количеству непарных ушек мы для общей статистики рассчитываем минимальное число котлов – 40 экз. В этом случае число привозных предметов – 918 экз., что составляет 25 % от общего числа артефактов.

Медные котлы. Размеры котлов реконструируются по фрагменту дна медного котла, диаметр которого составлял не менее 35 см. Диаметр других котлов, восстанавливаемый по длине дужек, составлял около 25 см. Котлы собраны из медных листов двумя типами соединений: «в зубец» и клепкой. Ушки котлов изготовлены из медного и в одном случае железного прута или пластины. Ушки, являющиеся датирующим признаком для котлов, фрагментированы, а потому их идентификация возможна только в 18 случаях (из 35 фрагментов). Определение и датировка котлов осуществляется на основе типологической схемы К. А. Руденко [Руденко, 2000]. Судя по количеству непарных ушек, мы можем реконструировать приблизительное количество котлов, равное 40 экземплярам.

Ушко типа «а» – 5 экз. Выковано из медного круглого в сечении медного дрота диаметром 0,25 см. Концы ушка разведены незначительно (расстояние между ними составляет 2,1 см) и слегка приплюснуты для одной заклепки. Заклепки, которыми ушко крепилось к котлу, сохранились – они также изготовлены из меди. Маленькие ушки, по классификации К. А. Руденко, соответствуют котлам типов М-1, М-2 и М-3 и датируются X–XI вв. [Руденко, 2000. – С. 73].

Ушки типа «б» – 8 экз. Изготовлены из медного дрота, раскованного под две заклепки в виде двух овалов. Такие ушки соответствуют котлам типа М-4 (по К. А. Руденко), бытовавшим с XII в. и рудиментарно сохранявшимся в XIV в. [Руденко, 2000. – С. 31–32, 73–74].

Ушки типа «в» – 5 экз. Изготовлены из медной пластины. Общий силуэт составляет две фигуры. Верхний ярус пластины напоминает трапецию, а нижний – прямоугольник. Такие ушки соответствуют котлам типа М-2 (по К. А. Руденко), бытовавшим в X–XI вв. [Руденко, 2000. – С. 73].

Эти типы ушек связываются с поволжскими мастерскими [Руденко, 2000. – С. 73–74]. Волжская Булгария с конца XI – XII в. снабжала медными котлами всю Восточную Европу [Руденко, 2000. – С. 103],

а потому болгарская продукция медницкого производства вполне могла попасть в городище Бухта Находка и с территории Руси.

Следует отметить, что расчет минимального количества котлов из числа непарных ушек не учитывает того факта, что городище Бухта Находка было оставлено преднамеренно и все население покинуло его в полном составе, а это в свою очередь означает, что часть котлов они забрали с собой. Судя по архитектуре городища, в нем проживало порядка 8 семей, в каждой из которых было как минимум 2 котла для приготовления пищи. Таким образом, около 20 котлов жители забрали с собой. Всего за время существования городища было приобретено не менее 60 котлов.

С распространением котлов связано и их использование в погребальном обряде. Так, в одном из погребений могильника Бухта Находка 2 был найден целый котел. А в погребальном комплексе Зеленый Яр, связанном с могильником XIII века, на тела погребенных укладывались медные пластины, вырезанные из стенок котлов.

Продукция текстильного производства также импортировалась в городок, причем по крайней мере некоторая часть из нее – в виде готовых изделий. Правда, число таких изделий пока невелико.

Костюм – 6 экз. Был обнаружен фрагмент рукава размером 41 × 21 см, изготовленного из полотен коричневого (полотняного переплетения) и зеленого в желтую полоску (саржевого переплетения) сукон (рис. 3: 1).

В коллекции городища Ярте VI присутствуют три лоскута ткани коричневого сукна и тесьма [Плеханов, 2014. – С. 16; табл. 2 – 12, 13, 15, 16].

Ткачество занимало одно из важнейших мест в ремесленном производстве Древней Руси и было наиболее массовым и распространенным производством [Древняя Русь..., 1985. – С. 265].

Вязаное изделие (носок) – 1 экз. Предмет размером 18 × 10 см сделан из толстой шерстяной нити (рис. 3: 2). Едва ли аборигенное население Ямала имело навыки изготовления вязаных вещей; можно с уверенностью говорить о том, что изделие прибыло в городок в готовом виде, а не как сырье или полуфабрикат. Вязаный текстиль известен по материалам Новгорода [Нахлик, 1963. – С. 265].

Продукция кожевенного производства. На территории городка были обнаружены 40 лоскутов из хорошо выделанной дубленой телячьей кожи.

Обувь – 40 экз. Все имеющиеся в коллекции предметы этой категории представляют собой фрагменты обувных головок, со следами различных прошивок и многократного вторичного использования в других изделиях (рис. 3: 3, 4). Три фрагмента на внешней стороне имеют следы тиснения «под овсянку» – технологического приема, широко распространенного на Руси с XII в. Установить по этим фрагментам форму обуви не представляется возможным. Одна деталь подошвы, по мнению А. В. Курбатова, вероятно, была изготовлена из рукавицы.

На основе этого можно заключить, что в городок поступали уже готовые кожевенные изделия. По определению А. В. Курбатова, местом изготовления этой кожи следует считать городские центры Северной Руси. Импорт кожи из производственных центров Волжской Булгарии на Русь, по археологическим данным раскопок Пскова и Твери, был крайне невелик: это 2–3 предмета на несколько тысяч [Курбатов, 2009]. Очевидно, кожевенное производство на Руси было развитой отраслью ремесленного производства. О высокой степени развития свидетельствуют многочисленные археологические находки не только самих изделий, но и ремесленных мастерских практически во всех древнерусских городах [Древняя Русь..., 1985. – С. 269].

Продукция бронзолитейного производства представлена бронзовыми изделиями.

Перстень с ажурным решетчатым щитком (во фрагменте) шириной 1,6 см был найден в галерее постройки № 1 (рис. 4: 10).

В европейской России решетчатые перстни относятся к вятическим украшениям и датируются XII – XIII вв. По материалам Дураковского комплекса поселений на р. Оке у г. Рязани, где найдено 4 таких перстня, вероятное время бытования может быть расширено до XIV в. [Судаков, Буланкин, 2005. – С. 271, 280; рис. 7: 12, 17].

Подвеска в форме полумесяца (лунница) обнаружена в северо-восточном углу постройки № 2. Форма «лунницы» – замкнутая (со сросшими концами) (рис. 4: 11).

Этот тип украшений довольно широко был распространен на Руси с рубежа XII–XIII вв. до кон. XIII в. [Седова, 1981. – С. 24; рис. 6: 10–12]. Однако «лунницы» с сер. XIII по пер. четв. XIV в. часто встречаются и в погребальных комплексах Северо-Западной Сибири [Чемякин, Карачаров, 2002. – С. 60–65; рис. 20: 9].

Амулет-секира Выполнена из бронзы в форме равносторонней широколезвийной секиры. Размеры изделия 6,7 × 7,0 × 1,3 см при толщине лезвия 0,2 см. Подвеска с обеих сторон орнаментирована, в центральной части лезвия проделано круглое отверстие диаметром 0,5 см. На одном из ребер лезвия имеется декоративный выступ-петелька.

Использование таких подвесок-талисманов считается характерной чертой для населения территории Древней Руси и практически всей восточной Европы X–XIII вв., а их происхождение связывают с появлением скандинавов [Голубева, 1997. – С. 153, 340; табл. 92: 35–41; Макаров, 1992. – С. 41–56; Костюкевич, 2014. – С. 43–46; Фюреди и др., 2016. – С. 483–514]. На Руси они появились в кон. IX – X в. со скандинавскими дружинами и купцами и хорошо представлены в Ярославском Поволжье и в Гнездовских курганах. В XI в. производство таких топориков-оберегов стало серийным, появились стандартные формы в виде широколезвийных секир, отливавшихся из бронзы. Подвески-топорики найдены в слоях XI в. в Новгороде [Седова, 1981. – С. 26; рис. 7–9; Носов и др., 2017. – С. 49–50], Дрогичине, Суздале. На территории Древней Руси известно несколько десятков таких находок. Единичные экземпляры найдены в прилегающих территориях: Латвии, Литве, Польше, Финляндии, Швеции, Дании.

Единственная прямая аналогия, то есть изделие, вышедшее из той же мастерской или того же мастера, – это находка топорика-амулета на святилище Болванский Нос 1 на острове Вайгач (рис. 3: 2). Святилище датировано широко в пределах X–XIII вв. [Макаров, 1992. – С. 48; рис. 5–2; Хлобыстин, 1992. – С. 164–169]. По мнению Н. А. Макарова, этот амулет, как и множество других вещей древнерусского производства, является свидетельством налаженных торговых взаимоотношений между новгородцами и югорцами.

Из всего числа подобных изделий Восточной Европы типологически наиболее близкий амулет (рис. 3: 3) обнаружен в Людином конце средневекового Новгорода, в усадьбе «Ж». Сама усадьба относится к комплексу дворов, выходящих на древнюю Черницыну улицу [Янин и др., 2018. – С. 231]. Здесь необходимо отметить, что именно Людин конец связан с «Югорщиной», построившей храм Святой Троицы. Как уже освещалось в ряде работ, мы считаем, что «Югорщина» – это некая корпорация первых новгородцев, осуществлявших торговлю и промысел в Югре.

По мнению Н. А. Макарова, контакты русских данщиков и купцов на Крайнем Севере с местными племенами носили гораздо более регулярный характер, а объем торговли был куда значительнее, чем это можно было предполагать прежде. Данщики и купцы появились на Кольском полуострове, Вычегде, Печоре и в Приуралье примерно одновременно с появлением постоянных русских поселенцев в Заонежье, на Ваге и Каргополье, одновременно с широким заселением Белозерской округи и прилегающих земель. Нет сомнения в том, что эти процессы были взаимосвязанными. Организация экспедиций на Крайний Север едва ли была бы возможной, если бы граница постоянного русского расселения в X–XII вв. оставалась неизменной. Эти экспедиции нуждались во многом: в запасах продовольствия («изнемогаша голодом» новгородские данщики в Югре зимой 1193 г.), в специальном снаряжении, в транспортных средствах. К кон. XI в., самое позднее к сер. XII в., новгородцы успели достичь наиболее удаленных точек Севера и проложить дорогу на те территории, которые с XIII в. фигурируют в документах уже как новгородские волости. В дальнейшем, вплоть до потери независимости Новгорода, территориального расширения новгородских владений на Севере не происходило. Продолжалось лишь экономическое освоение необъятных присоединенных земель при распространении новых форм хозяйства и передвижении населения [Макаров, 1993].

Подтверждением этой гипотезы стали археологические раскопки последних лет Тазовского городка (мастерской). На современном уровне изучения мы считаем, что данное поселение являлось торгово-производственной факторией, связанной с населением северо-востока Европы, которое прибыло

для осуществления торгово-меновых операций. Многочисленность изделий из металлов отражает основное занятие жителей поселения – металлообработку – и указывает на высокую активность в торгово-менной деятельности [Визгалов и др., 2018. – С. 447].

Несомненно, в коллекциях городища Бухта Находка и могильника Бухта Находка 2 присутствуют и другие бронзовые украшения, которые мы связываем с внутрорегиональной (межобщинной) торговлей и которые могли производиться и в Тазовской мастерской [Визгалов и др., 2018. – С. 439–440].

Продукция стеклоделательного производства поступала в городок в виде отдельных бусин, которых обнаружено 47 экз. Вместе со стеклянными изделиями будут рассмотрены 2 янтарные бусины.

Стеклянные бусы, найденные на городище, изготовлены методом навивки, различны по форме и цвету. В основном это зонные бусины голубого и желтого цветов. Подобные бусины, по материалам раскопок на Кубенском озере, датируются кон. XI – XIII в. [Археология севернорусской деревни..., 2008. Т. 2. – С. 187; табл. 86]. Также в коллекции есть шаровидные бусины бледно-желтого и бесцветного стекла. Такие бусины традиционно рассматриваются как подражание хрустальным шаровидным. Аналогичные бусы, происходящие из древнерусских и болгарских памятников (русское происхождение последних подтвердил спектральный анализ химического состава стекла [Валиулина, 2000. – С. 60]), датируются кон. XI – нач. (пер. третью) XIII в. [Щапова, 1956. – С. 165; Валиулина, 2000. – С. 60; Археология севернорусской деревни..., 2008. Т.2. – С. 197; табл. 87].

Янтарные бусины – 2 экз. Бусины темно-коричневого и желтого янтаря (последняя представлена фрагментом) имеют эллипсоидную форму (с усеченными концами) и четыре слабо выраженные грани. Размеры целого изделия составляют $1,8 \times 1 \times 1$ см (рис. 4: 8, 9).

Прежде всего, аналогии этим находкам происходят с территории Волжской Булгарии того же периода (Биллярское городище), где изготовлением украшений из янтаря занимались русские ремесленники [Валиулина, 2005. – Рис. 46: 1; Хузин, Валиулина, 1986. – С. 103].

Крайне важно, что подобная бусина была обнаружена на памятнике X–XIII вв. Минино I [Археология севернорусской деревни..., 2008. Т.2. – Рис. 177].

Обсуждение

Анализ вещевого комплекса городища Бухта Находка и могильника Бухта Находка 2 позволил выделить значительную группу предметов импортного производства, полученных жителями в результате меновой торговли. Доля импортных изделий в коллекции достигает 25–50 % от общего количества предметов. В вещевом комплексе Ярте VI доля импортных предметов не превышает 3–5 %, большинство из которых относится к завершающему периоду функционирования поселения в сер. – втор. пол. XII в. Следует отметить, что временной отрезок функционирования приблизительно в 80 лет городища Ярте VI соответствует такому же временному отрезку, изученному раскопками верхнего строительного горизонта XIII века городища Бухта Находка. Для сравнительного анализа использованы идентичные по времени функционирования и изученные раскопками поселенческие комплексы, принадлежащие одной группе населения. Исходя из этого, мы можем говорить о возрастающей роли торговли в жизни жителей Крайнего Севера. Так, в кон. XI – сер. XII в. она носила эпизодический характер, судя по материалам городища Ярте VI, а уже в XIII в. становится постоянной, происходит рост объема торговли и расширение ассортимента ввозимых товаров, судя по материалам городища Бухта Находка и могильника Бухта Находка 2.

Место торга. Письменные источники позволяют локализовать первоначальное место торга новгородцев и югорцев в кон. XI – XII в. в северной оконечности Уральских гор (рис 1). В результате развития торговых отношений и освоения территорий населением северо-восточной Европы могли появиться долговременные поселения и торговые фактории. Появление таких постоянных поселений обосновывается несколькими факторами. Во-первых, высокое ресурсное обеспечение территории пушными животными, которые добывались аборигенным населением в ограниченных объемах. Во-вторых, сезонная миграция югорцев, связанная с хозяйственными циклами и имеющая плавающие временные рамки, т. е. сроки миграции зависели от природных условий, соответственно торг мог

происходить только при появлении коренного населения, ждать которое можно было длительное время. В-третьих, отсутствие знаний торговцев о местах проживания и путях миграции югорцев. Все торговые операции происходили вне поселений югорцев.

Все это обосновывало необходимость в организации поселений. Такие поселения XI–XII вв. неизвестны, но они должны были быть где-то в районе северной оконечности Уральских гор. Для более позднего времени XIII–XIV вв. нам такие поселения известны. Результаты исследований последних лет в течении Нижней Оби позволили идентифицировать два памятника как долговременные поселения и новые места торгова, возникшие в результате торгово-промыслового освоения территории выходцами из земель Новгородской республики. Одним из таких мест мы считаем Надымский городок, основанный в устье р. Надым. Надымский городок XIII в. мы идентифицируем как торгово-промысловую факторию, связанную с населением северо-восточной Европы, а именно с Новгородом Великим [Кардаш и др., 2018. – С. 363]. Связи маркируют ряд предметов, которые мы связываем со славяно-финской или финской культурной традицией, в частности подвески из зубов животных, тос-чер-вой и ряд других [Гайдакова и др., 2018. – С. 389]. На территории Надымского городка фиксируется торгово-гостевая площадка [Кардаш, 2013. – С. 58–61]. Второе место торгова идентифицируется в нижнем течении р. Таз и связано с Тазовской мастерской (городком). На современном уровне изучения мы считаем, что данное поселение являлось торгово-производственной факторией, связанной с населением северо-востока Европы, которое прибыло для осуществления торгово-меновых операций. Многочисленность изделий из металлов отражает основное занятие жителей поселения – металлообработку – и указывает на высокую активность в торгово-менной деятельности [Визгалов и др., 2018. – С. 447]. Таким образом, приблизительно с сер. XII – XIII в., возможно, происходит перемещение или формирование новых мест торгова с северной оконечности Уральских гор в район нижнего течения р. Надым и р. Таз в специально созданные торгово-производственные поселения, которые функционировали до кон. XIV – сер. XV в.

Путь к местам торгова. Судя по данным письменных источников, в кон. XI – XII в. существовало два пути к местам торгова, расположенным в северной оконечности Уральских гор, которые можно определить как зимний и летний. Так, летний путь проходил по рекам Печоре и Усе, к северной оконечности Уральских гор до Константинова камня, а зимний путь проходил по тундровым пространствам и, скорее всего, огибал северную оконечность Уральских гор. Возможно, это место торгова существовало до XIV века, однако подтверждающих документальных или археологических источников у нас нет.

В XIII–XIV вв. появляются новые места торгова, которые смещаются к устью р. Надым и р. Таз. Путь к ним проходил от верховий р. Усы затем по р. Щучьей, далее по р. Оби в устье р. Надым до Надымского городка. Маршрут до Тазовского городка был проложен, по всей видимости, от Надымского городка по правым притокам р. Надыма в р. Пур и р. Таз.

Направление торговых связей. Судя по документальным (как отечественным, так и иностранным) источникам, а также приведенным выше археологическим материалам, мы считаем, что торговые связи с центром Новгородской республики, а именно с Новгородом Великим и Старой Ладогой, являлся приоритетным. Это находит свое подтверждение в прямых аналогиях высокотехнологичных предметов вещевого комплекса, полученного в результате раскопок Новгорода Великого и Старой Ладogi [Колчин, 1959, 1982; Седова, 1981; Шапова, 1956].

Одним из фактов, подтверждающих приоритетность новгородского пути, является отсутствие предметов из производственных центров Волжской Булгарии, хотя в районе Сургутского Приобья ситуация совершенно иная. За пределами Сургутского Приобья ни в Нижнем, ни в Среднем не найдено ни одного предмета золотоордынской торевтики, хотя серебряные изделия XIII–XIV вв. и более раннего времени там не редкость [Сокровища Приобья..., 2003. – С. 33–34, 42–51, 70–71]. Утверждать, что эти массовые изделия были ввезены непосредственно и напрямую купцами Волжской Булгарии, мы не можем. Вероятно, изделия массового импорта мастеров Волжской Булгарии попадали на территорию Нижней Оби в результате многоступенчатых торговых операций, например из Прикамья или Новгорода Великого.

Факт некой изолированности населения Южного Ямала в XII–XIII вв. подтверждается и археопаразитологическими исследованиями. Так, согласно проведенным исследованиям, жители Южного Ямала не имели контактов с населением Обь-Иртышского бассейна [Slepchenko and oth., 2019].

На настоящий момент важными индикаторами, позволяющими говорить о непосредственном участии северорусского населения в меновой торговле с жителями Ямала, можно назвать кожаные изделия с тиснением «под овсянку».

Объем торговли. По предварительным подсчетам, сделанным на основании опубликованной коллекции, доля импортных изделий в коллекции городища Ярте VI, прекратившего свое существование в сер. XII в., не превышает 3–5 %. В коллекции городища Бухта Находка, существовавшего в XIII – нач. XIV в., доля импортных предметов достигает 25–50 % от общего количества предметов. Таким образом, мы отмечаем возрастание торгово-меновых отношений югорцев и жителей Новгородской республики, которые выразились в росте предметов импорта в 10 раз.

Категории ввозимых товаров. Новые данные позволяют скорректировать представление об ассортименте импортных товаров, которые поступали аборигенному населению Ямала в XIII – нач. XIV в. в результате межрегиональной торговли. Происходит увеличение ассортимента бронзовых изделий, которое выразилось в разнообразии украшений костюма и тела человека. В предметах импорта появляется продукция высокотехнологичного производства. Необходимо особо отметить появление ключей и навесных замков, которые, скорее всего, являлись предметами статуса или роскоши, поскольку у жителей городища Бухта Находка отсутствовали двери и предметы, которые можно было бы запирать. В составе вещевого комплекса городища Бухта Находка появляется продукция текстильного и кожевенного производств.

Выводы

Торговые отношения Новгорода Великого с Югрой начинают складываться в XI в., непосредственные прямые контакты фиксируются по летописным сведениям на территории у северной оконечности Уральских гор, непосредственно примыкающей к Южному Ямалу.

Изначальным местом торгова в XI–XII вв. была северная оконечность Уральских гор, и существовало два пути, которые можно определить как зимний и летний. Так, летний путь проходил по рекам Печоре и Усе, а зимний – по тундровым пространствам. Таким образом, мы можем говорить о как минимум двух непосредственных контактах в год.

В XIII–XIV вв. с развитием торговых отношений и освоением территорий населением северо-восточной Европы появляются долговременные поселения и фактории, которые совмещают в себе и места торгова. Мы выделяем два таких городка – это Надымский городок и Тазовская мастерская (городок).

Первоначальный объем товарооборота был незначительным и обеспечивал не более 3–5 % вещевого комплекса югорцев. С рубежа XII–XIII вв. объем торговых операций значительно возрастает и достигает 25–50 % вещевого комплекса. Помимо количественного увеличения импортных предметов происходит и увеличение категорий ввозимых предметов.

Основным направлением межрегиональных торговых связей являлось западное, экспорт товаров осуществлялся на северо-восток Европы. Основным поставщиком импортных предметов являлись населенные пункты Новгородской республики.

Развитые торгово-меновые отношения югорского населения Южного Ямала с выходцами из земель Новгорода Великого привели к включению Югры в состав земель Новгорода Великого. Так, первое упоминание волости Югра относится к 1265 г. в договорной грамоте великих князей Московских и Тверских и Новгорода Великого. Новые материалы раскопок городища Бухта Находка и могильника Бухта Находка 2 меняют наше представление о торгово-экономических связях населения Южного Ямала – летописных югорцев – и свидетельствуют о развитых торгово-меновых отношениях с выходцами из земель Новгородской республики.

Список источников и литературы

- Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. – Москва: Наука, 2008. – Том 2. Материальная культура и хронология. – 365 с.
- Белавин А. М.* Камский торговый путь. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. – 200 с.
- Валиулина С. И.* Стекланные бусы как источник по международным связям в VIII – начале XIII в. // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: докл. Междунар. научного симпозиума по вопросам археологии и истории, 11–14 мая 1999 г. Пушкинские горы. – СПб.: Вести, 2000. – С. 51–64.
- Валиулина С. И.* Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). – Казань: Казанский гос. ун-т, 2005. – 280 с.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Коноваленко М. В.* Тазовская мастерская: производственно-жилой комплекс XIII–XIV вв. в низовье реки Таз // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках. Свод источников и исследований: сбор. мат. Всерос. науч. конф. (г. Сургут, 1–5 октября 2018 г.): в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VII) – Часть I. – С. 437–460.
- Гайдакова З. Г., Кардаш О. В., Липс С. А.* Надымский городок: Вещевой комплекс восточноевропейского происхождения XIII–XIV веков // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках. Свод источников и исследований: сбор. мат. Всерос. науч. конф. (г. Сургут, 1–5 октября 2018 г.): в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VII) – Часть I. – С. 382–405.
- Древняя Русь. Город. Замок. Село. – М.: Наука, 1985. – 431 с.
- Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик, 2004. – 592 с.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В.* Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского госуниверситета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Кардаш О. В.* Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2008. – 145 с.
- Кардаш О. В.* Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2008 году: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2008. – 115 с.
- Кардаш О. В.* Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2010 году: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2010. – 168 с.
- Кардаш О. В.* Отчет о выполнении работ по проведению противоаварийных раскопок разрушающегося памятника археологии «Бухта Находка». – Нефтеюганск, 2013. – 234 с.
- Кардаш О. В.* Комплексные археологические исследования городища Бухта Находка XII–XIV вв. II этап: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2014. – 241 с.
- Кардаш О. В.* Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура). – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013а. – 360 с.
- Кардаш О. В., Липс С. А., Сидорова М. О., Мыглан В. С.* Надымский городок: Новые данные о хронологии и русском освоении Севера Западной Сибири в XIII–XIV веках // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках. Свод источников и исследований: сбор. мат. Всерос. науч. конф. (г. Сургут, 1–5 октября 2018 г.): в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VII) – Часть I. – С. 346.
- Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. – М.; Л., 1966. – Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. – (САИ; вып. Е1–36).
- Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л.: Наука, 1976. – 135 с.
- Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. – М., 1959. – № 65.
- Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. – М., 1982.
- Курбатов А. В.* О городе Болгар и сорте кожи «булгари» // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / отв. ред. А. Е. Мусин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – С. 447–452.

- Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири (X–XIV вв.). М.: Наука, 1983. – 128 с.
- Кызласов И. Л.* Пребывание древних хакасов в восточной Европе (конец X – начало XIII в.) // Славяне и кочевой мир. Средние века – раннее Новое время: сборник тезисов 17 конференции памяти В. Д. Королюка. – М.: Институт славяноведения РАН, 1998. – С. 72–74.
- Лаишук Л. П.* «Сиртя» – древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – Москва: Наука, 1968. – С. 178–193.
- Нахлик А.* Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа. // МИА. – М., 1963. – № 123.
- Макаров Н. А.* Русский Север: таинственное средневековье. – М., 1993. – <https://www.booksite.ru/fulltext/makarov/index.htm>.
- Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950.
- Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. – СПб., 1910.
- Руденко К. А.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. – Казань: Репер, 2000. – 156 с.
- Руденко К. А.* Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X – XIV в. по археологическим данным: автореф. на соиск. уч. степ. д. и. н. – Казань, 2004. – 47 с.
- Рудковская М. А.* Комплексные археологические исследования городища Бухта Находка в 2012 году: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2012. – 230 с.
- Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV). – М.: Наука, 1981. – 196 с.
- Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья: каталог выставки. – Салехард; СПб.: МАЭ РАН, 2003. – 96 с.
- Судаков В. В., Буланкин В. М.* К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX–XIV вв.: взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 269–280.
- Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884.
- Федорова Н. В.* Золотоордынская торевтика в Приобье // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории языка, литературы, 1991. – С. 193–204.
- Федорова Н. В.* Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: История взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2002. – № 4 (12). – С. 91–101.
- Федорова Н. В.* Западносибирские клады в контексте исторического развития территории (ранний железный век – Средневековье) // Труды КАЭЭ ПГГПУ. – Пермь, 2018. – Вып. XIV. – С. 88–113.
- Хузин Ф. Ш., Валиулина С. И.* Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь. – Казань, 1986. – С. 97–116.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Тезис, 2002. – С. 5–65.
- Щапова Ю. Л.* Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. – М., 1956. – № 55. – С. 164–179.
- Sergey Slepchenko, Oleg Kardash, Sergey Ivanov, Alexey Afonina, Dong Hoon Shinc, Jong Ha Hong* The Bukhta-Nakhodka 2 burial ground: Results of archaeoparasitological and macro-remains investigations of samples from the burial grounds of the 6th–13th century CE on the Yamal Peninsula in Russia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. 23. P. 791–799.

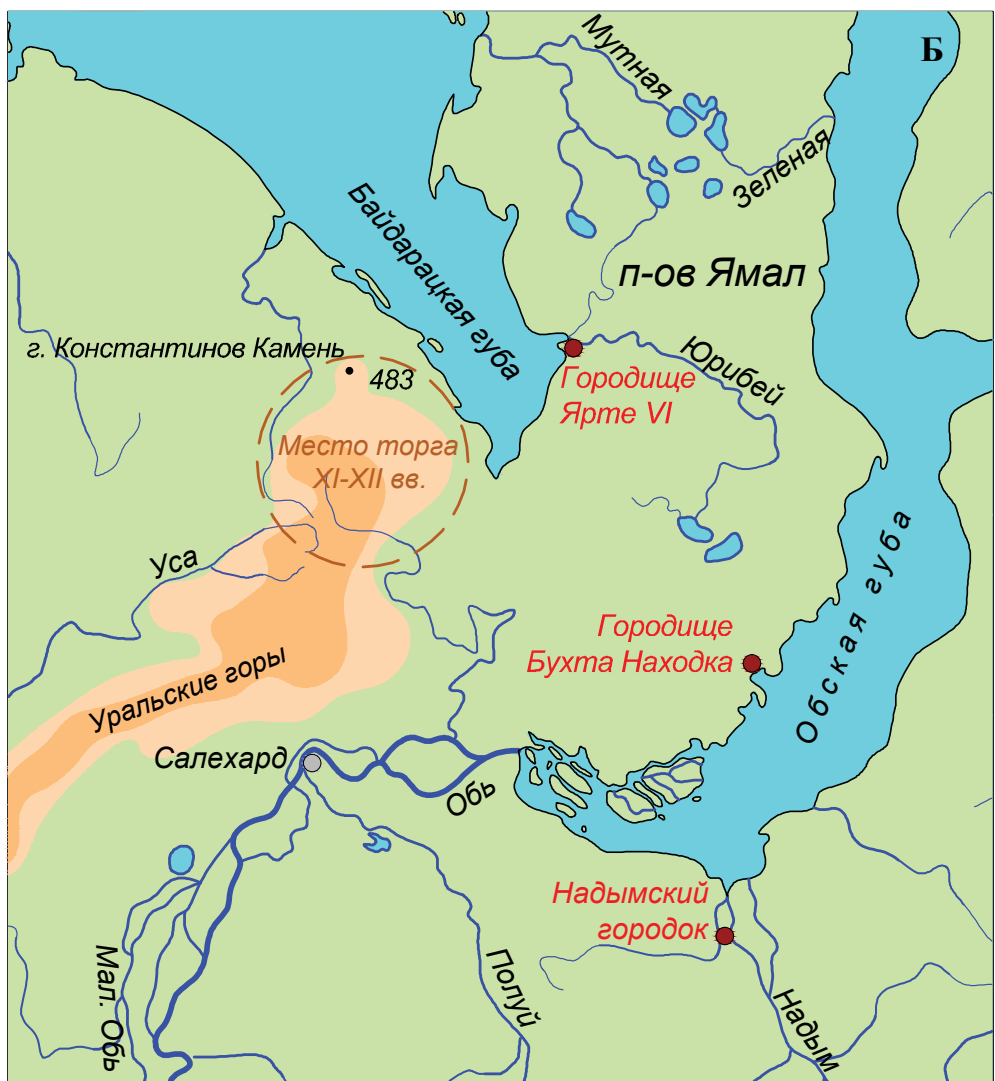

Рис. 1. Карта-схема места расположения городища Бухта Находка:
 А – локализация места нахождения городища Бухта Находка на карте-схеме Евразии;
 Б – локализация места нахождения городища Бухта Находка, Ярте VI и предполагаемого места торго юричей и новгородцев в конце XI–XII веках.

Рис. 2. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII вв., железо.

1 – пластина ламинарного доспеха; 2–15 – звено кольчужного доспеха; 16 – ножны обойма; 17 – перекрестие сабли; 18 – фрагмент калачевидного кресала; 22 – овальное длинное кресало; 23 – боевой нож.

Рис. 3. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII вв. Продукция кузнечного и бронзолитейного производства, импортного происхождения: 1–3 – ременные пряжки железо; 6–20 – накладка, деталь ременной гарнитуры, железо; 21 – фрагмент ременной пряжки, бронза; 22 – подвеска лапчатая; 23 – бусина-пуговица, олово?; 24 – бусина-пуговица, бронза; 25–30 – круглые нашивные украшения, бронза; 31, 32 – крестовидные накладки, бронза; 35–38 – ременная накладка, басма; 39 – решетчатый перстень, бронза; 40 – подвеска-лунница, бронза; 41а-в – амулет-топор (бронза).

Рис. 4. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII вв. Продукция кузнечного производства, импортного происхождения. 1 – фрагмент навесного замка; 2–5 – ключи; 4, 6 – детали навесного замка.

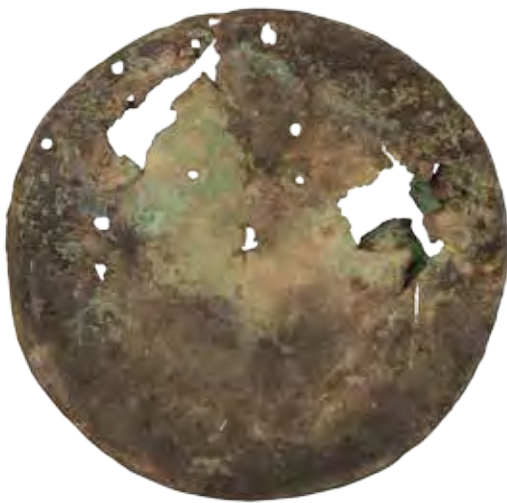
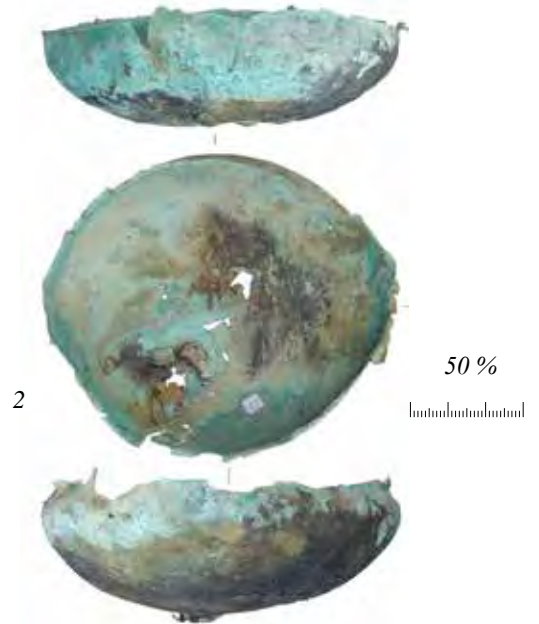
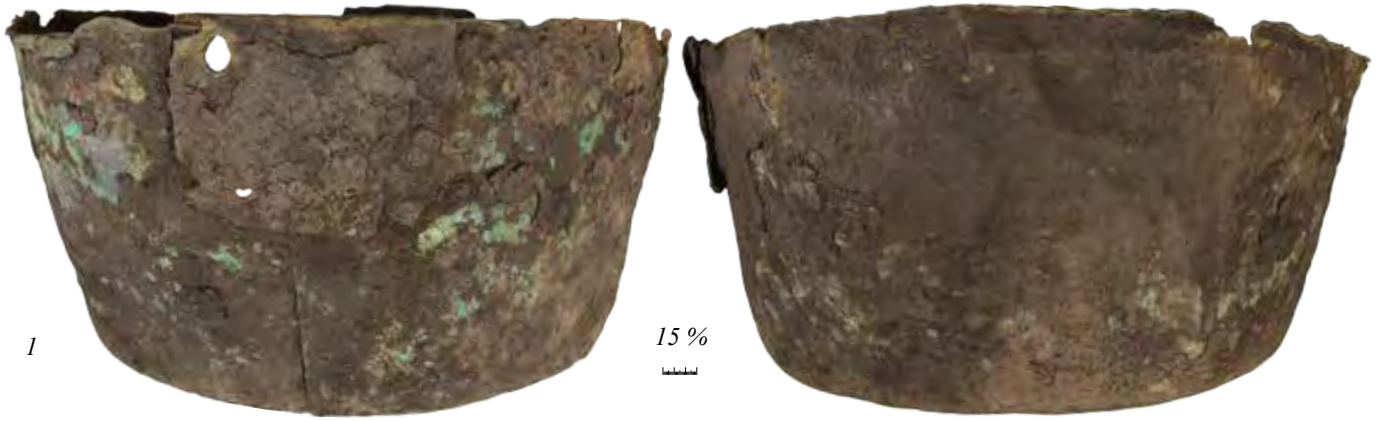

Рис. 5. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII вв. Продукция медницкого производства, импортного происхождения. 1–3 – котел, медь; фрагменты котлов 4–6, 8–12 – дужка, железо; 10 – дужка, медь; 13–33 – ушки, медь

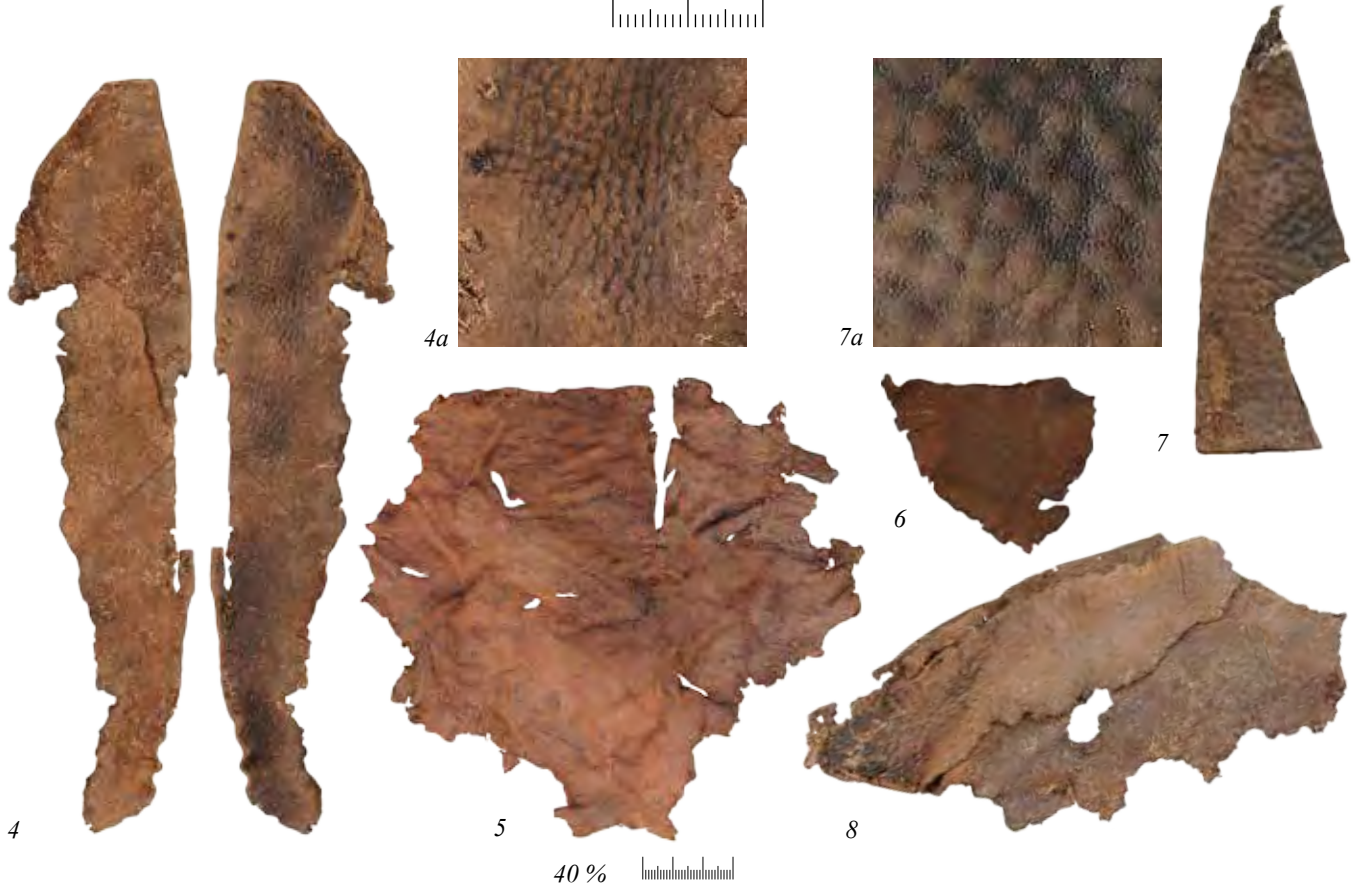
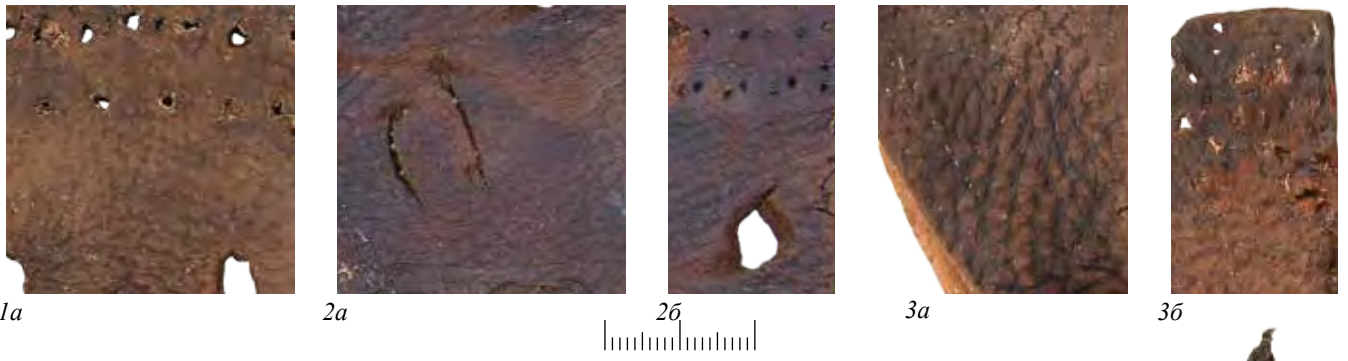

Рис. 6. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII вв. Продукция кожевенного производства, импортного происхождения: 1–24 – фрагменты кожаных изделий

Рис. 9. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII вв.
Продукция Текстильного производства, импортного происхождения: 1-7 – фрагменты ткани

Рис. 10. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII вв.
 Продукция стеклоделательного производства, импортного происхождения: 1–2 – бусины из янтаря; 3–49 – бусины

В. В. Баринов², Г. Т. Омурова¹, О. В. Кардаш³,
М. О. Сидорова², В. С. Мыглан²

¹ Центрально-Азиатский институт прикладных исследований Земли
ул. Т. Фрунзе, д. 73/2, г. Бишкек, 720027, Кыргызская Республика
E-mail: gulzar.omur@gmail.com

² Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, д. 79, г. Красноярск, 660041, Россия
E-mail: nelisgar@mail.ru; rector@sfu-kras.ru; v.myglan@gmail.com

³ Сургутский государственный университет
ул. Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Привлечение археологической древесины с севера Западной Сибири в качестве источника палеоклиматической информации на примере Надымского городка

Аннотация. В работе проведен анализ встречаемости нарушений анатомической структуры древесины годичных колец со средневекового археологического памятника Надымский городок (лесогундровая зона Западной Сибири). В результате была построена хронология экстремальных климатических событий, охватывающая период с 1170 по 1505 г. Сопоставление выделенных экстремумов с информацией по другим регионам показало, что событие 1259 г. прослеживается по различным источникам и, вероятно, носит глобальный характер; 1342, 1466 гг. – зафиксированы на севере Западной Сибири и в Северной Америке, т. е. имели межрегиональный характер; событие 1347, 1440 гг. проявилось только на севере Западной Сибири. Указанные годы соотносятся с данными ледовых колонок и информацией из исторических источников, что свидетельствует о сильном воздействии на социально-экономические процессы в Западной Сибири.

Ключевые слова: морозобойные кольца, климатические экстремумы, археологическая древесина, Надымский городок, Западная Сибирь.

В настоящее время большинство дендрохронологических исследований в Сибири используют комплекс параметров годичного кольца для индикации изменений внешней среды в прошлом [Sidorova et al., 2013; Taynik et al., 2016; Wilson et al., 2016; Buntgen et al., 2016; и др.]. Как правило, в качестве материала для исследований выступают образцы, отобранные с живых деревьев и остатков древесины, сохранившихся на дневной поверхности и в осадочных отложениях. Такой источник палеоклиматической информации, как археологическая древесина, почти не привлекается, несмотря на существующие в мировой практике примеры удачного ее использования для решения экологических задач [Baillie, 1982. – С. 197–211; Becker, 1983; Cook, Kairiukstis, 1990. – С. 28, 220; Zhang et al., 2003].

Таким образом, с учетом оценки ее потенциала, в данной статье была впервые проведена реконструкция истории экстремальных событий на севере Западной Сибири на основе анализа нарушений структуры годичного кольца и выпавших годичных колец на основе археологической древесины.

Материалом для исследования послужили прекрасно сохранившиеся в мерзлотном слое поперечные спилы древесины, отобранные в 2011–2012 гг. на археологическом памятнике Надымский городок (рис. 1). Всего 107 образцов лиственницы сибирской (*Larix sibirica* Ledeb.), 89 – ели сибирской (*Picea obovata* Ledeb.) и 75 – сосны сибирской (*Pinus sibirica* Du Tour).

Измерения ширины годичных колец у образцов проводились на полуавтоматической установке LINTAB 5 (с разрешением до 0,01 мм). Серии прироста датировались посредством сочетания графической перекрестной датировки [Douglass, 1919. – С. 57] и кросс-корреляционного анализа в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований – DPL [Holmes, 1983] и TSAP V3.5 [Rinn, 1996. – С. 3–250]. Результатом работы стало построение трех ДКХ по археологической древесине лиственницы сибирской (Larix_Nad), ели сибирской (Picea_Nad) сосны обыкновенной (Pinus_Nad), [Омурова и др., 2013], которые были стандартизированы скользящим сплайном в 2/3 длины каждой серии в программе ARSTAN [Cook, Krusic, 2008]. Для календарной привязки хронологий по каждой древесной породе (сосна, ель, лиственница) они были перекрестно датированы с ДКХ Yamal [Хантемиров и др., 2011].

Нарушения структуры годичных колец выявлялись путем визуального осмотра образцов на микроскопе Stemi 2000C (Carl Zeiss) при 40–50-кратном увеличении и фиксировались посредством маркировки поврежденного кольца. Нами учитывались следующие типы аномальных структур: морозобойное кольцо (f) – искаженная структура клеток, поврежденных заморозком в сезон роста, когда формируется ксилема; флуктуация древесины (fl) – слой клеток в пределах годичного кольца, который отличается от соседних по размеру, форме и толщине клеточной стенки; светлое кольцо (l) – зона поздней древесины годичного кольца с заметно слабой лигнификацией [Баринов и др., 2017]. Отдельно в работе была проанализирована информация о выпавших годичных кольцах (m), выявленных в ходе перекрестной датировки. Данная аномалия обусловлена прекращением деятельности камбиального слоя на измеряемом радиусе ствола дерева. Более подробно методика выделения экстремальных климатических событий представлена в статье Омурова и др. [2018].

На образцах археологической древесины было выявлено 124 аномалии структуры и 126 выпавших колец, на кервах с живых деревьев – соответственно 48 и 66. Значительная часть аномалий структуры годичных колец представлена морозобойными повреждениями и флуктуациями плотности. Наиболее чувствительными породами являются ель (частота возникновения аномалий 0,6) и лиственница (частота выпадения колец 0,8).

По аномалиям структуры годичного кольца выделено 9 дат экстремальных событий (1201, 1343, 1358, 1362, 1371, 1398, 1409, 1417, 1444 гг.), на которые приходится 28 (22 %) из 124 обнаруженных аномалий (табл. 1). Характерной особенностью археологического материала с Надымского городка является наличие значительного числа флуктуаций плотности древесины (рис. 2), которые совпадают по времени образования с морозобойными и светлыми кольцами. Как и в высокогорных районах [Баринов и др., 2015, 2016], это указывает на общую причину возникновения нарушений в структуре годичных колец, связанную с резкими снижениями летних температур.

По выпавшим годичным кольцам выявлено 14 экстремальных климатических событий (1239, 1291, 1300, 1330, 1342, 1352, 1379, 1387, 1401, 1402, 1412, 1420, 1459, 1481 гг.), на которые приходится 54 (42 %) из 126 выпавших колец (табл. 1). Вероятно, что 1342, 1352 и 1412 гг. были крайне неблагоприятными, что привело к одновременному выпадению годичных колец, несмотря на видовые отличия в реакции деревьев на изменения условий окружающей среды.

По аномалиям и выпавшим кольцам выделено 16 дат экстремальных климатических событий (1259, 1333, 1347, 1354, 1366, 1374, 1383, 1386, 1392, 1426, 1433, 1440, 1448, 1453, 1455, 1466 гг.). На них приходится 53 (43 %) из 126 аномалий и 60 (48 %) из 124 выпавших колец (табл. 1). В климатическом плане такое сочетание аномалий и выпавших колец в пределах одного года свидетельствует о коротком вегетационном периоде, в течение которого происходили сильные заморозки, что должно отражаться в резком снижении прироста древесины [Хантемиров, 2009].

Обращение к такому показателю, как минимумы прироста, позволило выделить 15 дат (табл. 1). Примечательно, что нет случаев, когда минимумы прироста фиксировались сразу у трех древесных

пород. Сопоставление этих данных с информацией об экстремальных событиях показало, что четыре выделенных нами минимума пришлось на годы выпадения годичных колец, семь – на даты возникновения аномалий и выпавших колец и четыре не имеют совпадений с аномалиями и выпавшими годичными кольцами.

Для оценки количества поврежденных деревьев был рассчитан такой показатель, как выраженность экстремального события. Из выборки были выделены годы, когда величина этого показателя превысила среднее арифметическое значение: 1201, 1259, 1342, 1354, 1366, 1402, 1440, 1448, 1459, 1466, 1481 гг. (табл. 1).

Проведенный анализ экстремальных климатических событий по четырем параметрам, являющимся индикаторами силы экстремальных климатических событий, показал, что за период с 1170 по 1505 г. произошло 29 событий, соответствующих хотя бы одному параметру (табл. 1). Однако только в шести случаях (1259, 1342, 1347, 1366, 1440, 1448 гг.) наблюдается совпадение трех, а в двух случаях (1354, 1466 гг.) – четырех параметров. Следовательно, именно на эти годы пришлось наиболее сильные климатические экстремумы в районе Надымского городка.

Для выяснения, в какой мере выделенные нами экстремальные события проявились на региональном уровне, было проведено их сопоставление с информацией об экстремальных климатических событиях, выделенных по ДКХ Yamal [Хантемиров и др., 2011], расположенной в 170 км на северо-запад от Надымского городка. В результате на интервале с 1170 по 1505 г. выделяются пять общих дат (1259, 1342, 1347, 1440, 1466 гг.), которые можно принять за экстремальные климатические события регионального масштаба. Выделенные нами события 1354, 1366, 1448 гг., несмотря на то, что проследились по 3 и 4 параметрам, не подтвердились – имели локальный характер и проявились только в районе Надымского городка.

Сопоставление общих для севера Западной Сибири пяти дат (1259, 1342, 1347, 1440, 1466 гг.) с опубликованными данными об экстремальных климатических событиях в Северном полушарии показало, что события 1347 и 1440 гг. за пределами п-ова Ямал не проявились. Экстремумы 1342 и 1466 гг. зафиксированы только в хронологии HI5 для Северной Америки [Salzer, Hughes, 2010]. Событие 1259 г. прослеживается в хронологии Jelo на территории Центрального Алтая [Баринов и др., 2017] и хронологии HI5 Северной Америки. Таким образом, проведенная работа позволила выделить три экстремальных климатических события на севере Западной Сибири, проявившихся сразу на двух континентах и оказавших влияние на природные процессы в Северном полушарии.

Причины климатических экстремумов такой силы, как и в случае с объяснением депрессий прироста древесины, вероятно, следует искать в похолоданиях, вызванных затемнением атмосферы вследствие попадания в ее высокие слои продуктов вулканических извержений. Недостаток тепла из-за дефицита солнечной радиации – лимитирующий фактор в жизни древесных растений (обуславливает снижение прироста) [Zielinski, 2000; Robertson et al., 2009; Toohey et al., 2016; и др.].

По этой причине для верификации полученных нами данных о четырех сильных экстремальных событиях за период с 1170 по 1505 г. была привлечена информация о следах вулканических извержений и дополнена историческими данными.

Экстремальное событие 1259 г. совпадает со всплеском сульфатов, зафиксированных во всех ледовых колонках Гренландии и Антарктиды, что было вызвано крупнейшим извержением вулкана Саламас, выбросы которого транспортировались от источника по всему миру [Clausen et al., 1997; Guillet et al., 2017]. Согласно историческим данным, в 1258–1259 гг. в Европе и Средней Азии наблюдались холод, сухой туман, неурожай и эпидемии [Stothers, 2000]. В землях Великого Новгорода в мае 1259 г. отмечались очень сильные заморозки [Борисенко, Пасецкий, 1983. – С. 137].

На событие 1342 г. приходится всплеск содержания сульфатов в ледовых колонках GISP2, GRIP, и ВІPOLAR [Salzer, Hughes, 2010]. В Западной и Восточной Европе зима 1342 г. была очень суровой, весна – холодной. В Новгородской земле имела место эпизоотия. Повсеместный неурожай и голод от избытка влаги во всей Европе. На Руси 1342 год также неурожайный и голодный, с него началась десятилетняя полоса неурожайных и голодных лет [Бараиш, 1989. – С. 106–107].

На событие 1466 г. приходится всплеск содержания сульфатов в ледовых колонках GISP2 и GRIP [Salzer, Hughes, 2010]. Таким образом, все выявленные нами даты региональных экстремальных событий согласуются с информацией об извержениях вулканов, сульфатными профилями ледовых кернов и сведениями исторических источников о неблагоприятных погодных условиях.

В то же время если сопоставить историческую информацию о происходивших социальных процессах с вышеприведенными датами экстремальных природных событий в исследуемом регионе, то прямой корреляции не наблюдается. Однако, возможно, неслучайно именно после экстремального события 1440 г. в Западной Сибири начинается серия военных походов новгородских и московских князей в низовья р. Оби – волость Югру [Полное собрание..., 1982. – С. 90–98]. Можно предположить, что климатические изменения, вызванные природными событиями, отразились на экономике русского населения Европейского Северо-Востока – зоны рискованного земледелия. Это могло спровоцировать военную активность, направленную на получение контроля и использование сторонних ресурсных территорий, в частности на севере Западной Сибири.

Список литературы

- Баринов В. В., Мыглан В. С., Назаров А. Н., Ваганов Е. А., Агатова А. Р., Ненон Р. К. Экстремальные климатические события в Республике Алтай по дендрохронологическим данным // Изв. РАН. Сер. биологическая. – 2016. – № 2. – С. 1–11.
- Баринов В. В., Мыглан В. С., Тайник А. В. Экстремальные климатические события в центральном Алтае за последние 1500 лет по данным древесно-кольцевой хронологии Jelo // Изв. РАН. Сер. географическая. – 2017. – № 1. – С. 91–102.
- Баращ С. И. История неурожая и погоды в Европе. – Л.: Гидрометеиздат, 1989. – 236 с.
- Баринов В. В., Мыглан В. С., Тайник А. В., Ойдунаа О. Ч., Ваганов Е. А. Экстремальные климатические события в Республике Тыва по дендрохронологическим данным // Сиб. экол. журн. – 2015. – Т. 22. – № 4. – С. 507–517.
- Борисенко Е. П., Пасецкий В. М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. – Л.: Гидрометеиздат, 1983. – 240 с.
- Омурова Г. Т., Баринов В. В., Кардаш О. В., Мыглан В. С. Установление времени строительства (перестройки) Надымского городка: дендрохронологический аспект // Журн. Сибирского федерального университета. Сер.: Биология (J. of Siberian Federal University. Biology). – 2013. – Т. 6. – № 2. – С. 185–195.
- Омурова Г. Т., Баринов В. В., Кардаш О. В., Ваганов Е. А., Мыглан В. С. Реконструкция экстремальных палеоклиматических событий на севере Западной Сибири по археологической древесине (на примере Надымского городка) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46. – № 3. – С. 32–40.
- Полное собрание русских летописей. – Л.: Наука, 1982. – Т. 37. – 382 с.
- Хантемиров Р. М. Динамика древесной растительности и изменения климата на севере Западной Сибири в голоцене: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 43 с.
- Хантемиров Р. М., Горланова Л. А., Сурков А. Ю., Шиятов С. Г. Экстремальные климатические события на Ямале за последние 4100 лет по дендрохронологическим данным // Изв. РАН. Сер. географическая. – 2011. – № 2. – С. 89–102.
- Baillie M. G. L. Tree-Ring Dating and Archaeology. – L.: Croom-Helm, 1982. – 272 p.
- Becker B. Prehistoric dendrochronology for archaeological dating: Hohenheim oak series present to 1800BC. // Proceedings of the First International Symposium 14C and Archaeology, Groningen, 1981 / eds. W.G. Mook, H. T. Waterbolk. – Strasbourg: Council of Europe, 1983. – P. 503–510. – (PAST: J. of European Studu Group on Physical, Chemical and Mathematical Techniques Applieol to Archaeology; vol. 8).
- Buntgen U., Myglan V. S., Ljungqvist F. C., McCormick M., Di Cosmo N., Sigl M., Jungclaus J., Wagner S., Krusic P. J., Esper J., Kaplan J. O., Vaan M. A. C., de Luterbacher J., Wacker L., Tegel W., Kirilyanov A. V. Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD // Nature Geoscience. – 2016. – Vol. 9. – P. 231–236.
- Clausen H. B., Hammer C. U., Hvidberg Ch. S., Dahl-Jensen D., Steffensen J. P. A comparison of the volcanic records over the past 4000 years from the Greenland Ice Core Project and Dye 3 Greenland ice cores // J. of geophysical research: Oceans. – 1997. – Vol. 102, iss. C. 12. – P. 26707–26723.

Cook E. R., Kairiukstis L. A. *Methods of dendrochronology. Applications in the environmental sciences.* – L.: Kluwer Academic Publisher, 1990. – 351 p.

Cook E. R., Krusic P. J. *A Tree-Ring Standardization Program Based on Detrending and Autoregressive Time Series Modeling, with Interactive Graphics (ARSTAN).* – 2008. – URL: <http://www.ldeo.columbia.edu/res/fac/trl/public/publicSoftware.html> (дата обращения: 26.10.2016).

Douglass A. E. *Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity.* – Wash.: Carnegie Inst., 1919. – Vol. 1. – 127 p.

Guillet S., Corona C., Stoffel M., Khodri M., Lavigne F., Ortega P., Eckert N., Sielenou Pd., Daux V., Churakova (Sidorova) O., Davi N, Edouard J., Masson-Delmott V., Oppenheimer C. *Climate response to the Samalas volcanic eruption in 1257 revealed by proxy records // Nature Geoscience.* – 2017. – V. 10 (№ 2). – P. 123–128.

Holmes R. L. *Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // Tree-ring Bull.* – 1983. – Vol. 43. – P. 69–78.

Rinn F. *TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation.* – Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. – 269 p.

Robertson I., Froyd C. A., Gagen M., Hicks S. *Climates of the past: evidence from natural and documentary archives // J. of Quaternary Science.* – 2009. – Vol. 24. – P. 411–414.

Salzer M. W., Hughes M. K. *Volcanic eruptions over the last 5,000 years from high elevation tree-ring widths and frost rings // Tree Rings and Natural Hazards: A State-of-Art / eds. M. Stoffel, M. Bollshweiler, D. R. Butler, B. H. Luckman. Dordrecht: Springer, 2010. – P.469–483.*

Sidorova O. V., Siegwolf R. T. W., Myglan V. S., Ovchinnikov D. V., Shishov V. V., Helle G., Loader N. J., Saurer M. *The application of tree-rings and stable isotopes for reconstructions of climate conditions in the Russian Altai // Climatic Change.* – 2013. – Vol. 120, iss. 1. – P. 153–167.

Stothers R. *Climatic and Demographic Consequences of the Massive Volcanic Eruption of 1258 // Climatic Change.* – 2000. – Vol. 45, iss. 2 – P. 361–374.

Taynik A. V., Barinov V. V., Oidupaa O. Ch., Myglan V. S., Reinig F., Büntgen U. *Growth coherency and climate sensitivity of Larix sibirica at the upper treeline in the Russian Altai-Sayan Mountains // Dendrochronologia.* – 2016. – Vol. 39. – P. 10–16.

Toohey M., Sigl M., Ludlow F., LeGrande A. N., Anchukaitis K. J. *Volcanic Impacts on Climate and Society working group // Past Global Changes Magazine.* – 2016. – Vol. 24, iss. 1. – P. 29.

Wilson R., Anchukaitis K., Briffa K. R., Büntgen U., Cook E., D'Arrigo R., Davi N., Esper J., Frank D., Gunnarson B., Hegerl G., Helama S., Klesse S., Krusic P. J., Linderholm H. W., Myglan V. S., Osborn T. J., Rydval M., Schneider L., Schurer A., Wiles G., Zhang P., Zorita E. *Last millennium northern hemisphere summer temperatures from tree rings. Part I: The long term context // Quaternary Science Reviews* – 2016. – Vol. 134. – P. 1–18.

Zhang Q. B., Cheng G. D., Yao T. D., Kang X. C., Huang J. G. *A 2,326-year tree-ring record of climate variability on the northeastern Qinghai-Tibetan Plateau // Geophys. Res. Lett.* – 2003. – Vol. 30, iss. 14. – CiteID 1739. – DOI: 10.1029/2003GL017425.

Zielinski G. A. *Use of paleo-records in determining variability within the volcanism-climate system // Quaternary Science Reviews* – 2000. – Vol. 19. – P. 417–438.

Таблица 1

Даты образования аномалий структуры годичных колец

Год	Picea_Nad	Pinus_Nad	Larix_Nad	Параметры			
				I	II	III	IV
1201	–	2fl	–	+	–	–	–
1239	1m, min	1m	–	–	–	–	+
1240	min	–	–	–	–	–	+
1259	»	1f, 1fl, 2m	min	+	–	+	+
1263	»	min	–	–	–	–	+
1264	»	–	–	–	–	–	+
1265	»	–	–	–	–	–	+
1291	–	–	2m, min	–	–	–	+
1300	–	–	2m	–	–	–	–
1330	–	–	2m	–	–	+	–
1333	–	–	2f, 3m, min	–	–	+	+
1342	1m	2m	3m, min	+	+	–	+
1343	–	–	2f	–	–	–	–
1347	1fl, 1m	2m, min	2m, min	–	+	+	+
1352	1m	2m	3m	–	+	–	–
1354	1m, min	4m, min	2f, 5m	+	+	+	+
1358	–	1f, 1fl	1f, 1fl	–	–	–	–
1362	1f	–	2f, 1fl	–	–	–	–
1366	–	1fl, 4m, min	8m, min	+	–	+	+
1371	2fl	1f, 1fl	–	–	–	+	–
1374	1l	–	1m	–	–	+	–
1379	1m	–	2m	–	–	–	–
1383	2f	–	2m	–	–	+	–
1386	–	1m	1f	–	–	+	–
1387	1m	–	4m	–	–	–	–
1392	1f, 1m	–	1f, 3m	–	–	+	–
1398	2f	–	–	–	–	–	–
1401	–	–	2m	–	–	–	–
1402	–	1m	8m	+	–	–	–
1409	1f, 4fl	–	1fl	–	–	–	–
1412	1m	2m	3m	–	+	–	–
1417	–	2f	–	–	–	–	–
1420	–	–	2m	–	–	–	–
1426	1f, 1m	2f	1m	–	–	+	–
1433	2f, 1m	–	–	–	–	–	–
1440	4f, 8fl, 1l, 2m	1fl	1fl	+	+	+	–
1444	1f, 1fl	–	–	–	–	–	–
1448	1fl	3m	2fl, 6m	+	+	+	–
1453	1f	–	4m, min	–	–	–	+
1455	1f	–	1f, 1m	–	–	–	–
1459	min	–	5m, min	+	–	–	+
1466	4f, 2fl, 1l, min	2f, 2fl	1f, 1fl, 1m	+	+	+	+
1481	–	1m	1m	+	–	–	–

Примечания. Обозначения аномалий структуры см. в примеч. к табл. 1; *m* – выпавшее кольцо; *min* – минимум прироста; *I* – случаи, когда процентное соотношение количества найденных аномалий структуры и выпавших колец к общему числу образцов хронологий, содержащих этот год, превышает среднее значение в выборке; *II* – даты, когда аномалии и выпавшие кольца фиксируются по трем породам; *III* – годы, на которые приходится как аномалии, так и выпавшие кольца; *IV* – минимумы прироста. Жирным шрифтом выделены даты выраженных экстремальных событий.

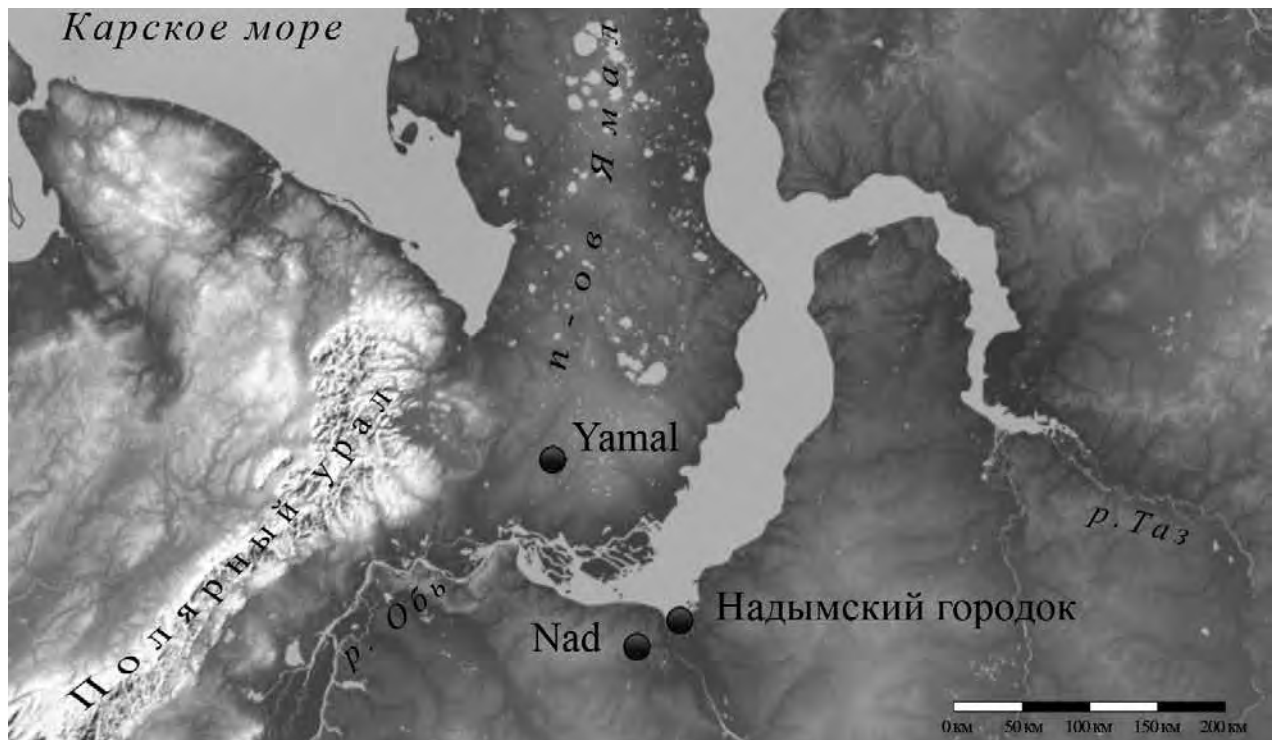

Рис. 1. Расположение археологического памятника Надымский городок и древесно-кольцевых хронологий Nad и Yamal

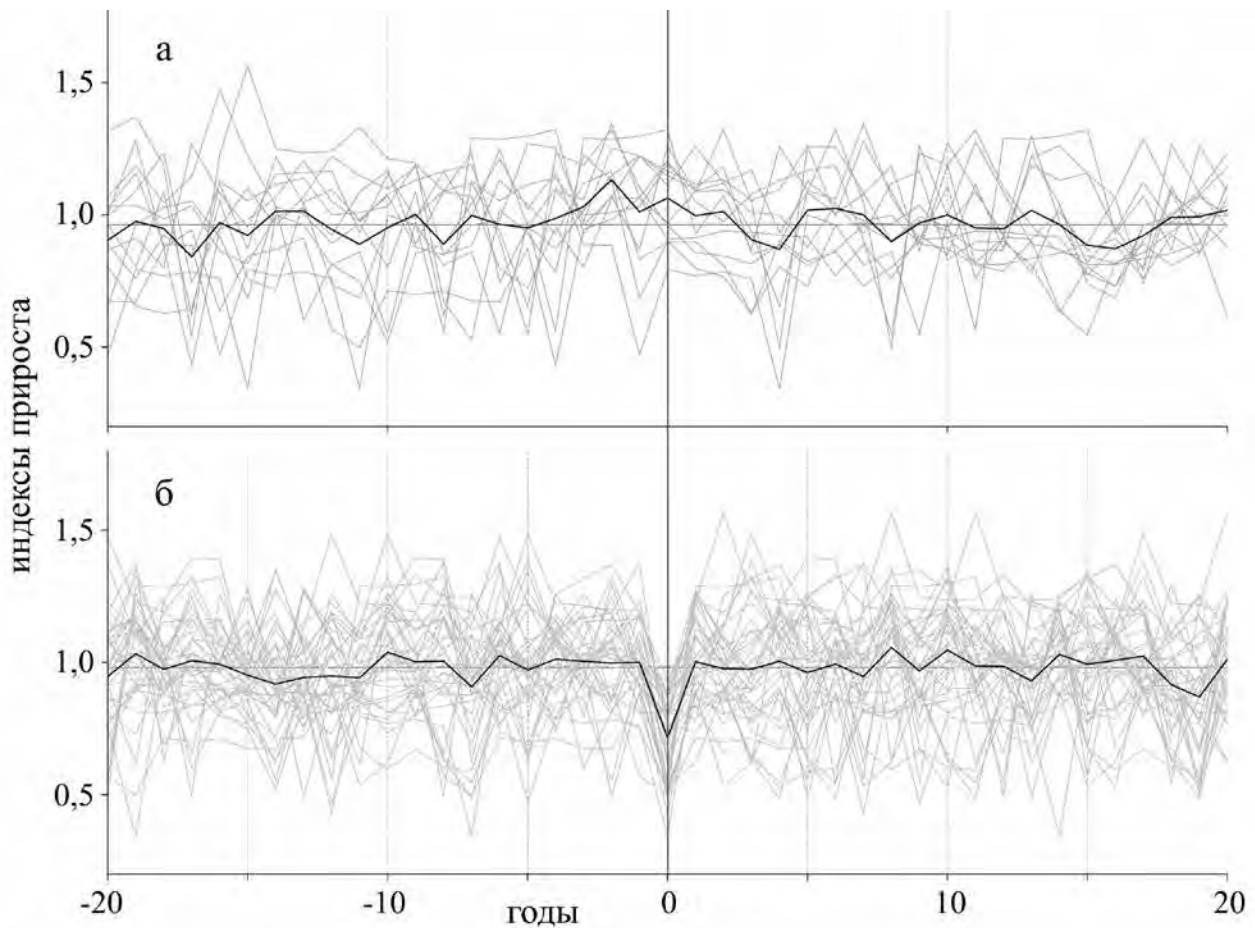

Рис. 2. Реакция прироста деревьев на экстремальные климатические события, выделенные по аномалиям структуры и выпавшим годичным кольцам: а – события, выявленные только по аномалиям структуры; б – события, выявленные по аномалиям и выпавшим кольцам. Горизонтальная линия – среднее значение прироста ширины годичных колец. Вертикальная линия – год возникновения экстремального события

В. А. Курбатов¹, Г. П. Визгалов^{2, 3}

¹ Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Дворцовая набережная, д. 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: alkurba@rambler.ru

² Сургутский государственный университет
Югорская лаборатория археологии и этнографии
пр-т Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия

³ Институт археологии и этнографии СО РАН
пр-т Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Предметы кожевенно-обувного ремесла из раскопок посада г. Березова в 2008 г.

Аннотация. Коллекция кожаных вещей и предметов, связанных с изготовлением и использованием кожаных изделий, собранная из слоев Нового времени с Березовского посада, расширяет круг археологических аналогов для изучения кожевенной продукции и самого производства в разных регионах России в XVIII в. Она заполняет существенный пробел в изучении материальной культуры петровской России, которая слабо представлена в имеющихся надежные хронологические привязки археологических коллекциях, а также существенно расширяет материальную фактологическую базу, мало отраженную в письменных и изобразительных источниках.

Обувная коллекция показывает, что в первой половине XVIII в. даже самые северные и труднодоступные города Сибири находились в зоне распространения самой современной для того времени западно-европейской продукции обувного ремесла, производство которой было освоено в Европейской России.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, Новое время, кожаные изделия, кожевенное ремесло.

Введение

Своеобразие археологии в сибирских городах эпохи русского освоения этого обширного региона России обосновано на теоретическом и методическом уровне в работах М. П. Черной, Ф. С. Татаурова, Л. В. Татауровой, Н. А. Томилова [*Черная, 2007; 2008а; 2008б; Татауров и др., 1997*].

Раскопки первых русских городов в Сибири в последнее время стремительно набирают обороты, и в ряде мест уже собраны большие коллекции массовых материалов. Археологическое изучение исторического центра г. Березова начато в 2004 г. экспедицией НПО «Волот» под руководством А. В. Еременко. Тогда были заложены три разведочных раскопа на участке, где предполагалось размещение кремля и острога. В 2005 г. археологическое обследование городища продолжила экспедиция Центра историко-культурного наследия Нефтеюганского района (ЦИКН НР) ХМАО. Целью этих работ было выявление на территории современного поселка Березово участков с сохранившимся культурным слоем города Березова конца XVI – XVIII в. и определение перспектив его археологического изучения [*Визгалов, 2006-А; Визгалов, Пархимович, 2010*].

В настоящее время в субарктической зоне Северо-Западной Сибири активно исследуются несколько археологических памятников с замороженным культурным слоем – Мангазея, Надымский, Полуйский

и Войкарский городки, городища Бухта Находка и Старотуруханское. Один из многих научных вопросов, решить который позволяют материалы раскопок Березова, – это изучение синхронных поселений Крайнего Севера, оставленных и аборигенным, и русским населением, что позволяет, кроме прочего, идентифицировать вещевые комплексы, полученные при раскопках других памятников, в том числе на территории таежной зоны Западной Сибири [Визгалов, Кардаш, 2011. – С. 87].

Рассмотрение отдельных групп предметов материальной культуры XVI–XVIII вв. в ранних русских городах Западной Сибири позволяет конкретизировать этапы и формы освоения этой территории, происшедшего из северных областей Восточной Европы на протяжении всего русского средневековья. «Завоевание» Сибири в эпоху Московского царства во многом является продолжением такого освоения, но в новых исторических условиях и иными возможностями. И здесь тезис «Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв.» можно рассматривать в отражении вещевых комплексов иного исторического этапа – XVI–XVIII вв. Такой взгляд вполне правомерен и на примере кожаных изделий XVIII в. из раскопок Березовского посада [см.: Вершинин, 2018. – С. 52 и сл.].

Собранный исторический, документальный и изобразительный материалы дают общее представление о размерах и застройке острога и посада. Изображение укреплений Березова на карте С. У. Ремезова 1701 г. является наиболее ранним графическим показом города. Но детальный план его был сделан только в конце XVIII в. – это генеральный план Березова 1791 г. Ему соответствует и план землемера Прянишникова, составленный в 1797 г. [Визгалов, 2010-А. – Кн. 2; рис. 3]. Согласно этим планам, место раскопок 2008 г. можно отметить у южного края построек, обозначенных как «казенные строения для присутственных мест», и к юго-западу от соборной каменной церкви Богородицы Одигитрии [Визгалов, Кардаш, 2011. – Рис. 1].

В работе И. К. Кирилова, законченной в 1727 г., Березов описан как «город, острог деревянной, от Оби верстах в 5, на протоке из Оби реки, называемом Сосва, в ту ж проливу под городом со стороны впала река Вагулка, от моря во 60, а от Тобольска в 800 верстах. В том городе магистрат, в котором бургомистр 1, ратманов 2. Канцелярия их и приказные служители особые. Из шляхетства фискал Петр Гречанинов. По ведомости Камор-коллегии показано монастырь 1, церквей 3». По ведомости, присланной в Сенат в 1724 г. из Сибирской губернии, в Березове значатся: детей боярских 24, атаман 1, сотник 1, пятидесятников, десятников и рядовых казаков и пушкарей 293, а всего 319 человек. Тогда как «по мнению губернаторскому впредь быть надлежит – детей боярских 6, атаман 1, сотников 2, пятидесятников, десятников и рядовых казаков и пушкарей 222, итого 231». «В городе церковь Рождества Богородицы, за городом Володимирские Богородицы, другая, Спаская, был монастырь Спаской, а ныне соборная церковь. В городе воеводский двор, приказ. За городом служилых казаков 400 дворов» [Кириллов, 1977. – С. 18–19, 273]. Именно это описание совпадает по времени с комплексами, которые были открыты в раскопках 2008 г.

Результаты археологических исследований

На историческом посаде Березова в 2007 г. впервые был отмечен мощный культурный слой и собран подъемный материал. В 2008 г. экспедиция ООО НПО «Северная археология-1» (г. Нефтеюганск) проводила раскопки в п. г. т. Березово, где одним из объектов стал посад. Раскоп № 2 площадью 216 кв. м (18 × 12 м) заложен на посаде исторического г. Березова конца XVI – XVIII в., продолжившего существование и позднее, примерно в 50 м к югу от оврага, отделяющего посад от острога. В настоящее время на территории раскопа, лежащего между улицами Собянина и Сенькина, разбит массив искусственных посадок берез. Данный парк был организован после 1945 г., но окончательно получил оформление в виде правильных рядов древонасаждений в 1962 г. (устное сообщение зав. фондами БИКМ О. В. Захаровой). На этом месте в центре оставлено свободное от посадок пространство, предполагаемое местом проведения социально-политических мероприятий в 1960–1980-е гг.

В 2008 г. на раскопе № 2 удалось разобрать культурный слой на глубину 1,1–1,2 м от современной поверхности. В площади раскопа выявлены серии разновременных жилых и хозяйственных деревянных строений, составляющих единый частновладельческий дворовый комплекс, существовавший длительное время (рис. 1). В целом жилые и хозяйственные комплексы можно датировать по вещевому материалу XVIII–XIX вв. При этом можно предполагать существование здесь «большой семьи», где у семейных детей были отдельные жилые и хозяйственные строения в пределах этого общего двора.

Уверенно можно говорить о наличии двух жилых срубных построек, а также предположительно – о существовании еще двух жилых домов. Между жилыми постройками находились строения или открытые площади для содержания домашних животных.

Выводу о наличии единого хозяйственно-жилого комплекса (усадыбы) с внутренним общим двором находится ряд подтверждений: 1) во внутренний двор обращены двери открытых раскопками построек; 2) все пространство двора (или его большая часть) было замощено – открыты остатки досок мощения (горелые фрагменты) и лаги, на которые клали доски; 3) во дворе находилась общая скамейка – как место отдыха и сиделок; 4) некоторые фрагменты деревянных изделий и многие фрагменты керамики, найденные в разных местах раскопа, в процессе камеральной обработки были подклеены друг к другу.

Открытые сооружения, а также вещевой набор позволяют говорить о функционировании построек и жизнедеятельности на открытой усадьбе не ранее начала XVIII в. Нумизматический материал позволяет ограничивать период ее активного использования первой половиной столетия. Поскольку культурный слой в 2008 г. был разобран не до материка, то последующее изучение слоя, надо полагать, приведет к открытию более раннего периода существования этой усадьбы, приходящегося на XVII в. или даже конец XVI в.

Комплекс предметов коженно-обувного ремесла

Сюда входят предметы не только из кожи, но и из других материалов, использованных в кожаных изделиях, преимущественно в обуви. В описи индивидуальных находок отмечены кожаные детали и изделия, шерстяные обшивки верха уледей, войлочная стелька, деревянные основы каблучков, железная сапожная лапа и железные обувные подковки. Массовые кожаные находки представлены в Приложении 5 к отчету. Всего в категории массовых находок, относящихся к коженно-обувной продукции, учтено 308 единиц, в том числе 289 деталей обуви, 1 чехол для ножа, 6 деталей рукавиц, 3 детали воропа, 4 заплаты неопределенных изделий и 5 обрезков от раскроя [Визгалов, 2010-А. Приложение 5].

В категорию индивидуальных находок отнесено 97 предметов:

- 66 кожаных деталей обуви, составляющих наборы моделей или отдельные детали; в одном из наборов также присутствовала 1 берестяная вставка (прокладка) в носке;
- 13 деревянных каблучков, найденных как отдельно лежавшими в слое, так и закрепленными на кожаных деталях обуви;
- 20 железных подковок, встреченных как отдельно лежавшими в слое, так и закрепленными на деталях (каблуках) обуви;
- 1 железная сапожная лапа;
- 1 специфический предмет женского обихода – пояс-вороп, кроенный из трех кожаных деталей;
- 1 железное шило;
- 4 ленты – обшивка верхнего края уледей в виде лент шириной 3–5 см, сложенных вдвое; ленты связаны из шерстяных нитей;
- к предметам обувного назначения можно отнести железную пуговицу со стеклянной вставкой и с заклепкой на тыльной стороне [Визгалов, 2010-А. Приложение 5. № 980], которая могла быть использована в башмаках (рис. 2–10).

Небольшое число предметов было зафиксировано на уровне второго пласта, тогда как основная масса находок относится к уровню пластов 4–6. Они встречены и в заполнении построек, и вне их, но на уровне расчистки нижних деталей конструкции строений.

По стратиграфическим привязкам можно выделить группу кожаных изделий конца XIX – первой половины XX в. В нее входят отдельные детали обуви разных видов и фасонов. Принадлежность к позднему времени определяют технические признаки сшивных соединений и сама манера сшивания. Эти признаки хорошо выделены у деталей подошв, по краю которых видны два или три ряда равномерно расположенных овальных сквозных отверстий от сшивных соединений (рис. 7). Вокруг отверстий заметны отпечатки растительных нитей от существовавших стежков, проходящих единообразно под углом к линии сшивания. Такое положение стежков свидетельствует о машинной технике пошива обуви, которая в России широко распространяется не ранее последней четверти XIX в.

При этом дополнительно подошва по краю усилена набитыми в 2–3 ряда мелкими деревянными шпеньками, а в отдельных случаях – и железными гвоздями с широкой шляпкой диаметром 10–11 мм (рис. 7: 1, А, В). Для мелких деревянных шпеньков или железных гвоздиков без шляпок в XIX в. среди осташковских сапожников бытовал термин *добой* [СРНГ, 1972. – С. 75]. В. И. Даль приводит и другой термин: *штифтик* – «проволочная притыка, или гвоздик без шляпки; у сапожн. тифтик» [Даль, 1882. Т. 4. – С. 645]. Интересно, что именно с XIX в. в русском языке появляется специальный сапожный инструмент – *форштик* или *форщик*, название которого заимствовано из немецкого языка. В русском понимании это *наколюшка* – шило или гребенка для наковки подошвы под деревянные гвозди [Даль, 1882. Т. 4. – С. 538]. Сходный инструмент, называемый *форшток*, применялся в середине XX в. на советских обувных фабриках [СРНГ, 2016. – С. 156].

Другими признаками поздних конструкций обуви служат определенного вида асимметрия края подошв, мода на зауженный носок, передний край которого поперечно срезан, и определенные фасоны скругленного носка, наличие у ряда подошв очень низкого каблука (до 0,7–0,8 см) из 2–3 кожаных деталей, а также берестяной прокладки между подошвами. Хотя в это же время существовали и варианты модных дамских туфель на высоком каблуке. Однако нельзя исключать, что и некоторые другие вещи надо относить к XIX – началу XX в.

Разнообразие моделей и способов пошива помогают понять частичные комплекты деталей отдельных моделей обуви. Например, на одной из подошв, имевшей двойной ряд проколов по краю, куда забивались мелкие деревянные шпеньки, имелась пятка с серией крупных отверстий, показывающих забивание деревянных шпеньков, крепивших наборный кожаный каблук. Этот каблук, сохранившийся на подошве, был набран из 22 тонких кожаных пластин и имел общую высоту 2,5 см. По нижнему краю каблука были набиты мелкие железные гвозди.

Другой пример: две детали задника (рис. 7: 7, 8) относятся к конструкции одного башмака. Они были сшиты выворотным швом по верхнему краю, а между ними проложен берестяной вкладыш.

Третий пример: подошва (рис. 7: 3) сохранила в наборе: берестяную вставку по всей длине, пришитую стельку из двух деталей, а также набор задника, состоящий из внешней детали (собственно задника), берестяного вкладыша и кармана – внутренней кожаной детали, по форме идентичной внешней.

В раскопе определенно очерчивается участок концентрации деталей и обрезков кожи, который можно относить к указанному позднему времени. Он охватывает квадраты Б0 – Д0 вдоль западной стенки раскопа на глубину 2–4 пластов. В указанных квадратах зафиксировано деревянное сооружение – своего рода «мусорный ящик». В эту зону попадает достаточно редкая в археологическом контексте находка – сапожная лапа, встреченная на уровне 2-го пласта [Курбатов, 2009. – С. 298]. Скорее всего, находка связана с сапожной деятельностью конца XIX – первой половины XX в.

О том, что это именно следы кожевенно-обувной пошивочной деятельности, основу которой составлял ремонт и перешив обуви, показывает наличие в скоплении отдельных деталей обуви и нескольких десятков обрезков подобных же деталей обуви – как следы вторичного использования их для ремонта.

Следует отметить проблематичность полной реконструкции форм обуви по наличному составу предметов. Это относится к группам обуви всего хронологического диапазона, охваченного раскопками, то есть и XVIII в., и конца XIX – первой половины XX в. Причиной этого является тот факт, что в коллекции встречено очень мало обрезков, которые можно относить к фрагментам голенищ, а целых или выразительных частей голенищ нет вовсе.

Остальные кожаные предметы связаны со слоями и сооружениями XVIII в., возможно продолжавшими существовать и в XIX в. Среди находок абсолютно преобладают детали и наборы деталей отдельных моделей обуви. Встречены только формы низкой обуви типа башмаков. Материалы первой половины XVIII в. найдены преимущественно в слоях, снятых пластами 4, 5 и 6. Они находились как в самих постройках, так и между ними, в основном на внутреннем дворе. Для этого времени имеется значительно больше наборов деталей, позволяющих представить полную форму обувных моделей. Низкая закрытая форма женской туфли под длину стопы 21–23 см (Опись, № 211) сохранилась в 4 деталях (рис. 2: 4.1–4.4). Подошва (толщиной около 2 мм) имела заостренный носок и округлую пятку,

на внутренней ее стороне расположен потайной шов шириной 3–3,5 мм, показывающий длину стежка 7–8 мм (рис. 2: 4.1). В шве еще сохранились остатки растительной нити. По краю пятки шел сквозной вертикальный шов с мелкими отверстиями и длиной стежка 2,5–3 мм. Такие швы являются одним из характерных признаков определенных конструкций обуви XVIII в. Вторая деталь – это стелька (рис. 2: 4.2), толщиной до 1,5 мм, с тиснением «сеточка» по мере, аналогичная подошве по форме, имела овальный поперечный вырез с тачным швом, показывающий, что деталь была выкроена из голенища сапога. От верха сохранилась головка и одна берца. Обе имеют характерную смятость и обметочный шов по верхнему краю, показывая его загиб внутрь и пришивание на внутренней стороне деталей. Следов крепления внутренних деталей (поднаряда и кармана задника) не обнаружено. Также нет следов подбивания подошвы гвоздями. Здесь можно определенно говорить, что мы имеем образец комнатной обуви, предназначенной исключительно для ношения в помещении. Тонкость кожи, особенно подошвы, отсутствие внутренних деталей, в том числе и многослойной подошвы, подбивки подошвы гвоздями и дополнительного закрытия (и утепления) подъема стопы не оставляют возможности для иных версий. Можно говорить, что мы столкнулись с характерным образцом обуви для ношения только в относительно сухом и теплом помещении. Такая обувь получает распространение в России только с петровского времени и ведет свое начало с уклада повседневной жизни в Западной Европе.

Второй образец такой обуви встречен на том же уровне в соседнем квадрате (Опись, № 235). Он состоит из 4 основных деталей, узкой обшивки верхнего края, сложенной вдвое, стельки и нашивной заплаты (рис. 2: 3.1–3.5). В целом раскрой и способы сшивания всех деталей напоминают описанную выше туфлю. Среди отличий можно назвать следующие:

- на плантарной (нижней, прилегающей к почве) стороне подошвы имеются две тисненые круглые розетки диаметром 5 мм, расположенные вдоль продольной оси подошвы в месте, соответствующем положению свода стопы; эти тисненые знаки определенно являются метками изготовителя и имеются еще на одной подошве из этой коллекции (рис. 8: 5). Подобные же знаки известны и на подошвах кожаной обуви, найденной в других городах;

- вторая особенность – это более длинные берцы, на которых пяточный шов выполнен при сквозном проходе нити в детали; от этого сохраняются два ряда мелких сквозных отверстий вдоль нижнего края деталей;

- надо отметить и общую для обеих моделей особенность – раскрой головок с плавным скруглением носка, несмотря на то, что они подшивались к подошве с выразительно заостренным носком.

Сохранился большой фрагмент кожаной обшивки верхнего края, представляющий полосу кожи, сложенную вдвое, шириной 1,2 см и длиной 28 см.

Третий набор деталей (№ 272) составляют подошва, стелька, головка и одна деталь берцев (рис. 2: 2.1–2.3). Особенностью этой модели является наличие низкого каблука (около 1 см высотой), пришиваемого на внутренней стороне подошвы. Кроме того, на бахтарме головки сохранились отпечатки ткани.

Четвертый набор башмака (№ 686) представляют две полностью сохранившиеся детали – головка и внутренняя подошва (рис. 2: 1.1–1.2), а также поднаряд, берестяной вкладыш в носок головки и предположительно относящиеся к нему фрагменты внешней подошвы, подметки и ранта. В отличие от первых трех моделей, служивших комнатной обувью, эта является образцом башмака для хождения по улице. Подошва имеет выраженный поперечно срезанный носок типа «каре», а головка – широкий клапан на подъеме. Кроме того, на головке сохранились выразительные следы ремонта – подшивания нового носка и заплаты.

Еще одну модель уличного башмака представляют 3 основные и 2 дополнительные детали (рис. 3: 1.1–1.5) – внутренняя подошва и головка, отдельно вырезанная часть берцев и внутренняя вставка в носок головки, а также накладная заплата на носок. Кроме того, вероятно, к этой же модели относятся найденные фрагменты подметки, еще одной нашивной заплаты и внешней подошвы, на пятке которой были набиты в один ряд железные гвозди с широкой шляпкой (диаметр 7 мм). Эта модель имела слегка скругленный носок и широкий клапан на подъеме стопы у головки, который был обрезан.

Еще два образца комнатной туфли найдены вне построек. Один был обнаружен в слое щепы на внутреннем дворе усадьбы (№ 210). Он включает внешнюю и внутреннюю подошвы, головку и две

половины берцев. Все детали кроены из относительно тонкой кожи (рис. 3: 2.1–2.4). Здесь также были заостренный носок подошвы при наличии округлого носка головки и округлая пятка подошвы, не имеющая дополнительных накладок или гвоздей.

Второй тоже найден в слое щепы, но не включен в опись индивидуальных находок по причине разброса деталей в кв. В-2, которые позднее были подобраны автором (рис. 3: 3.1–3.3). Здесь присутствуют внутренняя подошва с заостренным носом, подметка и головка. Последняя имеет мысок на подъеме стопы и заостренные крылья, которые показывают, что обувь не имела задника. По верхнему краю головки виден обметочный шов. Здесь мы имеем дело с формой так называемого *мюли* – башмака рантовой конструкции без задника. Встречены и отдельные головки такой обуви (рис. 6: 5; 10: 2). По мнению Д. О. Осипова, *мюли* становятся модными в России только со второй четверти XVIII в. [Осипов, 2006. – С. 43]. Это можно считать справедливым, если говорить об их повсеместном распространении в различных регионах России и употреблении в разных слоях общества. Мюли встречены в азиатской части России. Например, при исследовании места зимовки Второй Камчатской экспедиции были открыты захоронения ее руководителей – В. В. и Т. В. Прончищевых. В могиле Татьяны Прончищевой (†1736) сохранились модельные комнатные туфли без задника на каблуке средней высоты [Исторические памятники, 2002. – С. 68–70; рис. 11]. Но надо учитывать, что эта форма западноевропейской обуви, по-видимому, появляется в русских городах с конца XVI в., наряду со многими другими формами и деталями европейских костюмов. На протяжении XVII в. в России конструкция и декор таких туфель менялся, отражая динамику смены моделей в других странах Европы. В это время мюли бытовали преимущественно в среде придворной и родовитой знати [Курбатов, 2008а. – С. 251]. О широком распространении западной моды в среде высшей знати в последнее время писали историки (Шамин, 2005. – С. 23 и сл.).

Еще один набор деталей представляет уличную обувь – башмак – с деревянным каблуком, наложенным на внутренней стороне подошвы. Высота каблука – 4,2 см. В комплект кроме внешней подошвы входят внутренняя подошва и кожаная обтяжка боковых сторон каблука (рис. 3: 4.1–4.4).

Имеются 4 набора деталей обуви, не позволяющие реконструировать внешний вид моделей, но дающие о них определенное представление:

1. Пара берцев с вырезанными узкими длинными язычками на переднем верхнем крае, которые служили для охвата подъема стопы и закрепления на нем с помощью пряжки или завязки (рис. 4: 1.1–1.2). Такие берцы употреблялись в низкой обуви типа башмаков с открытыми боковинами и головкой, имевшей широкий клапан на подъеме. Обувь подобного типа была общепотребительной в странах Западной и Северной Европы в XVI–XVII вв., а также в начале XVIII в. Ее можно видеть в коллекциях из раскопок городов Голландии (Амстердам) [Baartm. fl., 1977], стран Скандинавии [Swann, 2001], а также на картинах западноевропейских мастеров [Christian IV and Europe, 1988]. В русских городах такая обувь также встречается в комплексах XVII в., в частности в Ивангороде, Смоленске, Москве [Курбатов, 1995; Осипов, Соболев, 2014]. В то же время кожа берцев имеет на мерее характерное тиснение «сеточка», что позволяет говорить об их пошиве в русских городах.

2. Второй набор деталей включает внешнюю и внутреннюю подошвы, фрагменты плохо сохранившейся подошвы, две нашивные заплатки на ней, фрагменты ранта, головки с поднарядом и полный набор каблука, включая фрагмент задника, деревянную основу каблука и его кожаную обшивку (рис. 4: 2.1–2.8). Кроме того, на подошве сохранились следы пришивания двух накладных заплат, а в швах отмечены фрагменты растительной суровой нити (конопля?). Восстановлена схема крепления деталей в носке и пятке.

3. Имеется пара деталей, показывающая необычный пошив низкой обуви (рис. 4: 3.1–3.2). Это широкая подошва с округлыми носком и пяткой, кроенная из толстой кожи (3,0–3,5 мм), с тиснением «сеточка» по мерее, имевшая тачной шов, а также фрагмент головки из такой же кожи и с тем же тачным швом. Детали сшивались, будучи вывернуты на бахтарму, а затем выворачивались на лицевую мерейную сторону. Обувь представляла вид низкого тапка или поршня. Вариант крепления на ноге неизвестен. Особенность модели – потрескавшаяся лицевая поверхность кожи.

4. Набор из двух деталей верха: головка с длинным крылом и подшитое отдельно второе крыло. Лицевая поверхность кожи (мерея) имеет тиснение «сеточка». Такие детали являются характерными

для сибирской обуви XVII в. типа уледей, которые массово представлены в Мангазее [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. – С. 34 и сл.].

Но большая часть деталей обуви является единичными находками от разных моделей. Среди них больше всего подошв, в том числе подошвы разных фасонов со швом «в подтай» (рис. 8: 1–3; 9: 6–12), внутренние подошвы рантовых конструкций, широко известных в Западной и Северной Европе с XVII в. (рис. 8: 6, 11–14; 9: 1–5), и рантовых конструкций, наиболее распространенных с XVIII в. (рис. 8: 4, 7, 8). Хотя разделить по времени наиболее позднего бытования эти модели в условиях Западной Сибири сегодня нельзя, тем более по единичным деталям, исключающим полную реконструкцию моделей.

Кроме подошв в материалах представлены серийно кожаные обшивки каблуков (рис. 5: 2.1, 3.2; 8: 15), головки (рис. 6: 4, 5; 10: 1) и заплаты (рис. 9: 6.2; 10: 3, 4, 6–8). Среди дополнительных деталей отметим уникальную декоративную нашивку на подъем башмака (рис. 6: 12), пришивную полосу на подъем башмака (рис. 6: 7), 4 пяточных петли для уледей (рис. 6: 8–11).

В целом среди низких башмаков и туфель с задниками в коллекции Березова можно выделить три конструктивных варианта: 1) с однослойной подошвой и основным соединением «в подтай» (основное соединение – это способ сшивного соединения деталей верха и низа обуви); 2) с двухслойной подошвой и рантовым основным соединением; 3) конструкцию, сочетающую двухслойную подошву и основное соединение «в подтай». Если первый вариант можно считать развитием русских конструктивных приемов, совершенствуемых с XIV в., а второй – развитием западных приемов моделирования обуви, прививаемых в России с XVII в., то третий вариант является результатом тенденций к использованию преимущественно двух первых вариантов, соединенных в одной конструкции.

К первому варианту можно отнести детали, встреченные разрозненно: две детали полного верха уледей (рис. 4: 4.1–4.2), фрагменты верха, петли для задника и подошвы подобной обуви. Судя по размерам деталей, все они принадлежат формам обуви для взрослого населения. Одним из характерных признаков такой обуви надо считать обязательное (или преимущественное) подшивание подметок уже при пошиве новой обуви и частое подшивание подметок по мере износа подошв. Верх обуви состоял из головки с длинными крыльями, торцы которых сшивались на пятке. В некоторых моделях крылья делались подшивными. Традиция пошива уледей подобной конструкции и раскроя отдельных деталей является преимущественно сибирской и северорусской. На сегодня в археологическом материале она наиболее полно прослеживается в комплексах находок из Мангазеи [Курбатов, Овсянников, 1999. – С. 245 и сл.; Визгалов, Пархимович, 2008; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. – С. 42–46].

Башмаки рантовой конструкции с двухслойной подошвой в коллекции наиболее разнообразны по конструкции, стилю и фасонам. Вся рантовая обувь имела каблук – деревянный или же наборный кожаный. Можно выделить модели женские и мужские. К сожалению, абсолютно полного набора деталей какой-либо модели не зафиксировано. Отметим мужской башмак с широким носком типа «каре», от которого сохранилась внутренняя подошва и головка с широким язычком на подъеме, и такие же детали модели со скругленным носком. Среди полных наборных каблуков один сохранился полностью (Опись, № 675), он имеет высоту 2,5 см. Другой каблук, неполный, состоит из 15 фликов и имеет высоту 1,7 см.

В башмаках этого вида задник состоял из двух одинаковых деталей – *берцев* с длинными ремнями-застежками, охватывающими стопу на подъеме. Подобные *берцы* найдены в слое Березова отдельно от остальных деталей. Башмаки такого типа широко распространяются в Западной Европе со второй половины XVI в., а в XVII в. они служили едва ли не самым употребительным видом в большинстве европейских стран. Благодаря большому числу иностранцев, посещавших Россию в этот период, они были известны и в русских городах. Более того, такие башмаки носили в России и иностранцы, и русские жители городов. В приходно-расходной книге новгородского Антониева монастыря за 1580 г. есть запись: «Куплено... сапоги телятинные башмачные красные» [СлРЯ XI–XVII вв., 1975. – С. 82]. Поэтому можно считать, что в русских городах в последней четверти XVI в. уже работали особые мастера – башмачники, шьющие обувь западных фасонов. К ним относится и каблучник, упоминаемый в Новгородской писцовой книге 1584 г. [Арциховский, 1939. – С. 7]. В Казани, как следует из писцовой книги 1646 г., ра-

ботал «Полухетко Дмитриев башмачник, у него ученик Петрушка Лукоянов» [СлРЯ XI–XVII вв., 1975. – С. 82]. Такие мастера были и в Москве. Известно, что «[1687] Оброська башмачникъ...напился пьянь, въ Яузскихъ воротахъ подрался съ стрельцами» [СлРЯ XI–XVII вв., 1990. – С. 47]. С XVIII в. низкая обувь с берцами становится, видимо, повсеместной. Тогда же в обиход вошло и русское слово *клюша*, заменявшее название *берцы* [СлРЯ XVIII в., 1998. – С. 65].

Женские башмаки рантовой конструкции отличались кроме своих размеров высокими, обшитыми кожей, «модельными» деревянными каблуками. В коллекции имеются отдельные экземпляры подошв, в том числе с каблуками и обшивкой. Кроме того, для женских башмаков отмечены и торговые клейма, наносимые на нижнюю сторону подошв в области свода стопы или даже под пальцами, а также использование особого вида железных подковок с супинатором, усиливающим крепление к подошве высокого каблука. Подобные обувные подковки впервые встречены в русских городах. Не исключено, что они являются характерными только для сибирских моделей. Они описаны на материалах комплексов русских Омского Прииртышья на р. Таре [Татаурова, Богомолов, 2016. – С. 109 и сл.].

Третий из выделенных вариантов конструкции представляют башмаки небольших размеров (для женщин?) с низким каблуком. Для них отличительным признаком служит единообразие формы подошв с заостренным носком, головок с небольшими крыльями и парных берцев, не имевших ремней для крепления обуви через подъем стопы. Здесь мы находим двойную прошивку по нижней стороне берцев в области пятки, а также обшивку верхнего края узкой кожаной лентой. Для этих моделей известны и клейма на подошве. Единообразие конструкции, сходство формы раскроя верха с раскроем *уледей*, а также отсутствие подобных моделей в европейской части России позволяют видеть в них формы обуви XVIII в., пошитые в сибирских городах. Если стандартизация кроя и пошива говорит о высоком профессиональном мастерстве изготовителей, то наличие клейм позволяет предполагать их пошив на крупнейших обувных предприятиях, где обувь изготавливали крупными партиями и торговали ими по всей Сибири.

Клейма на обуви. Клейма производителей встречены на трех подошвах и представляют два варианта тисненых знаков. На подошве из набора домашней низкой безкаблучной обуви две круглых розетки диаметром 5 мм оттиснуты под сводом стопы (рис. 2: 3.1). Две сходные розетки оттиснуты еще на одной подошве в этой коллекции (рис. 8: 5). Но здесь представлен иной вариант обуви и необычное расположение оттисков. Это подошва женской уличной туфли на высоком каблуке, где один знак нанесен под сводом стопы, а другой – в носке, под пальцами, что совершенно нехарактерно для таких знаков. Знаки в форме розеток известны и на подошвах кожаной обуви, найденной в других городах, в частности в Пскове и в крепости Ниеншанц (Санкт-Петербург), где они особенно многочисленны.

Знак иного рода встречен под сводом стопы на подошве с зауженной пяткой, также принадлежащей модели женской обуви с высоким каблуком (рис. 8: 9). Это оттиск двух линий, параллельных продольной оси подошвы, расходящихся в стороны по направлению к носку.

Такие клейма можно считать знаками мастеров или оптовых торговцев обувью. По нашему мнению, достаточно постоянными признаками на находимой в русских городах обуви они становятся в первой половине XVII в. [Курбатов, 2016. – С. 216]. Д. О. Осипов в данном вопросе колеблется и в своих работах временем появления клейм называет и первую половину XVII в. [Осипов, Соболев, 2014. – С. 353], и вторую половину столетия [Осипов, 2014. – С. 48]. Подтверждением нашего мнения может служить большой комплекс обуви из заполярного города Мангазеи, где встречены 33 клейма десяти разновидностей (на 19 % подошв «с крокулем») [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. – С. 51–52]. Основная часть коллекции может быть датирована периодом до 1642 г., когда город сильно выгорел и большинство жителей (стрельцы, промышленники и администрация) переселились в Новую Мангазею – Туруханск [Курбатов, 2010. С. 227; 2014. – С. 188].

На сегодня вопрос о типологии и хронологии клейм на обуви еще недостаточно разработан. Отдельные находки знаков на плантарной стороне подошвы, находившихся в области свода стопы, можно относить к XVI в., в частности из раскопок в Выборге [Курбатов, 2003]. Кроме того, число выявленных клейм постоянно пополняется за счет введения в научный оборот новых материалов. Например, ранее неизвестное клеймо опубликовано при анализе материалов псковской «скудельницы» [Зубкова,

2013. – Рис. 5: Г]. Клеймо в виде трех продольных полос отмечено на подошве, найденной в раскопе 2007–2008 гг. на Кремлевской площади в Вологде [Андреянова, Федоров, 2012. – С. 85–86].

В словарях русского языка до сих пор не найдено слово, определяющее знаки на обуви, инструменты для его нанесения или само тиснение. Возможным термином могло служить слово *чеканка* – «сапожн. чем отчеканивают подошву» [Даль, 1882. Т. 4. – С. 587].

Деревянные каблуки. В раскопках зафиксированы 13 деревянных каблуков, некоторые из которых оставались прикрепленными к подошве, другие же лежали в слое отдельно от обуви. На отдельных каблуках сохранилась кожаная обтяжка, что позволяет атрибутировать находки таких предметов в слое (рис. 3: 4; 4: 2.6, 2.8; 5: 2; 7: 11).

По форме можно выделить по крайней мере три варианта:

1) каблуки для относительно широкой пятки, с горизонтально срезанными верхней и нижней стороной и относительно вертикальными боковинами. Их высота не превышает 4–5 см (рис. 5: 3.1, 7, 8, 11). Такие каблуки использовались, надо полагать, преимущественно в мужской обуви;

2) каблуки со скошенным вперед верхним краем (ложе для пятки стопы), с врезанными под углом передним и задним краями, сильно зауженные к «земле» и расширенные в верхней части (рис. 5: 2.2, 4–6, 10, 13). В случаях нахождения их вместе с подошвами становится очевидным, что такие каблуки были только на женской обуви;

3) каблук клиновидной в продольном разрезе формы, со скосом вперед, высотой около 3 см, предназначенный для обуви с относительно узкой пяткой, встречен в единственном экземпляре (рис. 5: 12). Надо полагать, что он также был использован в женской обуви для домашнего или уличного ношения, более практичной, чем обувь на высоком каблуке.

До настоящего времени этот элемент обуви еще не получил достаточного отражения в археологической научной литературе. Отдельные находки были рассмотрены для Выборга [Курбатов, 2003], Мангазеи [Курбатов, Овсянников, 1999], отдельных регионов Сибири. В контексте развития обувной моды Скандинавии его рассматривала Юне Свен [Swann, 2001].

Для всех моделей обуви с деревянным каблуком единым принципом является его крепление на подошве, служащее практическим целям – для наиболее длительного ношения. Для этого использовали кожаную подошву, которая охватывала (закрывала) переднюю сторону каблука (так называемая «подошва с крокулем») и его основание. При этом снизу и сверху подошва и каблук соединялись железными гвоздями и дополнительно – деревянными гвоздями (шпеньками). Кроме того, долгое ношение обуви на высоких каблуках обеспечивали железные подковки с супинатором. Боковую кожаную обшивку составляла отдельная деталь. Также нижнюю сторону каблука могли подбивать железными гвоздями с широкой шляпкой.

Другие предметы из органических материалов

Кроме деталей обуви, другие кожаные изделия и обрезки в данной коллекции малочисленны. Среди них обращает на себя внимание кожаный женский пояс – *вороп*, состоящий из трех деталей, образующих два слоя пояса (рис. 10: 5.1–5.3). Он найден в квадрате В-6, в слое щепы с навозом, № 605. Этот специфичный предмет одежды хантыйских женщин встречен на сегодняшний день в археологическом материале в Надымском городке, где эти предметы были сделаны из бересты и кожи [Кардаш, 2006. – С. 13; 2009. – С. 176; рис. 3.56]. Об использовании таких поясов в XVIII в., подвязываемых снизу и вокруг поясицы, писал В. Ф. Зуев [Зуев, 1947. – С. 63]. Они известны для XVIII в. и в описании С. П. Крашенинникова: «Доношу, что я остяцкого женского пояса достать не мог» [СлРЯ XVIII в., 2007. – С. 178]. Из этой же книги понятно его назначение: «Девки начинают такой пояс носить, когда месячина начнется» (СлРЯ XVIII в., 2001. – С. 150).

Рукавицы. Две парные детали – отдельно кроенные для пальцев рукавиц. Имеют следы износа и ремонта (рис. 10: 2). Можно отметить как особенность следы сшивания детали одной нитью с использованием узкой кожаной прокладки в шов. Обрезок основной детали рукавицы с характерным вырезом для большого пальца (рис. 10: 1). Другие три детали представляют обрезки незначительных размеров.

Чехол для ножа. Обрезок чехла шириной 5,5 см и длиной 7 см имеет следы обтягивания деревянной основы (рис. 10: 4).

Войлок. Имеется только одна обувная деталь из войлока, это стелька, найденная в квадрате Г-8 при разборке 6 пласта (Опись, № 1120).

Обшивка верха обуви из нитей. Сохранившиеся 4 детали обшивки представляют собой ленты, связанные из шерстяных нитей, сложенные вдвое. Длина и ширина определяются практическими требованиями. Они аналогичны *опушням* – деталям, встреченным в Мангазее [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011. – С. 63].

Железные предметы, связанные с обувным производством

Встречено два вида обувных подковок. Первые – серповидные или луновидные в плане железные пластины, с выступами по краям и в середине, а также с отверстиями для забивания железных гвоздей. Такие предметы очень многочисленны на многих русских поселениях с конца XVI в. Такая же тонкая подковка отмечена в Березове в постройке 1. Более толстая подковка с короткими шипами на концах и четырьмя отверстиями для гвоздей найдена на уровне 2-го пласта и на уровне пласта 6 (№ 1025, 1035, 1046).

В Березове найдена группа необычного вида железных подковок. Среди 20 встреченных железных подковок 13 имели следующий вид: из одного железного прута выкована и пластина, прибитая железными гвоздями на нижней стороне каблука, и вытянутая передняя часть, согнутая и наложенная на переднюю поверхность каблука, а также загнутая под свод стопы (рис. 11). Такую форму можно назвать «обувная подковка с супинатором». На сегодняшний день такие подковки, кроме Березова, зафиксированы только на женских башмаках Омского Прииртышья [Татаурова, Богомолов, 2016. – С. 113; рис. 1: 3в].

Достаточно редкой в археологическом контексте находкой является сапожная лапа, встреченная на уровне пласта 2 (рис. 12). Скорее всего, находка связана с сапожной деятельностью конца XIX – первой половины XX в. [Курбатов, 2009. – С. 298].

Шило. Прямой стержень квадратного сечения.

Декор изделий

Дополнительное декоративное оформление изделий представлено невыразительно. На многих кожаных деталях присутствует лицевое тиснение кожи «сеточка». Это подтверждает широкое употребление такой кожи в России в XVIII в., что ранее встречалось в других городах, например во Владимире-на-Клязьме [Курбатов, 2008б. – С. 177–181]. На трех предметах отмечено декоративное тиснение параллельными линиями (рис. 6: 9; 8: 12; 10: 5.2–5.3). Кроме того, на одной кожаной обтяжке деревянного каблука женской туфли нанесены ломаные линии, сделанные прорезкой мерей (рис. 8: 15). Также в одном случае сохранилась кожаная декоративная нашивка на подъем башмака с вырезными зубцами (рис. 6: 12).

Выводы

Коллекция из Березова расширяет круг археологических аналогов для изучения кожевенной продукции и самого производства в разных регионах России в XVIII в. Она заполняет существенный пробел в изучении материальной культуры петровской России, которая слабо представлена в археологических коллекциях, имеющих надежные хронологические привязки, а также существенно расширяет материальную фактологическую базу, мало отраженную в письменных и изобразительных источниках.

Для Березова эта коллекция представляет только одну фазу развития города. Дальнейшие раскопки позволят получить и коллекцию кожаных предметов конца XVI – XVII в., что даст возможность проследить эволюцию этого вида материальной культуры западносибирского города, основанного в начальный период русского освоения региона.

Обувная коллекция показывает, что в первой половине XVIII в. даже самые северные и труднодоступные города Сибири были охвачены самой современной для того времени западноевропейской продукцией обувного ремесла, производство которой было освоено в Европейской России. Более того, надо полагать, что многие виды обувной продукции Березова XVIII в. были пошиты непосредственно в сибирских городах и отражают черты местного ремесла. Показательным здесь являются и распространенная в Сибири форма обуви – *уледи*, и употребление железных подковок с супинатором.

Список литературы и источников

- Андреанова Л. С., Федоров А. С. Кожаная обувь из раскопок на Кремлевской площади в Вологде / ред. А. В. Курдюшов // Археология Севера. – Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2012. – Вып.4. – С. 82–91.
- Ариховский А. В. Новгородские ремесла // НИС. – Новгород: НИИМЗ, 1939. – Вып. 6. – С. 3–15.
- Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2018.
- Визгалов Г. П. Археологические исследования в поселке Березово: отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2006 (2006-А).
- Визгалов Г. П. Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Березово в 2008 году: отчет о НИР. – Книги 1 и 2. – Нефтеюганск, 2010 (2010-А).
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Березовский кремль: некоторые результаты и перспективы археологических исследований // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск, 2010. – Вып.8. – С. 389–396.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В. «Остяцкая усадьба» в посаде города Березова XVIII в. (по материалам археологических исследований 2008 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПСО СО РАН, 2011. – № 1 (14). – С. 87–97.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). – Екатеринбург: АМБ, 2011.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.; М.: Вольф, 1881–1882. – Т. I–IV.
- Зубкова Е. С. Еще раз об обуви из Псковской скудельницы // АИППЗ. Заседание 58. Москва; Псков: ИА РАН, 2013. – С. 38–47.
- Зуев В. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). ТИЭ. Н. с. – М.; Л., 1947. – Т. V. Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции. – М., 2002.
- Кардаш О. В. Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – первой трети XVIII в. (по материалам раскопок Надымского городка). – АКД. – СПб., 2006.
- Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII века. История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009.
- Кириллов И. К. Цветущее состояние всероссийского государства. – М.: Наука, 1977.
- Курбатов А.В. 1995 Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости// РА. № 2. С. 198–208.
- Курбатов А. В., Овсянников О. В. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // АВ. – 1999. – № 6. – С. 245–271.
- Курбатов А. В. Кожаные изделия средневекового Выборга по раскопкам 2000–2001 гг. // Староладожский сборник. – СПб.: Старая Ладога, 2003. – Вып.6. – С. 122–158.
- Курбатов А. В. Музееведение и археология – две составляющие в изучении древнерусской моды и кожевенного ремесла // АВ. – М.: Наука. 2008 (2008а). – №15. – С. 246–254.
- Курбатов А. В. Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире // АВСЗ. – М.: ИА РАН, 2008 (2008б). – Вып. 2. – С. 171–190.
- Курбатов А. В. Инструменты и приспособления для пошива кожаных изделий в средневековой России // Stratum plus, 2005–2009. Русское время. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. – № 5. – С. 284–310.
- Курбатов А. В. Культура и ремесло русского заполярного города: кожаные изделия Мангазеи по раскопкам 2001–2007 гг. // Записки ИИМК РАН. – СПб: Дмитрий Буланин, 2010. – № 5. – С. 211–230.
- Курбатов А. В. Традиции кожевенного ремесла в Сибири (по материалам раскопок Мангазеи в 2001–2007 гг.) / под ред. Федорова Н. В. // Археология Арктики. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. – Вып. 2. – С. 182–204.
- Курбатов А. В. 2016 Кожевенное ремесло в средневековой Москве / Рец. Осипов Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле) // АВ. – М.: АКТЕОН, 2014. – № 22. – С. 213–222.

- Осипов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. – М.: ИА РАН, 2006. – Т. 7.
- Осипов Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). – М.: АКТЕОН, 2014.
- Осипов Д. О., Соболев В. Е. Коллекция кожаной обуви из раскопок в Смоленске // Археология Подмосковья. – М.: ИА РАН, 2014. – Вып. 10. Материалы научного семинара. – С. 345–361.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука. – Вып. 1 (1975), 16 (1990).
- Словарь русского языка XVIII в. – СПб.: Наука. – Вып. 10 (1998), 12 (2001), 17 (2007).
- Словарь русских народных говоров. – Л.-СПб: Наука. – Вып. 8 (1972), 49 (2016).
- Татауров С. Ф., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Возможности использования археологических и этнографических материалов для реконструкции народных знаний населения Сибири XVII – первой четверти XX в. // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, СП РАН, 1997. – Т. 2. Культура тарских татар. – С. 19–26.
- Татаурова Л. В., Богомолов В. Б. Женские кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII веков (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // АЭАЕ. – 2016. – Т. 44. – № 2. – С. 109–116.
- Черная М. П. Русский город Сибири конца XVI – XVIII в. в археолого-исторической ретроспективе // АДД. – Новосибирск, 2007.
- Черная М. П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. – М., 2008 (2008а). – С. 482–515.
- Черная М. П. Русская археология Сибири: концепции, результаты, перспективы // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008 (2008б). – С. 5–26.
- Шамин С. М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – 2005. – № 1 (19). – С. 23–38.
- Vaart J. m. fl. Opgravingen in Amsterdam. 20 jaar stadskernonderzoek. Amsterdam: Fibula van Dishoeck. Haarlem. 1977.
- Christian IV and Europe. The 19 Art Exhibition of the Council of Europe. Denmark 1988. Catalogue. Copenhagen. 1988.
- Swann June History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 2001.

Список сокращений

- АВ – Археологические вести.
- АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли.
- АДД – Автореферат ... докторской диссертации.
- АКД – Автореферат ... кандидатской диссертации.
- АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии.
- БИКМ – Березовский историко-краеведческий музей.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук. М.
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук. СПб.
- ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН.
- НИАМЗ – Новгородский историко-археологический музей-заповедник.
- НИР – Научно-исследовательские работы.
- НИС – Новгородский исторический сборник.
- РА – Российская археология.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.
- СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в.
- ТИЭ, н.с. – Труды Института этнографии АН СССР, новая серия.

Рис. 1. Остатки деревянных построек после разборки 4-го пласта. Вид с запада

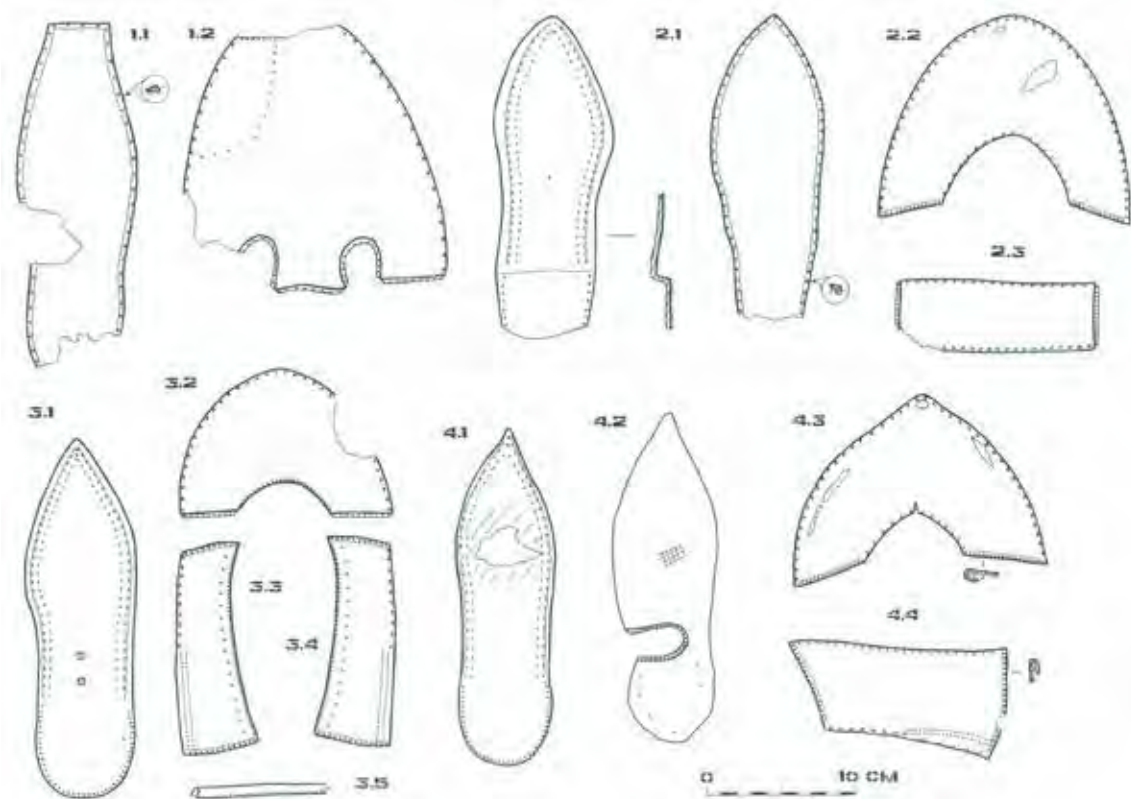

Рис. 2. Березовское городище. Раскоп № 2-08. Наборы деталей кожаной обуви: подошвы (1.1, 2.1, 3.1, 4.1), стелька (4.2), головки (1.2, 2.2, 3.2, 4.3), берцы (2.3, 3.3 – 3.4, 4.4), обшивка верхнего края (3.5)

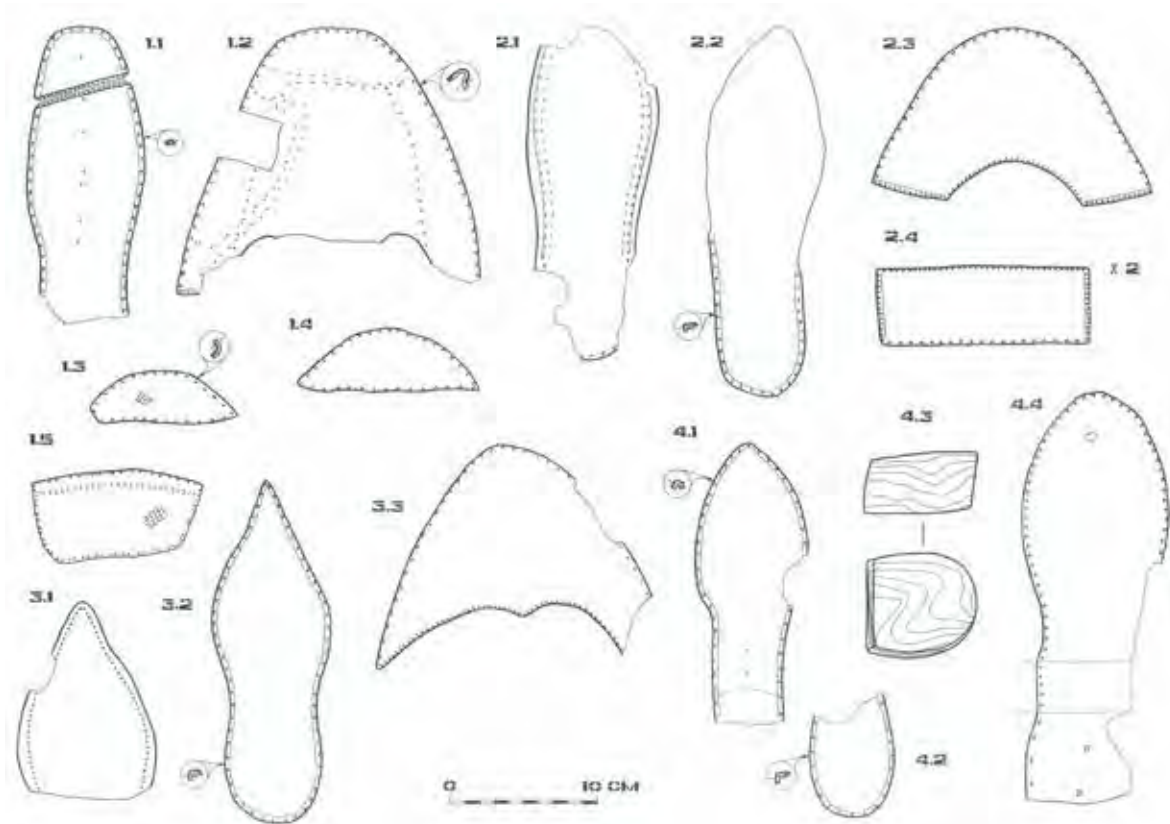

Рис. 3. Березовское городище. Раскоп № 2-08. Наборы деталей кожаной обуви: подошвы (1.1, 2.1, 2.2, 3.2, 4.1, 4.2, 4.4), подметка (3.1), головки (1.2, 2.3, 3.3), нашивные заплаты (1.3, 1.5), парные берцы (2.4), деревянный каблук (4.3)

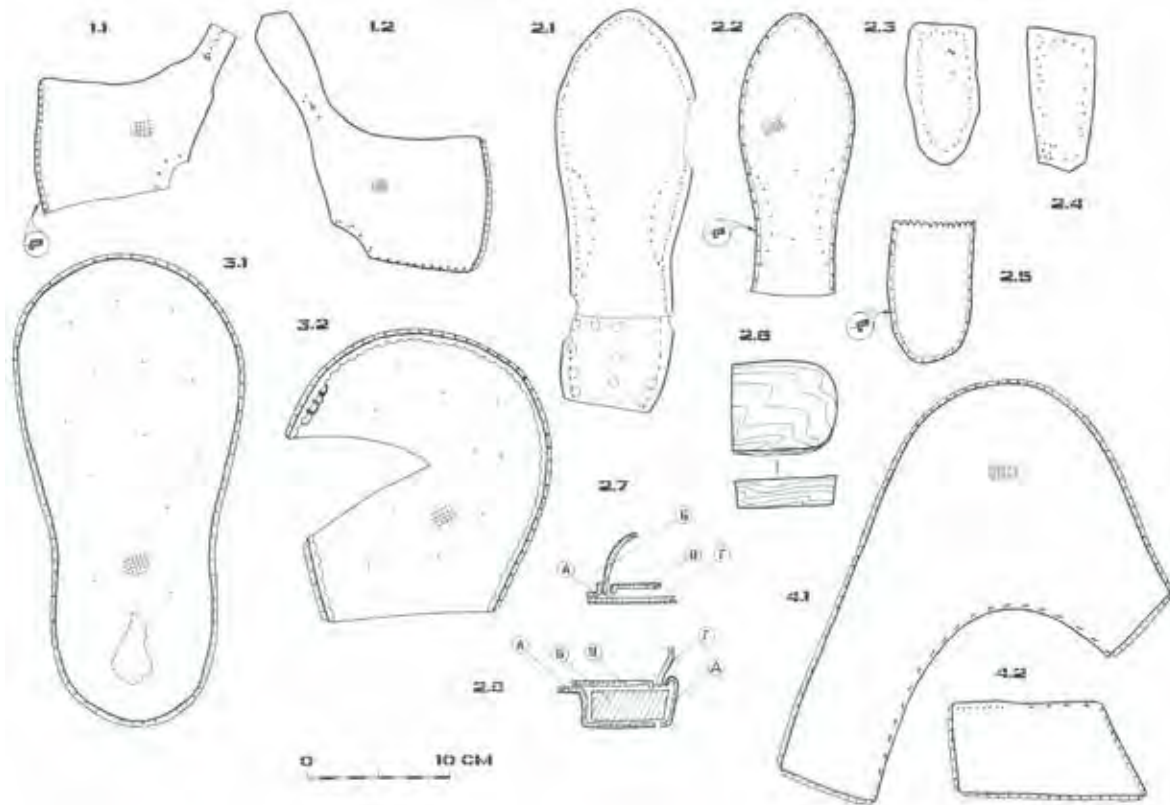

Рис. 4. Березовское городище. Раскоп № 2-08. Наборы деталей кожаной обуви: пара берцев (1.1-1.2), подошвы (2.1-2.2, 2.5, 3.1), накладные заплаты (2.3-2.4), головки (3.2, 4.1-4.2), деревянный каблук (2.6), схемы соединения деталей обуви в разрезе (2.7, 2.8). Поперечный разрез соединения головки (схема 2.7): А – рант, Б – головка, В – внутренняя подошва, Г – внешняя подошва. Продольный разрез соединения задника и каблука (схема 2.8): А – внешняя подошва, Б – деревянный каблук, В – внутренняя подошва, Г – задник, Д – обтяжка каблука

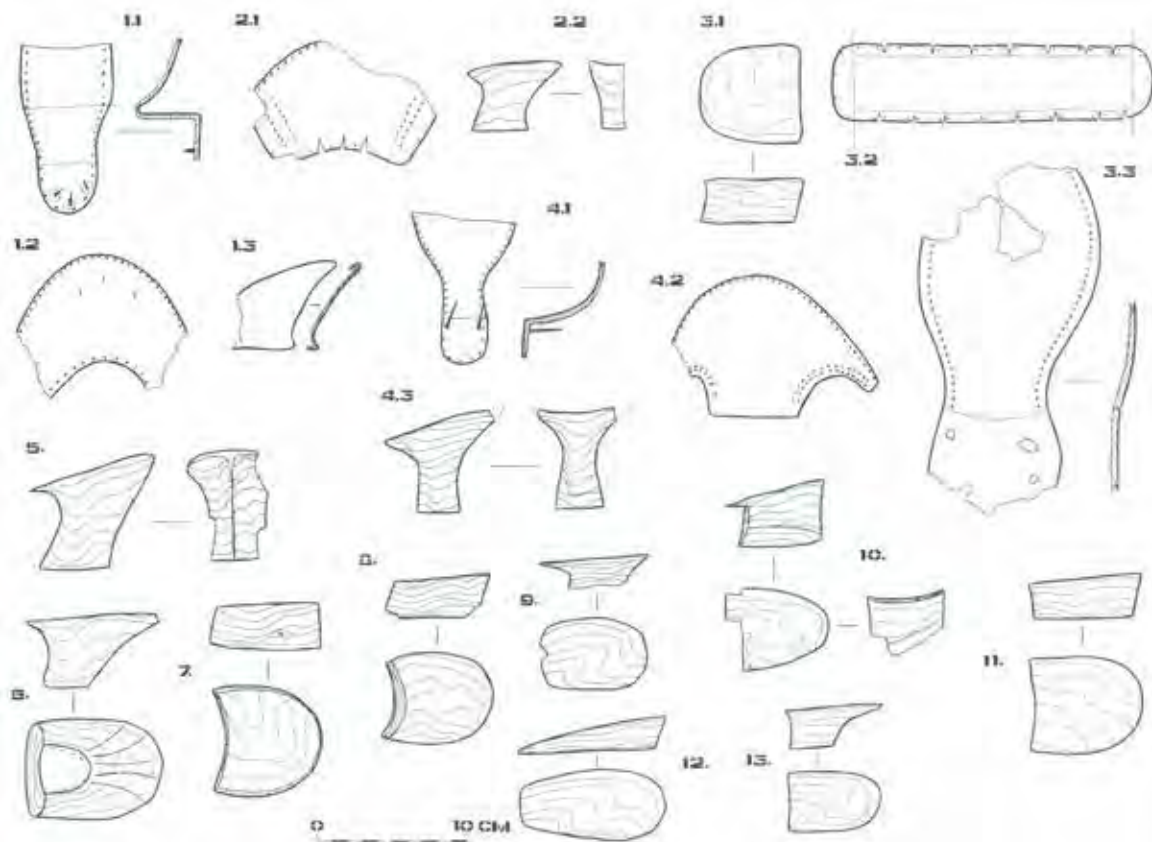

Рис. 5. Березовское городище. Раскоп № 2-08. Отдельные детали кожаной обуви: подошвы (1.1, 3.3, 4.1), обтяжки деревянных каблучков (1.2-1.3, 2.1, 3.2, 4.2), деревянные каблучки (2.2, 3.1, 4.3, 5-13)

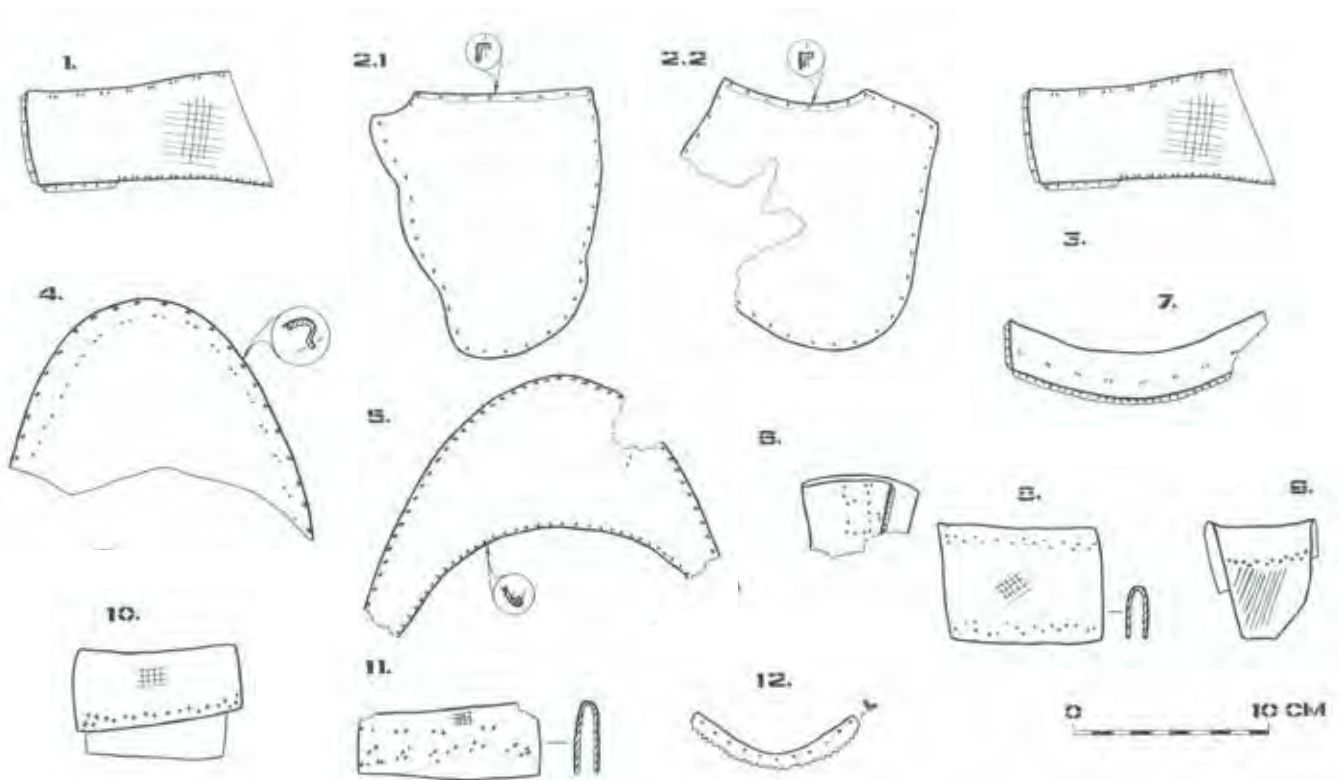

Рис. 6. Березовское городище. Раскоп № 2-08. Отдельные детали кожаной обуви: головки (1-6), пяточные петли уледей (8-10), дополнительная деталь верха (7), декоративная нашивная лента (12)

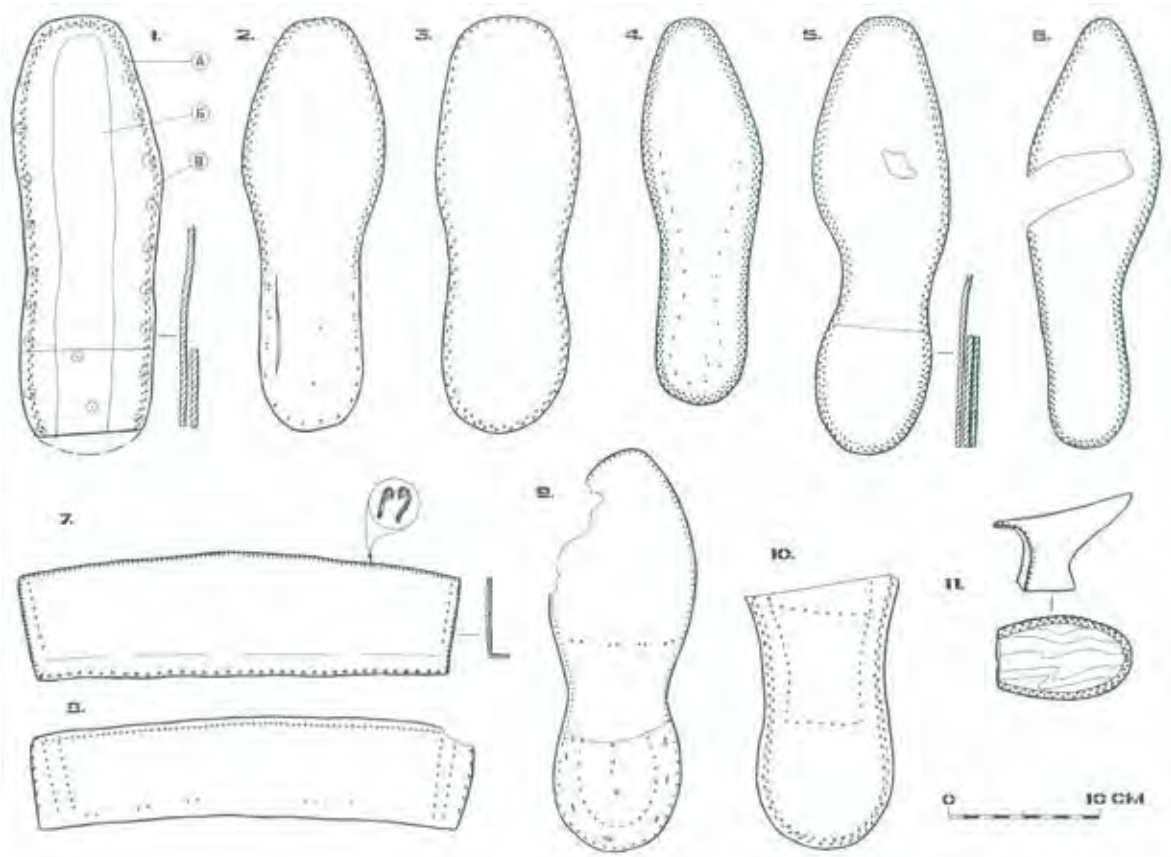

Рис. 7. Березовское городище. Раскоп № 2-08. Кожаные детали обуви: подошвы (1-6, 9, 10), задники (7-8) и деревянный каблук с кожаной обтяжкой (11)

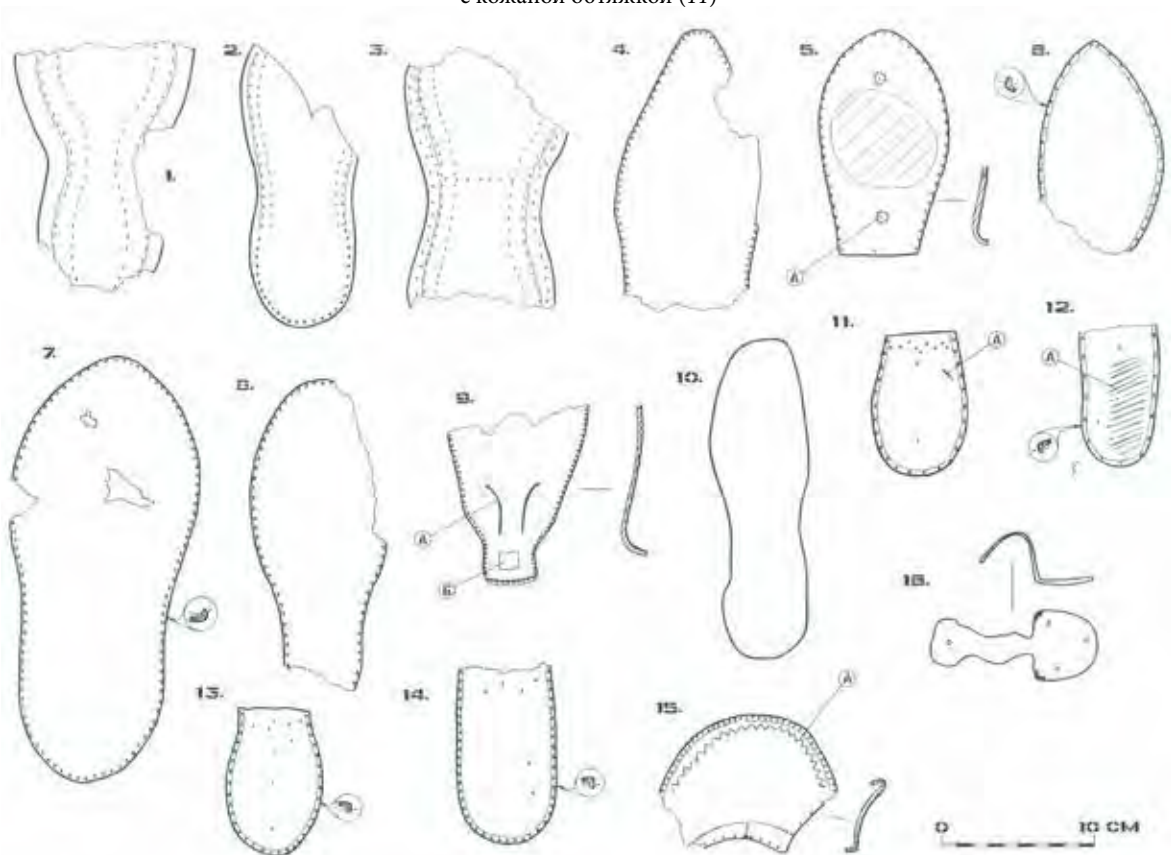

Рис. 8. Березовское городище. Раскоп № 2-08. Отдельные детали кожаной обуви: подошвы (1-14), обтяжка деревянного каблука (15), железная подковка с супинатором (16)

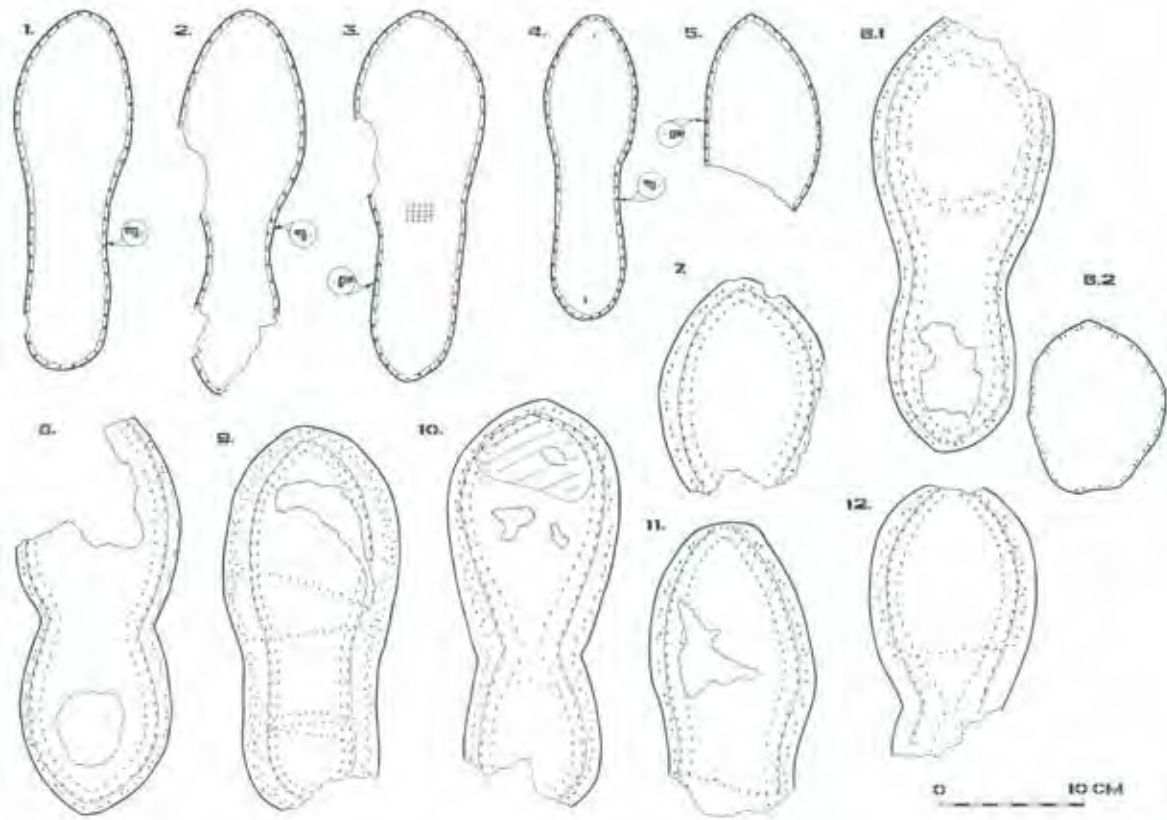

Рис. 9. Березовское городище. Раскоп № 2-08. Отдельные подошвы кожаной обуви (1-12) и подметка (6.2)

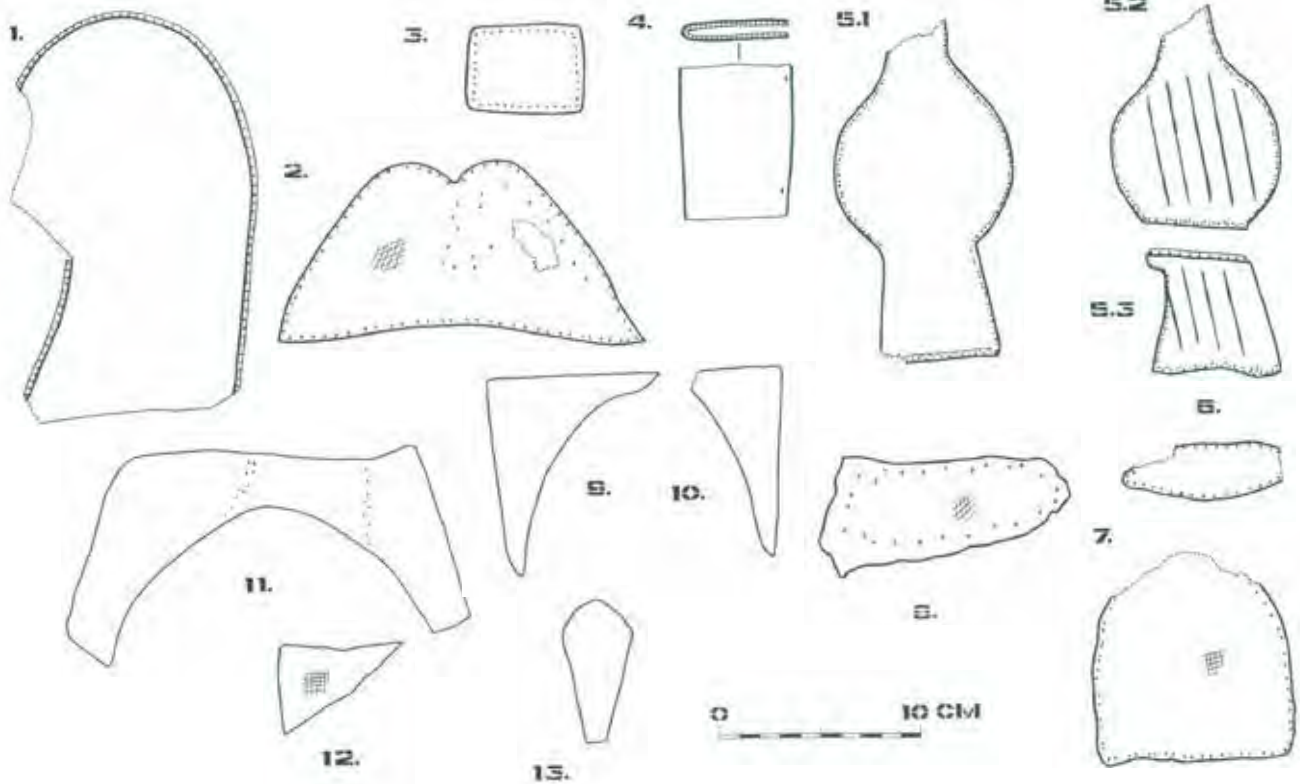

Рис. 10. Березовское городище. Раскоп № 2-08. Кожаные детали: части рукавиц (1-2), заплаты (3, 6, 7, 8), обрезок чехла для ножа (4), три детали женского пояса-вороба (5), обрезки от раскроя (9-13)

Рис. 11. Железная обувная подковка с супинатором

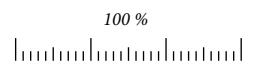

Рис. 12. Железная сапожная лапа

С. Г. Пархимович

ООО «НПО "Северная археология-1"»,
5-й пр., стр. 9, г. Нефтеюганск, 628305, Россия
E-mail: par18@yandex.ru

Ляпин, Ляб и Чангил (к этимологии топонимов и локализации летописных городков и княжеств обских угров)

Аннотация. В статье на основании анализа различных версий этимологии названий трех средневековых городищ – Ломбовожского 1, Кошелевского и Цингалинского – и сведений из фольклорных и письменных источников об остяцких княжествах XV–XVII вв. сделан вывод о том, что эти городища являются остатками летописных городков Ляпин (Лопынг-ус), Ляб (Лебаут) и Чангил (Цингал, Тяпарвош) – центров одноименных княжеств. Рассмотрены результаты археологических обследований этих памятников и отмечен их высокий информационный потенциал как источников для исторических реконструкций этих крепостей и культуры их обитателей.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, Югра, Куда, Ляб, Чангил, городище Ломбовожское 1, Кошелевское городище, Цингалинское городище, остяцкие княжества XV–XVII вв.

Проблемы этимологии названий средневековых памятников Северо-Западной Сибири и их идентификации с городками, упомянутыми в русских летописях, документах XV–XVII вв., записях западноевропейских авторов о Сибири этого времени и обско-угорском эпосе, интересуют историков и археологов издавна. Ценную информацию к их решению собрал в 1740 году академик Г. Ф. Миллер, в путевых описаниях которого зафиксированы местоположения «старых вогульских укреплений» и «остяцких крепостей» и их названия [*Северо-Западная...*, 2006]. Некоторые из них он соотнес с городками, упомянутыми в летописных известиях о походах русских отрядов в Сибирь XV–XVI вв. [Миллер, 1998. – С. 51, 87, 97–98, 129, 135, 157–158, 162–164, 188, 206].

В числе городков, привлечших внимание академика, оказался и *Ляпинский городок* – «по-вогульски *Loring*, или *Lorüng-ûsch*, на маленькой речке Ляпиной» («по-вогульски *Loring-soim*»), некогда стоявший на левом притоке реки Сыгвы, на месте Ляпинских юрт. Миллер отметил, что и вогульская волость на Сыгве называлась Ляпинской по имени «старой вогульской крепости», а «...из-за этого названия волости некоторые называют реку также Ляпина» [*Северо-Западная...*, 2006. – С. 104].

Сегодня река Сыгва именуется не Ляпиной, а Ляпином, Ляпинским юртам возвращено исконное название, но не в вогульском (мансийском) звучании – Лопм-ус, Лопынг-ус – а в остяцком (хантыйском) – Ломбовож. Последний компонент топонима – хантыйский географический термин «вож» – как и мансийский «уш (ус)», означает «город, городок». Семантика первого компонента – «Лопинг» («Лопм», «Лопым», «Лопум») [*Источники...*, 1987. – С. 197–198; Ромбандеева, 1993. – С. 75; *Северо-Западная...*, 2006. – С. 104] – до сих пор остается неясной.

Один из местных жителей перевел «Лопынг» как «торфяное место» [*Источники...*, 1987. – С. 197]. Это объяснение, вероятно, является образчиком народной этимологии и не соответствует истинному значению имени собственного, лежащего в основе топонима, т. к. «торфяные места» на берегах р. Ляпин распространены повсеместно [*Дмитриев-Садовников*, 2000. – С. 9, 15–20, 39] и поэтому не могут быть отличительным признаком ломбовожской местности.

А. К. Матвеев, отметив, что в основе названия городка лежит наименование небольшой речки «Лопынг-я», при устье которой он расположен, семантику гидронима оставил без объяснения [*Матвеев*, 1987. – С. 113]. М. Ф. Розен, опираясь на сообщение Е. И. Ромбандеевой, отнес основу «лопынг» к мансийским географическим терминам: «Лопынг – небольшая речка, вытекающая из озера... Примеры: Тосам лопынг – мелководный лопынг, Яныг лопынг – большой лопынг» [*Розен*, 1970. – С. 40]. Однако в обширных материалах по мансийской топонимике Северного Урала, собранных сотрудниками Североуральского отряда топонимической экспедиции Уральского университета, такие факты не отмечены. В них зафиксированы гидронимы «Яныг Лоп я» и «Лоп я», но семантика имени собственного «лоп» оставлена нераскрытой [*Матвеев*, 2011. – С. 24–28, 41, 88]. По мнению А. С. Кривошековой-Гантман, гидроним Лупья (Лопья) – мансийское название, где «луп» означает «валежник», а в полном переводе оно означает «река, текущая через валежник» [*Кривошекова-Гантман*, 1973. – С. 26]. В мансийской топонимии действительно встречаются близкие по звучанию и значению гидронимы, но в их основе лежит не «лоп (луп)», а «лопси» – «лесной завал на реке» и «лопсинг» – прилагательное к «лопси» [*Матвеев*, 1997. – С. 66].

Появление современной формы «Ломбовож» произошло под влиянием русского языка, для которого исходный обско-угорский вариант оказался трудным в произношении. В результате произошло озвончение глухой взрывной согласной «п» и перемещение этого звука после «м» – «Ломбо» вместо «Лопм». Аналогичное изменение претерпело и название речки: Лопынг-я, или Лопынг-сойм на современных картах обозначена как р. Лобын.

Вероятно, по этой же причине в русской летописной традиции закрепились и форма «Ляпин», зафиксированная в Разрядной книге 7109 года (1501 г.) при описании похода 1499–1500 гг. в Югру и Пельнь отряда под руководством воевод С. Ф. Курбского, П. Ф. Ушатого и В. И. Гаврилова: «От камня шли неделю до первого городка Ляпина» [цит. по: *Миллер*, 1998. – С. 50], а также в Вычегодско-Вымской летописи (далее – ВВЛ), где Ляпиной названа река Сыгва: «Князи Петр до Семен шедшу Щелью да Ляпины на Югру да на Куду...» [*Вычегодско-Вымская...*, 1989. – С. 28]. Из этих сообщений очевидно, что, во-первых, в конце XV века русские среди югорских городков выделяли как первый по значению «город Ляпин», а во-вторых – Ляпиной (по городку) они начали именовать Сыгву задолго до того, как это отметил Миллер.

Происхождение русских названий городка (Ляпин) и речки (Ляпина) не имеет однозначного толкования. Бытующее до сих пор объяснение, связывающее эти топонимы с именем новгородского воеводы XIV века Степана Ляпы, основано на случайном созвучии имен и, по справедливому заключению историка А. Т. Шашкова, «не выдерживает никакой критики» [*Шашков*, 1995. – С. 79]. В то же время авторитетный специалист по обско-угорской топонимике А. К. Матвеев, будучи уверенным в приоритете мансийской формы гидронима – «лопынг», все же оставил надежду сторонникам «новгородской» версии: «Русские вполне могли превратить загадочное Лопынг в Ляпин, может быть не без влияния со стороны воеводы Степана Ляпы, который в 1364 г. "воеваша по Обе реке до моря"» [*Матвеев*, 1987. – С. 113].

«Новгородскую» версию предпочел Н. К. Фролов, категорично заявив о первичности русской формы «Ляпин»: «В XVII в. в "Книге Большому чертежу" река называлась Ляп. Восходит к названию русского острога, построенного около 1445 новгородскими дружинниками под предводительством Степана Ляпы (Ляпин острог). Мансийская огласовка гидронима Лопинг-сойм – адаптированное заимствование русской формы» [*Фролов*, 1994. – С. 122]. В этом заявлении ничто не соответствует действительности, его автор очень вольно трактовал источники и даже искажил их:

1. Гидроним «Ляп» не встречается ни в одном письменном источнике. В «Книге Большому чертежу» (далее – КБЧ) говорится лишь о югорском «городе Ляпине», стоявшем на Сосве (переписчик перепутал реку с Сыгвой). В ВВЛ эта река названа «Ляпиной».

2. Не ориентируясь в гидрографии бассейна Ляпина (Сыгвы), Н. К. Фролов ошибочно соотнес эту реку с ее мелким левым притоком – речкой Лопынг-сойм. Утверждение о происхождении этого мансийского гидронима в результате адаптации русской формы «Ляпин» не аргументировано.

3. Нет в летописях и сведений о строительстве «*Ляпина острога*» «около 1445 года» дружинниками Степана Ляпы. Поход под руководством воевод Ляпы и Абакумовича состоялся в 1364 году. Единственное упоминание о каком-то остроге содержится в описании похода 1446 года, когда часть отряда во главе с воеводой Василием Шенкурским поставила где-то в Югре острог как временное укрепление. Тогда же «*острог Васильев*» был «разорен» югорцами [Новгородская..., 1848. – С. 124].

Утверждение Н. К. Фролова поддержали тюменские историки Н. С. Половинкин и О. П. Еланцева в статьях «Энциклопедии Ямало-Ненецкого автономного округа» о новгородских походах в Нижнее Приобье: «На р. Сосьва войско разделилось – отряд Ляпы, давшего название городку Ляпин, отправился вверх по р. Обь...» [Половинкин, 2004. – С. 67]; «Отряд последнего (С. Ляпы. – С. П.) ... заложил укрепленное зимовье, на месте которого позднее вырос первый русский острог на Севере – Ляпинский городок» [Еланцева, 2004. – С. 316]. Живучесть «новгородской» версии происхождения топонима «Ляпин» ничем иным, как некомпетентностью и неразборчивостью ее апологетов, объяснить нельзя.

Идею о появлении первых русских острогов в Югре в XV веке еще в 1857 г. высказал Н. А. Абрамов. Он утверждал, что в 1499–1500 гг. воеводы С. Курбский и П. Ушатый построили на местах остяцких и вогульских городков семь острогов, в числе которых назвал и Ляпинский [Абрамов, 1857. – С. 351–352]. Это утверждение голословно, т. к. не подкреплено никакими источниками. Перечисленные им «крепости» были возведены как пункты ясачных сборов и для «обережения» окрестных остяков от набегов самоедов по указу от 18 августа 1730 г. [Акишин, Вершинин, 2010. – С. 226]. Остатки сооружений русского Ляпинского острога, обнаруженные в 1884 г. К. Д. Носиловым, находились на правом берегу р. Сыгвы (Ляпина), напротив пос. Саранпауль [Носилов, 1998. – С. 231–235], расположенного в нескольких десятках километров выше по течению от села Ломбовож и, соответственно, вогульского Лопынг-уса.

Последние упоминания о «городе Ляпине» в письменных источниках относятся к XVI – первой трети XVII в.: австрийский посланник С. Герберштейн, побывавший в Московии в 1517 и 1526 гг., сообщил лишь о двух городках в Нижнем Приобье – некоей «Обской крепостце» и «крепости Лепин» на реке Сибут, впадающей в Сосьву [Записки о Московии..., 1866. – С. 124]; в жалованной грамоте царя Федора Иоанновича князю Лугую от 1586 г. «Ляпин городок» назван в числе «шти» его городков [Миллер, 1998. – С. 159–160]; в КБЧ, составленной в 1628 году с учетом сведений конца XVI в., Ляпин указан в числе 12 «городков» на реках Сысва (Сыгва) и Сосьва [Книга большому..., 1838. – С. 213].

Повышенное внимание в источниках именно к «первому городку Ляпину» свидетельствует о том, что это была «столица» княжества, в которое входили городки, расположенные на берегах Сыгвы-Ляпины и, возможно, Северной Сосьвы. Термин «княжество» применительно к военно-политическим объединениям остяков и вогулов «дорусского» периода появился в исторической литературе лишь в конце XIX века [Патканов, 2003а. – С. 36–46]. Ранее историки называли эти объединения термином «волости» (хотя это анахронизм: волости как единицы административного деления были введены в Сибири в XVII в. после упразднения прежних княжеств) или «землями», следуя традициям документов XIV–XVI вв. и летописей [Миллер, 1998; Северо-Западная..., 2006]. Правомерность именования этих объединений княжествами очевидна: в документах и летописях их правители назывались князьями. Из них же известны названия наиболее крупных княжеств – «Югра (Угра)», или «Югорская (Угорская) земля»; «Куда», или «Кодская земля»; «Пельнь»; «Обдор» (рис. 1).

Княжество, центром которого был «городок Ляпин», в исторической литературе принято называть Ляпинским [Бахрушин, 1935. – С. 67–68], хотя из письменных источников XIV–XVI вв. следует, что его территорию русские именовали «Югрой» или «Югорской землей». Об этом свидетельствует конкретное указание в КБЧ – «И те грады по Сысве (Сыгве) и по Сосве, Югра» [Книга Большому..., 1838. – С. 170]. Согласно летописным сведениям о походах русских отрядов в Нижнее Приобье в 1483 и 1499 гг. и тексту шерти (клятва, присяга на верность) о мире от 31 декабря 1484 г. «Югорская земля» соседствовала с «Кодской землей», или «Кудой», и «Обдорой». Эти же земли, наряду с Югорской,

фигурируют в титулатурах царей и великих князей московских Ивана III Васильевича и Федора Иоанновича [Миллер, 1998. – С. 56, 159–160]. Однако в некоторых летописных сообщениях князья кодские называются югорскими, а в той же КБЧ их владения именуются югорскими: «От устья (Оби) вверх Обдорские городы. А выше Обдорских городков Югорские. А выше Югорских городков Сибирь» [Книга Большому..., 1838. – С. 213].

По мнению А. Т. Шашкова, в письменных источниках кон. XV века название Ляпинского княжества упоминается и в усеченной форме «Лаб (Ляб)» [Шашков, 1995. – С. 79–81]. Это имя упоминается в Вологодско-Пермской летописи (далее – ВПЛ) и ВВЛ в связи с приездом в Москву в 1484 году посольства от кодских и югорских князей с просьбой освободить знатных родственников, полоненных годом ранее отрядом Ф. Курбского и С. Салтыка Травина: «...приходил к великому князю бити челом Вогулятин князь Пыткей с поминки с великими от князеи Кодских, от Лаба да от Чангила, и от всеи земли Кодские и Югорские...» [Вологодско-Пермская..., 1959. – С. 276]; «...пришедши к князю великому бити челом вогулятин князь Пыткей с поминки велики от князи кодских от Ляба да от Чангила...» [Вычегодско-Вымская..., 1989. – С. 27].

В этих сообщениях Лаб (Ляб) выступает в паре с Чангилом (Чангилем), но из контекстов неясно, что под этими словами подразумевается – имена князей или названия каких-то княжеств. Зато в тексте «остяцкой шерти», опубликованном С. В. Бахрушиным, «Ляб», по мнению А. Т. Шашкова, «...скорее напоминает название княжества, находящегося по соседству с Обдором – остяцким раннегосударственным образованием в устье Оби» [Шашков, 1995. – С. 79]: «А имате (мир. – С. П.) князи кодские и югорские за все свои люди, что под ними есть. А за Ляба миру не имали того ддя, что не под ними; а поедет Ляб Обдора воевати и кодичем весть держати обдорцам» [Цит. по: Бахрушин, 1935. – С. 86]. Оним «Чангил» А. Т. Шашков отождествил с названием остяцкого княжества, располагавшегося в низовьях Иртыша, а «Лаб», по его мнению, находился «по соседству с Обдором» [Шашков, 1995. – С. 79].

Отождествление Ляба с Ляпином ошибочно, т. к., во-первых, источники фактически одновременно фиксируют формы «Лаб (Ляб)» (1484 г.) и «Ляпин», «Ляпина» (1499 г.), явно различая их: в первом случае имеется в виду имя князя или название княжества, а во втором – городок и река. Следовательно, названия «Лаб (Ляб)» и «Ляпин», «Ляпина» самостоятельны и относятся к разным объектам. Во-вторых, из текста шерти следует, что княжество «Ляб» должно было находиться не «по соседству с Обдором», а южнее Кодского, т. к. только в этом случае кодичи могли предупредить северных соседей о приближении войска Лаба, которое продвигалось бы по Оби мимо кодских городков.

Северные границы Кодского княжества проходили, как отмечал С. В. Бахрушин, «в днище от Березова» [Бахрушин, 1935. – С. 41], т. е. южнее восточного края Ляпинского княжества, территория которого примыкала к Оби с запада (в конце XVI в. в состав Ляпинского княжества входил и городок Куноват, стоявший на правобережном притоке Оби – р. Куноват, ниже по течению Оби от кодских городков. Обдорское княжество располагалось севернее Куновата и, вероятно, небольшого Казымского княжества). Если бы войско Ляба спускалось по Сосьве, оно попадало бы на Малую Обь далеко за пределами Куды – в 100–150 км от северных кодских городков – Вежакора и Чемаша – и выходило бы на один из важных торговых центров Обдора – городок Войкар [Бахрушин, 1935. – С. 62; Книга Большому..., 1838. – С. 213].

С. В. Бахрушин считал Ляба «одним из кодских князей», которые исключили его из договора с обдорскими князьями, указав на независимость Ляба – «не под ними». Эта точка зрения базировалась на прочтении не вполне ясного фрагмента текста о визите с челобитием к князю великому «вогулятина князя Пыткея» из ВПЛ. От расстановки запятых в этом тексте зависело различное понимание его смысла. В академическом издании 1959 г. запятые расставлены несколько иначе, чем во фрагменте текста, опубликованном С. В. Бахрушиным в 1935 г.: в первом случае – «...приходил... князь Пыткей с поминки с великими от князеи Кодских, от Лаба да от Чангила, и от всеи земли Кодские и Югорские...» [Вологодско-Пермская..., 1959. – С. 276], а во втором – «...приходил... князь Пыткей с поминки великими от князей кодских от Лаба да от Чангила и от всеи...» [Бахрушин, 1935. – С. 87]. Обособленные запятыми Лаб и Чангил в академическом варианте позволяют воспринимать их отдельно от князей

и земель кодских и югорских, хотя остается неясным, что или кто имеется в виду – князя или княжества. В контексте варианта С. В. Бахрушина эти слова выступают как имена кодских князей, к тому же первый из них по недоразумению назван «Лабада».

Между тем достаточно убедительной представляется другая версия – о локализации Ляба на Нижнем Иртыше [Пархимович, 1999. – С. 298–299]. Именно там, рядом с княжеством Чангила, название которого А. Т. Шашков соотнес с топонимом Цингалы, находилось и **княжество Ляба (Ляб)**. Об этом свидетельствует наличие в иртышской топонимии ойконима Лебаут (в источниках XVIII – кон. XIX в. – Лебауцкие юрты).

По данным Г. Ф. Миллера, в 1840 г. остяки Лебауцких юрт, входивших в Назымскую волость, именовали это поселение Нум-пугл – «Верхняя деревня», а прежнее свое местожительство связывали с располагавшимся в шести верстах ниже юрт Кошелевым городищем – по-остяцки «Кошель-вош», или «Ватч-вош». Первое название городища они объясняли тем, что некогда там жил *«князец именем Кошель, которой владел ими в древние времена»*. Второе название означало «Узкий городок» [Миллер, 1998. – С. 123; *Северо-Западная...*, 2006. – С. 154–155]. В «Остяцком словаре» финского исследователя М. А. Кастрена, составленном во время его трехнедельного проживания в Цингалинских юртах в 1845 г., слово «ват» означает «узкий» [Кастрен, 1902. – С. 124; *Он же*, 1999. – С. 35]. С этим топонимом согласуется более раннее название Кошелева городища – «Лебаут», которое, после того как городок стал необитаем, остяки перенесли на новое место жительства. Об этом переносе говорит не только осознаваемая ими связь с прежним городком, но и этимология топонима «Лебаут»: второй компонент является широко распространенным в хантыйской топонимии географическим термином «аут» («ават, «авыт»), означающим «мыс», а первый – имя собственное этого городка на мысу: Леб. В словаре М. Кастрена приводится слово «леп» в значении «стрела с обоюдоострым наконечником» [Кастрен, 1902. – С. 104], что позволяет отнести топоним «Лебаут» к разряду метафорических, отражающих образное восприятие окружающего мира, когда топографические объекты именовались по их сходству с различными предметами: «Лепаут» означало «Мыс-стрела», что объясняется специфическим признаком мыса – его узостью («Ватч-вош»). В русском произношении произошло озвончение глухого звука «п», и топоним закрепился в форме «Лебаут».

Уподобление мыса стреле известно и в русской топонимии: в европейской части России «стрелками» называются мысы и длинные косы при слиянии двух рек, а в Сибири – отроги сопок и возвышенности среди болот [Мурзаев, 1984. – С. 526]. Подобный метафорический топоним зафиксировал Г. Ф. Миллер на правом берегу Оби, чуть выше устья Иртыша: «Остяки называют оной Янг-Ваш, то есть Клин-городок, по тому, что оной находится на высокой острой горе, которую по внешнему виду клину уподобляют» [Миллер, 1998. – С. 135].

В письменных источниках об иртышских остяцких княжествах говорится заметно меньше, чем об их северных соседях. В КБЧ, где достаточно подробно перечислены городки на Ляпине, Сосьве и Нижней Оби, не назван ни один из иртышских городков. Об этой территории сказано кратко: «А выше Югорских городков Сибирь» [Книга Большому..., 1838. – С. 213].

Очевидно, эти княжества русские именовали по названиям их «столиц» – резиденций князей. В названии княжеств географические термины «вош» и «ават (аут)» оказались излишними, поэтому в летописях они именовались «Ляб (Лаб)» и «Чангил». Эти названия русские источники могли переносить и на князей, как это произошло с назымским «князьком Лебоутом», упомянутым под 1598 г. в документе Сибирского Приказа [Бахрушин, 1935. – С. 72].

Образованные от топонимов княжеские имена в XV–XVI вв. были распространены как у русских (Шуйские, Вяземские и т. д.), так и у вогулов с остяками. Особенно наглядный пример образования таких антропонимов у обских угров зафиксировал С. К. Патканов. В записанной им у иртышских остяков «Былине про богатырей города Сонг-хуша» фигурирует князь-богатырь Сонг-хуш-хой, в имени которого «хой» – муж, а «Сонг-хуш» – усеченное название городка. Полная форма топонима – «Сонг-хуш ун авыт», где «ун авыт» – большое поселение, мыс, а «Сонг-хуш» – имя собственное городка. Во втором варианте топонима место «ун авыт» занимает географический термин «вош» – город [Патканов, 2003а. – С. 33, 34, 39, 318]. «Речное» происхождение имеет имя пелымского князя Асыки: «Ас-ики»

в переводе с остяцкого – Обский старик. В имени югорского князя Кутыгея (первая четверть XVI в.) [Обдорский край..., 2004. – С. 11], вероятно, присутствует название Кодского княжества, или Куды, в его остяцком звучании – «Кут»: Кутыгей – искаженное Кут-иги («Кодский старик»).

В конце XV в. «Сибирская земля» включала княжество Чангил (Чангила?), центром которого был былинный Тяпар-вош (Тяпарский городок), известный позднее как Цингальское городище, и его южного соседа – княжество Ляб (Ляба?) с центром в Лебауте (с XVII в. – «Кошелево городище»). На севере «Сибирская земля» соседствовала с усть-иртышским Белогорским княжеством, где в конце XVI в. правил князь Самар: в ВВЛ говорится, что от «Сибири» («Сибирской земли») воеводы великого князя в 1483 г. «...по Иртышу вниз идучи на Обь реку Великую землю Югорску воевати...» [Вычегодско-Вымская..., 1989. – С. 27].

Границы княжества Ляба можно определить по расположению населенных пунктов, входивших в XVIII–XIX вв. в состав Назымской и Верхне-Демьянской волостей. О том, что предки остяков этих волостей ранее входили в состав одного княжества, свидетельствует замечание Г. Ф. Миллера, особо подчеркнувшего, что назымские остяки с остяками Демьянской волости «за одних почитались» [Миллер, 1998. – С. 123, 124]. Населенные пункты этих волостей располагались по Иртышу на протяжении около 77 верст к югу от крайних северных Романовских юрт [Северо-Западная..., 2006. – С. 146, 147].

В XVII в. прежние княжества были преобразованы в волости: на месте княжества Самара в устье Иртыша находилась Белогорская волость; выше ее располагались Нарымская, в число населенных пунктов которой входили Цингалинские юрты; далее следовали Демьянская и Назымская волости. Данные о составе волостей, зафиксированные в середине XVIII в. В. Ф. Миллером и в конце XIX в. С. К. Паткановым, позволяют составить представление о размерах иртышских остяцких княжеств XV–XVI вв.

В начале XVII в., как сообщил С. В. Бахрушин со ссылкой на документы Сибирского Приказа, к Нарыму были приписаны 58 ясачных остяков, к Демьянскому городку – 37, а к Назыму – 60 [Бахрушин, 1935. – С. 71, 72]. В это же время в самом мощном из остяцких княжеств – Кодском – вместе с подчиненными им волостями (Ендырской, Ваховской, Васпуколской и Колпуколской) числились 322 мужчины, из которых в собственно кодских городках было 134 «служилых остяка», выполнявших воинскую повинность [Там же. – С. 7, 45]. Во «втором по своему значению после Коды» Обдорском княжестве тогда же насчитывалось 144 ясачных человека [Там же. – С. 62, 63]. Как видим, общей численностью ясачных плательщиков – 155 человек – нижеиртышские остяки уступали в это время только кодским и немного превосходили обдорских.

Эти данные позволяют предположить, что к 1484 г. нижеиртышские «сибирские» княжества представляли собой серьезную военную силу, поэтому обдорские князья и опасались набега со стороны Ляба. Вероятно, договариваясь с кодскими князьями об их содействии в предупреждении о появлении отряда Ляба, они имели в виду уже состоявшийся незадолго до этого поход (или походы) опасного соперника. Об одном из таких походов иртышского войска на Обдору повествует записанное С. К. Паткановым у цингалинских остяков «Сказание про двоих сыновей мужа Яветта-кетпе-хуи и Тяпарской женщины», в котором два князя из города Тяпар-вош (Цингальский городок) с войском в 300 воинов совершили далекий победоносный поход в княжество Кровавого богатыря Нанк-хуш-хоя, находившееся близ устья Оби. Этот поход состоялся задолго до присоединения Сибири к Русскому государству – в XIV–XV вв. (в былинах не упоминаются ни татары, ни русские) [Патканов, 2003а. – С. 28–30, 296–317].

Очевидно, что Ляб выступал лидером в союзе со своим соседом Чангилом: в ВВЛ и ВПЛ они упомянуты вместе, а в усть-вымской шерти назван только Ляб. В Архангелогородском летописце (далее – АЛ) его имя упоминается в искаженной форме – «Лятик» (от Ляб-ики, где «ики» – старик по хантыйски) [Устюжская летопись. Архангелогородский..., 1982. – С. 95]. То, что Ляб из ВПЛ, ВВЛ и записи шерти 1484 г. и Лятик из АЛ – одно и то же лицо, видно из перечня князей, прибывших с челобитьем к великому князю: во всех текстах фигурируют одни и те же имена, но в АЛ Ляба «заместил» Лятик. В Устюжской летописи по списку Мациевича (далее – УЛМ) имена князей вообще опущены:

«В лето 6002 ... пришли с челобитьем князи вогульские, и югорские, и **сибирские** (выделено мною. – С. П.). И князь велики за себя их привел, дань на них положил, и пожаловал их, отпустил восвояси» [Устюжская летопись. Список Мацевича..., 1982. – С. 49].

Несмотря на лаконичность сообщений АЛ и УЛМ, они ценны тем, что позволяют локализовать княжества Ляба (Лятика) и Чангила, т. к. в АЛ Ляб назван «**сибирским князем**», а под «**князьями сибирскими**» в УЛМ, вероятно, подразумеваются они оба. Такая формулировка позволяет прояснить неопределенность локализации этих княжеств в контекстах сообщений ВВЛ и ВПЛ, вынудившую историков то относить Ляба (а с ним, очевидно, и Чангила) к кодским князьям, то считать, что это название княжества на Сыгве (Ляпине).

Случайная (результат невнимательности переписчика?) «маскировка» имени «Ляб» в форме «Лятик» ввела в заблуждение историков, принявших Лятика за еще одного остяцкого князя, участвовавшего в переговорах с великим князем. Так, С. В. Бахрушин включил его в число остяцких делегатов вместе с Лябом [Бахрушин, 1935. – С. 37], а С. К. Патканов, тоже считавший Лятика остяцким князем, поместил его резиденцию в «крепость Сибирь» (Искер) [Патканов, 2003а. – С. 29].

Княжество Чангила охватывало территорию по Иртышу протяженностью около 130 верст и включало до 15 населенных пунктов Нарымской волости – от Реполовских юрт на севере до Субботинских на юге. Важно отметить, что остяки Нарымской волости именовали себя Шибр-ях, а свою волость Тапармир [Северо-Западная..., 2006. – С. 141; Патканов, 2003а. – С. 241]. Эти названия стоят в одном ряду с другими формами древнего угорского этнонима – «сибыр», «шабер», «сяпыр», «тяпыр», «савыр», сохранившимися в преданиях иртышских, кондинских и тавдинских остяков и вогулов, иртышских и тобольских татар и оставившими след в местной топонимии – названиях городищ и населенных пунктов («сывыр-кала» – «городки савыров» у татар, одно из названий столицы Сибирского ханства – Сибир, городки Тяпар-вош, Шопер-вош, Супринские юрты, Таборы). По мнению С. К. Патканова, «...не городок Сибирь (Кучумово городище. – С. П.) дал название сначала владению царя Кучума, а потом и всей Северной Азии, а, напротив, он сам получил свое прозвище от обитавшего в нем народа [Патканов, 2002. – С. 82].

С этим этнонимом связано и происхождение макротопонима «Сибирь» («Сибирская земля»). По мнению С. К. Патканова, «прежняя Сибирская область» охватывала бассейны Туры, Тавды, нижнее течение Тобола и среднее течение Иртыша и, возможно, доходила до низовьев Иртыша [Патканов, 1999. – С. 9–12].

По данным из путевых записей Г. Ф. Миллера, городок Чангил (Цингал) находился в 178 верстах ниже по Иртышу от городка Ляба – Кошелева городища [Северо-Западная ..., 2006. – С. 144–155]. Академик указал, что «...не в дальнем разстоянии выше Остяцких Цингальских юрт на западном берегу реки Иртыша большая высокая гора находится. Остяки мне поведали, что сия гора в древние времена им от неприятельских нападений служила убежищем, и что на верху оной видны следы прежнего старого укрепления... на Руском языке называется оное место Цингальское старое городище» [Миллер, 1998. – С. 128].

Семантика и этимология топонима «Цингалы» до сих пор не получили однозначного толкования. Из трех версий его происхождения, рассмотренных недавно М. Ю. Исламовой [Исламова, 2013. – С. 19–21], внимания заслуживает лишь одна, согласно которой поселение было названо по имени хантыйского князя Цингаля (Чангила). Однако думается, что связь была обратной: имя князя произошло от топонима. Две другие версии (от названия болезни цинга и от фамилии неких «чалдонов» Цыгановых (Цингаловых), якобы переселившихся на Иртыш задолго до похода Ермака [Малолетко, 2012. – С. 98–105]) неприемлемы ввиду их наивности (в первом случае) и псевдонаучности (во втором).

Достаточно аргументированной представляется версия, предложенная И. В. Беличем, который связал происхождение этого названия с общетюркским термином «чинг», означающим «высокий крутой обрыв», что соответствует топографической характеристике Цингалинского городища [Белич, 2006. – С. 143–144]. В киргизской топонимии к этому значению добавляется еще и «неприступная гора», «неприступное место» [Мурзаев, 1984. – С. 616]. Однако топоформант «чинг (чанг, ченг)» широко распространен и в таджикской топонимии со значением «холм», «гора», «мыс», «вершина», а также с тем же значением в марийской [Там же. – С. 607, 617]. И наконец, близкий по звучанию хантыйский

топоформант «сангхым», означавший «обрыв», «гору», «яр», заметил в названии села Сангымгорт на р. Куноват в Нижнем Приобье А. К. Матвеев, оставивший, кстати, без объяснения семантику топонима «Цингалы» [Матвеев, 1997. – С. 111, 150].

Столь широкая этногеография данного топоформанта может объясняться его заимствованием из тюркских или иранских языков, но нельзя исключать, что перед нами т. н. «интерлексема» – слово, представленное в нескольких неродственных языках, источник происхождения которого неясен. Чередование звуков «т», «ч», «ц», «с», а также «и», «а», «е» в этих формантах вполне естественно при переходе из одного языка или диалекта в другой [Востриков, 1990. – С. 91–94].

При всей убедительности и привлекательности этой версии, она не объясняет присутствие в форманте финального звука «л». В связи с этим интерес представляет хантыйское название Иртыша, о котором Г. Ф. Миллер писал: «Они говорят Sangal», или Langal, или L'sangal с таким шипящим произношением, что первые буквы L и S едва можно различить и на слух воображается то одна, то другая» [Северо-Западная..., 2006. – С. 135]. При передаче столь неоднозначного звука в русском языке он мог восприниматься и как «ц», и как «ч», что и зафиксировано в летописях (Чангил) и картографии (Цингалы). О возможности переноса названия реки на название городка и княжества свидетельствует отмеченное Г. Ф. Миллером остяцкое название Ушаевых юрт в устье Иртыша – Sangaltang-pugl, где Sangal означает «Иртыш» [Северо-Западная..., 2006. – С. 139]. Такой принцип номинации поселений широко распространен как в обско-угорской (р. Лопынг, Лопынг-сойм → городок Лопынг-уш), так и в русской топонимии (р. Тобол → г. Тобольск; Обь → Обский городок). В соответствии с этой версией название Цингалинского городка восходит к утраченной форме «Сангал-вош» – «Иртышский городок». Летописное «Чангил» могло означать как название княжества – «Иртышское», так и имя его правителя – «Иртышский» (еще один «речной» антропоним). Возможно, подлинное имя князя было иным, но его вторым, «титულным» именем вполне могло стать восходящее к гидрониму имя собственное городка – княжеской резиденции или княжества.

За рамками рассмотренных версий остается название Цингинских юрт, находившихся в Верхне-Демьянской волости в XVII–XVIII вв. В «Чертежной книге Сибири» зафиксированы юрты Цингины на небольшой речке Цинга в правобережье правого притока Иртыша – р. Демьянка [Чертежная..., 1701. – Лист 20]. Очевидно, в этой топонимической паре первично название реки, т. к. аналогичные и близкие по звучанию гидронимы известны на обширной территории Западной Сибири – от Среднего Приобья (р. Синг-ягун, р. Синк-ях, протока Сингапайская) до Нижнего Притоболья (р. Ценга – приток Тавды, р. Цинга – приток Пышмы). Семантика этих гидронимов неясна. Не исключено, что они восходят к разным языкам: А. М. Малолетко приводит тюркское значение термина «чинг» – влажный [Малолетко, 1992. – С. 228]; близкий по звучанию формант «тенге (тенг, танг)», одно из значений которого – «горная речка» распространен в иранских языках, из которых он попал в тюркскую топонимию [Мурзаев, 1984. – С. 543, 549]; в хантыйском языке «синк» – «белая утка», а «сунг» – «угол, конец» [Кастрен, 1902. – С. 116].

Археологические обследования остатков прежних княжеских резиденций Ляпинского княжества и обоих «сибирских» – Ляба и Чангила – имеют свою историю.

Место расположения **Ляпинского городка** (Ломбовож) впервые обследовал В. Н. Чернецов. В 1935 г. он посетил «поселок Лопм-ус», у окраины которого обнаружил два городища, одно из них назвал Рајрен-отер-ус – «городище Богатыря Пайпын», а второе – Тан-варуп-эква (персонаж мансийского предания, якобы обитавший на городище). Городище Тан-варуп-эква оказалось распаханным. В. Н. Чернецов отметил, что оно было сильно разрушено, поэтому стратиграфию памятника установить не удалось. Из разрушенного культурного слоя он собрал несколько фрагментов керамической посуды, кольчужные кольца и железный топор, «хорошо датирующий памятник XI–XII вв.». Исследователь связал найденные на городище остатки кольчуги и топор с походами в Югру новгородских отрядов в XI–XII вв. [Чернецов, 1937. – С. 254; 1957. – С. 213, 214. Табл. XXXIV].

В 1953 г. И. А. Талицкая переименовала городище Тан-варуп-эква в Ломбовожское, а соседнее городище Пайпын-отер-ус ошибочно назвала Саранпаульским I, располагавшимся «в поселке Лопм-ус»

[Талицкая, 1953. – С. 265]. Лишь в 2003 году в ходе обследования этих памятников разведочной группой Угорского научного центра Уральского госуниверситета под руководством Е. А. Жирных впервые были сняты их глазомерные планы (рис. 2). При этом вместо прежних названий им были присвоены современные – *Ломбовожское 1* (бывшее Тан-варуп-эква) и *Ломбовожское 2* (бывшее Пайпын-отерус). Под восточным краем площадки городища Ломбовожское 1, в осыпи берега р. Лобын, на разрушенном культурном слое были собраны 44 кости млекопитающих (северного оленя, лося, медведя, свиньи и птицы), обломок железного ножа и венчик горшка зеленогорского типа (VI – нач. VII в.). Ориентируясь на данные письменных источников, автор исследования связал это городище с летописным Ляпинским городком и датировал его поздним средневековьем [Жирных, 2004. – С. 21–23. Рис. 28а, 31].

Позднее культурно-хронологическая характеристика гор. Ломбовожское 1 была уточнена А. П. Зыковым и С. Ф. Кокшаровым: по аналогиям топору, найденному В. Н. Чернецовым, оно было датировано XIII–XVI вв. [Березово..., 2008. – С. 48]. В другой публикации, посвященной Ломбовожу, верхний предел бытования таких топоров (и памятника?) был смещен до XIV в. включительно [Кокшаров, 2009. – С. 71, 72]. Там же городище было отнесено «...к числу объектов, связанных с историей “остяко-вогульских княжеств”, выполнявших “...функции военно-политических центров, где проживала местная знать”». Присутствие в фаунистическом материале, собранном под городищем, кости свиньи, по мнению С. Ф. Кокшарова, «...может рассматриваться как свидетельство пребывания здесь приуральского населения, бравшего в далекую сибирскую экспедицию провиант в виде окорока» (по определению П. А. Косинцева, кость оказалась обломком зуба [Визгалов и др., 2013. – С. 323. Табл. 57], что свидетельствует о разведении свиней в Ломбовоже. Дата этого факта остается открытой, т. к. зуб найден на современной поверхности). Далее он отметил, что «пребывание на территории княжеской резиденции древнего коми и русского населения» объясняется покровительством со стороны местного правителя, заинтересованного в успешной транзитной торговле с западными соседями. В то же время С. Ф. Кокшаров подчеркнул, что «...до проведения археологических раскопок на Ломбовожском I городище было бы преждевременно формулировать какие-то окончательные выводы относительно возможного пребывания здесь восточноевропейского населения» [Кокшаров, 2009. – С. 73, 74].

В ходе нового обследования городища Ломбовожское 1, проведенного разведочной группой НПО «Северная археология-1» в 2017 г. под руководством автора, был снят инструментальный план (рис. 3), дополненный ортофотопланом, которые существенно скорректировали данные глазомерной съемки Е. А. Жирных: размеры площадки оказались значительно больше указанных им – не 38 × 28 м, а 66,5 × 15–43,5 м; форма площадки в плане – не подтреугольная, а грушевидная; отмеченный им вал и две впадины на площадке не зафиксированы.

Осмотр обнажений культурного слоя в обрыве берега на восточном краю площадки городища выявил верхнюю часть культурных напластований толщиной более 0,8 м: верхний слой, толщиной 0,4–0,46 м, насыщенный древесной трухой, углисто-сажистыми и зольными включениями, перекрывал плотную золистую прослойку пожарища толщиной до 3 см, под которым залегал второй слой толщиной не менее 0,2–0,4 м. Полную стратиграфическую колонку памятника выяснить не удалось ввиду резко отрицательной позиции местных жителей-манси: городище считается священным местом, где обитает дух-покровитель, которого могут потревожить и разгневать любые земляные работы. Согласно данным этнографов и фольклористов, предания и поверья ляпинских манси связывают основание городища Ломбовожское 1 с именем обожествленного предка-богатыря Хонт-Торума (духа войны, сына верховного божества обских угров – Нуми-Торума), а соседнего городища Ломбовожское 2 – с его помощником Пайпын-ойкой [Федорова, 2003. – С. 221]. В последние годы в логу под городищем раз в несколько лет проводятся обрядовые церемонии с жертвоприношениями лошадей, в которых участвуют манси с Ляпина и Северной Сосьвы, что свидетельствует о высоком сакральном статусе городища и его особом месте в историческом самосознании манси.

Собранные на участках разрушенного культурного слоя находки представляют собой два разновременных комплекса, один из которых (черная стеклянная бусина, железный наконечник стрелы – черешковый с асимметрично-ромбическим пером, подвеска из астрагала бобра, обломки толстых обожженных глиняных стенок плавильных горнов и мелкие обломки керамической посуды) по аналогиям

из позднесредневековых памятников Приуралья и Западной Сибири датируются в пределах X–XIV вв. Датировка этого слоя может быть расширена и до конца XVI в., т. к. о существовании городка Ляпин в конце XVI в. сообщают грамота 1586 г. и КБЧ. С нижележащим слоем связаны собранные в осыпи под городищем 11 фрагментов керамических сосудов с орнаментами, характерными для зеленогорского этапа нижнеобской культуры VI – нач. XII в. [Зыков, 2012. – С. 66–68. Рис. 25–28], куски железных криц и медных шлаков.

Обстоятельства и время гибели городка остаются неясными: краткие и не вполне ясные летописные сведения о походе 1499 г., по мнению Г. Ф. Миллера, указывают на мирный характер встречи русского отряда и югорских князей у городка Ляпин – «чаятельно... почтены они (князья. – С. П.) за друзей и подданных, понеже не упомянуто, чтоб с ними было какое сражение» [Миллер, 1998. – С. 51]. Иначе интерпретировал эти записи А. Т. Шашков, утверждавший, что Ляпин «был взят и разграблен» [Шашков, 2000. – С. 86]. В любом случае этот городок после похода 1499 г. продолжал функционировать, о чем свидетельствует упоминание о «крепости Ляпин» в «Записках о Московии» австрийского посла С. Герберштейна, лично общавшегося с одним из руководителей русской рати в 1499 г. – С. Ф. Курбским [Записки о Московии..., 1866. – С. 124].

Совокупность данных письменных, этнографических и археологических источников позволяет уверенно идентифицировать верхний слой городища Ломбовожское 1 со средневековой «столицей» Ляпинского княжества – «городком Ляпин». Более подробные характеристики этого городка можно получить только при условии проведения масштабных археологических раскопок на городище.

Цингалинское городище неоднократно обследовалось археологами и путешественниками – в 1876 г. И. С. Поляковым, в 1888 г. С. К. Паткановым, в 1978 г. М. Ф. Косаревым и в 1993 г. В. А. Захом.

Городище расположено на узком мысовидном выступе останца высокой коренной террасы Иртыша, у южной окраины д. Цингалы (рис. 4). Оно относится к т. н. мысовому типу городищ, которые с трех сторон имели крутые склоны, а с четвертой были защищены оборонительными сооружениями. Остатки оборонительной системы представлены двумя линиями из валов и рвов с напольной стороны, расположенными в 10 м друг от друга. В 1992 г. охранные раскопки «на подошве северного склона останца» провел В. А. Зах. В раскопе площадью 600 кв. м, где чередовались слои темно-коричневого и серого суглинка и углистые прослойки, залегавшие до глубины от 0,5 до 1,5 м от поверхности, было собрано около 300 артефактов и «большое количество костей домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, лошадь), включая целые черепа собак». В числе находок – 16 железных ножей, 8 железных и 111 костяных наконечников стрел, точильные бруски, грузила от сетей, 6 стеклянных бусин, серебряное (?) украшение и 19 фрагментов керамики. Крайне невыразительной посуде, орнаментированной пояском ямок под венчиком и, в одном случае, ногтевыми вдавлениями, были найдены аналоги в материалах приуральской сылвенской культуры, датирующейся XIII–XV вв. Автор раскопок отметил, что «этническая принадлежность сылвенского населения проблематична»: одни исследователи «считают его угорским, другие – угорским, но подвергшиеся тюркизации», а поздние материалы связывают с сибирскими татарами [Зах, 2001. – С. 140, 141. Рис. 1 – 5].

К сожалению, исследователь не воспользовался возможностью получить более точные даты: имеющиеся в его распоряжении стеклянные бусы и «серебряное (?) украшение» – более надежный материал для датировки комплекса находок, т. к. хронологические рамки бытования таких украшений в средневековых культурах европейской и азиатской частей России давно установлены. Так, одна из бусин [Зах, 2001. – Рис. 5 – 20] по форме аналогична бронзовым «флаконовидным» бусинам, или бусинам-«флакончикам», широко распространенным в X–XI вв. у восточных берегов Приладожья и на Белом озере [Голубева, 1987. – С. 58. Табл. XVII – 28]. В небольших количествах такие бусины встречены в Северном Приуралье на ранних (X–XI вв.) памятниках вымской культуры и в таежной зоне Западной Сибири – в вожпайских погребениях кинтусовского этапа нижнеобской культуры и памятниках усть-ишимской культуры [Голубева, 1973. – С. 39. Рис. 4 – 19; Зыков, 2012. – С. 286–304. Рис. 2 – IVБ27а, IVБ31а, IVБ1а; IVБ3а; 4 – IVБ22а; IVБ3а, IVБ4а, VД2а; 5 – IB2а, IVБ18а; 7 – IVБ6а, IVБ22а; 9 – ПА1; Савельева, 1987. – С. 150–151. Рис. 34 – 34].

Из публикации непонятно, что из себя представляет «серебряное (?) украшение» – бляшку или накладку? Судя по рисунку [Зах, 2001. – С. 140. Рис. 5 – 21], это изделие напоминает некоторые разновидности

ности «наременных блях» или «поясных накладок» сердцевидной формы, широко распространенных в IX–X вв. в степной и лесостепной зонах Евразии и получивших популярность в Северном Приуралье и Западной Сибири в X–XI вв. [Зыков, 2012. – С. 93; Кызласов, 1981. – С. 50. Рис. 28 – 66; Мажитов, 1981. – С. 80–83. Рис. 55 – 8; Могильников, 1987. – С. 211. Табл. ХСІ – 37; Савельева, 1987. – С. 136, 152. Рис. 36 – 5, 6, 16].

Наличие в комплексе находок этих изделий позволяет утверждать, что он начал формироваться в X–XI вв. Дата, предложенная В. А. Захом, – XIII–XV вв. – определена им по «сылвенскому» облику фрагментов керамической посуды. В. А. Могильников, а вслед за ним Т. М. Потемкина и Н. П. Матвеева, относят западносибирские памятники с подобной керамикой к бакальской культуре, датируя ее IX–XIV–XV вв. и связывая ее население с одной из южных групп остяков, подвергшейся «начальным процессам тюркизации» [Могильников, 1987. – С. 179–183; Потемкина, Матвеева, 1997. – С. 47–50].

Как видим, материал из раскопа В. А. Заха не дает оснований для однозначной интерпретации участка «на подошве северного склона» мыса как «Цингалинского святилища, оставленного, скорее всего, сибирскими татарами» [Зах, 2001. – С. 141]. Идентификация этого участка со святилищем базируется не на анализе археологического контекста, а на предании о том, что на Цингальской горе, «которая имеет на себе следы татарского городка... и служит... для оставшихся около Тобольска представителей татарского племени... священным местом для поклонения» [Поляков, 2002. – С. 21, 22]. Побывавший в Цингалинских юртах в 1887–1888 гг. С. К. Патканов отметил, во-первых, что «...холм называется Вожинг-унт (в переводе с хантыйского – «Городской холм». – С. П.) и имеет в глазах **остяков и татар** священное значение» [Патканов, 2003б. – С. 19], а во-вторых, что «**около** (выделено мною. – С. П.) этого городка... видна небольшая ямка, почитаемая татарами за святиню. Они полагают, что здесь покоится прах святой девицы Хатица-биби, дочери ахуна Аллогула, пришедшего сюда вместе с другими святыми людьми из Бухары для распространения веры Пророка. Место это называется у татар... именем «астана» [Патканов, 2003а. – С. 28–29].

По мнению И. В. Белича, возникновение у сибирских татар культа мусульманских святых и почитание ими мест захоронений – «астана» – относится ко «второй половине XVI и XVII–XVIII вв. [Белич, 1997. – С. 93]. Материалы этого времени в коллекции из раскопок 1993 г. отсутствуют, поэтому идентификация исследованного участка с «астаной» безосновательна, равно как и утверждение о том, что это было «место отправления доисламского культа природы» татарами – нет в коллекции характерной для татарских городищ юга Западной Сибири керамической посуды с накольчатым орнаментом [Голдина, 1969. – С. 156–157. Табл. 76 – 6, 8, 11; Молодин, 1979. – С. 83 – 1, 4; Соболев, 1978. – С. 183. Рис. 2].

Отрицать вероятность существования на месте раскопа святилища было бы преждевременно ввиду отсутствия в публикации информации о контексте залегания находок. Тем не менее отмеченная автором раскопок слоистость напластований, зафиксированная в профилях разрезов [Зах, 2001. – С. 139. Рис. 2], с учетом расположения участка на подошве останца с городищем, может свидетельствовать и об отложении слоев в течение длительного времени в результате оползания разрушенного культурного слоя с краев площадки городища и замывания его при ежегодных весенних разливах Иртыша или в ходе функционирования городка. В этих случаях комплекс находок из раскопа следует связывать со временем существования городка, которое, исходя из приведенных выше датировок артефактов, охватывает период с IX–X по XIV–XV вв., что согласуется с предположением С. К. Патканова о сложении богатырского эпоса иртышских остяков в период между XIII–XIV и XVI столетиями [Патканов, 2003а. – С. 29].

Судя по летописным упоминаниям о Чангиле, городок Тяпар-вош процветал и в XV в. Утверждение И. С. Полякова о «следах татарского городка» на Цингальской горе и С. К. Патканова о том, что «городок был потом занят татарами» [Поляков, 2002. – С. 21; Патканов, 2003а. – С. 28] имеют легендарное происхождение и нуждаются в археологической аргументации, т. к., по данным Г. Ф. Миллера, в первой половине XVIII в. в Цингалинских юртах проживали остяки, а Нарымская волость, к которой они относились, в конце XIX в. числилась как остяцкая [Северо-Западная..., 2006. – С. 144; Патканов, 2003а. – С. 241]. Прояснить культурную принадлежность и хронологию Тяпар-воша можно только при условии проведения масштабных раскопок на площадке Цингалинского городища.

В Лебауцких юртах, близ которых находится **Кошелево городище** (прежний *городок Лебаут*, столица княжества Ляба), согласно путевым записям **Г. Ф. Миллера** в 1740 г. проживали «частично остяки, частично татары», а татарские волости начинались в 19 верстах выше по Иртышу [Миллер, 2006. – С. 155]. Первое сообщение о городище оставил в дорожных записях русский посол Н. Спафарий по пути в Китай в 1675 г.: «Да на той (правой. – С. П.) стороне Иртыша Кошелево городище, а Кошелево городище высокое место: горы высокие и красиво место. А на горах растет всякой лес, а под ним озеро» [Спафарий..., 1882. – С. 34]. В следующем столетии эту информацию подтвердил Г. Ф. Миллер, дополнив ее комментариями остяков Цингалинских юрт: «...сказывают они, о князе именем Кошель, который владел ими в древния времена, и жил на том месте, где обретается небольшой городок на горе называемой Кошельваш а по-русски Кошелево городище» [Миллер, 1998. – С. 123].

В 1888 г. городище обследовал С. К. Патканов, о чем он сообщил в предварительном отчете о раскопках в Тобольском округе в Императорскую археологическую комиссию. Описание и план Кошелевского городища в отчете отсутствуют, но вслед за сообщением о его посещении Патканов кратко охарактеризовал результаты своих обследований городищ и их состояние: «большая часть городищ носила следы раскопок... Обширных шурфов нет и самые глубокие не превышают 1,5 арш. Вред от них, причиненный городкам, незначителен... Я несколько раскапывал эти шурфы и повсюду находил в огромном изобилии узорчатые черепки, кости животных... кузнечную окалину. Бронзовых и железных вещей не находил...» [Патканов, 2002. – С. 74–75]. Неизвестно, сделал ли он полный отчет по результатам этой экспедиции, где собирался дать «наружное описание... городков... Абрисы типичных городков... Рисунки коллекции черепков глиняной посуды, собранной на разных городках» [Там же. – С. 84].

При следующем обследовании городища, состоявшемся через 90 лет после изысканий С. К. Патканова, М. Ф. Косарев собрал небольшую коллекцию керамической посуды, датировав ее второй половиной I тыс. н. э. и отметив «богатство и насыщенность культурного слоя» [Косарев, Куйбышев, 1979. – С. 234].

Сведения о «богатом» информационном ресурсе культурного слоя Кошелева городища подтвердили раскопки, осуществленные в 1982 г. А. В. Растороповым. Городище расположено на вытянутом овальном останце коренной террасы правого берега Иртыша шириной до 90 м и длиной 280 м (рис. 5). Высота останца – 10–20 м: в его центральной части имеется всхолмление размерами около 40 × 80 м, возвышающееся над остальной поверхностью на 5–10 м. Остатки оборонительных сооружений не зафиксированы; эту функцию выполняли естественные крутые склоны останца [Расторопов, 2014. – С. 269. Рис. 3]. Раскопки носили аварийно-спасательный характер – раскоп площадью 216 кв. м был заложен на северной оконечности останца, частично разрушенной карьером по добыче песка. Толщина культурных напластований в раскопе достигала 2,6 м. К сожалению, в публикации нет ни плана сооружений, ни стратиграфических разрезов. Не указано и общее число находок, которое, судя по описанию коллекции, превышало 1000 единиц. Большую часть коллекции составляла керамическая посуда – 894 фрагмента. Ее характеристике посвящена основная часть статьи: в иллюстрациях представлены 37 предметов, в числе которых – 26 фрагментов керамики, 2 изделия из кости, 3 бронзовых украшения и 4 железных изделия. В то же время в тексте упоминаются более двух десятков железных изделий, более 30 костяных, железный шлак и крицы и другие артефакты, а также «скопление костей животных».

По аналогиям в средневековых материалах с памятников Северо-Западной Сибири городище было датировано концом IX – началом XIII в., после чего на нем «какое-то время», «не позднее, чем с золотоордынской эпохи», функционировало святилище, о чем свидетельствуют скопления костей животных у подножия склона и скелет лошади под дерном [Там же. – С. 270–273. Рис. 2, 3].

Время существования княжества Ляба – XV в. – в предложенные А. В. Растороповым хронологические рамки городища не укладывается, однако следует отметить, что в публикации сведения о верхнем культурном слое практически отсутствуют, а несколько предметов, упомянутых в ней, можно датировать именно этим временем. Так, например, лапчатые подвески, аналогичные найденному на городище экземпляру [Там же, 2014. – С. 270. Рис. 2 – 2], бытовали в Северо-Западной Сибири в XIV–XV вв.

[Зыков и др., 1994. – С. 142]. К этому же времени могут относиться и бронебойные наконечники стрел, залегавшие в «верхнем горизонте» (количество не указано, изображения не приводятся), «сосуды особого типа – ...украшенные только пояском ямок или "жемчужин"» [Рассторопов, 2014. – С. 271], соответствующие характеристикам одной из разновидностей керамической посуды с памятников конца XIV – XV вв. сайгатинского этапа нижнеобской культуры, или сайгатинской культуры обь-иртышской культурно-исторической общности [Зыков, 2012. – С. 99, 103, 110. Рис. 72 – 3; Зыков, Кокшаров, 2001 – С. 62. Рис. 31 – 5, 8, 11, 12; 32 – 3], а также перстень с изображением грифона (изображение в публикации отсутствует).

Вполне вероятно, что сооружения XV в. располагались в центральной и южной частях площадки городища, возвышающихся над поверхностью северной оконечности останца, где проводились раскопки, на 5–10 м.

В целом анализ и сопоставление фольклорных, топонимических и археологических данных о городищах Ломбовожское 1, Кошелевское и Цингалинское с летописными сведениями об остяцких княжествах XV–XVI вв. позволяют отождествить их с городками Ляпин (Лопынг-ус), Ляб (Лебаут) и Чангил (Цингал, Тяпар-вош) одноименных княжеств (рис. 1). Археологические обследования этих городищ показали их хорошую сохранность и наличие мощных культурных слоев, что характеризует их как ценные источники для исторических реконструкций облика крепостей, образа жизни их обитателей и материальной и духовной культуры остяков «югорского» Ляпинского княжества и «сибирских» княжеств Ляба и Чангила. Информационный потенциал культурных слоев этих городищ выявлен лишь частично. О перспективности целенаправленных археологических исследований подобных центров средневековых территориально-политических объединений обских утров наглядно свидетельствуют результаты раскопок Надымского и Полуйского городков в низовьях Оби и Ендырского 1 городища в бассейне р. Ендырь, в левобережье Оби, ниже устья Иртыша [Зыков, Кокшаров, 2001; Кардаш, 2009; 2013].

Список источников и литературы

Источники

Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. – Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. – С. 9–318.

Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Родники Пармы. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989. – С. 23–37.

Жирных Е. А. Археологическая разведка в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа-Югры Тюменской области в 2003 году: отчет о НИР. – Екатеринбург, 2004. – Архив Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Угорский научно-исследовательский центр. Д 85, инв. № 4712. – 63 с.

Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. – СПб., 1848. – Т. 4: Четвертая Новгородская и Псковская летописи. – С. 1–165.

Устюжская летопись. Архангелогородский летописец // Полное Собрание Русских Летописей. Том тридцать седьмой. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. – Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1982. – С. 56–103.

Устюжская летопись. Список Мациевича // Полное собрание русских летописей. – Л. Наука, 1982. – Т. 37: Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. – С. 17–55.

Литература

Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Записки Императорского русского географического общества. Кн. XII. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1857. – С. 327–448.

Акишин М. О., Вершинин Е. В. Сопrotивление народов Северо-Западной Сибири русской администрации // История Ямала: в 2 т. – Екатеринбург: Баско, 2010. – Т. I. Ямал традиционный. – Кн. 2. Русская колонизация. – С. 209–227.

Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. – Л.: Изд-во института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1935. – 90 с.

Белич И. В. Мавзолеи мусульманских святых в районе Искера // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1997. – Вып. 1. – С. 92–98.

- Белич И. В.* К этимологии, семантике и истории средневекового имени г. Тюмени // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. – № 7. – С. 143–157.
- Березово. Очерки истории с древности до наших дней. – Екатеринбург: Изд-во Сократ, 2008. – 471 с.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В.* Историческая экология населения севера Западной Сибири. – Нефтеюганск; Екатеринбург: АМБ, 2013. – 374 с.
- Востриков О. В.* Финно-угорский субстрат в русском языке: учебное пособие по спецкурсу. – Свердловск: УрГУ, 1990. – 100 с.
- Голдина Р. Д.* Городище Кучум-Гора // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1969. – Вып. 8. Археологические памятники ишимской лесостепи. – С. 138–158.
- Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. – М.: Наука, 1973. – 212 с.
- Дмитриев-Садовников Г.* Экскурсия по р. Сосьве и др. в 1919 году. Дневник экспедиции // Лукич. – Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2000. – № 4 (14). – С. 6–60.
- Еланцева О. П.* Походы новгородских воевод // Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: в 3 т. – Салехард; Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2004. – Т. 2. – С. 316.
- Записки о Московии (*Regum moscoviticarum commentarii*) барона Герберштейна. – С.-Петербург, 1866. – 229 с.
- Зах В. А.* Цингалинское святилище // Материалы по археологии Обь-Иртышья: сб. науч. тр. – Сургут: РИО СурГПИ, 2001. – С. 139–146.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В.* Угорское наследие. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 157 с.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф.* Древний Эмдер. – Екатеринбург: Изд-во НПМП «Волот», 2001. – 320 с.
- Зыков А. П.* Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. – 232 с.
- Исламова М. Ю.* К вопросу об этимологии топонимов Самарово, Цингалы // Вестник Югорского госуниверситета. – Ханты-Мансийск: ЮГУ, 2013. – Вып. 1 (28). – С. 19–21.
- Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского университета, 1987. – 284 с.
- Кардаш О. В.* Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. – 360 с.
- Кардаш О. В.* Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 380 с.
- Карьялайнен К. Ф.* Религия югорских народов. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1995. – Т. 2. – 284 с.
- Кастрен М. А.* Остяцкий словарь // Кастрен М. А. Опыт перевода остяцкой грамматики с кратким словарем. – Тобольск, 1902. – С. 92–125.
- Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства. – С.-Петербург, 1838. – 286 с.
- Кокшаров С. Ф.* Из ранней истории Ломбовожа // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2009. – Вып. № 2 (23). – С. 67–74.
- Косарев М. Ф., Куйбышев А. В.* Разведка в таежном Прииртышье // Археологические открытия 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 234.
- Кызласов Л. Р.* Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 46–52.
- Мажитов Н. А.* Южный Урал в IX – начале X в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 80–83.
- Малолетко А. М.* Палеотопонимика. – Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 1992. – 264 с.
- Малолетко А. М.* Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимии. – Томск: Изд-во Томского госуниверситета, 2012. – 281 с.
- Матвеев А. К.* Географические названия Урала: краткий топонимический словарь. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1987. – 208 с.
- Матвеев А. К.* Географические названия Тюменского Севера: краткий топонимический словарь. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997. – 192 с.
- Матвеев А. К.* Материалы по мансийской топонимии горной части Северного Урала. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. – 260 с.
- Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. – М.: Либерия, 1998. – 416 с.
- Могильников В. А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163–235.

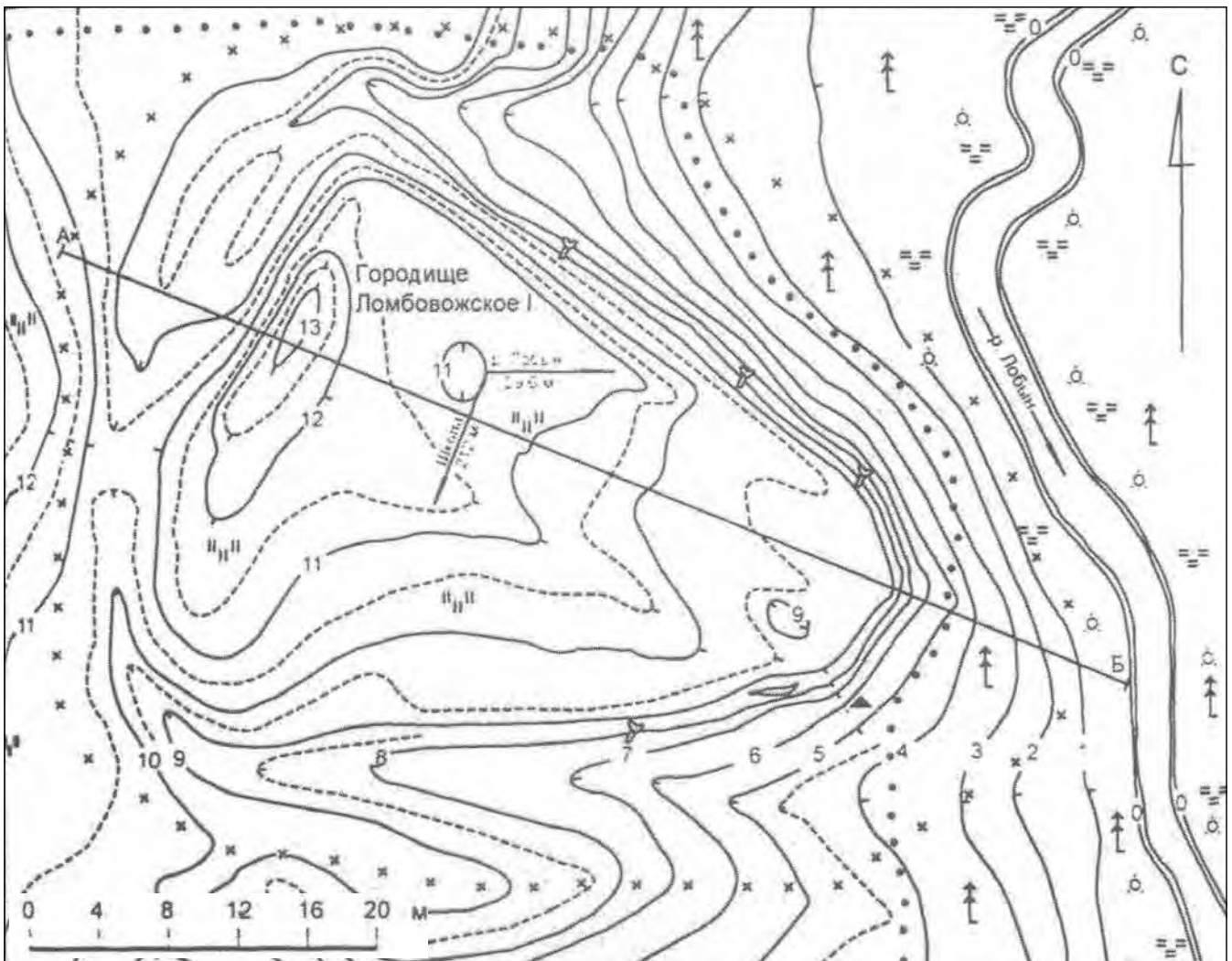
- Молодин В. И.* Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 181 с.
- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
- Носилов К. Д.* По следам князя Курбского // У вогулов: очерки и наброски. – Тюмень: Софт-Дизайн, 1997. – С. 230–277.
- Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 200 с.
- Пархимович С. Г.* Комментарии // С. К. Патканов. Сочинения: в 2 т. – Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 1999. – Т. 2. Очерк колонизации Сибири. – С. 291–311.
- Патканов С. К.* О происхождении слова «Сибирь» // Сочинения: в 2 т. – Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 1999. – Т. 2. Очерк колонизации Сибири. – С. 7–19.
- Патканов С. К.* Предварительный отчет в Императорскую археологическую комиссию // Лукич. – Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. – № 2. – С. 67–84.
- Патканов С. К.* Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям // Сочинения: в 5 т. – Тюмень: Мандр и К, 2003б. – Т. 5. – С. 23–98.
- Патканов С. К.* Иртышские остяки и их народная поэзия // Сочинения: в 5 т. – Тюмень: Мандр и К, 2003б. – Т. 5. – С. 99–377.
- Патканов С. К.* Сочинения: в 5 т. – Тюмень: Мандр и К, 2003б. – Т. 2: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского уезда Тобольской губернии. – 320 с.
- Половинкин Н. С.* Абакумович // Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: в 3 т. – Салехард; Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2004. – Т. 1. – С. 67.
- Поляков И. С.* Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук. – Тюмень: Изд-во Юрия Мандрики, 2002. – 200 с.
- Потемкина Т. М., Матвеева Н. П.* Большое Бакальское городище // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1997. – Вып. 1. – С. 39–50.
- Расторопов А. В.* Охранные исследования Кошелевского городища в Нижнем Прииртышье // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований: материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург: Магеллан, 2014. – С. 269–277.
- Розен М. Ф.* Словарь географических терминов Западной Сибири. – Л., 1970. – 102 с.
- Савельева Э. А.* Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1987. – 200 с.
- Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. – Екатеринбург: Изд-во НППМ «Волот», 2006. – 416 с.
- Соболев В. И.* Вознесенское городище – памятник середины II тыс. н. э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С. 179–190.
- Спафарий Н. Г.* Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. – СПб., 1882. – 214 с.
- Талицкая И. А.* Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – № 35. – С. 242–348.
- Федорова Е. Г.* Ломбовож: к возможному прошлому // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 216–226.
- Фролов Н. К.* Ляпин // Русская ономастика и ономастика России. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 288 с.
- Чернецов В. Н.* Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.) // Советская археология. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. – Вып. III. – С. 254–256.
- Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – № 58. – С. 136–245.
- Шашков А. Т.* Встречь солнцу // Очерки истории Коды. – Екатеринбург: Изд-во НППМ «Волот», 1995. – С. 72–94.
- Шашков А. Т.* К богатствам «стран полунощных» // Очерки истории Югры. – Екатеринбург: Изд-во НППМ «Волот», 2000. – С. 75–101.

Рис. 1. Карта-схема «Остяцкие и вогульские княжества XV в.»

Рис. 2. Городище Ломбовожское I. Топографический план. Глазомерная съемка Е. А. Жирных, 2003 г.

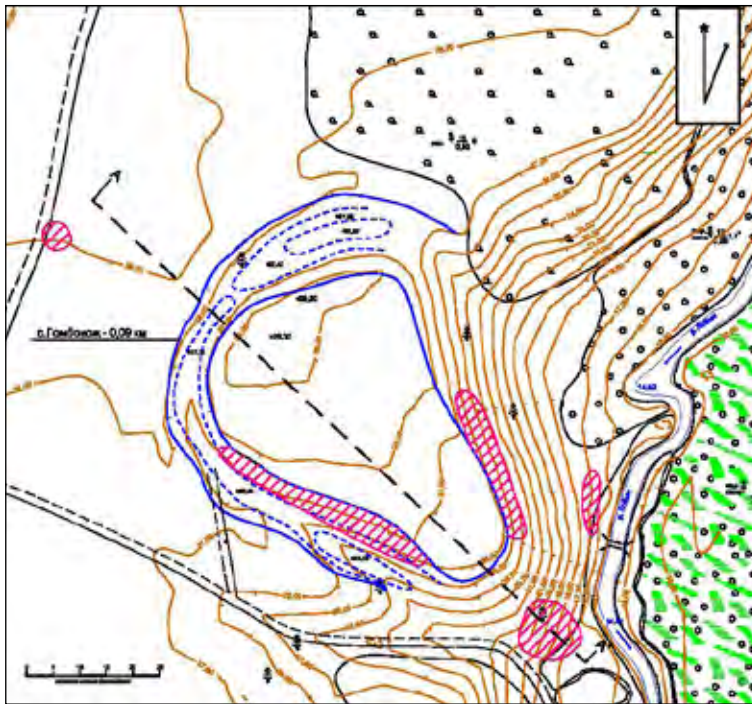
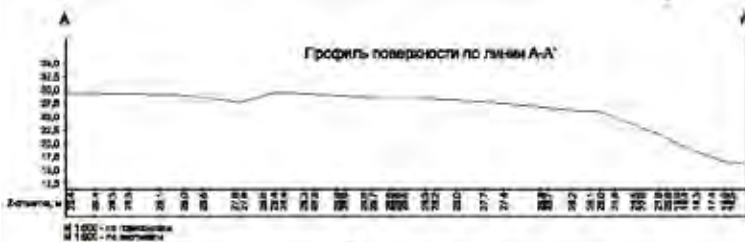

Рис. 2. Городище Ломбовожское 1.
Топографический план. Инструментальная съемка
А. А. Лукиных, 2017 г.

Условные обозначения:	
	археологические раскопки (м.д.р.)
	земельный объект выделенной территории
	разрез по линии А-А'
	ручей

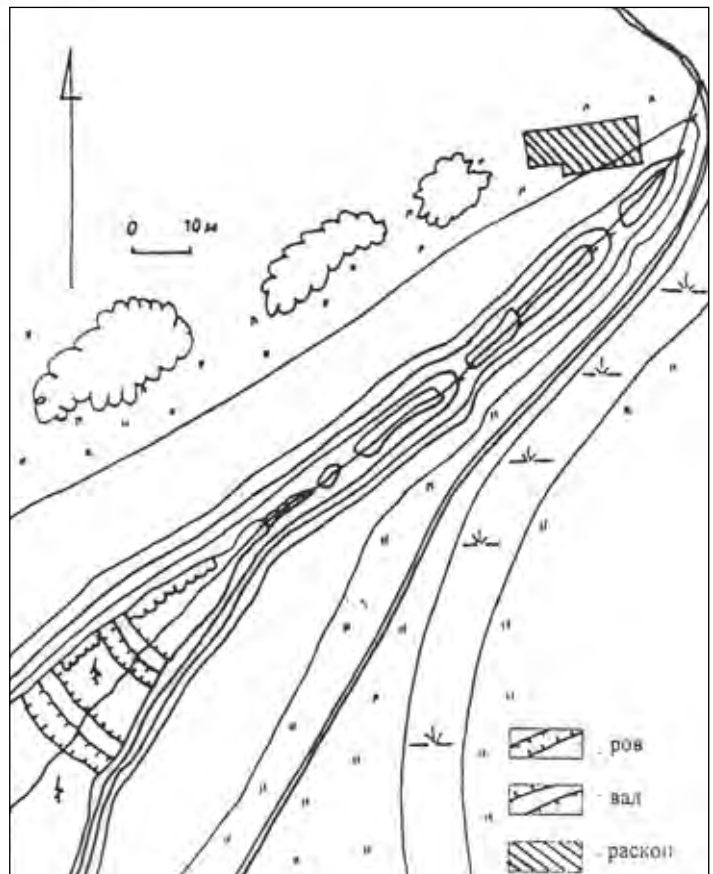

Рис. 4. Городище Цингалинское 1.
Топографический план. Глазомерная съемка
В. А. Заха, 1992 г.

Е. А. Курлаев

*Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ул. Софьи Ковалевской, д. 16, г. Екатеринбург, 620990, Россия
E-mail: kurlaev@e1.ru*

Летописная «югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ?

Аннотация.

Ключевые слова:

Участие в столь значимой конференции, посвященной Югре, вызвало желание расширить первоначальный текст доклада. Еще в студенческие годы я принимал участие в раскопках городищ Шеркалы I (1978, 1979, 1983 гг.) и Перегребное I, проводил археологические разведки в окрестностях населенных пунктов Шеркалы, Перегребное, Чемаша, Саранпауль (1979–1981 гг.). В то время у меня начал формироваться самостоятельный взгляд на материалы из раскопок городищ. Поэтому и после окончания университета в рамках других экспедиций в 1983 и 1987 гг. я искал следы аналогичных памятников в окрестностях поселков Полновата, Ванзетура, Тугиян, Паштор, Большого и Малого Атлыма, Больших Леушей, Карымкар и Нарыкар. В 1991 г. продолжил поиски местонахождения русской крепости в окрестностях Саранпауля. Поиск аргументов для подтверждения связи материалов раскопок с летописной югрой стал мотивом возвращения в археологию. Промышленное освоение Урала и промышленная археология, изучение обстоятельств расстрела и сокрытия останков царской семьи, другие значимые темы отодвинули, но не подавили желание реализовать авторский взгляд на происхождение югры. Основные аргументы моей концепции о летописной югре были изложены при первой возможности опубликоваться [Курлаев, 1997. – С. 102–117]. В 2018 г. возобновилось исследование городища Шеркалы I, и я, как участник предшествующих работ на памятнике, считаю необходимым высказать свои наблюдения о раскопках тех лет.

С момента начала раскопок в Шеркалах в 1978 г. прошло «всего» 40 лет. Основной автор раскопок В. М. Морозов умер (1.06.1947–6.06.2008). Мною использованы копии отчетов ученого, хранящиеся в фонде рукописей Угорского научно-исследовательского центра УрФУ (ФР УНИЦ УрФУ).

Городище Шеркалы I находится на правом берегу р. Шеркалки у ее устья вблизи одноименного поселка. На его месте видны три холма, разделенные рвами. Первый от устья реки холм – самый большой, с размером верхней площадки 52 × 40 м. Второй холм, подчетырехугольный в плане, имеет размеры верхней площадки 30 × 35 м. Первоначально на его площадке были отмечены остатки трех древних

сооружений в виде приподнятых площадок овальной и округлой форм размером $3 \times 4 - 6 \times 7$ м. Третий (малый) холм имеет округлую форму с диаметром верхней площадки около 25 м.

В 1978 и 1979 гг. раскопки проводились на основании открытого листа № 443. Раскоп площадью 70 кв. м был заложен в северной части первого холма вдоль линии склона и ориентирован по оси городища. С северо-запада – на юго-восток участки обозначены арабскими цифрами. С юго-запада на северо-восток – буквами русского алфавита. На всей площади раскопа зафиксированы остатки деревянных конструкций. Выделены строительные горизонты. В результате раскопок были вскрыты остатки четырех сооружений, из них три были бревенчатыми. Одновременно с раскопками проведен сбор с поверхности (точнее, были зачистки обнажений) в пяти пунктах по всем холмам. Между первым холмом и небольшим останцом в сторону устья реки была заложена траншея длиной 10 м. Вещевой материал представлен 20 железными ножами, наконечниками стрел, украшениями (стеклянные бусины, подвеска, бляшки, кольцо, перстень), разнообразными изделиями из кости, камня, глины и бересты. Русская гончарная керамика представлена 22 фрагментами, средневековая – 106. Обнаружены ключи «новгородского типа». По мнению автора, находки указывают, что все три холма являются единым памятником [Морозов, 1998. Д. 2].

В 1979 г. с северо-востока к раскопу I прирезан раскоп 2 (он же раскоп 1–2) площадью 40 кв. м. Из особых находок этого года отметим развал печи, состоящий из камней со следами огня, и деревянную дверь, сделанную из трех досок с пазами для защелки и запора [Морозов, 1998. Д. 3].

Одновременно на втором холме на месте возвышения был заложен раскоп площадью 36 кв. м., получивший наименование Раскоп 2 площадки 2. Авторами отчета являются В. М. Морозов и Л. М. Терехова [Морозов, Терехова, 1979].

В 1983 г. раскопки на первом холме были продолжены. От раскопов 1–2 вниз по склону была заложена траншея (раскоп 3) длиной 19 и шириной 3 м. В данном отчете не указаны сведения об открытом листе. Судя по записям в полевом дневнике В. М. Морозова, работы здесь продолжались и в 1984 г. Коллекция находок представлена предметами из железа и бронзы, глины и камня, кости, дерева и бересты, стекла. За пределами трех холмов на кромке леса исследовалась 4-я площадка городища. Здесь на поверхности грунта просматривались контуры подчетыреугольной впадины. Для ее исследования проложили траншею шириной 1,5 м и длиной 36 м. По траншее заложили два раскопа площадью в 36 и 30 кв. м. Эта конструкция из траншеи и раскопов получила нумерацию – раскоп 4. [Морозов, 1998. Д. 4].

Одновременно проводилось исследование и второго холма городища. Раскоп площадью около 150 кв. м. был разбит по центру площадки рядом с раскопом 1979 г., но ориентирован почему-то, в отличие от предшествующих, по сторонам света. Это различие зафиксировано при инструментальной съемке плана городища в 1997 г. Талинской археологической экспедицией [Зыков, Кокшаров, 1998. – С. 153, 158]. Руководил раскопом С. Г. Пархимович. Отчет по этим работам в фондохранилище АКА УрГУ не обнаружен. В настоящий момент коллекция единого памятника разделена. Материалы раскопок опубликованы в незначительном количестве. Надеюсь, начав масштабные работы на Шеркалах, новые исследователи проведут качественные раскопки объекта, выявят и используют ранее накопленный и неопубликованный материал, доведут изучение памятника до конца. А далее – о том, к чему привели меня размышления над материалами раскопок.

В большинстве русских летописей на протяжении всего периода летописания встречаются неоднократные упоминания народа «югра». Это племя было известно в качестве одного из отдаленных северо-восточных соседей российских земель, данников, но одновременно и упорных противников новгородских и московских князей. К моменту массового освоения Урала русскими и появления достоверных записей о крае путешественников и ученых этноним «югра» исчезает из документов. Что же исчезло на самом деле – название племени или сам народ? Насколько обоснованы утверждения о генетической связи югры с обскими и западными уграми? Споры и предположения по различным аспектам истории этого народа возникли еще в XVIII в. и были сосредоточены вокруг нескольких ключевых проблем:

– района местообитания в различные исторические периоды;

- преемственности и связи с современными угорскими народами (ханты, манси, венгры);
- объяснения происхождения названия «югра».

Пути решения этих и других вопросов в дореволюционной историографии были достаточно полно представлены в работах А. А. Дмитриева [Дмитриев, 1894. – С. 1–41] и М. П. Алексеева [Алексеев, 1941. – С. 70–71].

Относительно местонахождения древней югры мнения ученых разделились следующим образом. Одни из них (Татищев, Болтин, Рычков, Миллер, Фишер, Шлецер) считали, что этот народ находился к западу от Уральских гор; другие – прямо противоположно: к востоку от Урала (Лерберг, Карамзин, Абрамов, Клапрот, Кастрен, Беляев, Соловьев); по убеждению третьих, югра жила на обоих склонах Урала, перемещалась и занимала сначала западный, а затем восточный склон гор (Георги, Регули, Европеус, Гофман, Замысловский, Оксенов, Смирнов).

Касаясь вопросов этнической принадлежности югричей, можно отметить, что все ученые единодушно связывали этот народ с обскими уграми. Но часть историков считала югру предшественницей вогулов и остяков одновременно (Лерберг, Кастрен, Европеус, Теплоухов), другие придерживались мнения, что она была предком только вогулов (Миллер, Фишер, Регули, Гофман, Чупин, Барсов), третьи же – что только остяков (Карамзин, Беляев, Бушен). На протяжении почти двух столетий в основе аргументации историков лежали главным образом скудные летописные сведения, и это было почвой не столько для научно обоснованных выводов, сколько для разнообразных догадок и предположений.

Трудность вопроса заключалась в согласовании ряда свидетельств, противоречащих друг другу. Пример тому – полемика о районе обитания югры, где, с одной стороны, летописи, предания и данные топонимики указывают на присутствие этого народа в Приуралье и даже значительно западнее, в бассейне рек Сухоны и Юга. С другой стороны – есть прямые сведения летописных источников, указывающие на обитание югры в Зауралье по крайней мере с XIV в. Не менее сложным оказалось определение причин исчезновения народа и этноса так называемых «остяков ляпинского наречия», упоминавшихся в более поздних документах по рекам Сосьве и Сыгве (Ляпину), в тех местах, где по «Книге Большому чертежу», несомненно, находилась югра. Решение этих вопросов дало бы возможность одной из групп исследователей обосновать связь между югрой и вогулами или югрой и остяками.

Высоко оценивая обстоятельный анализ трудов предшественников, проведенный А. А. Дмитриевым, мы хотели бы подчеркнуть несколько важных, по нашему мнению, моментов в этом исследовании. Это подмеченное несоответствие занимаемой остяками территории и границ древней Югорской земли. Любопытны данные о доисторической родине югры, существовавшей будто бы недалеко от места слияния рек Юга и Сухоны и предания о переселении древнего народа за Урал из этих районов, а также высказанное автором предположение о югре как особом народе, некогда составлявшем главное ядро угорского племени, но постепенно слившимся с вогулами и лишь отчасти с остяками. В итоге же исследователь попытался помирить крайние точки зрения и выдвинул компромиссное решение: «Слово Югра в древности употреблялось в двояком смысле – общем, собирательном и частном» [Дмитриев, 1894. – С. 40–41].

Исследования XX в. отличаются использованием более широкого круга источников. Помимо летописей, заметок путешественников, древних карт, документов, деловой переписки, легенд и преданий все активнее привлекаются этнографические, лингвистические, топонимические данные, а также материалы археологических раскопок.

Но насколько живо и разнообразно обсуждалась югорская проблематика до выхода труда А. А. Дмитриева, настолько же ослаб интерес к ней в последующее время. Начиная с работы С. В. Бахрушина, доминирует точка зрения, согласно которой древняя югра и остяки – единый народ, имевший разные названия в различные исторические периоды. На протяжении столетий он перемещался с западных склонов Урала на восточные [Бахрушин, 1935. – С. 3–5]. В дальнейшем этноним «остяки» был вытеснен другим названием этого народа – «ханты».

Длительное время история районов Нижнего Приобья основывалась на письменных источниках. Попытка обобщения археологических данных этого региона Западной Сибири и сопоставление их с этнографическим материалом была осуществлена В. Н. Чернецовым. Ему удалось создать достаточно

устойчивую классификацию археологического материала, показывающую преобладание и необыкновенную устойчивость форм материальной культуры на данной территории на протяжении столетий. Для самого позднего этапа этой классификации – кинтусовского, хронологически наиболее близкого к известным этнографическим материалам и определенного исследователем X–XIII вв. – характерно постепенное исчезновение из быта керамики, вытесненной, очевидно, привозными медными котлами. Кроме того, в украшениях этого времени почти исчезают литые из бронзы изображения птиц и животных, которые сменяются лапчатыми и шумящими подвесками, в значительной степени привозимыми с Камы и Вычегды [Чернецов, 1957. – С. 138].

Периодизация и хронология археологических памятников Нижнего и Среднего Приобья I – середины II тыс. н. э. предложенная В. Н. Чернецовым, была дополнена и уточнена коллективом екатеринбургских ученых на основе исследования археологических памятников в районе Сургутского Приобья. Для нашей же темы особый интерес представляют археологические материалы XI–XVI вв., которые по схеме авторов включены в кинтусовский (конец XI – начало XIII в.) и сайгатинский (XIII–XVI вв.) этапы. Кратко отметим наиболее характерные для этих периодов черты. Сходный для всех этапов тип фортификации включает систему рвов и валов. Сходный тип жилища в виде слабоуглубленных подпрямоугольных построек с наземными очагами или чувалами. Грунтовые погребения покойников, лежащих в колодах на спине. Круглодонные сосуды, орнаментированные оттисками гребенчатых и фигурных штампов с ямочно-жемчужинной зоной на шейке. Причем на сайгатинском этапе керамика огрубляется и ее количество сокращается. В художественном бронзовом литье на смену полым зооморфным навершиям и подвескам приходит все большее количество лапчатых, крестовидных и других подвесок, а с течением времени возрастает количество изделий вымской и родановской культур. Эта схема, по мнению авторов, отражает хронологические ступени развития одной культурной общности с присущей ей преобладанием, прослеживающейся от рубежа эр до XIV в., и отражает развитие средневековой материальной культуры всей лесной части Западной Сибири [Федорова, Зыков, Морозов, Терехова, 1991. – С. 126–145].

С учетом археологических данных в научной литературе окончательно сформировалась картина становления этноса обских угров. Югра и остяки являются в ней лишь историческими названиями народа ханты и выполняют в исследованиях роль связующего звена между материалами археологических раскопок и этнографическими сведениями об этом народе XVIII–XX вв. Версия об «угорских корнях» югры и ее генетической связи с ханты стала безальтернативной в монографических изданиях и научно-популярных трудах [Соколова, 1976. – С. 15–16.; *История Урала*, 1989. – С. 137; *Оборин*, 1990. – С. 56].

В то же время подмечена и одна из серьезных проблем в изучении обско-угорских народов, которая заключается в том, что «археологические памятники этого населения (ханты. – Е. К.) изучены только до XIII в., а сведения о нем в русских письменных источниках появляются не ранее XVII в., что затрудняет изучение их истории в XIV–XVI вв.» [*История Урала*, 1989. – С. 137]. К этому следует добавить, что до 1980-х гг. в географически точно определяемом месте обитания югры – Нижнем Приобье – археологическими методами не было исследовано практически ни одного памятника XIII–XVI вв. Не было возможности опереться и на данные топонимических исследований этой местности, хотя имеется немало работ по топонимике Урала и, в частности, финно-угорской проблематике. Специальные экспедиции в этих районах либо не проводились, как, например, в области Полярного и Приполярного Урала [Матвеев, 1985. – С. 18], либо полевые материалы были опубликованы лишь частично [Дмитриева, 1995. – С. 62–64]. Не появилось пока трудов по истории Нижнего Приобья XVI–XVIII вв., основанных на архивных документах.

Серьезные коррективы в сложившиеся представления о развитии этнических процессов в лесной части Западной Сибири в эпоху средневековья внесли археологические исследования 1978–1983 гг. городищ Перегребное I и Шеркалы I в Нижнем Приобье (Морозов В. М., Пархимович С. Г.). Именно в этих районах, судя по имеющимся документам, в XIV–XVI вв. находилась югра.

Городище Перегребное I было обнаружено в пределах одноименного поселка на высоком правом берегу р. Оби, в том ее участке, где прекрасно просматривается раздвоение реки на Малую и Большую

Обь. Когда-то обитатели городка могли успешно контролировать все передвижения на этом стратегически важном участке реки. Другой памятник, Шеркалы I, находится в 30 км выше по реке. В свое время на этом месте находился средневековый городок Шеркар, который, по документам, назывался югорским [*Книга Большому чертежу, 1950.* – С. 50; *Миллер, 1937.* – С. 208, 331, 480].

По мнению авторов открытия раскопки слоев XII–XIII вв. дали материалы, характерные для вымской археологической культуры. К ним относятся срубные наземные жилища с дощатыми полами, ямы-погребца, укрепленные досками; печи-каменки, специфические вымские украшения, керамика, кости крупного и мелкого рогатого скота. Эти данные сопоставлялись с преданиями об уходе отдельных групп коми за Урал в связи с насильственной христианизацией в XIV в. Здесь отмечено множество топонимов коми происхождения, и в первую очередь – названия старых поселений, оканчивающиеся на «кар». Все это позволило выдвинуть концепцию о проникновении в Зауралье групп предков коми-зырян [*Морозов, Пархимович, 1985.* – С. 89–99].

Заимствование обскими уграми срубной техники не ранее рубежа II тыс. н. э. на основе анализа имеющихся этнографических и археологических данных отмечала в свое время и З. П. Соколова [*Соколова, 1957.* – С. 101, 105]. Появление новых домостроительных традиций в связи с приходом в Нижнее Приобье в XII–XIII вв. групп приуральского населения (коми-зырян) и их резкое отличие на фоне традиционных строительных приемов коренного населения отмечалось одним из авторов раскопок городищ Шеркалы I и Перегребное I в специальном труде, посвященном фортификации, поселениям и жилищам Зауралья и Западной Сибири, на основе анализа практически всех выявленных на этой территории средневековых памятников [*Морозов, 1994.* – С. 19]. К этому следует добавить, что на основе исследования К. Г. Карачаровым погребальных керамических комплексов средневековых могильников Сургутского Приобья отмечено резкое отличие керамики сайгатинского типа от керамики кинтусовского этапа. По нашему мнению, это является отражением каких-то событий, произошедших в период второй половины XII–XIII в. Автор исследования находит аналогии в гребенчатой орнаментации керамики сайгатинского типа и сосудов этого же времени из бассейнов рек Выми и Вычегды [*Карачаров, 1991.* – С. 208–209].

Подводя итог современному состоянию югорской проблематики, отметим следующее:

- к настоящему времени в научной литературе сформировалась устойчивая схема развития этноса обских угров, где югра является историческим названием народа ханты в определенный хронологический отрезок;

- отсутствие комплексных историко-археологических исследований создало разрыв в изучении истории обско-угорских народов в период XIII–XVI вв.;

- на территории Зауралья и Западной Сибири с XII–XIII вв. отмечается увеличение количества находок вещевого инвентаря, характерных для вымской и родановской археологических культур, отмечается существование в Нижнем Приобье топонимов, характерных для вымской и родановской археологических культур, а также существование в Нижнем Приобье топонимов, характерных для древнепермских народов, появление которых исследователи объясняют следствием торговых операций и деятельности проводников коми-зырян;

- наиболее объективными исследования поселений и могильников югры могут быть лишь на территории Нижнего Приобья, где по летописным данным определенно обитал этот народ, по крайней мере в XIV–XV вв.;

- в Нижнем Приобье обнаружены и исследованы два городища, Перегребное I и Шеркалы I, отнесенные авторами к кругу памятников вымской археологической культуры.

Мы не отрицаем вероятность перемещения части коми-зырян на Урал с р. Вымь в конце XIV в. в результате активной миссионерской деятельности Стефана Пермского. Предания о переселении своих предков из Перми во главе с сотником Памой сохранились какое-то время у остяков Большого Атлыма на Оби [*Теплоухов, 1893.* – С. 49]. В то же время мы обращаем внимание на следующие моменты. Группы приуральского населения, оставившие памятники типа Шеркалы I и Перегребное I, которые отличаются по многим признакам от одноименных памятников аборигенного населения, и известные по письменным источникам как югра практически одновременно (XII–XIII вв.), но значительно ранее

коми-зырян с р. Вымь переместились из Приуралья и заселили регион Нижнего Приобья и даже общее для них поселение – городок Шеркар. Совпадение по времени, территории и направлению миграционных процессов подтолкнули нас к мысли, что материалы XII–XIII вв. с городищ Шеркалы I и Перегребное I, более точно определяемые авторами как вымско-родановские, и принадлежат летописной югре. Такая постановка вопроса потребовала достаточной аргументации как «за», так и «против» выдвинутой гипотезы. В связи с этим возникла необходимость заново обратиться к уже известным летописным сведениям о югре и, возможно, нового их прочтения. Отмечу также, что авторы раскопок городищ Шеркалы и Перегребное В. М. Морозов и С. Г. Пархимович не разделяли мои взгляды и критиковали за попытку связать материалы раскопок из этих памятников с летописной югрой.

Первое сообщение о приуральском периоде жизни югры является для нашей точки зрения очень важным. Это краткий рассказ Гюряты Роговича Новгородца, датированный 1096 г.: «Яко послах отрок свой в Печеру люди иже дань дают Новгороду и оттуда идее в Югру. Югра же людье есть нем, и соседят с самоедью на полунощных странах. Югра же рекоша отроку моему: "дивно находим мы чудо, его же несмы слышали преж сих лет. Се же третье лето поча бытии: суть горы заидуше в Лукуморя, им же высота яко до небеса, и в горах тех клич велик и говор, и секут гору и хотящее высечися, и в горе той просечено оконце мало, и туда молвят, и есть не разумети языку их, но кажут на железо и помавают рукой, просящее железо; и ище кто даст им нож ли секиру, и они дают скорую противу. Есть же путь до тех гор не проходим пропастьми, снегом и лесом. Не доходим их всегда. Есть же и подале на полунощье"» [*ПСРЛ*, 1856. – С. 10].

Сторонники обско-угорского происхождения югры, толкуя рассказ Гюряты, всячески старались приблизить этот народ к горам. Лишь в этом случае югра могла являться частью обширной зауральской общности [*Дмитриев*, 1894. – С. 20–21]. Но это весьма вольная трактовка документа. Источник прямо указывает на то, что югричи жили в это время на значительном удалении к западу от гор. Нет даже каких-либо намеков на родственные связи с Зауральем. Скорее наоборот. Для них земли за горным хребтом так же неведомы, как и русским. В горах живет неизвестный народ, говорящий на непонятном для югры языке. Кто это – самоеды (ненцы)? Но их рассказчик уже поместил по соседству, севернее югры, «на полунощных странах». Может быть, неведомый народ и есть предки современных манси? Очевидно, в XI в. они находились на более низкой ступени развития, ощущали недостаток в железных изделиях и выменивали их у своих западных соседей.

Где же обитала югра в конце XI в.? Попытаемся определить это, используя лаконичные фразы рассказчика. Во-первых, на значительном удалении к западу от гор. Примерно на широте одного из проходов в горном хребте, скорее всего вблизи горы Тельпосиз. Этот волок выводил к р. Ляпин и использовался достаточно активно на протяжении длительного времени. Об этом проходе, известном из летописей как «щель» или «югорский», упоминал А. А. Дунин-Горкавич, подробно он был описан К. Д. Носиловым [*Носилов*, 1904. – С. 49]. Упоминаемый путь до гор «на полунощье» – это, возможно, начало пути волока в районе р. Собь. На севере югра соседствовала с самоедами (ненцами), кочующими вдоль побережья Ледовитого океана. В том случае если летописное племя «печора» находилось на р. Печора, ближе к ее низовьям, то, по нашему мнению, в момент, зафиксированный в сообщении, югра расселялась где-то в среднем течении р. Печоры и на ее притоках. Некоторым подтверждением этому может быть маршрут новгородских сборщиков дани, которые, следуя волоком через р. Цильму, собирали дань в «печоре», а потом следовали в «югру».

Последовательность сбора дани, возможно, отразилась и на порядке перечисления подчиненных областей в договорных грамотах Великого Новгорода: «А се княже волости новгородские: волок со всеми волостями Торжок... Заволочье, Тре, Перемь, Печера, Югра» [*ПСРЛ*, 1859. – С. 169]. Наиболее отдаленные, восточные, волости постоянно стоят в конце списка. Но есть и некоторое отличие: «...Тре, Перемь, Югра, Печера...» [*Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, 1949. – № 1].

Можно предположить, что такая перестановка не случайна, а отражает путь и последовательность посещения подданных волостей. В первом случае через волок и р. Цильму в низовья р. Печоры – в «печору», а затем в среднее течение этой же реки – в «югру». В другом случае порядок сбора дани иной: от «перми» на р. Вычегде через Ижемский волок по р. Ижме в среднее течение р. Печоры – в

«югру» и далее вниз по реке в «печоры», возвращаясь обратно по р. Цильме. Оба эти волока, Ижемский и Цилемский, и в дальнейшем являлись основными путями прохода на Печору и далее в Зауралье. Таким образом, на основе имеющихся данных из письменных источников мы предположительно считаем, что в XI в. югра находилась в среднем течении р. Печоры.

XII–XIV вв. отмечены в летописях достаточно частыми походами новгородцев в югру для усмирения и организации регулярного сбора дани. Все экспедиции совершались через «пермь» или «печору». Как повествуют источники, дань взымалась с большими потерями. Так, в 1187 г. были избиты данники печерские и югорские в Печоре [*ПСРЛ, 1841.* – С. 19]. Из-за избиения сборщиков дани в 1193 г. Новгород послал в югру целую рать во главе с воеводой Ядреем, которая потерпела сокрушительное поражение [*ПСРЛ, 1841.* – С. 21]. В 1323, 1329 гг. шедшие на югру новгородцы были разбиты устюжанами [*ПСРЛ, 1841.* – С. 73, 74]. Потерпели они поражение и в походах, датированных 1230 и 1357 гг. [*ПСРЛ, 1915.* – С. 262]. На протяжении нескольких столетий югра, как ни один народ в этом крае, не покорялась и оказывала упорное вооруженное сопротивление.

В летописях не встречаются данные, прямо указывающие на факт перемещения югры в Зауралье. Но, по всей видимости, это произошло между XII и серединой XIV в., когда югричи под давлением с запада русского населения и вследствие насильственной христианизации вынуждены были переместиться за Урал. Летописное племя обосновалось в Нижнем Приобье, где в 1364 г. их застают новгородские дружины: «Той зимы с югры новгородцы приехаша... воеваша на Оби реке до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша» [*ПСРЛ, 1848.* – С. 64–65]. Очевидно, что боевые действия здесь ведутся от устья р. Северной Сосьвы, ставшей наиболее удобным и кратчайшим путем для передвижения ушкуйников от отрогов Уральских гор до Оби.

С этого времени по письменным источникам югра достаточно четко локализуется вдоль русла Оби и ее притоков, примерно от места слияния с Иртышем и до устья.

В этих же местах находят югру русские и в 1483 г., когда великий князь Иван Васильевич послал рать на вогульского князя Асыку «да и в югру на Обь великую реку». После боя с вогуличами на устье Пельма рать двинулась дальше по Тавде, мимо Тюмени в Сибирскую землю, воюя по дороге: «А от Сибири шли по Иртышу реке вниз воюючи, а на Обь реку великую в Югорскую землю и князей югорских воевали и в полон вели» [*ПСРЛ, 1982.* – С. 95]. В данном случае следует обратить внимание на то, что русские ратники продвигались к югре с юга по Иртышу и его притокам, не встретили этот народ в местах традиционного проживания хантов – на Иртыше, а все там же, ниже его устья, в Нижнем Приобье. Югры на Иртыше нет.

Организованный в 1499 г. зимний поход четырехтысячной рати во главе с воеводами С. Курбским, П. Ушатым и В. Гавриловым (Бражником) окончательно довершил разгром югры. Кроме городка Ляпина были взяты еще 33 города, 1009 лучших людей и 50 князей. Помимо этого, Василий Бражник разорил 8 вогульских городков и пленил 8 князей. При этом, как сообщают источники, в результате разрушительного похода много югричей и вогуличей было убито. Вновь в летописном повествовании югра четко отделяется от вогуличей. Путь к ней идет через Ляпин (Ломбовож) к устью Северной Сосьвы в бассейн Нижней Оби. Упоминается и одно из племенных образований югры – Куда (Кода). Важно отметить и тот факт, что спускающуюся с гор рать «из Ляпина встретили с Одоро [Обдора] на оленях югорские князи» [*Миллер, 1937.* – С. 204].

Более подробно описывает зауральский район обитания древней югры «Книга Большому чертежу» – источник XVI в. Авторы этого документа уже неплохо владели географией края, и многие из указанных пунктов без труда можно обнаружить на современных картах. Из текста следует, что поселения югры находились на Оби и на ее притоках Сыгве (Ляпине) и Сосьве. Во введении об этом говорится так: «А от реки Таза и от реки Оби вверх по Оби, Обдорскую, Югорскую и Сибирскую земли...» (*Книга Большому чертежу, 1950.* – С. 50). Далее в тексте при описании Оби данные уточняются: «А по Оби реке и по рекам, которые в нее пали. От устья вверх Обдорские города. А выше Обдорских городов Югорские. А выше Югорских городов Сибирь». Перечисляются городки вверх по Оби. До устья Иртыша названы: Негеи, Носовой, Ирка, Сабдин, Сускар (Роговой), Войкар, Белой, Лосма, Мозым, Келчикар, Казым, Чемаш, Шеркар, Нелькгаркар, Курмыш-Юрган, Атлим, Карымкан, Эмдырь, Калым.

На Сосьве и Ляпине находились Юиль, Мункус, Ляпин, Искар, Тапсы, Нячин, Заглеи, Воронеи, Холикар, Эстын, Махтин, Березовой. «И те города по Сысве (Ляпину) и по Сосве, Югра» [*Книга Большому Чертежу*, 1950. – С. 168–170].

К ним стоит добавить еще и городки, которые располагались на этой территории, но не попали в «Книгу Большому чертежу» из-за того, что к моменту составления описания они были уже разрушены и брошены, или еще по каким иным причинам. Названия их сохранились в топонимах или наименованиях поселков, возникших поблизости. Это Черикор, Нарыкары, Вежакоры, Вонжакор, Низямский и Кодский городки, Малый Атлым [*Бахрушин*, 1937. – С. 7, 41], Шурышкар, Куноват.

Даже если не считать находившуюся близ устья Оби волость Обдор с городками Войкаром (Ночным), Уркаром (Белым) и Каменным [*Бахрушин*, 1937 – С. 7], а также Ендырскую волость, присоединенную к Коде в XVII в., то число покоренных в Югре городков (33) во время похода 1499 г. вполне совпадает с их реальным количеством в Нижнем Приобье в то время. В XVII в. эти селения хоть и назывались городками, но не были укреплены («городу и острогу нет, только одни юрты») и тянулись вдоль правого берега Оби, по его краю [*Бахрушин*, 1937. – С. 41]. Этим и были ограничены восточные границы югры, и, как повествуется в «Сказаниях о человецах неизвестных», далее к востоку «за югорскою землею над морем живет самоедь, зовомы молгонзея» [*Анучин*, 1890. – С. 235].

Вот эти данные, хотя и скудные, в совокупности оконтуривают югорскую общность районом Нижнего Приобья с притоками Оби – Сосьвой и Ляпиным, текущими с отрогов Уральских гор со стороны древней родины югричей. С. В. Бахрушин также обратил внимание на то, что «в понятие Югорской земли отнюдь не входила вся территория, населенная теми племенами, которых впоследствии русские называли остяками» [*Бахрушин*, 1937 – С. 4], но никак не прокомментировал это явление.

Ограничивая Нижним Приобьем район проживания югры, нельзя не обратить внимание на тот факт, что в этом регионе отмечено скопление коми-топонимов, многие из которых имеют раннее происхождение [*Овчинникова*, 1969. – С. 16–17]. В первую очередь это некоторые из вышеперечисленных пунктов и участков местности с названиями, оканчивающимися на «кар», что означает на языке древних пермян «укрепленный городок». Этот факт нельзя объяснить только тем, что русские путешественники, наносившие на карту названия гор, пользовались услугами коми-проводников и записывали чаще всего коми-названия. По мнению А. С. Кривошековой-Гантман, топонимы на «кар» являются «фактами языка переселенцев» и указывают на этническую принадлежность первых жителей поселения [*Кривошекова-Гантман*, 1976. – С. 12]. Распространение названий с окончаниями на «кар», с учетом составленной С. Г. Пархимовичем карты-схемы коми топонимов в Нижнем Приобье практически полностью совпадает с территорией, населенной, по нашему мнению, югрой. В то же время они не встречаются, а югра не упоминается на Иртыше, в среднем течении Оби и на их притоках.

Но есть исключение. Это городок Неромкар, существовавший в верховьях р. Туры. Несомненно, народ, построивший эту крепость, контролировал речной путь и один из волоков через Уральские горы. Городок был разрушен, и через некоторое время на месте его остатков был основан г. Верхотурье. Неромкар никак не вписывался в нашу гипотезу о географическом совпадении распространения древнепермских топонимов и территории, заселенной югричами, ограниченной Нижним Приобьем. Ответ содержится в трудах С. Герберштейна, который утверждал, что «в этих местах находятся две крепости: Ером (Неромкар. – Е. К.) и Тюмень, которыми владеют господа князья югорские, платившие, как говорят, дань великому князю» [*Герберштейн*, 1988. – С. 157].

Связь или совпадение границ расселения и названий поселений югры с географией древнепермских топонимов этим не заканчивается. Одно из наиболее сильных племенных объединений югры было Кодское княжество, известное по летописям как Кода или Куда. В этом названии исследователи находят связь с родовым вождем коми – Кудым-Ошем, речкой Кудой, где стоял г. Кудымкар. Любопытно, что границы этого югорского княжества, в которое входило до 12 так называемых городков – юртов, оконтуривались древнепермскими названиями поселений: Карымкар – «Верхний город». Ниже по течению на северной границе Коды: Нарыкар – «Нижний город». Из этого следует, что находившийся в середине княжества городок Шеркар следует толковать как «Средний город», а не Шоркар – «Город на ручье». Тем более что поблизости от городища ручей отсутствует. Это подтверждается и одновременно

существующим у поселения мансийским названием «ят-ус» – «средний город» [Штейниц, 1962. – С. 110]. Многие коми заимствования относятся к эловому диалекту, на котором говорили все древние пермяне, но не позже XVII в. В частности, на р. Казым сохранились такие топонимы, как Юильск или Юиил-кар (городок в вершине реки), Чуели (вершина горы). Но археологические исследования пока не выявили здесь следов поселений древних пермян [Дмитриева, 1996. – С. 70, 74]. Несомненно, что для полноты и достоверности исследования район требует планомерных и профессиональных топонимических исследований.

Непонятным остается важный вопрос: что произошло с югрой, известной на Руси под этим именем несколько столетий? Почему вдруг народ стали называть остяками и так ли это на самом деле?

По мнению С.В. Бахрушина, термин «Югорская земля», или «Югра», выходит из употребления уже в самом начале XVI в. Племенам же, известным ранее под именем югры, с XVI в. присваивается татарское «уштяк» или «остяки» [Бахрушин, 1937. – С. 4]. В другом случае исследователи объясняют это событие как «вытеснение» из летописей слова югра этнонимом «остяки» [Майданова, 1962. – С. 30]. Отсутствие ясности с причинами исчезновения югры и появления остяков приводит к неразберихе при использовании этих этнонимов. Появляются «югорские вогулы и остяки», «обские вогулы» [Плигузов, 1993. – С. 146, 152].

Согласно нашим представлениям, после длительного противодействия московским дружинам югра была разгромлена и практически полностью уничтожена в результате последовавших друг за другом по крайней мере четырех известных крупных военных экспедиций в 1445, 1465, 1483 и особенно 1499 гг. Вспомним, что только в последнем походе огромная для народов того края, хорошо вооруженная четырехтысячная рать в одной лишь югорской земле разрушила все городки, пленила 50 князей и более тысячи «лучших людей», при этом много жителей погибло. После столетий противостояния для малочисленного в то время народа эта акция оказалась губительной. Очень лаконично, но убедительно говорится об итогах этого похода в одной из летописей: «Они же, ходившее на лыжах пеши зиму всю, да югорскую землю всю вывоивали и в полон вели» [ПСРЛ, 1982. – С. 98].

Как племенное объединение народ югра перестал существовать, а сведения о нем закономерно исчезают из всех документов, как правильно подметил С. В. Бахрушин, начиная с начала XVI в. В то же время на протяжении всего XVI в. и позже сохраняется представление о «Югорской земле» и в источниках нередко упоминаются югричи. Но речь идет уже не о могучем народе, а лишь об отдельных его представителях. Недаром в документах в одном ряду стоят остяки, вогуличи, югричи и самоедь [Миллер, 1937. – С. 339]. Югричи даже противопоставляются остякам, что свое время также подтолкнуло А. А. Дмитриева на определение югры как особого народа, отличного от вогулов и остяков, но считавшего его все же угорским [Дмитриев, 1894. – С. 27–32]. В течение XVI–XVII вв. остатки югорского народа были полностью ассимилированы остяками и вогуличами, обитавшими здесь же.

Пока нами не найдено отражение этих событий в обско-угорском фольклоре. Возможно, это как-то связано с уничтожением югорского народа или дошедшим до нас относительно поздним «пластом» сюжетов югорского эпоса. Но даже в небольшом обзоре данных из различных источников можно найти отголоски тех событий: «Пермитии убо людие тогда кланяхуся зверем и древною, и воде, и огню и златой бабе...» [ПСРЛ, 1968. – С. 93]. У обских остяков найдено много идолов, про которых они рассказывают, что эти идолы привезены ими из Пермской земли [Миллер, 1937. – С. 188]. Интерес к «золотой бабе» получил широкое распространение в западноевропейской литературе XVI – первой половины XVII в., а впоследствии и в отечественных научных исследованиях. Первоначально этот идол помещался на западе от Урала и считался зырянским кумиром, но, как свидетельствует наибольшее количество известий, примерно с середины XVI в. «золотая баба» находится за Уралом и упоминается как вогульский или остяцкий кумир. По мнению М. П. Алексеева: «Перемещение идола с запада на восток – факт несомненный и требующий объяснения» [Алексеев, 1932. – С. 116].

Григорий Новицкий в своем сочинении «Краткое описание о народе Остяцком 1715 г.» отмечал, что «сии же, что вниз по Оби, непременно глаголят наречием пермским» [Дмитриев, 1894. – С. 42], но объяснял это тем, что остяки переселились из Пермской земли, после крещения ее Стефаном Пермским.

Привлекает к себе внимание легенда коми о жившем некогда на Печоре религиозном деятеле Федоре Тироне, обращавшем в христианскую веру печерских коми. Но те убежали от Федора Тирона за Урал, перемешались с остяками и забыли свой язык. Поэтому будто бы остяки светловолосые, не такие, как ненцы [*Коми легенды и предания, 1984. – С. 33–34*].

Более 350 заимствований из коми языка в языке ханты и манси насчитали финский лингвист Ю. Тойвонен и венгерский ученый К. Редеи. Их древнейший слой относится к X–XV вв. [*Жеребцов, 1982. – С. 176*].

Любопытно отметить существование среди хантов предания о неизвестном народе «куран-ех» (осторожный народ), жившем на территории бывшего Кодского княжества, который противопоставлялся «кант-ях» (ханты) и выступал воинственным племенем [*Мартынова, 1995. – С. 121*].

Подводя черту под анализом некоторого круга сведений о зауральском периоде истории югры, нельзя не уделить внимания археологическим исследованиям городища Ендырское I на притоке Оби р. Ендырь, известного из документов как Ендырский городок, а из остяцкого эпоса – г. Эмдер. Он находился примерно на определяемой нами границе расселения югры. Из публикаций, сообщающих об этом открытии, можно составить представление о наличии на городище нескольких строительных горизонтов, сформировавших культурный слой памятника [*Зыков, Кокшаров, 1995. – С. 75–78*]. Фиксируются изменения, произошедшие в XIV–XV вв. в посткинтусовское время, когда площадка была расширена, застроена каркасно-столбовыми домами и срубной системой обороны, и особенно в период после пожара, когда на очередном этапе строительства была устроена печь-каменка. Мы считаем, что изменения связаны с произошедшим в этот период перемещением югричей в Зауралье. В то же время перепланировки городища в XVI в., возможно, следует связывать с их уничтожением. Вероятным подтверждением этому может быть появление иной системы отопления – чувалов. К сожалению, для поздних этапов обитания городища характерно практически полное исчезновение керамической посуды и возможности использования ее облика для толкования этнической принадлежности обитателей городища.

Говоря о названии «Эмдер», можно попытаться истолковать его на хантыйской языковой основе: emder – озеро [*Матвеев, 1968. – С. 145*]. При этом надо иметь в виду, что в непосредственной близости от памятника озера нет. Для нас предпочтительнее прочтение названия городка как «Емдор». В языке коми имя-послесловие «дор» имеет значение «возле, около, у» [*Матвеев, 1985. – С. 43–44*]. Можно сравнить Обдор (Обдорск) – «У Оби», Емдор – «У Еми». Такое объяснение, на наш взгляд, выглядит более убедительным, поскольку ниже городка р. Ендырь имеет приток Емьеган и здесь находится озеро Большое Емьеховское. Несомненно, р. Ендырь стала называться так от названия городка, но в предшествующие времена на всем своем протяжении она могла называться «Емь» (Емьеган). Тем не менее из-за недостатка информации пока сложно что-либо сказать об этнической принадлежности обитателей городка в XIV–XV вв. По всей видимости, убедительными аргументами в этом вопросе могут стать только результаты исследования находившегося поблизости средневекового могильника.

Изложив наше видение и решение проблем расселения югры в Зауралье, обратимся к сведениям, которые могли бы иметь отношение к ее древнему приуральскому периоду обитания. Их немного. Это уже упомянутые летописные известия 1096, 1193 гг. Упоминаются несколько этнопонимов в районе Уральского хребта: пролив Югорский шар, две речки Югры в бассейнах рек Ильча и Северной Сосьвы и соединяющий их «Югринский» проход. Отмечено также достаточно компактное скопление географических названий в северо-восточной части Центральной России, которые, по мнению некоторых дореволюционных историков (Татищев, Барсов), имеют отношение к древней югре. В бассейне реки Сухоны отмечены деревни Югорская и Югина, д. Югринская на р. Юг, д. Угринская на р. Ваге, а также реки Угроньга, Угорма, Юг и т. д. Сохранилось предание о переселении югры с берегов Двины и Юга, где этот народ жил когда-то под именем «Югорски», за Урал у его «потомков» вогул [*Дмитриев, 1894. – С. 7, 9*]. Эти предания получили дальнейшее развитие в исследовании профессора Казанского университета И. Н. Смирнова, который истолковывал двойные названия р. Вычегды и ее притоков из языка коми-зырян и древнего югорского языка, считая, что в пользу пребывания югры на всем течении Вычегды говорят и другие местные названия» [*Дмитриев, 1894. – С. 11–12*]. Следует обратить

внимание и на тот факт, что кодский князь Дмитрий в 1643 г. получил вотчину, принадлежавшую некогда его деду Игичею, именно на р. Вычегде, близ Еренского городка [Бахрушин, 1937. – С. 61].

Обратимся к современным исследованиям. С одной стороны, имеется давно сформировавшаяся точка зрения об угорских корнях югры и неоднократные попытки исследователей обнаружить следы обских угров в Приуралье. В какой-то степени это им удастся. В предгорьях Урала обнаружены мансийские топонимы, но, как утверждают специалисты, их сравнительно немного и они в основном сосредоточены в предгорьях или вблизи хребта [Матвеев, 1985. – С. 35]. Они не образуют сколько-нибудь крупных массивов, а ареал обско-угорской топонимики на Среднем Урале, очевидно, начинается только за Уральским хребтом, примыкая к нему с востока [Матвеев, 1968. – С. 142]. К этому надо добавить, что название «остяки» в топонимике Северного и Среднего Урала практически не встречается. Этноним «вогуличи» (обозначающий некий летописный народ, в котором историки усматривают как прямых потомков югры, так и предков манси) в названиях местности не совпадают с ареалом распространения мансийской топонимики, но образуют четко обозначенный район в верховьях рек Сылвы, Чусовой, Тагила и Ницы [Майданова, 1962. – С. 26–29].

Есть на западном склоне Урала и археологические находки, характерные для зауральских памятников обских угров, но в основном более ранних эпох [Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984]. Для периода XI–XIII вв., когда югра еще упоминается в районах Приуралья в летописях, причем на значительном удалении к западу от гор, кроме единичных находок, таких свидетельств нет. Нет поселений, могильников, городищ. А судя по летописному сообщению 1193 г., повествующем об осаде новгородцами одного из югорских городков, они были – и были сильно укрепленными. Очевидно, в фортификационном строительстве в XII в. югричи использовали строительные приемы, аналогичные обнаруженным в Нижнем Приобье на городище Шеркалы I.

По нашему мнению, достаточно проблематично объединять современные данные археологии и угорской топонимики не только с летописным известием 1096 г., но и со сведениями, предоставленными дореволюционными историками при обосновании обско-угорских корней югры.

Ситуация меняется, если рассматривать эти данные под другим углом, где югра не является обскими уграми, но относится к кругу древних пермских народов. Там, где дореволюционные ученые в свое время помещали югру, современные исследователи отмечают, что западная граница территории пермоязычных народов в IX–XII вв., по данным археологии и топонимики, как раз и охватывала бассейны рек Юга и Нижней Сухоны, а также верхнее течение Северной Двины [Жеребцов, 1982. – С. 32]. До XIV в. Вычегда с самого устья была занята населением, говорившим на древнепермском языке. Упоминание об обитании пермян в этих районах можно встретить и в письменных источниках. В 1332–1333 гг. И. Калита взял здесь в свои руки сбор дани для Золотой Орды, а в 1364 г. Дмитрий Донской отобрал у ростовских князей «персмкие места устюгские» [Шибеев, Жеребцов, Жеребцов, 1980. – С. 319]. В течение XII–XIV вв. происходят изменения в расселении древних пермян. Их территория на западе сокращается, а к концу XIV в. в бассейнах Сухоны, Юга и других, за исключением нескольких, рек пермское население исчезает [Жеребцов, Конаков, Королев, 1985. – С. 21].

В бассейнах названных рек синхронно существовало несколько отдельных племен или племенных союзов, а пермский язык в то время не был единым, в нем имелось несколько диалектов. К этому надо добавить, что вышеуказанные названия деревень с основой «югра», «угра», очевидно, образованы от гидронимов с основой «юг(а)», зафиксированы в этом районе в основном уже за пределами современного расселения пермских народов. Вероятно, к ним можно отнести и названия речек «югра», обнаруженные на Уральском хребте. В гидрониме «юг», смысловое значение которого уже забыто местным населением, большинство исследователей видит древнюю форму, трансформировавшуюся к настоящему времени в «ю», что в современном комиязыке означает «река» [Афанасьев, 1985. – С. 72].

Все это не противоречит тому, что в IX–XI вв. одно из пермских племен, известное как югра, под давлением славянского населения, не желая принимать христианскую веру, начинает перемещаться вверх по Вычегде. В тех местах, где это племя когда-то обитало, в XII в. возникает г. Великий Устюг. Летопись под 1096 г. зафиксировала югру лишь на каком-то этапе вынужденного передвижения

населения в Зауралье. В каком месте это могло произойти? Возможно там, где мы первоначально предполагали, – в бассейне Средней Печоры. Но в этом районе пока не обнаружено памятников, аналогичных городищам Шеркалы I и Перегребное I (несмотря на то что исследователи этого края находят некоторую связь с материалами данных поселений и керамикой типа Зыбун-Нюр III) [Мурыгин, 1992. – С. 150–151], разве что одно малоисследованное городище вымской культуры на р. Ижме [Плюснин, Волокитин, 1990. – С. 11–12].

Можно предположить также, что югра в это время могла находиться в среднем или верхнем течении Вычегды. Здесь обнаружены могильники Шойнаты II, III и Пезмогский, датированные XI–XII вв., по обряду погребения и инвентарю близкие могильнику Перми Вычегодской с р. Вымь [Жеребцов, Конаков, Королев, 1985. – С. 112–129]. В IX–XII вв. древние пермяне заселили Верхнюю Вычегду до района р. Вишеры и Сторожевска. В XIII в. они покинули эти места [Жеребцов, Конаков, Королев, 1985. – С. 22]. И ушли. Но куда, может быть в Нижнее Приобье?

Поскольку в районе Средней Печоры, который мы на основе сообщения 1096 г. предварительно определили как область местообитания югры в XI в., памятников, аналогичных городищам Шеркалы I и Перегребное I, не обнаружено, то местонахождение югры в это время более вероятно в районе Верхней Вычегды. На Вычегде в районе Пезмога жители указывали на дорогу (Дорога древних людей), по которой из Пезмога ушли какие-то древние люди. Примерно на широте р. Вычегды в горах, за одним из наиболее древних волоков, соединяющим две речки «Югры», закрепилось название «Югринский».

С передвижением югры из контактных со славянским этносом областей согласуется и мнение авторов раскопок городища Перегребное I. Коллектив, основавший это поселение, прежде чем пересечь Уральский хребет, по-видимому, испытал сильное русское влияние [Морозов, Пархимович, 1985. – С. 96].

Таким образом, переместившись, по нашему мнению, по Вычегде с рек Юга и Сухоны, югра в XII–XIII вв. оказывается в Зауралье, следствием чего стало появление в Нижнем Приобье памятников типа Шеркалы I и Перегребное I, а в коллекциях археологических находок с территории западносибирского региона – увеличение количества вещей с Верхнего Прикамья и Вычегды. Происходят существенные изменения в облике материальной культуры обитателей Нижнего Приобья, вероятно связанные с миграцией.

Во второй половине XIV в. значительная часть югорского населения уже определенно находилась в Нижнем Приобье, а в XV в. в районе расселения югры существовало несколько территориальных объединений: Ляпинско-Сосьвинское (собственно югра), Обдора, Кода и четыре десятка поселений-городков. В конце XIV в. вследствие активной миссионерской деятельности Стефана Пермского сюда же перебирается и некоторая часть не принявшего христианство пермского населения с р. Вымь.

Походами русских дружин 1445–1499 гг. основная часть населения югры была уничтожена или уведена в плен, а городки разрушены. От югры осталось только название территории, просуществовавшее до XVIII в., а от югричей – отдельные жители, ассимилированные в XVI в. местным угорским населением. Какое-то время сохранялся язык югричей – как один из диалектов древнепермского языка. Следы его остались в преданиях и топонимах.

Говоря о близости названий «югра» и «угры», надо обратить внимание на то, что еще Сигизмунд Герберштейн пытался понять причину в различии их произношения, а мысль о происхождении венгров от угров европейского Северо-Востока впервые прозвучала еще в конце XV в. Впоследствии эта идея стала одним из элементов теории родственности населения Русского государства и Венгрии. Теория о близости или единстве венгров и югры должна была оправдать создание антипольского русско-венгерского союза и притязание Российского государства на западные земли. Эти идеи были широко распространены среди россиян в то время, и, как вспоминал С. Герберштейн, «москвиты сильно хвастают этим именем (т. е. Югария), т. к. их подданные опустошили некогда большую часть Европы» [Герберштейн, 1885. – С. 135].

Известный венгерский языковед П. Хайду считает маловероятным установление языковой и исторической связей между словом «югра» и названием венгров (ungri), образовавшимся через племенное название турок оногуров [Хайду, 1985. – С. 34–35].

С другой стороны, если югра все же имеет древнепермские корни, не лишено смысла высказывание Татищева о появлении этого названия от р. Юг – «Югдория», перешедшее в «югра», учитывая при этом, что названия «Кондория» и «Обдория» заимствованы из зырянского языка и означают устье (страна при устье) Конды, устье Оби [Дмитриев, 1894. – С. 33].

Эта точка зрения может иметь продолжение и в именовании так называемых ляпинских «остяков» (остяков ляпинского наречия или северных вогулов) – Егра, Йогра (Jogra). Так называли коми-зыряне жителей, населявших только бассейны рек Сосьвы и Ляпина. То есть тех мест, где когда-то жила, но была уничтожена и ассимилирована югра – родственное древним коми племя, до последнего оставшееся язычниками.

Подводя итог, мы считаем, что летописная югра генетически могла относиться не к обским уграм, а кругу древнепермских племен или являлась неким, пока неизвестным, племенем, которое переместилось за Урал и к концу XV в. было практически полностью уничтожено походами русских дружин.

Основные заблуждения, приведшие в свое время к созданию гипотезы обско-угорского происхождения югры, по нашему мнению, заключались в отождествлении югры и остяков в один народ, в поиске единства названий западных угров и jogra – северо-восточных племен, чему способствовало отсутствие планомерных археологических исследований в тот период.

Обратиться к рассмотрению югорской проблематики с таких позиций стало возможным только после находки поселений древних пермян в Нижнем Приобье. Проведенных исследований и нескольких обнаруженных памятников пока явно недостаточно для убедительного подтверждения наших выводов, но все же имеется возможность обозначить проблему и выдвинуть гипотезу о неугорском происхождении летописной югры.

Внесение достаточной ясности в этот вопрос может быть осуществлен лишь после полной публикации материалов по уже исследовавшимся югорским поселениям и в первую очередь городищу Шеркалы I. Проведение раскопок на могильниках и городищах, известных как югорские или имеющих древнепермские названия. Необходимо и тщательное изучение документов XVI–XVII вв., имеющих отношение к истории Нижнего Приобья.

Список источников и литературы

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей – 2-е изд. – Иркутск: Иркутское областное издательство, 1941. – 609 с.

Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецах незнаемых в восточной стране» // Древности. Труды Императорского Московского Археологического Общества. – М., 1890. – Т. XIV. – 350 с.

Афанасьев А. П. Западные и юго-западные границы гидронимов пермского типа // Проблемы этногенеза народа коми. – (Труды ИЯЛИ; вып. 36) – Сыктывкар, 1985. – С. 68–77.

Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. – М.: Изд-во Института народов севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1935. – 85 с.

Герберштейн С. Записки о московитских делах. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. – 450 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 304 с.

Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. V. Покорение Угорских земель и Сибири. Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. – Пермь: Типография П. Ф. Каменского, 1894. – 237 с.

Дмитриева Т. Н. Географический термин Вош («городок») в хантыйской топонимии Казыма // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: тез. докл. X Западно-Сибирского археолого-этнографического совещания памяти В. Н. Чернецова. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1995. – С. 62–64.

Дмитриева Т. Н. Коми компонент в топонимии бассейна р. Казым // Христианизация коми края и ее роль в развитии государственности и культуры: сб. статей. Сыктывкар, 1996. – Т. II. Филология. Этнология. – С. 64–67.

Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М.: Наука, 1982. – 224 с.

Жеребцов Л. Н., Конаков Н. Д., Королев К. С. Из жизни древних коми. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 235 с.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Легендарный Эмдер (опыт сопоставления археологических, фольклорных, письменных источников) // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: тез. докл. X археол.-этногр. совещания, посвященного памяти В.Н. Чернецова. – Томск: изд-во Томского гос. ун-та, 1995. – С. 75–78.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Отчет о работах по выявлению и изучению древних городков Югорской земли летом 1997 года. – Екатеринбург, 1998. – ФР УНИЦ УрФУ. Д. 5.

История Урала с древнейших времен до 1861 г. – М.: Наука, 1989. – 608 с.

Карачаров К. Г. Погребальная керамика Сургутского Приобья XIII–XV вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. – С. 208–209.

Книга Большому чертежу. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 232 с.

Коми легенды и предания / сост. Ю. Г. Рочев. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1984. – 176 с.

Кривошекова-Гантман А. С. Лингвистический анализ ойконимов на –кар на материале Верхнего Прикамья // Лингвистическое краеведение Прикамья. – Пермь: Изд-во ПГПИ, 1976. – Вып. 3. – С. 12–21.

Курлаев Е. А. Летописная «югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ? // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: изд-во УрО РАН, 1997. – №4. – С. 102–117.

Майданова Л. М. Ареалы финно-угорской этнонимии Урала // Вопросы топониматики. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1962. – Вып. 1. – С. 22–32.

Мартынова Е. П. Этническая история хантов по легендам и преданиям // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: тез. докл. X археол.-этногр. совещания, посвященного памяти В. Н. Чернецова. – Томск: изд-во Томского гос. ун-та, 1995. – С. 120–122.

Матвеев А. К. О древнейших местах расселения угорских народов // Уч. зап. Пермского ун-та. № 191. Труды Камской археологической экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. ГУ, 1968. – С. 136–146.

Матвеев А. К. Топонимика Урала: учебное пособие. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1985. – 77 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. I. – 637 с.

Морозов В. М., Терехова Л. М. Отчет о раскопках городища Шеркалы I (раскоп II) в 1979 г. – Свердловск, 1980. – АКА УрГУ, Ф. II. Д. 375.

Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное I (К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в нач. II тыс. н. э.) // Западная Сибирь в древности и Средневековье: сб. науч. тр. Тюмень: ТюмГУ, 1985. – С. 89–99.

Морозов В. М. Отчет об археологических исследованиях на трассе строящегося газопровода Ивдель – Пунга – Надым в Свердловской и Тюменской областях. – Екатеринбург, 1998. – ФР УНИЦ УрФУ. Д. 2.

Морозов В. М. Отчет об исследовании городища Шеркалы I в 1979 году. – Екатеринбург, 1998. – ФР УНИЦ УрФУ. Д. 3.

Морозов В. М. Отчет о раскопках городища Шеркалы I в 1983 году. – Екатеринбург, 1998. – ФР УНИЦ УрФУ. Д. 4.

Мурыгин А. М., Королев К. С., Ляшев В. А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья // Научные доклады. Коми филиал АН СССР. – Сыктывкар, 1984. – Вып. 105. – 56 с.

Мурыгин А. М. Печерское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 182 с.

Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1904. – 255 с.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. – Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1990. – 169 с.

Овчинникова Е. И. К вопросу об общности топонимических типов Европейского Предуралья и Западной Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1969. – С. 16–18.

Плигузов А. П. Текст-кентавр о сибирских самоедах. – М.: Археографический Центр. 1993. – 156 с.

Плюснин С. М., Волокитин А. В. Средневековое городище на Ижме // Родники Пармы. – Сыктывкар, 1990. – Вып. 90. – С. 24–28.

ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841.

ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848.

- ПСРЛ. Софийская II летопись. СПб., 1859.
 ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Петроград, 1915.
 ПСРЛ. Т. 31. М., 1968.
 ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
 Соколова З. П. К истории жилища обских угров // Советская Этнография. – М.: Наука, 1957. – №2. – С. 85–105.
 Соколова З. П. Страна Югория. – М.: Мысль, 1976. – 118 с.
 Теплоухов Ф. А. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных. – Пермский край, 1893. – Т. 2. – 138 с.
 Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. – Свердловск: Издательство УрГУ, 1991. – № 20. – С. 126–145.
 Хайду Питер. Уральские языки и народы. – М.: Прогресс, 1985. – 432 с.
 Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. Обзор и классификация материала // МИА. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – № 58 – С. 136–245.
 Штейниц В. Из топонимики Северного Приобья: Географические названия // Вопросы географии. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – №58. – С. 109–111.

Список сокращений

- АКА УрГУ – архив кабинета археологии УрГУ
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 МИА – Материалы и исследования по археологии
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 ФР УНИЦ УрФУ – фонд рукописей Угорского научно-исследовательского центра УрФУ

О. В. Кардаш^{1, 2, 3}, Г. П. Визгалов^{1, 3}

¹ Сургутский государственный университет
Югорская лаборатория археологии и этнографии
пр-т Ленина, д. 1, г. Сургут, 628412, Россия

² Институт археологии Севера
ул. Набережная, д. 16, г. Нефтеюганск, 628305, Россия
E-mail: kov_ugansk@mail.ru

³ Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, д. 17, г. Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Академическая история Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: принципы создания региональной истории на взгляд югорских археологов

Аннотация. С начала 1960-х годов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре археологическая наука формировалась преимущественно на основе охранно-спасательных работ. Региональная историческая наука развивалась в археологических исследовательских организациях и местных вузах, основанных в 90-е годы. Задача создания региональной истории, поставленная в начале 2000-х, не была окончательно решена. В 2016 году губернатором автономного округа был инициирован проект «Многовековая Югра», в рамках которого была начата подготовка многотомного издания «История ХМАО – Югры». Реализовывать проект предполагается на базе государственных учебных организаций путем создания научного консорциума археологов и историков Югры, а также других российских научных организаций. В статье изложены принципы создания региональной истории, а также первый опыт реализации проекта. Кроме этого, представлены структура будущего информационного продукта и предлагаемая историческая периодизация – паритетное представление всех исторических периодов, в особенности археологических феноменов древнейших эпох, поскольку именно они будут способствовать формированию уникального исторического имиджа региона.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, Югра, «История ХМАО – Югры», археологическое наследие.

Целеполагание любых новых исследований неразрывно связано с самим научным познанием и его прежними результатами. Развитие археологии Севера Западной Сибири и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в частности с 1960-х годов складывалось – почти исключительно – в рамках охранно-спасательных археологических работ, которые проводились в местах хозяйственного освоения территорий, где предполагалось производство строительных работ, связанных с добычей и транспортировкой углеводородного сырья – нефти и газа. Последние пятьдесят лет XX века разработка недр Западно-Сибирской равнины было важнейшей задачей Советской России. В первой четверти нового века мало что изменилось в национально-государственных интересах, приоритеты остались прежними.

В этой связи в подавляющем большинстве случаев цели и задачи археологических исследований в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре определяются не необходимостью решения

научной проблемы, а волей случая, необходимостью сохранения того или иного объекта археологического наследия. Таким образом, из поля зрения археологов выпал ряд исторических периодов древней истории, эпохи, культур отдельных народов. Как ни странно, одним из наименее изученных осталось последнее (второе) тысячелетие – эпоха вхождения региона в состав Древнерусского государства – России. Но именно этот период вызывает у современного населения региона наибольший интерес.

Многочисленные работы российских историков второй половины XVIII века (Г. Ф. Миллера, В. Н. Татищева), а также XIX века (Н. М. Карамзина, Г. Х. Лерберга, И. Д. Беляева, Н. А. Абрамова, А. А. Дмитриева, А. В. Оксенова [Миллер, 1750; Татищев, 1768; Карамзин, 1818; Лерберг, 1819; Беляев, 1852; Абрамов, 1857; Оксенов, 1885, 1891; Дмитриев, 1894] и ряда других) представляют однозначную точку зрения на развитие истории народов Северной Азии в составе Российского государства начиная с первых новгородских походов XI века. В настоящее время, несмотря на все вышеуказанные труды, на бытовом уровне у широких слоев населения региона и страны в целом странным образом живет представление о начале освоения Севера только с конца XVI века. В информационном интернет-пространстве, включая такие ресурсы, как «Википедия» и многие другие, посвященные истории российского государства и ее преподаванию в учебных заведениях, представляется и превалирует та же точка зрения. Вместе с тем и в профессиональном сообществе, у преподавателей вузов, в особенности региональных, а также историков, для которых история Сибири в целом не является сферой научных интересов, нам приходилось сталкиваться с мнением, что начало фактического владения территорией Нижней Оби знаменуется исключительно известным «походом Ермака» 1581–1584 годов. То есть по сути – информацией не многим шире, чем была представлена в школьных учебниках 70–80-х годов прошлого века.

Все это явно говорит о том, что об истории самой большой части самой большой страны в мире, и в том числе об истории Ханты-Мансийского АО – Югры, население всего государства и самого региона имеет весьма смутное и противоречивое представление. К удивлению, отдельные люди и некоторые иностранные ученые даже считают, что Россия, недавно захватив северные территории финно-угорских народов, долгие годы проводит геноцид коренных жителей в связи с нефтедобычей – примерно таким же образом, как поступали европейцы, колонизируя Новый Свет. Отсутствие исторической определенности служит поводом для фальсификации прошлого и спекуляций на этом в общественном сознании, что вовсе не способствует поступательному социальному развитию региона.

Эта ситуация была нам хорошо знакома и мотивировала в середине 90-х годов XX века к организации региональных научно-исследовательских предприятий. Их цель – развитие региональной археологической и исторической науки, получение новых источников о прошлом и введение их в социокультурный оборот [Северная археология, 2010]. В сентябре 2002 года по инициативе правительства Ханты-Мансийского автономного округа и под эгидой ЮНЕСКО в г. Ханты-Мансийске состоялся I Международный Северный археологический конгресс. Предполагалось, что участники форума будут практически способствовать развитию фундаментальной исторической науки в Югре и повышению роли археологического наследия в контексте современного социокультурного развития региона. Однако ни один из последующих форумов САК – а на сегодняшний день их состоялось уже пять – не принес для региона практических результатов. Государственная программа научного изучения исторического прошлого ХМАО – Югры по-прежнему отсутствует, специализированные научно-исследовательские учреждения с государственной поддержкой – не созданы. Археологическая и историческая наука в Югре, как и прежде, развивается в негосударственных археологических исследовательских организациях и местных вузах, создание которых началось в 90-е годы (СурГУ – 1991, СурГПУ – 1992, НГУ – 1992, ЮГУ – 2001).

В конце 2016 года одной из тем поручения губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Н. В. Комаровой на 2017 год и ближайшую перспективу была обозначена реализация проекта «Многовековая Югра», предусматривающего поддержку гуманитарных и естественнонаучных исследований для реконструкции региональной истории. Если сформулировать шире предполагаемые задачи, то, на наш взгляд, данный проект будет способствовать:

1) историко-культурному ребрендингу ХМАО – Югры: от сырьевой колонии – к старейшей части русского государства как региону, ставшему исторически значимой составляющей российской экономики;

2) созданию информационного продукта нового качества/поколения в классических традициях российских академических исследований;

3) формированию нового устойчивого социокультурного имиджа региона;

4) созданию многотомной фундаментальной «Истории ХМАО – Югры» как формы развития региональной гуманитарной науки и образования;

5) созданию информационной базы для развития рекреационно-туристического потенциала ХМАО – Югры.

Через год, в январе 2018 года, в рамках реализации этого поручения проектным комитетом правительства ХМАО – Югры был запущен проект «Академическая история Югры», основная цель которого – создание многотомного издания – информационного ресурса как основы формирования региональной идентичности жителей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Правовой основой для подготовки «Истории ХМАО – Югры» стали:

1. Перечень поручений по реализации ежегодного Обращения губернатора ХМАО – Югры к жителям ХМАО – Югры, представителям общественности и депутатам Думы ХМАО – Югры от 23 декабря 2016 г.

2. Резолюция II Международного гуманитарного форума «Гражданские инициативы регионов 60-й параллели», прошедшего 28–29 ноября 2017 г.

3. Протокол № 25 заседания проектного комитета ХМАО – Югры от 23 января 2018 г. о принятии проекта «Академической истории ХМАО – Югры» приоритетным направлением.

4. План основных мероприятий на 2018 г. от 02.03.2018 г. по подготовке и проведению празднования 100-летия российской археологии, куда также вошла и проведенная в октябре 2018 года конференция «Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках».

В рамках проекта нами был подготовлен доклад, посвященный созданию «Истории ХМАО – Югры» и концепции этой работы, который впервые был прочитан на II Международном гуманитарном форуме «Гражданские инициативы регионов 60-й параллели» 29 ноября 2017 года. В качестве основных задач реализации проекта «Академическая история Югры» мы предполагали:

1. Развитие региональной науки на базе государственных учебных организаций путем создания научного консорциума археологов и историков Югры, а также других российских научных организаций.

2. Создание региональной «Истории ХМАО – Югры» как базового фундаментального информационного продукта.

3. Информационное медиасопровождение научно-исследовательских проектов и популяризация исторических сведений среди населения региона.

Реализации вышеназванных положений способствует то обстоятельство, что в настоящее время в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре существуют научные сообщества историков, которые функционируют как в рамках образовательных учреждений, так и на базе научно-исследовательских организаций: Сургутского государственного университета, Сургутского государственного педагогического университета, Нижневартовского государственного университета, Югорского государственного университета, Обско-Югорского института прикладных исследований и разработок, МАУ «Барсова гора», ООО «НПО Северная археология-1», ООО «НИПИ Этноархеоцентр», АНО «Институт археологии Севера». Сотрудники именно этих организаций предполагаются основными участниками реализации проекта по созданию региональной истории.

Следует особо отметить, что региональными археологическими научно-исследовательскими организациями начиная с 2000 года выпущено более 20 собственных монографических работ [Гриценко и др., 2000; Боярский и др., 2000; Обдорский край..., 2004; Главацкая и др., 2005; Визгалов, Пархимович, 2007; Визгалов, Пархимович, 2008; Кардаш, 2009; Северная археология, 2010; Визгалов, Кардаш, 2010; Кардаш, 2011; Визгалов и др., 2011; Кардаш, 2013а; Кардаш, 2013б; Визгалов и др., 2013; Кардаш, Визгалов, 2015; Мурыгин и др., 2016; Визгалов, Пархимович, 2017; Кардаш и др., 2018 и др.]. Основаны и издаются

несколько серий собственных периодических изданий, а также подготовлены и выпущены сборники статей к различным конференциям [*Материалы и исследования...*, 2002, 2017, 2018; *Археология Севера России...*, 2013; *Проблемы сохранения...*, 2014 и др.]. Поддержаны финансированием работы, связанные с древней историей Югры, коллег из соседних регионов [*Семенова, 2005, 2008; Река Аган...*, 2006; *Краеугольный камень...*, 2010; *Зыков, 2012; Чемякин, 2014; Культура русских...*, 2014; *Вершинин, 2018* и др.]. Это десятки изданий как абсолютно новых материалов, так и библиографических редкостей [*Арне, 2005; Мартин, 2005; Лерберг, 2018* и др.]. Обложки этих книг представлены в иллюстрациях к настоящей статье.

Подготовка «Истории ХМАО – Югры» не мыслится без участия специалистов – сотрудников ведущих археологических и исторических исследовательских организаций России. В особенности тех, которые ранее (в 60–80-е годы) внесли большой вклад в изучение Западной Сибири и продолжают свою деятельность в регионе. В качестве участников проекта – в той или иной форме – мы видим учреждения Российской академии наук, системы высшего образования и иных организационных форм: Институт археологии РАН (г. Москва), Институт российской истории РАН (г. Москва), Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск), Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург), Томский государственный университет (г. Томск), Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург), Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург), НАЦ «АВ КОМ-Наследие».

Мы считаем, что подготовка многотомного издания «История ХМАО – Югры» должна базироваться на основе классического академического исследования с учетом современных принципов и достижений археологической и исторической наук. Одним из примеров таких работ, неким исходным ориентиром можно назвать «Историю Сибири» Г. Ф. Миллера – первое обобщающее академическое исследование, посвященное азиатской России, которое – в числе многого – содержит исторические сведения о территории ХМАО – Югры. Однако следует отметить, что данная работа практически не содержала сведений о древнейших периодах истории региона – археологических данных. В числе других работ следует назвать «Историю Ямала», посвященную истории Ямало-Ненецкого автономного округа, которая была инициирована региональными властями и вышла в свет 2010 году. Данный труд стал новым этапом научного творчества, но представляет спорный опыт создания региональных историй. Во-первых, при подготовке «Истории Ямала» были практически проигнорированы широко-масштабные археологические исследования, проводившиеся длительное время за счет средств бюджета Ямало-Ненецкого округа и результаты которых были опубликованы задолго до выхода в свет издания – к примеру, результаты раскопок Мангазейского городища. Не получился междисциплинарный симбиоз представления данных: историки и археологи разделились по типу источников, а роль этнографии в истории этого автономного округа не получила достойного освещения. Недостатков много, и удастся ли в реалиях современности преодолеть проблемы, возникшие у предшественников, – сказать сложно. Тем не менее подчеркнем принципиальные подходы, которые хотелось бы реализовать в рамках проекта «История ХМАО – Югры»:

1. Продолжение традиции российских академических исследований, заложенных «Историей Сибири» Г. Ф. Миллера и других вышеупомянутых исследователей второй половины XVIII – XIX века.

2. Исследование предполагает анализ и представление региональной истории с древнейших времен – в контексте расселения и адаптации человека на территории Северной Евразии, позднее – в контексте формирования и развития Российского государства.

3. Реализация проекта в равной степени должна включать как анализ известных данных, так и анализ новых полученных исторических источников, включая археологические, этнографические, палео-экологические и др.

4. Подход к извлечению и анализу источников предполагается комплексный, включающий все возможные виды междисциплинарных исследований и позволяющий верифицировать выводы.

5. Систематизация и представление результатов исследований должны выстраиваться в хронологическом порядке, данные смежных исторических дисциплин (археологии, этнологии, истории) должны представляться совместно.

Перечень принципиальных изначальных подходов к реализации проекта можно продолжить по мере разработки рабочей концепции «Истории ХМАО – Югры».

Следуя общим международным принципам исторической и археологической периодизации, а также учитывая контекст как российской, так и общемировой истории, мы считаем, что представление исторического прошлого Югры следует разделить на два основных (глобальных) периода:

1. Prehistoric: период доисторический, история Югры до XI века (начиная с верхнего палеолита ок. L–XLV тыс. до н. э. и до конца I тыс. н. э.).

2. Historic: период исторический, с XI века – начала вхождения территории Югры в состав Древнерусского государства (со времени появления летописных сведений).

Последующее деление обозначенных периодов на отдельные тома предполагалось нами на основе более дробной периодизации, соответствующей общепринятым эпохам мировой и общероссийской истории. Безусловно, эта периодизация верифицировалась известными результатами региональных исследований. Изначально мы предложили деление на 9 томов, которые содержательно должны соответствовать как общепринятой периодизации, так и региональной. Итак, назовем некоторые основные принципы структуризации:

1. В целом предполагается равномерное деление на тома в соответствии исторической хронологии и вместе с тем с учетом объемов источников, а также исторического значения той или иной эпохи. В этой связи доисторическому периоду отводится 5 томов, а историческому периоду – 4 тома.

2. Каждый из томов может включать несколько книг, формируемых в зависимости от объема и специфики источников по той или иной эпохе – имеющихся или полученных в настоящее время.

3. Выпуск итоговых томов «Истории ХМАО – Югры» предполагается не систематически и будет зависеть от достаточного наполнения источниками. Возможен выпуск части тома в виде отдельной книги.

4. К каждому тому предполагается выпустить «Свод источников и исследований» (как составной части тома).

Хронологический принцип изложения региональной истории и структура, соответствующая в целом мировой, российской периодизации и региональной специфике, позволит в перспективе при появлении новых исторических данных обновлять ранее выпущенные тома. Хотя первые тома, возможно, дополняться не будут: вызывает большие сомнения, что появятся новые списки русских летописей или изменится время появления технологии керамического производства.

На основе вышеизложенных принципов была предложена следующая детальная структура:

Часть первая. История Югры (доисторический период): расселение и адаптация человека на территории Севера Западной Сибири (L–XLV тыс. до н. э. и до конца I тыс. н. э.).

Том 1. Каменный век: таежная зона Севера Западной Сибири в позднем плейстоцене – верхнем палеолите XVI–XII тыс. до н. э.

Том 2. Каменный век: таежная зона Севера Западной Сибири в раннем голоцене – мезолите XI–IX тыс. до н. э.

Том 3. Каменный век: неолит Таежной зоны Севера Западной Сибири VIII–IV тыс. до н. э.

Том 4. Эпоха бронзы: таежная зона Севера Западной Сибири в III–II тыс. до н. э.

Том 5. Эпоха железа: таежная зона Севера Западной Сибири в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

Часть вторая. История Югры (исторический период): Югра в составе Российского государства XI–XXI вв.

Том 6. Югра – волость в составе Древнерусского государства, Московского царства XI–XVII вв.

Том 7. Югра уездная в составе Российской империи XVIII–XX вв.

Том 8. Югра – округ Советской России в 1 пол. XX в.

Том 9. Югра – округ Советской России 2 пол. XX в. и Российской Федерации кон. XX – нач. XXI в. Эпоха промышленного освоения недр.

В качестве примера приведем возможные варианты внутренней структуры некоторых томов, которые, безусловно, могут варьироваться по воле авторов.

ТОМ 6. «Югра – волость в составе Древнерусского государства, Московского царства XI–XVII вв.» предполагается в двух книгах:

Книга 1 – «Югра – волость Новгорода Великого»: период XII–XV вв.

Книга 2 – «Югра в составе Московского царства»: период XV–XVII вв.

ТОМ 7. «Югра уездная в составе Российской империи XVIII–XX вв.» предполагается в трех книгах:

Книга 1 – «Русское население Югры»: по данным документальных источников.

Книга 2 – «Коренные малочисленные народы Югры»: по данным этнологических источников.

Книга 3 – «Материальная культура аборигенного и русского населения Югры»: по данным археологических источников.

ТОМ 9. «Югра – национальный округ Советской России 2 пол. XX в. и Российской Федерации кон. XX – нач. XXI в. Эпоха промышленного освоения недр» предполагается в трех книгах:

Книга 1 – «Промышленное освоение региона».

Книга 2 – «Коренные малочисленные народы».

Книга 3 – «История современных населенных пунктов».

Остановимся на некоторых принципах реализации научно-исследовательского проекта «История ХМАО – Югры» в целом и конкретных его частей.

В ходе работы предстоит создание рабочей группы, формирующей концепцию издания, обеспечивающей формирование авторских коллективов для каждого из томов и координирующей работу всех авторов; составление планов работы над каждым из томов; формирование редколлегии томов и корпуса рецензентов из сотрудников числа ведущих российских организаций.

Для научных исследований, анализа и подготовки рукописи каждого тома формируется отдельный авторский коллектив, составляемый из специалистов по региональной истории, имеющих собственный авторский научный материал.

Авторские коллективы формируются в рамках установочных конференций. В процессе работы итоговых конференций происходит представление и обсуждение результатов проведенных исследований и итоговых рукописей разделов представителями научного сообщества или отдельными профильными специалистами.

Детальная разработка концепции и структуры каждого тома (исследования исторической эпохи), подготовка рукописей, редактирование, рецензирование, подготовка материалов и их издание являются прерогативой авторского коллектива, сформированного в рамках рабочей конференции.

Результаты научных работ рецензируются специалистами ведущих российских академических организаций, а также представителями органов власти и общественности.

Для обеспечения единого научно-методического подхода к исследованию и освещению результатов создается единая рабочая редакционная коллегия (совет), которая осуществляет редактирование и имеет право возвращать рукописи на доработку авторам и авторским коллективам.

Мы видим следующий алгоритм действий, необходимых для реализации проекта:

1. Формирование рабочей группы проекта «История ХМАО – Югры» из представителей регионального научного сообщества и органов государственной власти.
2. Создание, обсуждение, рецензирование концепции «Истории ХМАО – Югры» и рабочей программы реализации проекта.
3. Проведение установочных конференций для формирования авторских коллективов отдельных томов.
4. Проведение научно-исследовательских работ для получения новых источников (археологических, этнологических, историко-архивных, естественно-научных, инженерных и иных).
5. Подготовка рукописей отдельных томов, сборников материалов и исследований.
6. Проведение рабочих конференций авторских коллективов, обсуждение результатов исследований.

6. Выпуск материалов конференций: сборника материалов и исследований по теме каждого тома как приложения, а также публикация отдельных значимых источников/памятников.
7. Подготовка авторами итоговых рукописей отдельных разделов (параграфов) и сведение их в рукопись конкретного тома.
8. Формирование научно-редакционного коллектива (совета) и группы рецензентов.
9. Научное редактирование и рецензирование рукописи тома.
10. Доработка авторами рукописи в соответствии с замечаниями рецензентов.
11. Допечатная подготовка издания: литературное редактирование и корректура, обработка иллюстративного материала, верстка оригинал-макета, утверждение оригинал-макета.
12. Издание печатного тиража тома, версии на электронном носителе, доставка в регион, проведение презентационных мероприятий.

Помимо теоретических рассуждений мы предприняли попытку реализации на практике описанных выше принципов и алгоритма действий. Не все удалось реализовать так, как представлялось ранее, тем не менее представим результаты своей деятельности, а именно работы археологических научно-исследовательских организаций Югры в 2017–2018 годах по реализации проекта «История ХМАО – Югры»:

1. Подготовлена заявка на конкурс Департамента образования и молодежной политики ХМАО – Югры и получена ее поддержка, в результате чего в Сургутском государственном университете создана научная структура: Югорская лаборатория археологии и этнографии, реализующая проект «Многовековая Югра: История расселения и адаптации человека на Севере Западной Сибири».
2. Сотрудниками лаборатории и археологических исследовательских организаций Югры проведены консультации и подписаны соглашения о сотрудничестве с ведущими профильными научными организациями страны: ИИМК РАН, ИА РАН, ИАЭТ СО РАН, ИРИ РАН, ИИиА УрО РАН, ИЭРиЖ УрО РАН, МАЭ, МГУ, НовГУ, УрФУ.
3. Организованы и проведены полевые археологические исследования на четырех особо значимых для создания «Истории ХМАО – Югры» археологических памятниках: городище Шеркалы, городище Березовском, городище Каюково 2, могильнике и святилище Священная кедровая роща.
4. Организована и проведена Всероссийская научная конференция «Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв.».
5. Подготовлен и опубликован свод источников и исследований «Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв.», часть 1, подготовлена к изданию часть 2.
6. Подготовлено и выпущено репринтное издание книги А. Х. Лерберга 1818 г. «Исследования, служащие к объяснению древней русской истории», содержащей раздел «О Югрии».
7. Профинансировано издание новой монографии Е. В. Вершинина «Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII веке».
8. Определен предварительный состав авторского коллектива тома «Истории Югры» (том № 6 «Югра – волость в составе Древнерусского государства, Московского царства XII–XVII вв.»).

Для реализации всех вышеназванных мероприятий в 2018 году были использованы разные источники финансирования:

1. Средства Департамента образования и молодежной политики в форме госзадания СурГУ для реализации проекта «Многовековая Югра: история расселения и адаптации человека на Севере Западной Сибири (экологический и социокультурный аспекты)».
2. Средства гранта Департамента общественных связей.
3. Средства гранта РФФИ – Югра (софинансирование РФ и ХМАО – Югры).
4. Средства Фонда президентских грантов (средства РФ).
5. Собственные средства организаций ООО «НПО „Северная археология“», ООО «НИПИ „Этноархеоцентр“», АНО «Институт археологии Севера», полученные при выполнении хозяйственных работ.

В результате нами апробирован принцип финансирования комплекса мероприятий на основе формирования консолидированного бюджета проекта. В итоге мы убеждены, что реализация дея-

тельности по созданию «Истории ХМАО – Югры» возможна на основе консолидированного бюджета в виде госзаданий подведомственным учреждениям, средств грантов, субсидий и спонсорских средств.

Предлагаемый алгоритм финансирования «Истории Югры» будет способствовать развитию региональных учреждений образования и науки и вместе с тем привлекать непосредственных правообладателей интеллектуальной собственности из различных научно-исследовательских организаций страны.

Нельзя не отметить ряд проблем, возникших уже на первых стадиях реализации проекта в 2018 году.

27 марта и 10 апреля 2018 года на базе Сургутского государственного университета состоялось два заседания югорских историков по вопросам создания научного консорциума для участия в написании «Истории ХМАО – Югры». В этих мероприятиях приняли участие историки и археологи Сургутского государственного университета (СурГУ), Сургутского государственного педагогического университета (СурГПУ), Нижневартовского государственного университета (НВГУ) и археологических научно-исследовательских организаций Югры – научно-производственного объединения «Северная археология» (НПО СА), Института археологии Севера (ИАС), Научно-исследовательского проектно-изыскательского этноархеологического центра (НИПИ ЭАЦ). Руководство и сотрудники Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск), к нашему сожалению, официально не ответили на приглашение, а неофициально отказались присутствовать на мероприятии, сославшись на отсутствие данной темы в госзадании институту.

Археологами Югры была предложена двухчастная хронологически последовательная единая периодизация, учитывающая на последних этапах – начиная с XVIII века – внутреннее разделение в рамках томов на книги условно «по видам источников»: документальным, этнологическим, археологическим.

Историки НВГУ предложили изначальное деление «Истории Югры» по видам источников и исторических дисциплин в трех томах, каждый том – из нескольких книг:

Том 1. Археология Югры до XI–XVII веков.

Том 2. Этническая история народов Югры XVIII–XX веков.

Том 3. История Югры XVII – нач. XXI века.

В итоге обсуждения было достигнуто согласие по хронологическому принципу периодизации и разделению издания на три тома, каждый из которых предполагался в нескольких книгах:

Том 1. Археология Югры до XI века.

Том 2. История и археология Югры XI–XVII веков.

Том 3. История Югры XVIII – нач. XXI века (включая этническую историю).

Вместе с тем в рамках обсуждения – как на совещании, так и после – проявилось несколько противоречий, которые так и не удалось разрешить.

Противоречие 1:

– историки Югры (именно поэтому возник такой термин) традиционно разделяют исследователей исторического сообщества по специализациям: археологи, этнологи, историки (документалисты);

– археологи Югры не разделяют исследователей по виду используемых источников, особенно когда стоит задача воссоздания истории последнего тысячелетия региона с ограниченным количеством письменных данных.

Противоречие 2 – источники:

– историки Югры не предполагают НИР по выявлению новых данных;

– археологи Югры планируют изучение памятников эпох, о которых отсутствуют сведения.

Противоречие 3 – распределение объема текста по периодам:

– историки Югры настаивают на неравномерном распределении объема текста, основанном на приоритетном значении периода Новой и Новейшей истории и максимальном объеме источников;

– археологи Югры предлагают равномерное распределение тестового объема по периодам, которое может варьировать как объем собственно текста в томе, так и введение дополнительных разделов – книг.

Противоречие 4 – стоимость и сроки проведения работ:

– историки Югры определили срок работы коллектива в 3–5 лет и расчетную стоимость работ в размере среднего годового гранта РФФИ, что меньше стоимости археологических исследований одного полевого сезона;

– археологи Югры определили срок работ по проекту в 10–12 лет и определили расчетную стоимость работ в размере от 10 млн рублей ориентировочно на каждый год исследований.

В результате последующих обсуждений и с учетом отдельных предложений югорских историков у нас возникла вторая версия структуры «Истории ХМАО – Югры»:

Том 1. История ХМАО – Югры в доисторический период. Регион до XI века (от верхнего палеолита L–XLV тыс. л. до н. э. и до конца I тыс. н. э.).

Книга 1. Западносибирская тайга в эпоху верхнего палеолита – мезолита (на рубеже геологических эпох плейстоцена – голоцена). L–IX тыс. л. до н. э.

Книга 2. Западносибирская тайга от эпохи камня к периоду бронзы VIII – нач. I тыс. до н. э.

Книга 3. Западносибирская тайга в эпоху железа (формирование Югры или появление Югры): сер. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

Том 2. История ХМАО – Югры в ранний исторический период. Югра в составе Российского государства в XI – нач. XX века (1032–1917 гг.).

Книга 1. Югра – волость Новгород Великого. XI – сер. XV века (1032–1484 гг.).

Книга 2. Югра в составе Русского государства. Сер. XV – XVII век (1484–1699 гг.).

Книга 3. Югра уездная в составе Российской империи. XVIII–XX века (1700–1917 гг.).

Том 3. История ХМАО – Югры в новейший период и настоящее время. История в период нач. XX – нач. XXI века (1917–2017 гг.).

Книга 1. ХМАО – Югра в эпоху Советской России. Первая пол. XX века (1917 – сер. 1950-х гг.).

Книга 2. ХМАО – Югра в эпоху промышленного освоения недр. Вторая пол. XX века (сер. 1950-х – 1991 г.).

Книга 3. ХМАО – Югра в настоящее время. «На рубеже эпох». Рубеж XX–XXI веков. (1991–2017 гг.).

В итоге последующего дистанционного интернет-обсуждения нами была подготовлена третья версия структуры «Истории ХМАО – Югры», которая, скорее, является упрощенной и компромиссной по внутреннему содержанию в сравнении со вторым вариантом:

Том 1. История Югры с древнейших времен до н. э. – нач. XI в. н. э.

Книга 1. Эпоха камня (палеолит, мезолит, неолит).

Книга 2. Эпоха палеометалла (энеолит, бронза).

Книга 3. Эпоха РЖВ – средневековье (I тыс. до н. э. – нач. XI в. н. э.).

Том 2. История Югры с XI до начала XX в.

Книга 1. История Югры XI–XVII вв. (Югра – Русь – Россия).

Книга 2. История Югры XVIII – начала XIX в. (в составе Российской империи).

Книга 3. История Югры XIX – начала XX в. (в составе Российской империи).

Том 3. Новейшая история Югры (с начала XX до начала XXI в.).

Книга 1. Югра в первой половине XX в.: 1917 – сер. 1950-х гг.

Книга 2. Югра в эпоху индустриального освоения: сер. 1950-х – кон. 1980-х гг.

Книга 3. Современная Югра: 1990 – 2000-е гг.

Предлагаемая нами периодизация и структура «Истории ХМАО – Югры» не претендует на безупречность. Правильнее рассматривать наши предложения как предмет для обсуждения, особенно в вопросе о последних исторических периодах. Однако следует понимать, что обсуждение не может быть бесконечным, и если период XX – нач. XXI века, за исключением этнографии коренных народов,

не является сферой наших профессиональных интересов, то все предшествующие эпохи нам особо небезразличны, поскольку подлежат археологическому изучению. Поэтому остановимся на некоторых наиболее важных аспектах и специфических чертах археологии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Археологическое наследие ХМАО – Югры имеет определенные особенности, отличающие регион от сопредельных территорий с близким ландшафтом. Югра включает зону северной тайги Западной Сибири. На территории Югры площадью 535 000 кв. км учтено около 5850 объектов археологии¹.

По количеству памятников Югра превосходит сопредельные регионы:

– в таежной зоне Северо-Востока Европы в Республике Коми и Пермском крае общей площадью 576 137 кв. км, где выявление археологических древностей происходит более 100 лет, – 2455 объектов археологии;

– в зоне северной тайги и тундры Севера Западной Сибири в Ямало-Ненецком автономном округе общей площадью 750 000 кв. км – 550 объектов археологии.

Из числа уникальных особенностей древней истории Югры следует отметить в первую очередь:

– высокую плотность населения таежной зоны Севера Западной Сибири в древности – эпоху камня и палеометалла;

– наличие большого числа укрепленных поселений, не характерных для обычных обществ охотников: городки составляют около 12 % (более 700);

– наличие систем коллективной охоты на крупных копытных: около 20 % (около 1000) – крупнейший в Евразии комплекс;

– сложные архитектурные сооружения эпохи неолита: 4 памятника возраста 8–9 тыс. лет;

– археологические памятники Югры составляют 96 % всего культурного наследия региона.

Считается, что от древности к современности объем исторических источников многократно возрастает – возрастает и их разнообразие. Это справедливо, но только отчасти и во многом связано с восприятием археологии как исключительно вещеведения. За последние десятилетия технического развития изучение древних эпох и народов, не имевших письменности, шагнуло далеко вперед от простого извлечения артефактов. Значительно изменилась методика археологического изучения, немыслимая сейчас без комплексного подхода и использования многочисленных методов естественных наук. В итоге таких исследований получены соответствующие разнообразные и значимые результаты, однако представить их в полном объеме не позволяет ретроградное отношение к отрасли, и отчасти этому способствует отношение собратьев по отрасли.

Неоднократно воспроизводимое в процессе обсуждения мнение историков-«документалистов», основывающих свои выводы исключительно на письменных данных, о том, что вся археология – это просто история первобытного общества, «первобытка», представляется в корне неверным. На наш взгляд, абсолютно все исторические периоды вне зависимости от личных интересов организаторов или авторов-исполнителей равнозначны. Мы можем обсуждать лишь объем известных источников по тому или иному историческому периоду и, исходя из этого, определять объем дополнительных исследований и, соответственно, объем отражения сведений в итоговом труде.

Есть еще одна специфическая черта, характеризующая археологическое наследие в целом и в Югре в частности. В соответствии с действующим законом РФ 73-ФЗ от 25.06.2002 (с поправками) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» к археологическому наследию относятся скрытые в земле объекты, возраст которых превышает 100 лет. Госорган охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры, в соответствии с действующим законом РФ, требует проведения археологического изучения всех объектов возрастом свыше 100 лет в случае угрозы их разрушения при хозяйственном освоении территории.

Игнорирование археологического наследия XVIII – нач. XX века в создаваемой «Истории ХМАО – Югры» – это, прежде всего, отказ от многообразных, мало используемых источников по истории материальной культуры широких слоев населения, которые не только дополняют, но иногда и опровергают нередко субъективные письменные данные. Именно такие материалы стали неотъемлемой частью

¹ nasledie.admhmao.ru

экспозиций многих музеев, где выставки «бабушкиных вещей» вызывают у людей теплые чувства и способствуют эмоциональной связи поколений. Кроме того, такой своеобразный отказ от недавнего прошлого может сформировать прецедент, демонстрирующий неадекватные действия власти и положений закона РФ, что негативно скажется на сохранении всего археологического наследия. Считаем необходимым включить в «Историю ХМАО – Югры» сведения об археологическом наследии – бытовой материальной культуре населения региона с начала расселения на территории Западной Сибири до начала XX века – 1917 года.

Анализируя первый опыт общения с коллегами и практической реализации небольшой части проекта, мы пришли к еще одному варианту, который может обеспечить выполнение задачи. В связи с тем что археологическое наследие Югры составляет 96 % от числа всех памятников прошлого и временной интервал жизнедеятельности человека в бесписьменный период во всей региональной истории не многим меньше, возможны на первом этапе создание и реализация отдельного проекта «Археология Югры». То есть в условиях невозможности преодоления междисциплинарных противоречий внутри исторического сообщества на первом этапе предлагаем реализовать три отдельных проекта:

1. Археология Югры – с начала расселения до 1917 г.
2. Этнография народов Югры – XVII–XX вв.
3. История ХМАО – Югры 1917–2017 гг.

Впоследствии на основе этих проектов может быть создана хронологически последовательная «История Югры» новым авторским коллективом, в рамках которого удастся избежать противоречий. В любом случае будет создана информационная база по всем аспектам региональной истории, которую – в зависимости от необходимости – можно будет трансформировать в хронологически последовательную единую «Историю ХМАО – Югры», в учебник «История ХМАО – Югры» или туристический проспект «История Югры». Причем сделать это смогут любые специализированные авторские коллективы, особенно в части, касающейся специфики школьных или вузовских учебников.

Значение исторического знания в современной жизни, казалось бы, не нуждается в обосновании, и очередной акцент на этой теме вызывает ощущение набитой оскомины. Однако рассуждения о халве не вызывают ощущения сладости во рту – на поверку уровень знания истории у широких слоев населения не просто далек от желаемого, но еще и разбавлен историческим мракобесием, формируемым многочисленными фальсификаторами, фантазерами и подхватываемым ненадежными средствами массовой информации. Одной из причин популярности фантазийной истории – ее интригующая таинственность, новизна открытия, яркая и неординарная подача. А это, к слову, – как раз то, что присутствует почти во всех археологических исследованиях, в том числе в Югре. Если рассуждать на бытовом уровне, то не вызывает сомнения, что читателям одинаково интересно будет узнать, сколько тонн нефти добывали в 60–70-е годы и откуда у жителей северной тайги появились в IV–VII веках золотые серьги и серебряные пояса или в XV веке – раковины каури.

Значимость истории, включая все ее периоды, в том числе и развитие истории отдельных регионов, можно образно сравнить со значением изучения полета стрелы или нескольких стрел и факторов влияния на их траекторию. Не зная, откуда летит стрела или были пущены другие стрелы исторической судьбы народов, практически невозможно определить, в какой точке траектории движения мы находимся сейчас, а потому невозможно вычислить, куда мы прилетим, и тем более нельзя откорректировать направление, если финал нас не устраивает. Нет незначимых участков определения траектории полета каменного ядра из античной баллисты или современной баллистической ракеты, ибо невнимательному будет уготовано небытие.

От полноценного отображения всех частей пройденного регионом пути зависит определение вектора дальнейшего его исторического развития – как индивидуального, так и в составе большой единой государственной системы. Именно поэтому мы считаем особо важным паритетное представление в «Истории ХМАО – Югры» всех исторических периодов, в особенности археологических феноменов древнейших эпох, поскольку именно они будут способствовать формированию уникального исторического имиджа нашего региона.

Список источников и литературы

- Арне Т. Й.* Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века / Под ред. А. Я. Труфанова. Науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой. Коммент. А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. – 184 с.
- Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы I Всероссийской научной археологической конференции (г. Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. – 352 с.
- Беляев И. Д.* О географических сведениях в древней России // Записки Императорского русского географического общества. Книжка VI, изданная подъ ред. А. Н. Попова. – Спб.: Типография II Отд. С.Е.И.В.К., 1852. – С. 246–249.
- Боярский П. В., Визгалов Г. П., Ивасько Л. В., Кардаш О. В., Сумин В. В., Шульгин П. М.* Коч – русское полярное судно: проблемы исследования и реконструкции. – М., 2000. – 74 с.
- Вершинин Е. В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII в. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. – 504 с.: ил.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея – первый русский город в сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). – Нефтеюганск; Екатеринбург: Баско, 2007. – 320 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург: Магеллан, 2008. – 296 с.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В.* Святилище Ай-орт-ики на реке Малый Салым: историко-этнологическое исследование // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Нефтеюганск; Екатеринбург: АМБ, 2010. – Вып. II. – 216 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В.* Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). – Нефтеюганск; Екатеринбург: АМБ, 2011. – 216 с.
- Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В.* Историческая экология населения севера Западной Сибири / Под общ. ред. П. А. Косинцева – Екатеринбург: АМБ, 2013. – 376 с.: ил. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 4).
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа «Караван», 2017. – 360 с., ил.
- Гриценко В. Н., Ивасько Л. В., Кардаш О. В., Клепиков А. В., Мартынова Е. П., Суровень Д. А., Федорова Е. Г.* Салымский край. – Екатеринбург: Тезис, 2000. – 344 с.
- Главацкая Е. М., Коноваленко М. В., Вершинин Е. В., Ивасько Л. В., Кардаш О. В., Загороднюк Н. И., Визгалов Г. П., Юнина М. В.* Населенные места Салымского края. – Екатеринбург: Баско, 2005. – 304 с.
- Зыков А. П.* Барсова Гора. Очерки археологии Сургутского Приобья: Средневековье и новое время. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. – 232 с.
- Кардаш О. В.* Надымский городок. История и материальная культура конца XVI – первой трети XVIII в. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Магеллан, 2009. – 320 с.: ил.
- Кардаш О. В.* Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). – Екатеринбург; Нефтеюганск: АМБ, 2011. – 60 с.
- Кардаш О. В.* Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура). – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013а. – 360 с.: ил.
- Кардаш О. В.* Полуийский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII в.: История и материальная культура). – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013б. – 380 с.: ил.
- Кардаш О. В., Визгалов Г. П.* Городок Монкысь урий: К истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического изучения) [Текст]: в 2 т. – Екатеринбург: Издательская группа «Караван», 2015. – Том I. Археологические исследования. – 448 с.: ил. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 5).
- Кардаш О. В., Визгалов Г. П.* Городок Монкысь урий: К истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического изучения) [Текст]: в 2 т. – Екатеринбург: Издательская группа «Караван», 2015. – Том II. Источники и специальные исследования. – 208 с.: ил. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 5).

Кардаш О. В., Визгалов Г. П., Кениг А. В. Монкысь урий – городок XVI–XVII веков на реке Большой Юган (краткие результаты комплексного археологического исследования) // Вестник «Археология Севера. Новые открытия». – Нефтеюганск: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. – Вып. 1. – 158 с.

Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: сборник научных статей к 80-летию А. Н. Кирпичникова: в 2 т. – СПб.; М.: Ломоносов, 2009. – Т. 1. – 560 с.

Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: сборник научных статей к 80-летию А. Н. Кирпичникова: в 2 т. – СПб.; М.: Ломоносов, 2010. – Т. 2. – 552 с.

Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / Под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова // Материалы 5 Международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях». (Тюмень 25–28 ноября 2014 г.): в 2 томах. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Том I. – 320 с.; Том II. – 184 с.

Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории: [репринтное издание] // Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. – Вып. VIII. – Сургут; Нефтеюганск: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. – 456 с.

Мартин Ф. Р. Сибирика: Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / Под ред. А. Я. Труфанова. Науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой. Коммент. А. С. Сопочиной и А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. – 144 с.

Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Вып. I. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 247 с.

Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. – Вып. III: Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз». – Нефтеюганск; Екатеринбург: Магеллан, 2013. – 256 с.

Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Вып. VI: Археология и история Северо-Западной Сибири: сб. науч. ст. / отв. ред. А. Я. Труфанов. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. – 216 с.: ил.

Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. – Вып. VII: Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках: свод источников и исследований: сборник материалов II Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года): в 2 ч. / отв. ред. В. А. Лапшин. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. – Часть I. – 500 с.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирскаго царства и всѣхъ произшедшихъ въ немъ дѣлъ, отъ начала а особливо отъ покорения его Российской державѣ по сии времена. Книга первая. – СПб.: Изд-во Императорской Академіи Наукъ, 1750.

Мурыгин А. М., Липс С. А., Кардаш О. В. Древнее святилище на реке Море-Ю: каталог археологической коллекции предметов IV–XIV вв. – Сыктывкар; Екатеринбург; Нефтеюганск: Издательская группа «Караван», 2016. – 312 с.

Обдорский край и Мангазея в XVII веке: сборник документов / авт.-сост. Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 200 с.; 8 с. ил.

Оксенов А. В. Сношения Новгорода Великаго с Югорской землей: историко-географический очерк по древнейшей истории Сибири // Литературный сборник. Издание редакции «Восточного Обозрения»: собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке / Ред. И. М. Ядринцев. – СПб.: [б. и.], 1885. – С. 425–455.

Перечень поручений по реализации ежегодного Обращения губернатора ХМАО – Югры к жителям ХМАО – Югры, представителям общественности и депутатам Думы ХМАО – Югры от 23 декабря 2016 г.

Протокол № 25 заседания проектного комитета ХМАО – Югры от 23 января 2018 г. о принятии проекта «Академической истории ХМАО – Югры» приоритетным направлением.

План основных мероприятий на 2018 г. от 02.03.2018 г. по подготовке и проведению празднования 100-летия российской археологии.

Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недви-

жимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург: Магеллан, 2014. – 344 с.

Резолюция II Международного гуманитарного Форума «Гражданские инициативы регионов 60-й параллели» 28–29 ноября 2017 г.

Семенова В. И. Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: СИФ РАН «Наука», 2005. – 164 с.: ил.

Семенова В. И. Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). – Тюмень: Изд-во ИППО СО РАН, 2008. – 213 с.

Северная археология / Под ред. Г. П. Визгалова, О. В. Кардаша. – Нефтеюганск; Екатеринбург: АМБ, 2010. – 112 с.

Резолюция. https://ugranko.admhmao.ru/upload/Резолюция_Форума_60_параллель_2017.pdf

Протокол № 25. <https://depproect.admhmao.ru/proektnyy-komitet-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry/zasedaniya-komiteta/23-yanvary-a-2018-goda/1096082/protokol-zasedaniya>

Перечень поручений. <http://www.admoil.ru/porucheniya-gubernatora-khmao-yugry?id=1278>

План мероприятий к 100-летию. <http://static.government.ru/media/files/yPeAa2mS7z6eS3tVbC50qeYeXKeQZtfT.pdf>; <http://www.archaeolog.ru/?id=551>

Рис. 1. Обложки научных изданий, подготовленных и выпущенных региональным научно-исследовательским объединением археологических организаций Югры «Северная археология»: **Боярский П. В., Визгалов Г. П., Ивасько Л. В., Кардаш О. В., Сумин В. В., Шульгин П. М.** Коч – русское полярное судно: проблемы исследования и реконструкции. – М., 2000. – 74 с. Болота и люди (Материалы международного семинара «Болота и археология» 1.09.1998 г. – 9.09.1998 г.). – М.: Институт Наследия, 2000. – 212 с.: ил. **Гриценко В. Н., Ивасько Л. В., Ильина И. В., Кардаш О. В., Клепиков А. В., Мартынова Е. П., Суровень Д. А., Федорова Е. Г.** Салымский край. – Екатеринбург: Тезис, 2000. – 344 с.: ил. **Главацкая Е. М., Коноваленко М. В., Вершинин Е. В., Ивасько Л. В., Кардаш О. В., Загороднюк Н. И., Визгалов Г. П., Юнина М. Ю.** Населенные места Салымского края. – Екатеринбург: Баско, 2005. – С. 86–109.

Рис. 2. Обложки научных изданий, подготовленных и выпущенных региональным научно-исследовательским объединением археологических организаций Югры «Северная археология»: *Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Вып. I* – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 246 с. *Визгалов Г. П., Кардаш О. В.* *Святынище Ай-орт-ики на реке Малый Салым: историко-этнологическое исследование.* – (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; вып. II). – Нефтеюганск; Екатеринбург: АМБ, 2010. – 216 с.; *Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз».* – Нефтеюганск; Екатеринбург: Магелан, 2013. – 265 с.: ил. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. III). *Визгалов Г. П., Кардаш О. В., Косинцев П. А., Лобанова Т. В.* *Историческая экология населения севера Западной Сибири,* под общ. Ред. П.А.Косинцева – Екатеринбург: АМБ, 2013. – 376 с.: ил. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. IV).

Рис. 3. Обложки научных изданий, подготовленных и выпущенных региональным научно-исследовательским объединением археологических организаций Югры «Северная археология»: **Кардаш О. В., Визгалов Г. П.** Городок Монкысь урий: К истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического изучения) [Текст]: в 2 т. – Екатеринбург : Издательская группа «Караван», 2015. – Том I. Археологические исследования. – 448 с. : ил. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. V). **Кардаш О. В., Визгалов Г. П.** Городок Монкысь урий: К истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического изучения) [Текст]: в 2 т. – Екатеринбург : Издательская группа «Караван», 2015. – Том II. Источники и специальные исследования. – 208 с. : ил. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. V). Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований. сборник материалов Всероссийской научной конференции (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года): в 2 частях / отв. ред. В. А. Лапшин. – Сургут ; Нефтеюганск ; Екатеринбург : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. – Часть I. – 500 с. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VII). Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований: сборник материалов Всероссийской научной конференции (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года): в 2 частях / отв. ред. В. А. Лапшин. – Сургут ; Нефтеюганск ; Екатеринбург : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2019. – Часть II. – 500 с. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VII).

Рис. 4. Обложки научных изданий, подготовленных и выпущенных региональным научно-исследовательским объединением археологических организаций Югры «Северная археология»: Археология и история Северо-Западной Сибири. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. – 216 с. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VI). Лерберг А. Х. Исследования служащие к объяснению древней русской истории : [репринтное издание]. – Сургут ; Нефтеюганск : Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. – 456 с. – (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. VIII). Северная археология / Под ред. **Визгалова Г. П., Кардаша О. В.** – Нефтеюганск; Екатеринбург: АМБ, 2010. – 112 с. **Кардаш О. В., Визгалов Г. П., Кениг А. В.** Монкысь урий – городок XVI-XVII веков на реке Большой Юган (краткие результаты комплексного археологического исследования) – Вестник «Археология Севера. Новые открытия». – Вып. 1. – Нефтеюганск: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. – 158 с.

Рис. 5. Обложки научных изданий, подготовленных и выпущенных региональным научно-исследовательским объединением археологических организаций Югры «Северная археология»: **Кардаш О. В.** Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). – Екатеринбург; Нефтеюганск: АМБ, 2011. – 60 с. **Кардаш О. В.** Надымский городок князей Большой Карачи (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 360 с., ил. **Кардаш О. В.** Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура) / Выходные сведения, резюме, оглавление парал. рус., англ. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 380 с., ил. Обложка подарочного издания «Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв.: История и материальная культура». – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013 г.

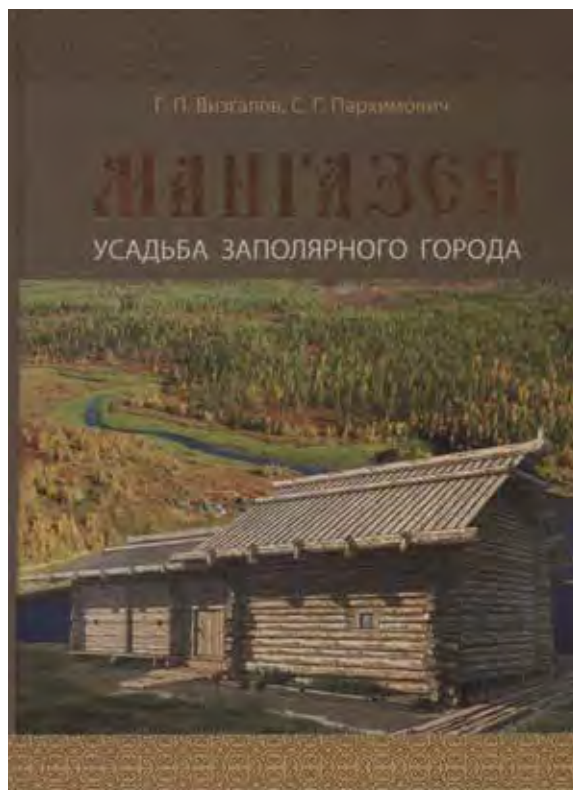

Рис. 6. Обложки научных изданий, подготовленных и выпущенных региональным научно-исследовательским объединением археологических организаций Югры «Северная археология»: **Вершинин Е. В., Визгалов Г. П.** Обдорский край и Мангазея в XVII веке: сборник документов. – Екатеринбург: Тезис, 2004. – 200 с. **Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.** Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург: Магеллан, 2008. – 296 с. **Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В.** Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). – Нефтеюганск; Екатеринбург: АМБ, 2011. – 216 с. **Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.** Мангазея: усадьба заполярного города. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа «Караван», 2017. – 360 с.

Рис. 7. Обложки научных изданий, подготовленных и выпущенных региональным научно-исследовательским объединением археологических организаций Югры «Северная археология»: **Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.** Мангазея: новые археологические исследования (2005–2010 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск, 2013. – 32 с. **Мурыгин А. М., Литс С. А., Кардаш О. В.** Древнее святилище на реке Море-Ю: каталог археологической коллекции предметов IV–XIV вв. – Сыктывкар; Екатеринбург; Нефтеюганск: Издательская группа «Караван», 2016. – 312 с. Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всероссийской научной археологической конференции (г. Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. – С. 212–214. Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охранных археологических исследований: материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.). – Екатеринбург: Магеллан, 2014. – 344 с.

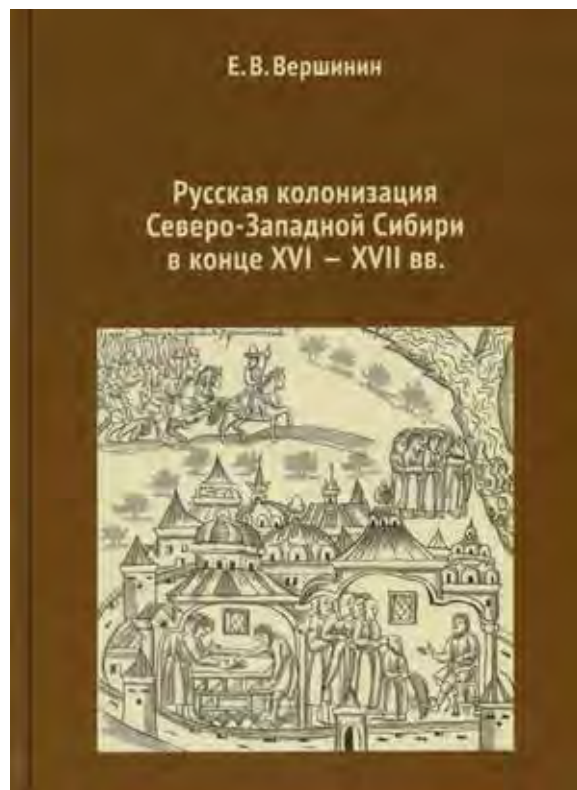
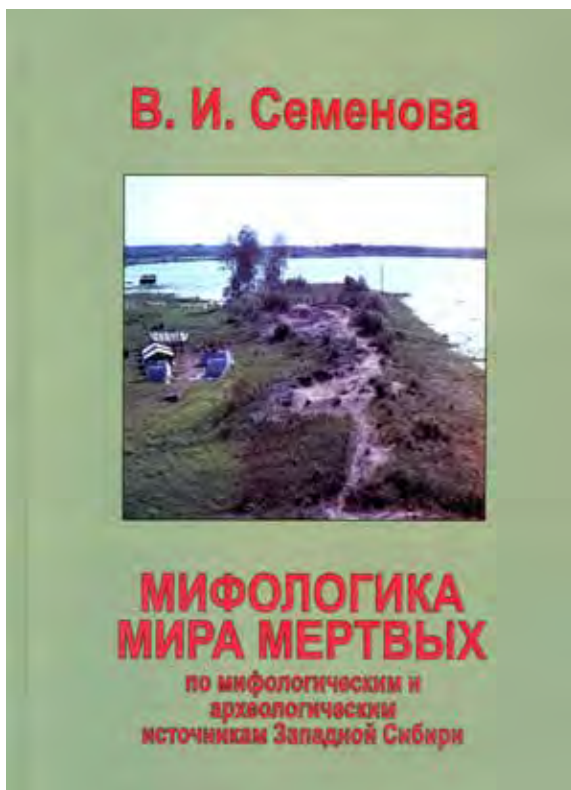

Рис. 8. Обложки научных изданий, опубликованных на средства регионального научно-исследовательского объединения археологических организаций Югры «Северная археология»: **Семенова В. И.** Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2005. – 296 с.: ил. **Семенова В. И.** Поселение и могильник Частухинский урий. – Новосибирск: Наука, 2005. – 164 с.: ил. **Семенова В. И.** Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2008. – 213 с.: ил. **Вершинин Е. В.** Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. – Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. – 504 с.: ил.

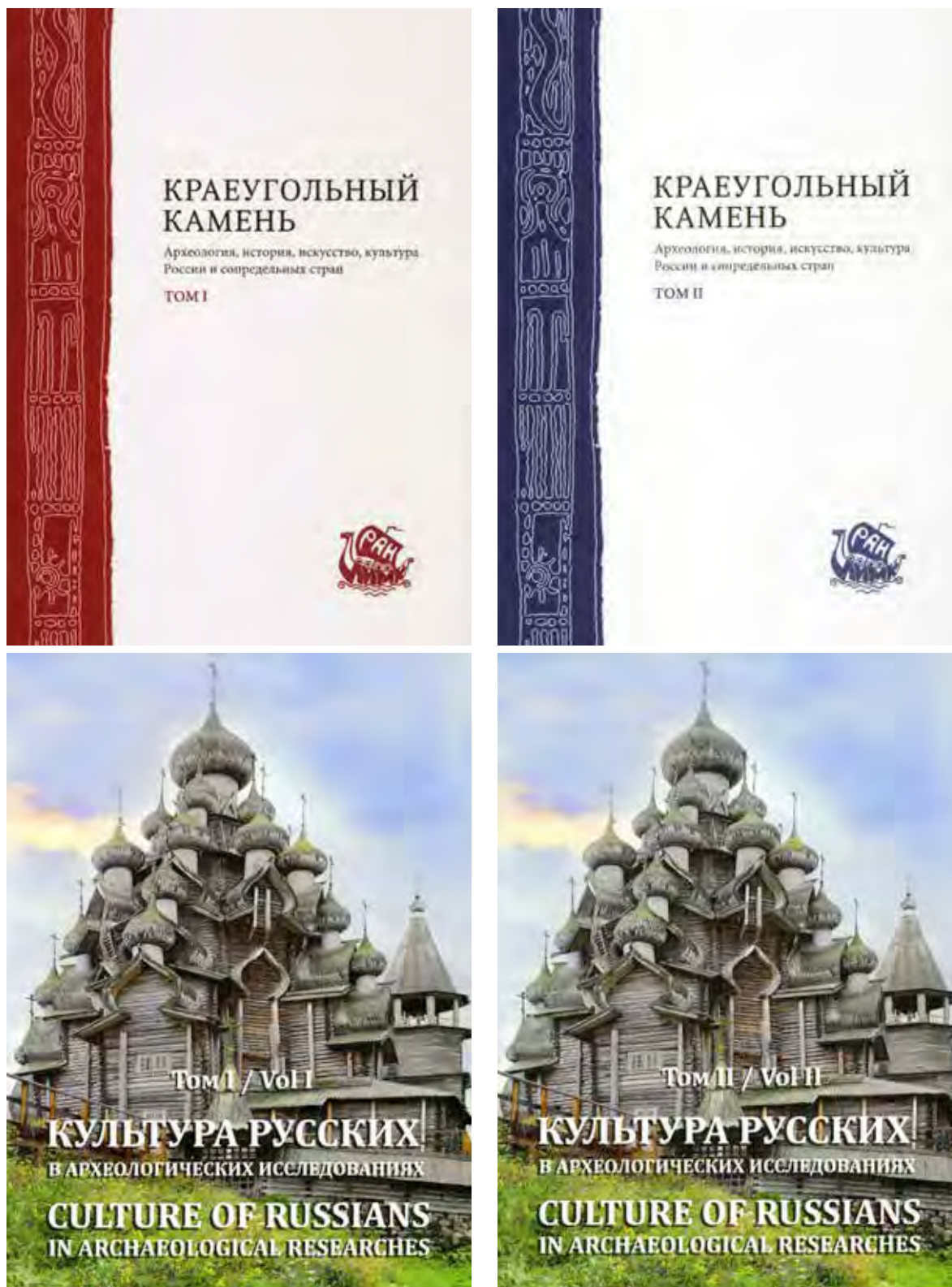

Рис. 9. Обложки научных изданий, опубликованных на средства регионального научно-исследовательского объединения археологических организаций Югры «Северная археология»: Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается: в 2 т. / Под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. – М.: Ломоносов, 2010. – Том I. – 560 с. Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова посвящается: в 2 т. / Под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. – М.: Ломоносов, 2010. – Том II. – 552 с. Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст.: в 2 т. / Под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Том I. – 320 с. Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст.: в 2 т. / Под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Том II. – 184 с.

Рис. 10. Обложки научных изданий, опубликованных на средства регионального научно-исследовательского объединения археологических организаций Югры «Северная археология»: Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: в 2 ч. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – Ч. 1. – 296 с. Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии: в 2 ч. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. – Ч. 2. – 204 с. Полярный архив. Том 1. Труды Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) / под общей редакцией П. В. Боярского. – М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. Морская арктическая комплексная экспедиция, 2003. – 500 с: ил. **Перевалова Е. В., Карачаров К. Г.** Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск; УрО РАН: Студия «ГРАФО», 2006. – 352 с.

Рис. 11. Обложки научных изданий, подготовленных и опубликованных на средства региональной научно-исследовательской организации МУ Сургутского района ИКНЦП «Барсова гора»: Барсова гора: 110 лет археологических исследований / Под ред. А. Я. Труфанова и Ю. П. Чемякина. – Сургут: МУ ИКНЦП «Барсова гора», 2002. – 224 с., 133 ил. Барсова Гора: археологическая карта. – Сургут – Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. – 208 с. Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2008. – 300 с.: ил. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут – Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. – 224 с.: ил.

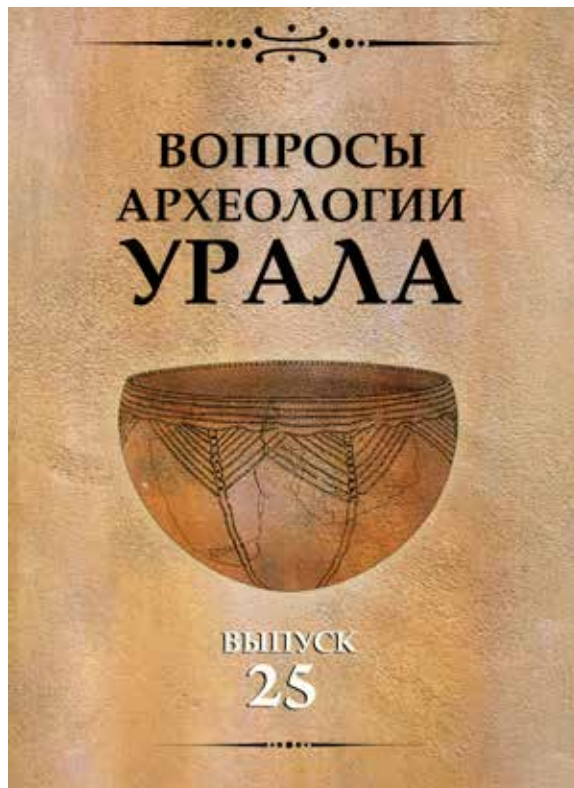
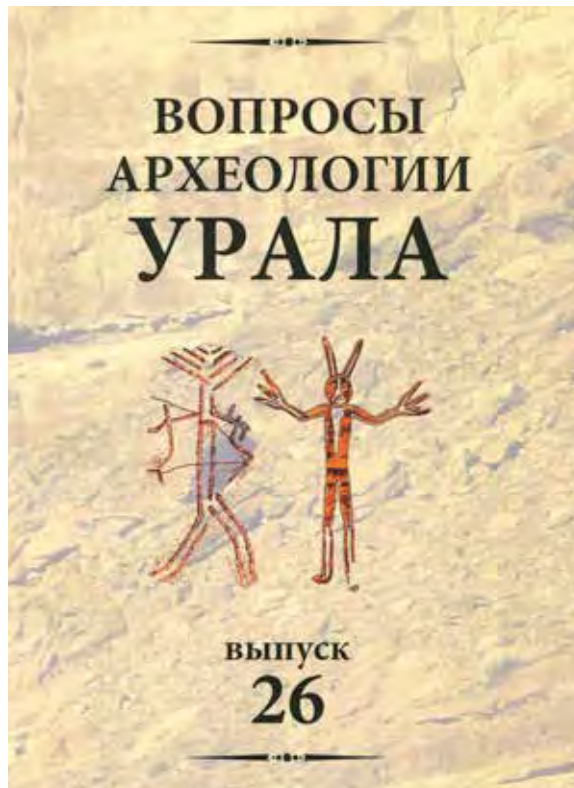

Рис. 12. Обложки научных изданий, подготовленных и опубликованных на средства региональной научно-исследовательской организации МУ Сургутского района ИКНЦП «Барсова гора»: Барсова гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековые и новое время. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 2012. – 232 с. Вопросы археологии Урала: сб. науч. тр. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – 264 с. Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья: колл. монография / под ред. Л. Л. Косинской, А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006. – 192 с.; ил. Вопросы археологии: сб. науч. тр. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. – Вып. 25. – 252 с.

Рис. 13. Обложки научных изданий, подготовленных и опубликованных на средства региональной научно-исследовательской организации МУ Сургутского района ИКНЦП «Барсова гора»: Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / Науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой; под ред. А. Я. Труфанова; коммент. А. С. Сопочиной и А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. – 144 с.; ил. Арне Т. Й. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века. / Науч. пер. с нем. Ж. Н. Труфановой; под ред. А. Я. Труфанова; коммент. А. Я. Труфанова. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. – 184 с.; ил. Яковлев Я. А. Могильник Тоянов Городок: каталог коллекции Ф. Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного исторического музея (г. Стокгольм) / Под ред. Ю. В. Ширина; пер. на англ. С. В. Шарповой. – Томск; Сургут: Изд-во Том. ун-та, 2009. – 348с. – 500 экз.

**Резолюция Всероссийской конференции «Археология Севера России:
Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках»
(г. Сургут, 1–5 октября 2018 года)**

1–5 октября 2018 г. в г. Сургут на базе Института гуманитарного образования и спорта Сургутского государственного университета состоялась Всероссийская научная конференция «Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках». Конференция организована и проведена ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет ХМАО – Югры», АНО «Институт археологии Севера», ООО «НПО «Северная археология-1» при содействии Института археологии и этнографии СО РАН, Институтом истории материальной культуры РАН, Института археологии РАН и Уральского Федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Конференция проводилась при финансовой поддержке Фонда президентских грантов – заявка № 18-1-002471, Департамента общественных и внешних связей ХМАО-Югры – грант Археологические древности Югры и собственных средств организаторов.

В работе конференции приняли участие более 60 специалистов из 26 научных, культурных и учебных центров России, как опытные исследователи – члены корреспонденты РАН, доктора и кандидаты наук, так и молодые учёные – аспиранты, научные сотрудники, студенты, представители гуманитарных и естественных наук – археологи, антропологи, этнографы, историки, палеоэкологи, географы, а также сотрудники музеев.

Организации-участники конференции: «Институт археологии Российской Академии наук» (г. Москва), Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики» (г. Москва), «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук» (г. Новосибирск), ГБОУ ВПО «Сургутский государственный университет ХМАО – Югры» (г. Сургут), АНО «Институт археологии Севера» (г. Нефтеюганск), ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1» (г. Нефтеюганск), ООО «Археологические изыскания в строительстве» (г. Москва), Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (г. Великий Новгород), Государственный архив Новгородской области (г. Великий Новгород), Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород), Новгородский областной колледж искусств им. С. В. Рахманинова (г. Великий Новгород), Уральский федеральный университет имени первого президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург), Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург), Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург), Институт проблем освоения Севера ФИЦ ТюмНЦ СО РАН (г. Тюмень), Сибирский федеральный университет (г. Красноярск), «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания»» (г. Красноярск), Институт истории и материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), Российский этнографический музей (г. Санкт-Петербург), Музей-институт семьи Рерихов (г. Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург), Отдел сохранения археологического наследия Новгородской археологической экспедиции (г. Москва), Музей антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва), Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва),

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва), Центр Русистики, университет им. Лоранда Этвеша (Венгрия, г. Будапешт).

Вторая Всероссийская археологическая конференция «Археология Севера России», посвященная проблеме включения Югры в состав земель Новгорода Великого, является логическим продолжением введения в научный оборот результатов исследовательских программ по изучению российского Севера и определения перспективных направлений в исследовании данной проблематики. Одной из тем поручения Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, была обозначена реализация проекта «Многовековая Югра», предусматривающего поддержку гуманитарных и естественнонаучных исследований для реконструкции региональной истории. В этом году в рамках данного проекта выделено направление по созданию много томной Истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Сегодня активно обсуждается проблема исторической связи современного субъекта Российской Федерации – Ханты-Мансийского автономного округа с летописной Югрой, и времени ее вхождения в состав земель Новгорода Великого и числилась его волостью.

На конференции 2018 года, второй Всероссийской археологической конференции «Археология Севера России», было уделено внимание двум тематическим направлениям исследования:

1. Югра и Новгородская Земля в этнокультурном и социально-политическом пространстве XI–XV веков: – взаимодействие населения Северо-Восточной Европы и Севера Западной Сибири; становление политических институтов и социальная организации общества; культурная экспансия и опосредованное влияние (по данным письменных источников, археологии, лингвистики, антропологии и архитектуры); религия и взаимоотношение югорских племен и новгородских первопродцев.

2. Новгород Великий в освоении северных территорий: – история и пути проникновения населения новгородской республики в Югру. Формы и особенности Югорской рецепции проникновения. Волости Новгорода Великого: «а се волости новгородьские...»; – походы новгородцев и их роль в освоении Древнерусским государством территорий Севера Евразии.

На конференции обсуждены вопросы как научного, так и практического характера, в том числе: проблемы изучения историко-культурного наследия Севера Евразии, его сохранения в современных условиях и использования в общественных целях. Проанализированы информационные возможности археологических, этнографических, исторических, архитектурных источников по истории в реконструкции первых северных городов.

Следует отметить высокий уровень докладов, а также использование комплексного и междисциплинарного подходов в большинстве представленных научных исследований.

* * *

На основании вышеизложенного, участники Всероссийской научной конференции «Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках» вынесли следующие решения, рекомендуемые к рассмотрению органами законодательной и исполнительной власти регионов, а также образовательных и научно-исследовательских учреждений.

Решения Всероссийской научной конференции «Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках»

1. Всероссийскую научную конференцию «Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках», проведенную 1–5 октября 2018 года на базе Института гуманитарного образования и спорта Сургутского государственного университета соответствует, как по составу присутствующих, так и по качеству докладов уровню Всероссийских научных конференций. Мероприятие обеспечено благодаря высокому организационному и научному уровню региональных организаций – АНО «Институт археологии Севера» и ООО «НПО «Северная археология-1». На конференции впервые были озвучены результаты новейших археологических открытий в области истории Севера России, совершенные Югорскими археологами.

2. Проведение Всероссийской конференции «Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках» считать успешным, в связи с чем, рекомендовать периодичность проведения подобных научных форумов с интервалом 3–5 лет. Тематическую направленность региональной конференции определять в соответствии с особо значимыми научными и общественными задачами, а также проектами «Многовековая Югра» и «История Югры». Научным центрам, принимающим участие в данной конференции, предлагается рассмотреть возможность продолжения и развития тематики состоявшегося форума в рамках проведения собственных научных мероприятий совместно с Югорскими научно-исследовательскими организациями. В качестве следующей темы конференции рекомендовать «Югра в составе Московского царства в XV–XVII вв.

3. В рамках круглого стола «Территория Югры и время ее вхождения в состав Древнерусского государства в качестве волости Новгорода Великого» был заслушан и обсужден коллективный доклад (Кардаш О. В., Кениг А. В., Визгалов Т. П., Гирченко Е. А.) «Академическая история Югры: концепции и создание региональной истории». Участниками конференции концептуальный подход признан соответствующим современному уровню комплексного археологического исследования. Высказан ряд замечаний. Отмечена некорректность названия «Академическая», нереальность срока исполнения – 3 года, а также недостаточная проработка в части научного редактирования издания и единой редакционной коллегии. Концепция создания и периодизация не вызывает возражений, может быть доработана и изменена по результатам работ над каждым разделом и может быть принята за основу. Концепцию и предложенную периодизацию можно признать состоятельной. В таком виде предлагаем принять ее за основу и доработать по эпохам и периодам.

4. Считаю необходимым подготовить и выпустить вторую часть свода источников и исследований по теме, куда включить неопубликованные доклады и другие исследования по данной тематике, прозвучавшие в процессе работы конференции.

5. Конференция подчёркивает чрезвычайную значимость интеграции научных центров Российской Академии наук, университетов, центров охраны и изучения историко-культурного наследия с целью оптимального решения научных, образовательных и охранных проблем северных регионов России и Сибири и имеющих огромную важность для реализации научного, образовательного и культурного потенциала страны.

1. Андриенко Алексей Владимирович, заведующий отделом хранения и изучения археологических коллекций Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (НГОМЗ)

2. Анкудинов Игорь Юрьевич, ст.науч.сотр. Государственный архив Новгородской области (ГАНО)

3. Багашев Анатолий Николаевич, д-р ист. наук, директор ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, директор Институт проблем освоения Севера СО РАН (ИПОС СО РАН)

4. Баринов Валентин Викторович, мл.науч.сотр., Сибирский федеральный университет (СФУ)

5. Вершинин Евгений Владимирович, канд. ист. наук, историк НПО «Северная археология-1»

6. Визгалов Георгий Петрович, канд. ист. наук, вед.науч.сотр., научно-образовательный центр Институ-

та гуманитарного образования и спорта Сургутского государственного университета (НОЦ ИГОИС СурГУ), директор НПО «Северная археология – 1» (НПО СА-1)

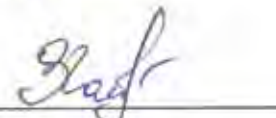

5

7. Гаевская Виктория Викторовна, руководитель сектора грантов Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера» (АНО ИАС)

8. Гайдакова Зоя Геннадьевна, науч.сотр., Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера» (АНО ИАС)

9. Генинг Владимир Владимирович, канд. ист. наук, советник генерального директора ООО "Археологические изыскания в строительстве"

10. Гиппиус Алексей Алексеевич, д-р филол. наук, членкор. РАН, профессор Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

11. Дмитриева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, профессор, Уральский гуманитарный институт УрФУ (Уральский федеральный университет имени первого президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина)

12. Дьёни Габор, канд. ист. наук, ^{доцент} науч.сотр. Центр Русистики, университет им. Лоранда Этвеша

13. Зайцева Евгения Александровна, канд. ист. наук, вед.науч.сотр., Сургутский государственный университет, Институт гуманитарного образования и спорта

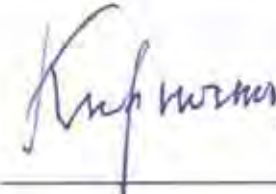
14. Кардаш Олег Викторович, канд. ист. наук, вед.науч.сотр., научно-образовательный центр Института гуманитарного образования и спорта Сургутского государственного университета (НОЦ ИГОИС СурГУ), директор АНО «Институт археологии Севера»

15. Кениг Александр Владимирович, канд. ист. наук, вед.науч.сотр., доцент, научно-образовательный центр Института гуманитарного образования и спорта Сургутского государственного университета (НОЦ ИГОИС СурГУ)

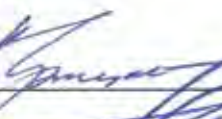
16. Кирпичников Анатолий Николаевич, д-р ист. наук, профессор, зав. отделом славяно-финской археологии Институт истории и материальной культуры РАН (ИИМК РАН)

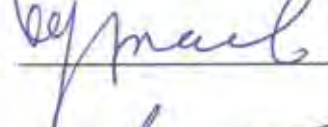

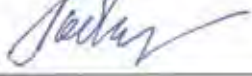

17. Коноваленко Марина Владимировна, археолог, НПО «Северная археология-1»
18. Косинцев Павел Андреевич, канд. биол. наук, ст.науч.сотр. лаборатории палеоэкологии Институт экологии растений и животных (ИЭРиЖ)
19. Кудрявцев Андрей Алексеевич, канд. ист. наук, науч.сотр. Институт археологии РАН (ИА РАН)
20. Кузнецова Валентина Николаевна, канд. ист. наук, науч.сотр. Российский этнографический музей (РЭМ)
21. Курбатов Александр Валентинович, д-р ист. наук, вед.науч.сотр. Институт истории и материальной культуры (ИИМК РАН)
22. Курлаев Евгений Анатольевич, канд. ист. наук, ст.науч.сотр., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
23. Лапшин Владимир Анатольевич, д-р ист. наук, профессор, директор Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН)
24. Липс Светлана Александровна, архитектор, Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера» (АНО ИАС)
25. Лобанова Татьяна Владимировна, с.и., Институт экологии растений и животных УрО РАН (ИЭРиЖ УрО РАН)
26. Лысенко Данил Николаевич, директор ООО «Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания»»
27. Матехина Татьяна Сергеевна, канд. ист. наук, ст.науч.сотр. Музей-институт семьи Рерихов
28. Мыглан Владимир Станиславович, д-р ист. наук, профессор, зав. лабораторией естественнонаучных методов в археологии и истории Сибирский федеральный университет (СФУ)
29. Новиков Андрей Владиленович, канд. ист. наук, доцент, ст.науч.сотр. сектора археологии бронзового и железного века Институт археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН)
30. Новикова Ольга Ивановна, канд. ист. наук, доцент, уче-

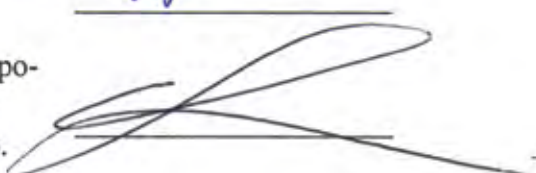
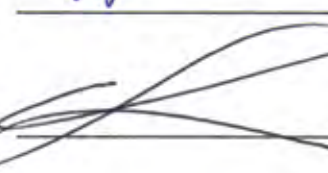

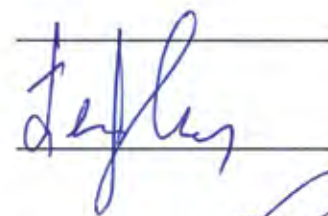
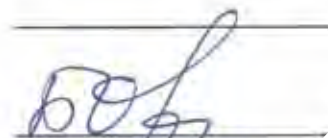

30. Новикова Ольга Ивановна, канд. ист. наук, доцент, ученый секретарь Институт археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН)
31. Носов Евгений Николаевич, д-р ист. наук, член-корр. РАН, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) зав.кафедрой археологии, научный руководитель Института истории и материальной культуры (ИИМК РАН)
32. Овчинникова Бронислава Борисовна, канд. ист. наук, профессор, зав.кафедрой Истории России УрФУ им Б.Н. Ельцина
33. Олейников Олег Михайлович, канд. ист. наук, науч.сотр. Отдела сохранения археологического наследия Новгородской археологической экспедиции (НАЭ)
34. Пархимович Сергей Геннадьевич, археолог НПО «Северная археология – 1»
35. Пежемский Денис Валерьевич, к.б.н., старший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова
36. Пчелов Евгений Владимирович, канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой вспомогательных и специальных исторических дисциплин факультета архивного дела Историко-архивного института Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)
37. Сакса Александр Иванович, д-р ист. наук, вед.науч.сотр. Отдела славяно-финской археологии Институт истории и материальной культуры (ИИМК РАН)
38. Сидорова Майя Олеговна, ассистент, Сибирский федеральный университет (СФУ)
39. Сингх Виктор Кашмирович, канд. ист. наук, доцент, науч.сотр. кафедры археологии МГУ, зав. археологической лаборатории исторического факультета МГУ
40. Степанов Андрей Михайлович, ст.науч.сотр. Центр по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского объединенного музея-заповедника (ЦООАИ НГОМЗ)
41. Торопов Сергей Евгеньевич, зав. отделом изучения проблем археологии Новгородской земли Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.

42. Торопова Елена Владимировна, канд. ист. наук, доцент, директор Гуманитарного института, зав.кафедрой истории России и архивоведения Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (НовГУ)

43. Тянина Елена Анатольевна, специалист по УМР I кат. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, исторический факультет

44. Хвошинская Наталья Вадимовна, д-р ист. наук, вед.науч.сотр. Отдела славяно-финской археологии Институт истории и материальной культуры (ИИМК РАН)

45. Хохлов Илья Владимирович, канд. ист. наук, вед.науч.сотр. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (НГОМЗ)

46. Чаиркина Наталия Михайловна, д-р ист. наук, заместитель директора по научным вопросам Института истории и археологии Уральского отделения РАН

47. Ярыш Владимир Иванович, канд. пед. наук, преподаватель Новгородского областной колледж искусств им. С.В. Рахманинова

48. Напольских Владимир Владимирович,
д-р ист. наук, профессор, член-корр. РАН
Институт археологии имени А. Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРИЕНКО
Алексей Владимирович
ANDRIENKO Alexey Valentinovich

Новгородский государственный объединенный музей-заповедник Кремль, 11, г. Великий Новгород, 173007, Россия. В 2004 г. окончил кафедру археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Участник раскопок Новгородской археологической экспедиции с 2001 г. Начиная с 2009 г. руководит исследованиями на различных объектах на территории города. С 2015 г. – заведующий отделом хранения и изучения археологических коллекций Новгородского музея. Сфера научных интересов: топография средневекового Новгорода, периферийные городские территории в средневековый период, снаряжение верхового коня и всадника.

E-mail: av_andrienko@mail.ru

АНКУДИНОВ Игорь Юрьевич
ANKUDINOV Igor Yurevich

Историк. В 1986 г. окончил исторический факультет Новгородского государственного педагогического института. В настоящее время работает в Государственном архиве Новгородской области в должности старшего научного сотрудника. Научная деятельность связана с изучением истории Новгорода и Новгородской земли XII–XVII вв. Область научных интересов включает источниковедение писцовых книг и актовое источниковедение, археографию, историческую географию Новгородской земли, эпиграфику, историю церкви. Автор более 70-и научных работ.

E-mail: ankudinovu@mail.ru

БАГАШЁВ
Анатолий Николаевич
BALASHEV
Anatoly Nikolaevich

Антрополог, доктор исторических наук. В 1979 году окончил исторический факультет Томского государственного университета им.

В.В. Куйбышева. 5 декабря 2000 года защитил докторскую диссертацию. С 2018 года директор Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Научные интересы лежат в области этнической антропологии и этногенеза населения Северной Евразии, разработке проблем этнической истории и происхождения древнего и современного коренного населения; основных этапов истории ан-

тропологических типов, изучения пределов изменчивости популяций в эпохи раннего железа и средневековья, а также современных угорских, самодийских и тюркских групп. Автор и соавтор более 100 научных работ, в том числе 7 монографий. Подготовил 4 кандидата наук.

E-mail: bagashev@mail.ru

БАРИНОВ
Валентин Викторович
BARINOV Valentin Victorovich

Дендрохронолог, кандидат биологических наук. В 2011 г. Закончил естественно-географический факультет Тувинского государственного университета (г. Кызыл).

В настоящее время – научный сотрудник Сибирской дендрохронологической лаборатории СФУ. В 2019 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Экстремальные климатические события в Алтае-Саянском регионе за последние 1500 лет по дендрохронологическим данным». Научные интересы: реконструкция природных условий и способы адаптации к ним населения Евразии в четвертичном периоде. Исследования направлены на проведение реконструкции климата (температура, осадки, экстремальные проявления климата) Сибири. Прикладным аспектом деятельности является определение жизненного состояния древостоя, проведение судебно-ботанических экспертиз с применением дендрохронологических методов (расследование незаконной рубки лесных насаждений) и анализ археологической древесины (календарная датировка и выявление экстремальных проявлений климата в прошлом).

E-mail: nelisgar@mail.ru

ВИЗГАЛОВ Георгий Петрович
VIZGALOV Georgy Petrovich

Археолог, кандидат исторических наук. В 1983 году окончил исторический факультет Уральского государственного университета имени А.М. Горького (город Свердловск). В 2007 году защитил

диссертацию по теме «Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье: по материалам новых археологических исследований». Изучением древностей Урала и севера Западной Сибири занимается с 1978 года. В настоящее время – директор ООО «НПО “Северная археология-1”» (город Нефтеюганск), научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН» (город Новосибирск), ведущий научный сотрудник Югорской лаборатории археологии и этнографии Сургутского

государственного университета (город Сургут). Научные интересы: период освоения севера Сибири Московским государством и Российской империей. Наиболее значимые исследования: раскопки археологических памятников аборигенного и русского населения XVI–XVIII веков на Крайнем Севере – городов Берёзова, Мангазеи, Старотуруханска, Нижнеколымского острога, городка Монкысь урий, изучение и реконструкция исторического судна коч – памятника русского арктического мореплавания. Автор и соавтор более 40 научных статей и 5 монографий.

E-mail: vizgalovgp@mail.ru

ГАЕВСКАЯ
Виктория Викторовна
GAEVSKAJA
Victoria Victorovna

Биоэколог, историк. В 2014 году окончила Тверской государственный университет, кафедра Физико-химической экспертизы

биоорганических соединений, по специальности – биоэкология. С 2007 года – участник археологических экспедиций на территории европейской России в городе Тверь, Тверской, Смоленской, Калининградской областях и Карелии. В настоящий момент студентка магистратуры Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, кафедра истории России и архивоведения. Сотрудник АНО «Институт археологии Севера» (г. Нефтеюганск) и Югорской лаборатории археологии и этнографии Сургутского государственного университета (г. Сургут). Сфера научных интересов: археология Севера Западной Сибири, эпоха начала расселения славяно-финского населения на территории Севера Западной Сибири, вхождение Югры в состав Новгорода Великого. Автор нескольких публикаций.

E-mail: vgaevskaja@yandex.ru

ГАЙДАКОВА Зоя Геннадьевна
GAIDAKOVA Zoya Gennadevna

Историк, археолог. В 2008 году окончила Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск). По окончании учебы работала в Богучанской археологической экспедиции

Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск). С 2014 года сотрудник АНО «Институт археологии Севера». Участник археологических экспедиций на территории таежной зоны Западной Сибири и в Арктике. Сфера интересов: средневековая история и археология.

E-mail: gajdakova@yandex.ru

ГАЙДУКОВ Петр Григорьевич
GAIDUKOV Petr Grigorievich

Археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, специалист по истории и археологии средневековой Руси, вспомогательным историческим дисциплинам, один из ведущих

исследователей русской нумизматики и сфрагистики. В 1977 г. закончил исторический факультет МГУ по кафедре археологии. В настоящее время – заместитель директора Института археологии РАН. В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Медные русские монеты конца XIV–XVI в.», в 1999 г. докторскую диссертацию по теме «Младшие монетные номиналы средневековой Руси (Четвертцы, полушки и пула конца XIV–XVII в.)». Научные интересы: археология и история средневекового Новгорода, археология древнерусского города, средневековая русская нумизматика и сфрагистика, история науки, археологическая и нумизматическая библиография. Автор около 400 научных трудов, в числе которых 5 монографий.

E-mail: russianchange@yandex.ru

ГИППИУС
Алексей Алексеевич
GIPPIUS Alexey Alekseevich

Российский лингвист и текстолог, доктор филологических наук (2006), член-корреспондент РАН (2011). В 1996 году защитил кандидатскую диссертацию

«Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи». Преподаватель кафедры русского языка филологического факультета МГУ (1988–1993). Сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН (с 1993). С 2006 года по совместительству – сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ. В 2006 году защитил докторскую диссертацию «История и структура древнерусского текста (XI–XIV в.): Комплексный анализ и реконструкция». Стипендиат Фонда Александра фон Гумбольдта (2000–2001). С 2011 года профессор факультета филологии Высшей школы экономики, продолжает также работу в Институте славяноведения. Член редколлегии журналов «Русский язык в научном освещении», «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» и «Русская речь» (с 2019). Входит в состав диссертационного совета при ИРЯ РАН. Специалист в области древнерусского языка и культуры Древней Руси, текстологии древнерусской литературы. Автор работ по текстологии Повести временных лет, Новго-

родской первой летописи, сочинений Владимира Мономаха. Автор исследований по древнерусской эпиграфике. Исследователь берестяных грамот, соавтор публикации академического издания «Новгородские грамоты на бересте».

E-mail: agippius@mail.ru

**ДЪЕНИ ГАБОР
GAVOR**

Историк. Доцент университета им. Лоранда Этвеша. Институт истории, кафедра исторической русистики. Выпускник Сегедского университета, защитил кандидатскую диссертацию в Уральском

Государственном Университете (ныне УРФУ, научный руководитель: Овчинникова Бронислава Борисовна). Член Комиссии Общества венгерских и российских историков. Научные интересы: ранняя история мадьяр, история Руси (Новгорода), история венгерско-российских отношений. Редактор сайта oroszvilag.hu.

E-mail: dominus2006@yandex.ru

**ДМИТРИЕВ
Александр Алексеевич
DMITRIEV**

Alexandr Alekseevich
(22.02.1854 – 01.06.1902)

Историк Урала, краевед, педагог, автор летописи г. Перми. Окончил Пермскую муж. гимназию,

Казанский ун-т (1876), преподавал историю и литературу в пермских гимназиях (1877–1890), работал инспектором народных училищ (1890–1902). Главной его заслугой было изучение освоения Урала русским населением в XI–XVIII вв. В восьми выпусках основного труда «Пермская старина» им разработана периодизация истории колонизации Урала, показана роль крестьянства, посадских и служилых людей, экономические результаты освоения, развитие гос. и местных органов управления, роль церкви. В опубликованных им более чем 140 работах отражена также история уральских заводов, народного образования. Создатель и председатель (1890) Пермской ученой архивной комиссии, ред. сборников «Пермский край» и др. изд. В 1895 удостоен почетного отзыва РАН, избран чл. Финляндского общества археологов, Археологического ин-та в С.-Петербурге, Уральского об-ва любителей естествознания, был участником всероссийских археологических съездов.

**ДМИТРИЕВА
Татьяна Николаевна
DMITRIEVA
Tatyana Nikolaevna**

Преподаватель старославянского, латинского, финского языков. Доктор филологических наук, профессор кафедры рус-

ского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета. Родилась в г. Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края. Живет и работает в Екатеринбурге. Ветеран топонимической экспедиции Уральского университета: 1969–2001 гг. – Северный Урал (манси), Русский Север, Тюменская область и ХМАО (казымские ханты, лесные ненцы, коми, манси). Автор более 150 научных и учебно-методических работ, в т.ч. монографии «Топонимия бассейна реки Казым» (Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005), за которую была удостоена диплома лауреата Всероссийского конкурса 2006 г. на лучшую научную книгу среди преподавателей высших учебных заведений. Научный и ответственный редактор 9-ти монографий и сборников (2008–2018). Сфера научных интересов – этимология, русская и обско-угорская ономастика (топонимия и антропонимия), диалектная лексика, языковые и этнические контакты народов Северного Урала и Западной Сибири.

E-mail: profdmitan@yandex.ru

**КАРДАШ
Олег Викторович
KARDASH
Oleg Victorovich**

Археолог, кандидат исторических наук. В 1991 году окончил исторический факультет Уральского государственного универ-

ситета имени А. М. Горького (город Екатеринбург). Древней историей народов Урала и севера Западной Сибири занимается с 1979 года. В настоящее время – директор АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск), научный сотрудник ФГБУН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (город Новосибирск), ведущий научный сотрудник Югорской лаборатории археологии и этнографии Сургутского государственного университета (город Сургут). В 2007 году защитил диссертацию по теме «Культура аборигенного населения бассейна реки Надым конца XVI – первой трети XVIII в. (по материалам раскопок Надымского городка)». Научные интересы: этногенез и культура аборигенного населения Арктики и Севера Сибири. Наиболее значимые исследования – комплексное

изучение археологических памятников аборигенного и русского населения XII–XVIII веков: городков Бухта Находка, Полууйского мысового, Надымского, города Пустозерск в арктических районах Крайнего Севера, а также городка Монкысь урий в западносибирской тайге. Автор и соавтор более 100 научных статей и 12 монографий, изданных в России и за рубежом.

E-mail: kov_ugansk@mail.ru

КИРПИЧНИКОВ
Анатолий Николаевич
KIRPICHNIKOV
Anatoly Nikolaevich

Родился 25 июня 1929 г. в Ленинграде. Окончил исторический факультет ЛГУ по кафедре археологии в 1953 г. Учитель:

М. К. Каргер. Кандидатская диссертация: «Русское оружие ближнего боя X–XIII вв.» (1963), научный руководитель – М. К. Каргер. Докторская диссертация: «Военное дело Руси IX–XV» (1975). Научные интересы: средневековая археология Руси и Северной Европы VIII–XV вв., средневековое оружие, крепостное зодчество. С 1955 г. по настоящее время работает в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (с 1991 г. – Институт истории материальной культуры РАН). Научный руководитель направления. Экспедиционная деятельность: начальник Ленинградской областной, Псковской областной, Новгородской архитектурно-археологической экспедиций (раскопки в Новгороде, Пскове, Порхове, Велье, Острове, Гдове, Копорье, Ивангороде, Кингисеппе-Ямгороде, Приозерске-Кореле, Тиверском городке, Орешке-Шлиссельбурге), Староладожской экспедиции ЛОИА – ИИМК РАН. Научные звания: доктор исторических наук (1975), профессор (1991), заслуженный деятель науки Российской Федерации (1991). Членство в научных организациях: член Президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (1992), действительный член Нью-Йоркской академии наук (1995), почетный член Общества древностей Финляндии (2011). Научные публикации – более 700, в том числе 20 монографий, важнейшие: Древнерусское оружие: Вып. 1–3. М.; Л.: Наука, 1966–1971. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. Старая Ладога – древняя столица Руси. – СПб.: Славия, 1996; переиздания – 2003, 2010, 2012.

КОНОВАЛЕНКО
Марина Владимировна
KONOVALENKO
Marina Vladimirovna

Археолог, этнограф. В 2002 г. окончила Тобольский государственный педагогический институт им. Д. И. Менделеева. С 2005 г. по настоящее время работает специалистом-археологом в ООО «НПО «Северная археология-1» (г. Нефтеюганск). Научные интересы: археология Севера Западной Сибири от периода древности до средневековья, методология археологических исследований. Является автором и соавтором одной коллективной монографии и более 15 научных статей.

E-mail: KonovalenkoMarinaV@yandex.ru

КОСИНЦЕВ
Павел Андреевич
KONOVALENKO
Pavel Andreevich

Биолог, кандидат биологических наук. В 1980 году окончил биологический факультет Уральского государственного университета, г. Екатеринбург, специализировался на кафедре зоологии. Область научных интересов – история экосистем Северной Евразии в позднем плейстоцене и голоцене, история фауны млекопитающих Евразии в плейстоцене и голоцене, история хозяйства населения Северной Евразии в плейстоцене и голоцене, роль животных в обрядах и культурах древнего современного населения Евразии. Изучил ископаемые фауны млекопитающих из более 2500 местонахождений. Автор и соавтор более 500 научных работ, в том числе 15 монографий, изданных в России, Бельгии, Германии, Франции и США.
E-mail: kra@ipae.uran.ru

КУДРЯВЦЕВ
Андрей Алексеевич
KUDRAVTSEV
Andrey Alekseevich

Археолог, кандидат исторических наук. Научный сотрудник Научно-отраслевого Архива ИА РАН. Экспедиционная деятельность: с 2003 г. работал в составе различных археологических экспедиций на территории Москвы, Звенигорода, Краснодарского края, Московской, Новгородской и Калининградской областей, с 2005 г. по н. в. принимает участие в работах Новгородской археологической экспедиции. Область научных интересов: история и археология Новгорода и Новгородской земли, материальная культура древнерусского города, археологиче-

ская библиография. Автор и соавтор более 25 научных публикаций.

E-mail: a-kudravtsev@yandex.ru

КУЗНЕЦОВА
Валентина Николаевна
KUZNETSOVA
Valentina Nikolaevna

Археолог. Кандидат исторических наук. В 2011 г. окончила кафедру археологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. В 2016 г. защитила кандидатскую диссертацию «Орнитоморфные и зооморфные украшения населения лесной зоны Восточной Европы X–XIV вв.» Основной круг научных интересов: украшения и детали костюма Северной Руси и Волго-Уральского региона, изображения зверей и птиц в культуре населения лесной зоны Восточной Европы эпохи средневековья. С 2006 г. работает в Российском этнографическом музее. Автор и соавтор более 30 научных статей.

E-mail: valentkuznets@mail.ru

КУРБАТОВ
Александр Валентинович
KURBATOV
Alexandr Valentinovich

Археолог, историк, доктор исторических наук. Ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН. Родился

23 октября 1959 г. Окончил исторический факультет ЛГУ (1986). Учителя: В. А. Булкин, В. М. Горюнова, А. Д. Столяр, Д. А. Мачинский, М. Б. Щукин. Кандидатская диссертация: «Кожевенное производство в городах северо-запада России XV–XVII вв.» (1997). Научный руководитель О. В. Овсянников. Докторская диссертация: «Кожевенное ремесло в средневековой России» (2012). Научные интересы: средневековая Россия, города, ремесло, кожевенное ремесло. Служебная деятельность: с 1986 г. – н. вр. – ЛОИА/ИИМК РАН (н. с., с. н. с., в. н. с.). Экспедиционная деятельность: сотрудник Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН. Более 145 научных публикаций.

E-mail: alkurba@rambler.ru

КУРЛАЕВ
Евгений Анатольевич
KURLAEV
Evgeny Anatolyevich

Историк, археолог. Изучением истории Западной Сибири занимался с 1978 г., Урала с 1989 г.

В 1982 г. окончил исторический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького. В 1998 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Металлургические заводы Урала XVII – начала XVIII в.: организационный и технологический аспекты». С 1995 г. и по настоящее время научный, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. Научные интересы: история освоения Урала и Сибири, история уральской промышленности, летописная югра, историческая археология, промышленная археология, проблемы идентификации останков Царской Семьи. Автор и соавтор более 220 публикаций и 10 коллективных монографий.

E-mail: kurlaev@e1.ru

ЛАПШИН
Владимир Анатольевич
LAPSHIN
Vladimir Anatolyevich

Родился в Ленинграде 20 августа 1951 г. В 1977 г. закончил исторический факультет Ленинградского государственного университета по

кафедре археологии. Учителя: Г. С. Лебедев, И. В. Дубов, А. Н. Кирпичников. В 1977–1982 гг. работал в Ленинградской областной инспекции охраны памятников, где занимался учетом памятников археологии на территории Ленинградской области. С 1982 г. по настоящее время работает в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (с 1991 г. – Институт истории материальной культуры РАН). Карьера: от старшего лаборанта до директора (с 2015 г.). Научные интересы: средневековая археология Северо-Западной и Северо-Восточной Руси VIII–XV вв., сельские поселения и городские центры, образование городов Древней Руси и их место в процессе урбанизации Северной Европы, сохранение археологического наследия.

Экспедиционная деятельность: с 1978 г. – археологические полевые исследования на территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси: раскопки в Суздалье и его округе (1978–1991), обследование территории Ленинградской области и создание ее археологической карты (1983–1991), раскопки во Владимире (1992), Твери (1992–1998), Ленинградской области (1999–2007), Нижнем Новгороде (2001–2002), Санкт-Петербурге (2008–2013), Старой Ладогe (с 2014 г.). Кандидатская диссертация «Население центральных районов Ростово-Суздальской земли в X–XIII вв. (по археологическим данным)», научный руководитель А. Н. Кирпичников (1985). Докторская диссертация «Тверь в XIII–XV вв.» (2011). Основные публикации: Археологическая карта Ленинградской области. Часть 1. Западные районы. Л., 1990; Археологическая карта Ленинградской области. Часть 2. Восточные и север-

ные районы. СПб, 1995; Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.) – СПб., 2009. Научно-организационная деятельность: член редакционной коллегии периодических изданий ИИМК РАН «Археологические вести» и «Бюллетень (охранная археология)», серийных изданий «Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья» и «Культурное наследие Российского государства», председатель Ученого совета ИИМК РАН, Председатель президиума Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (с 2018 г.).

E-mail: vladimirlapshin@yandex.ru

ЛИПС

Светлана Александровна

LIPS

Svetlana Alexandrovna

Архитектор-реставратор, историк. В 2008 году окончила Уральскую государственную архитектурно-художественную академию (город

Екатеринбург). Квалификационная работа: «Архитектурно-ландшафтная реконструкция парка по ул. Чкалова в г. Екатеринбурге». В 2014 году окончила исторический факультет Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Квалификационная работа: «Динамика архитектуры жилых построек аборигенного населения Западной Сибири в период от средневековья до нового времени». Сотрудник АНО «Институт археологии Севера» (город Нефтеюганск). Сфера интересов: история архитектуры аборигенного населения Севера Сибири.

E-mail: sveta.for_9@list.ru

ЛОБАНОВА

Татьяна Владимировна

LOBANOVA

Tatyana Vladimirovna

Биолог. В 1986 году окончила биологический факультет Уральского государственного университета имени А. М. Горького

(город Свердловск). Работала заместителем директора Свердловского зоопарка, заведующей секцией хищных животных. С 2001 года – сотрудник лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН (город Екатеринбург). Научные интересы: зооархеология, историческая экология. Исследования посвящены историко-экологическим аспектам изучения археологических памятников, реконструкции хозяйственной и промысловой деятельности человека в условиях Крайнего Севера, анализу состава, структуры и динамики фауны крупных

млекопитающих севера Сибири в позднем голоцене. Автор и соавтор более 20 научных статей и одной монографии.

E-mail: lota_64@mail.ru

МАТЕХИНА

Татьяна Сергеевна

MATENINA

Tatyana Sergeevna

Археолог, кандидат исторических наук. В 1992 г. окончила кафедру археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1992–2010 гг. работала в Новгородском музее-заповеднике старшим научным сотрудником

Отдела хранения и изучения археологических коллекций. В 2009 г. защитила кандидатскую диссертацию «Кожаные изделия средневекового Новгорода: чехлы, футляры, сумки», научный руководитель – доктор исторических наук Е. А. Рыбина. С 2011 г. работает старшим научным сотрудником Музея-института семьи Рерихов в Санкт-Петербурге. Основной научный интерес – кожаные изделия и обработка кожи.

E-mail: matekhina@mail.ru

МОРОЗОВ

Вячеслав Михайлович

MOROZOV

Vjacheslav Mikhailovich

Родился 1 июня 1947 г. д. Ершово Верхнекамского р-на Кировской обл., умер 6 июня 2008 г. в экспедиции под г. Ханты-Мансийском,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской археологической лабораторией Уральского государственного университета им. А.М. Горького (г. Екатеринбург). Начал свой путь в археологии с Черноозерья (Омская обл.), Мирного (Челябинская обл.) и Зуевых Ключей (Удмуртия). С 1978 г. он возглавлял Северный отряд Урало-Сибирской комплексной археологической экспедиции УрГУ. За 38 полевых сезонов география его исследований расширилась до г. Нижневартовска на востоке и г. Салехарда на севере. Свои научные интересы связал с территорией Среднего и Нижнего Приобья – в первую очередь, с бассейнами Тромъёгана, Казыма и Пима, и они включали в себя все основные проблемы культурно- и этногенеза народов Обь-Иртышья и горно-лесного Урала в эпоху раннего железного века и Средневековья. Свою кандидатскую диссертацию, защищённую в 1994 г., назвал «Поселения и жилища таёжной полосы Зауралья и Западной Сибири в эпоху Средневековья». Автор около 120 научных работ, в т. ч. 5 коллективных монографий.

МЫГЛАН
Владимир Станиславович
MYGLAN Vladimir Stanislavovich

Историк, эколог, доктор исторических наук. Научные исследования направлены на проведение реконструкции климата (температура, осадки) Алтае-Саянского региона

и проведения массовых датировок археологических, архитектурных памятников на территории Сибири. В настоящее время для территории Алтае-Саянской горной страны под его руководством была построена сеть тысячелетних древесно-кольцевых хронологий, что позволило решить фундаментальную задачу, связанную с погодичной реконструкцией климата за два последних тысячелетия. Дальнейшая работа будет направлена на увеличение плотности сети дкх (по верхней границе и лесостепной границе распространения лесной растительности) и увеличение их протяженности. В прикладном аспекте был выполнен комплекс работ по датировке древесины из археологических, архитектурных памятников – было установлено время сооружения археологических архитектурных памятников Сибири (Надымский, Полуйский городки; поселение в бухте Находка, сооружений с Туруханского, Стадухинского, Казымского, Илимского, Зашиверского и Братского острогов; выполнены датировки комплексов памятников из г. Березова, Тара, Енисейск и др.).

E-mail: v.myglan@gmail.com

НАПОЛЬСКИХ
Владимир Владимирович
NAPOLSKIĖH
Vladimir Vladimirovich

Этнолог, этнограф, этноисторик, лингвист, один из крупнейших финноугроведов Европы.

Член-корреспондент РАН, доктор

исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института социальных коммуникаций при Удмуртском госуниверситете. В 1985 году окончил исторический факультет Удмуртского университета. Защитил кандидатскую диссертацию в 1990 году в Институте этнографии АН СССР. Через два года, в 1992 году, в том же институте защитил докторскую диссертацию на тему «Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф)». С 1990 года работал в Удмуртском институте истории, языка и литературы, с 1993 года – ведущий научный сотрудник. С 2002 года – преподаватель Удмуртского университета, в настоящее время – профессор кафедры культурологии и менеджмента в культуре Института социальных коммуникаций УдГУ.

С 2015 года – руководитель сектора по изучению методологических проблем этнической истории Института археологии Академии наук Республики Татарстан. Сфера научных интересов: предьстория и этническая история народов Волго-Уральского региона; урало-алтайская гипотеза; тюркско-финно-угорские контакты. Автор более 20 статей и 6 монографий.

E-mail: vovia@udm.ru

НОСОВ Евгений Николаевич
NOSOV Evgeny Nikolaevich

Историк и археолог, специалист в области славяно-русских древностей, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (2000). Директор ИИМК РАН (1998–2015), заведующий кафедрой археологии исторического факультета СПбГУ (2002–2019), член президиума СПбНЦ РАН, руководитель Новгородской областной экспедиции ИИМК.

В 1971 году окончил исторический факультет Ленинградского университета по кафедре археологии. В 1977 году защитил кандидатскую диссертацию «Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.», а в 1992 году – докторскую диссертацию «Новгородская земля IX–XI вв.: историко-археологические очерки». С 1975 года руководил деятельностью Новгородской областной экспедиции, ведущей исследование Рюрикова городища, поселений Приильменя и Новгородской земли. В 1998–2015 годах директор ИИМК. Область научных интересов: археология и история древней Руси, Новгородская земля, проблемы славянского расселения и образования городов. Автор более 300 публикаций по археологии и ранней истории Руси.

E-mail: nosov.eyg@gmail.com

ОВЯННИКОВ
Олег Владимирович
OVSYANNIKOV
Oleg Vladimirovich

Археолог, историк, музейный работник. Исследователь древней и средневековой русской материальной культуры. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН.

Основной круг научных интересов – археология и история Русского Севера, Сибири и Заполярья. Проводил полевые исследования и раскопки в Архангельской, Псковской, Ленинградской и Вологодской областях; на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Автор более 200 публикаций. В настоящее время проживает в Германии, в Вюрцбурге, где продолжает работать над новыми книгами и статьями.

ОВЧИННИКОВА
Бронислава Борисовна
OVCHINNIKOVA
Bronislava Borisovna

Историк – археолог, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России УрФУ, «Заслуженный работник высшей школы РФ», Действительный член Академии Гуманитарных Наук РФ (академик), Почетный член Консультативного Совета Международного Биографического Центра (Кембридж, Англия), Почетный член Международной Биографической Ассоциации Американского Биографического Института (США, Гарвард), Почетный член Исследовательского Совета Международного Биографического Центра в области истории и археологии (Кембридж, Англия). В 1966 году окончила исторический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького (город Свердловск). В 1982 г. окончила аспирантуру МГУ при кафедре археологии. В 1984 г. присуждена ученая степень кандидата исторических наук за диссертацию на тему: «Тюрки-тугу на Саяно-Алтайском нагорье в VI–X вв.». В 1993 г. Решением Комитета по высшей школе Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ присвоено ученое звание профессора. С 1962 . участвует в археологических экспедициях на Урале и в Западной Сибири, в Новгороде, Туве , на Северо-Западном Кавказе. С 1967 г. работает в УрГУ-УрФУ. Сфера научных интересов: археология и отечественная история эпохи Средневековья, история отечественных и зарубежных музеев. Автор и соавтор более 200 печатных работ, в т. ч. 27 монографий и учебных пособий. Является постоянным членом редакционного совета серий «Очерков истории Урала» с 1996 г. по н. вр. и Журнала «ВЕСИ» с 2012 г. по н. вр. (Екатеринбург: Изд-во «БКИ»). С 2016 г. – член Союза журналистов России. E-mail: bovchinnikova@mail.ru

ОКСЕНОВ
Александр Васильевич
OKSENOV Alexandr Vasilyevich

Родился в 1860 году. Сибирский этнограф. Учился в Томской гимназии, затем в Петербургском университете, закончил курс в 1882 г. В 1887–1891 гг. работал помощником библиотекаря Томского университета и преподавателем Томского реального училища. Известные публикации: «Сношения Новгорода Великого с Югорской землей» (1885); «Слухи и вести о Сибири до Ермака» (1887); «Политические отношения Московского государства к Югорской земле» (1891). *Более подробные сведения об авторе отсутствуют.*

ОЛЕЙНИКОВ
Олег Михайлович
OLEYNIKOV
Oleg Mikhailovich

Археолог, историк. Родился 06.02.1960 г. в г. Рязань. Окончил исторический факультет МГУ по кафедре археологии (1986). Учитель: Д. А. Авдусин, В. В. Седов. Кандидатская диссертация: «История населения Тверского Поволжья в VI–XIII вв.» (2003). Научный руководитель В. В. Седов. Научные интересы: археология Руси, средневековое стеклоделие. Служебная деятельность: 1986–1989, с 2004 – по н. вр. – ИА РАН (лаб., ст. лаб., м. н. с., н. с.). С 1989 по 2004 гг. – Тверской государственный объединённый музей (н. с.). Экспедиционная деятельность: с 1974 – по н. вр. (центральные регионы России, Старая Рязань, Тверь, Торжок, Смоленск, Москва, Великий Новгород, Тверское Поволжье); 2005–2006 гг. – начальник Смоленской экспедиции ИА РАН, с 2008 – зам начальника Новгородской археологической экспедиции ИА РАН. Автор 150 научных публикаций, в том числе: Статьи: Климат в районе Верхней Волги в средние века // Новгород и новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 1992. Вып. 6.; Хронология некоторых типов новгородской керамики X–XIII вв. // Древнерусская керамика. М., 1992; Стеклодельные мастерские в древности (К вопросу о существовании древнерусского стеклоделия) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 1997. Вып. 11; Стекланные браслеты Великого Новгорода // Российская археология. 2002. № 1; К вопросу о месте производства круговой керамики Тверского поволжья // КСИА. 2001. Вып. 212; Курганные группы Девичье-2 и Девичье-4 в Селижаровском районе Тверской области (исследования 1998–1999 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 2. Тверь, 2001; и Тверские стекланные браслеты (сравнительный анализ химических составов) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 2. Тверь, 2001; Круговая керамика тверского Поволжья конца X-начала XIII вв.: классификация, орнаментация, хронология // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002; Новоторжские стекланные браслеты // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002; Культура длинных курганов верхневолжского и верхнеднепровского регионов // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. II. Тверь, 2007; Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2010 г. (Десятидневный IV раскоп) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2011 (в соавт. с Гайдуковым П. Г.). E-mail: olejnikov1960@yandex.ru

Омурова
Гулзар Турсунбековна
OMUROVA
Gulzar Tursunbekovna

Дендрохронолог. В 2012 г. закончила Сибирский федеральный университет (г. Красноярск) по специальности биология (экология).

В настоящее время – научный сотрудник научный сотрудник Центрально-Азиатского института прикладных исследований Земли (г. Бишкек, Кыргызстан). Основные научные интересы: дендрохронология, климатология, экология. Наиболее значимые исследования – комплексный анализ древесины Надымского городка. Автор и соавтор около 10 научных статей, изданных в России и за рубежом.

E-mail: gulzar.omur@gmail.com

ПАРХИМОВИЧ
Сергей Григорьевич
PARHIMOVICH
Sergey Grigorievich

Археолог. Окончил исторический факультет Уральского госуниверситета в 1978 г. Научный сотрудник ООО «НПО “Северная

археология-1” (г. Нефтеюганск). Сфера научных интересов: культура русского населения Западной Сибири XVI–XVII вв., освоение Северо-Западной Сибири народом коми в XII–XVII вв., индоиранский и иранский компоненты в культуре обских утров II–I тыс. до н. э. Автор около 80 научных работ, в т. ч. соавтор пяти монографий.

E-mail: par18@yandex.ru

ПЕТРУХИН
Владимир Яковлевич
PETRUCHIN
Vladimir Janovich

Родился 25 июля 1950, Пушкино, Московская область, СССР) – советский и российский историк и археолог. Доктор исторических

наук (1994), профессор кафедры истории России средневековья и раннего нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ, главный научный сотрудник Отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. Специалист в области российской истории, славяно-русской археологии, славянской мифологии и фольклора, антропологической истории древней Руси, истории России XIII в. Тематика исследований: проблемы начальной этнокультурной истории Руси. В 1972 г. окончил исторический факультет МГУ,

присвоена квалификация «историк, преподаватель истории и обществоведения со знанием иностранного языка» по специальности история. В 1975 г. – защитил кандидатскую диссертацию «Погребальный культ языческой Скандинавии» (научный рук. проф. Д. А. Авдусин), присуждена учёная степень кандидата исторических наук. 1991–2004 г. – профессор Высшей Гуманитарной школы им. Ш. Дубнова (до 2003 г. – Еврейский университет в Москве). В наст. время – старший, ведущий, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН (до 1995 г. – Институт славяноведения и балканистики). В 1994 г. защитил докторскую диссертацию «Проблемы этнокультурной истории славян и Руси в IX–XI вв.» в Институте славяноведения и балканистики РАН, присуждена учёная степень доктора исторических наук. Член академического совета центра научных работников и преподавателей иудаики «Сэфер», профессор кафедры истории России средневековья и раннего нового времени Историко-архивного института РГГУ (до 2007 г. – кафедра отечественной истории древнего мира и средних веков). 2004 г. – решением Министерства образования РФ присвоено учёное звание профессора по кафедре истории древнего мира и средних веков. Награждён дипломом Open Society Institute за победу в конкурсе «Новые книги по социальным и гуманитарным наукам для высшей школы» (1996); медалью Славянского фонда России за большой вклад в сохранение и развитие Кирилло-Мефодиевского наследия (2010); лауреат премии имени Д. С. Лихачёва (2015) – за монографию «Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры». Автор более 500 научных работ, публикуемых с 1973 г. по настоящее время, в том числе участвовал в подготовке издания «Славянские древности. Этнолингвистический словарь» (под общей ред. Н. И. Толстого). Автор ряда научно-популярных книг.

E-mail: vpetrukhin@hse.ru

ПЛИГУЗОВ
Андрей Иванович
PLYUSOV
Andrey Ivanovich

Родился 22 декабря 1956, Новосибирск, умер 26 марта 2011, Москва. Историк, литератор и педагог; кандидат исторических наук.

Выпускник Новосибирского университета (окончил его в 1979 г., ученик Н. Н. Покровского), поступил в аспирантуру Института истории СССР и после успешной защиты в 1986 г. кандидатской диссертации по памятникам «нестяжательства» первой трети XVI в., активно трудился в секторе источниковедения дооктябрьского периода. Специалист по русской

истории, истории древнерусской литературы и истории Русской Православной Церкви. Был одним из составителей «Русского феодального архива XIV – первой трети XVI в.», сборника «Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников» (М., 1989, совместно с И. А. Тихоным). Им также были изданы сочинения митрополита Фотия, ряд статей (о судебнике 1497 г., обзоры архивных рукописных собраний). В первой половине 1990-х годов уехал в США, где занимался разбором и описанием русскоязычных собраний в тамошних архивах. Работал в Гарвардском университете (1990–1993), Кеннановском институте русских исследований (1994–1995), Библиотеке Конгресса США (1995–2000), с 2000 г. в исследовательском центре «Дамбартон Оукс» (Dumbarton Oaks) в Вашингтоне. Вернувшись в Россию в середине 2000-х годов, во многом из-за состояния здоровья, не смог продолжить своей творческой карьеры.

ПОБЕРЕЖНИКОВ
Игорь Васильевич
POBEREZHNIKOV
Igor Vasilyevich

Историк. Доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии Института истории и археологии

Уральского отделения РАН. В 1982 году - окончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета им. Ленинского комсомола. В 2011 году защитил докторскую диссертацию «Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации», науч. консультант д. и. н., академик РАН, проф. В. В. Алексеев, Институт истории и археологии УрО РАН. Сфера научных интересов: теория и методология исторического исследования; теории модернизации; региональное развитие; социальная история имперской России; истории местного управления и самоуправления; история профессионализации в России пореформенного периода; история гражданского общества в позднеимперской России; традиционная культура и менталитет; социальные конфликты в восточных регионах России XVIII–XIX вв. Разработал конкретнопоблемную методологию изучения модернизаций в цивилизационно-страновом контексте; фронтирную концепцию российских модернизаций; акторный подход анализа модернизационных трансформаций. Автор около 400 научных работ. Под научным руководством защищены 4 кандидатские диссертации.

E-mail: pober1871@mail.ru

ПОКРОВСКАЯ
Любовь Владимировна
POKROVSKAJA
Lyubov Vladimirovna

Археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры археологии Исторического факультета МГУ

им. М. В. Ломоносова. Окончила кафедру археологии исторического факультета МГУ в 1987 г. Начало работы на Историческом факультете: 1982 год. В 1998 году защитила кандидатскую диссертацию: «Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография». С 1982 г. принимает участие в работе Новгородской археологической экспедиции, сначала в должности сотрудника камеральной лаборатории, а с 1998 г. – в должности заведующей лаборатории. Научные интересы: археология Новгорода, ювелирные украшения средневекового Новгорода, финно-угорские древности, языческие древности средневекового Новгорода. Автор и соавтор более 70 научных работ.

E-mail: pokrovska-ja@yandex.ru

ПЧЕЛОВ
Евгений Владимирович
PSCHELOV
Evgeny Vladimirovich

Историк, кандидат исторических наук, доцент, в 1994 г. окончил Историко-Архивный институт РГГУ по кафедре источникове-

дения и вспомогательных исторических дисциплин. В 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Генеалогия древнерусских князей IX – нач. XI вв.: источники, проблемы, интерпретации». С 2011 г. заведующий кафедрой вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ. Научные интересы: история древней и средневековой Руси, династическая история России, вспомогательные (специальные) исторические дисциплины: палеография и история письма, генеалогия, геральдика и эмблематика, историческая хронология, ономастика и др., история науки. Автор более 800 опубликованных работ, в том числе 25 книг, включая научные монографии, научно-популярные издания и учебники по отечественной истории для 6–8 классов средней школы.

E-mail: evg-pchelov@yandex.ru

РЫБИНА
Елена Александровна
RYBINA
Elena Alexandrovna

Археолог, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ. В 1965 г. окончила кафедру археологии исторического факультета МГУ. В 1972 году защитила кандидатскую диссертацию – «Торговые связи Новгорода X–XV вв.: о археологическим материалам», в 1992 году – докторскую «Западноевропейские связи Новгорода X–XIV вв.». С 1965 г. – постоянный сотрудник Новгородской археологической экспедиции (НАЭ), с 1965 по 1997 г. заведовала камеральной лабораторией НАЭ, с 1997 г. – заместитель начальника НАЭ. Руководит производственной практикой студентов историков и археологов в НАЭ. Заслуженный профессор Московского университета, член Новгородского Общества Любителей Древности (НОЛД). Научные интересы: история и археология средневекового Новгорода, новгородско-ганзейская торговля, берестяные грамоты. Автор более 170 научных работ, в том числе 4 монографий.
E-mail: ear42@list.ru

САКСА
Александр Иванович
SAKSA
Aleksandr Ivanovich

Археолог, доктор исторических наук, доктор философии, доцент (университет Восточной Финляндии (г. Йоенсуу, Финляндия). В 1978 г. окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. В 1998 г. защитил диссертацию в университете Йоенсуу по теме: «Карелия железного века. Происхождение и ранняя история населения древней Карелии» (на финском языке). В 2007 г. в ИИМК РАН защитил диссертацию по теме: «Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н.э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли». С 1978 г. работает в ИИМК РАН (до 1991 г. – ЛОИА АН СССР), в настоящее время ведущий научный сотрудник. Область научных интересов: археология и история Карелии, Северо-Запада России, Прибалтики, Финляндии и Скандинавии. Автор и соавтор 160 научных статей и двух монографий. Член финских научных обществ: Археологического (древностей) общества, общества «Калевала», Финского литературного общества, Общества изучения церковной истории.
E-mail: saksa@mail.natm.ru

САМОЙЛОВ
Кирилл Глебович
SAMOYLOV Kirill Glebovich

Археолог. В 1998 г. окончил исторический факультет Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. В настоящее время – заведующий сектором Центра археологических исследований Новгородского университета, старший преподаватель кафедры истории России и архивоведения. С 2002 г. – заместитель начальника Старорусской археологической экспедиции. Является автором более 50 научных статей, в т. ч. в зарубежных изданиях. Сфера научных интересов – археология древнерусского города, Старая Русса в древнерусском летописании и исторической традиции Нового и Новейшего времени, история систем земледелия в лесной зоне Восточной Европы в I тыс. н. э., палеоэкономика.

СИДОРОВА
Майя Олеговна
SIDOROVA Maya Olegovna

Дендроархеолог. Более 6 лет занимается анализом археологической древесины с помощью метода дендрохронологии. В 2013 году окончила гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск). В 2018 году окончила аспирантуру Сибирского федерального университета (г. Красноярск). В настоящее время – младший научный сотрудник ФГБУН Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск). Основные научные интересы: дендроархеология, календарная датировка, определение породного состава и источника происхождения древесины, методика blue intensity. Наиболее значимые исследования – определение потенциала дендроархеологии в природных зонах Западной Сибири, построение древесно-кольцевых хронологий и календарная датировка памятников истории и культуры Сибири: археологические и архитектурные постройки в г. Тара г. Чита, п. Горноправдинск, на городище Бухта Находка. Автор и соавтор около 30 научных статей, изданных в России и за рубежом.
E-mail: mayasidorova12@gmail.com

СИНГХ
Виктор Кашмирович
SINGH Victor Kasimirovich

Археолог. Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией истории и археологии средневеко-

вого Новгорода исторического факультета МГУ. Окончил кафедру археологии исторического факультета МГУ в 2006 г. В 2009 году защитил кандидатскую диссертацию, тема диссертации: «Железный инструментарий средневекового Новгорода». С 2002 г. принимает участие в работе Новгородской археологической экспедиции (с 2009 г. – в качестве руководителя Троицкого раскопа). Руководит производственной практикой студентов историков и археологов в НАЭ. Научные интересы: история и археология средневекового Новгорода, ремесло древней Руси, история металлургии и металлообработки. Автор более 50 научных работ.
E-mail: arxeolog@gmail.com

СЛЕПЧЕНКО
Сергей Михайлович
SLEPCHENKO Sergey Mikhailovich

Антрополог, кандидат биологических наук. Научный сотрудник сектора физической антропологии, Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. В 2007 году закончил Омскую медицинскую академию. В 2018 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Возможности археопаразитологии в антропологической реконструкции (методические аспекты)». Основные научные интересы: исследование древнего населения Сибири методами палеопатологии, палеопаразитологии, биоархеологическая реконструкция, палеоэкология, адаптация населения к социальным и биологическим факторам среды, медицина и манипуляции с человеческим телом в древности. Автор более 40 научных работ.

E-mail: s_slepchenko@list.ru

СОКОЛОВ
Эдуард Иванович
SOKOLOV Eduard Ivanovich

Инженер, выпускник Уральского лесотехнического института 1981 г. Профессиональный музыкальный мастер 6 разряда с 30-летним стажем. Специализация – струнные смычковые и щипковые инструменты. Автор публикаций в журналах «Уральский следопыт», «Колесо», в сборниках Эрмитажа, посвященных реставрации, и др. Э. И. Соколовым отремонтированы тысячи инструментов высоких категорий для профессиональных музыкантов г. Екатеринбурга, Урала и Сибири. Проведены десятки выставок «Забытые музыкальные инструменты царской России». Изготовлены гитары, скрипки, колесные лиры, гусли, гудки, балалайки и пр. Награжден серебряной медалью ВДНХ, имеет госпатент РФ на изобретения. Прошел 3 эрми-

тажные стажировки, имеет допуск к музейным реставрациям, гос. эксперт РФ. Много лет работал на музыкальной фирме «Урал», в областном муз. училище им. П. И. Чайковского, в УГК(А) им. М. П. Мусоргского. В настоящее время руководитель экспериментальной музыкальной мастерской при отделе культуры Оренбургского Казачьего Войскового Общества.

E-mail: profdmitan@yandex.ru

СОРОКИН
Александр Николаевич
SOROKIN Aleksandr Nikolaevich

Археолог, историк, кандидат исторических наук. В 1984 году окончил исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова по кафедре археологии. С 1984 г. – сотрудник кафедры археологии, старший научный сотрудник. С 1981 по 2008 годы принимал участие в работах Новгородской археологической экспедиции (с 1985 г. – в качестве начальника раскопа). В 1994 г. под руководством А. С. Хорошева защитил кандидатскую диссертацию «Благоустройство древнего Новгорода (по археологическим данным)». Лауреат Шуваловской премии МГУ им. М. В. Ломоносова (1996). Основной круг научных интересов: история и археология Новгорода, история и археология древней Руси (X–XVII в.). Научные публикации: монография («Благоустройство древнего Новгорода. М., 1995»), более 90 статей.
E-mail: alsorokin2110@gmail.ru

СТЕПАНОВ
Андрей Михайлович
STEPANOV Andrey Mikhailovich

Археолог, старший научный сотрудник Центра по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского музея-заповедника. В 1991 г. окончил исторический факультет по кафедре археологии Ленинградского (ныне Санкт-Петербургский) государственного университета. Принимает участие в работах Новгородской археологической экспедиции с 1988 г. Начальник Троицкого раскопа с 2001 г. Научные интересы: история и археология средневековой Руси.

E-mail: sam0464@mail.ru

ТОРОПОВ
Сергей Евгеньевич
TOROPOV Sergey Evgenievich

Археолог. В 1998 г. окончил исторический факультет Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Изучением средневековых древностей Новгородской земли занимается с 1990 г. В настоящее время – руководитель Центра археологических исследований Новгородского государственного университета. С 1999 – заместитель начальника Старорусской археологической экспедиции. Область научных интересов: раннесредневековые поселенческие структуры на территории Приильменя, городища Южного Приильменя в конце I – середине II тыс. н. э., черная металлургия и металлообработка в центральных районах Новгородской земли в эпоху средневековья, средневековая керамика, консервация и реставрация археологических находок. Наиболее значимые исследования: изучение северо-европейских раннесредневековых древностей на территории Приильменя, исследования средневекового города Демон (городище «Княжая Гора»), охранные работы на селище у д. Новое Рыдино и на Георгиевском-I раскопе в г. Старая Русса Новгородской области. Является автором более 60 научных статей, в том числе в зарубежных изданиях.

E-mail: sergey.toropov@novsu.ru

ТОРОПОВА
Елена Владимировна
TOROPOVA
Elena Vladimirovna

Археолог, кандидат исторических наук. В 1989 г. окончила исторический факультет Московского государственного университета

имени М. В. Ломоносова. Работала в государственных органах охраны памятников, с 1996 г. преподает в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого. В настоящее время – директор Гуманитарного института Новгородского университета, завкафедрой истории России и архивоведения. В 2007 г. на кафедре археологии МГУ защитила кандидатскую диссертацию по теме «Памятники археологии Новгородской области: история изучения (XVIII – начало XX в.)». С 1999 г. возглавляет Старорусскую археологическую экспедицию Новгородского университета и руководит археологическими исследованиями летописной Руси – второго по величине города средневековой Новгородской земли. Области научных интересов – история археологического изучения Новгородской земли, актуальные проблемы охраны историко-культурного наследия, археология древнерусского города. Наиболее значимые исследования: работы на Лукинском и Фёдоровском раскопах в Великом Новгороде, многолетнее комплексное изучение культурного слоя Старой Руссы. Является автором более 100 научных статей в отечественных и зарубежных изданиях.

E-mail: elena.toropova@novsu.ru

ТЯНИНА
Елена Анатольевна
TYANINA Elena Anatolyevna

Археолог, специалист по учебно-методической работе кафедры археологии Исторического факультета МГУ (с 2000 г.), научный сотрудник лаборатории истории и археологии средневекового Новгорода (с 2018 г.). В 1992 г. окончила Исторический факультет Московского педагогического университета. С 1991 г. является сотрудником Новгородской археологической экспедиции, работала в качестве специалиста-археолога, с 2004 г. – заместителя начальника раскопа. Научные интересы: история и археология Новгорода, языческие древности средневековой Руси.

E-mail: vyla@yandex.ru

ХВОЩИНСКАЯ
Наталья Владимовна
KHVOSHCHINSKAYA
Natalia Vadimovna

Археолог, доктор исторических наук. Окончила исторический факультет ЛГУ, кафедру археологии (1974 г.). В 1978 г. защитила

кандидатскую диссертацию: «Западные районы Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. (По материалам погребальных памятников)». В 2008 г. защитила докторскую диссертацию: «Славяне и финны на северо-западе Древнерусского государства». Ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН. Зам. главного редактора ежегодника ИИМК РАН «Археологические Вести». Научные интересы: культура населения второй половины I тысячелетия н.э. лесной зоны Восточной Европы, Древняя Русь, финны и скандинавы в Балтийском регионе. Экспедиционная деятельность: 1972–1984 гг. – начальник Гдовского отряда ЛОИА АН СССР, разведки и раскопки памятников в Псковской обл.; с 1973 г. – планомерные раскопки крупного финского некрополя на восточном побережье Чудского озера у дер. Залахтовы; с 1995 г. – н. вр. – Новгородская областная экспедиция ИИМК РАН под руководством Е. Н. Носова, разведки и многолетние раскопки Рюрикова городища под Новгородом (зам. начальника). Автор 107 научных публикаций.

E-mail: kottimoshka85@mail.ru

ХЛОБЫСТИН
Леонид Павлович
KHLOBYSTIN Leonid Pavlovich
(02.03.1931 – 11.03.1988)

Археолог, доктор исторических наук. В 1956 окончил исторический факультет Ленинградского

государственного университета по кафедре археологии, затем – аспирантуру Института археологии АН СССР. С 1961 г. работал в ленинградском отделении Института археологии АН СССР: младший научный сотрудник сектора палеолита, затем ведущий научный сотрудник, заведующий неолитической группой, заместитель заведующего ленинградским отделением института. В 1960 организовал Заполярную экспедицию ленинградского отделения Института археологии, проводил исследования в Арктике (на Кольском полуострове, Шпицбергене), на Таймыре и Ямале. В марте 1983 г. результаты этих исследований обобщил в своей докторской диссертации «Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии». В 1985–1987 им открыты древние святилища с уникальным набором археологических материалов на острове Вайгач и полуострове Югорском. Участвовал также в экспедициях в Крыму, Средней Азии, Байкале, Камчатке, в Эвенкии, на Мезени, Печоре. Его научное наследие составляют свыше 100 научных трудов.

ХОХЛОВ

**Илья Владимирович
KHNOKHLOV Ilya Vladimirovich**

Историк, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Новгородского музея-заповедника. Окончил исторический факультет Новгородского государственного

университета им. Ярослава Мудрого. В 2006 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Исторические традиции гренадерских и пехотных полков Русской армии: опыт изучения и сохранения (1874–1918 гг.)» С 2008 г. работает в отделе комплектования, изучения и популяризации музейных коллекций Новгородского музея-заповедника. Является признанным специалистом в области военной истории. С 2008 г. сотрудник Новгородского музея-заповедника. Область научных интересов: история Великого Новгорода и Новгородской земли, военная история России. Имеет более десятка научных публикаций.

E-mail: ivh1980@mail.ru

**ЯНИН Валентин Лаврентьевич
YANIN Valentin Lavrentievich**

Доктор исторических наук, академик РАН, профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ. Окончил кафедру археологии исторического факультета МГУ в 1951 г. В 1954 г. защитил

кандидатскую диссертацию «Денежно-весовые системы домонгольской Руси», в 1963 г. за книгу «Новгородские посадники» (М., 1962 г.) ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук. В 1966 г. избран членом корр. АН СССР, в 1990 г. – действительным членом РАН. С 1991 по 2001 гг. был членом Президиума РАН, с

2001 г. – советник Президиума РАН. С 1996 г. по 2003 г. занимал пост председателя Российского Государственного научного фонда (РГНФ). В 1978–2015 годах являлся заведующим кафедрой археологии. Заслуженный профессор Московского университета. Впервые в отечественной историографии им разработаны методические приемы комплексного источниковедения, опирающегося на анализ разнородных источников: письменных, археологических, нумизматических и сфрагистических материалов, памятников искусства. На основе анализа этих источников В. Л. Яниным воссозданы история денежно-весовых систем Руси, политических институтов и принципов формирования государственного устройства Новгорода, вотчинной системы Новгородской земли; разработана топография средневекового Новгорода. Он первым использовал берестяные грамоты в качестве исторического источника. Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, золотой медалью С. М. Соловьева, Большой золотой медалью им. М. В. Ломоносова. Лауреат Ломоносовской премии (1966), Государственной премии СССР (1970), Ленинской премии (1984), Демидовской премии (1993), Государственной премии РФ (1996), премии «Триумф» (2002), литературной премии Александра Солженицына (2010). Почетный гражданин Великого Новгорода, почетный член Новгородского общества любителей древностей. Научные интересы: археология и источниковедение средневекового Новгорода, берестяные грамоты, нумизматика, сфрагистика, эпиграфика. Автор более 700 научных работ, в том числе 23 научно-популярных книг. Подготовил 23 кандидатов и 8 докторов наук.

E-mail: arxeolog@gmail.com

**ЯРЫШ Владимир Иванович
YARYSH Vladimir Ivanovich**

Педагог, кандидат педагогических наук. В 1973 году окончил Темиртауское музыкальное училище по специальности Баян (город Темир-Тау, Казахстан).

В 1980 году окончил Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской по специальности. Культурно-просветительная работа. С 1987 года участвует в этнографических экспедициях в Новгородской, Вологодской, Псковской, Тверской областях. Преподаватель Новгородского областного колледжа искусств им. С. В. Рахманинова, руководитель студии декоративно-прикладного искусства Дворца культуры и молодёжи «ГОРОД», Великий Новгород. В 2010 году защитил диссертацию по теме: «Обучение взрослых традиционным народным ремёслам в неформальном образовании». Научные интересы: берестяное ремесло народов России и сопредельных государств; передача ремесленных знаний в историческом аспекте. Автор более 30 научных статей.

E-mail: yarish1@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Югра в сфере влияния Новгородской Земли

<i>Пермская старина (переиздание)</i>	
Сказания «О человецех незнаемых в Восточней стране»	6
<i>Гиппиус А. А.</i>	
К текстологии летописных известий о Югре (Повесть временных лет и Новгородская первая летопись)	16
<i>Рыбина Е. А.</i>	
Топонимы севера в берестяных грамотах	25
<i>Сорокин А. Н.</i>	
Европейская Югра на географических картах XVI–XVIII веков	31
<i>Петрухин В. Я.</i>	
Югра в контексте начальной русской истории	47
<i>Анкудинов И. Ю.</i>	
Отражение в актовых источниках XIII–XV вв. деятельности новгородцев на Севере в Приуралье и Зауралье	53
<i>Гаевская В. В., Кардаш О. В.</i>	
Троицкая церковь Людина конца Новгорода Великого: исторические и архитектурные аспекты	60
<i>Пчелов Е. В.</i>	
Еще раз о югорском гербе.....	198

Археологическое наследие новгородских земель

<i>Андриенко А. В.</i>	
Новгород Великий в освоении Северных территорий (по материалам фондов НГОМЗ)	202
<i>Курбатов В. А.</i>	
Кожевенное ремесло Великого Новгорода: взаимодействие традиций лесной, таежной и тундровой зон	240

Матехина Т. С.

О средневековых кожаных предметах восточного облика
по материалам раскопок в Великом Новгороде 253

Исследования о Югре XIX века**Оксенов А. В.**

Сношения Новгорода Великого с Югорской землей (историко-географический очерк
по древнейшей истории Сибири) – репринт публикации 1885 года 290

Дмитриев А. А.

Пермь и Югра в их взаимном соотношении. Современное состояние вопроса
о древней Югре – репринт публикации 1885 года 311

«Новгородский след» на Югорской Земле**Гайдакова З. Г., Кардаш О. В.**

Торговые отношения Новгорода Великого с Югрой в XIII–XIV веках
(по материалам городища БН и могильника БН-2) 378

Баринов В. В., Омурова Г. Т., Кардаш О. В., Сидорова М. О., Мыглан В. С.

Привлечение археологической древесины с севера Западной Сибири в качестве источника
палеоклиматической информации на примере Надымского городка 390

Курбатов А. В., Визгалов Г. П.

Предметы кожевенно-обувного ремесла из раскопок посада г. Березова в 2008 г. 387

Пархимович С. Г.

Ляпин, Ляб и Чангил (к этимологии топонимов и локализации летописных городков
и княжеств обских угров) 407

Курлаев Е. А.

Летописная «югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ? 422

Кардаш О. В., Визгалов Г. П.

Академическая история Ханты-Мансийского автономного округа – Югры:
принципы создания региональной истории на взгляд югорских археологов 437

Резолюция Всероссийской конференции «Археология Севера России:

Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках» (г. Сургут, 1–5 октября 2018 года) 475

Сведения об участниках конференции «Археология Севера России:

Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках» и авторах сборника статей 483

CONTENTS

Ugra in the sphere of influence of Novgorod Land

“About people unknown in the Eastern country” tales.....	6
Gippius A. A. The textual study of Ugra mentions in ancient chronicles (The Tale of Bygone Years and the Novgorod First Chronicle)	16
Rybina E. A. Toponyms of the North in birch bark documents	25
Sorokin A. N. European Ugra on the geographic maps of the 16th –18th centuries	31
Petruhin V. Ya. Ugra in the context of the initial Russian history.....	47
Ankudinov I. Yu. The reflection of the Novgorodian activity in the North, Ural and Zauralye in the assembly sources of the 13th – 14th centuries	43
Gaevskaya V. V., Kardash O. V. The Troitskaya (Trinity) Church of the Lyudin End of Novgorod the Great: historical and architectural aspects.....	60
Pchelov E. V. A few more words about Ugra Coat of Arms.....	198

Archeological heritage of Novgorod lands

Andrienko A. V. Novgorod the Great in the development of the Northern territories (based on materials of Novgorod State Integrated Museum Reserve)	202
Kurbatov V. A. Leathercraft of Novgorod the Great: the interactions between the traditions of forest, taiga and tundra zones	240

Matehina T. S.

The medieval leather objects with oriental guise from materials
of the excavations in Novgorod the Great 253

Research on Ugra in the 19th century**Oksenov A. V.**

Relations between Novgorod the Great and Ugra land (Historical and geographical essay
on the ancient history of Siberia)..... 290

Dmitriev A. A.

Perm and Ugra in their mutual relationship.
The current state of the question of Ancient Ugra 311

«Novgorod trace» on Ugra land**Gaidakova Z. G., Kardash O. V.**

Trade relations between Novgorod the Great and Ugra in the 13th – 14th centuries
(based on the materials from the BN ancient settlement and the BN-2 burial site)..... 368

Barinov V. V., Omurova G. T., Kardash O. V., Sidorova M. O., Myglan V. S.

The investigation of the use of archeological wood from the north of Western Siberia as a source
of paleoclimatic information based on materials from Nadym'sky gorodok 391

Kurbatov A. V., Vizgalov G. P.

Leather and footwear craft objects from the excavations of the Berezov Posad in 2008..... 387

Parkhimovich S. G.

Lyapin, Lyab and Changil (the etymology of the place names and the localization
of the chronicle towns and principalities of the Ob Ugrians)..... 407

Kurlaev E. A.

Chronical “Ugra”: vanished name or vanished people?..... 433

Kardash O. V., Vizgalov G. P.

Academic history of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra: principles
of the creation of regional history according to the Ugra archeologists..... 437

The resolution of the All-Russian Conference “Archeology of the North of Russia:

Ugra is the township of Novgorod the Great in the 11th – 15th centuries”
(Surgut, October 1–5, 2018) 475

The information about the participants of the conference “Archeology of the North of Russia:

Ugra is the township of Novgorod the Great in the 11th – 15th centuries”
and the authors of the collected scientific papers 483

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА РОССИИ:
ЮГРА – ВОЛОСТЬ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО В XI–XV ВВ.
СВОД ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ**

Часть II

Сборник материалов
Всероссийской научной конференции
г. Сургут, 1–5 октября 2018 г.

Автор идеи, руководитель проекта – *канд. ист. наук О. В. Кардаш*

Редакционная коллегия – *д-р ист. наук Е. А. Рыбина, д-р ист. наук Н. В. Хвоцинская,
д-р ист. наук А. И. Сакса, д-р ист. наук А. В. Курбатов, канд. ист. наук Б. Б. Овчинникова*
Ответственный редактор – *д-р ист. наук В. А. Лапшин*

Рецензенты – *д-р ист. наук Н. М. Чаиркина, д-р ист. наук И. В. Побережников*
Издательская группа – *канд. ист. наук О. В. Кардаш, канд. ист. наук Б. Б. Овчинникова,
З. Г. Гайдакова, В. В. Гаевская*

Техническое редактирование иллюстративного ряда – *Е. В. Шилинг*

Для оформления использованы фотографии, сделанные О. В. Кардашем: на обложке –
Храм Троицы Живоначальной г. Великий Новгород; на шмуцтитутах: Кремль г. Великий
Новгород (С. 7), фрагмент челобитной остяков Сургутского уезда царю Петру Алексеевичу
1696 г. (С. 33), Полярный Урал (С. 333). Для оформления шмуцтитута (С. 215) использована
фотография: Великий Новгород. Троицкий раскоп (XIII и XIV). Фото Е. Б. Шипаева. 2007 г.
Для оформления шмуцтитута (С. 215) использована фотография: Софийский собор Великого
Новгорода. Фото Е. А. Рыбиной. 2009 г.

Редактор-корректор – *М. Ю. Сидельникова, Н. Г. Кайгородова*
Оформление, верстка – *Е. В. Шилинг*
Перевод – *Е. А. Гирченко*

Издательская группа АНО «Институт археологии Севера»
628305, РФ, ХМАО – Югра, г. Нефтеюганск, Тюменская обл., а/я 542
e-mail: archeonord-izd@yandex.ru

Подписано в печать 29.06.2019
Формат 60×90/8. Печать офсетная. Усл. печ.л. 58,13.
Тираж 200 экз. Заказ № _____.

Отпечатано в типографии ООО «Форт Диалог-Исеть»
620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 75

ARCHEOLOGY OF THE NORTH OF RUSSIA:
«UGRA – THE COUNTY OF NOVGOROD
THE GREAT IN THE XI-XV CENTURIES»

(A COLLECTION OF SOURCES AND STUDIES)

PART II